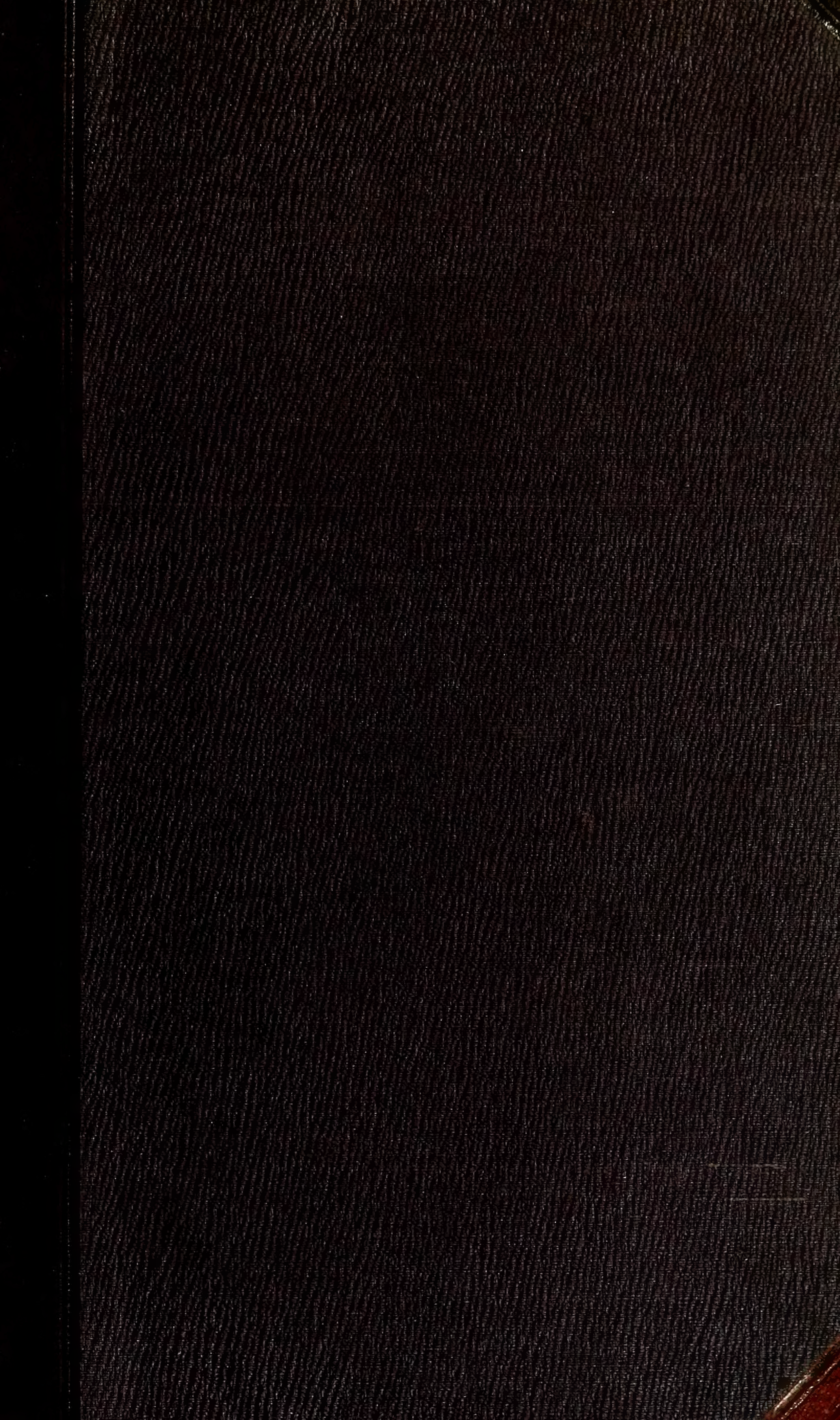

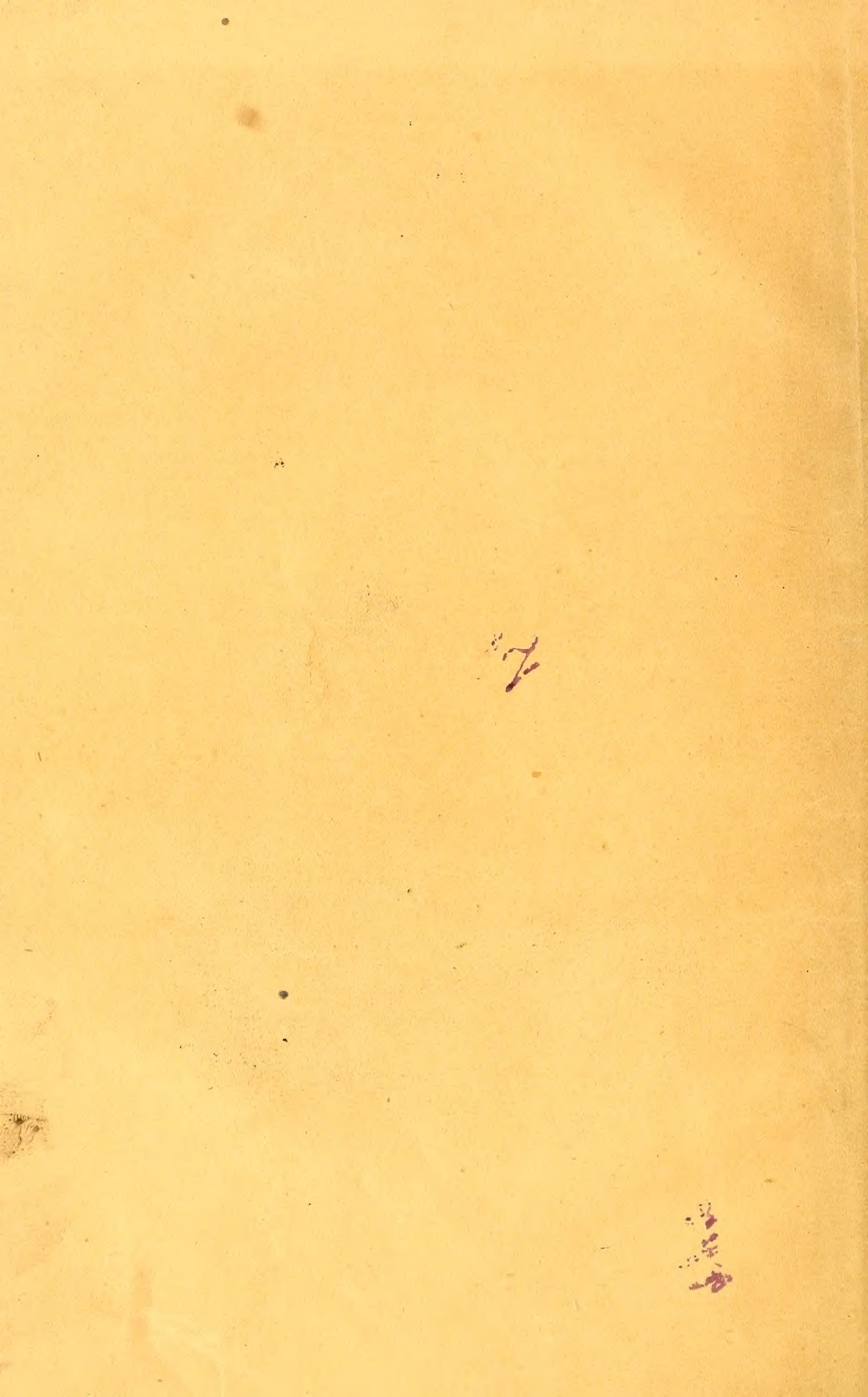
ПОѢЗДКА НА СИНАЙ

УМАНЦА

Ч. 1.

1850.

ПОѢЗДКА НА СИНАЙ

СЪ ПРІОБЩЕНІЕМЪ ОТРЫВКОВЪ

О

ЕГИПТѢ И СВЯТОЙ ЗЕМЛѢ.

А. Уманца.

СЪ 3 КАРТАМИ И 10 РИСУНКАМИ.

Да се списахъ путь сей и мѣста сіи святая, не возносяся, ни величаяся путемъ симъ, яко добро сотворивъ что на пути семъ; не буди то... списахъ все, еже видѣхъ очима своима.

Игуменъ Даніилъ.

ЧАСТЬ I.

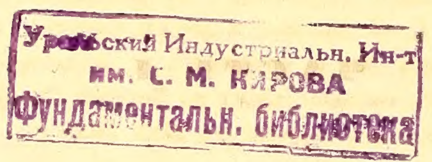

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
въ типографіи III Отдѣленія Собст. Е. И. В. канцеляріи.
1850.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. Апрѣля 2 дня 1849 года.

Ценсоръ ***А. Фрейгангъ.***

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ ОТЪ АВТОРА.

Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго по ходатайству Новороссійскаго и Бессарабскаго Генералъ-Губернатора и Намѣстника Кавказскаго, князя М. С. Воронцова, была отправлена на Востокъ особая карантинная коммиссія, для произведенія опытовъ очищенія зачумленныхъ вещей посредствомъ усиленной теплоты. Она состояла изъ трехъ чиновниковъ Одесскаго карантина: предсѣдателя (главнаго медика Д. С. С. Врачко) и двухъ членовъ; однимъ изъ послѣднихъ былъ назначенъ я, и этому случаю обязанъ своимъ путешествіемъ по Востоку (*). Коммиссія отправилась изъ Одессы въ Маѣ 1842 г.

(*) Въ то время я занималъ должность Директора Карантиннаго дома. Другимъ членомъ былъ шт.-лек. Черниковъ, въ послѣдствіи умершій. При насъ находилось также два унтеръ-офицера карантинной стражи: Киселевъ и Полосухинъ; послѣдній умеръ отъ чумы въ Каирѣ, во время произведенія коммиссіею своихъ опытовъ.

Подробности опытовъ, имѣвшихъ вполнѣ удовлетворительный результатъ, изложены въ особомъ отчетѣ коммиссіи, напечатанномъ въ 1845, по приказанію г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

Пользуясь отсуствіемъ чумы въ Египтѣ и еще за долго до начала этихъ опытовъ, я съѣздилъ въ Верхній Египетъ, до перваго водопада Нила и острова Филе; а когда опыты въ Египтѣ были окончены, отправился на Синай и чрезъ 15 дней воротился къ своимъ товарищамъ, чтобы предпринять обратный путь въ Россію.

Въ концѣ Іюня 1843 г. мы оставили Каиръ и направились въ Одессу: товарищи мои прямымъ путемъ чрезъ Александрію и Константинополь, а я чрезъ Даміэттъ и Сирію. Изъ Даміэтта, я поплылъ на арабскомъ одно-мачтовомъ суднѣ въ Яффу и, выдержавъ тамъ 10-ти дневный карантинъ, поспѣшилъ въ Іерусалимъ; отсюда я посѣтилъ, кромѣ всѣхъ окрестностей Святаго города, Виѳлеемъ, монастырь Св. Саввы, Мертвое море, Іорданъ и Іерихонъ. Потомъ изъ Іерусалима направился, чрезъ Наплузъ (бывшій Сихемъ) и развалины Самаріи, въ Назаретъ, на гору Ѳаворъ и Тиверіаду, далѣе, чрезъ Кану Галилейскую и опять чрезъ Назаретъ, въ Каифу и на гору Кармель, а за тѣмъ на рыбачьей лодкѣ, чрезъ С.-Жанъ-д'Акръ, Сайду (Сидонъ) и Суръ (Тиръ), въ Байрутъ. Оттуда сухимъ путемъ я поѣхалъ чрезъ Деиръ-эль-Камаръ въ Дамаскъ, а потомъ, чрезъ Селевкію, Бальбекъ и главный хребетъ Ливанскихъ горъ, воротился въ Байрутъ. Здѣсь я сѣлъ на турецкій пароходъ, заходившій по пути въ Кипръ и Родосъ, и вышелъ на берегъ въ Смирнѣ. Еще прежде, проѣздомъ въ Египетъ, мною посѣщены

были Никомедія, Никея, Брусса, вершина Олимпа Фригійскаго и Магнезія. По выдержаніи въ Смирнѣ вторичнаго, 15-ти дневнаго карантина, я поспѣшилъ въ Константинополь.

Еще изъ Египта коммиссія наша доносила князю Воронцову, о необходимости повторить чумные опыты того-же рода въ Россіи, въ глазахъ начальства и на европейцахъ. Съ этой цѣлію, она отдѣлила и сохранила съ должными предосторожностями часть вещей, снятыхъ съ чумно-больныхъ и очищенныхъ новымъ способомъ. На это предложеніе, по докладу его г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, графомъ Л. А. Перовскимъ, послѣдовало Высочайшее соизволеніе.

Разрѣшеніе это встрѣтило меня въ Константинополѣ, и я, по распоряженію начальства, былъ вторично отправленъ на русскомъ военномъ бригѣ въ Египетъ за оставленными тамъ вещами, а въ послѣднихъ числахъ Октября 1843 г., благополучно прибылъ изъ Египта въ Одессу, гдѣ долженъ былъ выдержать еще третій, 14-ти дневный карантинный терминъ.

Во все время бытности моей на Востокѣ, я велъ путевыя записки, изъ которыхъ многіе отрывки были напечатаны въ разныхъ журналахъ. Потомъ, по приглашенію нашего извѣстнаго путешественника и писателя, А. С. Норова, я написалъ свою Поѣздку на Синай, оконченную въ рукописи еще за три года предъ симъ и только теперь представляемую суду русской читающей публики.

Хотя Синай часто былъ посѣщаемъ русскими поклонниками, но изъ нихъ только четыре написали свои путешествія; именно: 1) Московскіе купцы Трифонъ

Коробейниковъ и Юрій Грековъ, ѣздившіе къ Святымъ мѣстамъ по волѣ царя Іоанна Васильевича, для поминовенія царевича Іоанна Іоанновича, въ 1582 г.; 2) Василій Гогара, родомъ изъ Казани, въ 1634 г.; 3) Пѣшеходецъ Василій Григоровичъ Барскій — Плака-Албовъ, уроженецъ Кіевскій, монахъ Антіохійскій, въ 1723 — 1747 г.; путешествіе его, вполнѣ замѣчательное и весьма любопытное, всѣмъ извѣстно; и наконецъ 4) Киръ Бронниковъ, въ 1820 — 1821 г., котораго книга довольно недостаточна и поверхностна.

Такимъ образомъ, со времени Барскаго, ни кто изъ русскихъ, бывшихъ на Синаѣ, не представилъ возможно-полнаго описанія своего путешествія. Въ представляемомъ нынѣ трудѣ, кромѣ путевыхъ замѣтокъ, приведены новѣйшія изслѣдованія европейскихъ ученыхъ и въ особенности Ед. Робинзона и Смидта, о пути, по которому слѣдовали Израильтяне, по выходѣ ихъ изъ Египта, и о многихъ обстоятельствахъ пребыванія ихъ въ пустынѣ, соображенныхъ съ текстомъ Св. Писанія; и потому осмѣливаюсь думать, что если не самый трудъ, то по-крайней-мѣрѣ предметъ этого труда обратитъ на себя благосклонное вниманіе нашихъ читателей.

Когда рукопись о Синаѣ была уже въ печати, А. С. Норовъ, снабжавшій меня всѣми нужными учеными пособіями изъ своей богатой и прекрасно составленной библіотеки, далъ мнѣ мысль: пріобщить къ этому труду, въ видѣ добавленія, статьи мои о Египтѣ и Святой Землѣ, которыя уже были напечатаны. Слѣдуя этому доброму совѣту, я собралъ лучшія изъ моихъ статей, исправилъ ихъ, дополнилъ и также представляю суду публики, во второй части.

Въ заключеніе имѣю честь добавить, что если теперешній трудъ мой заслужитъ благосклонность публики, то, ободренный ея вниманіемъ, я постараюсь привести въ порядокъ и въ приличный видъ остальныя мои записки о Востокѣ, или по-крайней-мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которыя будутъ болѣе любопытны и еще не устарѣли отъ времени.

ПОѢЗДКА НА СИНАЙ.

(1843.)

Аврааму Сергѣевичу

Норову,

Автору Путешествія по Святой Землѣ и проч.

Будучи въ послѣднее время заняты изданіемъ въ свѣтъ своего путешествія къ семи церквамъ, упоминаемымъ въ Апокалипсисѣ, Вамъ угодно было вызвать меня на приведеніе въ порядокъ записокъ моихъ о Синаѣ. Кому же приличнѣе, какъ не Вамъ, могу я посвятить ихъ? Это тѣмъ болѣе справедливо, что безъ того записки мои остались бы на-долго, а можетъ быть и на всегда въ моемъ портфелѣ. Я ихъ повѣрилъ и пополнилъ данными и свидѣтельствами, которыя нашелъ у моихъ предшественниковъ, и въ особенности у Лаборда и неутомимаго Робинзона; но служебныя занятія и теперь едва дали мнѣ возможность привести ихъ въ тотъ видъ, въ какомъ онѣ могутъ показаться въ печати. Слѣдовательно, если трудъ мой окажется полезнымъ, то этимъ я обязанъ Вамъ.

Съ Вашею книгою въ рукахъ я путешествовалъ по Святой Землѣ. По полнотѣ и вѣрности указаній, я находилъ въ ней отвѣты на всѣ вопросы, какія только на пути мнѣ встрѣчались, и еще съ этого, за-очнаго знакомства сталъ уважать Васъ всею душею, какъ автора правдиваго, добросовѣстнаго и нежалѣвшаго трудовъ своихъ. Такимъ же правдивымъ и добросовѣстнымъ я старался быть и въ описаніи Поѣздки моей на Синай, и почту себя вполнѣ вознагражденнымъ, если этотъ первый, отдѣльный, трудъ мой заслужитъ одобреніе Ваше и тѣхъ, кому въ руки онъ попадется; за вѣрность же описаній смѣю ручаться, потому что, говоря словами игумена Даніила, приведенными въ эпиграфѣ къ этому труду, *списахъ все, еже видѣхъ очима своима.*

въ знакъ глубочайшаго уваженія и искренняго почитанія,

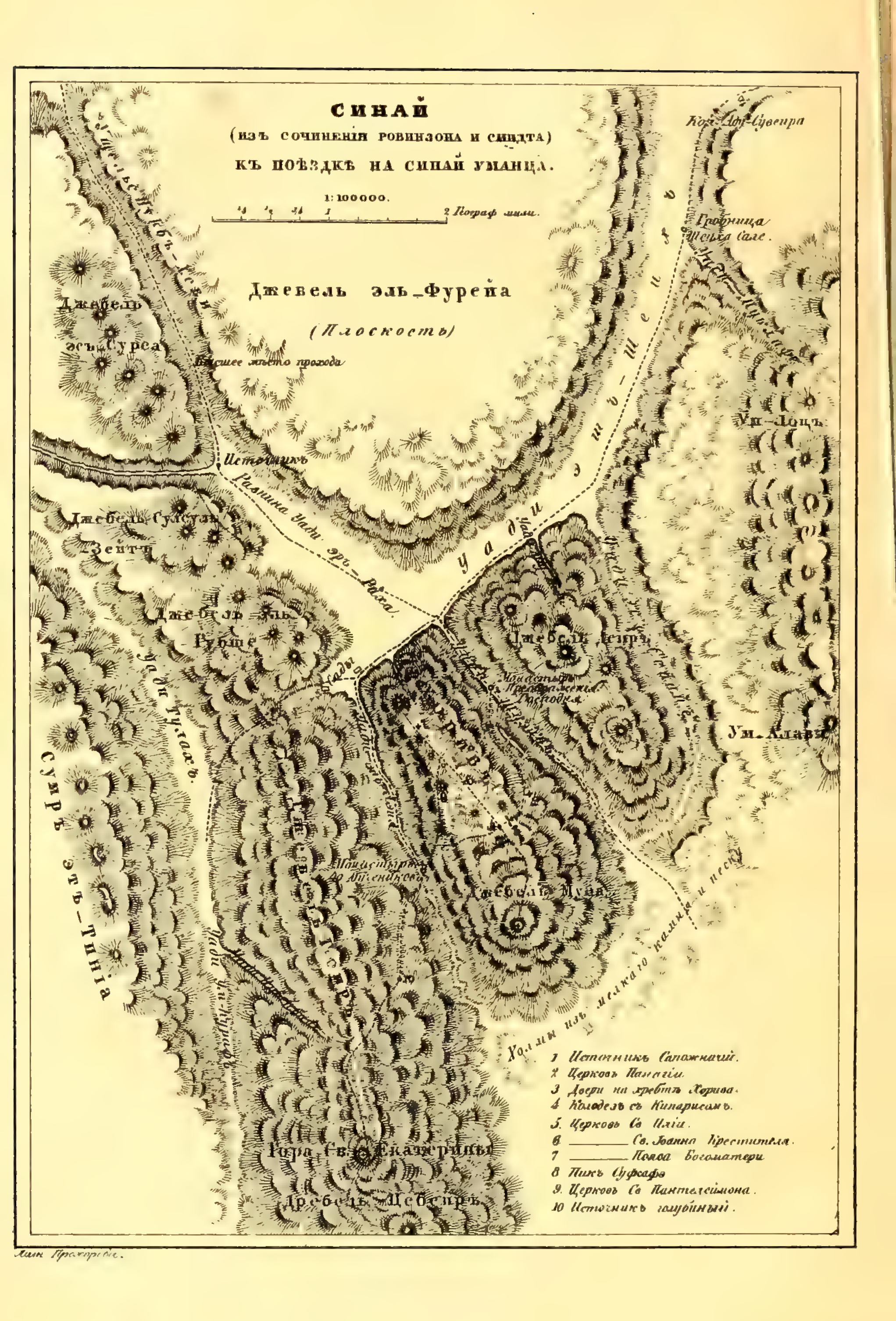
ПОСВЯЩАЕТЪ

А. Уманецъ.

14 Марта 1847 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРИЛАГАЮТСЯ КЪ I-ой ЧАСТИ:

СИНАЙ
(изъ сочиненія Робинзона и Смита)
КЪ ПОѢЗДКѢ НА СИНАЙ УМАНЦА.
1:100000.
2 Географ. мили.
Джебель эль-Фурейа
(Плоскость)
Высшее мѣсто прохода
Джебель
эсъ-Суреа
Источникъ
Равнина Уади эръ-Раха
Джебель Сульсуль
-Зейтъ
Джебель эль-
Рубше
Уади Тулахъ
Уади эш-Шейхъ
Гробница
Шейха Сале
Ум-Лоцъ
Джебель Аигръ
Монастырь
Преображенія
Господня
Ум-Алави
Джебель Муза
Монастырь
40 Мучениковъ
Сукръ эть-Тинія
Холмы изъ мелкаго камня и песку
Гора Св. Екатерины
Джебель Шебейръ
1 Источникъ Сапожничій.
2 Церковь Панагіи.
3 Двери на хребтѣ Хорива.
4 Колодезь съ Кипарисомъ.
5. Церковь Св. Иліи.
6 ———— Св. Іоанна Крестителя.
7 ———— Пояса Богоматери
8 Пикъ Суфсафэ
9. Церковь Св. Пантелеймона.
10 Источникъ голубиный.
Лит. Прохорова.

ПОѢЗДКА
на Синай.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Подворье Синайскаго монастыря въ Каирѣ.

Пріѣхавъ въ Египетъ, я имѣлъ два предположенія: съѣздить на развалины Ѳивъ и, если можно, къ водопаду Нила, а потомъ на Синай. Къ первому приступилъ я очень скоро, по удобству зимняго пути и благопріятствовавшимъ мнѣ обстоятельствамъ; на Синай я могъ собраться ѣхать не ранѣе послѣдняго времени моего пребыванія въ Египтѣ, и намѣреніе это едва было не рушилось. Но за то, если бы не было необходимости въ моемъ возвращеніи отъ Синая въ Каиръ, я бы, конечно, рѣшился пробраться отъ туда въ Акабу, Петру и потомъ проѣхать прямо къ Мертвому Морю и въ Іерусалимъ. Обстоятельства рѣшили иначе, и я попалъ въ Палестину другимъ, менѣе опаснымъ пу-

темъ, хотя и чрезъ зачумленныя въ то время мѣста, чрезъ Даміэтту и Яффу.

Намѣреніе быть на Синаѣ я питалъ въ себѣ еще съ самаго выѣзда изъ Россіи. Съ этой цѣлію, проѣздомъ чрезъ Константинополь, я познакомился съ Архіепископомъ Синайской горы, Констандіусомъ, воспитывавшимся въ Кіевской духовной Академіи и служившимъ въ духовномъ санѣ долгое время у насъ, въ Россіи. Будучи уже въ званіи Архимандрита и украшенный орденомъ Св. Анны, онъ былъ избранъ, по смерти своего дяди, въ настоящій санъ, и отправился къ новому своему назначенію, не взирая на убѣжденія остаться въ Россіи. Онъ хорошо образованъ, знаетъ русскій и французскій языки, говоритъ на нихъ довольно свободно, много читалъ, и въ бесѣдѣ его всякій ученый европеецъ найдетъ много интереснаго. Авторъ Исторіи Крестовыхъ походовъ, Мишо, въ письмахъ своихъ о Востокѣ, говоритъ о немъ съ большою похвалою. Живетъ онъ безвыѣздно на Антигонѣ, одномъ изъ Принцевыхъ островОвъ, ведетъ жизнь весьма скромную, умѣренную и въ пріемѣ гостей весьма привѣтливъ. Узнавъ о намѣреніи моемъ посѣтить Синайскій монастырь, онъ далъ мнѣ рекомендательныя письма, какъ въ самый монастырь, такъ и къ своему намѣстнику въ Египтѣ.

Намѣстникъ Архіепископа, или, какъ другіе называютъ его, настоятель Св. горы Синайской, постоянно живетъ въ Каирѣ, какъ въ центрѣ властей Египта, для защиты, въ случаѣ надобности,

правъ монастырскихъ и для снабженія горной обители продовольствіемъ и всѣмъ нужнымъ для ея содержанія въ безплодныхъ горахъ. Онъ помѣщается на Синайскомъ подворьи, находящемся въ Джованіи, одномъ изъ кварталовъ восточной части города, близъ городскихъ воротъ Бабъ-эль-Насръ. Это подворье состоитъ изъ трехъ или четырехъ смежныхъ дворовъ, изъ которыхъ въ двухъ, соединенныхъ воротами, помѣщаются настоятель и монахи; прочіе отдаются въ наемъ. Дворы, по обычаю края, обнесены частію высокими каменными стѣнами, а болѣе жилыми строеніями, изъ которыхъ на улицу нѣтъ оконъ, кромѣ одного только мѣста, при главныхъ воротахъ. Всѣ вороты сбиты изъ толстыхъ досокъ и наружная сторона ихъ плотно покрыта желѣзными полосами. Съ закатомъ солнца, они запираются на замокъ и всякое сообщеніе жителей подворья съ городомъ прекращается на всю ночь, до утра.

Подъ вѣдѣніемъ намѣстника живутъ здѣсь теперь (1843) двадцать два монаха, большею частію изъ грековъ, не многіе изъ болгаръ и молдаванъ, и одинъ изъ русскихъ. Первенствуютъ греки; изъ нихъ одинъ, отецъ Николай, молодой человѣкъ 24-хъ лѣтъ, имѣетъ, какъ онъ говорилъ мнѣ, ревностное желаніе посвятить себя наукамъ; для этого онъ самоучкою достигъ нѣкотораго знанія въ русской грамотѣ и просится въ Кіевскую Академію, для изученія Философіи, Богословія и языковъ Европы; онъ ждалъ тогда разрѣшенія на это отъ

Архіепископа изъ Константинополя. Русскій монахъ, по имени Зосима, осьмидесятилѣтній старецъ; уже болѣе полстолѣтія, какъ онъ оставилъ родину и живетъ здѣсь 40 лѣтъ. Онъ родомъ изъ Кременчуга, малороссіянинъ, и потерялъ уже всякую надежду когда-либо перенести свои кости на родныя степи; по наружности, онъ хотя сѣдъ, какъ лунь, но, для лѣтъ своихъ, тѣломъ еще бодръ и свѣжъ. Впрочемъ нельзя не замѣтить, что и всѣ вообще монахи Синайскаго подворья крѣпки силами и свѣжи лицемъ. Этимъ въ особенности отличался почтенный настоятель, человѣкъ около 50 лѣтъ, привѣтливый, радушный. Всѣ они уклоняются отъ житья на Синаѣ; даже старикъ Зосима, когда настоятель, откровенно говоря мнѣ объ этомъ, обратился къ нему съ вопросомъ и съ улыбкой, не хочетъ ли онъ туда ѣхать, замолчалъ и не далъ отвѣта. Самъ настоятель, будучи на этомъ мѣстѣ уже два года, еще ни разу тамъ не былъ.

По не имѣнію на подворьи церкви, литургіи здѣсь не бываетъ; находятся же двѣ часовни, устроенныя въ общемъ зданіи. Одна изъ нихъ очень тѣсна и, по убранству, слишкомъ проста и бѣдна; другая довольно просторна, свѣтла и содержится въ большой опрятности. Въ нихъ отправляются часы, утреннія и вечернія молитвы. Въ послѣднюю часовню входятъ чрезъ просторную Архіепископскую гостинную комнату, увѣшанную картинами старинной работы и портретами прежде бывшихъ Архіепископовъ. По неимѣнію церкви, под-

ворье это, въ строгомъ смыслѣ, нельзя назвать монастыремъ, хотя нѣкоторые и даютъ ему это имя; но предъ симъ, лѣтъ за сто слишкомъ, была здѣсь церковь въ отдѣльномъ зданіи, смежномъ съ подворьемъ. Всѣ каирскіе христіане ее любили, ее одну только посѣщали и почти со всѣмъ забыли церковь мѣстную, городскую, находящуюся подъ вѣдѣніемъ Александрійскихъ Патріарховъ. Это произвело, какъ разсказывалъ мнѣ намѣстникъ Синайскій, нѣкоторое неудовольствіе, а потомъ, въ слѣдствіе бахшишей тогдашнимъ правителямъ Египта, монастырская церковь была уничтожена и обращена въ мечеть, минаретъ которой и теперь возвышается у самыхъ стѣнъ монастырскихъ.

Извѣстный пѣшеходецъ Барскій, въ своемъ путешествіи по Святымъ мѣстамъ, упоминаетъ объ этомъ обстоятельствѣ подъ 1727 годомъ, говоря, что «Иноки Синайстіи приходятъ въ церковь Па-«тріаршую служити службы Божіей по вся недѣли «и праздники, понеже въ своемъ подворьи церкви «не имутъ, токмо часовню; прежде же имѣяху, «но бывшимъ сварамъ между ими и Патріархомъ «Александрійскимъ Козьмою, отъяша Турки и со-«твориша свой мечеть.» Патріархъ этотъ сидѣлъ еще на Александрійскомъ Престолѣ, когда Барскій былъ въ Египтѣ, и въ это же время онъ помирился съ Синайскимъ Архіепископомъ. Барскій весьма хвалитъ этого Патріарха и говоритъ объ немъ съ признательностію за привѣтливость его и ласки, которыя до того простирались, что даже онъ усерд-

но приглашалъ Барскаго къ себѣ въ монахи. «Азъ «въ Египтѣ во дворѣ его, добавляетъ онъ, съ прочими иноки пищею и питіемъ питаемъ довольно, «якоже во дворѣ родившаго мя отца, и обитахъ «тамо, ожидающи день отъ дня удобнаго времени «путешествію моему, въ Греческомъ поучаяся язы-«ку; славя же и благодаривъ Бога и благодателя «моего, Святѣйшаго Патріарха Александрійскаго «Козьму; труда же и дѣла чуждаго ни каковаго же «не имѣхъ, развѣ токмо на свою потребу.» «Любиху же мя иноки всѣ, Патріарха ради, понеже «мя онымъ любезно вручи.»

Въ вѣдѣніи Синайскаго монастыря имѣется нынѣ всего около пятидесяти монаховъ. Изъ нихъ на Синаѣ живетъ менѣе, чѣмъ половина, всего двадцать два человѣка; два или три въ Торѣ, городкѣ на восточной сторонѣ Суесскаго залива, для завѣдыванія тамошнею церковію, монастырскими садами и домами; столько же при Архіепископѣ въ Константинополѣ; и двадцать два человѣка на Джованійскомъ подворьи. Жизнь на Синаѣ считается самою трудною и всѣ, какъ только возможно, ее избѣгаютъ. Для увеличенія числа своей братіи, они готовы принять къ себѣ въ монахи, каждаго желающаго, даже безъ всякаго денежнаго съ его стороны пожертвованія, и, конечно, верхъ блаженства ихъ былъ бы тогда, если бы всѣ многочисленныя помѣщенія подворья и самаго монастыря на Синаѣ были наполнены отшельниками ихъ братства. По тягости ли жизни,

по скудности ли средствъ къ существованію, по отдаленности ли отъ родины и вообще отдаленности Синая отъ мѣстъ населенныхъ, монахи остаются въ вѣдѣніи монастыря обыкновенно не долго. Рѣдкой изъ нихъ проживетъ здѣсь лѣтъ пять, и отецъ Зосима составляетъ въ этомъ случаѣ рѣдкое исключеніе. Кромѣ его впрочемъ есть еще одинъ монахъ въ Торѣ, завѣдывающій тамъ, монастырскими имуществами и который годами двумя еще старѣйшій, чѣмъ Зосима, жилецъ подъ вѣдѣніемъ Синайскаго монастырскаго управленія. Настоятели Св. горы Синайской, или намѣстники Архіепископа, суть почти безъотчетные распорядители поступающихъ къ нимъ изъ разныхъ сторонъ монастырскихъ доходовъ, на счетъ которыхъ содержится монастырь и подворье; они также не всегда остаются долго на этихъ мѣстахъ.

Намѣстникъ назначается по выбору Сунода Синайскаго и усмотрѣнію Архіепископа, изъ среды братій или же изъ постороннихъ. Особа Архіепископа выбирается также Сунодомъ; но при этомъ берется въ основаніе воля его почившаго предшественника. Теперешній настоятель прибылъ сюда на это мѣсто изъ Кипра, родины своей и самаго Архіепископа Констандіуса. Однажды, на вопросъ мой о монастырскихъ доходахъ, онъ отозвался, что, при хорошемъ управленіи, можно бы было получать сотни тысячъ рублей дохода. Нѣтъ почти ни одного, сколько нибудь значительнаго, города на Востокѣ, гдѣ бы не было садовъ, хановъ (постоя-

лыхъ дворовъ) и домовъ, принадлежащихъ Синайскому монастырю; Греція, Россія, Валахія, въ особенности Молдавія, Константинополь, даже Бенгалъ и Голконда, въ Остъ-Индіи (*), даютъ ему каждая значительные доходы съ земель и домовъ, подаренныхъ и завѣщанныхъ монастырю въ разное время. Но все это управляется не удовлетворительнымъ образомъ. Это впрочемъ естественно, потому что имѣнія находятся такъ далеко отъ прямыхъ хозяевъ. Управляющіе и арендаторы смѣняются часто, а повѣрять ихъ на мѣстѣ, по дальнему разстоянію, нѣтъ почти никакой возможности. По этому, монастырскіе доходы до прямаго своего назначенія доходятъ далеко не полностію. Въ Синайскій монастырь, на счетъ этихъ суммъ, посылаются изъ Каира разные съѣстные припасы: мука, бобы, маслины, разное зерно, масло, уксусъ и разныя вещи для одежды: холстъ, толстое сукно, башмаки и пр. Караванъ монастырскихъ верблюдовъ съ этими вещами отправляется туда по одному и по два раза въ мѣсяцъ.

Намѣстникъ Архіепископа въ лицѣ своемъ представляетъ мѣстнаго начальника и защитника монастыря. У него подъ рукою всѣ фирманы и документы, для доказательства правъ своихъ, и если встрѣтится надобность, онъ, вооруженный ими и, по обычаю страны, достаточнымъ бахшишемъ въ

(*) Въ Бенгалѣ у нихъ одинъ, а въ Голкондѣ два священника.

карманѣ, является къ мѣстнымъ властямъ съ просьбою о защитѣ правъ и преимуществъ, дарованныхъ монастырю властителями Египта.

Первый фирманъ, о неприкосновенности монастыря и свободѣ отправленія въ немъ Богослуженія, данъ былъ самимъ Мухаммедомъ. Когда онъ одержалъ первую замѣчательную побѣду надъ идолопоклонниками Кореишитами у Бедра (1 Марта 622) и чрезъ нее сдѣлался страшнымъ во всей Аравіи, то Синайскій монастырь, знавши его знакомство съ нѣкоторыми монахами въ Сиріи и Аравіи, послалъ къ нему свою депутацію съ поздравленіемъ и подарками. Депутація была принята весьма ласково, и обратно въ монастырь привезла съ собою самый благосклонный фирманъ. Архіепископъ же Констандіусъ въ книгѣ своей «Египтіада», на новогреческомъ языкѣ, гдѣ онъ собралъ свѣдѣнія о Святыхъ мѣстахъ и Христіанствѣ въ Египтѣ, говоритъ, что «Мухаммедъ, бывъ доволенъ пріемомъ, сдѣланнымъ ему на Синаѣ, въ началѣ его проповѣданія, и замѣтивъ, что правила Синаитовъ заключались въ тихой и благочестивой жизни, въ знакъ благодарности далъ своимъ наслѣдникамъ письменное завѣщаніе, которымъ подтвердилъ прежнія привиллегіи, Юстиніаномъ данныя, и добавилъ къ нимъ еще и свои». Фирманъ былъ написанъ на кожѣ газели куфическими буквами, а вмѣсто подписи была приложена на немъ, въ буквальномъ смыслѣ, десница Мухаммеда.

Всѣ мусульмане признали данныя монастырю

преимущества, какъ не прикосновенную святыню; а Султанъ Селимъ I, когда, по завоеваніи Египта въ 1517 году, Синаиты представили ему завѣщаніе Мухаммеда и просили его защиты, отозвался (какъ говоритъ Констандіусъ), что нашелъ неоцѣненный кладъ и что не столько радуется покоренію Египта, сколько пріобрѣтенію такой драгоцѣнности. Подлинникъ фирмана онъ потребовалъ къ себѣ и съ того времени этотъ документъ хранится, вмѣстѣ съ клочкомъ бороды Мухаммеда и кускомъ его хитона, въ Султанской сокровищницѣ Стамбула, ключъ отъ которой находится у самаго Султана и куда входъ для Христіанъ до сихъ поръ не возможенъ. Вмѣсто подлинника, онъ выдалъ въ монастырь переводъ съ этого фирмана на Турецкій языкъ, для ближайшаго уразумѣнія его Турецкими правителями Египта. Къ переводу сдѣлано вступленіе и заключеніе въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ въ восточномъ вкусѣ.

Этотъ фирманъ былъ полезенъ Христіанамъ во многихъ случаяхъ, а наконецъ въ полной коммиссіи, назначенной Турецкимъ правительствомъ въ 1810 году, для разбирательства распрей Грековъ съ Армянами на счетъ Гроба Господня, былъ торжественно прочитанъ, какъ доказательство правъ греческаго народа.

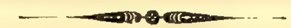
Намѣстникъ показывалъ мнѣ копію этого перевода, написанную на большомъ толстомъ бумажномъ листѣ красными и черными чернилами; первые употреблены тамъ, гдѣ говорилось о Богѣ, о

Его милостяхъ, объ особѣ пророка и его высокихъ добродѣтеляхъ. Вокругъ текста была кайма, разцвѣченная и раззолоченная; въ верху, во всю широту листа, отдѣлено мѣсто въ три вершка высотою, раздѣленное на три равные четвероугольника, изъ которыхъ въ правомъ нарисована мечеть съ минаретомъ и кипарисами, напоминающая храмъ «Кааба» въ Меккѣ; въ среднемъ, засвидѣтельствованіе въ вѣрности копіи; въ лѣвомъ, представлена въ маломъ и довольно безобразномъ видѣ черною краскою десница Мухаммеда съ пятью короткими пальцами, распростертыми въ разныя стороны.

По свѣжести бумаги, должно думать, что копія, о которой идетъ дѣло, написана не ранѣе настоящаго столѣтія. Можетъ быть, это есть копія съ копіи, данной Селимомъ. Намѣстникъ дозволилъ мнѣ сдѣлать съ ней точный списокъ, чѣмъ я и воспользовался.

Г. Жерамбъ въ своемъ путешествіи приводитъ переводъ этого фирмана, сдѣланный Мошеномъ (Mauchin) въ его сочиненіи о Египтѣ. Переводъ этотъ на французскомъ языкѣ и взятый мною списокъ копіи фирмана, я показывалъ потомъ Профессору арабскаго языка въ С. Петербургскомъ Институтѣ восточныхъ языковъ, шеиху Мухаммеду Тантауій, приглашенному нашимъ правительствомъ на эту каѳедру изъ числа ученѣйшихъ улемовъ Каирскаго Медресэ при мечети Эль-Азхаръ. Извѣстно, что это Медресэ считается первымъ на всемъ Во-

стокѣ. У шеиха нашлась копія этого самаго фирмана на арабскомъ языкѣ, и онъ не отказалъ провѣрить со мною французскій переводъ Мошена съ этою копіею, съ которой потомъ далъ мнѣ и особый списокъ. Почтенный шеихъ отозвался, что французскій переводъ сдѣланъ не вездѣ вѣрно. Оба списка, арабскій и турецкій, я показывалъ потомъ нашему оріенталисту, бывшему Профессору восточныхъ языковъ въ Одесскомъ Лицеѣ, В. В. Григорьеву, нынѣ состоящему при Г. Министрѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Онъ не отказалъ перевести мнѣ этотъ фирманъ на русскій языкъ прямо съ арабскаго списка, добавивъ къ нему вступленіе съ турецкаго. Читатели, конечно, искренно поблагодарятъ вмѣстѣ со мною г. Григорьева за сдѣланное намъ одолженіе.

II.

Фирманъ Муххамеда, данный Синайскому монастырю. Фирманы Султановъ и Правителей Египта. Наемъ верблюдовъ. Приготовленія къ поѣздкѣ.

Сдѣлавъ обращеніе къ своимъ послѣдователямъ, о строгомъ выполненіи даваемаго завѣта, и подтверждая, что нарушающій его есть «преступникъ, «посмѣвающійся надъ религіею, и достоенъ про«клятія, будь онъ владыка народовъ или простой «правовѣрный», Мухаммедъ обозначаетъ въ этомъ фирманѣ, едва-ли не самомъ первомъ, имъ отъ себя выпущенномъ, даруемыя имъ права и преимущества: a) всѣмъ вообще христіанамъ и b) въ особенности лицамъ духовнымъ — Епископамъ, Священникамъ и Монахамъ.

Христіанамъ вообще онъ предоставляетъ слѣдующія права личности и собственности; *личности:* 1-е) на свободное отправленіе и сохраненіе своей

религіи; 2-е) на сохраненіе и новую постройку церквей, молелень и мѣстъ поклоненія (здѣсь разумѣются монастыри); сверхъ того онъ обязываетъ мусульманъ оказывать имъ въ этомъ всякое пособіе; 3-е) Мухаммедъ до того простираетъ духъ вѣротерпимости, что запрещаетъ послѣдователямъ своимъ входить съ христіанами въ споры о превосходствѣ религіи, а если христіанкѣ случится быть между мусульманами (вѣроятно, сдѣлавшейся женою мусульманина), то приказываетъ дозволять ей молиться по своей вѣрѣ; и «кто поступитъ противъ этого, тотъ есть бунтовщикъ противъ Аллаха и Его пророка.» Послѣднее обстоятельство въ Турціи едва-ли исполняется; но въ Египтѣ я самъ зналъ двухъ англичанокъ, удержавшихъ свою религію и по выходѣ за мужъ за арабовъ. 4-е) На правосудіе и защиту. 5-е) На освобожденіе отъ обязанности ходить на войну; что и понынѣ въ своей силѣ исполняется во всѣхъ Турецкихъ владѣніяхъ; въ Египтѣ же они могутъ идти въ Албанское иррегулярное войско и оставлять его, когда пожелаютъ, съ исполненіемъ нѣкоторыхъ при этомъ условій. Мухаммедъ освободилъ христіанъ отъ этой обязанности, конечно, не для того, чтобы облегчить ихъ, но чтобы блескъ и славу побѣды дать исключительно одной лунѣ, безъ всякаго посторонняго участія, и чтобы отстранить всякое недовѣріе и сомнѣніе къ лицамъ иной вѣры въ этомъ важномъ дѣлѣ. Не-любовь къ нимъ въ этомъ отношеніи сохранилась у Турокъ до сихъ поръ во всей

своей не прикосновенности и они весьма не жалуютъ европейцевъ, принятыхъ въ ихъ войска на службу и изъ которыхъ нѣкоторые достигали степени генерала; не-любовь эта не утихаетъ и тогда даже, если европейцы дѣлаются и ренегатами. 6-е) На освобожденіе отъ всякихъ повинностей. Права *собственности:* 7-е) На владѣніе поземельною собственностію. 8-е) По смыслу фирмана, они могутъ владѣть невольниками; право это имѣетъ еще и по нынѣ силу въ Египтѣ, но безъ права продажи ихъ, а въ Константинополѣ, христіанинъ хотя можетъ заплатить деньги за невольника, но въ минуту уплаты денегъ невольникъ дѣлается свободнымъ. 9-е) Христіане могутъ вести торговлю. За сіи права собственности положено взносить весьма умѣренную плату.

Лицамъ духовнаго званія даны симъ фирманомъ сверхъ того слѣдующія важныя преимущества, изъ которыхъ почти всѣ, болѣе или менѣе, были къ несчастію нарушены въ послѣдствіи: 1-е) каждому изъ нихъ, гдѣ бъ онъ ни поселился, обѣщана непремѣнная защита отъ враговъ и отвращеніе отъ всякой обиды; Мухаммедъ обѣщаетъ быть самъ съ своими послѣдователями «окрестъ ихъ, быть ихъ охранителемъ и покровомъ, гдѣ бъ они ни находились». 2-е) Гражданскія власти не должны вмѣшиваться въ дѣла христіанскаго духовенства и «да не смѣнится епископъ или священникъ отъ «своихъ мѣстъ и не изженется монахъ изъ своего «монастыря». 3-е) «Да не разрушится ни единая

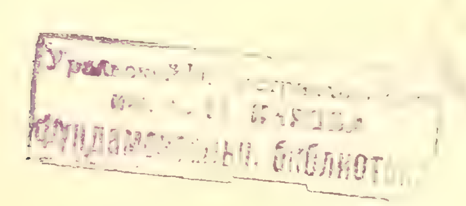
«изъ церквей или часовень ихъ и да не употребит-«ся ничего изъ принадлежащаго церквамъ ихъ на «постройку мечетей или домовъ мусульманскихъ». Какъ ни сильно это сказано, но всѣмъ и каждому извѣстно, что это право слишкомъ нарушено, и въ особенности со времени взятія Константинополя (1453), и что Софійскій соборъ былъ первый изъ храмовъ христіанскихъ обращенъ въ мечеть. На основаніи настоящаго Мухаммедова фирмана, христіане могли-бы домогаться возстановленія этой и многихъ другихъ церквей, подвергшихся той же участи; но это было бы пока совершенно напрасно. Можетъ быть, настанетъ время, когда этотъ фирманъ будетъ сильнымъ документомъ въ рукахъ нашихъ. 4-е) Духовные освобождались отъ всякихъ податей и десятины, взносимой всѣми мусульманами; дозволялось же принимать отъ нихъ однѣ только добровольныя приношенія (бахшиши), отнюдь не принуждая ихъ ни къ какому платежу; а если бы наступила дороговизна и неурожай, то повелѣвалось самимъ мусульманамъ давать имъ пособіе хлѣбомъ. До сихъ поръ на востокѣ христіанскія духовныя лица избавлены отъ всѣхъ податей; но за то мѣстныя власти не пропускаютъ ни одного случая срывать съ нихъ бахшиши, подъ разными предлогами и въ особенности за дозволеніе разныхъ починокъ и пристроекъ въ христіанскихъ храмахъ, при чемъ дозволеніе это обыкновенно обходится дороже, чѣмъ самыя работы.

Фирманъ писанъ въ собственной мечетѣ проро-

ка и поручителями въ вѣрномъ его исполненіи были вѣрнѣйшіе друзья и послѣдователи Мухаммеда, числомъ 22 человѣка. Въ началѣ и въ концѣ фирмана добавлены, при переводѣ на турецкій языкъ, краснорѣчивыя обращенія къ тѣмъ, кто будетъ исполнять начертанную въ немъ волю пророка. Но предоставимъ самому читателю прочесть, отъ слова до слова, этотъ замѣчательный своею вѣротерпимостію фирманъ, представляющій важный историческій документъ для цѣлаго Христіанства и которымъ оно обязано Синайскому монастырю.

Вступленіе съ турецкаго списка.

«Во имя Аллаха, всемилосердаго, всемилостиваго! Хвала Аллаху, который изъ ничего создалъ все существующее, который родъ человѣческій превознесъ надъ всѣми тварями, который избралъ изъ него 124,000 пророковъ и послалъ ихъ въ міръ, да возвѣстятъ рабамъ о единствѣ его и да наставятъ ихъ на путь правый; а Мухаммеда, избранника своего, отправилъ ко всѣмъ народамъ съ благовѣстіемъ и увѣщаніемъ. Хвала за то Аллаху!» «Завѣтъ сей есть копія съ грамоты, данной въ Меккѣ Мухаммедомъ, избранникомъ (да благословитъ и да привѣтствуетъ его Всевышній!), всему народу монаховъ, священниковъ и отшельниковъ;— копія съ грамоты, переведенной съ арабскаго на турецкій языкъ, съ тою цѣлію, да разумѣютъ ее и незнающіе по арабски».

Переводъ съ арабскаго.

«Во имя Аллаха, всемилостиваго, всемилосердаго! Писалъ писаніе сіе Мухаммедъ, сынъ Абдъ-Аллаховъ, въ радость и увѣщаніе всѣмъ людямъ.»

«Писалъ, какъ для своихъ единовѣрцевъ, такъ и для всѣхъ, исповѣдующихъ христіанство на востокѣ и на западѣ земли, ближнихъ и дальнихъ, грамотныхъ и безграмотныхъ, знатныхъ и простыхъ, давая писаніе сіе въ завѣтъ. И кто нарушитъ этотъ завѣтъ, и поступитъ въ противность заключающагося въ немъ, и преступитъ повелѣваемое онымъ, тотъ есть нарушитель завѣта Аллахова и преступникъ, посмѣвающійся надъ Его религіею и достойный проклятія, будь онъ владыка народовъ, или простой правовѣрный.»

«Если священникъ или отшельникъ поселится на горѣ какой, въ долинѣ, въ пещерѣ, на равнинѣ, на песчаномъ мѣстѣ, въ городѣ, селеніи или церкви, то пребуду я окрестъ ихъ защитникомъ отъ всѣхъ враговъ ихъ, я самъ и всѣ пособники мои, всѣ исповѣдники вѣры моей и всѣ послѣдователи мои, потому что эти священники и отшельники суть паства (*) и принадлежность моя, и я отвращу отъ нихъ всякую обиду. Что относится до харадуса (**), то брать съ нихъ слѣдуетъ толь-

(*) У Мошена здѣсь сказано — «мои Райи», т. е. покоренные не-мусульмане.

(**) Поголовная подать съ не-мусульманъ.

ко то, что будутъ давать они добровольно, не принуждая и не приневоливая ихъ къ платежу. Да не смѣнится епископъ съ епархіи своей, ни священникъ съ прихода своего, ниже изгонится монахъ изъ монастыря своего, и пилигримъ да не совратится съ пути своего. Да не разрушится ни единая изъ церквей ихъ или часовень, и да не употребится ничего изъ принадлежащаго церквамъ ихъ на постройку мечетей или домовъ мусульманъ. Кто же сотворитъ сіе, тотъ есть нарушитель завѣта Аллахова и противникъ Его пророка.

«Да не налагается ни какого сбора и ни какой повинности, ни на епископовъ, ни на священниковъ, ниже на кого изъ посвятившихъ себя на служеніе Богу. Я буду охранителемъ ихъ, гдѣ бы они ни были, на морѣ или на сушѣ, на востокѣ или на западѣ, на сѣверѣ или на югѣ; находятся они подъ защитою моею и подъ покровомъ моимъ отъ всякаго притѣсненія. Равномѣрно, если удалится кто изъ нихъ въ горы или мѣста не обработанныя и займется посѣвомъ, не брать съ таковыхъ ни харадуса, ни десятины, такъ какъ дѣлается это ими только, ради пропитанія себя; напротивъ того, если наступитъ дороговизна хлѣба, да оказываютъ имъ вспоможеніе, давая имъ въ пищу по кадаху съ ардеба (*).

«И да не принуждаютъ ихъ ходить на войну, ниже къ какимъ-либо повинностямъ. Тѣ изъ нихъ,

---

(*) Мѣры хлѣбныя.

которые владѣютъ невольниками, имуществомъ, поземельною собственностію или занимаются торговлею, да не платятъ болѣе 12 диргемовъ въ годъ. Да не подвергнется ни одинъ изъ нихъ неправосудію; да не вступаютъ мусульмане съ ними въ споръ о превосходствѣ своей религіи, но да распрострутъ надъ ними крыло милосердія, и да удаляютъ отъ нихъ все непріятное, гдѣ бы они ни были, гдѣ бы они ни жили. Если случится христіанкѣ быть между мусульманами, то не принуждать ее ни къ чему насильно, позволять ей молиться въ молельняхъ ихъ и не вмѣшиваться въ дѣла ея съ единовѣрцами. Кто поступитъ въ противность сего завѣта Божія и замыслитъ противное сему, тотъ есть бунтовщикъ противъ союза, заключеннаго Аллахомъ и Его пророкомъ. Да оказываютъ имъ также помощь въ построеніи моленень и мѣстъ поклоненія, и да служитъ эта помощь къ сохраненію ихъ религіи и залогомъ неприкосновенности завѣта. Да не принуждаютъ ихъ носить оружіе, и да носятъ его за нихъ сами мусульмане. Да не нарушатъ сіи послѣдніе этого завѣта во вѣкъ, пока существуетъ время и міръ стоитъ. Свидѣтелями при этомъ завѣтѣ, который написалъ Мухаммедъ, сынъ Абдъ-Аллаховъ, посланникъ Аллаховъ, для всѣхъ христіанъ, и поручителями въ вѣрномъ исполненіи заключающагося въ немъ, суть нижеподписавшіеся: Али сынъ Абу-Талебовъ,—Абу-Бекръ сынъ Абу-Кахафы,—Омаръ сынъ Аль-Хаттабовъ,—Османъ сынъ Аффоновъ,—Абуль-Вярда,—Абу-Горейра,—

Абдъ-Аллахъ сынъ Масудовъ,—Аббасъ сынъ Абдъ-Эль-Моталебовъ,—Фадль сынъ Аббасовъ,—Зобейръ сынъ Авамовъ,—Тальха сынъ Абдъ-Аллаховъ,—Саидъ сынъ Маазовъ,—Саидъ сынъ Обады,—Сабитъ сынъ Кайсовъ,—Зеидъ сынъ Сабатовъ,—Абу-Ханифа сынъ Анины,—Хашемъ сынъ Обейдовъ,—Харесъ сынъ Сабитовъ,—Абдъ-Эль-Азимъ сынъ Хасановъ,—Моаззелъ сынъ Корейшевъ,—Абдъ-Аллахъ сынъ Амру,—Амиръ сынъ Бешировъ».

«Писалъ завѣтъ сей Али, сынъ Абу-Талебовъ (да просвѣтлитъ Аллахъ лице его!), собственноручно, въ собственной мечети пророка (да благословитъ и да привѣтствуетъ его Господь!), 3-го числа мѣсяца Мохаррема, во второмъ году Эгиры.»

Заключеніе съ турецкаго списка.

«Подлинникъ, за печатью самаго пророка, находится въ казнохранилищѣ султанскомъ. Писанъ на кожѣ. Благо тому, кто будетъ поступать по оному и соблюдать заключающееся въ немъ! благо тому, и можетъ тотъ надѣяться отъ Господа прощенія грѣховъ своихъ!»

Съ цѣлію поддержать права, дарованныя Мухаммедомъ, Архіепископъ Синайскій испрашиваетъ отъ каждаго Султана особый на то фирманъ. Мнѣ показывали нѣсколько такихъ фирмановъ отъ разныхъ Султановъ и между ними фирманъ тепереш-

няго падишаха, Абдуль-Меджида, съ золотыми украшеніями вокругъ и мастерскимъ начертаніемъ его имени золотыми буквами. Я хотѣлъ взять копію также и этого фирмана, но не успѣлъ. Подобно Архіепископу, намѣстникъ его испрашиваетъ подобный же фирманъ отъ каждаго новаго правителя Египта. Подобные фирманы даются также каждому новому Архіепископу и его новому намѣстнику, при вступленіи ихъ въ свои обязанности. Взятіе фирмановъ, по обычаю страны, всегда сопровождается приличными бахшишами (т. е. подарками).

Въ бытность свою у такъ называемыхъ источниковъ Моисея (19 Декабря 1798), Наполеонъ далъ прибывшимъ туда, въ числѣ старшинъ изъ разныхъ мѣстъ, депутатамъ отъ Синайскаго монастыря, за своею подписью, родъ охранительной грамоты, освобождавшей монастырь отъ всякихъ налоговъ. Говоря объ этомъ случаѣ, Бурьенъ въ своихъ запискахъ добавляетъ, что «Наполеонъ далъ этотъ охранительный листъ, какъ изъ уваженія къ Святому Пророку Моисею и Іудейскому народу, напоминающему намъ самыя отдаленные вѣка, такъ и потому, что монастырь сей обитаемъ учеными и образованными людьми посреди варварства степей этихъ. Этимъ онъ и ограничивался.» Я желалъ видѣть этотъ листъ, и секретарь намѣстника обѣщалъ мнѣ отыскать его; но потомъ, дня черезъ два, отозвался, что, по безпорядку архива, онъ не могъ успѣть въ этомъ, хотя въ регистрѣ архивныхъ бумагъ листъ этотъ и записанъ. Было это въ послѣдніе

дни моего пребыванія въ Каирѣ, и потому я не могъ раздѣлить трудовъ его въ отысканіи этого любопытнаго документа.

Выше было сказано о данныхъ мнѣ въ Константинополѣ Архіепископомъ Синайской горы, Констандіусомъ, рекомендательныхъ письмахъ. Письма эти я оставилъ у себя во все время пребыванія моего въ Египтѣ, съ намѣреніемъ предъявить ихъ въ то время, когда предприму самую поѣздку на Синай. Бывшіе здѣсь въ 1842 году русскіе художники, братья Чернецовы, имѣли намѣреніе туда же съѣздить и уже сдѣлали для этого всѣ приготовленія, даже вещи ихъ были навьючены на договоренныхъ верблюдовъ и отправлены за городъ; но у нихъ встрѣтились какіе-то недоразумѣнія съ живущимъ въ Каирѣ монастырскимъ начальствомъ, въ слѣдствіе которыхъ они отмѣнили свое намѣреніе и на тѣхъ же верблюдахъ, вмѣсто Синая, отправились прямо въ Іерусалимъ. Имѣя это въ виду, я хотѣлъ познакомиться съ монастырскимъ начальствомъ и просить его объ устройствѣ моей поѣздки на Синай, не показывая ему данныхъ мнѣ писемъ, а отдать ихъ тогда уже, когда поѣздка моя будетъ со всѣмъ улажена. Такъ точно я и сдѣлалъ. Съ перваго знакомства до послѣдняго дня свиданія, я постоянно встрѣчалъ въ намѣстникѣ и его приближенныхъ привѣтливость, ласковость, готовность служить мнѣ. Впрочемъ, можетъ быть, этою привѣтливостію они хотѣли загладить неудовольствія ихъ съ моими предшественниками (о

чемъ съ соболѣзнованіемъ они сами мнѣ разсказывали), и тѣмъ болѣе, что драгоманъ ко мнѣ попался тотъ самый, который былъ у Чернецовыхъ и который едва-ли не съ намѣреніемъ, или изъ собственныхъ интересовъ, причинилъ ихъ недоразумѣнія съ монахами.

Драгоманъ этотъ былъ русскій выходецъ изъ Москвы, по имени Матвѣй, порядочный пройдоха и искатель приключеній по страсти къ странствованію и безъ всякихъ къ тому особыхъ побудительныхъ причинъ, какъ по крайней-мѣрѣ онъ самъ говорилъ. Отецъ его былъ торговцемъ въ Нѣмецкой слободѣ и держалъ сына при себѣ сидѣльцемъ. Въ Константинополѣ Матвѣй прожилъ не долго, скитался по разнымъ мѣстамъ на Востокѣ и наконецъ очутился въ Каирѣ; а какъ дальше пробираться безъ денегъ не куда, то онъ и остался здѣсь, промышляя разными оборотами и продѣлками; на этотъ же разъ, онъ былъ у меня драгоманомъ греческаго и арабскаго языковъ, хотя послѣдній зналъ довольно плохо.

Послѣ перваго моего визита, я назначилъ намѣстнику день, когда буду у него снова, и просилъ пригласить къ тому времени бедуиновъ, для найма у нихъ дромадеровъ, а когда въ назначенный день пришелъ къ нему, то уже засталъ здѣсь главнаго шеиха съ нѣсколькими бедуинами.

Порядокъ, заведенный въ Каирѣ и Суесѣ для найма верблюдовъ, стоитъ того, чтобъ сказать о

немъ нѣсколько словъ. Въ каждомъ изъ этихъ городовъ постоянно находится одинъ изъ бедуинскихъ шеиховъ, назначаемый сюда по общему выбору и съ согласія ихъ старшинъ, на извѣстное время. Онъ завѣдываетъ всѣми бедуинами, занимающимися извозомъ, и большею частію если не самъ дѣлаетъ, то при немъ дѣлаются договоры съ желающими совершить этотъ путь, или что-либо отправить въ Синайскую обитель. Онъ знаетъ, кто изъ бедуиновъ съ кѣмъ или съ чѣмъ поѣхалъ, и если торгъ шелъ чрезъ него, то онъ отвѣтствуетъ за подрядившагося; по крайней-мѣрѣ, въ случаѣ покражи или другаго приключенія, рано или поздно, его отыщетъ и представитъ начальству.

При каждомъ такомъ наймѣ верблюдовъ, бедуины даютъ ему извѣстный бахшишъ, въ которомъ заключается весь его интересъ по этой должности. Кромѣ того онъ имѣетъ и своихъ верблюдовъ, которыхъ также пускаетъ въ извозъ. Желающіе ѣхать по скорѣе, берутъ дромадеровъ; разница ихъ отъ обыкновенныхъ верблюдовъ есть та же, какъ верховой лошади отъ обыкновенной упряжной.

Предварительно торга я сказалъ, что въ пути быть долго не могу, и потому беру дромадеровъ, всего трехъ: для себя, драгомана и погонщика, съ тѣмъ, чтобы провизію и вещи разложить на этихъ же самыхъ дромадеровъ. Для пути въ одну сторону, шеихъ и бедуины требовали сперва восемь дней; потомъ, уменьшая по не многу, въ слѣдствіе общихъ убѣ-

жденій и приводимыхъ причинъ, сошли накопецъ на пять дней, но съ тѣмъ, чтобы поклажи у меня было, кромѣ воды въ мѣшкахъ, не болѣе 50 окъ, на нашъ вѣсъ три пуда и 1 фунтъ; я отозвался, что будетъ еще меньше. Условленная цѣна въ одинъ путь, за каждаго дромадера, была 150 египетскихъ піастровъ, за трехъ — 450, на наши деньги 28 руб. $28^1/_2$ коп. сереб. (*). Одна половина договорной цѣны дается въ Каирѣ, при отъѣздѣ, другая въ монастырѣ, по пріѣздѣ; между тѣмъ, для твердости довора, я тутъ же далъ бедуинамъ нѣкоторый задатокъ. Цѣна эта за дромадеровъ есть, какъ мнѣ сказывали, обыкновенная и всѣмъ извѣстная. За простыхъ верблюдовъ, при обыкновенной скорости ѣзды, въ 8 или 10 дней, платится въ половину менѣе, т. е. по 75 піастровъ за каждаго. Договоренные мною бедуины были извѣстны монастырскому начальству, которое само ручалось за ихъ честность. Я хотѣлъ было нанять дромадеровъ въ оба пути; но мнѣ сказали, что это здѣсь не въ обычаѣ, потому что я могу остаться ими недоволенъ, и въ такомъ случаѣ, на обратный путь, могу взять тамъ другихъ дромадеровъ, за туже самую цѣну.

По сдѣланному уговору, я долженъ былъ ѣхать въ воскресенье, 16 мая, и дромадеры должны были ожидать меня у русскаго купца Аверова, человѣка очень обязательнаго, живущаго также въ Джованіи и въ одномъ переулкѣ съ монастырскимъ под-

---

(*) Египетскій піастръ равняется 22 коп. мѣдью.

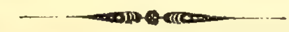
ворьемъ. Но какъ я былъ удержанъ нѣкоторыми дѣлами до вторника, то за два дня простоя заплатилъ 30 піастровъ.

Прошу читателей извинить меня за такія мелочи; но я ввожу ихъ сюда потому, что, можетъ быть, кому нибудь изъ нихъ эти мелочи пригодятся на самомъ дѣлѣ. Съ тою же цѣлію добавлю здѣсь нѣсколько строкъ и о предварительныхъ мѣрахъ, необходимыхъ въ подобномъ пути противъ лишеній разнаго рода, лѣтняго зноя и страданій въ пустынѣ, о которыхъ путешественники пишутъ съ такимъ ужасомъ.

Для легкости и удобнѣйшаго сидѣнія на верблюдѣ, я предварительно заказалъ себѣ лѣтнее платье египетскаго низама (т. е. тамошнее военное), а къ сѣдлу придѣлалъ стремена. Для защиты отъ палящаго солнца, взялъ зонтикъ, который приказалъ покрыть еще холстомъ, чтобы тѣнь была гуще, а для защиты глазъ отъ столь сильнаго въ пустыняхъ отраженія солнечныхъ лучей, запасся зелеными очками (консервами). Для питья съ водою, взялъ нѣсколько бутылокъ оржатнаго и лимонаднаго сиропу, лимоннаго соку, лимоновъ и варенья; не забылъ и о бутылкѣ рому, которая впрочемъ осталась нетронутою. Переѣздъ по подобнымъ пустынямъ совершенно сходенъ съ плаваніемъ по морямъ: не скоро достигнешь до пристани, гдѣ бы можно было отдохнуть или достать что-либо; а потому необходимо дѣлать запасъ пищи на всю дорогу въ оба пути, по крайней-

мѣрѣ запасъ тѣхъ предметовъ, которые не портятся. По этому я имѣлъ съ собою полный запасъ галетъ, рису, масла, сахару, табаку, кофе и проч. Послѣдніе два предмета взяты, преимущественно для подчиванія бедуиновъ, при ихъ усердіи. Не забыта была палатка, для отдыха, и посуда, для варенія пищи. Для воды были у меня старые мѣшки; въ новыхъ же она скоро портится; но эта предосторожность не спасла меня: по выѣздѣ, на другой же день въ полдень, я не могъ уже пить воды изъ этихъ мѣшковъ, не будучи въ силахъ преодолѣть въ себѣ отвращенія къ этой грязной жидкости, въ которую обратилась вода отъ одно-дневнаго болтанья въ кожаныхъ мѣшкахъ. Это была не вода, а какіе-то желтоватые помои съ волокнами отъ кожи, и только одинъ разъ успѣлъ я обмануть себя и выпилъ, закрывъ глаза, стаканъ этой жидкости, но и то пополамъ съ оржаднымъ сиропомъ. Я не забылъ о боченкахъ и заказалъ ихъ; но когда онп были готовы, то я нашелъ ихъ слишкомъ большими и могущими обременить мой небольшой караванъ; а потому и не взялъ съ собою. Весьма бы кстати были для этого пути извѣстныя малороссійскія «баклажки», въ которыхъ чумаки держатъ воду во время своихъ переѣздовъ. Если вамъ, любезный читатель, пріидется ѣхать по этимъ знойнымъ пустынямъ, незабудьте главнѣе всего запастись хорошею посудою для воды, по крайней-мѣрѣ собственно для вашей особы, и если подобной баклажки нельзя будетъ найти, возьмите небольшой боченокъ, мѣ-

рою въ одно или полтора ведра. Такое количество воды будетъ для васъ вполнѣ достаточно на весь путь, отъ одного мѣста запаса до другаго. При томъ не забудьте также запастись небольшимъ самоваромъ, котораго къ сожалѣнію со мною не было; теплый чай лучше всего утоляетъ жажду въ знойное время, какъ это я испыталъ прежде и послѣ теперешней моей поѣздки.

III.

Дорога отъ Каира въ Суесъ. Первый день пути. Видъ пустыни. Окрестности. Линія телеграфовъ. Станціи англійской компаніи.

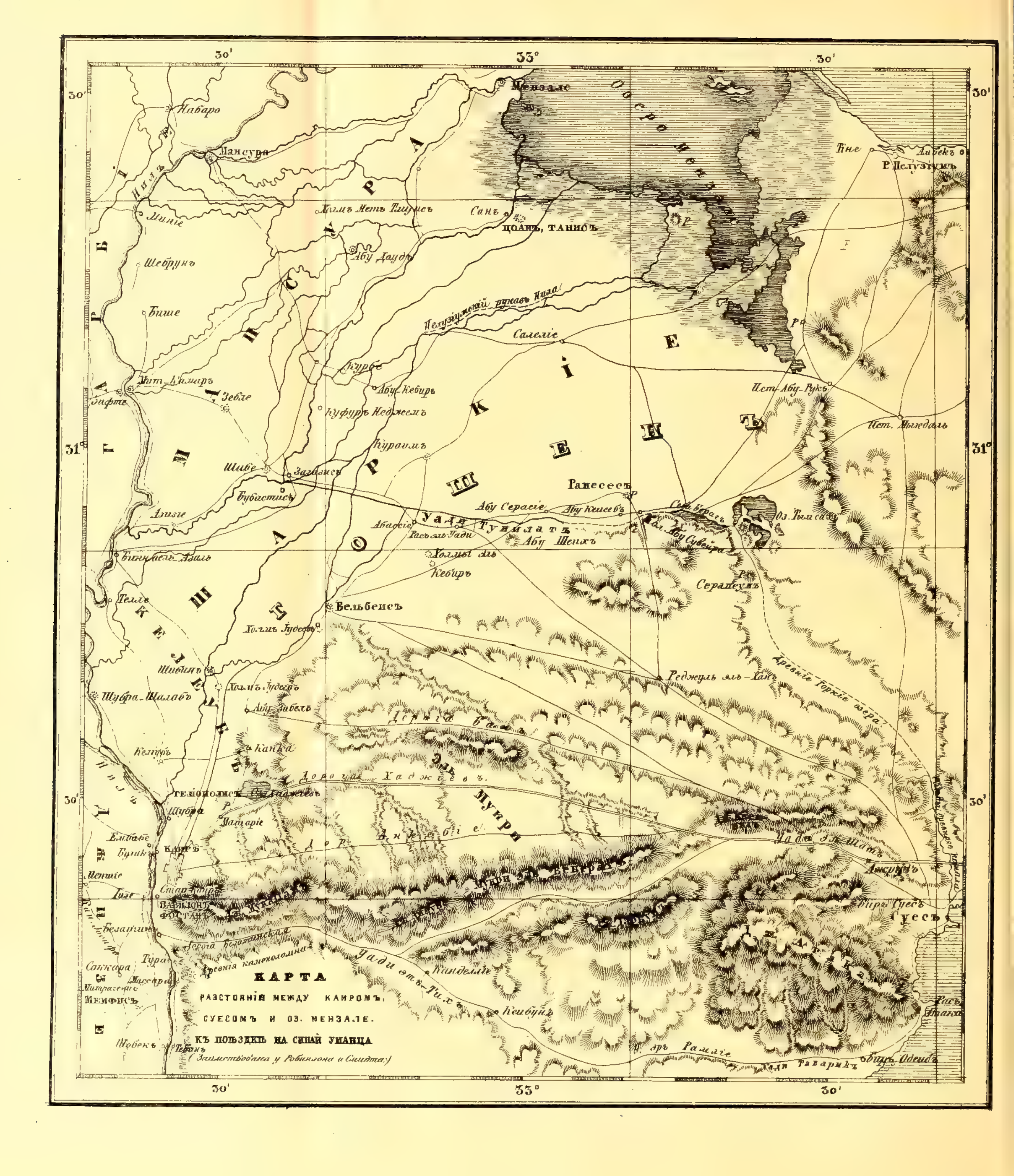
18 Мая, вторникъ. Еще до восхода солнца былъ я на ногахъ; вещи свои поспѣшилъ отправить къ Аверову и, простившись съ моими товарищами, пошелъ и самъ къ нему же. Скоро привели моихъ дромадеровъ и я отправился на монастырское подворье проститься съ настоятелемъ. Поподчивавъ меня трубкою и кофеемъ, онъ сказалъ, что самъ прійдетъ ко мнѣ и принесетъ письма, которыя еще не готовы. Я воротился къ своимъ вещамъ и узналъ здѣсь, что одинъ изъ дромадеровъ оказался ненадежнымъ, а потому Аверовъ приказалъ перемѣнить его. Все это вмѣстѣ, а также оказавшаяся необходимость купить еще кое-что на дорогу, да сверхъ

того завтракъ, безъ котораго хозяинъ не хотѣлъ отпустить меня, замедлили мой выѣздъ. Когда верблюдъ былъ перемѣненъ и все было готово, пришелъ ко мнѣ настоятель съ двумя письмами для монастыря, въ сопровожденіи отца Николая и старика Зосимы. Время приближалось къ полудню, и я торопилъ своихъ бедуиновъ выѣздомъ. Гости мои, равно Аверовъ и бывшій при мнѣ унтеръ-офицеръ Киселевъ, хотѣли проводить меня за городъ, и мы, въ слѣдъ за верблюдами, отправились пѣшкомъ къ городскимъ воротамъ Бабъ-эль-Насръ (вратамъ побѣды).

За воротами нужно было садиться на верблюдовъ. Безъ привычки и опыта, странно представить себѣ ѣзду на такомъ огромномъ животномъ. Аверовъ вызвался сѣсть первый, чтобы попробовать сѣдло; извѣстно, что для этого заставляютъ верблюда опуститься на брюхо, и человѣку остается поднять ногу, чтобы сѣсть на него; послѣ этого, верблюда понуждаютъ снова подняться на ноги. Но эта послѣдняя операція не такъ легка для сѣдока, какъ первая. Простившись съ провожавшими меня, я сѣлъ послѣ Аверова на верблюда и когда онъ подымался, мнѣ дали совѣтъ податься корпусомъ назадъ и по-крѣпче держаться руками за переднюю луку. Первый урокъ былъ удаченъ, и потомъ уже я былъ, какъ бы вѣкъ свой ѣздилъ на верблюдѣ. Здѣсь я окончательно простился съ Аверовымъ и монахами; отецъ Зосима провелъ меня еще нѣсколько далѣе, пока не усталъ отъ ходьбы

по песчаной дорогѣ; Киселевъ разстался послѣ всѣхъ. Было ровно 11 часовъ утра.

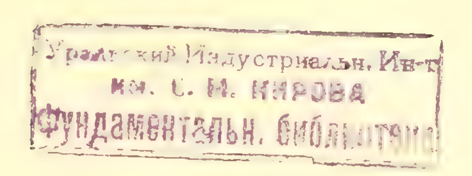
Скоро миновали мы огромные бугры мусору, оставшіеся отъ построекъ незапамятныхъ временъ; между ними прорѣзывался нашъ путь, а по вершинамъ тянулись ряды вѣтряныхъ мельницъ. На право, въ далекѣ, подъ горою Мокаттамъ, на желтизнѣ песковъ, разстилалось кладбище Калифовъ, городъ мертвыхъ, который едва-ли не красивѣе города живыхъ; мавританскіе минареты подымались далеко вверхъ надъ узорочными куполами множества тюрбе (подгробныхъ часовень), окруженныхъ въ иныхъ мѣстахъ, какъ бы близкими своими, безчисленными гробницами простой постройки. Въ Константинополѣ, непроницаемыя для солнечныхъ лучей большія кипарисныя рощи представляютъ на кладбищахъ наилучшія мѣста для прогулокъ и гуляній,—здѣсь же нѣтъ ни одного деревца, ни куста зелени, природа мертва, безжизненна, и путникъ, находя краткій отдыхъ въ узкой тѣни минарета, спѣшитъ уйти отъ этого пустыннаго мѣста. Съ лѣвой стороны у меня представлялась картина въ совершенно другомъ родѣ. Вдоль не большаго канала, тянулась зелень деревьевъ, самая яркая, густая, отрадная для глазъ; промежду зелени виднѣлись тамъ и здѣсь простыя мазанки феллаговъ. Каналъ отходитъ потомъ крутымъ поворотомъ въ лѣво и уводитъ за собою всю жизнь и растительность. Въ томъ же направленіи, въ далекѣ, виднѣлась пальмовая роща и подлѣ нея деревня Матаріе, населенная, какъ говорятъ, однѣ-

КАРТА
РАЗСТОЯНІЯ МЕЖДУ КАИРОМЪ,
СУЕСОМЪ И ОЗ. МЕНЗАЛЕ.
КЪ ПОѢЗДКѢ НА СИНАЙ УМАНЦА
(Заимствована у Робинсона и Смидта.)
30'
33°
31°
Мензале
Набаро
Мансура
Нилъ
Миніе
Шебрунъ
Бише
Зифте
Зебле
Шибе
Загазисъ
Бубастисъ
Телле
Шибинъ
Шубра-Шалабъ
Кельубъ
Геліополисъ
Шубра
Матаріе
Каиръ
Булакъ
Старый Каиръ
Бабилонъ
Фостатъ
Безатинъ
Саккара
Тура
Масара
Мемфисъ
Тебинъ
Холмъ Меть Тинисъ
Санъ
Цоанъ, Танисъ
Абу Дауде
Пелузійскій рукавъ Нила
Салеміе
Курбе
Абу Кебиръ
Куфуръ Неджемъ
Кураимъ
Абу Серасіе
Абу Кишебъ
Рамесесъ
Уади Туммлатъ
Абасіе
Рась эль Уади
Абу Шейхъ
Холмы эль Кебиръ
Бельбеисъ
Холмъ Іудеевъ
Абу Забель
Канка
Серапеумъ
Оз. Тимсахъ
Тине
Р. Пелузіумъ
Ист. Абу-Рукъ
Ист. Мыгдаль
Реджуль эль-Ханъ
Древніе Горькіе озера
Дорога Хаджіевъ
Муири
Уади эль Шамъ
Суесъ
Кандель
Кейбунъ
Уади эть-Тихъ
Древнія каменоломни
Дорога Безатинская
Рась Атака
Уади Тарарикъ
Бирь Одейдъ

ми только женщинами съ множествомъ дѣтей всѣхъ возрастовъ и большая часть которыхъ никогда не была за-мужемъ.

Изъ Каира въ Суесъ ведутъ три дороги. Одна изъ нихъ идетъ на деревню Матаріе и лежащее за нею небольшое озеро Хаджіевъ, Биркетъ-эль-Хаджъ, въ 4 часахъ ѣзды отъ Каира. Тутъ же вблизи мѣсто бывшаго нѣкогда города Геллiополиса, съ уцѣлѣвшимъ отъ прежняго великолѣпія однимъ гранитнымъ обелискомъ, возвышающимся посреди не большаго сада. Эта дорога называется дорогою хаджіевъ; по ней слѣдуетъ караванъ мекскій, сборный пунктъ котораго есть, помянутое озеро. Лабордъ и Линанъ ѣхали по этой дорогѣ. Другая дорога, самая ближайшая, по которой везутъ товары и которую мы избрали, идетъ часами двумя или тремя южнѣе первой. По имени главной уади (долины), чрезъ которую она проходитъ, профессоръ Робинзонъ, ѣхавшій по ней же (Буркгардтъ также), даетъ ей названіе дороги эль-Анкебіе. Третья дорога, еще южнѣе второй, начинается ниже стараго Каира (Фостата, каирскаго предмѣстія съ южной стороны), отъ деревни Безатинъ, находящейся на Нилѣ. Всѣ эти три дороги, на пространствѣ около двухъ-третей пути, соединяются вмѣстѣ, или, вѣрнѣе сказать, первая и третья выходятъ на вторую. Дороги эти крайне скудны водою, которую послѣ Нила, находятъ только въ виду Суеса, въ двухъ мѣстахъ: въ четырехъ и потомъ въ одномъ часѣ не доѣзжая до этого города. Хотя же на первой

трети дороги изъ деревни Безатинъ и имѣются источники Кандели, но воды въ нихъ очень мало. Отъ этихъ источниковъ отдѣляется на востокъ, въ прямомъ направленіи къ морю и съ южной стороны горы Атака, особый малоизвѣстный путь. Здѣсь близь моря имѣется колодезь хорошей воды и у него слѣды развалинъ бывшаго здѣсь нѣкогда города.

Изъ разныхъ мѣстъ нижняго Египта идетъ къ Суесу нѣсколько путей чрезъ пустыню; но всѣ они безводны; изъ нихъ ближайшимъ между Ниломъ и Краснымъ моремъ считается тотъ, который выходитъ изъ деревни Бельбеисъ.

Не долго я ѣхалъ въ сосѣдствѣ воды и зелени. При началѣ степи, у самой дороги, съ правой стороны, возвышается посреди развалинъ старая, довольно простой наружности, тюрбе Малекъ-Аделя, какъ бы нарочно отброшенная на нѣсколько верстъ отъ общаго кладбища Калифовъ. Видомъ своимъ она не дѣлаетъ теперь ни какого особаго впечатлѣнія; но когда былъ цѣлъ минаретъ, къ ней примыкавшій и только нѣсколько лѣтъ предъ симъ обрушившійся, то; видъ этой гробницы у необозримой песчаной степи былъ, какъ говорятъ, особенно живописенъ. Подобно большей части надгробныхъ зданій, она въ совершенномъ запустѣніи. Безподобная мавританская дверь съ тысячью узоровъ и украшеній, на которыхъ уцѣлѣли еще яркія краски и которыми нельзя довольно налюбоваться, открыта и не прикрывается ни какимъ дверным полотномъ. Сквозь зіяющія большія и

той же архитектуры окна, видны красивые узоры внутренности купола и угловъ. Братья Чернецовы, въ бытность свою здѣсь, срисовали все это. На обратномъ пути я заходилъ въ тюрбе; она воздвигнута на трехъ поперечныхъ, съ Ю. на З., сводахъ, нынѣ открытыхъ и опустѣлыхъ, но нѣкогда хранившихъ тѣла Малекъ-Аделя и его родственниковъ.

Баумгартенъ, бывшій здѣсь въ 1507 г., говоритъ, что, выѣхавъ изъ Каира, онъ повернулъ въ Алкалину и имѣлъ отдохновеніе въ домѣ греческихъ монаховъ, которые отсюда отправляютъ пищу въ монастырь Синайской горы. «Алкалина же, добавляетъ онъ, есть мѣстечко пространное и многолюдное, которое однако не укрѣплено и не ограждено, какъ другіе египетскіе города; стоитъ не въ далекомъ разстояніи отъ Нила и песчанной степи, а отъ Каира на двѣ нашихъ мили» (т. е. 14 верстъ). Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось; нынѣ отправка дѣлается изъ Джованіи, Синайскому монастырю въ указываемомъ мѣстѣ уже ничего не принадлежитъ, да и гдѣ была эта Алкалина, трудно рѣшить. Не разумѣетъ ли Баумгартенъ подъ этимъ именемъ которую либо изъ деревень: Эль-Келіубъ или Эль-Канка, тѣмъ болѣе, что находятся онѣ по этому направленію почти въ такомъ точно, какъ онъ говоритъ, разстояніи отъ Каира?

Часа чрезъ полтора мы были посреди пустыни. Съ-лѣва подымались песчаные холмы, тянувшіеся далеко впередъ неразрывною цѣпью; впереди была

безконечная степь песковъ, терявшаяся изъ виду и по которой лежалъ путь нашъ; въ право шло продолженіе этой степи, мѣстами взволнованной небольшими холмами и замыкавшейся на горизонтѣ хребтомъ Мокаттама и частью его — красною горою, за которою разстилается извѣстный окаменѣлый лѣсъ. Куски окаменѣлаго дерева изрѣдка попадались намъ на пути; но они, видимо, были занесены сюда кѣмъ нибудь и брошены. Путь нашъ перерѣзывалъ многія небольшія уади; всѣ онѣ направляются на при-Нильскія равнины и по нимъ стекаетъ вода во время дождей, бывающихъ здѣсь впрочемъ весьма рѣдко. При переѣздѣ нашемъ чрезъ уади, эти равнины показывались въ-лѣвѣ синею отдаленною полосою; но, по мѣрѣ отдаленія пути, онѣ болѣе и болѣе тонули въ туманѣ, сливались съ горизонтомъ и наконецъ совсѣмъ исчезали изъ виду. Въ пустынѣ, всякое, хотя бы не большое, пониженіе поверхности, по которымъ стекаетъ вода, называется уади; тоже имя въ горахъ дается оврагамъ, ущеліямъ и широкимъ долинамъ, образуемымъ боковыми хребтами, какой бы высоты эти хребты ни были.

Новое, особенное чувство объемлетъ путника, когда онъ въ первый разъ увидитъ себя посреди этой мертвой, повидимому, безконечной пустыни, гдѣ, куда ни обратишь взоръ свой, сколько глазъ ни обхватитъ, не увидишь ни одного живаго существа, не замѣтишь ни малѣйшихъ признаковъ жизни—ни деревца, ни кустика, ни клочка зелени,

ни слѣда кочевья, и гдѣ только изрѣдка попадаются жалкіе остатки колючаго бурьяна, выросшаго въ зимнюю пору во время здѣшнихъ дождей, но тотчасъ послѣ того высохшаго на палящемъ солнцѣ и полу-засыпаннаго песками, когда вѣтръ пустыни вздымаетъ и волнуетъ ихъ по своему произволу. Радуясь встрѣчѣ и этого жалкаго корма, наши верблюды, на ходу, протягивали къ нему во всю длину свои шеи съ желаніемъ полакомиться; но не рѣдко, сорвавши, тотчасъ выбрасывали бурьянъ вонъ изо рта. Сѣровато-желтая пустыня развернулась безграничнымъ покрываломъ, съ закругленными холмами и разными небольшими пологими углубленіями, гдѣ нѣтъ ни малѣйшаго пріюта для жизни человѣка. Всѣ углубленія и холмы не представляли на горизонтѣ ни одного угла, и глазъ вездѣ видитъ только однѣ извилистыя линіи. Но при этомъ, песокъ здѣсь не разсыпчатъ и довольно твердъ, такъ, что нога верблюда держится на поверхности и не тонетъ, хотя мѣстами немного и вдавливается. Впрочемъ, въ другихъ мѣстахъ и въ особенности на подъемѣ и спускѣ, онъ дѣлался сыпучимъ и тогда путь былъ истинно тягостенъ. Сидя на верблюдѣ, везя съ собою и поклажу, и провизію, и воду на нѣсколько дней, видя повсюду одну безграничную пустыню, невольно углубляешься въ самаго себя, ищешь въ самомъ себѣ опоры и сознаешь всю силу и могущество своего духа. Здѣсь нѣтъ страха, нѣтъ опасенія и смѣло подвигаешься впередъ. Вы, конечно, были на вершинахъ высокихъ горъ, были

въ открытомъ морѣ, когда берега скрываются отъ глазъ, когда видищь только небо и море; чувство, которое вы когда испытывали, близко къ тому, о которомъ теперь я говорю.

По этому пути идетъ линія телеграфовъ; она оканчивается Суесомъ и есть продолженіе линіи, идущей отъ Даміэтта по морскому берегу чрезъ Розетту до Александріи, и отсюда вдоль Нила до Каира. Телеграфы служили намъ, какъ бы маяками того направленія, по которому мы должны были слѣдовать. Изъ нихъ первый, въ виду Каира, каменный, всѣ остальные деревянные съ контрофорсами изъ бревенъ вокругъ, и представляются какъ бы временными зданіями.

На этомъ же пути учреждены станціи англійской компаніи; отъ Каира до Суеса всего восемь перегоновъ или семь станціонныхъ домовъ, и изъ нихъ при трехъ устроены трактиры. Но въ этихъ трактирахъ я ничего не нашелъ, равно лошадей на станціяхъ постоянно не держатъ, а приводятъ ихъ изъ Каира къ тому времени, когда ожидается въ Суесъ остъ-индійскій пароходъ; въ то же самое время приходитъ пароходъ въ Александрію съ почтою изъ Лондона, и они, направляясь съ пунктовъ земнаго шара, совершенно противуположныхъ и раздѣленныхъ нѣсколькими морями, но соединенныхъ общими выгодами торговли и политики, здѣсь обмѣниваются своими пассажирами, товарами, корреспонденціею. При этомъ случаѣ, бывающемъ обыкновенно одинъ разъ въ мѣсяцъ,

путь этотъ весьма оживляется, и въ гостинницахъ пустыни можно найти все, что угодно и едва ли не со всѣми утонченностями англійскаго вкуса и комфорта. Но здѣсь существуетъ странное установленіе: право на входъ въ эти гостинницы особо покупается въ Каирѣ и Суесѣ, въ конторахъ компаніи; оно стоитъ 100 египетскихъ піастровъ (22 р. ас.) на человѣка, и это только за одинъ входъ, неболѣе; а за все то, что вы потребуете, нужно платить особо и, конечно, недешево, потому что все доставляется изъ Каира и въ этой знойной пустынѣ скоро портится; такъ на примѣръ, стаканъ нильской воды стоитъ здѣсь 2 піастра, или 44 коп. мѣдью. Станціонные домы имѣютъ хотя простой, но очень приличный видъ; они построены изъ камня въ одинъ этажъ и, по обычаю края, съ плоскими крышами.

Изрѣдка встрѣчали мы на пути караваны верблюдовъ, болѣе или менѣе многочисленные и большею частію порожнякомъ. Въ самую жаркую пору дня, когда солнце палило землю своими раскаленными и почти отвѣсными лучами, мы встрѣтили одинъ такой караванъ, въ 50 слишкомъ верблюдовъ, которые шли своимъ мѣрнымъ шагомъ и, какъ обыкновенно, въ четыре или пять длинныхъ линій. Ни одной человѣческой фигуры не было видно ни на нихъ, ни возлѣ; караванъ управлялся, какъ бы невидимою силою. Когда мы поравнялись съ нимъ на разстояніи 10 — 15 саженей, тогда только я замѣтилъ, что погонщики спали на вер-

блюдахъ глубокимъ сномъ, свернувшись клубкомъ на вьючныхъ сѣдлахъ, или сидя верхомъ сзади сѣделъ и растянувшись вдоль его всѣмъ корпусомъ, а руками обхвативъ переднюю луку. Сонъ этихъ всадниковъ былъ такъ крѣпокъ, что хотя мы звали ихъ, кричали, что есть силы, но никто изъ нихъ даже не пошевельнулся. Что же касается до дороги, то верблюды знаютъ ее, не хуже своихъ хозяевъ, и знаютъ время своего отдыха, который когда наступитъ, то они разбредутся въ разныя стороны вокругъ щипать остатки колючихъ травъ, и ни какая плеть тогда не удержитъ ихъ отъ этого. Но за то ни какое животное не замѣнитъ верблюда въ знойныхъ и безплодныхъ пустыняхъ Востока, гдѣ идетъ онъ иногда по нѣсколько дней сряду, не омочивши рта ни одной каплею воды и довольствуясь самою умѣренною дачею корма. Сама природа, какъ бы желая помочь человѣку, создала верблюда для этихъ безграничныхъ пустынь. Онъ ревностно и безъ лукавства служитъ человѣку во всю жизнь свою до той минуты, пока не истощится весь запасъ силъ его, и очень часто, въ буквальномъ смыслѣ, падаетъ мертвымъ подъ своимъ бременемъ. Костями его усѣяны всѣ пути пустыни и тотъ, по которому я ѣхалъ, былъ ими достаточно богатъ. Эти кости также служатъ маяками пути. Иногда видишь не большое возвышеніе, — могилу путника, и на верху — кости его вѣрнаго слуги—верблюда. Смертность въ караванахъ иногда бываетъ истинно ужасна, сколько отъ истощенія

силъ въ пути, столько же и отъ зноя, при крайнемъ недостаткѣ въ водѣ, не избѣжномъ и не отстранимомъ при огромномъ скопищѣ народа и верблюдовъ, какъ это бываетъ въ Меккскомъ караванѣ, проходящемъ здѣсь дважды въ годъ и усѣивающемъ путь свой цѣпью могилъ и верблюжьихъ труповъ. Иногда хамсинъ (палящій вѣтръ Африки) захватываетъ караванъ этотъ въ пустынѣ, хотя обыкновенно стараются достигнуть мѣста до начала его эпохи, и тогда смертность еще болѣе увеличивается; бывали же примѣры, что чума обнаруживалась между поклонниками, и тогда каждый привалъ обозначался десятками могилъ.

Дорога пробита двадцатью или тридцатью тропинками, нѣсколько углубленными и въ полъ-аршина шириною каждая. Онѣ идутъ большею частію паралельно, на разстояніи 2, 4, 5 аршинъ, часто сближаются, отдаляются, иногда сливаются. Идя шагомъ, верблюдъ любитъ слѣдовать по пробитому пути и выбираетъ любую тропинку; но когда бѣжитъ, то беретъ прямѣйшее направленіе къ своей цѣли.

Путь нашъ шелъ большею частію низменными мѣстами, переходя изъ одной уади въ другую, и почти все въ прямомъ направленіи на востокъ; изрѣдка только были небольшія уклоненія, но и то не на долго. На второй половинѣ пути дѣлается поворотъ къ юго-востоку, прямо на Суесъ. Съ лѣва постоянно во всю дорогу идутъ песчаные холмы, насыпи и возвышенія, болѣе или менѣе

поднятые и сливающіеся однѣ съ другими. Съ права, отъ горы Мокаттамъ далѣе къ сѣверу горизонтъ постепенно понижается и переходитъ въ такія же возвышенія, какія и на лѣвой сторонѣ дороги; но между ними и дорогою разстилается необъятная равнина съ немногими песчаными холмами. На половинѣ пути до Суеса появляются эти холмы ближе къ дорогѣ, выше и выше, потомъ показываются горы, которыя за тѣмъ идутъ уже неразрывною цѣпью до самаго Краснаго моря. Хотя эти горы и раздѣляются глубокими и широкими долинами и оврагами, но эти углубленія не замѣтны для глаза, и горы кажутся сплошною цѣпью. Первая гора носитъ имя Мукри, имя обширной равнины, разстилающейся отъ ней къ сѣверу, другая Грабунъ или Гарбунъ, третья выше и длиннѣе прочихъ Атака, упирающаяся въ самое море.

Уже нѣсколько дней жары въ Каирѣ были истинно нестерпимы и я постоянно, съ утра до ночи, даже часто ночью, бывалъ облитъ пóтомъ съ головы до ногъ. Судя по этому, я думалъ, что въ пустынѣ еще болѣе буду терпѣть отъ нихъ; но на первый разъ, нашелъ здѣсь совсѣмъ противное. Жаръ лѣта здѣсь охлаждался вѣтеркомъ съ сѣвера, а какъ я запасся зонтикомъ и легкимъ платьемъ, то отъ жару въ этотъ день ни сколько не страдалъ. Но не такъ было въ слѣдующіе дни.

Когда я сѣлъ въ первый разъ на верблюда и

тронулся съ мѣста, то, конечно, не могъ не чувствовать нѣкотораго рода страха отъ новаго и незнакомаго мнѣ рода верховой ѣзды, и тѣмъ болѣе, что шеихъ сказалъ мнѣ, что дромадеръ мой еще очень молодъ и любитъ сбивать сѣдока. Подъ этимъ предлогомъ одинъ изъ бедуиновъ долго велъ его за поводъ, а потомъ, когда онъ оставилъ насъ, поводъ передалъ шеиху, сидѣвшему на другомъ верблюдѣ съ поклажею. Сколько я ни понуждалъ шеиха ѣхать скорѣе, но онъ не прибавлялъ шагу своего верблюда, часто слѣзалъ съ него и болѣе шелъ пѣшкомъ. Наскучивъ тихою ѣздою, я взялъ поводъ къ себѣ въ руки и погналъ своего дромадера: онъ не изъявилъ ни малѣйшаго желанія сбить меня. Ясно было видно, что бедуины, знавши, что я въ первый разъ ѣду на верблюдѣ, хотѣли напугать меня и тѣмъ удержать отъ скорой ѣзды. Хотя уговоръ былъ, дать мнѣ всѣхъ трехъ хорошихъ дромадеровъ, однако верблюдъ подъ моими вьюками шелъ очень медленно и, не смотря на всѣ понужденія, не прибавлялъ шагу. Въ оправданіе себя, шеихъ говорилъ, что онъ тяжело навьюченъ: мы раздѣлили тяжесть на всѣхъ трехъ верблюдовъ по ровну; но скорость его не прибавилась. Послѣ этого я сказалъ шеиху, чтобы въ Суесѣ онъ непремѣнно перемѣнилъ этого верблюда, иначе я найду судъ у консула и у губернатора.

При наймѣ верблюдовъ, шеихъ сказывалъ, что, согласно моему желанію, поѣдетъ только онъ одинъ; для него назначался третій верблюдъ, который

долженъ былъ везти воду и часть моей поклажи. Когда пришли верблюды къ Аверову на дворъ, то разныхъ мѣшковъ съ кормомъ и водою, принадлежавшихъ бедуинамъ, было на нихъ вдвое болѣе противъ того, сколько я обязывался взять съ собою. Я замѣтилъ имъ это, но они отзывались, что это не замедлитъ нашей ѣзды, тѣмъ болѣе, что кладь, заключавшаяся почти исключительно въ провизіи, съ каждымъ днемъ будетъ уменьшаться. Когда мы выѣхали, то при каждомъ верблюдѣ было по одному бедуину. Хотя для безопасности въ пути было это и не дурно, однако пѣшіе люди, по моему мнѣнію, должны были замедлить путь нашъ. На вопросъ мой, за чѣмъ они идутъ, шеихъ давалъ отвѣты, передаваемые мнѣ моимъ драгоманомъ Матвѣемъ, по плохому его знанію языка пустыни, довольно неясно. Скоро потомъ одинъ бедуинъ отсталъ и было при мнѣ ихъ два; они поперемѣнно садились на третьяго верблюда. Къ вечеру, когда я поѣхалъ скорѣе, отсталъ и другой бедуинъ, и мы съ однимъ шеихомъ сдѣлали нѣсколько часовъ пути, прежде, чѣмъ наконецъ остановились на ночной отдыхъ.

Было 11 часовъ ночи, когда мы расположились на ночлегъ. Въ этотъ день былъ я на верблюдѣ, безъ малѣйшаго отдыха, ровно $11^1/_2$ часовъ. Пристали мы у четвертой англійской станціи, т. е. ровно на половинѣ дороги отъ Каира до Суеса. Но бедуины половиною дороги считаютъ мѣсто не много далѣе, на полчаса пути. Я чувствовалъ

себя весьма уставшимъ и приказалъ разостлать поскорѣе коверъ, а чрезъ пять минутъ спалъ также крѣпко, какъ и тѣ бедуины, которыхъ встрѣтилъ днемъ спавшими на своихъ верблюдахъ. Рядомъ со мною расположился одинъ изъ моихъ дромадеровъ, а въ головахъ другой; бобы хрустѣли подъ ихъ зубами. По этому хрустѣнію, часто ускорявшемуся и скоро убаюкавшему и меня, и Матвѣя, и шеиха, замѣтно было, что бѣдныя животныя, потрудившись порядкомъ въ этотъ день, ужинали съ большимъ аппетитомъ. Сѣдоки же ихъ и не вспомнили объ ужинѣ.

IV.

Второй день пути. Крепостца Ажрудъ. Ханъ-Шейха. Суесъ. Его базаръ. Портъ. Воспоминаніе о Наполеонѣ.

19 Мая, среда. Ночью прибыло много бедуиновъ изъ Каира съ своими верблюдами. Они расположились на отдыхъ возлѣ насъ. Съ ними пріѣхалъ и тотъ бедуинъ, который отсталъ отъ насъ дорогою. Проснувшись въ 3 часа, я разбудилъ шеиха и напомнилъ ему, что пора ѣхать; на это онъ отвѣчалъ, что отъ прибывшихъ въ ночь его товарищей онъ хочетъ взять, въ замѣнъ отстававшаго верблюда, другаго лучшаго; но какъ они только что прибыли, то просилъ обождать, пока верблюды съѣдятъ свою порцію бобовъ. Я снова заснулъ, но черезъ часъ поднялся, а еще чрезъ полчаса, мы тронулись въ путь. Было ровно $4^1/_2$ часа. Новый верблюдъ давалъ большую надежду на свою

неутомимость; онъ былъ очень хорошъ и на него сѣлъ мой Матвѣй; но верблюдъ, бывшій подо мной, шелъ лучше и былъ на ходу легче всѣхъ трехъ. На разсвѣтѣ, показался впереди сиккоморъ закругленной фигуры; не имѣя вблизи предметовъ для сравненія и, представляясь намъ на горизонтѣ, онъ казался необыкновенно высокимъ; но когда мы поравнялись, то увидали, что онъ самой посредственной величины. Находясь на половинѣ пути отъ Каира до Суеса, въ 12 часахъ ѣзды отъ того и другаго города, посреди самой безплодной пустыни, онъ долго привлекаетъ къ себѣ взоры путника, отвыкшаго видѣть зелень деревьевъ. Мусульмане приписываютъ ему священное начало и говорятъ, что онъ выросъ отъ зерна, брошеннаго Мухаммедомъ при его отдыхѣ въ этомъ самомъ мѣстѣ. Мы проѣхали отъ него саженяхъ въ 50. Не много далѣе, у самой дороги, стоитъ простой надгробный памятникъ какого-то шеиха, умершаго здѣсь на пути изъ Мекки и бывшаго въ свое время извѣстнымъ по уму и дѣламъ, а потому и признаннаго святымъ. При этомъ не излишне замѣтить, что подобныхъ мусульманскихъ святыхъ на Востокѣ безчисленное множество; но что поклоненіе ихъ святости ограничивается одною только мѣстностію ихъ могилы.

Не въ дальнемъ отсюда разстояніи указывали мнѣ въ-лѣвѣ мѣсто, гдѣ пытались рыть колодезь. Хотя воду тамъ и нашли, но въ весьма маломъ количествѣ, да и та скоро исчезла. Буркгартъ также

упоминаетъ объ этомъ колодцѣ, говоря, что было прорыто до 800 футовъ глубины и не найдено ни одной капли воды. Дожди здѣсь бываютъ только въ зимніе мѣсяцы: Декабрѣ и Январѣ, иногда въ Мартѣ и Апрѣлѣ; но и то весьма рѣдко и не много. Въ это время песчаныя степи покрываются на короткое время рѣдкою зеленью кустовъ бурьяна, и жители сосѣдней провинціи Шаркіе, подобно Израильтянамъ ветхаго завѣта, посылаютъ стада свои на пастьбу въ ближайшія мѣста и уади этой пустыни.

Имѣя всѣхъ трехъ хорошихъ дромадеровъ, мы поѣхали на рысяхъ. Мнѣ казалось сначала, что рысь верблюда выносить легче, чѣмъ его поступь, которая съ каждымъ шагомъ приводитъ въ движеніе весь корпусъ сѣдока; нѣсколько часовъ я былъ въ этомъ убѣжденіи, но потомъ началъ чувствовать большую усталость и боль въ груди, постепенно усиливавшуюся, и думаю, что не могъ бы вынести верблюжей рыси нѣсколько дней сряду: для этого нужно имѣть крѣпкую грудь и закаленное здоровье бедуина.

Въ этотъ день до Суеса нужно было намъ сдѣлать четыре станціи, я разумѣю англійскихъ. Для этого, къ обѣду я старался доѣхать до второй станціи, хотя перегоны здѣсь длиннѣе, чѣмъ были вчера. Вчера отъ станціи до станціи были мы въ пути по 3 часа, сегодня же почти по 4 ч.; прежде было на каждомъ перегонѣ по два телеграфа, теперь по три. Послѣдній ко второй станціи теле-

графъ находился почти у самой дороги; я повернулъ къ нему, чтобы взглянуть по-ближе на его постройку и чтобы чѣмъ нибудь пополнить пустоту и однообразіе моего пути. Былъ 12-ый часъ дня и солнце достигало высшей точки своей орбиты. Верблюдъ мой, довольно замученный 7-ю часами скорой ѣзды, охотно повернулъ къ телеграфу, подошелъ къ нему и остановился; я хотѣлъ понудить его идти далѣе, кричалъ на него и потомъ слегка ударилъ курбашемъ (*) по шеѣ; но онъ, вмѣсто того, чтобы меня послушать, разомъ сѣлъ, или, вѣрнѣе сказать, упалъ на брюхо, и какъ я все еще не сходилъ съ сѣдла, то, оборотивъ назадъ, прямо ко мнѣ, свою голову и устремивъ на меня глаза, кричалъ самымъ жалобнымъ голосомъ, какъ бы прося отдыха. Нечего было дѣлать, нужно было его послушать.

Расположившись въ тѣни телеграфа, я разлегся на коврѣ и чувствовалъ, что меня порядочно разтрясло и что дѣйствительно уже очень была пора отдохнуть. Здѣсь я позавтракалъ; но мнѣ не ѣсть, а пить хотѣлось; жажда томила, снѣдала меня, и это очень натурально, потому что, при скорой ѣздѣ и этомъ зноѣ солнца, вся влага изъ тѣла тотчасъ испаривается. Подали воду; но вода въ мѣшкахъ испортилась и представляла какіе-то желтоватые съ во-

(*) Курбашъ есть хлыстъ изъ кожи гиппопотама, въ большомъ употребленіи въ Египтѣ, гдѣ онъ замѣняетъ, чтобы погонять лошадь, плеть, а для наказанія человѣка, розгу и палки.

локнами помои въ самомъ отвратительномъ видѣ. Нужно было чѣмъ нибудь пособить страданію отъ жажды; я смѣшалъ полъ-стакана этой гадкой жидкости съ оржадомъ и, закрывъ глаза, проглотилъ ее насильно, подобно тому, какъ принимаютъ микстуру. Въ этомъ заключалось все питье мое въ этотъ день до самаго вечера, потому что пить эту воду я уже не могъ себя принудить.

Кромѣ того въ этотъ день я началъ чувствовать страданія въ тѣлѣ и отъ жара. При египетской курткѣ, открытая часть руки повыше кисти, не привыкши быть открытою, начала горѣть, болѣть и пухнуть; опухоль обхватила руку вокругъ и представилась въ видѣ браслета. Я обвязалъ обѣ руки въ этомъ мѣстѣ платками, и на другой день боль миновалась. То же самое начало дѣлаться и съ нижнею частію шеи, которая была также открыта; но я поспѣшилъ надѣть галстухъ, который, а равно и платки на рукахъ, не снималъ уже во всю дорогу. Въ перчаткахъ было невыносимо жарко и потому я снялъ ихъ еще въ началѣ моего пути; кисти рукъ, привыкши къ воздуху, отъ жара не страдали; но за то онѣ до того загорѣли, что казалось будто на нихъ были надѣты перчатки особаго цвѣта; лице подверглось той же самой участи, и когда я воротился въ Каиръ, то цвѣтомъ кожи приближался къ бедуину.

Изъ Каира я запасся термометромъ въ футлярѣ; желая знать, какъ великъ жаръ, я велѣлъ подать его, и здѣсь, къ истинному моему сожалѣнію, уви-

дѣлъ, что, будучи несовсѣмъ хорошо уложенъ, сегодняшней верблюжей рыси онъ не выдержалъ и разбился во многихъ мѣстахъ.

При дневномъ отдыхѣ и ночлегѣ, всѣ вьюки, а часто и самое сѣдло, съ верблюдовъ снимаются. По глазамъ и движеніямъ животнаго видно, что оно, въ эти рѣдкія для него минуты, вполнѣ блаженствуетъ. Съ сидящаго положенія оно ложится на бокъ, часто валяется, подымая всѣ четыре ноги на воздухъ, старается перевалиться на другую сторону, съ упорствомъ этого добивается и, не успѣвши, какъ бы досадуетъ на горбъ, помѣху въ этомъ удовольствіи. Каждому изъ верблюдовъ, на разостланныхъ бурнусахъ, даютъ по горсти, а и иногда и по двѣ, бобовъ; какъ бы желая продлить наслажденіе ѣды, они подбираютъ бобы губами, часто по одному зерну, разгрызываютъ и разжевываютъ ихъ, какъ можно медленнѣе. Но нельзя не замѣтить и въ этомъ ихъ умѣренности: при всей экономіи въ дачѣ бобовъ, нерѣдко случается, что ко времени отъѣзда верблюдъ не все съѣдаетъ и терпѣливо смотритъ, какъ хозяинъ беретъ изъ подъ его рта остатокъ кóрма и всыпаетъ снова въ мѣшокъ.

Не долго отдыхалъ я въ тѣни телеграфа и, когда верблюды кончили свою порцію бобовъ, тронулся далѣе, желая поспѣть въ Суесъ еще до заката солнца. Скоро я поравнялся съ горою Атака; противъ нея на лѣвой сторонѣ у меня была гора Авейбидъ. Передъ этимъ мѣстомъ выходили

на мою дорогу и другіе два пути, идущіе изъ Каира въ Суесъ и о которыхъ было говорено выше. Подвинувшись еще нѣсколько впередъ, вы видите предъ собою обширную песчаную равнину съ нечувствительнымъ покатомъ съ сѣвера на югъ; равнина эта, ровною плоскостію идетъ на право, все далѣе и далѣе; вы слѣдите за ней глазами и останавливаетесь на синей, яркой, узкой полосѣ, обрѣзывающей ее на самомъ горизонтѣ. Въ полосѣ этой вы узнали море и не можете оторвать глазъ отъ ней; вы бы желали видѣть его по-долѣе и по-ближе, и сама дорога, какъ бы отгадывая ваше желаніе, дѣлаетъ поворотъ по направленію къ стихіи, приковавшей ваши взоры. На берегу виднѣется что-то въ родѣ темно-сѣрыхъ, вросшихъ въ землю мазанокъ, и вамъ говорятъ, что это Суесъ.

Не далеко отъ поворота и не доѣзжая до Суеса одну англійскую станцію, видишь въ-лѣвѣ, отъ дороги версты на полторы, извѣстную крѣпостцу Ажрудъ съ колодцемъ горькой воды, въ 250 футовъ глубины. Близъ нея, мечеть съ гробницею какого-то арабскаго святаго и съ оградою вокругъ. Въ 3 или 4 верстахъ отъ сюда на С. З., въ открытой пустынѣ, находится извѣстный колодезь Эмшашъ, съ хорошею водою, за которымъ наблюдаютъ люди, живущіе въ этой крѣпостцѣ. Здѣсь Меккскій караванъ, на пути изъ Каира, отдыхаетъ, наливается водою и, оставляя Суесъ въ правѣ, направляется, чрезъ пустыню, прямо на Акабу. Цѣль

постройки крѣпостцы заключается въ защитѣ и покровительствѣ священнаго каравана. Это тѣмъ болѣе было полезно , что мѣсто это извѣстно разбоями воровъ, которымъ близость горы Атаки представляетъ всѣ удобства скрываться. Буркгардтъ долженъ былъ три дня пробыть въ Ажрудѣ, чтобъ избѣжать приготовленной ему засады. Опаснѣйшій здѣсь проходъ носитъ названіе эль-Мунтула. Но теперь, благодаря желѣзной волѣ Мегемета-Али и его неусыпному покровительству иностранцевъ, здѣсь уже давно не слышно о разбояхъ.

Воздухъ былъ чистъ, тихъ и безъ малѣйшаго движенія. Полоса моря отражала глубокую синеву неба. Мнѣ радостно было видѣть ее, какъ потому, что уже 6 мѣсяцевъ я не былъ у моря, привыкши жить близь него, такъ и потому въ особенности, что это давало надежду скоро достигнуть жилища людскаго и свѣжей воды. Равнина, разстилавшаяся отъ Ажруда къ морю, представляла плоскость, примѣрно до 20 квадратныхъ верстъ, и на этомъ пространствѣ еще разительнѣе представился общій характеръ пустыни безплодной, безжизненной, безотрадной.

Ажрудъ отстоитъ отъ Суеса на четыре часа ѣзды. Мы продолжали путь нашъ по равнинѣ и чрезъ три часа (т. е. за часъ до Суеса) достигли такъ называемаго хана-шеиха или, какъ другіе даютъ ему имя, Биръ-Суеса, т. е. колодца Суесскаго. Это четвероугольный дворъ средней величины, ого-

роженный высокою каменною стѣною, съ двумя глубокими колодцами соленоватой воды, которую безпрестанно подымаютъ на верхъ, посредствомъ во́ротовъ, и выливаютъ въ огромные каменные корыта у внѣшнихъ стѣнъ, для общаго безплатнаго пользованія. Во времена Нибура, воду здѣсь доставали руками, но теперь нѣсколько быковъ безпрестанно работаютъ на водоподъемной машинѣ. Этотъ колодезь снабжаетъ Суесъ водою для варенія пищи, мытья бѣлья и прочихъ домашнихъ потребностей; для питья же она не годится, и для этого привозятъ воду изъ колодцевъ Св. Пророка Моисея — по ту сторону залива, или изъ богатаго источника На̂ба, находящагося нѣсколько на сѣверъ отъ сихъ послѣднихъ, или изъ горъ — въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды къ сѣверу отъ Суеса, гдѣ вода отъ снѣговъ сохраняется иногда до осени, или же наконецъ берутъ ее изъ водохранилищъ въ городѣ, которыхъ впрочемъ тамъ очень не много. Зная, что уже скоро и гдѣ именно есть вода, наши верблюды, версты за полторы до колодца, прибавили шагу, пошли безъ всякаго съ нашей стороны понужденія веселѣе и направились прямо къ оградѣ. Вокругъ, было много верблюдовъ иословъ, пригнанныхъ сюда изъ города, одни для водопоя, другіе съ мѣшками для воды. У бассейна толпилось десятка полтора этихъ животныхъ; но подымаемая вода скоро поглощалась ими и бассейны были почти совсѣмъ сухи; струю ея изъ желобовъ направляютъ прямо въ мѣшки, а также и въ

чаши, изъ которыхъ обыкновенно поятъ скотъ, для экономіи въ водѣ; въ бассейны же попадалась только та вода, которая, проливалась при этомъ. Наши верблюды, имѣя болѣе жажды, чѣмъ прочія, тѣснившіеся у бассейна животныя, пробились къ струѣ воды, и бедуины поспѣшили напоить ихъ. Вода здѣсь чиста, какъ кристалъ, но до того солена, что, при всей снѣдавшей меня жаждѣ, я едва могъ принудить себя выпить одинъ стаканъ ея по поламъ съ оржадомъ; бедуины же мои ее и не пробовали; но верблюды пили съ жадностію и тѣмъ болѣе, что были напоены предъ симъ третьяго дня, т. е. на канунѣ отъѣзда изъ Каира. Напоивъ верблюдовъ, мы тронулись далѣе и безпрестанно обгоняли вереницы ословъ, везшихъ въ мѣшкахъ воду для городскихъ жителей.

Солнце было еще высоко, когда я завидѣлъ оградныя стѣны Суеса. Стѣны эти построены изъ землянаго кирпича и кажутся весьма ненадежными оплотами для защиты отъ нападенія. Въ 7 ч. вечера я былъ въ Суесѣ. Какъ внѣшній, такъ и внутренній видъ города,—самый грустный, самый печальный; нигдѣ нѣтъ ни сада, ни огорода, ни одного деревца, ни одного кустика, ни одной травинки; домы изъ землянаго кирпича, мѣстами полу-разрушенные; улицы грязны и засорены всякою возможною нечистотою. Народъ въ рубищахъ, дѣти полу-нагія, болѣзненнаго вида и, въ буквальномъ смыслѣ, въ грязи съ головы до ногъ. Никто еще не утолялъ жажды здѣсь у жи-

ваго источника, никто не слыхалъ пѣнія птицы. За вычетомъ простоевъ, былъ я въ пути отъ Каира до Суеса ровно 24 часа. Почты англійской компаніи дѣлаютъ это пространство въ 17 часовъ. Разсказываютъ, что Мегеметъ-Али паша сдѣлалъ его однажды верхомъ, на подставныхъ лошадяхъ, въ 13 часовъ. По моему счету, здѣсь должно быть до 120 верстъ (*). Усталъ я до-нельзя; лице горѣло, жажда терзала меня; но за то, когда я добрался до воды, хотя также отъ-части соленоватой,—лилъ ее въ себя, подслащивая лимоннымъ сиропомъ, какъ въ Данаеву бочку; я потерялъ счетъ стакановъ воды, мною выпитой, и не помню, чтобы когда-либо въ жизни моей пилъ ее съ большею жадностію.

Аверовъ далъ мнѣ рекомендательное письмо къ своему корреспонденту въ Суесѣ, агенту французскаго консульства, греку Костѣ, къ которому прямо я и присталъ. Онъ принялъ меня довольно ласково, хотя совершенно въ духѣ левантинскаго купца. Пока Матвѣй хлопоталъ у моихъ вещей, онъ послалъ за однимъ арабомъ, хорошо говорив-

---

(*) Профессоръ Робинзонъ сдѣлалъ разстояніе это въ $32\frac{1}{2}$ часа и считаетъ здѣсь $64\frac{1}{2}$ англ. геогр. мили. Въ 1 градусѣ миль этихъ 60, въ каждой милѣ $1\frac{3}{4}$ версты. По этому расчету $64\frac{1}{2}$ мили соотвѣтствуютъ 113 верстамъ. Но я убѣжденъ, что здѣсь болѣе разстоянія; нѣсколько дней послѣ я вычислилъ, по обыкновеннымъ тихимъ шагамъ верблюда, что въ часъ я дѣлалъ до 5 в., на рысяхъ дѣлаешь болѣе, и что 24 часа моей ѣзды составляютъ никакъ не менѣе 120 верстъ.

шимъ по-французски и чрезъ котораго пошелъ нашъ разговоръ. Арабъ этотъ спрашивалъ меня между прочимъ, знаю ли я Норова, и сказалъ, что былъ при немъ переводчикомъ въ Верхнемъ Египтѣ. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, Коста вошелъ со мною въ политическій разговоръ и старался показать, что хотя онъ и живетъ Богъ знаетъ въ какомъ захолустьѣ, однако, какъ лицо дипломатическое, какимъ себя воображалъ, слѣдитъ за ходомъ дѣлъ политическихъ. Приходъ къ намъ Суесскаго губернатора, Ибрагимъ-Бея, красиваго турка, чисто одѣтаго и чисто выбритаго, прервалъ разговоръ нашъ о политикѣ и обратилъ его на другіе обыкновенные и близкіе намъ предметы. Коста между прочимъ вспоминалъ о Князѣ К. А. Суворовѣ-Рымникскомъ, предъ тѣмъ за пол-года бывшемъ въ Суесѣ и который также къ нему былъ рекомендованъ.

20 Мая, четвергъ. Праздникъ Вознесенія Господня. По случаю прилива воды, верблюды не могли перейти Суесскій заливъ вчера и потому еще съ вечера, я приказалъ шеиху переправить ихъ на ту сторону ночью, при отливѣ. Проснувшись же утромъ въ 4 часа, я узналъ, что онъ еще въ городѣ; прошло послѣ того еще полтора часа, и онъ все еще не собрался; медленность эта вывела меня изъ терпѣнія, я покричалъ на Матвѣя, дурно распорядившагося, и прогналъ отъ себя шеиха, говоря, что возьму другихъ верблюдовъ или же поѣду на лодкѣ до Тора, откуда до Синая всего только полтора дня ѣзды.

Между тѣмъ явились еще два бедуина, хозяева другихъ двухъ верблюдовъ, догнавшіе насъ здѣсь ночью. Они рѣшительно отозвались, что гнать верблюдовъ рысью въ такой длинной путь, какъ до Синая, и въ это жаркое время, они не могутъ согласиться и что въ три дня отсюда до Синая поспѣть ни въ какомъ случаѣ не возможно. Въ этомъ дѣлѣ я долженъ былъ прибѣгнуть къ моему Костѣ. Но мнѣ сказали, что онъ еще спитъ; я подождалъ его пробужденія, а когда онъ вышелъ, то отозвался, что спѣшитъ теперь въ церковь и что устроитъ дѣло мое послѣ литургіи. Нечего было дѣлать, нужно было снова ждать, и я отправился ходить по городу.

Суесъ расположенъ въ углѣ, образуемомъ сѣверною оконечностію Суесскаго залива и узкимъ рукавомъ воды, идущимъ къ сѣверу отъ восточной части этой оконечности. Но отъ конца залива, онъ отстоитъ на разстояніе 2-хъ или 3-хъ верстъ. Съ трехъ сторонъ онъ обведенъ стѣнами (*), а четвертою, съ С. В., примыкаетъ къ Суесскому рукаву; здѣсь портъ и порядочная пристань для судовъ второй и третьей величины; суда же первой величины и даже второй нагруженныя, останавливаются въ заливѣ. Транзитъ товаровъ изъ Индіи въ Европу чрезъ Красное море дѣлалъ этотъ пунктъ всегда важнымъ; ежегодное странствованіе поклонниковъ въ Мекку, кромѣ обыкновеннаго сухаго пути, также

(*) Во времена Нибура онъ не былъ огороженъ.

моремъ до Джедды, а въ послѣднее время учрежденіе пароходнаго сообщенія съ Индіею посредствомъ этого моря, въ особенности способствовали усиленію важности Суеса въ торговомъ отношеніи. Но при всей важности этого пункта, трудно найти мѣсто, которое бы представляло болѣе, чѣмъ Суесъ, лишеній для жизни, было бы болѣе грустнымъ, безотраднымъ, и которое, какъ замѣчаетъ Робинзонъ, съ бо́льшимъ желаніемъ всякой старался бы по-скорѣе оставить. И потому не удивительно, что Суесъ, не смотря на огромную чрезъ него торговую дѣятельность, есть и былъ всегда небольшимъ городомъ. По словамъ Косты, жителей въ немъ теперь до 3 тысячь; христіанъ—грековъ, до 70 человѣкъ (*). Суесъ, какъ извѣстно изъ арабскихъ лѣтописей, основанъ въ первой половинѣ XVI столѣтія. До него существовалъ здѣсь арабскій городъ Кользумъ, который впрочемъ находился около одной версты на сѣверъ отъ Суеса, на той же сторонѣ рукава; возвышенія отъ мусора, оставшагося послѣ его развалинъ, и теперь видны. Должно полагать, что въ прежнее время вода по рукаву туда доходила; но отъ прибоя волнъ и песковъ пустыни, рукавъ въ этомъ мѣстѣ обмелѣлъ и, вѣроятно, это самое было причиною перенесенія города на другое мѣсто, ближайшее къ заливу. Ранѣе арабскаго Кользума, былъ здѣсь греческой городъ Клизма; по созвучію

(*) Робинзонъ говоритъ, что мухаммеданъ около 1.200, а грековъ около 150 человѣкъ.

именъ, полагаютъ, что первое названіе, въ устахъ арабовъ, образовалось изъ послѣдняго. Обращаясь ко временамъ древности, находимъ, что здѣсь вблизи существовалъ еще городъ Арсиноэ или Клеопатрисъ, находившійся, по изслѣдованіямъ нѣкоторыхъ, въ 7 или 8 верстахъ на С. В. отъ Суеса.

Въ городѣ нѣсколько просторныхъ площадей. Извилистая улица, идущая отъ воротъ, въ которыя я въѣхалъ, чрезъ весь городъ и вдоль рукава залива, есть не болѣе, какъ рядъ площадей, соединенныхъ переулками. На нихъ производятся разныя работы; въ одномъ углѣ первой площади шьютъ паруса по выкройкѣ на землѣ, обрисованной протянутыми веревками; въ другомъ углѣ навалены кипы товаровъ, только-что привезенныя и перетаскиваемыя въ сосѣдній обширный ханъ; далѣе кучи мусора и всякой нечистоты у самой дороги. Полуголые, грязные, по недѣлѣ и болѣе не мытые мальчишки, съ офтальміею на глазахъ, копаются въ этихъ кучахъ; коростовыя собаки играютъ и валяются вмѣстѣ съ ними. Чрезъ другую площадь протянутъ канатъ, перерѣзывающій самую дорогу и которымъ, при помощи вòрота, вытягиваютъ легкія суда на берегъ. На лучшую площадь выходятъ домы съ флагами, на высокихъ мачтахъ, агентовъ консульствъ французскаго и англійскаго, и домъ губернатора. Еще далѣе, длинное зданіе адмиралтейства, для котораго всѣ матеріалы доставляются на верблюдахъ изъ Каира, а туда изъ Европы и частію изъ Сиріи. По этому можете судить, какъ

трудно достается здѣсь человѣку власть надъ моремъ. На берегу, таможня, заваленная со стороны залива ящиками отъ товаровъ, пустыми боченками, пушками на старыхъ лафетахъ и прочими разностями. Въ концѣ города на Ю. В. строится, на берегу, огромное каменное зданіе, съ обширнымъ дворомъ, съ флигелями и магазинами вокругъ; это будущая остъ-индійская гостинница, воздвигаемая англійскою компаніею. Подъ гостинницу же теперь нанимаются два большіе домы, выходящіе на лучшую площадь и изъ которыхъ въ одномъ живетъ агентъ англійскаго консульства и вмѣстѣ остъ-индійской компаніи.

Въ этомъ самомъ домѣ останавливался Наполеонъ, въ бытность свою въ Суесѣ. Я желалъ видѣть комнату, гдѣ онъ помѣщался и которая, какъ говорятъ, сохранена до сихъ поръ въ прежнемъ видѣ, и держится подъ замкомъ. Меня ввели въ общую столовую гостинницы; окнами на право она выходитъ на заливъ. Изъ нее дверь на лѣво ведетъ въ небольшую комнату, шага 4 длиною и 6 шириною; полъ ея на 1 футъ ниже пола столовой. Комната эта, какъ говорятъ, была спальнею и кабинетомъ великаго человѣка. По обѣ стороны широкіе простые диваны, во всю стѣну, съ подушками вокругъ. Диваны покрыты простымъ ситцемъ; отъ ветхости, во многихъ мѣстахъ онъ прорвался и сквозь дыры видѣнъ толстый холстъ тюфяковъ и даже хлопчатая бумага, которою они набиты. У стѣны противъ двери стоитъ простой большой столъ,

покрытый старымъ зеленымъ сукномъ; ножки стола показываютъ, что когда-то онъ былъ окрашенъ красною краскою. На право, два окна со стеклами, прикрытые снаружи зелеными рѣшетками. Они выходятъ на улицу; изъ нихъ видна сѣверная часть рукава и то мѣсто, гдѣ Наполеонъ чуть было не утонулъ, переѣзжая чрезъ рукавъ на лошади, при возвращеніи своемъ отъ колодцевъ Моисея. Давъ бахшишъ человѣку, показывавшему мнѣ эту комнату, я отправился къ тому мѣсту, гдѣ Наполеонъ переправлялся чрезъ воду. Рукавъ ширины здѣсь шаговъ 300. Сообразивъ всѣ обстоятельства и въ особенности степень скорости прилива воды, я почти вполнѣ убѣжденъ, что опасность, которую приписываютъ положенію здѣсь Наполеона, слишкомъ преувеличена; да и самъ онъ, сколько мнѣ помнится, въ такомъ же смыслѣ отозвался объ этомъ обстоятельствѣ въ запискахъ своихъ на островѣ Св. Елены.

Въ заливѣ стоитъ на якорѣ, или вѣрнѣе на привязи къ береговымъ тумбамъ, много казенныхъ судовъ, частныхъ лодокъ и одинъ небольшой пароходъ Ибрагима-паши. Всего же въ Суесѣ считается лодокъ разной величины, принадлежащихъ частнымъ людямъ, до 80, всѣ онѣ безъ палубы, съ одной мачтою и однимъ парусомъ; казенныхъ бриговъ и шкунъ 8. При переходѣ поклонниковъ въ Мекку и обратно, всѣ эти суда бываютъ въ дѣлѣ и ходятъ безпрестанно между Джеддою и Суесомъ. На горизонтѣ, въ морѣ, видно было два большихъ

купеческихъ судна, стоявшихъ на якорѣ и которыя въ рукавъ не могли войти.

Углубившись въ городъ, я прошелъ по нѣсколькимъ улицамъ; всѣ онѣ извилисты, мрачны, тѣсны, грязны. Этимъ въ особенности отличаются улицы базара, вдоль которыхъ съ обѣихъ сторонъ тянутся сплошныя крошечныя лавки, начиненныя всякимъ товаромъ и всякими потребностями для простаго народа, доставленными сюда изъ Каира. У лавокъ — навѣсы, еще болѣе увеличивающіе темноту улицъ. Народъ толпится, снуетъ, торгуется, кричитъ и споритъ; купцы важно сидятъ въ своихъ лавкахъ, поджавши подъ себя ноги, куря табакъ изъ длинныхъ чубуковъ и едва удостоивая покупщиковъ своими отвѣтами. Собаки лѣзутъ вамъ подъ ноги и ни чуть не оскорбляются вашими пинками. Телалъ, народный глашатай, какъ ходячая лавка, обвѣшанный разною одеждою, оставшеюся послѣ умершаго хаджи, продаетъ съ аукціона каждую вещицу порознь; для этого онъ подымаетъ ее въ вверхъ, несетъ отъ одного покупщика къ другому и кричитъ — кто дастъ больше, добавляя при этомъ послѣдне-предположенную цѣну. Въ городѣ четыре мечети и четыре хана. Ханы составляютъ самый доходный предметъ и владѣльцы ихъ считаются здѣсь самыми богатыми людьми въ городѣ.

Провожатый завелъ меня на пути въ греческую церковь. Она очень тѣсна и едва соотвѣтствуетъ даже теперешнему малому христіанскому населенію города. Литургія уже окончилась, народъ вышелъ

и священникъ, въ полномъ облаченіи, оканчивалъ частный молебенъ; нѣсколько женщинъ стояли, наклонившись у царскихъ вратъ, и священникъ, продолжая читать молитвы, снималъ свои облаченія и полагалъ на ихъ головы. Когда молебенъ также кончился, женщины поднялись; онѣ одѣты были по обычаю высшаго общества страны; черныя шелковыя чадры закрывали ихъ съ головы до ногъ. Но на молитвѣ у олтаря, лица ихъ, подобно ихъ сердцамъ въ эту минуту, были открыты. Увидавъ посторонняго человѣка, онѣ поспѣшили опустить свои покрывала; одна изъ нихъ была очень не дурна, съ греческими чертами лица, съ черными большими глазами; розовое нижнее платье обрисовывало ея прекрасной гибкой станъ и вмѣстѣ съ чернымъ покрываломъ придавало еще болѣе свѣжести ея розовому, юному личику. Другая изъ женщинъ была съ крайне-болѣзненнымъ, изнуреннымъ, блѣднымъ лицемъ, и, конечно, объ ея-то здоровьи былъ этотъ молебенъ.

Воротившись домой, я засталъ Косту, важно возсѣдавшаго подъ воротами, любимымъ его мѣстомъ, съ трубкою и кофеемъ въ рукахъ. Позвали драгомана и начались наши толки о продолженіи моего пути. До Тора доѣхать водою можно очень скоро, не болѣе, какъ въ однѣ сутки: постоянные въ это время сѣверные вѣтры весьма благопріятствуютъ этому переѣзду; но вмѣстѣ съ этимъ другая не выгода: этотъ самый вѣтеръ, при возвращеніи лодокъ, дѣлается противнымъ; а такъ какъ

лодка возвращаться въ Суесъ будетъ весьма долго и какъ въ Торѣ теперь не предвидится груза, то хозяева выпрашиваютъ цѣну за оба рейса, всего 800 егип. піастровъ, или 176 р. ас.; нагруженныхъ же лодокъ, для отправки въ Торъ, тогда не было; по этому я нашелъ, что выпрашиваемая цѣна была слишкомъ не выгодна. Что же относится до найма другихъ верблюдовъ, то нужно было потерять день времени и проскучать его страшнымъ образомъ въ Суесѣ; сверхъ того, хотя два бедуина и являлись съ предложеніемъ наняться, но отозвались, что ближе шестаго дня на Синай не поспѣютъ и что верблюды ихъ, въ это жаркое время, ѣзды рысью не выдержатъ. По всему этому нужно было обратиться къ моему прежнему шеиху и къ его двумъ товарищамъ. Я представлялъ бывшее у меня въ рукахъ условіе шеиха съ приложеніемъ его печати, гдѣ именно было сказано, что онъ обязался доставить меня изъ Каира на Синай въ пять дней, а слѣдовательно изъ Суеса въ три; но онъ изворачивался въ словахъ, и наконецъ Коста устроилъ такимъ образомъ: шеихъ довезетъ меня отсюда на Синай въ четыре дня, но съ тѣмъ, чтобы верблюдовъ не гнать рысью, а идти полнымъ шагомъ, по 18 часовъ въ сутки; остальные же 6 часовъ давать на отдыхъ: 2 часа днемъ и 4 ночью. Я согласился на это и, въ случаѣ исполненія этого условія, обѣщалъ дать хорошій бахшишъ. Бедуины обрадовались такому рѣшенію, поцѣловали руку Костѣ и бѣгомъ погнали своихъ верблюдовъ въ извѣстное имъ

мѣсто на рукавѣ, для перевода ихъ на другую сторону, а я приказалъ Матвѣю нанять рыбачью лодку, для переѣзда намъ чрезъ рукавъ залива. Скоро было все устроено и я, простившись съ Костою, поспѣшилъ къ пристани, гдѣ лодка съ вещами меня ожидала. Было ровно 8 часовъ. Во время переѣзда я истинно наслаждался отрадною прохладою утра и чистотою воздуха, и внутренно желалъ, чтобъ переѣздъ мой продлился по-долѣе; но, къ сожалѣнію, менѣе, чѣмъ чрезъ полъ-часа я былъ уже на той сторонѣ. Приливъ воды еще не наполнилъ всего пространства рукава, и потому лодка остановилась отъ берега саженяхъ въ 25. Меня и вещи мои перенесли на берегъ на рукахъ, и я очутился въ каменистой Аравіи.

V.

Суесскій заливъ. Его окрестности. О названіи Краснаго моря. Древній каналъ. О желѣзной дорогѣ. Объ исходѣ Израильтянъ изъ Египта. О мѣстѣ, откуда они тронулись и гдѣ перешли Красное море.

Заливъ Суесскій представляется длинною полосою воды, идущею вдоль обширной пустынной долины. По берегамъ его лежатъ безплодныя песчаныя плоскости, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ перерванныя голыми горами, входящими въ заливъ и образующими утесистые мысы. Къ оконечности своей, заливъ съуживается и здѣсь ширина его не болѣе, какъ въ 10 верстъ. Эту оконечность съ западной стороны обхватываетъ гора Атака, которая, нѣсколько далѣе къ югу, врѣзывается въ заливъ и образуетъ, противъ колодцевъ Моисѣя, большой мысъ расъ-Атака (*); за нимъ разстилается широ-

---

(*) Расъ, на арабскомъ языкѣ, значитъ мысъ.

кое устье долины Таварикъ; потомъ слѣдуетъ джебель (гора) Дераджъ и наконецъ длинная цѣпь прибрежныхъ горъ Африки. На восточной сторонѣ залива, на разстояніи отъ воды до 20 и 25 верстъ, тянется въ паралельномъ направленіи съ берегомъ, каменисто-песчаный хребетъ, извѣстный подъ именемъ эръ-Раха. Отъ его крутыхъ обрывовъ идетъ къ берегу покатъ, сначала съ безчисленными возвышеніями, потомъ необозримою степью глубокихъ сыпучихъ песковъ и въ такомъ видѣ упирается въ самое море. Покатъ этотъ перерѣзанъ множествомъ небольшихъ уади, оканчивающихся на берегу мысками изъ наноснаго песку. Глазъ далеко видитъ вдоль песчанаго берега и песчаная степь останавливается у вдавшейся въ море каменистой горы джебель-Хаммамъ-эль-Фараунъ, въ буквальномъ переводѣ съ арабскаго гора бани Фараона. Здѣсь у берега находится извѣстный горячій источникъ. За нимъ цѣпи горъ отдаляются отъ залива по направленію къ главному хребту Синая, а вдоль берега тянутся пески обширной равнины Ка'а и продолжаются до южной оконечности Суесскаго полуострова, мыса расъ-Мухаммедъ, далеко входящаго въ море, окруженнаго безчисленными подводными камнями и отъ котораго идетъ раздѣленіе моря на два залива.

При отливѣ, образуется по берегамъ залива узкая полоса бывшаго подъ водою мокраго песку; на оконечности залива, у Суеса, по мелководію береговъ, она болѣе замѣтна и бываетъ шире, чѣмъ въ дру-

гихъ мѣстахъ. На обнажающемся днѣ остается много морскихъ раковинъ, растеній, иногда кораловъ, занесенныхъ сюда водою, и мальчишки изъ Суеса ходятъ сбирать ихъ; безбоязненно они достигаютъ даже до начала воды и, зная время прилива, успѣваютъ уходить назадъ безъ всякой для себя опасности. На разстояніи одной версты отъ берега, стоятъ уже большія суда.

Полоса эта къ сѣверу разрѣзана рукавомъ залива, раздѣляющимъ въ этомъ мѣстѣ Африку отъ Азіи и идущимъ за Суесъ еще до двухъ, а отъ залива всего до пяти верстъ. Но продолженіе этого рукава, далѣе сухое и обнаженное, идетъ въ томъ же направленіи на сѣверъ еще такъ далеко, какъ только глазъ охватить можетъ. Въ глубинѣ его, видны боковые валы канала, нѣкогда здѣсь существовавшаго. Ширина рукава у Суеса, по измѣренію Нибура, 1150 ярдовъ, или на нашу мѣру 3452 фут. или $493^1/_7$ сажени. Но у развалинъ Кользума, по словамъ Робинзона, осматривавшаго съ особеннымъ вниманіемъ всю окрестность, рукавъ гораздо шире и представляетъ много низкихъ островковъ и песчаныхъ косъ, которые, при приливѣ, покрываются водою. Здѣсь-то и вокругъ сѣверной части рукава, говоритъ этотъ ученый, очевидны слѣды постояннаго обмеленія воды съ этой стороны. Я не нахожу ничего, продолжаетъ онъ, чтобы могло показать, что уровень моря самъ собою измѣнился; но все измѣненіе, если оно было, произошло единственно отъ наноса песку съ сѣверной

части большой песчанной степи, простирающейся отсюда до восточныхъ горъ. Эта степь шириною до 17 и болѣе верстъ; Буркгардъ перешелъ ее въ 1812 г. въ шесть часовъ времени, начиная отъ колодезя Мабъукъ, у подошвы горъ эръ-Раха, до канала, и говоритъ, что это пространство, сколько глазъ охватить можетъ, покрыто сыпучими песками, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подымались холмы до 30 и 40 футовъ высотою. При сѣверныхъ вѣтрахъ, песокъ волнуется, часть его уносится въ море и, какъ думаетъ Робинзонъ, островки къ С. за Суесомъ образовались этимъ самымъ способомъ; но до того времени, суда приставали, безъ сомнѣнія, у самаго Кользума. Сверхъ этого, мысль эта приводитъ еще и къ тому заключенію, что вода, какъ и выше замѣчено, простиралась нѣкогда еще гораздо далѣе на сѣверъ и, вѣроятно, разливалась по всему продолженію ложа, нынѣ остающагося обнаженнымъ и оконечностію своею сливающагося съ песчаною степью. Робинзонъ замѣчаетъ, что, по словамъ арабовъ, эта ложбина иногда еще и теперь покрывается водою; бываетъ это въ особенности зимою, когда дуютъ продолжительные южные вѣтры. Поверхность ложбины состоитъ хотя изъ самаго мелкаго песку, подобнаго тому, какой въ сосѣдней пустынѣ; но, въ слѣдствіе дѣйствія воды, онъ здѣсь не сыпучъ и оставляетъ плоскость довольно крѣпкую.

На вопросы мои, о высотѣ прилива и отлива въ Суесѣ, мнѣ не дали тамъ положительнаго отвѣта,

говоря, что она бываетъ различна, смотря по тому, откуда вѣтеръ дуетъ, съ сѣвера или съ юга; но что самая большая разница между горизонтами прилива и отлива есть высота человѣка средняго роста съ поднятою вверхъ рукою. Указаніе это вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, что потомъ нашелъ я у Робинзона. При немъ приливъ былъ на 7 англійскихъ футовъ; во время изслѣдованій французовъ— на $5^1/_2$ фр. футовъ, при Нибурѣ — на $3^1/_2$ фут.

Переправа противъ Суеса производится на лодкахъ, а противъ развалинъ Кользума, при пособіи двухъ песчаныхъ островковъ, при отливѣ, бываетъ и бродъ. Мои бедуины здѣсь перегнали своихъ верблюдовъ; въ это время было тамъ воды нѣсколько выше колѣнъ верблюжьихъ; но иногда бываетъ, какъ говорили мнѣ, и менѣе двухъ футовъ. По словамъ Робинзона, одинъ изъ имѣющихся здѣсь островковъ носитъ имя, по переводу съ арабскаго, «Еврейскаго острова»; но хотя мы и разпрашивали, продолжаетъ онъ, точно ли бродъ этотъ называется дербъ-эль-Юхудъ, дорога Евреевъ, какъ говоритъ Эренбербъ, однако, не могли въ томъ удостовѣриться. На югъ отъ Суеса, тамъ, гдѣ выходитъ рукавъ изъ залива, есть еще другой бродъ, посредствомъ длинной, узкой песчаной косы, идущей отъ восточнаго берега залива къ западному. При большихъ отливахъ, вода упадаетъ здѣсь до 6 футовъ, и бедуины иногда перегоняютъ своихъ верблюдовъ, безъ груза; но этимъ бродомъ вообще, по его невѣрности, весьма рѣдко пользуются.

Называя море Чермнымъ, Краснымъ, долго не знали откуда произошло это наименованіе; впрочемъ, были объ этомъ разныя предположенія и догадки, болѣе или менѣе невѣрныя. Разрѣшеніе этого вопроса принадлежитъ послѣднему времени. Наблюденія профессора Эренгарда въ 1823 году, вполнѣ подтвержденныя потомъ наблюденіями другихъ ученыхъ въ 1843 году, совершенно объяснили этотъ вопросъ данными неопровержимыми; обстоятельства по этому предмету такъ любопытны, что я изложу ихъ здѣсь по возможности подробнѣе. Докторъ Монтань читалъ въ Парижской Академіи наукъ замѣчательную по сему предмету записку. Объ этомъ были статьи въ иностранныхъ журналахъ, а потомъ и въ нашихъ. (*)

Въ 1823 г. знаменитый путешественникъ Эренгардъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Торѣ, на Суесскомъ полуостровѣ. «10-го Декабря я видѣлъ, говоритъ онъ, поразительный феноменъ окрашенія всего залива, образующаго гавань этого города, въ кровавый, красный цвѣтъ. Открытое море за коралловыми скалами, сохраняло обыкновенный цвѣтъ. Въ продолженіе знойнаго дня, мелкія волны спокойнаго моря приносили и слагали на песчаный берегъ слизистое кроваво-красное вещество, и въ полчаса времени, при отливѣ, вся губа окружилась красною каймою въ нѣсколько футовъ ширины. Я

(*) Въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ 1843 г., и потомъ въ Библіотекѣ для чтенія 1845 г.

почерпнулъ воды въ стаканъ и принесъ въ палатку, которая находилась у меня близь моря. Легко было видѣть, что окраска эта происходила отъ множества мелкихъ, едва видимыхъ, хлопьевъ, часто зеленоватыхъ, иногда темно-зеленыхъ, но по большей части красныхъ. Самая же вода, въ которой они плавали, была совершенно безцвѣтна. Окрашивающее вещество я разсматривалъ въ микроскопъ. Хлопья состояли изъ маленькихъ растительныхъ пучковъ волоконъ. Они были веретенообразны, имѣли рѣдко болѣе двухъ миллиметровъ толщиною, и заключались въ оболочкѣ изъ слизи, какъ бы въ футлярѣ. Покуда солнце находилось на горизонтѣ, хлопья держались на поверхности воды въ стаканѣ; но ночью, когда я покачивалъ стаканъ, опускались на дно и чрезъ нѣсколько времени потомъ снова подымались на поверхность. Явленіе окрашенія воды, на морѣ не было постояннымъ. Я наблюдалъ его потомъ еще три раза, 25 и 30 декабря 1823 и 5 Января 1824 г.»

Наблюденіе Эренгарда было мѣстное, на небольшомъ пространствѣ и притомъ на берегу. Въ недавное время оно подтвердилось новыми случайными наблюденіями и въ объемѣ несравненно обширнѣйшемъ. Одинъ адвокатъ острова Маврикія, по имени Эвеноръ Дюпонъ, подробно изложилъ ихъ въ письмѣ своемъ къ г. Жофруа де Сентъ-Илеру. «8 Іюля 1843 г., пишетъ онъ, я вошелъ въ Красное море черезъ Бабъ-эль-Мандебскій проливъ, на пароходѣ «Аталанта», принадлежащемъ остъ-ин-

дійской компаніи. Я спрашивалъ капитана и офицеровъ, которые съ давнихъ поръ плавали по этимъ водамъ, откуда произошло старинное имя моря Эритрейскаго, или Краснаго; но ни кто изъ нихъ не могъ мнѣ объяснить этого и они не замѣтили на морѣ ничего, чтобы оправдывало такое названіе. Я самъ наблюдалъ море, по мѣрѣ того, какъ мы подавались впередъ, и хотя пароходъ приближался попеременно то къ азіатскому, то къ африканскому берегу, однако красноты ни гдѣ не оказывалось. Страшныя, обнаженныя горы тянулись по обоимъ берегамъ однообразнаго черновато-кирпичнаго цвѣта, за исключеніемъ нѣсколькихъ бѣлыхъ полосъ отъ потухшихъ волкановъ; пески бѣлые; коралловыя скалы бѣлыя; море самаго прекраснаго голубаго цвѣта.

«15 іюля, знойное аравійское солнце разбудило меня вдругъ, просіявъ на горизонтѣ безъ разсвѣта, во всемъ своемъ великолѣпіи. Машинально облокотился я на окно кормы парохода, чтобы подышать остаткомъ свѣжаго ночнаго воздуха, пока дневной жаръ не поглотилъ его. Каково же было мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что вся поверхность моря, такъ далеко, какъ только видѣлъ глазъ, была окрашена въ красный цвѣтъ! Я выбѣжалъ на палубу и по всѣмъ сторонамъ увидалъ тоже самое явленіе. Снова обратился я къ офицерамъ съ своими распросами; лекарь объявилъ мнѣ, что онъ еще прежде видѣлъ это явленіе и приписываетъ его пла-

вающей на водѣ рыбьей икрѣ, другіе же ничего подобнаго не могли припомнить.

«Если нужно описать видъ моря, я скажу, что вся поверхность его была покрыта сплошнымъ, но не слоистымъ слоемъ чего-то мелкаго и цвѣтомъ коричнево-краснаго, нѣсколько оранжеваго. Опилки краснаго дерева, напримѣръ, могли бы произвести такой же видъ. Я сказалъ, что, по моему мнѣнію, это должно быть, какое нибудь морское растеніе; но никто не соглашался съ этимъ. Я приказалъ матросу достать нѣкоторое количество воды съ этимъ веществомъ, посредствомъ ведра, опущеннаго на веревкѣ, и ложкою налилъ его въ бѣлую склянку, полагая, что этимъ образомъ она лучше сохранится. Потомъ, изъ опасенія, чтобы осажденіе не ускорило разложенія, вмѣсто того, чтобы ему воспрепятствовать, — я вылилъ все на полотно. Вода процѣдилась, а вещество осталось на ткани, и когда было высушено, приняло зеленый цвѣтъ. Къ этому нужно добавить, что 15 іюля мы находились на широтѣ египетскаго города Коссеира и что море было краснымъ во весь этотъ день, а также и на другой до полудня, когда мы поравнялись съ аравійскимъ городомъ Торомъ, лежащимъ на оазисѣ, на берегу моря, у подошвы горной цѣпи, понижающейся отъ Синая до песчаной степи. Вскорѣ, по полудни 16 числа, краснота на водѣ совсѣмъ исчезла и поверхность моря, по прежнему, сдѣлалась синею. 17 числа мы бросили якорь въ Суесѣ. Красный цвѣтъ постоянно былъ видимъ съ

15 іюля, отъ 5 часовъ утра, до 1 часу по полудни на другой день, т. е. въ продолженіе 32 часовъ. Въ этомъ промежуткѣ времени пароходъ нашъ прошелъ 256 морскихъ миль.»

При письмѣ приложенъ былъ кусокъ бѣлой бумажной ткани, на которомъ находилось собранное Эвеноромъ Дюпономъ вещество. Г. Жофруа де Сентъ-Илеръ и докторъ Монтань разсматривали это вещество въ микроскопъ и нашли, что это есть морской поростъ, состоящій изъ членистыхъ и сложенныхъ связками волоконъ, толщиною въ поперечникѣ отъ $^1/_{10}$ до $^1/_{20}$ миллиметра. Этому поросту они дали названіе Trichodesmium Ehrenbergii, въ память натуралиста, который первый наблюдалъ его.

Докторъ Монтань, въ читанной имъ въ Парижской Академіи запискѣ, изслѣдованія свои приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) Названіе Чермнаго или Краснаго моря, данное Аравійскому заливу сперва Геродотомъ, а потомъ седмьюдесятью толковниками, выведено, вѣроятно, изъ описаннаго выше періодическаго явленія, бывающаго на его водахъ. 2) Это явленіе происходитъ отъ присутствія особаго рода микроскопическаго пороста, плавающаго на морской поверхности и не столь замѣчательнаго своимъ краснымъ цвѣтомъ, сколько своимъ удивительнымъ плодородіемъ. 3) Краснота водъ озера Моратъ, производимая дрожалкою, описанною Декандолемъ, имѣетъ самое большое сход-

ство съ краснотою водъ Аравійскаго залива, хотя оба растенія, по своему роду, очень различны между собою. 4) Это любопытное явленіе, хотя замѣчено только очень не давно, по безъ сомнѣнія существовало всегда. 5) Этотъ необыкновенный цвѣтъ моря не имѣетъ исключительною причиною присутствіе моллюсковъ и микроскопическихъ животныхъ, но онъ часто происходитъ также отъ возрожденія, можетъ быть, періодическаго, всегда плодовитаго, нѣкоторыхъ поростовъ (algues), и особеннаго рода Trichodesmicum. 6) Наконецъ, это чудное явленіе, хотя всего обыкновеннѣе бываетъ только въ моряхъ между тропиками, однакожъ встрѣчается и за этими предѣлами, какъ въ Чермномъ морѣ, такъ и въ другихъ, напримѣръ въ океанахъ Атлантическомъ и Тихомъ.

Мы сказали выше, что продолженіе Суесскаго рукава, за Кользумомъ уже обнаженное, идетъ далеко на сѣверъ и что въ немъ видны слѣды древняго канала. Свидѣтельства объ этомъ каналѣ весьма любопытны, и мы постараемся, по возможности вкратцѣ, изложить о немъ все, что прочли у разныхъ путешественниковъ. Долина, по которой онъ идетъ, скоро поворачиваетъ на С. З., по направленію къ озеру Темзе (въ древности Крокодилово), и весьма расширяется. Здѣсь-то были древнія горькія озера. Отъ озера Темзэ прямо на западъ, по направленію къ Нилу, идетъ уади, которая въ началѣ называется Себа-Бійяръ (семъ колодцевъ), а далѣе — Тумилатъ. У мѣста, гдѣ долина дѣлится на эти два

названія, находится извѣстный колодезь Абу-Сувейра. Она выходитъ къ одному изъ восточныхъ, ближайшихъ къ пустынѣ, рукавовъ Нила, на которомъ здѣсь, не въ дальнемъ разстояніи, находился Бельбенсъ, а противъ самаго устья долины, нѣсколько подалѣе, стоитъ Бубастисъ. Древній каналъ проходилъ по этимъ долинамъ. Боковыя его возвышенія имѣютъ нынѣ высоты отъ 1 и 2 футовъ до 15 и 20 ф.; широта же между ними, отъ 30 до 40 ярдовъ, или на нашу мѣру отъ 15 до 20 саженей. Французскіе инженеры сдѣлали каналу (въ 1800) подробное описаніе, и изъ нихъ Леперъ выбралъ всѣ свидѣтельства о немъ изъ древнихъ писателей. По словамъ Геродота, онъ начатъ былъ сыномъ Псамметиха, Нехао, и выходилъ изъ Пелузіакскаго рукава, начинаясь нѣсколько выше Бубастиса; при рытіи его погибло 120 тысячъ человѣкъ и только въ послѣдствіе неблагопріятнаго отвѣта оракула, Нехао пріостановилъ работу. Окончаніе канала приписываютъ, одни Дарію, а другіе Птоломею II. По измѣренію французскихъ инженеровъ, уровень Краснаго моря выше уровня Средиземнаго, въ высшую воду на $30^1/_2$ франц. футовъ, въ низшую — на 25; средняя высота — $27^1/_2$ фут. Высота Нила въ Каирѣ надъ Средиземнымъ моремъ, въ полноводье — $39^1/_2$ ф., а когда вода спадетъ — 16 ф.; средняя высота — $27^1/_2$ футовъ. Слѣдовательно, средняя высота Нила въ Каирѣ одинакова съ среднею высотою Суесскаго залива, а въ мелководье течетъ еще нѣсколькими футами ниже его.

Между тѣмъ, по свидѣтельству древнихъ писателей и въ особенности Страбона, каналъ получалъ воду изъ Нила и «вода этой рѣки текла во всю длину канала до Краснаго моря». Свидѣтельства Арабскихъ писателей, о возобновленіи канала Калифомъ Омаромъ, говорятъ тоже самое. Это, какъ замѣчаетъ Робинзонъ, наводитъ нѣкоторое сомнѣніе на вѣрность приведеннаго измѣренія.

Въ 1847 г. были дѣлаемы новыя тщательныя изслѣдованія, по которымъ оказалось, что уровень морей Чермнаго и Средиземнаго почти одинаковы; о чемъ подробно изложено въ особомъ приложеніи въ концѣ книги.

Воды Нила, при разлитіи, еще и теперь далеко подымаются по уади Тумилатъ и далѣе. Французскіе инженеры были свидѣтелями (1800) большаго наводненія, при которомъ воды достигли, по направленію канала, необыкновенно далеко и остановились только въ 11 льё отъ Суеса; даже на картахъ ихъ, озеро Темзэ показано имѣющимъ воду только въ періодъ полноводья Нила. Зетценъ, проѣхавшій въ 1810 г. весь каналъ, говоритъ, что озеро это (названное у него Мемла) получаетъ воду единственно этимъ образомъ и что вода не доходитъ до Суеса только на 8 часовъ пути. Наводненіе дѣлаетъ уади Тумилатъ плодоносною и вдоль ея было нѣкогда много поселеній, слѣды которыхъ до сихъ поръ видны; а въ устьи уади и теперь есть нѣсколько деревень, изъ которыхъ Расъ-эль-уади довольно велика.

Долина горькихъ озеръ находится ниже горизонта Нила и ниже Суесскаго залива; по измѣренію французовъ, она ниже уровня водъ послѣдняго отъ 30 до 40 футовъ; а по словамъ Робинзона, песчаная насыпь, отдѣляющая ее отъ залива, выше этого уровня только около трехъ футовъ. Въ противуположномъ концѣ долины находится другая насыпь, выше этой; она отдѣляетъ эту долину отъ озера Темзэ и составляетъ преграду водамъ Нила, когда онѣ достигаютъ этого озера. Изъ всѣхъ этихъ данныхъ легко вывести заключеніе, какъ о возможности возобновленія канала, такъ и о томъ, что Суесскій рукавъ, безъ всякаго сомнѣнія, а можетъ быть и самый заливъ, въ прежнія времена, занималъ собою, всю долину горькихъ озеръ и слѣдовательно — распространялся далѣе къ сѣверу на разстояніе болѣе, чѣмъ на одинъ день пути.

Вопросъ, о возобновленіи канала, былъ нѣсколько разъ возбуждаемъ и онъ еще не оставленъ; но Мегеметъ-Али не раздѣлялъ желанія по сему предмету европейцевъ, сколько по оскудѣнію своей казны, столько же и потому, что отъ канала ожидалъ менѣе выгоды для себя, чѣмъ для англичанъ, и что во всякомъ случаѣ выгода эта, собственно для него, никогда не будетъ соотвѣтствовать той огромности издержекъ, которая необходима для подобнаго предпріятія. Что же относится до насъ, то мы думаемъ, что каналъ этотъ, въ видахъ ускоренія общей торговой дѣятельности, рано или поздно, будетъ непремѣнно

возобновленъ, хотя, можетъ быть, и на счетъ Европы.

Увлекаясь примѣромъ европейскихъ государствъ, Мегеметъ-Али предполагалъ устроить желѣзную дорогу изъ Каира въ Суесъ. Машины, вагоны и самые рельсы на все разстояніе, какъ говорятъ, уже давно доставлены въ Александрію и хранятся въ арсеналѣ. Видѣвши этотъ путь собственными глазами, зная его пески, степень населенія страны и бѣдность жителей, сообразивъ обороты здѣшней внутренней и транзитной торговли и, чтó едва ли не самое главное, зная крайній недостатокъ въ Египтѣ въ лѣсѣ,—предметѣ самомъ необходимомъ для этого предпріятія, мы смѣло полагаемъ, что дорога эта здѣсь *положительно* существовать не можетъ, да и нѣтъ въ ней особенной надобности, не говоря уже о томъ, что не только она не покроетъ издержекъ, но никогда не дастъ и самыхъ малыхъ процентовъ на капиталъ, который употребился бы на это огромное предпріятіе.

Обращаясь къ исходу Израильтянъ изъ Египта, скажемъ, что, большая часть писателей полагаетъ, что столицею фараоновъ въ то время былъ Мемфисъ и что Израильтяне тронулись или отсюда, или же изъ части теперешней Келіубской провинціи, между Каиромъ и Бельбеисомъ, гдѣ и теперь указываютъ на два холма съ остатками отъ древнихъ развалинъ и которымъ даютъ названіе «холмовъ Іудейскихъ». Но, по ученнымъ изслѣдованіямъ соотечественника нашего А. С. Норова, изложенныхъ въ 1 томѣ, замѣча-

тельнаго вѣрностію описанія, его путешествія по Святой Землѣ въ 1835 г., оказывается, что тогдашнею столицею Египта, гдѣ «Господь явилъ славу «свою чрезъ Моисея предъ гордымъ фараономъ», былъ не Мемфисъ, а Цоанъ, на берегу теперешняго озера Мензале, которое во времена библейскія представляло плодоносную равнину со многими городами; остатки отъ этихъ городовъ и теперь еще частію видны въ его водахъ, а частію образуютъ небольшія островки съ колоннами и стѣнами отъ зданій. На мѣстѣ же бывшей столицы, теперь находится небольшое прибрежное бедуинское селеніе *Санъ*, посѣщенное нашимъ почтеннымъ соотечественникомъ. Здѣсь-то, говоритъ онъ, въ одномъ изъ рукавовъ Нила найденъ былъ въ густой чащѣ тростниковъ, дочерью здѣшняго Фараона, тотъ младенецъ, который возвелъ Израиля изъ бездны уничиженія на высоту славы, изъ земли рабства, въ землю обѣтованную; «но они не «сохранили завѣта Божія и отреклись ходить въ «законѣ Его. Забыли дѣла Его и чудеса, которыя «Онъ явилъ имъ, какъ Онъ предъ отцами ихъ со«творилъ чудеса въ землѣ Египетской, на полѣ Цоанъ (*)». Цоанъ, продолжаетъ нашъ авторъ, стоитъ на ряду древнѣйшихъ послѣ-потопныхъ городовъ; въ Моисеевой книгѣ Числъ сказано, что онъ сооруженъ седмью годами послѣ Хеврона; по

(*) Пс. LXXVII с. 10 — въ Еврейскомъ, а въ Греческомъ — на полѣ Танисъ.

этому Мемфисъ не могъ быть столицею Египета при Моисеѣ, какъ многіе доселѣ полагаютъ. Изъ священныхъ писателей, о Мемфисѣ упоминаютъ — первый Исаія, а изъ языческихъ Геродотъ. Еслибъ Мемфисъ былъ при Моисеѣ столицею Египта, то, конечно, священныя книги древнѣе Исаіи, упомянули бы о немъ; къ тому же и самъ Моисей въ книгѣ Числъ явно указываетъ на Цоанъ, какъ на главный городъ Египта, а въ послѣдствіи и Святый Псалмопѣвецъ Давидъ, въ псалмѣ LXXVII с. 13.

Заключеніе нашего соотечественника вполнѣ оправдано мнѣніемъ Розенмюллера и нѣкоторыхъ другихъ, а въ послѣднее время также и учеными изысканіями профессора Робинзона, изданными въ 1841 году. Робинзонъ говоритъ, что Израильтяне не могли пройти къ Красному морю изъ сосѣднихъ мѣстъ Геліополиса или Каира въ три дня,—время, въ которое они туда достигли. Дальнее разстояніе и недостатокъ воды на всѣхъ трехъ путяхъ между этими мѣстами, опровергаютъ всю возможность такого предположенія. Въ книгахъ Моисея обозначено число Израильтянъ, оставившихъ Египетъ; не считая женъ и дѣтей, было ихъ, свыше 20 лѣтняго возраста, 600,000 пѣшихъ человѣкъ (*). Женщинъ того же возраста было, конечно, такое же число; дѣтей и юношей, менѣе 20 л. каждаго пола, можно положить по тому же количеству; а потому, все число народа Робинзонъ полагаетъ до 2,500,000,

(*) Въ книгѣ Исхода гл. XII п. 37.

и ни какъ не менѣе 2-хъ милліоновъ душъ. (*). Принявъ въ соображеніе движеніе войскъ въ древнія и новѣйшія времена, которое полагаютъ въ день не болѣе 3 нѣмецкихъ миль (**), Израильтяне съ дѣтьми и стадами, могли бы сдѣлать это разстояніе, по его заключенію, не ранѣе, какъ въ пять дней. Если предположимъ, что недостатокъ въ водѣ собственно для людей былъ отстраненъ Израильтянами взятіемъ съ собою воды изъ Нила, подобно теперешнимъ караванамъ, то какъ Фараонъ проѣхалъ это самое пространство со всѣми своими лошадьми, колесницами и всадниками? Было же съ нимъ 600 колесницъ и вся его конница. Допустить это весьма трудно, развѣ предположить, что воду для лошадей они везли особо; а по расчисленію нашего профессора, для каждыхъ трехъ лошадей, нуженъ бы былъ грузъ воды, подпимаемый однимъ верблюдомъ. Стада овецъ и козъ еще могли бы пройти это пространство безъ воды, особливо въ первый весенній мѣсяцъ, когда еще не такъ жарко; но для лошадей было бы это совершенно невозможно.

Доводы эти служатъ подтвержденіемъ тому мнѣ-

(*) А по мнѣнію Кагена (Cahen), издавшаго переводъ Библіи на французскій языкъ съ еврейскимъ текстомъ, до 3,000,000 душъ. Чтобъ помѣститься со своими стадами, нужно было имъ пространства по-крайней-мѣрѣ одну квадр. милю, а въ пути, колонна подобнаго множества душъ со стадами, растягивалась въ длину на нѣсколько миль.

(**) т. е. 21 версту или 12 англійскихъ миль.

нію, что страну Гесемъ (или Гошенъ), откуда Израильтяне вышли, должно искать не близъ Каира, а въ другомъ мѣстѣ. Изслѣдованія по сему предмету нашего соотечественника и нѣкоторыхъ ученыхъ новѣйшаго времени заслуживаютъ полнаго довѣрія. По заключеніямъ ихъ, страна эта находилась вдоль Пелузійскаго рукава Нила, на востокъ отъ Дельты, и была частію Египта ближайшею къ Палестинѣ; часть эта въ теперешнее время составляетъ провинцію эшъ-Шаркіе, распространяющуюся отъ Бельбеиса на С. В. до озера Мензале и песковъ пустыни. Самое озеро Мензале, бывшее въ библейскія времена сухимъ, принадлежало также къ странѣ Гесемъ.

Въ книгѣ Исхода сказано, что Израильтяне вышли изъ Рамесеса въ пятнадцатый день перваго мѣсяца, на другой день послѣ пасхи. На третій день они уже достигли моря. Прямой путь изъ страны Гесемъ къ морю идетъ вдоль древняго канала. Отъ мѣста древняго Цоана до Суеса разстояніе еще нѣсколько болѣе, чѣмъ отъ Каира и Геліополиса; а потому Робинзонъ ищетъ Рамесеса въ другомъ мѣстѣ и полагаетъ, что находился онъ не въ дальнемъ разстояніи отъ западной оконечности долины горькихъ озеръ, нѣсколько на сѣверъ отъ колодца Абу-Сувейра у соединенія двухъ уади: Тумилатъ и Себэ-Бійяръ, гдѣ и теперь замѣтны слѣды бывшаго тамъ нѣкогда большаго населенія. Отсюда до Суеса около 35 англ. миль (до 62 верстъ), — разстояніе, которое Израильтяне могли

сдѣлать въ три дня съ своими стадами, предполагая, что въ Рамесесѣ уже готовъ былъ сборъ бо́льшей части народа, въ ожиданіи дозволенія Фараона на исходъ въ пустыню. Моисей и Ааронъ отпущены Фараономъ ночью въ 14-й день перваго мѣсяца, а съ этого времени до утра 15 дня, когда народъ тронулся въ путь, прошло до 30 часовъ, время, котораго имъ было весьма достаточно, чтобы пріѣхать изъ Цоана въ Рамесесъ.

Опредѣлить мѣста Сокхова и Оѳома, гдѣ Израильтяне пріостанавливались въ пути на ночлеги, едва ли возможно, и указанія Робинзона о послѣднемъ суть не болѣе, какъ нетвердыя догадки. Не останавливаясь на нихъ, мы приведемъ здѣсь мнѣнія о томъ, гдѣ Израильтяне перешли Красное море.

Многіе писатели и путешественники думаютъ, что переходъ этотъ былъ противъ уади Тава́рикъ, на южной сторонѣ горы Атака, предполагая, что Израильтяне пришли сюда вдоль этой уади отъ Мемфиса. Кромѣ доводовъ, изложенныхъ выше — что шли они не отъ Мемфиса, Робинзонъ приводитъ между прочимъ физическую невозможность перехода Израильтянами моря въ этомъ мѣстѣ, въ такое короткое время, какое опредѣляется для этого въ книгѣ Исхода. По свидѣтельству этой книги, сильный восточный вѣтръ дулъ всю ночь, осушилъ море и раздѣлилъ воды его; Израильтяне перешли море въ эту ночь; въ ту же самую ночь пошли за ними Египтяне и прежде, чѣмъ на-

ступило утро, они были уже всѣ потоплены. Противъ уади Таварикъ широта моря, по измѣренію Нибура, составляетъ 3 нѣмецкихъ, или 12 англійскихъ миль, то есть 21 версту, — пространство, равное цѣлому дню пути, тогда какъ Израильтяне, при соображеніи приведеннаго свидѣтельства Моисѣева, перешли море въ нѣсколько часовъ, и слѣдовательно они не могли перейти его противъ уади Таварикъ; а потому, этого перехода должно искать въ другомъ мѣстѣ. Принявъ въ соображеніе краткость времени, назначаемаго для него въ книгѣ Исхода, должно думать, что онъ происходилъ гдѣ-либо по близости Суеса и при томъ не на заливѣ, а собственно на рукавѣ, идущемъ отъ залива къ сѣверу. При чемъ нельзя не замѣтить, что рукавъ этотъ въ древнія времена былъ, безъ всякаго сомнѣнія, и глубже теперешняго, и простирался гораздо далѣе на сѣверъ; даже, можетъ быть, онъ не былъ въ то время и рукавомъ, а составлялъ продолженіе залива. Сообразивъ все это, Робинзонъ полагаетъ, что переходъ Израильтянами рукава былъ, вѣроятно, въ мѣстахъ, ближайшихъ къ Суесу. Но для этого, замѣчаетъ онъ, нужно было просторное мѣсто, чтобы по крайней мѣрѣ тысяча человѣкъ могли идти въ рядъ; иначе, два милліона народа со стадами не могли бы успѣть перейти рукавъ въ такое короткое время, какое назначается для этого въ Св. писаніи.

VI.

Третій день пути. Мои бедуины. Видъ пустыни. Колодцы Моисея. Четвертый день пути. Хребетъ эръ-Раха и этъ-Тихъ. Горькій источникъ Хавара (Библейскій Мара).

Скоро, по переѣздѣ моемъ на аравійскую сторону Суесскаго рукава, пришли мои дромадеры; мы поспѣшили положить на нихъ тяжести и тотчасъ тронулись въ путь.

Съ этихъ поръ, во все время, были со мною всѣ три бедуина, хозяева трехъ дромадеровъ, и я былъ этому очень радъ, сколько для большей безопасности, столько же и потому, что съ тремя человѣками было веселѣе, чѣмъ съ однимъ. Каждый изъ нихъ, по очереди, садился на третьяго верблюда, навьюченнаго частію нашей поклажи и мѣшками съ водою, которою вновь я запасся въ Суесѣ и которая доставлена была мнѣ изъ снѣговыхъ за-

пасовъ въ горахъ, за нѣсколько часовъ пути отъ города. По причинѣ дальней доставки, я заплатилъ за нее довольно дорого: за каждый мѣшокъ по 9 егип. піастровъ, или около 2 р. ас. Прочіе два бедуина шли пѣшкомъ. Изъ нихъ тотъ, съ которымъ я дѣлалъ условіе, величался шеихомъ; титулъ этотъ ближе перевести можно нашимъ простонароднымъ названіемъ — старшо́й. Имя шеиха, было Хайдери. Какъ подрядчикъ, онъ пригласилъ отъ себя другихъ двухъ хозяевъ верблюдовъ за ту же самую плату, за которую со мною условился; а за то, что доставилъ имъ работу, выговорилъ отъ нихъ себѣ особый бахшишъ; хозяину же того верблюда, котораго мы перемѣнили на пути до Суеса, онъ заплатилъ, сколько причиталось по расчету. Изъ бахшиша, получаемаго отъ товарищей, онъ даетъ особые бахшиши тѣмъ шеихамъ, которые, въ качествѣ особыхъ старшинъ, живутъ въ Каирѣ и Суесѣ, для надзора за бедуинами, занимающимися извозомъ.

Бедуины мои представляли истинный типъ сыновъ пустыни. Пастушеская кочевая жизнь укоренилась здѣсь съ самыхъ древнѣйшихъ временъ и, какъ справедливо замѣчаетъ Норовъ, съ Библіею въ рукахъ мы узнаемъ чрезъ три съ половиною тысячи лѣтъ тѣ же нравы и тѣ же обычаи. Колѣна бедуиновъ напоминаютъ намъ колѣна Израильскія. Наружный видъ моихъ проводниковъ и ихъ одежда тоже представляли. Цвѣтомъ кожи они были смуглы даже до черноты, а одинъ изъ нихъ черенъ,

какъ негръ; шеихъ былъ роста нѣсколько выше средняго, другіе гораздо ниже; всѣ они сложены хорошо и держали себя весьма прямо; тѣломъ были худы и даже до того, что на рукахъ и на ногахъ можно было пересчитать всѣ мускулы, но упругость и твердость мускуловъ, а также быстрота движеній ясно показывали, что человѣкъ былъ силенъ и крѣпокъ. Лице продолговатое, сухое, опушенное черною, какъ смоль, курчавою небольшою бородою, до которой ножницы еще ни разу не касались; носъ сухой выдающійся, по большой части съ горбомъ; ротъ, хорошо расположенный, представлялъ два ряда зубовъ бѣлыхъ съ глянцемъ, какъ два ряда жемчуговъ; но улыбка, обыкновенно придающая столько прелести и одушевленія лицу, имѣла въ нихъ, какое-то дикое выраженіе, и при этомъ невольно замѣчаешь, что эти бѣлые зубы заострены у нихъ, какъ у шакала. Въ глазахъ, напротивъ того, не было замѣтно ничего непріятнаго; они имѣютъ прекрасный разрѣзъ en amande, глубоко-черны, ясны и расположены не на выкатѣ, а всегда въ углубленіяхъ. Вся одежда ихъ состояла изъ бараньей шапки, обернутой синимъ кускомъ холста, чтобы защитить глаза отъ солнца, и изъ длинной бѣлой рубашки, перехваченной въ поясѣ широкимъ ремнемъ, за которымъ торчалъ большой широкій кинжалъ или пистолетъ. У одного было ружье, съ фитилемъ вмѣсто курка; все оружіе самой простой работы и содержится весьма дурно: лучшее доказательство, что въ странѣ нѣтъ боль-

шой опасности. Широкіе рукава рубашки обнажали руку по локоть; тюрбанъ иногда снимался и тогда имъ обертываютъ шею, а концы распускаютъ по плечамъ, подобно тому, какъ у насъ дамы носятъ шарфы. Шароваровъ у моихъ бедуиновъ не было, и эту часть одежды, по ихъ общему понятію, прилично носить въ пустынѣ только однѣмъ женщинамъ. Ноги были обнажены до колѣнъ и, по сухости своей, цвѣту и силѣ мускуловъ, казалось были скованы изъ желѣза. Долго бедуины шли пѣшкомъ, но потомъ надѣли на ноги сандаліи изъ рыбьей кожи; судя по простотѣ и грубости работы этихъ сандалій, должно думать, что въ такомъ видѣ, безъ улучшенія, онѣ употребляются здѣсь съ самыхъ отдаленнѣйшихъ временъ.

Умѣренность бедуиновъ была истинно удивительна; но неутомимость ихъ превзошла всѣ мои ожиданія. Каждый изъ нихъ садился на верблюда только въ свою очередь, но очень часто и всѣ трое шли пѣшкомъ, особливо утромъ и вообще въ первую половину дня. Во все слѣдующее время бывалъ я въ пути отъ 13 до 16 часовъ въ сутки, и слѣдовательно каждому изъ нихъ приходилось идти пѣшкомъ отъ 9 до 11 часовъ самымъ скорымъ шагомъ и уже никакъ не менѣе пяти верстъ въ часъ, т. е. отъ 45 до 55 верстъ въ день; но при всемъ томъ большой усталости въ нихъ я не замѣчалъ. Въ особенности обращалъ на себя вниманіе, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ, хозяинъ того верблюда, котораго взяли мы вмѣсто другаго

на пути передъ Суесомъ. Имя его Мансуръ (въ переводѣ — побѣдитель). Онъ былъ весельчакъ, пѣвецъ, часто хохоталъ и всю дорогу забавлялъ всѣхъ насъ своими неистощимыми разсказами. Другой бедуинъ назывался Махсивъ; шеиха я уже назвалъ прежде. Теперешній образъ моей ѣзды былъ далеко лучше, чѣмъ тотъ, какой я имѣлъ до Суеса: кромѣ того, что былъ онъ не столь утомителенъ, онъ представлялъ пищу для любопытства и развлеченія въ этой однообразной пустынѣ.

Сѣвши на верблюда, бедуинъ былъ, какъ дома, какъ бы на коврѣ, подъ шатромъ; онъ садился на одну или другую сторону, и располагался какъ бы на скамьѣ, подгибалъ подъ себя одну или другую ногу, но чаще сидѣлъ по-дамски, обхвативъ ногою переднюю луку. Желая сѣсть на верблюда, обыкновенно заставляютъ его опуститься на колѣни и лечь на брюхо; для этого слегка бьютъ его по переднимъ ногамъ, а голову его, посредствомъ повода, притягиваютъ къ землѣ; животное понимаетъ, чего хотятъ отъ него, и повинуется. Но очень часто бедуинъ взлѣзаетъ на сѣдло на-ходу, не останавливая верблюда; онъ дѣлаетъ это двоякимъ образомъ: сзади и спереди верблюда; въ первомъ случаѣ онъ хватаетъ его за хвостъ и становится на локоть задней ноги, когда ею онъ упирается; потомъ другою рукою беретъ за потникъ или мѣшки съ поклажею и вмигъ вспрыгиваетъ на сѣдло; а во второмъ, онъ беретъ правою рукою за нижнюю часть сѣдла, упи-

рается правою же ногою на колѣно передней лѣвой ноги животнаго, когда оно на-ходу станетъ на нее, потомъ разомъ подымается вверхъ и сгибомъ колѣна своей лѣвой ноги повисаетъ на шеѣ верблюда; между тѣмъ другою рукою хватается за переднюю луку, и потомъ онъ также на сѣдлѣ.

Путь нашъ отъ залива пошелъ по сыпучимъ пескамъ, въ которые нога верблюда тонула вершка на два и болѣе. Пески эти раскинулись обширнѣйшею степью впередъ и на-лѣво до хребта эръ-Раха, который отдѣлялъ ее съ этой стороны отъ безграничной песчанной пустыни, идущей отсюда на С. В. до Святой Земли и на В. до Акабинскихъ хребтовъ каменистой Аравіи. По степи, которая была предо-мною, здѣсь и въ-далекѣ, виднѣются песчаныя возвышенія различныхъ формъ и величины; вдоль хребта эръ-Раха онѣ выше, круче и объемистѣй, а на нѣкоторомъ разстояніи отъ него въ-право дѣлаются ниже и ниже, и наконецъ сливаются съ общею поверхностію песчаной степи. Горизонтъ здѣсь обрисованъ изломанною линіею вершинъ хребта, а впереди сливается съ Джебель эль-Хамамъ, упирающеюся въ море. Съ-права тянется заливъ, какъ бы обширнѣйшая въ мірѣ рѣка, плавно и тихо текущая въ безплодныхъ песчаныхъ берегахъ; за нею идутъ горы Африки съ закругленными вершинами. Сыпучій песокъ не представлялъ ни малѣйшихъ слѣдовъ растительности и, куда ни обратишь глаза, вся поверхность вокругъ предста-

влялась покрытою желтовато-сѣрою безпредѣльною пеленою. Иногда спускались мы въ нѣсколько пологія уади и потомъ снова подымались. Песокъ въ этихъ уади не столь сыпучъ, какъ на мѣстахъ возвышенныхъ. Здѣсь-то начинаются долины сорокалѣтняго странствованія Израильтянъ въ пустынѣ. Какое-то облако грусти спустилось на меня, я какъ бы чувствовалъ себя отдѣленнымъ отъ всего міра и теперь только вполнѣ понялъ трудность пути, мнѣ предстоявшаго, особливо въ эту часть года, когда солнце въ полдень стоитъ здѣсь почти отвѣсно надъ головою и своими раскаленными лучами жгетъ пустыню. Но мои бедуины были совершенно въ другомъ расположеніи духа; лица ихъ оживились самодовольствіемъ, Мансуръ часто смѣялся, иногда безъ всякой причины, какимъ-то дикимъ хохотомъ, похожимъ на барабанный бой. «Посмотри Хавага (хозяинъ), какъ весело здѣсь, сказалъ онъ мнѣ, указывая на степь: это все наша земля! Здѣсь мы сами господа, здѣсь намъ нѣкого бояться!»

Путь нашъ шелъ въ параллельномъ направленіи съ берегомъ залива. Чрезъ два часа показались впереди пальмовыя небольшія кусты, означающіе мѣсто Аïнъ-Муса, колодцевъ Моисѣя; а еще чрезъ полъ-часа, мы ихъ достигли. Они находятся противъ расъ-Атака, входящаго въ заливъ съ африканской стороны. Англійскій пасторъ въ Каирѣ, г. Лидерсъ, сказывалъ мнѣ послѣ, что колодцы эти названы Моисѣевыми въ

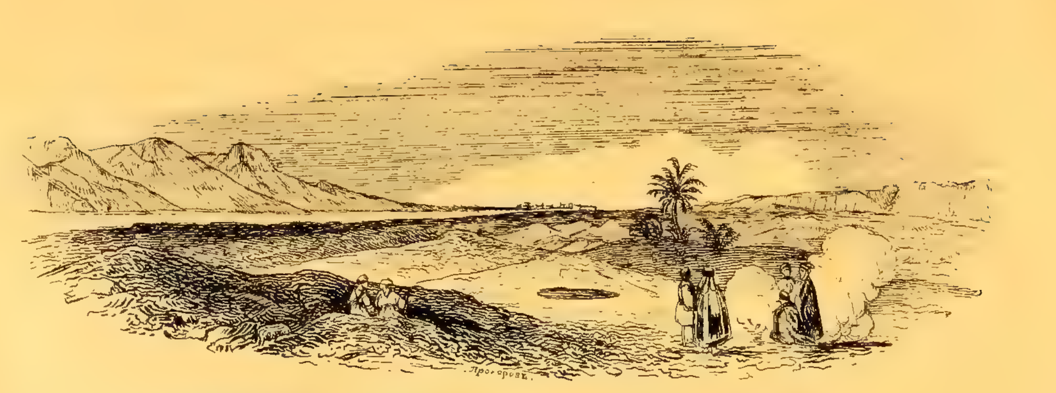
позднѣйшее время, когда Венеціане расчистили ихъ, сдѣлали каменныя канавки и устроили резервуаръ у моря, для снабженія судовъ водою, но что вода здѣсь была, конечно, и во времена Моисѣя. Устройства Венеціанъ засыпаны песками. Думаютъ, что извѣстная побѣдная пѣснь Моисѣя и народа Израильскаго, была здѣсь воспѣта. Нынѣ сто́итъ только прокопать яму въ пескѣ и вода покажется почти во всякомъ мѣстѣ. Всѣхъ колодцевъ теперь восемь (*); изъ нихъ въ одномъ вода горькая, во всѣхъ остальныхъ хотя соленовата, но для питья весьма годна. Цвѣтомъ она въ стаканѣ прозрачна, какъ кристаллъ, но въ колодцѣ кажется черноватою и, конечно, потому, что даетъ какой-то черной осадокъ, слоемъ котораго покрыто все дно. Колодцы эти состоятъ изъ ямъ, каждая отъ 2 до 5 саженей въ діаметрѣ и, какъ кажется, не слишкомъ глубоки. Вода въ нихъ хотя стоячая, но безпрестанно прибываетъ снизу, доказательствомъ чему служитъ то, что она подымается до верху и перекатывается черезъ края, вокругъ ямъ поднятыя; но перекатившись, она снова теряется въ песчаномъ грунтѣ. Въ прежнія времена было здѣсь нѣсколько деревьевъ; но теперь у самыхъ источниковъ только одинъ пальмовый кустъ съ пятью небольшими дикорастущими отростками, да нѣсколько по далѣе, у дороги, одна небольшая пальма. Деревья эти и нѣсколько кустовъ жалкой зелени, во-

(*) Робинзонъ насчиталъ только семь.

кругъ ихъ растущіе, полузасыпаны пескомъ, образовавшимъ у стволовъ ихъ коническія насыпи.

Пользуясь присутствіемъ воды, нѣкоторые изъ жителей Суеса завели здѣсь свои огороды; изъ нихъ лучшій принадлежитъ моему Суесскому хозяину Костѣ, который величалъ его садомъ и приглашалъ меня пріостановиться въ немъ на отдыхъ. Полагаясь на его слова, я было составилъ себѣ пріятную идею отдохнуть подъ тѣнью; но хотя въ этомъ и ошибся, однако спокойно расположился въ крошечномъ домикѣ объ одной комнатѣ и кухнѣ, построенномъ на скорую руку при огородѣ, на случай пріѣзда сюда хозяина.

Въ половинѣ перваго часа я пустился далѣе. Пустыня еще болѣе развернулась предо-мною во всей своей безплодности, необъятности и однообразіи. Нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ живаго существа, нѣтъ ни птицы, ни насѣкомаго, ни куста, ни травки, цѣлой день мы не видали ничего новаго, чтобы сколько нибудь могло поразнообразить путь нашъ; мы не имѣли ни одной встрѣчи съ людьми и только передъ вечеромъ открыли слѣдъ прошедшаго передъ нами, въ томъ же направленіи, каравана въ шесть верблюдовъ. Бедуины мои сочли по слѣдамъ не только число верблюдовъ, но и число людей, и даже по слѣдамъ ногъ людскихъ узнали, что между ними былъ одинъ въ башмакахъ, слѣдовательно, какъ они говорили, человѣкъ богатый. Отраженіе лучей солнца было тяжело для глазъ и я, по прежнему, надѣлъ зеленыя очки. Воздухъ

КОЛОДЦЫ МОИСЕЯ, ОКОНЕЧНОСТЬ КРАСНАГО МОРЯ И Г. СУЕСЪ.
(къ Поѣздкѣ на Синай Уманца)

былъ истинно раскаленъ, обжигалъ лице и руки; небольшой вѣтерокъ, казалось, охлаждалъ нѣсколько, но въ самомъ дѣлѣ онъ еще болѣе раздражалъ кожу на открытыхъ частяхъ тѣла. Зонтикъ я не переставалъ держать надъ собою и имъ защищалъ себя отъ отвѣстныхъ лучей солнца.

Въ этотъ день проѣхали мы нѣсколько небольшихъ уади, имена которыхъ я не зналъ въ то время, но которыя показаны на картѣ Робинзона. Здѣсь-то была древняя пустыня Суръ, гдѣ Израильтяне странствовали, по переходѣ чрезъ Красное море; главная изъ уади, тотчасъ за которою мы пристали на ночлегъ въ этотъ день, называется Садръ, по имени отдѣльной горы въ хребтѣ эръ-Раха, отъ которой она идетъ къ морю; мысъ, которымъ она оканчивается, носитъ тоже имя.

Поздно вечеромъ мы расположились на ночлегъ, въ открытой степи на сыпучихъ пескахъ. Я очень усталъ и, закусивъ кое-чего, что было по-ближе, завернулся въ шинель и бросился на мой походный коверъ, разостланный на бугрѣ песку. Бедуины дали порцію бобовъ верблюдамъ и занялись приготовленіемъ себѣ ужина; но изъ нихъ Мансуръ послѣдовалъ моему примѣру. Очень замѣтно было, что ноги едва несли его. Онъ выѣхалъ изъ Каира во вторникъ къ вечеру вмѣстѣ съ караваномъ, догналъ насъ ночью въ 3 часа и, когда мы отправились въ путь, остался на мѣстѣ отдохнуть; весь слѣдующій день былъ на ногахъ и пришелъ въ Суесъ къ разсвѣту въ четвергъ, не уснув-

ши, какъ онъ говорилъ, во всю ночь ни на одну минуту. Весь этотъ день мы ѣхали по сыпучимъ пескамъ, и онъ не отставалъ ни на одинъ шагъ. Мы были въ пути 13 часовъ и на его долю приходилось идти пѣшкомъ до 9 часовъ; по этому не удивительно, что онъ легъ спать, не дождавшись ужина, и чрезъ минуту спалъ, какъ убитый. Когда ужинъ былъ готовъ, товарищи, при всѣхъ стараніяхъ, не могли разбудить его.

21 Мая, пятница. Въ 5 часовъ мы поднялись; было прохладно. Съ жадностію я глоталъ эту усладительную, бальзамическую прохладу утра. Ночью пала роса и смягчила сухой воздухъ пустыни. Небо было чистое, ясное, лазурное. Восходъ солнца былъ такъ хорошъ, такъ радостенъ, какъ я рѣдко видѣлъ его въ жизни своей. Но для меня была только та не выгода, что я ѣхалъ въ прямомъ направленіи къ востоку, и солнце свѣтило мнѣ прямо въ глаза, подъ козырекъ; сколько я ни насовывалъ шляпы своей на передъ, все было напрасно, и я не могъ обойтись безъ зонтика, который, развернувши, долженъ былъ держать, подобно щиту, прямо передъ собою. На пескѣ, влажномъ отъ росы, мы опять замѣтили слѣды верблюдовъ и людей, рѣзко обрисовывавшіеся; слѣды эти были сегодншніе и слѣдовательно караванъ ночевалъ близко отъ насъ. По слѣдамъ, сочли мы, что въ караванѣ этомъ было 6 верблюдовъ съ тяжестію, потому что слѣды были видимо тяжелы и довольно вдавлены въ песокъ; при нихъ 4 по-

гонщика, изъ которыхъ одинъ былъ въ башмакахъ, два въ сандаліяхъ и одинъ босой. Судя по свѣжести слѣдовъ, бедуины мои говорили, что караванъ не былъ отъ насъ далеко впереди, и мы должны были скоро догнать его; и дѣйствительно, къ половинѣ дня догнали его на отдыхѣ, нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги, въ ложбинкѣ, гдѣ торчало изъ песку нѣсколько кустовъ изсохшаго бурьяну, который съ одной стороны щипали верблюды, а съ другой срывали погонщики для разведенія огня, чтобы готовить пищу. Тяжести съ верблюдовъ были сняты и сложены на землю. Благообразный турокъ, разлегшись на коврѣ, курилъ табакъ изъ длиннаго чубука. Караванъ направлялся въ Торъ.

Путь нашъ идетъ, по прежнему, по сыпучимъ пескамъ. Еще на разсвѣтѣ переѣхали мы уади Варданъ, идущую къ морю отъ пика того же имени въ хребтѣ эръ-Раха; а часа чрезъ полтора оставили въ виду, въ-правѣ, низменную долину, извѣстную по небольшому источнику Абу-Сувейра, находящемуся въ противуположномъ, ближайшемъ къ морю, концѣ ея. Въ немъ хотя сладкая вода, но ее тамъ очень мало, и источникъ этотъ, когда дождей долго нѣтъ, обыкновенно высыхаетъ. Здѣсь песчаныя возвышенія и холмы, направляясь отъ хребта, подходятъ къ дорогѣ ближе и ближе, мѣстами переходятъ чрезъ нее и направляются къ морю. Переѣзжая чрезъ цѣпь этихъ возвышеній, мы были окружены со всѣхъ

сторонъ песчаными холмами и потомъ проѣхали по восточной покатости двухъ главныхъ возвышеній, на которой, кромѣ песку, во многихъ мѣстахъ являются кряжи твердаго щебня и кремня, показывающіе, что основаніе этой цѣпи составляетъ отрасль каменистаго хребта. Съ возвышеній увидали мы, въ первый разъ въ полномъ видѣ, джебель-Хамамъ (гора бани); а спустившись внизъ, переѣхали небольшую уади эль-Амâра. Часа черезъ два послѣ, мы оставили въ-правѣ скалу, названную въ путешествіи Робинзона и Нибура Гаджъ-эръ-Руккабъ, камень всадниковъ; а въ лѣвѣ отъ насъ за песчаною горою, нѣсколько минутъ пути далѣе, былъ извѣстный въ пустынѣ источникъ Хавâра. Робинзонъ осмотрѣлъ его и представляетъ подробное описаніе. Вода изъ него теперь не течетъ, но вокругъ видны слѣды теченія; бассейнъ шириною въ шесть или восемь футовъ, воды въ немъ на два фута глубины. Вкусомъ она не пріятна, соленовата и нѣсколько горька. Но мы не замѣтили, добавляетъ нашъ профессоръ, чтобы она была много хуже воды колодцевъ Моисея, — можетъ быть потому, что мы не знатоки въ дурной водѣ; но арабы отозвались, что вкусомъ она горче, чѣмъ вода колодцевъ Моисея, и считаютъ ее самою худшею водою въ этой пустынѣ. Для питья, употребляютъ ее только въ случаѣ нужды, но верблюды пьютъ весьма охотно. Вблизи источника росло двѣ пальмы, а вокругъ, много кустовъ дикаго кустарника, дающаго небольшіе

очень сочные плоды, слегка уксуснаго вкуса. Робинзонъ называетъ его ghürküd и говоритъ, что онъ растетъ обыкновенно у солонцоватыхъ источниковъ. Буркгардтъ первый указалъ на этотъ источникъ и съ тѣхъ поръ считаютъ его горькимъ источникомъ Мâра (Marah) (*), котораго достигли Израильтяне послѣ трехъ дней пути безъ воды въ пустынѣ Суръ. Положеніе источника и свойство страны совершенно соотвѣтствуетъ, какъ замѣчаетъ Робинзонъ, этому предположенію; перешедши Красное море, Израильтяне естественно могли запастись водою изъ источниковъ Нâба и Моисѣевыхъ; а отъ сихъ послѣднихъ до источника Хавâра разстоянія около $16^1/_2$ часовъ пути (или 33 англійс. мили, соотвѣтствующихъ 57 верстамъ), чтó, по приведенному выше расчету движенія войскъ, составляетъ, безъ весьма малаго, три дня пути. На пути этомъ воды нѣтъ; хотя близь моря и есть небольшой источникъ Абу-Сувейра, но онъ могъ въ то время высохнуть отъ жара или и во все не существовать. Въ горахъ на лѣво, по словамъ Робинзона, хотя также есть вода «чаша Судра», въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ дороги, но Израильтянамъ, вѣроятно, она не была извѣстна. Профессоръ нашъ распрашивалъ бедуиновъ, не носитъ ли источникъ Хавâра также названія Мâра, но получалъ отвѣты отрицательные. Впрочемъ нельзя не замѣтить близкаго созвучія этихъ двухъ именъ и близости уади, носящей названіе,

(*) На славянскомъ языкѣ Мерра.

весьма схожее съ ними, уади эль-Амâра. Буркгардъ полагаетъ, что Израильтяне могли исправить, согласно словамъ Св. писанія (Исхода гл. XV п. 25), вкусъ воды источника Мâра сокомъ плода кустарника, растущаго вокругъ его; но хотя, по мнѣнію Робинзона, плодъ и могъ уже поспѣть въ эпоху прохода здѣсь Израильтянъ, однако на вопросы его, употребляютъ ли бедуины сокъ этого плода для улучшенія воды, получалъ отвѣты всегда отрицательные.

Далѣе по пути, поверхность земли начинаетъ быть болѣе и болѣе взволнованною холмами, пригорками и небольшими горами. Очень ясно было, что гладкую степь сыпучаго песку мы уже совсѣмъ миновали и углублялись въ горы. Скоро мы проѣхали не въ дальнемъ разстояніи отъ низменной равнины небольшаго объема, окруженной горами и покрытой слоемъ земли, и которая, послѣ обильныхъ дождей, даетъ богатую растительность. Робинзонъ говоритъ, что имя равнины есть Нукейя эль-Фаль и что на нѣкоторой части ея бедуины сѣютъ пшеницу и ячмень, и получаютъ хорошую жатву. Это есть едва ли не единственный клочокъ земляной почвы въ этихъ песчаныхъ и каменистыхъ мѣстахъ. Множество кустовъ бурьяну во всѣхъ частяхъ равнины показываютъ, что въ свое время вся она покрывается зеленью.

VII.

Уади-Карандель (Елимъ). Уади-Усеитъ. Джебель-Хамамъ. Джебель-Вата. Уади этъ-Таибэ. Раздѣленіе путей. Пустыня Синъ. Уади Гомръ. Джебель-Сарбутъ.

Чрезъ нѣсколько часовъ мы достигли большой и глубокой уади Карандель или, какъ мои бедуины называли, Карандеръ. Противъ начала ея въ горной цѣпи возвышается пикъ, получившій отъ нея свое названіе, Расъ-уади-Карандель. Отъ него далѣе, горной хребетъ беретъ направленіе болѣе на востокъ, перерѣзываетъ весь Єуесскій полуостровъ и оканчивается у залива Акаба. До этого пика онъ называется, какъ мы видѣли выше, Джебель эръ-Раха, а отсюда далѣе Джебель этъ-Тихъ.

Долина Карандель обрадовала насъ новостію вида; вдоль ея разрѣза тянутся, хотя въ разсыпную, кустарники и небольшія деревцы; кусты бурьяна

и колючихъ травъ были во всѣхъ мѣстахъ; разрѣзъ долины представлялъ слѣды весеннихъ потоковъ. Между деревцами я замѣтилъ новый для меня родъ ихъ; потомъ я узналъ, что это дерево даетъ манну и что у ботаниковъ оно извѣстно подъ именемъ Tamarix gallica mannifera. Наши верблюды на-ходу съ жадностію срывали и ѣли листья его и самыя вѣтви; вѣтви его очень похожи на вѣтви кустарника, извѣстнаго у насъ подъ именемъ Божьяго-дерева. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уади видны были приземистые кусты дикорастущихъ пальмъ, а все это вмѣстѣ свидѣтельствовало, что вода отсюда не далеко. Я спросилъ объ этомъ, и бедуины отвѣчали мнѣ, что какъ время приближается къ дневному отдыху, то, если мнѣ угодно, мы можемъ отдыхать у источника, находящагося до полу-часа пути внизъ по уади; но что для этого мы должны будемъ сдѣлать лишній объѣздъ и потерять около одного часа времени. Я былъ противъ этого и они отозвались, что въ слѣдующей уади есть вода, которую однакожъ пить могутъ только одни верблюды. Робинзонъ, упоминая объ источникѣ въ уади Карандель, говоритъ, что, по словамъ его бедуиновъ, вода изъ него течетъ ручьемъ, но когда дождей нѣтъ два или три года, то вода изсякаетъ, и что однакожъ ее всегда тамъ находятъ, если только прорыть землю нѣсколько по-глубже. Вкусомъ она хотя соленовата, однакожъ менѣе непріятна, чѣмъ вода въ источникѣ Хавâра. Эту долину обыкновенно принимаютъ за Елимъ Священнаго писанія, къ которому Израиль-

тяне пришли, оставивши источникъ Мâра, и гдѣ нашли двѣнадцать колодцевъ воды и семьдесятъ пальмъ. Въ этомъ предположеніи, замѣчаетъ Робинзонъ, ничего нѣтъ невѣроятнаго, если айнъ-Хавâра принять за Мâра; колодцы уади Карандель находятся отъ источника Хавâра, на разстояніи $2^1/_2$ часовъ или около половины дня пути, и мѣсто это еще до сихъ поръ есть одно изъ главныхъ водопойныхъ мѣстъ для арабовъ Синайской пустыни.

За этою уади еще болѣе замѣтно, что путь углубляется въ горы. Мы должны были подыматься вверхъ на горный кряжъ, но скоро опять спустились внизъ; потомъ переѣхали какую-то небольшую уади и, сдѣлавъ еще поворотъ между горами, достигли уади Усеитъ; мои бедуины называли ее Саидъ. Эта уади довольно стиснута боковыми горными возвышеніями бѣлаго цвѣта и нѣсколько похожа на уади Карандель. Здѣсь мы увидали нѣсколько пальмовыхъ деревьевъ, окруженныхъ чащею отпрысковъ отъ ихъ корней, и небольшой, самой жалкой колодезь стоячей воды; это была яма, аршина полтора глубины и одинъ аршинъ въ діаметрѣ; вода въ немъ была мутна, зеленовата, горько-соленаго вкуса. Для людей она не годится и производитъ, какъ говорили бедуины, кровавый поносъ; но верблюды пьютъ ее съ жадностію и вреда имъ нѣтъ. Отсюда на право къ морю возвышается Джебель-Хамамъ, высшій пикъ которой имѣетъ до 1500 футовъ надъ горизонтомъ моря. Она виситъ надъ самымъ моремъ и входитъ

въ него нѣсколькими мысами; у одного изъ нихъ находится горячій источникъ, извѣстный подъ именемъ «бани Фараона.» Гора возвышалась передъ нами въ самомъ живописномъ видѣ, съ своими фантастическими абрисами, мрачная, черная, безъ всякихъ слѣдовъ жизни и растительности.

Въ уади Усеитъ мы остановились на дневной отдыхъ. Я расположился въ тѣни пальмоваго куста. Было уже за полдень. Бедуины обратились къ колодцу; но въ уади мы нашли уже другихъ на отдыхѣ и вода изъ колодца была почти вся вычерпана, такъ что достало ея едва только для одного изъ нашихъ верблюдовъ. Отдыхавшій здѣсь проѣзжій подошелъ ко мнѣ и привѣтствовалъ на турецкомъ языкѣ; я отвѣчалъ съ такою же учтивостію и, пригласивъ сѣсть со мною, подчивалъ его сыромъ, хлѣбомъ, и потомъ далъ ему нѣсколько лимоновъ. Онъ ѣлъ очень мало, но за то поспѣшилъ сдѣлать въ одномъ изъ лимоновъ отверстіе и съ жадностію сталъ сосать сокъ изъ него, а потомъ и совсѣмъ съѣлъ съ кожею, и при этомъ не только не поморщился, но еще съ удовольствіемъ облизывалъ губы да пощелкивалъ. Жаръ былъ истинно великъ, жажда томила меня самаго и брала верхъ надъ аппетитомъ. Изъ разговоровъ собѣседника моего узналъ я, что онъ кавасъ, (полицейскій чиновникъ) Шерифа-Паши, перваго министра Мегемета-Али; былъ посыланъ въ Джедду съ деньгами для войскъ Мегемета, тамъ расположенныхъ, и уже четыре мѣсяца, какъ уѣхалъ изъ

Каира. Приготовляясь къ возвращенію изъ Джедды, онъ купилъ тамъ пару черныхъ, мальчика и дѣвочку, и везетъ ихъ съ собою. Къ послѣдней былъ онъ, по видимому, особенно нѣженъ и послалъ ей одинъ изъ лимоновъ и сверхъ того, изъ предложеннаго мною ему завтрака, кусокъ швейцарскаго сыра на бѣломъ хлѣбѣ.

Почти въ одно съ нимъ время мы тронулись съ мѣста, но только въ разныя стороны; онъ направился въ Суесъ, мы — вдоль долины и потомъ взяли въ-право, на боковое ея возвышеніе, болѣе каменистое, чѣмъ песчаное. Съ-права у насъ возвышалась гора Джебель-Хамамъ и обнаруживала всю мрачность и дикость своихъ овраговъ; солнце, склонявшееся къ закату, перешло на западную сторону горы и тѣнь отъ горы еще болѣе увеличивала эту мрачность. Но за то мѣста́ съ лѣвой стороны у насъ освѣщались самымъ яркимъ свѣтомъ; солнце щедро сыпало свои яркіе, раскаленные лучи на эту безплодную, каменисто-песчаную землю сѣровато-бѣлаго, а мѣстами совсѣмъ бѣлаго цвѣта, и дѣлало цвѣтъ этотъ еще болѣе тяжелымъ, невыносимымъ для глазъ,—и здѣсь-то я понялъ всю пользу зеленыхъ очковъ, которыми запасся; глаза моего Матвѣя, хотя завѣшенные платкомъ темнаго цвѣта, налились кровью, а на лицѣ обнаружился сильный опалъ солнца. Но кожа и глаза моихъ бедуиновъ во все не страдали отъ этого жара и они даже не заботились закрывать ихъ отъ солнца. Жажда томила меня въ этотъ день гораздо менѣе, чѣмъ до

Суеса; впрочемъ это отнести должно болѣе тому, что, ѣхавши шагомъ, я не такъ уставалъ, какъ прежде; сверхъ того вода въ мѣшкахъ отъ тихой ѣзды не такъ скоро портилась и была довольно сносна для питья, особливо съ прибавкою въ нее лимоннаго или оржатнаго сиропа.

Далѣе, природа представляется такою-же безплодною, какъ и до сихъ поръ, но только чѣмъ далѣе шла дорога, тѣмъ боковыя горы были выше, а отъ этого самыя долины казались глубже, хотя на самомъ дѣлѣ съ каждымъ шагомъ мы подымались все выше и выше. Скоро переѣхали мы маленькую уади Кувейсэ, называемую моими бедуинами Уссéръ, а потомъ достигли широкой и довольно красивой уади Тȃли. Обѣ онѣ выходятъ отъ отдѣльнаго пика, который, по имени послѣдней уади, называется Расъ-уади Тȃли. Съ-права у насъ продолжалась таже гора Хамамъ съ множествомъ овраговъ и нѣсколькими пиками, одинъ другаго выше. Кремнякъ, изъ котораго гора преимущественно состоитъ, придавалъ ей еще болѣе мрачности. Утесы ея висѣли во многихъ мѣстахъ и нѣкоторые изъ нихъ готовы были обрушиться. Противуположная, т. е. западная, сторона горы входитъ въ море крутыми обрывами и преграждаетъ всякой проходъ по берегу; хотя же тамъ и есть тропинки для пѣшеходовъ, но онѣ пролегаютъ по полугорью и пробираются чрезъ овраги и пропасти. Уади Тȃли представляетъ растительность, близкую той, подъ которою мы отдыхали. Здѣсь также являются де-

ревца акацiи и пальмовые кусты, а также много кустовъ бурьяну и даже мѣстами свѣжая травка. Въ этой уади, выше и ниже, по словамъ бедуиновъ, можно найти воду въ небольшихъ колодцахъ или, вѣрнѣе, ямахъ; но она здѣсь вездѣ соленовата. Бедуины мои съ нѣжною заботливостiю срывали по сторонамъ кустики свѣжей травы, для своихъ верблюдовъ; заслыша ускоренные шаги хозяина, верблюдъ останавливается и, протянувъ къ нему голову, беретъ ртомъ изъ рукъ его сорванную травку. Живя весь вѣкъ свой объ-руку съ верблюдомъ, бедуинъ знаетъ, какая трава ему болѣе нравится. Какъ въ уади Тâли, такъ и въ другихъ, меньшихъ долинахъ, видны слѣды потоковъ, и очень ясно, что онѣ служатъ для протоковъ воды съ горныхъ хребтовъ въ море, во время дождей и при таянiи снѣговъ.

Уади Тâли и предшествующая ей уади Кувейсэ соединяются ниже дороги въ одну уади или вѣрнѣе въ узкiй и глубокiй оврагъ, который, прорѣзываясь между двумя главными высотами горы Хамамъ, выходитъ къ морю; но свободнаго прохода отсюда по берегу нѣтъ ни въ ту, ни въ другую сторону.

Продолжая путь нашъ далѣе, въ томъ же направленiи на Ю. В., мы должны были подыматься нѣсколько на западныя отлогости второй части Джебель-Хамамъ; тѣнь отъ нея покрыла насъ и солнце было близко къ закату. Но оно еще хорошо освѣщало вершины Джебель-Вâта, бывшей у насъ съ лѣвой стороны. Эта гора представляется

особымъ продолговатымъ хребтомъ, стоитъ отдѣльно отъ общаго хребта Джебель этъ-Тихъ и примыкаетъ къ нему только восточною оконечностію. Особая уади раздѣляетъ ихъ; она носитъ одинакое названіе съ горою и своею южною оконечностію соединяется съ уади Карандель. По ней проходитъ особая нагорная дорога, выходящая потомъ на дорогу къ Синаю; эта дорога хотя короче той, которую мы избрали, но за то она гориста, трудна и очень утомительна.

При послѣднихъ лучахъ солнца достигли мы уади Шебеюкэ. Она идетъ отъ отлогостей Джебель Вâта и, обогнувъ съ сѣверо-восточной стороны Джебель-Хамамъ, соединяется съ идущею къ ней на встрѣчу огромною уади Гомръ; отъ соединенія ихъ начинается особое глубокое ущелье, обрѣзывающее Джебель-Хамамъ съ юго-востока и выходящее къ морю. Имя этого ущелья — уади этъ-Таибэ. У соединенія этихъ трехъ уади, раздѣляются пути: вверхъ по уади Гомръ идетъ ближайшая, или верхняя дорога на Синай, а по уади этъ-Таибэ, дорога въ Торъ; отъ сей послѣдней потомъ отдѣляется особый, или нижній путь на Синайскія горы. Уади Таибэ представляетъ узкое ущелье, съ утесами по бокамъ, и по немъ стекаютъ въ море весенніе потоки, такъ, что въ это время оно являетъ огромный, бурный потокъ водъ, достигающихъ сюда изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ. У моря, на право подымаются скалы Джебель-Хамамъ и не даютъ прохода впередъ, на лѣво горы отходятъ на-

задъ, даютъ просторъ у морскаго берега, а за тѣмъ тотчасъ начинается пустыня эль-Ка'а. Здѣсь, вдоль берега, пролегаетъ дорога въ Торъ, отъ которой чрезъ нѣсколько часовъ отдѣляется въ лѣво, какъ и предъ симъ сказано, нижній путь на Синай, идущій чрезъ уади Мокаттебъ и Феранъ. Бедуины повезли меня по верхнему пути; но возвращался я назадъ чрезъ эти двѣ живописныя уади.

Изъ книгъ Моисѣя видно, что Израильтяне, оставивши Елимъ, кочевали у моря. Принявъ уади Карандель за Елимъ, нельзя думать, чтобы они спустились по ней къ морю, потому что дальнѣйшій путь имъ былъ бы закрытъ горою Хамамъ, и они тѣмъ же путемъ, или чрезъ уади Усеитъ, должны бы были воротиться назадъ. По этому очень вѣроятно, что отъ Елима до уади Таибэ они слѣдовали тѣмъ же самымъ путемъ, которымъ я ѣхалъ, и только по этой самой уади они могли спуститься къ морю. Но въ этомъ предположеніи встрѣчается, по замѣчанію Робинзона, одно препятствіе: разстояніе между долинами Карандель и Таибэ такъ велико, что Израильтянамъ было бы трудно сдѣлать его въ одинъ день. Разстояніе это полагаетъ онъ въ шесть часовъ пути, да отъ этого мѣста по уади Таибэ до моря два часа, всего восемь часовъ, равняющихся 16 англійс. милямъ, или съ небольшимъ 26 верстамъ,—разстояніе слишкомъ большое для одного дня пути при такомъ многолюдствѣ, въ какомъ шли Израильтяне, обремененные сверхъ того стадами. По этому Робинзонъ полагаетъ, не бы-

ла ли Елимомъ уади Усеитъ? Что же до насъ касается, то мы думаемъ, что Израильтяне, пробывши, вѣроятно, нѣсколько дней въ Елимѣ, имѣли довольно времени отдохнуть, могли стада свои отправить впередъ на-канунѣ, и потому очень могли, безъ особеннаго затрудненія, сдѣлать нѣсколько верстъ болѣе, чѣмъ обыкновенно, и достигнуть указаннымъ выше путемъ до берега морскаго.

Но главный вопросъ о томъ, какъ могли они добыть достаточно воды въ продолженіе всего ихъ нахожденія на полуостровѣ, такъ, что о недостаткѣ въ ней даже ни гдѣ не упоминается, это есть, какъ говоритъ Робинзонъ, тайна, которую трудно рѣшить, безъ сознанія въ этомъ дѣлѣ особеннаго промысла Божія объ Израильтянахъ. Теперь же, какъ онъ замѣчаетъ, два милліона народа, не могли бы прожить здѣсь и одной недѣли, безъ доставки сюда воды и провизіи изъ отдаленныхъ мѣстъ.

Зная мѣстность, трудно усумниться, чтобы Израильтяне прошли къ морю не тѣмъ путемъ, какимъ выше указано. За Джебель-Хамамъ къ югу, вдоль берега идетъ песчаная пустыня эль-Ка'а. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что здѣсь-то, и именно при началѣ ея, была библейская пустыня Синъ, слѣдующая станція, указанная въ книгахъ Моисѣя. Отсюда Израильтяне могли подняться къ Синаю или чрезъ уади Мокаттебъ и потомъ Феранъ, или же, спустившись далѣе по берегу, чрезъ одну уади Феранъ, выходящую къ морю своимъ особымъ устьемъ. По уади Феранъ они поднялись до уади

эшъ-Шеихъ и потомъ по ней, въ-обходъ главнаго Синайскаго хребта, достигли самаго Хорива. Отъ пустыни Синъ до Синая (т. е. собственно до Хорива) Израильтяне имѣли три станціи: Доѳка, Алушъ и Рафидимъ (*), соотвѣтствующія четыремъ днямъ пути, что совершенно согласно съ разстояніемъ между сими мѣстами, равняющимся, по изслѣдованіямъ Буркгардта, отъ 26 до 28 часовъ обыкновенной ѣзды на верблюдахъ.

Оставивъ уади Таибэ въ-правѣ, мы направились прямо на востокъ, вверхъ по уади Гомръ, или Гоморъ (въ буквальномъ переводѣ съ Арабскаго, красная долина). Въ разрѣзѣ ея лежитъ широкій слѣдъ весенняго потока и должно думать, что послѣ дождей вода здѣсь страшно бушуетъ, рветъ берега, ворочаетъ большіе камни и бѣда путнику, если она его здѣсь застигнетъ. Съ боковъ уади подымаются бѣловатыя известковыя горы, мѣстами голыя скалы и тѣ изъ нихъ, которыя были открыты для лучей солнца, до того накалились въ продолженіе дня, что если случалось проѣзжать близко ихъ, то казалось, будто ѣдешъ подлѣ жарко натопленной печки. Но отсутствіе лучей солнца взяло свое, и камни эти, при вечерней прохладѣ, чрезъ нѣсколько часовъ простыли и охладились.

Чѣмъ далѣе мы ѣхали впередъ, тѣмъ уади бо-

(*) Кн. Числъ гл. XXXIII. п. 12 и сл., по переводу Кагена; а въ пер на Славянскій языкъ: Рафакъ, Елусъ и Рафидинъ.

лѣе съуживалась. Поздно вечеромъ вошли мы, продолжая ѣхать по той же уади, между двухъ высокихъ горъ. Съ-права была Джебель Цувейбинъ, а съ-лѣва пирамидальная Джебель-Сарбутъ, бывшая у насъ въ виду съ самаго полудня и представлявшаяся глазамъ во всей своей наготѣ. Поворотъ уади за этою горою былъ крутъ и, казалось, отрѣзывалъ всякой проходъ далѣе. Мѣстоположеніе это, при прохладѣ и темнотѣ вечера, напомнило мнѣ родныя горы и долины Тавриды; но здѣсь, вмѣсто горныхъ потоковъ кристальной воды, лежитъ только желтый слѣдъ, по которому въ дождливое время бѣжитъ и исчезаетъ эта живительная влага; вмѣсто тѣнистыхъ рощей, плантацій виноградника, заботливо содержимыхъ плодовыхъ садовъ, цвѣтниковъ и сельскихъ домиковъ, видишь одни только голые камни, почернѣвшіе отъ солнца, да песокъ съ жалкими слѣдами растительности, показывающими впрочемъ, что природа здѣсь еще не совсѣмъ мертва. Кое-гдѣ въ долинѣ показывались приземистыя, кривыя деревцы съ рѣдкою зеленью, кусты колючаго, совершенно высохшаго бурьяна, а мѣстами даже зеленая травка. Къ удивленію моему, въ одномъ мѣстѣ услыхалъ я звукъ сверчка, одушевившій нѣсколько окружавшее меня безмолвіе; я пріостановилъ на минуту своего верблюда, какъ бы не довѣряя уху, и съ удовольствіемъ слушалъ знакомый звукъ, напомнившій мнѣ мѣста, одушевленныя жилищемъ человѣка. Далѣе ожидалъ меня другой сюрпризъ: въ одномъ рукавѣ долины Гомръ

показался огонекъ; по словамъ моихъ проводниковъ, жилищъ и кочевья вблизи не было и, конечно, тамъ ночевали бедуины. Съ безъотчетнымъ любопытствомъ я долго смотрѣлъ на этотъ огонекъ, припоминая ночлеги чумаковъ въ южныхъ степяхъ нашихъ. Я невольно останавливаюсь на этихъ мелочахъ, и читатель пойметъ, какъ велико однообразіе подобнаго пути и что вниманіе, привыкши къ дѣятельности и ища вездѣ себѣ пищи, останавливается на самыхъ, по видимому, ничтожныхъ предметахъ.

Огонекъ горѣлъ ярче и веселѣе, потомъ ослабѣвалъ, потомъ опять усиливался и дѣлался большимъ пламенемъ, смотря по тому, какъ въ него подкладывали сгараемыя вещества. Веществомъ этимъ здѣсь служитъ сухой бурьянъ, который и мои проводники собирали для этого или на мѣстѣ отдыха, или запасались имъ передъ тѣмъ дорогою. Двое изъ моихъ бедуиновъ не могли утерпѣть, чтобы не пойти къ землякамъ, и долго не возвращались назадъ. Хотя я ничего не опасался, однакожъ, на всякой случай, осмотрѣлъ свои пистолеты, бывшіе у меня постоянно за поясомъ; отлучка же проводниковъ не остановила пути нашего ни на одну минуту.

Робинзонъ проѣзжалъ долину Гомръ днемъ и говоритъ, что, миновавъ узину между горами, на одномъ часѣ пути, при крутомъ поворотѣ на право, онъ видѣлъ на скалѣ разныя начертанія и

между ними нѣсколько знаменитыхъ Синайскихъ надписей, подобныхъ тѣмъ, какія находятся въ уади Мокаттебъ. Я не могъ видѣть ихъ, потому что было уже темно.

Еще днемъ слышалъ я отъ шеиха, что въ этой уади гдѣ-то не далеко есть хорошая вода. Въ этотъ день мнѣ хотѣлось доѣхать до ней къ ночлегу, и потому былъ я на верблюдѣ до 11 часовъ ночи. Но сонъ меня томилъ, я чувствовалъ усталость въ полной мѣрѣ, долженъ былъ отказаться отъ удовольствія пить свѣжую воду и ночевалъ въ концѣ этой самой уади, подъ большимъ камнемъ. Здѣсь начинается мелкой глубокой, сыпучій песокъ и онъ былъ для меня самой лучшей мягкой постелью. Былъ я сегодня въ пути слишкомъ 16 часовъ.

Днемъ, отъ нѣчего дѣлать, я часто принимался читать, и нашелъ, что это было довольно удобно, но только не на долго, потому что руки скоро уставали; изъ нихъ въ одной держалъ я зонтикъ, а въ другой книгу; впрочемъ, отдохнувши нѣсколько, чтеніе я снова возобновлялъ. Потомъ, для развлеченія, я принялся вычислять, сколько разстоянія верблюдъ дѣлаетъ въ одинъ часъ. Въ одномъ шагу его до полутора аршина; въ минуту онъ дѣлаетъ 80, а иногда и 85 шаговъ, т. е. въ часъ отъ 4,800 до 5000, или отъ 7,200 до 7500 аршинъ, среднее число 7,425, что́ составляетъ безъ малаго до 5 верстъ; слѣдовательно, въ 16 ча-

совъ я сегодня сдѣлалъ до 80 верстъ и ни какъ не менѣе 77¾ в. При этомъ не излишне замѣтить, что эти вычисленія я дѣлалъ во время сильнаго жара, когда животное довольно уже устало; но утромъ и вечеромъ оно идетъ бодрѣе и проходитъ, конечно, бо́льшее пространство.

VIII.

Пятый день пути. Песчаная равнина энъ-Назбъ. Хребетъ Джебель-этъ-Тихъ. Песчаная степь эръ-Рамлэ. Уади энъ-Назбъ. Джебель-Сурабитъ-эль-Кадимъ.

22 Мая, суббота. Еще не было 4 часовъ по полуночи, какъ я поднялся въ путь. Утро было безподобное, прохлада отрадная, цѣлебная, и я долго шелъ пѣшкомъ. Горы съ-права дѣлаются ниже и ниже, давая мѣсто песчаной возвышенной равнинѣ, носящей названіе Деббетъ (равнина) энъ-Назбъ; между тѣмъ съ лѣвой стороны гора Вâта была очень близка, подымалась высоко и свои отлогости разстилала почти до самой долины. Здѣсь дорога развѣтвляется на два пути, которые чрезъ нѣсколько часовъ снова соединяются; одинъ продолжаетъ идти вдоль той же уади и потомъ заворачиваетъ на право, другой направляется чрезъ Деббетъ энъ-

Назбъ; разница въ длинѣ между ними не значительна. Бедуины повезли меня по послѣднему пути, чтобы быть ближе къ водѣ, которой тамъ, какъ они говорили, въ полномъ изобиліи. Хотя же имѣется вода въ колодезѣ Айнъ-Малила и на первомъ пути, при перевалѣ чрезъ Деббетъ-энъ-Назбъ, но ея тамъ недостаточно и сверхъ того она нерѣдко высыхаетъ и вкусомъ соленовата.

Оставивъ уади Гомръ, мы повернули на правое ея боковое возвышеніе и потомъ далѣе поднялись на возвышенную плоскость Деббетъ-энъ-Назбъ. Отъ уади Карандель до сихъ поръ, путь нашъ шелъ по каменистымъ мѣстамъ, но здѣсь идетъ, хотя не на долго, по сыпучимъ пескамъ, въ которыхъ нога верблюда тонетъ еще болѣе, чѣмъ на мѣстахъ вблизи колодцевъ Моисѣя. Пески эти далѣе представляютъ чистую, гладкую равнину, живо напоминающую море въ то время, когда легкій вѣтерокъ едва скользитъ по водамъ и едва бороздитъ ихъ поверхность; вы видите эти мелкія волны, едва подымающіеся надъ общимъ горизонтомъ покоящейся стихіи; число ихъ не смѣтно; лежатъ онѣ длинными, кое-гдѣ нѣсколько закругленными полосами, и вездѣ въ параллельномъ одна отъ другой разстояніи; вамъ кажется, что одна волна силится догнать другую, вотъ уже почти догнала, но та торопится уйти и въ свою очередь хочетъ догнать свою предшественницу. Песокъ здѣсь бѣловатъ, удивительно чистъ, мелокъ и не замѣтно въ немъ ни одного камешка.

Пески этой равнины потомъ идутъ въ гору, а за тѣмъ спускаются внизъ. Не будучи, по видимому, давно взволнованными, они сохранили на поверхности своей слѣды живыхъ существъ, здѣсь бѣгавшихъ и игравшихъ, — слѣды газелей, ящерицъ, змѣй и еще нѣкоторыхъ земноводныхъ. Слѣдовъ этихъ въ иныхъ мѣстахъ такъ много, что вся поверхность ими была изборозднена во всѣхъ направленіяхъ.

Когда я поднялся на возвышенную часть равнины Деббетъ-энъ-Назбъ, то въ-лѣвѣ представилась мнѣ картина истинно живописная. Гора Вâта была вся открыта; восточными своими отраслями она примыкала къ главному хребту Джебель-этъ-Тихъ, которому далеко уступала и въ высотѣ, и въ величіи. Этотъ хребетъ тянулся впередъ, сколько глазъ могъ видѣть, мрачною, неразрывною стѣною огромной высоты; высота ея была вездѣ одинакова, и только кое-гдѣ показывались незначительныя возвышенія. Изъ подъ ногъ моихъ къ этой стѣнѣ шла ровная покатая плоскость сыпучихъ песковъ; она упиралась въ самую подошву стѣны, и потомъ, поворотивъ на право, шла въ томъ же видѣ вдоль хребта и терялась въ отдаленной синевѣ. Эта песчаная равнина идетъ рядомъ съ хребтомъ чрезъ весь Суесскій полуостровъ, почти до самаго Акабинскаго залива; арабы называютъ ее Деббетъ-эръ-Рамлэ, песчаная равнина. Обращенная къ намъ сторона хребта этъ-Тихъ была еще въ глубокой тѣни и казалась совершен-

по обрывистою. Глазъ, привыкшій видѣть въ подобныхъ живописныхъ мѣстахъ воду, искалъ струю ея у подошвы хребта, искалъ зелени деревъ и жилья людей; и дѣйствительно, будь здѣсь рѣка, мѣсто это было бы одно изъ самыхъ живописныхъ. Здѣсь, только послѣ проливныхъ дождей, вода стекаетъ съ горъ по безчисленнымъ оврагамъ, струи ея сливаются вмѣстѣ въ долинахъ, переходятъ въ другія и бурнымъ потокомъ стремятся внизъ по уади Гомръ, изъ которой, чрезъ уади Таибэ, рвутся къ морю; но потокъ прошелъ, и все принимаетъ прежній спокойный, безжизненный видъ.

Чрезъ хребетъ этъ-Тихъ, противъ меня, сквозь глубокое ущелье, пролегаетъ путь отъ Синая въ Газу и Хевронъ по Суесской пустынѣ; нѣсколько далѣе на востокъ, есть еще другой такой же путь чрезъ другое ущелье; но первый предпочитается, по нахожденію въ близкомъ отъ начала его разстояніи хорошаго колодца въ уади Назбъ,— долина, куда и мы направлялись.

На пескахъ Деббетъ-энъ-Назбъ, которые мы проѣзжали напрямикъ, не имѣя предъ собою никакого слѣда, было много кустовъ дикихъ колючихъ травъ, и наши верблюды съ жадностію, находу, срывали ихъ и ѣли. Нельзя не удавляться внутреннему устройству ихъ рта и кожѣ языка: если взять не осторожно руками эти колючія травы, то проколишь тѣло до крови, а верблюды ѣли ихъ, какъ бы мягкую солому. Кусты этихъ травъ были разсыпаны по песчаной равнинѣ, кустъ отъ куста

находился на разстояніи саженей 3, 4 и болѣе. Бедуины мои, указывая на эти кусты, съ восторгомъ говорили объ этомъ мѣстѣ, называя его самымъ изобильнымъ для пастьбы верблюдовъ и лучшимъ едва ли не во всѣхъ горахъ.

Далеко на горизонтѣ впереди показалась черная точка. Зоркій глазъ жителя пустыни, точно также какъ стараго моряка на морѣ, привыкъ замѣчать и распознавать отдаленнѣйшіе предметы, и бедуины мои сказали, что это верблюдъ, нагруженный мѣшками съ угольемъ и на которомъ сидитъ человѣкъ. По мѣрѣ уменьшенія пространства, насъ раздѣлявшаго, верблюдъ этотъ росъ въ глазахъ нашихъ и, на нѣкоторомъ разстояніи, казался колосальнымъ; этотъ оптическій обманъ происходилъ преимущественно отъ отсутствія вблизи предметовъ для сравненія, а когда мы поравнялись, то верблюдъ бедуина былъ роста самаго обыкновеннаго. Бедуины мои обрадовались встрѣчѣ земляка и въ особенности шеихъ, который былъ съ нимъ изъ одного кочевья. Оставивъ меня слѣдовать путемъ далѣе, они окружили товарища и засыпали его вопросами. При привѣтствіи, они подаютъ другъ другу правую руку, но при этомъ не потрясаютъ ее, какъ мы это дѣлаемъ по примѣру англичанъ, а только слегка сдавливаютъ. Каждый изъ нихъ по очереди подавалъ руку пріятелю и при этомъ каждый трижды привѣтствовалъ *селяматъ* (здравствуй, миръ тебѣ) и трижды получалъ отвѣтъ *таибинъ* (хорошо). Бедуинъ везъ уголье въ Каиръ для прода-

жи; весь товаръ его, по словамъ моихъ проводниковъ, стоилъ едва ли 40 егип. піастровъ, или 8 р. 80 коп. ас.; а чтобъ доѣхать до Каира, нужно ему было еще по крайней-мѣрѣ 6 дней. Изъ этого можете судить, каковы здѣсь заработки, не говоря уже о трудѣ и времени, нужныхъ для сбора кустарника и выжиганія изъ него уголья. Но въ подобномъ промыслѣ кочевыхъ жителей нужно считать развѣ ту выгоду, что бедуинъ, за вырученные 40 піастровъ, купитъ въ Каирѣ для семьи своей муки, бобовъ и прочихъ вещей, нужныхъ въ хозяйствѣ. Если есть у него насущный хлѣбъ и жена его одѣта, онъ доволенъ и счастливъ; а мысль разбогатѣть, не входитъ въ кругъ его соображеній, тѣмъ болѣе, что онъ не избалованъ примѣрами на это изъ среды своей братіи.

Когда мы достигли высшей поверхности Деббетъ-энъ-Назбъ и начали переѣзжать на другую ея сторону, передъ нами показался, въ видѣ изломанной линіи, абрисъ горы Сурабитъ-эль-Кадимъ, а передъ нею начала открываться глубокая и живописная долина энъ-Назбъ. Сторона горы, къ намъ обращенная, представилась въ тѣни и была самаго густаго синяго цвѣта. Подъ горою въ-правѣ находился вожделенный источникъ сладкой воды.

Еще вчера къ вечеру бедуины мои, говоря объ этой водѣ и, протягивая при этомъ руку по направленію впередъ, сказывали, что она близехонько; между тѣмъ, была она отъ насъ въ то время на 7 или 8 часовъ ѣзды. Вообще же при этомъ

случаѣ должно сказать, что бедуины плохіе оцѣнщики времени и разстоянія; время для нихъ есть вещь самая ничтожная и потерять день, два, пять, въ глазахъ ихъ, ничего на значитъ. Это происходитъ, конечно, отъ того, что болѣе, чѣмъ три четверти года, они проводятъ въ совершенной праздности, по крайней-мѣрѣ, кромѣ пастьбы небольшихъ стадъ своихъ и частію извоза на верблюдахъ, вообще они не озабочены ни какими особенными промыслами. Что же касается до разстоянія, то, привыкши дѣлать огромнѣйшія пространства, для нихъ пять, десять и болѣе часовъ ѣзды кажутся сущею бездѣлицею. Къ этому добавлю, что на вопросы мои о томъ, во сколько часовъ можно доѣхать до такого-то мѣста, я никогда не могъ добиться отъ нихъ отвѣта, сколько нибудь опредѣлительнаго, и онъ обыкновенно заключался въ лаконической и часто употребляемой мусульманами фразѣ: *Аллахъ-билиръ* — Богъ знаетъ, *Аллахъ-Кебиръ*—Богъ великъ.

Относительно горъ, бывшихъ у меня въ виду, не излишне замѣтить, что отъ уади Карандель, откуда начинается гористый путь, до равнины Деббетъ-энъ-Назбъ, всѣ окружныя горы свойства известковаго и только на Джебель-Хамамъ и въ окрестности ея показывается кремнякъ. Джебель-Вâта и хребты эръ-Раха и этъ-Тихъ, сколько можно было судить о нихъ изъ-дали, того же свойства. Въ концѣ уади Гомръ, съ правой стороны, показывается песчаникъ, а въ долинахъ за Деббетъ-

энъ-Назбъ является уже порфиръ и гранитъ, первый кусками, а послѣдній цѣлыми огромными массами, и чѣмъ далѣе ѣдешь впередъ, тѣмъ онъ чаще попадается, а напослѣдокъ составляетъ главный вѣнецъ Синайскихъ горъ.

Съ песчаной возвышенности Деббетъ-энъ-Назбъ, легкою покатостію по сыпучимъ пескамъ и безъ всякой тропинки, спустились мы въ глубокую уади энъ-Назбъ, живописнѣйшую изъ всѣхъ долинъ, мною до сихъ поръ видѣнныхъ на Синайскомъ полуостровѣ. Бедуины мои называли ее уади Нâсынъ (въ буквальномъ переводѣ, долина судебъ); но въ этомъ случаѣ я вѣрю болѣе Робинзону, имѣвшему при себѣ, конечно, хорошихъ драгомановъ. Передъ этимъ именемъ онъ прибавляетъ сверхъ того слово Сеихъ, имя главнаго источника, и долину эту, называетъ уади Сеихъ-энъ-Назбъ. По словамъ нѣкоторыхъ путешественниковъ, въ этой уади находятся слѣды мѣдной руды. Когда мы спустились въ нее, то намъ очевидно было, что вулканъ нѣкогда здѣсь сильно ра отал; почернѣвшія, какъ бы отъ огня, камни и цѣлыя скалы были имъ разбросаны въ самомъ живописномъ безпорядкѣ. Эти скалы, иногда совершенно черныя, громоздились одна надъ другою и приковывали къ себѣ взоры всякаго проѣзжающаго. На нихъ вы, какъ бы хотите прочесть начертанія о судьбѣ, которой подверглась эта долина въ первыя времена творенія. Въ одномъ мѣстѣ вы видите огромную скалу, отброшенную отъ общаго состава горы въ

сторону, на значительное разстояніе; въ другомъ являются черныя кучи мелкаго, аспиднаго камня и, кажется, видишь правильныя кучи каменнаго угля, только-что выгруженнаго на берегъ заботливою рукою шхипера. Здѣсь между камней пробивается кривой стволъ акаціи, а тамъ, въ глубинѣ долины, лежатъ слѣды бурнаго потока, сгладившаго подъ-уровень свое песчаное ложе и въ стремительномъ теченіи ворочавшаго огромные камни. Далѣе изъ за угла горы высовывается скала свѣтло-краснаго камня, фантастической формы, совершенно повисшая надъ ложемъ потока, и вы ждете, что она рухнется предъ вашими глазами. У подошвы скалы и далѣе въ сторону, вы видите зеленѣющіе дерева и...чу! не обманъ ли это слуха?... я слышу чириканье какой-то птички. Я отыскалъ ее глазами и мы проѣхали очень близко отъ дерева, на которомъ она распѣвала. Признаюсь, не безъ восторга я прислушивался къ этому чириканью и даже мой Матвѣй, человѣкъ, какъ я послѣ узналъ, души черствой и совѣсти небезъукоризненной, страстный охотникъ до стрѣльбы и имѣвшій ружье подъ-рукою совершенно на-готовѣ, не дерзнулъ подумать выстрѣлить по этому воздушному жильцу пустыни. Эта встрѣча тѣмъ болѣе была для насъ пріятна, что съ самаго выѣзда изъ Каира мы не встрѣтили нигдѣ ни одной птицы и ни малѣйшаго слѣда, могущаго показать ея присутствіе. Далѣе начали попадаться намъ кустики зеленой травки, хотя рѣдкіе и весьма бѣдные, однако достаточные для

небольшихъ бедуинскихъ стадъ, и чѣмъ далѣе мы ѣхали впередъ, тѣмъ зелень чаще намъ являлась. Эта зелень, эта птичка и видѣнныя нами предъ тѣмъ слѣды животныхъ, были не сомнѣнными признаками близости воды, дававшей жизнь этому мѣсту.

Далѣе мы спустились въ долину Назбъ, переѣхали ее поперегъ и, направляясь прямо къ горѣ Сурабитъ-эль-Кадимъ, вступили въ уади Самукъ. Ровно въ 7 часовъ утра мы достигли первыхъ возвышеній горы, и хотя для отдыха было еще очень рано, но мы пріостановились, чтобы напоить верблюдовъ и запастись хорошею свѣжею водою. Арабы выбрали мнѣ прекрасное мѣсто для отдыха, въ тѣни отъ солнца, подъ скалою, откуда вся долина была видна, какъ на ладони. Но, къ совершенному моему сожалѣнію, желаннаго источника здѣсь, подъ-рукою у меня, не было, а находился онъ въ сторонѣ, нѣсколько назадъ, на 2 часа ѣзды. Мои бедуины распорядились такимъ образомъ, собственно для выигранія времени и сокращенія пути; на вопросъ мой, за чѣмъ не повезли меня прямо къ источнику, они отвѣчали, что поворотъ туда оставленъ нами еще въ уади Назбъ и что хотя источникъ отстоитъ оттуда только на полъ-часа, но путь къ нему весьма труденъ для навьюченныхъ верблюдовъ и сверхъ того, возвращаться отъ туда на нашу дорогу нужно бы было тѣмъ же самымъ путемъ. Хотя мнѣ очень хотѣлось взглянуть на этотъ благодатный источникъ, но

когда я прилегъ на коверъ, въ тѣни прохладной скалы, желаніе это было уже далеко отъ меня. Скоро я уснулъ, и Матвѣй тогда только разбудилъ меня, когда пилавъ поспѣлъ, верблюды воротились съ водопоя и были готовы въ новый путь; мѣсто моего отдыха было такъ удобно и давало такую отрадную прохладу, что я во все не жалѣлъ, что пробылъ здѣсь гораздо долѣе, чѣмъ думалъ, и мнѣ жаль было уѣзжать отсюда.

Когда я проснулся, то Матвѣй сказалъ мнѣ, что бедуины водили къ водопою только двухъ верблюдовъ. На упрекъ мой, за чѣмъ не взятъ былъ и третій верблюдъ, хозяинъ отвѣчалъ, что онъ уже пилъ воду. Когда же? возразилъ я. «А вчера! отвѣчалъ шеихъ; онъ пилъ вчера, сколько ему было нужно, и если бъ сего дня я взялъ его съ собою къ водѣ, то онъ къ ней не подошелъ бы. Мы стараемся, добавилъ онъ, пріучать верблюдовъ пить воду, какъ можно рѣже. Дѣло другое кормъ: его нужно давать каждый день.» Да, замѣтилъ я, пожалуй, ты бы хотѣлъ, чтобы они и ѣли также по одному разу въ двое сутокъ. «Го, го, го! отозвался Мансуръ, славно бы тогда было! Я пробовалъ, да не удалось.»

Привезенная мнѣ отъ источника вода была хороша и прѣсна, и я, оставивши Нилъ, еще нигдѣ такой не пилъ. Я думалъ, что источникъ этотъ есть временный истокъ дождевыхъ и снѣговыхъ запасовъ въ горахъ; но бедуины увѣрительно сказали мнѣ, что онъ никогда не изсякаетъ, выходитъ изъ горы ши-

рокимъ русломъ и воды въ немъ всегда достаточно. Кромѣ того вокругъ главнаго источника находится нѣсколько небольшихъ ключей. У водопоя они нашли цѣлое стадо овецъ и оттуда привезли мнѣ въ маленькомъ бурдюжкѣ овечьяго молока, которое пилъ я съ большимъ удовольствіемъ.

Еще не доѣзжая до мѣста дневнаго отдыха, шеихъ отсталъ отъ насъ; я этого не замѣтилъ, потому что часто отставалъ кто нибудь изъ нихъ и потомъ снова догонялъ. Въ недальнемъ отсюда разстояніи, въ сторонѣ, находилось его кочевье, о чемъ подробно узналъ онъ отъ бедуина, намъ сегодня встрѣтившагося, и онъ туда отправился. Ко времени нашего отъѣзда, онъ пришелъ къ намъ въ сопровожденіи жены своей, особы, хотя хорошо сложенной, но весьма не красивой. Отъ времени до времени, въ продолженіе нашего отдыха, проходили по уади бедуины, по одному и по два человѣка, и почти всегда съ ружьемъ за плечами. Полагаясь вполнѣ на моихъ бедуиновъ, я ничего не опасался; на отдыхѣ оставалось насъ только двое, я да Матвѣй, и проходившіе внизу бедуины, не видя при насъ своихъ собратій, къ намъ не приближались; когда тѣ воротились, то нѣкоторые изъ нихъ подходили къ нимъ здороваться. Все это вмѣстѣ показываетъ, что для путешественника въ этихъ мѣстахъ нѣтъ никакой опасности; но не смотря на это, не мѣшаетъ имѣть при себѣ всегда на-виду и наготовѣ оружіе, показывающее, что хозяинъ его не расположенъ дешево сдаться, и потому всегда вну-

шающее къ нему глубокое уваженіе отъ всѣхъ здѣшнихъ прохожихъ.

Гора Сурабитъ-эль-Кадимъ имѣетъ высоты отъ 600 до 700 футовъ и состоитъ изъ утесистыхъ скалъ песчанаго свойства. Она замѣчательна по остаткамъ египетскаго храма и гіероглифическимъ начертаніямъ, находящимся на ея вершинѣ. Остатки эти открыты Нибуромъ, въ 1761 г.; Лабордъ и Линанъ дали намъ рисунки ихъ, а Робинзонъ представляетъ подробное описаніе. Первые полагаютъ, что храмъ этотъ былъ древнимъ египетскимъ кладбищемъ и что въ уади Назбъ, близь мѣдныхъ копей, была особая колонія; а Робинзонъ болѣе склоняется къ тому, не было ли это священнымъ мѣстомъ поклоненія древнихъ Египтянъ. Посѣщеніе этихъ остатковъ не входило въ кругъ моихъ наблюденій; а по тому на верхъ я не всходилъ и проѣхалъ мимо горы, любуясь только дикостію ея скалъ, нависшихъ одна надъ другою.

Въ 11-мъ часу мы тронулись съ мѣста и были въ пути во все время полуденнаго зноя, въ этотъ день не освѣжившагося ни малѣйшимъ дуновеніемъ вѣтерка. Долиною Самукъ мы ѣхали часа четыре. Отъ времени до времени, видѣлъ я пасшихся въ сторонѣ подъ скалою верблюдовъ, овецъ и козъ; дѣвочки отъ 8 до 11 лѣтъ были единственными ихъ пастухами. Тѣнь скалъ давала прохладу растѣніямъ и пастьбищу. Въ вершинѣ уади Самукъ мы должны были подняться на нѣкоторую возвышен-

ность, по весьма трудному пути. Отсюда началъ попадаться намъ грюнштейнъ, принадлежащій, какъ извѣстно, къ числу породъ камней первой формаціи и который могъ быть выброшенъ сюда изъ внутренности земли не иначе, какъ вулканомъ. Когда мы взобрались на вершину возвышенія, путь нашъ пошелъ снова по сыпучимъ пескамъ, и мы ѣхали ими до 3 часовъ времени. Пески эти въ лѣво шли далеко и выходили на песчаную равнину Деббетъ-эръ-Рамлэ. Въ-правѣ у насъ лежала глубокая уади эль-Кумиле, идущая по направленію на Ю. З. и дальнѣйшимъ продолженіемъ своимъ выходящая въ уади Мукаттебъ. Помнится, что въ уади Кумиле мы не спускались, а только порерѣзали ея верховья. Робинзонъ ночевалъ внизу этой долины и упоминаетъ о встрѣченныхъ имъ здѣсь Синайскихъ надписяхъ и изображеніяхъ разныхъ животныхъ на стѣсняющихъ долину съ обоихъ боковъ песчаныхъ камняхъ.

Съ возвышеннаго мѣста песчаной равнины Деббетъ-эръ-Рамлэ, я въ первый разъ увидалъ, хотя не на долгое время и въ большой отдаленности, новую для меня величественную вершину; я былъ увѣренъ, что это Синай, но потомъ узналъ, что это вершина Джебель-Сербаль, одного изъ самыхъ высшихъ передовыхъ пиковъ Синайскаго хребта. Робинзонъ говоритъ, что въ первый разъ онъ показывается отъ Деббетъ-энъ-Назбъ; но я не припомню, чтобы оттуда его видѣлъ. При спускѣ съ песчанаго возвышенія, разстилается большое араб-

ское кладбище Макбератъ-эшъ-шеихъ-Ахмедъ, названное такъ по имени нѣкоего шеиха Ахмеда, признаннаго святымъ и здѣсь похороненнаго. Окрестные бедуины, умирая, предпочитаютъ быть здѣсь погребенными.

IX.

Уади Баркъ. Объ управлении Синайскими бедуинами. Разграбление ими каравана съ кофе и последствия этого. Уади Баррагъ. Вечеринка моихъ бедуиновъ.

Далѣе мы проѣхали какую-то небольшую уади, названную у Робинзона Сеихъ, и потомъ вступили въ уади Баркъ, или, какъ мои бедуины ее называли, Байракъ. Она идетъ между двухъ цѣпей волканическихъ горъ, цвѣтомъ черно-красныхъ, какъ бы закаленныхъ въ подземномъ горнилѣ. Долина очень узка и глубина ея загромождена обломками отъ камней и скалъ съ боковыхъ горъ; а это дѣлаетъ ее весьма трудною для проѣзда на верблюдахъ. Скалы были преимущественно гранитныя и порфирныя, но между ними попадался и грюнштейнъ. Вообще же должно сказать, что окрестности отсюда впередъ принимаютъ видъ еще болѣе дикой, мрачный, грозный и вмѣстѣ величественный.

Чѣмъ далѣе мы подымались по уади Баркъ, тѣмъ болѣе она съуживалась. Жаръ былъ палящій, почти не выносимый; онъ еще болѣе увеличивался отраженіемъ лучей солнца отъ каменистыхъ боковъ долины. Жажда томила меня, и я выпилъ до десяти бутылокъ воды, подслащивая ее какимъ нибудь сиропомъ, но вода была тепла и очень мало утоляла мою жажду; она только давала пищу для новой испарины. Солнце раскаляло все, до чего только досягали лучи его. Въ правомъ карманѣ моихъ шароваровъ было нѣсколько мѣдныхъ египетскихъ монетъ, которыя до того накалились, что я всякой разъ обжигалъ объ нихъ руку, когда опускалъ ее туда. Здѣсь болѣе, чѣмъ когда либо, оцѣнилъ я пользу зонтика, защищавшаго меня отъ отвѣсныхъ лучей этого палящаго аравійскаго солнца, въ эпоху, когда оно находится на высшей точкѣ своей орбиты. Отъ скуки и тоски, наводимыхъ этимъ жаромъ, я часто принимался подъ зонтикомъ читать книгу, а когда уставалъ держать ее, заводилъ разговоръ съ Матвѣемъ о Черноцовыхъ, о ихъ путешествіи по Св. Землѣ и о монахахъ Іерусалимскихъ.

Часто въ пути моемъ я обращался къ бедуинамъ съ вопросами о ихъ житьѣ-бытьѣ и ихъ управленіи. Отъ нихъ во все время пути я узналъ очень много для меня новаго; но сегодня были они въ особенности разговорчивы и веселы, и, какъ казалось, жаръ производилъ на нихъ совсѣмъ обратное дѣйствіе, чѣмъ на меня и Матвѣя. При разговорахъ съ ними, я жалѣлъ только о томъ, что Матвѣй мой

не вполнѣ зналъ языкъ арабскій и въ переводѣ рѣчей ихъ не рѣдко затруднялся.

Свѣдѣнія объ управленіи бедуиновъ довольно любопытны, и я изложу ихъ здѣсь по возможности вкратцѣ. Кочующіе на Синайскомъ полуостровѣ бедуины раздѣляются на три главныя поколѣнія (Робинзонъ считаетъ пять и всѣхъ ихъ называетъ племенемъ Тавâра), которыя подраздѣляются на множество мелкихъ поколѣній или родовъ, кочующихъ въ извѣстныхъ, избранныхъ ими мѣстахъ. Въ каждомъ кочевьѣ имѣется свой старшина, шеихъ, выбираемый бедуинами изъ среды своей, на всю жизнь. Къ суду его они прибѣгаютъ при взаимныхъ распряхъ, несогласіяхъ и вообще во всѣхъ дѣлахъ. За разборъ дѣлъ, даютъ ему бахшишъ, сколько кто можетъ или хочетъ; но шеихъ никогда его не требуетъ, а еще, напротивъ, гостей своихъ, приходящихъ къ нему для разбора, всегда прилично угощаетъ. Надъ нѣсколькими родами, или кочевьями, выбирается съ общаго согласія и также на всю жизнь особый шеихъ; это какъ бы волостной старшина. Кромѣ того, для защиты бедуиновъ въ Суесѣ и Каирѣ и для завѣдыванія надъ подряжающимися перевозить тяжести и путешественниковъ, избираются на извѣстное время особые шеихи, живущіе въ этихъ городахъ, какъ о томъ и выше упомянуто. Надъ всѣми же поколѣніями бедуиновъ Синайскаго полуострова имѣется особый главный шеихъ, происходящій изъ рода Курейшевъ, племени, обитающаго въ

Аравіи и преимущественно въ Меккѣ, изъ котораго происходилъ и самъ пророкъ Мухаммедъ. Живетъ онъ близь Тора и имя его—шеихъ Салехъ. Главный шеихъ не избирается, а бываетъ имъ по наслѣдству и первородству въ семействѣ. Бедуины считаютъ его, какъ бы своимъ государемъ, безгранично уважаютъ и только одного его боятся. Шеихъ Салехъ уваженіе къ себѣ пріобрѣлъ сколько по своимъ кровнымъ правамъ, столько же и по своимъ душевнымъ качествамъ. По словамъ моихъ бедуиновъ, онъ рѣдкаго благородства и справедливъ въ высшей степени. Чтобы судить вообще о богатствѣ Синайскихъ бедуиновъ, скажу здѣсь, что проводники мои, говоря о шеихѣ Салехѣ, замѣтили, что онъ богатый человѣкъ и кто къ нему приходитъ по дѣламъ, бываетъ хорошо угощаемъ. У него четыре жены, четыре невольницы, штукъ пятьдесятъ верблюдовъ и столько же овецъ. Но онъ еще, не первый богачь между бедуинами; есть многіе изъ нихъ имѣющіе скота въ два и даже въ три раза болѣе, чѣмъ онъ. Изъ этого видно, что Синайскіе бедуины не такъ богаты, какъ бедуины Верхняго Египта, которые своихъ быковъ и верблюдовъ считаютъ сотнями головъ.

Синайскіе бедуины не признаютъ надъ собою власти египетскаго паши, ему ничего не платятъ и не несутъ никакой службы. Они только уговорились перевозить ему, когда потребуется, казенныя тяжести изъ Тора въ Каиръ, съ платежемъ за

каждаго верблюда, по 45 египетскихъ піастровъ. Условіе это ведется съ давняго времени.

Назадъ тому лѣтъ десять, Мегеметъ-Али задолжалъ имъ много денегъ за перевозку и не платилъ, не смотря на безпрестанныя ихъ напоминанія. Бедуины потеряли всякое терпѣніе и рѣшились распорядиться по-своему. Узнавши, что караванъ паши съ кофе изъ Мокки долженъ проходить изъ Тора въ Суесъ, они рѣшились его разграбить, въ вознагражденіе уплаты должныхъ имъ денегъ. Караванъ былъ остановленъ и бедуины раздѣлили кофе между собою, верблюдовъ, принадлежавшихъ пашѣ, также забрали, а наемныхъ отпустили. «То-то раздолье было тогда намъ!» сказалъ мнѣ шеихъ возвысивъ голосъ, и радостная улыбка оживила его глаза и лице: «съ утра до ночи мы только то и дѣлали, что жгли, мололи, до пили этотъ кофе перваго сорта. Всѣ, отъ старца до ребенка, вдоволь напились его! Славное время было и славная *фантазыя* (пиршество) была тогда у насъ!» Но когда старый паша получилъ объ этомъ донесеніе, тотчасъ послалъ въ горы цѣлый полкъ солдатъ, подъ начальствомъ Гуссеина-бея, чтобы наказать бедуиновъ. Бедуины не могли не струсить; но отдаваться волею въ руки паши не хотѣли, тѣмъ болѣе, что паша, какъ они слыхали, хотѣлъ ихъ поработить, какъ феллаховъ, и брать изъ нихъ годныхъ въ солдаты, а это имъ страшнѣе всего на свѣтѣ. Они слѣдили египетскій отрядъ съ самаго вступленія его въ горы; свои семейства и стада

увели какъ можно далѣе и взяли свои мѣры, чтобы прилично встрѣтить незванныхъ гостей. Гусеинъ-бей шелъ тѣмъ самымъ путемъ, по которому я ѣхалъ, и благополучно достигъ до уади Баркъ. Но здѣсь бедуины предприняли сдѣлать ему отпоръ; для этого они избрали самую бо́льшую узину долины, съ боковъ стиснутую горами, а внизу заваленную камнями. Здѣсь, на ширинѣ до 15 сажень, они склали стѣну изъ камней на-сухо, вышиною въ ростъ человѣка, такъ, что уади была перерѣзана ею, а отъ концовъ стѣны протянули крылья въ гору, заворотивъ ихъ на-передъ. Кромѣ того въ разныхъ мѣстахъ по горѣ, съ боковъ, сдѣлали подобныя же завалы. Все это еще до сихъ-поръ существуетъ, хотя и не въ такой цѣлости, какъ было прежде. Скрывшись за завалами, бедуины поджидали Гуссеина-бея, который во все не зналъ объ этихъ приготовленіяхъ; они пропустили его со всѣмъ отрядомъ до главной поперечной стѣны, и когда онъ достигъ ее, то вдругъ со всѣхъ сторонъ открыли по немъ страшную пальбу изъ ружей и пистолетовъ. Пули пронизывали отряды на сквозь и рѣдкій зарядъ пропадалъ даромъ: разстояніе было самое малое, 20 — 30 шаговъ, и кромѣ того съ верху легко было мѣтить по головамъ, въ кучу солдатъ. Отрядъ, по словамъ моихъ бедуиновъ, былъ разбитъ и отступилъ, а бедуиновъ погибло очень не много. Гуссеинъ-бей съ своею свитою, другими путями, пробрался черезъ горы и достигъ Синайскаго монастыря, гдѣ пробылъ дней двад-

цать, боясь выѣхать ранѣе, потому что бедуины вездѣ его подстерегали. Разбитый отрядъ далѣе заваловъ не пошелъ, отступилъ изъ уади Баркъ и ретировался назадъ. Достигши-же уади Назбъ, томимый страшною жаждою, онъ бѣгомъ направился къ источникамъ воды; но бедуины и здѣсь не оставили его безъ преслѣдованій, хотя другимъ неожиданнымъ образомъ: зная, что, для освѣженія силъ, онъ сюда направится, они вытопили сало изъ мертвыхъ непріятельскихъ тѣлъ и залили имъ главный источникъ. Сало, согрѣваемое солнцемъ, начало гнить, вонь вокругъ была ужасная и многаго труда стоило очистить источникъ. Потомъ отрядъ, въ изнуренномъ и разстроенномъ видѣ, по частямъ, ретировался къ Суесу.

Узнавши подробно объ этомъ дѣлѣ, шеихъ Салехъ тотчасъ самъ отправился въ Каиръ съ ходатайствомъ за бедуиновъ и представлялъ пашѣ, что они рѣшились на разграбленіе каравана, собственно по не платежу слѣдовавшихъ имъ денегъ. Долго шеихъ Салехъ жилъ въ Каирѣ, много подарковъ роздалъ, и наконецъ результатъ его ходатайства былъ тотъ, что бедуины возвратили пашѣ задержанныхъ верблюдовъ и остатокъ кофе, какой уцѣлѣлъ; слѣдовавшихъ же имъ денегъ паша не отдалъ, а только обѣщалъ платить впередъ исправно. Шеихъ, разсказывавшій мнѣ объ этомъ съ большимъ одушевленіемъ, заключилъ слѣдующими словами: «итакъ старому пашѣ не удалось отмстить намъ!» Оканчивая фразу, онъ подпрыг-

нулъ, какъ бы желая дать ей болѣе выразительности; а Мансуръ съ улыбкою обратился ко мнѣ и прибавилъ: «что, хавага, хорошо? го, го, го!»...

Робинзонъ расказываетъ дѣло это нѣсколько иначе. Онъ говоритъ, что бедуины были оскорблены тѣмъ, что вмѣсто ихъ начали нанимать подъ свозъ купеческихъ тяжестей бедуиновъ другаго племени, а это лишало ихъ всякихъ заработковъ; что караванъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ сотень нагруженныхъ верблюдовъ, былъ разграбленъ между Суесомъ и Каиромъ; что Гусеинъ-бей, предъузнавъ о засадѣ, поднялся на боковыя горы, гдѣ на одной изъ вершинъ была битва; что бедуины отступили съ небольшимъ урономъ, войска достигли монастыря и миръ заключенъ тѣмъ, что бедуины заплатили всѣ издержки войны. Съ этихъ поръ, добавляетъ нашъ авторъ, бедуины племени Тава̂ра сдѣлались совершенно покорными пашѣ. Лабордъ также разсказываетъ это происшествіе, съ нѣкоторыми отмѣнами. Но при этомъ добавлю, что, по увѣренію моего шеиха, бедуины ничего не заплатили пашѣ и что они считаютъ себя въ совершенной независимости отъ власти Египта.

Оставивши за собою стѣну, устроенную бедуинами противъ Гуссеинъ-бея, мы скоро поднялись къ верховью уади Баркъ, а за переваломъ снова спустились въ узкое ущелье и проѣхали двѣ или три не большія уади, изъ которыхъ одна, Акиръ, направляется къ югу, прорѣзываетъ горы и выходитъ въ уади Феранъ. Далѣе, нѣсколько

въ-лѣвѣ, подымался высокій пикъ Цубъ-эль-Барра, а предъ нимъ разстилалась довольно просторная песчаная равнина, покрытая въ-разсыпную кустами бурьяна; равнина эта считается однимъ изъ лучшихъ пастьбищныхъ мѣстъ.

По южной отлогости горы Цубъ-эль-Барра мы поднялись на перевалъ, гдѣ нашли небольшое арабское кладбище; поверхность тотчасъ понижается и открываетъ видъ на пространную равнину, покрытую множествомъ мелкихъ деревцевъ и окруженную со всѣхъ сторонъ нагорными пиками средней высоты. Эта равнина составляетъ начало уади Берахъ, или, какъ мои бедуины ее называли, Баррагъ. За нею вдалекѣ на Ю. возвышалась гора самаго мрачнаго вида, Джебель-Цебиръ. Спустившись на равнину, мы скоро достигли уади Баррагъ. Красивыя гранитныя скалы возвышались съ обѣихъ сторонъ при ея началѣ и шли по ея бокамъ. Робинзонъ нашелъ на нихъ много разныхъ начертаній. Въ боковой долинѣ находится хорошая вода, хотя далеко не въ такомъ изобиліи, какъ въ уади энъ-Назбъ, и, конечно, живительной ея силѣ должно приписать, что деревцы не переставали попадаться намъ, а высокій бурьянъ былъ еще чаще, чѣмъ прежде. Къ вечеру, когда жаръ солнца началъ значительно уменьшаться, стали показываться птички и даже порхнулъ мимо насъ старинный знакомецъ, воробей. Мѣстами показывались на пастьбѣ верблюды и козы, но всегда въ самомъ маломъ количествѣ.

Къ закату солнца, мои бедуины начали лукавить, чтобы стать на ночлегъ по-раньше. Встрѣтивши своего единоземца, одинъ изъ нихъ поговорилъ и отлучился съ нимъ въ боковое ущелье, а чрезъ полъ-часа догналъ насъ съ козленкомъ на плечахъ, для ужина. Козленка онъ передалъ другому, а когда отнесли его довольно далеко отъ того мѣста, гдѣ взяли, то пустили на землю, и онъ, бѣдняжка, бѣжалъ за ними, какъ жертва за жрецомъ, безпрестанно окликивая своимъ блеяніемъ и боясь отстать отъ людей въ этихъ дикихъ ущельяхъ. Желая по-скорѣе начать свою фантазыю, по случаю покупки козленка, бедуины упросили меня остановиться по-ранѣе; въ 9-мъ часу мы уже расположились на ночлегъ и сего дня въ первый разъ я велѣлъ разбить взятую мною съ собой палатку. Въ этотъ день сдѣлано нами только 13 часовъ пути.

Развьючивъ верблюдовъ, бедуины начали помышлять о предпринятой фантазыи. Еще дорогою они нарвали и несли съ собою много сухаго бурьяна, для разведенія огня; теперь на мѣстѣ, у моей палатки, они развели большой огонь, а одинъ изъ нихъ поѣхалъ на верблюдѣ добывать котла; еще дорогою, въ сторонѣ, въ одномъ изъ боковыхъ ущелій уади Баррагъ, мы слышали лай собакъ, и мой бедуинъ тамъ надѣялся достать его. Для доставленія имъ еще бóльшаго удовольствія, я приказалъ Матвѣю дать рису и кофе, и подарилъ имъ отъ себя 6 піастровъ (1 руб. 32 коп. ас.),

ими заплаченные за козленка. Разбитая палатка съ желтой верхушкой, какую имѣютъ съ собою хаджи, отправляющіеся въ Мекку на поклоненіе,—разведенный большой огонь, сидящіе у него бедуины въ бѣлыхъ рубашкахъ, съ черными лицами, съ засученными до плечь рукавами, — за ними лежащіе у корма верблюды, съ жвачкою во рту и на длинныхъ лебединыхъ шеяхъ двигающіе свои головы въ разныя стороны, но болѣе обращавшіе ихъ къ огню, какъ бы слушая разговоры своихъ хозяевъ, — черная тѣнь отъ нихъ, падавшая далеко, кругомъ высокія нависшія горы, изъ которыхъ только ближайшія освѣщались огнемъ, а мрачность всѣхъ прочихъ казалась еще большею, — все это вмѣстѣ представляло картину, истинно достойную кисти живописца.

Вмѣсто ужина я взялъ себѣ одну галету и когда изгрызъ ее, завернулся въ шинель и поспѣшилъ заснуть. На другой день Матвѣй сказывалъ мнѣ, что посланный привезъ котелъ и пригласилъ съ собою его владѣльца; скоро пришли еще два другіе бедуина и привѣтствовали дѣлающихъ фантазыю. Узнавши, что изъ ихъ кочевья взятъ былъ котелъ для варенія козленка и что слѣдовательно будутъ ѣсть сего послѣдняго, они почли приличнымъ сдѣлать моимъ бедуинамъ честь своимъ визитомъ. По общей учтивости, они были приглашены присѣсть къ огню и принять участіе въ фантазыи. Во все не торопясь, бедуины зарѣзали козленка, сварили его съ рисомъ въ котлѣ и когда онъ поспѣлъ, присту-

пили къ пиршеству. Шеихъ, закусивъ немного, легъ и поспѣшилъ заснуть; жена, вѣроятно, хорошо его накормила. Прочіе же два его товарища съ гостями просидѣли за котломъ у огня и безъ умолку проболтали до самаго утра, и тогда только отодвинули котелъ въ сторону, когда тамъ ровно ничего не осталось. Въ заключеніе, они принялись жечь кофе, тереть, варить и пить его. При послѣдней операціи я проснулся; видя, что скоро начнетъ свѣтать, я поторопилъ ихъ выѣздомъ. Напившись вдоволь кофею, гости ушли и взяли съ собою котелъ, а мои бедуины тотчасъ приступили къ сборамъ въ путь, и чрезъ четверть часа мы тронулись.

Кстати скажу здѣсь, въ чемъ обыкновенно заключался ихъ обѣдъ и ужинъ. Всякій разъ, пріостановившись на отдыхъ и задавъ верблюдамъ кормъ, они разводили огонь, для котораго бурьяномъ запасались въ дорогѣ, если не надѣялись найти его на мѣстѣ. Вмѣстѣ съ этимъ одинъ изъ нихъ, въ небольшой деревянной чашкѣ мѣсилъ изъ пшеничной муки на холодной водѣ тѣсто, и когда оно достигало достаточной твердости, дѣлалъ изъ него лепешку, толщиною въ палецъ и величиною въ діаметрѣ вершковъ шесть. Послѣ этого разгребали огонь, и тамъ, гдѣ было пламя, зарывали лепешку въ горячую золу и покрывали ее угольями. Между тѣмъ, въ ожиданіи, пока лепешка испечется, въ той же чашкѣ разводили, въ холодной же водѣ, часть засушеннаго кислаго молока, смѣшаннаго съ мукою; запасъ его въ сухомъ видѣ сохраняется на

долгое время. Когда лепешка поджарится, хотя бы только такъ, что въ срединѣ еще было сырое тѣсто, ее ломаютъ въ мелкіе куски, крошатъ руками въ ту же чашку и мѣсятъ на разведенномъ кисломъ молокѣ. Потомъ добавляютъ туда, что Богъ послалъ,—масла, когда оно есть, и если хотятъ полакомиться, то и меду. Изъ всего этого составляется что-то въ родѣ густаго киселя, который они ѣдятъ руками, при помощи первыхъ трехъ пальцевъ правой руки и запуская ихъ въ этотъ кисель во всю длину, чтобы захватить по-болѣе. Когда масла у нихъ не доставало, я давалъ имъ его изъ своего запаса, хотя Матвѣй, большой скупецъ, и ворчалъ на меня за это; а однажды я далъ имъ мелкаго сахару и предложилъ лимоннаго соку; двое отказались отъ послѣдняго, а третій налилъ его въ чашку съ своей стороны и ѣлъ съ аппетитомъ, хотя и морщился. Всякой день дважды Матвѣй готовилъ для меня пилавъ, но я очень мало ѣлъ, Матвѣй также, и остатокъ имъ отдавался. Кромѣ того часто я лакомилъ ихъ галетами; бывало это обыкновенно по утрамъ, когда только изъ однѣхъ галетъ состоялъ весь мой завтракъ. Бедуины ѣли ихъ съ истиннымъ наслажденіемъ, боясь уронить даже одну кроху.

X.

Шестый день пути. Продолженіе уади Баррагъ. Подъемъ на Синайскій хребетъ. Уади-эръ-Раха. Видъ Хорива. Уади-эшъ-Шеихъ. Ущелье-эшъ-Шуэбъ.

23 Мая, воскресенье. Ровно въ 3 часа утра мы тронулись съ мѣста ночлега въ уади Баррагъ и пошли пѣшкомъ, чтобы разогнать сонъ, всѣхъ насъ одолѣвавшій. Долго мы шли по этому узкому ущелью. Высокіе, крутые утесы съ боковъ, простывшіе и даже охладившіеся въ продолженіе ночи, давали самую отрадную, усладительную прохладу, вполнѣ и достойно оцѣняемую только въ знойномъ климатѣ. Воздухъ былъ чистъ, свѣжъ, и я пилъ этотъ отрадный бальзамъ, какъ бы запасаясь имъ по-болѣе, передъ страданіями предстоявшаго тропическаго дня.

Наконецъ мы достигли до того мѣста, гдѣ ущелье представляетъ самую бо́льшую узину, всего саженей до 20. Подъ ногами у насъ шла, въ видѣ ленты, плоскость съ видимыми слѣдами весенняго потока, а съ боковъ возвышались отвѣсныя скалы, какъ бы стѣны, топоромъ обтесанныя. Ущелье это здѣсь представляется въ видѣ огромнѣйшихъ въ мірѣ воротъ и служитъ рамою картины, которая за ними развертывается передъ вами. Здѣсь въ первый разъ увидѣлъ я, въ отдаленномъ полумракѣ, длинную цѣпь главныхъ вершинъ Синая, позлащенныхъ восходящимъ солнцемъ, словно золотая ореола легла на ихъ макушки. Между мной и Синаемъ шла легкою покатостію вся длина уади Баррагъ, принимающей далѣе названіе Солеифъ и оканчивающейся широкою, обширною, поперечною долиною. Эта долина, въ буквальномъ переводѣ съ Арабскаго (какъ по крайней-мѣрѣ объяснили мнѣ бедуины и мой драгоманъ) носитъ названіе *долины войны;* она тонула въ утренней синевѣ и еще спала глубокимъ сномъ. Лабордъ и Робинзонъ, путешествія которыхъ я читалъ уже послѣ поѣздки моей на Синай, даютъ ей названіе уади эшъ-Шеихъ.

При видѣ Синая, какъ пристани послѣ долгаго и тяжкаго пустыннаго странствованія, мои бедуины затѣяли стрѣльбу изъ пистолетовъ, и отголосокъ ихъ выстрѣловъ далеко отдавался. Я предложилъ Мансуру, который хвасталъ умѣньемъ стрѣлять, попасть изъ ружья въ цѣль на 50 шаговъ. Онъ

попросилъ бахшиша одинъ піастръ, если попадетъ; я обѣщалъ дать въ двое. Цѣль была назначена — листъ бумаги на кустѣ; я отсчиталъ шаги и разстояніе это потомъ уменьшилъ шаговъ на десять. Мансуръ вынулъ изъ войлочнаго чехла свое ружье, покрытое ржавчиною и имѣвшее фитиль, вмѣсто курка. Долго онъ цѣлился, стоя на ногахъ, потомъ сѣлъ на землю, думая, что сидя будетъ крѣпче держать ружье; переносилъ ноги то на одну, то на другую сторону, долго еще цѣлился, пафъ — и не попалъ. Мы всѣ смѣялись надъ нимъ, а онъ всю вину слагалъ на ночную фантазыю, послѣ которой руки его не могли держать ружья крѣпко.

Спускаясь далѣе, постепенно внизъ, мы достигли долины эшъ-Шеихъ и, избирая хотя труднѣйшій, но кратчайшій путь, пошли на перерѣзъ ея. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видны были слѣды кочевья и могилы съ простыми надгробными камнями. Кругомъ было пусто, земля выжжена и только кое-гдѣ торчали засохшіе кусты бурьяна.

Черезъ часъ времени показалась далеко впереди насъ, въ видѣ черной точки, постепенно увеличивавшейся, человѣческая фигура верхомъ на верблюдѣ; она направлялась по пробитому пути, прямо на встрѣчу намъ, и росла по мѣрѣ приближенія, а когда поравнялась съ нами, то мои бедуины узнали въ ней свою знакомку, женщину изъ племени Саидъ. Смѣлость, съ которою женщина пускалась въ путь одна-одинехонька въ этихъ необозримыхъ пустыняхъ, ясно показывала отсутствіе

здѣсь всякой опасности. Оставивъ меня слѣдовать путемъ впередъ, бедуины, обрадованные этою встрѣчею, подошли къ женщинѣ; она остановилась, слегка прикрывая наброшеннымъ на голову платкомъ часть своего, хотя смуглаго, но очень пріятнаго лица, каждому изъ нихъ подала руку, въ знакъ пріязни, и обмѣнялась нѣсколькими словами.

Между тѣмъ солнце поднялось высоко, жгло насъ съ верху и сыпало свои горячіе лучи, тѣнь верблюдовъ падала прямо имъ подъ ноги, раскаленная земля и камни съ боковъ еще болѣе усиливали зной солнца. Ни малѣйшее дуновеніе вѣтра не освѣжало насъ; пухъ, брошенный въ воздухъ, долго бы держался на одномъ мѣстѣ и тихо, отъ собственной тяжести, пошелъ бы по перпендикуляру къ землѣ. Вода въ мѣшкахъ испортилась и я не могъ проглотить ея ни одной капли; лице и все тѣло горѣло, какъ бы находясь у раскаленной плиты; языкъ и внутренность рта сохла, губы огрубѣли. Но цѣль нашей поѣздки была близка, и я съ мужествомъ выносилъ всѣ страданія.

Если я былъ изнуренъ до такой степени, то каково же было положеніе моихъ бедуиновъ, пропировавшихъ всю ночь на-пролетъ и послѣ нѣсколькихъ дней самаго тяжелаго пути, котораго каждый изъ нихъ прошелъ пѣшкомъ въ сложности болѣе, чѣмъ двѣ трети! Изъ нихъ Мансуръ былъ въ совершенномъ изнеможеніи; садясь на сѣдло въ свою очередь, онъ, по примѣру товарищей, дре-

мѣлъ на-пропалую и каждую минуту готовъ былъ свалиться подъ ноги верблюда, а потомъ, когда очинался, то съ-просонья дико озирался кругомъ, какъ бы не постигая, гдѣ онъ находится и что съ нимъ дѣлается. Приливъ крови къ головѣ отъ лучей солнца еще болѣе усиливалъ дремоту. Чтобы сколько нибудь разогнать сонъ, Мансуръ мой нѣсколько разъ затягивалъ пѣсню; но всякій разъ до конца втораго куплета ни какъ не могъ дотянуть: пѣсня вязла въ зубахъ, а голова усердно кланялась. Что, Мансуръ? спросилъ я, доволенъ ли ты, что не спалъ всю ночь? «*О, машаллахъ! фантазыя нагарди китиръ!...*» отвѣчалъ онъ, т. е. о, славно мы сегодня попировали! Но за то, когда приблизились мы къ послѣднему подъему на горы, онъ насъ оставилъ и отправился къ какому-то находившемуся здѣсь вблизи кочевью на отдыхъ.» Прощай Хавага! сказалъ онъ мнѣ, буду спать все время, пока ты будешь въ монастырѣ находиться; а потомъ, смотри, возьми на обратный путь меня же, а не другаго: увидишъ, что еще скорѣе поѣдемъ».

Оставивъ за собою *долину войны*, мы поднялись на не значетельную возвышенность; въ-правѣ была небольшая уади Сегебъ; потомъ мы снова спустились. Предъ нами была длинная уади Солеифъ, идущая вдоль обрывистыхъ скалъ Синайскаго хребта и поперегъ нашего пути, а за нею начинается подъемъ на горы; подъемъ этотъ издали едва замѣтенъ. Онъ идетъ однимъ изъ овраговъ, чрезъ которые весеннія воды стекаютъ съ

вершинъ хребта на эту сторону. Робинзонъ называетъ его Нукбъ-Хеви, проходъ вѣтра. Оврагъ въ устьи довольно широкъ, далѣе съуживается болѣе и болѣе, а напослѣдокъ снова разширяется.

Сначала мы подымались по ложбинѣ этого оврага, но скоро взяли на правую его крутизну, и чѣмъ далѣе подвигались впередъ, тѣмъ болѣе встрѣчали трудностей въ пути нашемъ. Вся крутизна, по которой мы пробирались, равно какъ и противуположная ей сторона, состоятъ изъ огромныхъ, разбросанныхъ въ страшномъ безпорядкѣ больщихъ гранитныхъ камней и цѣлыхъ скалъ, въ эпоху бывшей здѣсь грозной катастрофы свалившихся съ вершинъ горной цѣпи, чрезъ которую оврагъ прорѣзывался. Внизу, въ разрѣзѣ ущелья, промежду огромныхъ камней, видны слѣды коловращеній горныхъ потоковъ, стремящихся здѣсь въ свое время съ ужасною силою и быстротою водопада. Надъ головами нашими висѣли гранитные утесы, высотою отъ подошвы до 800 фут. и болѣе. Почернѣвъ отъ солнца, закаляющаго ихъ уже нѣсколько тысячелѣтій, онѣ выдвинули впередъ нѣкоторыя изъ своихъ частей и, казалось, готовы были обрушить ихъ на наши головы. Многіе камни огромной величины, катясь въ эпоху бывшихъ здѣсь переворотовъ сверху, зацѣпились за другіе камни, прежде упавшіе, остановились на пяткѣ, едва держатся и ждутъ малѣйшаго сотрясенія, чтобы рухнуться далѣе и сокрушить все, что ни попадется имъ на встрѣчу.

Дорога вьется змѣйкою, пробираясь между этимъ хаосомъ скалъ и камней; мѣстами она весьма сжата, такъ, что встрѣтившіеся здѣсь два всадника затруднились бы разъѣхаться, крута и чрезвычайно утомительна. Не взирая на то, что мы подавались впередъ самымъ тихимъ шагомъ, верблюды наши задыхались отъ жара и трудности пути, и часто останавливались; потъ выступилъ на нихъ, что̀ въ этомъ животномъ служитъ признакомъ самой большой усталости, и мы, изъ состраданія, сошли съ нихъ и отправились пѣшкомъ, зная напередъ, что это состраданіе намъ не легко достанется. «Хотя я прошелъ всѣ трудные пути въ горахъ Альпійскихъ, говоритъ Робинзонъ, и, начиная отъ Шамуни, обошелъ весь Монбланъ, но нигдѣ тамъ не встрѣчалъ прохода столь обрывистаго и затруднительнаго, какъ этотъ»!

Сколько времени мы подымались этимъ путемъ, я не замѣтилъ; но думаю, что не менѣе двухъ часовъ, считая тутъ и отдыхи. Подъ конецъ было менѣе круто, даже мѣстами довольно полого, и дорога шла или ложбиною потока, или вдоль его. Боковые утесы по-немногу отступали; мѣстами показывалась зелень, кустарникъ и даже приземистыя, дикія, молодыя пальмы; эта растительность ясно показывала близость влаги. Скоро мы достигли небольшаго ручейка, а потомъ и самаго источника чистой, холодной воды; мы бросились къ ней и пили безъ счета стакановъ; наши верблюды прежде насъ распорядились и для нихъ было здѣсь истин-

ное раздолье; но за то, здѣсь мы ихъ догнали и взлѣзли на сѣдла. Оставивъ родникъ за собою, мы проѣхали еще болѣе полу-часа времени и все въ прямомъ направленіи; горы по-немногу расходились и потомъ передъ нами начала болѣе и болѣе открываться постепенно расширяющаяся, обширная равнина, окруженная со всѣхъ сторонъ высокими, обрывистыми горами и шедшая далеко впередъ въ томъ же направленіи. Примѣрно до одной трети ея длины, идетъ незамѣтный подъемъ. Усталые, медленно мы подвигались впередъ по этой долинѣ и нечувствительно достигли ея внутренней, плоской возвышенности, откуда вся она представилась намъ, какъ на ладони. На ней въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣтны были слѣды кочевья и кое-гдѣ виднѣлась мелкая зелень и засохшіе кусты бурьяна.

Арабы называютъ эту равнину уади эръ-Раха; она идетъ по направленію на Ю. В. и, по словамъ Робинзона, имѣетъ въ длину до двухъ англійскихъ миль, а въ широту отъ одной трети до двухъ третей мили, или же всего пространства заключаетъ по крайней-мѣрѣ одну квадратную англійскую милю; а какъ одна англійская миля равняется $1\frac{3}{4}$ версты, то слѣдовательно равнина эта на нашу мѣру имѣетъ длины $3\frac{1}{2}$ вер., ширины отъ 292 до 584 саж., а все пространство до 3 квадр. верстъ. Подробный осмотръ долины, убѣдилъ этого недовѣрчиваго и во всемъ сомнѣвающагося ученаго, что эта долина можетъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ Моисѣева повѣствованія, относительно

собранія здѣсь народа для полученія закона. Здѣсь возможно, говоритъ онъ, огородить гору, чтобы ни человѣкъ и ни домашнее животное не могли подойти близко (Исходъ XIX, 12 13); предъ горою могло заключаться главное пребываніе Моисѣя и старшинъ, а также могла находиться часть народа, тогда, какъ всѣ остальные Израильтяне и стада ихъ могли быть собраны въ сопредѣльныхъ долинахъ.

Было мнѣніе, не есть ли гора Сербаль, находящаяся близь долины Феранъ, та святая вершина, гдѣ былъ данъ законъ. Но окрестности ея не представляютъ долинъ, обширностію своею даже въ половину близкихъ уади эръ-Раха, и слѣдовательно тамъ нѣтъ достаточно мѣста, для собранія народа въ такомъ огромномъ количествѣ.

Равнина эръ-Раха видомъ своимъ сильно дѣйствуетъ на воображеніе путника. Со всѣхъ сторонъ она заперта цѣпями крутыхъ, обрывистыхъ скалъ, имѣющихъ высоты до тысячи футовъ и болѣе. Мѣстами эти цѣпи разрѣзаны глубокими узкими ущеліями, со стороны равнины закруглены и представляются отдѣльными хребтами. Здѣсь-то находятся главныя Синайскія вершины темно-бронзовыя, опаленныя солнцемъ, совершенно обнаженныя и безъ всякихъ слѣдовъ растительности; здѣсь, такъ сказать, вѣнецъ этого хребта. Профессоръ Робинзонъ, много видѣвшій на своемъ вѣку и много путешествовавшій, говоритъ, что онъ еще никогда не видалъ мѣста, болѣе дикаго и болѣе пу-

стыннаго, и что видъ его могутъ напомнить горы вокругъ ледянаго моря въ Швейцаріи.

На другомъ концѣ равнины, прямо передъ нами, скалы эти еще выше; по мѣрѣ нашего приближенія, онѣ росли въ глазахъ нашихъ все выше и выше. Эти круторебрыя скалы, взгроможденныя однѣ на другія во всемъ хаотическомъ безпорядкѣ, шли вверхъ почти отвѣсно и составляли, какъ бы отдѣльный хребетъ, отдѣльную гору. Грозно изъ за нихъ подымалась высшая часть ихъ — мрачное чело, имѣющее высоты надъ долиною отъ 1200 до 1500 фут.; по обоимъ бокамъ этой обрывистой горы идутъ, почти въ параллельномъ направленіи, два узкихъ ущелья, отрѣзывающія ее отъ общей цѣпи. Гора эта есть Хоривъ, какъ по крайней-мѣрѣ ее теперь называютъ!

Въ книгахъ Моисѣя, имена Хоривъ и Синай употреблены по-перемѣнно, для означенія горы, гдѣ даны заповѣди. Но нельзя не замѣтить, какъ говоритъ Робинзонъ, что въ продолженіе пути Израильтянъ изъ Египта до этой горы, она именуется Хоривомъ,—во все время пребыванія ихъ передъ горою, Синаемъ (съ однимъ только исключеніемъ),— а по выходѣ ихъ отсюда, снова Хоривомъ. Изъ этого должно заключить, что имя Хорива принадлежало всему собранію горъ, подобно тому, какъ арабы называютъ его Джебель-этъ-Торъ, а имя Синая, исключительно горѣ, гдѣ были даны скрижали заповѣдей.

Но въ устахъ христіанъ, имена эти перемѣша-

ны: Синаемъ называется собраніе горъ высшаго хребта, а Хоривомъ сѣверная оконечность горы между упомянутыми выше ущеліями, столь величественно возвышающаяся надъ долиною эръ-Раха. Отъ этой оконечности на Ю. В. идетъ, на разстояніи до $4\frac{1}{2}$ верстъ, продолженіе горы Хорива въ видѣ отдѣльнаго хребта, подымается выше и, завернувъ нѣсколько на югъ, оканчивается своимъ самымъ высшимъ пикомъ; имя этому пику есть Джебель-Муса, гора Моисѣева, которая уже пятнадцать столѣтій считается тою вершиною, гдѣ Господь далъ законъ Израилю. Въ нашемъ описаніи, для большей ясности, мы сохранимъ эти самыя названія, съ добавленіемъ, что хребетъ отъ Хорива до Джебель-Муса, къ которому не рѣдко будемъ обращаться, будемъ называть хребтомъ Хорива.

Долина эръ-Раха оканчивается у самаго подножія Хорива и здѣсь самое широкое ея мѣсто. Здѣсь же съ-лѣва, подъ прямымъ угломъ, выходитъ отсюда другая, обширнѣйшая долина эшъ-Шеихъ, та самая, которую мы переѣхали сегодня около полудня. Она хотя нѣсколько у́же первой, но за то въ нѣсколько разъ длиннѣе. Она идетъ на С. В., въ прямомъ направленіи отъ Хорива, потомъ почти правильною дугою поворачиваетъ на С., прорѣзывается промежду горъ главнаго хребта и, вышедъ на свободу, поворачиваетъ на Ю., огибаетъ горы второй высоты Синая и наконецъ, описавъ почти правильный полукругъ, примыкаетъ къ уади Феранъ. По заключенію Робинзона, по этой самой

долинѣ Израильтяне поднялись на главныя высоты Синайскія и достигли Хорива.

Съ плоской возвышенности уади эръ-Раха, по прямому направленію впередъ, въ ущельи, обрѣзывающемъ Хоривъ съ сѣвера, увидали мы бѣлыя стѣны зданія съ двумя флагами. «Эй! хавага! закричали мнѣ бедуины, гляди: Деиръ-эль-Муса»! — монастырь Моисѣя, имя данное ими Синайскому монастырю, подобно тому, какъ монахи прибавляютъ имя этого Святаго Пророка ко всѣмъ мѣстамъ въ горахъ Синайскихъ, гдѣ только представляется къ этому хотя малѣйшій поводъ.

Ущелье, гдѣ находится монастырь, идетъ въ прямомъ направленіи съ долиною эръ-Раха и составляетъ какъ бы сѣверный рогъ его. Съ лѣвой стороны ущелья возвышается Джебель-эль-Деиръ, гора монастырская. Христіане называютъ ее горою Св. Епистиміи, по имени Святой мученицы, нѣкогда здѣсь спасавшейся. По словамъ арабовъ, еще до сихъ поръ видны на ней развалины монастыря, который, какъ говоритъ преданіе, былъ нѣкогда женскимъ. Гора эта, съ виду, бѣловата и свойства известковаго. Но Хоривъ, стоящій по правую сторону этого узкаго ущелья, преимущественно гранитный. Почернѣвшій и обожженный, стоитъ онъ круто, мѣстами почти отвѣсно и огромностію своею давитъ ущелье. Ущелье это арабы называютъ уади эшъ-Шуэбъ; по словамъ Робинзона, оно есть собственно долина Іефора. Ниже скажу я, что Іефоръ жилъ не въ этомъ мѣстѣ. Въ началѣ, на простран-

ствѣ до ста саженей длины, оно еще довольно широко; но потомъ съуживается болѣе и болѣе, и здѣсь, въ этомъ самомъ мѣстѣ, стоитъ монастырь; за тѣмъ оно опять нѣсколько расширяется и загромождено обломками скалъ, свалившихся съ одной и другой стороны горъ и которыя на горизонтѣ впереди представляютъ новую отдѣльную, остроконечную возвышенность, закрывающую видъ впередъ. На противуположной, т. е. восточной, сторонѣ этого возвышенія, которую могъ я видѣть только на картѣ и отъ-части съ высоты Джебель-Муса, образовывается продолженіе этого ущелья; оно поворачиваетъ въ право, на югъ, огибаетъ гору Моисѣеву, потомъ гору Св. Екатерины, мѣстами расширяется, развѣтвляется и наконецъ, по направленію на Ю. В., выходитъ къ хребту горъ, идущему вдоль восточнаго залива Чермнаго моря, носящаго названіе Акабинскаго.

XI.

Прїѣздъ въ монастырь. Требованїе писемъ. Воздушный путь. Первое знакомство съ монахами.

Синайскій монастырь, котораго мы уже не теряли изъ-виду, находится въ самомъ узкомъ мѣстѣ ущелья эшъ-Шуэбъ, предъ возвышеніемъ, заграждающимъ видъ впередъ. На двухъ оконечностяхъ его были водружены двѣ мачты и на нихъ развивались два флага: Русскій коммерческій и Іерусалимскій. Отъ ключа воды, при началѣ уади эръ-Раха, до ущелья эшъ-Шуэбъ, будетъ до 4 верстъ; а отсюда по ущелью до монастыря, съ версту. Это послѣднее разстояніе заграмождено свалившимися съ боковыхъ высотъ камнями, между которыми извивается пробитая тропа. Измученный дневнымъ зноемъ, я забылъ свою усталость и понуж-

далъ верблюда идти далѣе, чтобы скорѣе достигнуть конца своего пути и мѣста отдыха.

Предъ монастыремъ мы должны были проѣхать вблизи монастырскаго сада, идущаго вдоль ущелья и вдоль дороги, и заключающаго въ себѣ, примѣрно, до трехъ десятинъ пространства, а можетъ быть и нѣсколько менѣе. Яркая зелень деревьевъ этого отраднаго оазиса, посреди безплодной пустыни, невольно приковываетъ къ себѣ взоры каждаго пришельца, во всю дорогу отъ самаго Нила нигдѣ не встрѣчавшаго подобной растительности. Одно изъ первыхъ, ближайшихъ деревьевъ, которое какъ бы привѣтствуетъ новоприбывшаго гостя, была италіанская тополь; свѣжая, блестящая ея зелень, какъ бы только-что омытая весеннимъ дождемъ и не помраченная ни однимъ атомомъ пыли, въ особенности привлекала вниманіе наше и я долго не сводилъ глазъ съ ней. Садъ оторванъ отъ монастыря на десятокъ-другой саженей; сообщеніе съ нимъ, какъ я узналъ послѣ, устроено посредствомъ подземнаго хода, обезпеченнаго двумя желѣзными дверями. Наконецъ мы поравнялись съ монастыремъ и повернули къ нему: каждый изъ насъ искренно и отъ души радовался, сколько тому, что наконецъ достигнулъ цѣли своего пути, столько же и тому, что видѣлъ предъ собою хорошій отдыхъ послѣ этого дальняго и истинно тягостнаго переѣзда.

Монастырь расположенъ вдоль ущелья на крутой покатости, идущей отъ подошвы Хорива къ

разрѣзу самаго ущелья, и главнымъ фасадомъ обращенъ на С. В., къ горѣ Св. Епистиміи. Передъ нимъ, глубокій четвероугольный, обложенный камнемъ бассейнъ, въ который иногда напущаютъ воду, для пользованія кому угодно; для собственнаго же употребленія монастырь имѣетъ свои особые колодцы, дающіе воду и въ этотъ бассейнъ. Достигнувъ тѣни стѣнъ монастырскихъ, верблюды наши сами собою, безъ понужденія, опустились на колѣни и потомъ на брюхо, и своимъ жалобнымъ крикомъ давали знать, чтобы мы по-скорѣе слѣзали съ нихъ. Было ровно 3 часа по полудни, и слѣдовательно въ этотъ день находились мы въ пути, самомъ трудномъ и безъ малѣйшаго отдыха, 12 часовъ сряду. Всего же разстоянія отъ Суеса 54 часа, а отъ Каира 78, или, полагая по 5 верстъ на часъ, отъ перваго 270, а отъ послѣдняго 390 верстъ.

Разбитый отъ усталости, отъ долгой ѣзды и отъ зноя, я хотѣлъ по-скорѣе войти во внутрь; но воротъ въ стѣнахъ не было видно и только вверху, почти у верхней оконечности стѣнъ, находилось просторное, въ видѣ двери, окно, изъ котораго выглядывали человѣческія фигуры въ черномъ платьи и клобукахъ. Окно прикрыто висячею деревянною будкою, служащею ему, какъ бы колпакомъ: будка безъ дна и въ верхней части ея укрѣпленъ надежный блокъ, чрезъ который висѣлъ конецъ толстой веревки Окно это находится

отъ земли на высотѣ до 6 маховыхъ саженей (*), и чрезъ него-то предстоялъ мнѣ воздушный путь во внутрь монастыря.

Уже давно монахи увидали насъ съ вершины стѣнъ монастырскихъ. Замѣтивъ гостя еще вдали, они обыкновенно подымаютъ флагъ въ честь его, желая этимъ показать радушіе, съ которымъ его встрѣчаютъ. Кромѣ того флаги подымаются во всѣ церковные праздники и въ этотъ день они развѣвались по случаю воскресенья. Но сколь монахи ни рады гостямъ, сколько всякой новоприбывшій изъ далекой отъ сюда долины Нильской, а тѣмъ болѣе изъ странъ заморскихъ и съ ними единовѣрныхъ, ни отраденъ для нихъ въ этой дикой пустынѣ; однако входъ въ монастырь допускается не иначе, какъ по письмамъ изъ Каира отъ намѣстника, которыми гость рекомендуется Синайской братіи. Правило это ведется съ давнихъ временъ. Нибуръ, бывшій здѣсь въ 1762 г., не имѣлъ съ собою такого письма и во внутрь впущенъ не былъ. Нашего извѣстнаго пѣшеходца Григорія Барскаго также не впускали, и онъ провелъ два дня подъ монастырскими стѣнами. Кромѣ того, что у него не было рекомендаціи этого рода, въ то время происходили разныя неудовольствія монаховъ съ арабами. «Почто убо пришелъ еси сѣмо?» говорили ему монахи сверху, «жалѣемъ тя, во истинну, яко вотще

(*) По измѣренію же Робинзона, нижняя часть окна отстоитъ отъ земли на 4 саж. и 9 дюйм. Маховая саж. равна 6 фут.

«потрудился еси и всуе истощилъ еси пѣнязи и съ «толикою нуждою пришелъ еси въ пустыню сію, «къ тому же отъ толь далекихъ странъ сый.» Но Барскій не унывалъ; твердость воли и рѣшимость въ немъ были истинно замѣчательны, и когда монахи, желая принудить его къ обратному пути, увѣряли, что впустить его во внутрь никакъ нельзя, онъ отвѣчалъ, «еже отъ человѣкъ невозможно мнит«ся быти, отъ Бога возможна суть»; а когда стращали его, что не дадутъ ему ни хлѣба, ни воды, «отвѣщахъ азъ, добавляетъ онъ, яко не о единомъ «хлѣбѣ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ гла«голѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ». Видя, что онъ рѣшился во чтобы-то ни стало поклониться здѣсь святымъ мѣстамъ, и изъ уваженія къ его твердой вѣрѣ въ милость Божію, монахи поколебались въ принятомъ правилѣ, дѣлами между собою нѣсколько совѣщаній и, послѣ многихъ разногласій и споровъ, наконецъ рѣшились впустить его; но и то не иначе, какъ тайнымъ образомъ, ночью, черезъ садъ и подземный ходъ. «И устрѣ«ша мя иноки честно, продолжаетъ онъ, привѣт«ствующе и глаголюще: добре пришелъ еси дру«же, Богу пріятенъ да будетъ трудъ твой! и про«чая симъ подобная».

Впрочемъ правило это, конечно, не столь строго наблюдается во времена мирныя. Нашъ поклонникъ Киръ Бронниковъ, въ 1820 г., со спутниками своими былъ впущенъ безъ рекомендательнаго письма, по крайней-мѣрѣ о письмѣ онъ ничего не

упоминаетъ. Онъ прибылъ не изъ Каира, а изъ Іерусалима, откуда имѣлъ письмо только въ Суесъ.

Со мною однакожъ поступили не столь милостиво, какъ съ Бронниковымъ. Меня встрѣтили вопросомъ, имѣю ли я письмо изъ Джованіи, т. е. изъ Синайскаго подворья въ Каирѣ. Желая испытать ихъ твердость, я отозвался, что писемъ у меня нѣтъ. «Ну, такъ васъ не впустятъ,» отвѣчалъ монахъ сверху. Помолчавъ съ минуту, я возразилъ, что письма хотя и есть, но далеко доставать, и что я отдамъ ихъ, когда меня поднимутъ на верхъ. «Безъ писемъ принимать не велѣло», былъ отвѣтъ. Видя такую рѣшимость, я досталъ оба письма, отъ Архіепископа изъ Константинополя и отъ намѣстника его изъ Каира, и показалъ ихъ. Тотчасъ спустили мнѣ веревку, по которой я долженъ былъ сперва отправить мои рекомендаціи. Чрезъ минуту послѣ, спустили туже веревку за моими вещами; когда же первая часть ихъ была поднята, то, вѣроятно, въ силу моихъ рекомендацій и чтобы не заставить меня долго дожидаться внизу, спустили веревку собственно для меня, но только не прежнюю, а другую новую и раза въ четыре толще; когда конецъ ея достигъ земли, просили меня пожаловать на верхъ, говоря, что остальную часть вещей и моего драгомана поднимутъ послѣ. Конецъ этой веревки былъ сдѣланъ петлею, въ которую я пролезъ и сѣлъ, крѣпко держась руками за бока петли. Когда я усѣлся, стали поднимать меня выше

и выше; находясь на вѣсу и чтобы колѣнами не биться объ стѣну, я слегка отталкивалъ себя отъ стѣны, пока не былъ поднятъ къ окну подъ самый навѣсъ. Петля остановилась у блока, и я колыхался на высотѣ, какъ тюкъ товаровъ на реѣ, когда грузятъ судно. Здѣсь одинъ изъ монаховъ, упершись одною рукою о коробку окна, другою осторожно взялъ за петлю и потянулъ къ себѣ; въ то же время канатъ у шпиля былъ нѣсколько отпущенъ,—и я очутился въ самомъ окнѣ, окруженный человѣками шестью почтенныхъ отшельниковъ, съ самымъ веселымъ видомъ привѣтствовавшихъ меня съ пріѣздомъ. Изъ нихъ одинъ, прекраснаго роста и стана, плотный тѣломъ, правильныхъ и самыхъ благородныхъ очерковъ лица, съ бѣлою, какъ лунь, длинною бородою, держа привезенныя мною письма, хотя уже распечатанныя, но еще не прочтенныя, дружественно протянулъ ко мнѣ руки, трижды обнялъ, трижды поцѣловалъ, какъ давнишняго друга, давно жданнаго гостя, и потомъ пригласилъ слѣдовать за собою. Почтенный старецъ былъ игуменъ монастыря, отецъ Никаноръ. Онъ постоянно оказывалъ ко мнѣ особенное вниманіе и съ нимъ провелъ я большую часть времени пребыванія моего въ монастырѣ и въ горахъ Синайскихъ.

Вступая въ окно, на высотѣ до 6 маховыхъ саженей, я думалъ, что внутри долженъ буду на столько же спускаться внизъ; но, противъ ожиданія, я очутился на ровномъ, небольшомъ двори-

кѣ, съ котораго далѣе вела лѣсенка въ нѣсколько ступеней, а всѣ внутреннія монастырскія зданія виднѣлись почти на одномъ горизонтѣ съ окномъ, служившимъ мнѣ дверью. На дворикѣ устроенъ большой, надежный шпиль, на который навертывается канатъ, служащій воздушною лѣстницею. Одинъ изъ монаховъ завѣдываетъ этимъ шпилемъ и у него въ распоряженіи нѣсколько канатовъ и веревокъ разной толстоты, а чтобы шпиль и канаты предохранить отъ мокроты, дворикъ покрытъ навѣсомъ. Навѣсъ, или вѣрнѣе висячая будка надъ окномъ устроена также съ цѣлію предохранить отъ порчи блокъ, посредствомъ котораго тяжести поднимаются и опускаются.

Слѣдуя за игуменомъ, я прошелъ по нѣсколькимъ узкимъ, извилистымъ переулкамъ, спускаясь сначала по легкой покатости внизъ, а потомъ поднимаясь вверхъ; наконецъ мы достигли главнаго монастырскаго двора, гдѣ сосредоточиваются помѣщенія бо́льшей части монаховъ, игумена, его письмоводителя, комната для засѣданій Сѵнода и гостинное отдѣленіе для пріѣзжающихъ. Дворъ устланъ каменными плитами, продолговатъ, сжатъ со всѣхъ сторонъ зданіями разной величины и архитектуры, изъ-за которыхъ виднѣлись оконечности монастырскихъ стѣнъ. На дворѣ устроенъ красивый фонтанъ, осѣненный старыми виноградными лозами на деревянномъ стелажѣ. Тѣнь отъ стѣнъ и отъ самаго Хорива, который виситъ надъ монастыремъ, словно изъ любопытства заглядываетъ во внутрь, по-

крываетъ почти всю плоскость двора; тишина вокругъ была самая глубокая, истинно мертвая, хотя дверей въ жилыя комнаты виднѣлось до двадцати, и только слышенъ былъ шумъ нашихъ шаговъ, да игривое, но всегда однообразное, журчаніе воды въ фонтанѣ, воды чистой, свѣтлой, кристальной, проведенной сюда подземными путями изъ нагорныхъ водохранилищъ Синайскихъ. Почтенный игуменъ повелъ меня по лѣстницѣ на право во второй этажъ флигеля, назначеннаго для пріема гостей и прислоненнаго къ оградной монастырской стѣнѣ, ближайшей къ Хориву.

Пріемныя комнаты обращены во внутрь двора и находятся прямо противъ лицевой стороны фонтана. Вдоль флигеля идетъ широкая галлерея, на которую выходятъ двери изъ каждаго отдѣльнаго покоя. Комнаты хотя весьма не велики, но очень прилично и даже съ нѣкоторою роскошью убранныя въ восточномъ вкусѣ; полы устланы коврами, вокругъ по стѣнамъ низкіе диваны съ подушками, и ни одного стула; въ переднемъ углѣ предъ иконою теплится лампада; вверху по стѣнѣ полка съ нѣсколькими книгами религіознаго содержанія, на французскомъ и англійскомъ языкахъ, оставленными здѣсь въ разное время, для чтенія пришельцевъ, миссіонерами библейскихъ обществъ. На галлереѣ распололожено нѣсколько деревянныхъ, разно-калиберныхъ стульевъ и между ними старинное, простой рѣзной работы, деревянное кресло, прошедшее, безъ всякаго сомнѣнія, чрезъ

нѣсколько столѣтій; на него усадили меня и оно служило, для перваго здѣсь отдыхновенія, всѣмъ путешественникамъ, навѣщавшимъ эту истинно замѣчательную обитель.

Еще при вступленіи моемъ въ монастырь, я встрѣченъ былъ русскою рѣчью: привратникомъ былъ монахъ изъ болгаръ. Такую же пріятную встрѣчу нашелъ я и въ гостинницѣ: служителемъ при ней находился другой монахъ, старецъ преклонныхъ лѣтъ, родомъ также изъ болгаръ и говорившій по-русски лучше перваго; чрезъ него былъ первый разговоръ мой съ привѣтливымъ и радушнымъ игуменомъ. На первый разъ разговоръ нашъ касался только обыкновенныхъ предметовъ. Скоро пришелъ одинъ молодой монахъ, лѣтъ 29 или 30, выходецъ изъ Россіи, и привѣтствовалъ меня уже чистымъ русскимъ языкомъ; имя его въ монашествѣ Іаковъ. Онъ былъ болѣе всѣхъ обрадованъ пріѣздомъ русскаго и при томъ изъ Одессы, его родины, которую оставилъ онъ уже болѣе 15 лѣтъ и вскорѣ за тѣмъ, въ одномъ изъ Аѳонскихъ монастырей, на 15-мъ году жизни, надѣлъ монастырскую рясу, безъ надежды, когда либо воротиться на родину.

По приглашенію игумена, пришелъ къ намъ еще одинъ монахъ, благородной наружности и пріемовъ, вполнѣ внушающимъ глубокое уваженіе и вмѣстѣ показывающихъ человѣка, бывшаго въ лучшемъ обществѣ. Большая черная окладистая борода, на чернотѣ которой рѣзко отдѣлялась рѣдкая просѣдь, придавала еще болѣе наружнаго достоин-

ства этому истинно почтенному иноку. Онъ заговорилъ со мною по-французски, и чрезъ него наиболѣе шелъ въ этотъ вечеръ разговоръ мой съ игуменомъ, при особѣ котораго онъ исполнялъ обязанности письмоводителя; въ молодости же своей инокъ этотъ былъ статсъ-секретаремъ при одномъ изъ Молдавскихъ господарей.

Скоро пришли сказать, что пора идти къ вечернѣ, и въ то же время послышались звуки била, замѣняющаго здѣсь колоколъ. Имѣть же при церквахъ колокола мусульмане не позволяютъ, полагая, что звонъ ихъ нарушаетъ спокойствіе ангеловъ, отдыхающихъ на ближайшихъ минаретахъ; а къ несчастію здѣсь также есть мечеть, какъ это читатели увидятъ ниже. По приглашенію игумена, я сложилъ съ себя пистолеты и саблю, оставшіеся на мнѣ отъ дороги, и былъ готовъ идти; между тѣмъ пришли сюда еще нѣсколько монаховъ, изъ которыхъ каждый привѣтствовалъ меня по-гречески. Когда всѣ собрались, игуменъ подалъ знакъ и всѣ бывшіе здѣсь монахи, вмѣстѣ съ нимъ приняли самый важный, торжественный видъ, и громкое пѣнье псалмовъ Давида раздалось въ стѣнахъ, гдѣ предъ тѣмъ царствовала глубокая тишина. Шествіе направилось въ главную, Соборную церковь; я послѣдовалъ за ними. Пѣнье продолжалось во весь путь и окончилось у олтаря храма, гдѣ смѣнила его молитва вечерняя.

Прежде, чѣмъ я поведу моего читателя въ этотъ храмъ, считаю приличнѣйшимъ, для полно-

ты и послѣдовательности описанія, и чтобы потомъ къ одному и тому же предмету не обращаться вторично, познакомить его теперь, по возможности вполнѣ, со всѣми отдѣленіями монастыря, осмотрѣннаго мною частію въ тотъ же день, а частію послѣ странствія моего на Синайскія высоты.

XII.

Описаніе Синайскаго монастыря. Стѣны его. Бывшіе врата и время ихъ закрытія. Колодцы: Неопалимой Купины и Моисѣя. Мечеть. Объ участіи въ монастырѣ другихъ исповѣданій. Число церквей и придѣловъ.

Монастырь построенъ въ видѣ продолговатаго четвероугольника, расположеннаго на крутой покатости, идущей, какъ и выше сказано, отъ подошвы Хорива къ разрѣзу ущелья. Главный фасадъ его находится на той сторонѣ, гдѣ устроенъ воздушный входъ. Длина его, по моему измѣренію, 120, ширина 96 полныхъ шаговъ; полагая три шага на сажень, будетъ — длины 40, ширины 32 сажени. По приведенному же Лабордомъ и Робинзономъ измѣренію францисканскаго игумена, бывшаго здѣсь въ 1722 г., длина монастыря 245, а ширина 204 парижскихъ футовъ, или на нашу мѣру саженей въ длину $40^5/_6$, въ ширину

34. Разница здѣсь съ моимъ измѣреніемъ самая не значительная (*).

Высота стѣнъ не одинакова и соотвѣтствуетъ не ровной поверхности мѣста, на которомъ онѣ возвышаются. Стѣны лицевой, т. е. передней стѣны, кажутся выше прочихъ; онѣ имѣютъ высоты до 6 саженей и болѣе. Углы выступаютъ и изъ нихъ нѣкоторые закруглены, въ видѣ крѣпостныхъ угловыхъ башень; западный уголъ выше прочихъ и имѣетъ до $7^1/_2$ саженей. Кромѣ угловъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по стѣнамъ, для приданія имъ большей крѣпости, выходятъ наружу четвероугольные небольшіе выступы, также въ видѣ башень. Въ одномъ или двухъ мѣстахъ поставлены небольшія пушки. У башни западнаго угла находится помѣщеніе эконома, хозяина монастыря по продовольственной части. У него предъ глазами и долина эръ-Раха съ путемъ изъ Суеса, и садъ монастырскій, для обезпеченія котораго, а вмѣстѣ и подземнаго хода изъ него въ монастырь, отъ нападенія арабовъ, въ окнѣ его кельи поставлена одна изъ имѣющихся здѣсь пушекъ. Нижняя часть стѣнъ и въ особенности башень, сложена изъ огромныхъ камней, внѣшняя сторона которыхъ представляетъ плоскости до 6 и 7 футовъ въ квадратѣ; всѣ они правильной формы, чистой отдѣлки и свойства известковаго; между ними виднѣются и камни гра-

(*) Констандіусъ въ своей «Египтіадѣ» говоритъ, что каждая сторона длиною 50 маховыхъ саженей.

нитные, но только изрѣдка, вѣроятно, по трудности ихъ отдѣлки. Вся остальная часть стѣнъ къ верху, построена изъ камней меньшаго размѣра.

Стѣны имѣютъ цвѣтъ песковъ пустыни, кромѣ новыхъ въ нихъ наддѣлокъ и перестроекъ, отличающихся отъ старыхъ своею бѣлизною. Во время бытности французовъ въ Египтѣ, часть восточной стѣны упала; тотчасъ она была поднята, по распоряженію Клебера, оставшагося послѣ Наполеона главнокомандующимъ французскихъ войскъ; каменьщики для этого были присланы изъ Каира. Потомъ, не въ давнее предъ симъ время, часть стѣны съ пріѣзда, на С. В., угрожавшая паденіемъ, была перестроена на счетъ монастырскій. Монахи сказывали мнѣ, что въ горахъ не рѣдко бываютъ землетрясенія, при которыхъ дрожатъ всѣ зданія; но главный храмъ, и въ особенности мѣсто Неопалимой Купины, остаются въ совершенномъ покоѣ: «мѣсто бо то, земля свята есть», добавилъ отецъ Іаковъ. Кромѣ большаго окна, чрезъ которое вступилъ я во внутрь, есть еще въ разныхъ мѣстахъ верхней части стѣнъ, нѣсколько небольшихъ окошекъ и кромѣ того узенькія небольшія, какъ въ крѣпостяхъ, амбразуры, дающія свѣтъ въ тѣсный и мрачный корридоръ, устроенный въ верхней части окружныхъ стѣнъ. Въ случаѣ нужды, эти разрѣзы могутъ служить и для ружейныхъ выстрѣловъ.

Выше было сказано, что въ оградныхъ монастырскихъ стѣнахъ нѣтъ ни одной двери. Всѣ путешественники текущаго и предшествовавшаго сто-

лѣтій тоже говорятъ. Обстоятельство это требуетъ нѣкотораго поясненія, которое здѣсь мы изложимъ, прося у читателей извиненія за подробности; но какъ этотъ монастырь есть одинъ изъ древнѣйшихъ на всемъ земномъ шарѣ, то смѣемъ думать, что эти подробности будутъ не совсѣмъ излишни.

Въ стѣнѣ, обращенной къ Хориву, у западнаго угла, примкнутъ трехъ-угольный особый дворикъ; на немъ теперь складываютъ дрова, камень, известь и прочія громоздскія предметы. Стѣны его высотою своею доходятъ едва-ли до половины высоты прочихъ монастырскихъ стѣнъ, и очень замѣтно, что этотъ дворикъ примкнутъ къ нимъ гораздо позднѣе построенія монастыря, можетъ быть, въ одно изъ послѣднихъ столѣтій. Въ западной стѣнѣ этого дворика, обращенной къ саду, имѣется просторная дверь, на-глухо заложенная большими камнями, которые, для большей крѣпости, завалены изъ-середины еще цѣлою кучею камней меньшей величины. Противъ нея въ крѣпостной (если такъ можно выразиться) стѣнѣ монастыря видна особая дверь, также на-глухо и чисто задѣланная тремя огромными камнями правильной формы и искусно въ это отверстіе пригнанными. Дверь эта есть—дверь Синайскаго Архіепископа.

Послѣдній, жившій въ монастырѣ, Архіепископъ былъ Кириллъ, умершій въ 1760 г. Но съ того времени признано удобнѣйшимъ, чтобы Архіепископъ жилъ не здѣсь, а въ другой странѣ, съ цѣлію избѣжать хищническихъ и непомѣрныхъ тре-

бованій со стороны арабовъ, при возведеніи его въ этотъ санъ и вступленіи въ монастырь. Еще за долго передъ тѣмъ, большая дверь монастыря была заложена для бо́льшей безопасности; но когда пріѣзжалъ сюда новый Архіепископъ, она открывалась, и чрезъ нее входилъ онъ во внутренность монастыря. Въ это же самое время открывается и дверь изъ-внѣ въ описанный нами дворикъ, и дворикъ этотъ служитъ тогда предвѣріемъ въ монастырь, дабы помощію его предупредить насиліе арабовъ и желаніе ихъ ворваться во внутрь, при архіепископскомъ въѣздѣ. Для этото, по вступленіи Архіепископа на этотъ дворикъ, удаляютъ всѣхъ сопровождавшихъ его арабовъ, которыхъ, за бахшишемъ при подобномъ случаѣ, набирается многія сотни; потомъ запираютъ дверь изъ этого дворика наружу, и наконецъ уже отворяютъ дверь въ самый монастырь. Честь отваленія камней отъ этихъ двухъ входовъ принадлежитъ, по принятому изъ-давна обычаю, тремъ почетнѣйшимъ арабамъ изъ Синайскаго населенія, составляющимъ вмѣстѣ съ тѣмъ и главныхъ тѣлохранителей особы Архіепископа. Въ этомъ качествѣ они помѣщаются на извѣстное время въ монастырѣ, получаютъ отъ него и угощеніе, и богатые подарки. Если бы теперешній Архіепископъ Констандіусъ прибылъ сюда, то онъ вступилъ бы во внутрь не иначе, какъ чрезъ эту дверь. О томъ же, какъ долго дверь эта оставалась бы въ такомъ случаѣ незадѣланною снова камнями на-глухо, Робинзонъ, по словамъ мо-

наховъ, говоритъ, что продолжалось бы это шесть мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ арабы имѣли бы право приходить сюда (т. е. къ двери), когда вздумаютъ, ѣсть и пить на счетъ монастырскій, и многія тысячи талеровъ не покрыли бы этихъ расходовъ.

Но кромѣ этой, такъ сказать, архіепископской двери, въ оградной стѣнѣ есть еще и другія. На тотъ же самой дворикъ выходятъ еще два дверныя отверстія, расположенныя вблизи ея по обѣ стороны, безъ всякаго впрочемъ соблюденія между ними симетріи. Изъ нихъ одно по правую сторону, т. е. къ З., очень малое, достаточное для прохода только одного человѣка; оно притворяется толстою надежною дверью, плотно обитою желѣзными полосами, съ крючьями и засовами изъ-середины; чрезъ него вошли мы на этотъ дворикъ. Дверное отверстіе съ другой стороны гораздо обширнѣе даже архіепископской двери, но также, какъ и она, задѣлано на-глухо большими камнями. Нѣтъ сомнѣнія, что, при построеніи монастыря, эта дверь, или вѣрнѣе сказать эти врата назначались для торжественныхъ выходовъ. Это тѣмъ болѣе правдоподобно, что, если память меня не обманываетъ, врата эти находятся прямо противъ узкаго внутренняго проулка, идущаго отсюда къ западнымъ вратамъ Соборнаго храма.

Очень понятно, что пристройка дворика и закрытіе воротъ въ стѣнѣ, сдѣланы въ отклоненіе насилія арабовъ, врывавшихся во внутрь въ

слѣдъ за поклонниками. Примѣръ этому представляетъ Баумгартенъ (1507 г.); къ нему и къ его спутникамъ, когда они расположились отдохнуть въ келіяхъ монастыря, ворвались арабы, требовали денегъ и не прежде ушли, какъ получивъ порядочный бахшишъ. Монахи, жалуясь ему на арабовъ, сказывали, что даже по ночамъ они собираются въ мечеть, находящуюся внутри монастыря, и крикомъ своимъ не даютъ имъ ни на минуту покоя. Впрочемъ, добавили они, арабы, позволяющіе себѣ всѣ возможныя дерзости въ оградѣ монастырской, воздерживаются однако входить въ главную церковь.

О времени закрытія дверей въ монастырской оградѣ, представляются слѣдующія данныя. Гаррантъ Польшицъ въ 1598 и Монконисъ въ 1647 г. вошли въ монастырь чрезъ большую дверь. Баумгартенъ, бывшій здѣсь ранѣе ихъ, въ 1507, хотя не говоритъ прямо о томъ, какъ онъ проникъ во внутрь монастыря, но изъ словъ его очень понятно, что вошелъ онъ чрезъ дверь и что чрезъ окно на верхъ стѣны поднимаемъ не былъ. Санди въ 1610 вошелъ сюда чрезъ желѣзную дверь, но онъ говоритъ также и объ окнѣ, чрезъ которое была раздаваема милостыня арабамъ. Вскорѣ послѣ того Фонъ-Троило, въ 1666 г., описываетъ низкій входъ, защищенный двойною желѣзною дверью и оберегаемый днемъ и ночью; при чемъ упоминаетъ также и о высокомъ окнѣ, чрезъ которое спускали

арабамъ внизъ пищу въ корзинѣ, на веревкѣ; но чтобы и путешественники были поднимаемы этимъ же путемъ, о томъ нѣтъ у него ни одного слова. Францисканскій игуменъ, въ 1722 г., первый говоритъ, что онъ былъ поднятъ чрезъ окно; причемъ добавляетъ, что дверь заложена въ предупрежденіе нападеній отъ арабовъ. Тоже самое говорятъ Ванъ-Эгмондъ и Нейманъ въ своихъ путешествіяхъ, около того же времени. Основываясь на нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ мною данныхъ, Лабордъ заключаетъ, что, вѣроятно, къ концу XVII столѣтія дверь была разбита арабами и съ этого времени окно, назначенное для раздачи милостыни, начало быть употребляемо и для впуска странниковъ. Въ дополненіе къ этому приведемъ и свидѣтельство нашего паломника Барскаго, бывшаго здѣсь въ 1728 г., т. е. шесть лѣтъ спустя послѣ Францисканскаго игумена. Описывая монастырь, онъ говоритъ, что вблизи помѣщенія эконома, «такожде суть келіи «двоихъ вратоваровъ высоко вверху стѣнъ, да блю«дуть сущіи тамо врата, множицею бо тяжущіися «и разгнѣваны арабы запаляютъ огнь во вратахъ «внѣшнихъ, рекомыхъ Мандра, да сожгутъ я; «иноки имутъ художество, отъ внутрь стѣны ліютъ «воду, яже досязаетъ тамо низу и угашаетъ огнь». Изъ этого ясно, что въ его время ворота наружу существовали, хотя онъ и былъ поднятъ въ окно; но какія именно ворота: тѣ-ли, что заложены, или та дверь, чрезъ которую прошли мы на пристроенный дворикъ, трудно рѣшить; впрочемъ изъ этихъ

словъ понятно, что особаго, для защиты воротъ, дворика въ его время еще не было.

Отъ существующей нынѣ двери, со внутренней стороны оградной стѣны, идетъ въ право, внизъ, лѣстница, ведущая въ подземный темный корридоръ; онъ проходитъ подъ фундаментомъ оградной стѣны и выходитъ въ садъ; въ началѣ и въ концѣ онъ плотно закрывается двумя надежными дверями, хорошо окованными желѣзными полосами, съ крючьями и засовами изъ-середины; ходъ этотъ, вѣроятно, есть тотъ самый, чрезъ который вошелъ Фонъ-Троило.

Но обратимся снова къ тремъ двернымъ отверстіямъ въ стѣнѣ, о которыхъ предъ симъ было говорено. Близь нихъ съ наружной стороны крѣпостной стѣны вдѣлано двѣ мраморныя доски съ надписями, изъ которыхъ одна на арабскомъ языкѣ, а другая на ново-греческомъ. Содержаніе надписей одно и тоже на обоихъ языкахъ и заключаетъ въ себѣ имя строителя и время постройки. Узнавъ о желаніи моемъ имѣть копію этой надписи, почтенный игуменъ поручилъ своему письмоводителю списать ее для меня. Поспѣшность, съ которою сей послѣдній пришелъ сюда по призыву игумена, почтительность, съ которою онъ выслушалъ его слова, и готовность, съ которою онъ выполнилъ его волю, всѣ эти черты въ человѣкѣ, получившемъ свѣтское образованіе, бывшемъ довѣреннымъ лицемъ при одномъ изъ владыкъ народныхъ и блиставшемъ при дворѣ его и умомъ,

и любезностію, не могли не внушить къ нему самаго глубокаго уваженія. Вотъ переводъ этой надписи съ греческаго текста. «Этотъ священный монастырь горы Синая, воздвигнутый на мѣстѣ, гдѣ «Господь бесѣдовалъ съ Моисѣемъ, построенъ «Юстиніаномъ, смиреннымъ Императоромъ Римскимъ, на память вѣчную его и жены его Θеодоры; оконченъ на тридцатомъ году его царствованія и Дуло поставленъ былъ игуменомъ. Лѣто «отъ сотворенія міра 6121, а отъ Р. Х. 527».

Впрочемъ, на этой надписи, очевидно сдѣланной въ позднѣйшія времена, нельзя основываться, тѣмъ болѣе, что Юстиніанъ только въ этомъ году вступилъ на престолъ. О времени построенія монастыря изложены ниже (въ гл. XX) свидѣтельства Архіепископа Констандіуса и самыхъ современниковъ, изъ которыхъ видно, что монастырь построенъ нѣсколько позднѣе, чѣмъ говоритъ эта надпись.

Пространство, заключающееся въ окружныхъ монастырскихъ стѣнахъ, раздѣляется на 9 или 10 двориковъ разной величины и формы; они соединяются между собою узкими, извилистыми, какъ бы въ лабиринтѣ, переходами и корридорами, которые, смотря по неровности земли, то подымаются, то опускаются. Вокругъ двориковъ и вдоль переходовъ расположены зданія разной высоты и архитектуры; въ верхніе ярусы ведутъ деревянныя или каменныя лѣстницы, устроенныя не внутри, а снаружи; отъ нихъ идутъ ходы въ другія зданія,

и опять лѣстницы, такъ-что, обошедъ все не болѣе одного раза, трудно составить въ головѣ своей планъ всѣмъ этимъ переходамъ. На двухъ или трехъ дворикахъ возращены виноградныя лозы, цвѣты, по одному и по два дерева, изъ которыхъ нѣкоторыя бросаютъ прекрасную тѣнь, а на дворѣ большаго храма, у предѣла Неопалимой Купины, растутъ два красивые кипариса, изъ которыхъ одинъ возвышается далеко надъ стѣнами монастырскими и видѣнъ издалека. Изобиліе воды въ особенности радуетъ пришельца изъ знойной и безплодной пустыни, испытавшаго нужду въ ней въ теченіе многихъ дней сряду. Она проведена сюда изъ горныхъ запасовъ подземными водопроводами; но лучшею считается вода колодцевъ Неопалимой Купины и Моисѣя. Оба они находятся въ низшей части монастыря, близъ большаго храма и, вѣроятно, имѣютъ между собою подземное соединеніе. Послѣдній такъ названъ потому, что у него предполагаютъ (и вполнѣ ошибочно) первую встрѣчу и знакомство Моисѣя съ дочерьми Іефора (*), которымъ здѣсь онъ помогъ напоить овецъ и изъ которыхъ одну избралъ потомъ себѣ въ супружество; онъ находится у паперти храма съ лѣвой стороны и, по количеству воды, есть главный. Колодецъ

(*) Изъ п. 1 гл. III и п. 5, 27 гл. XVIII кн. Исхода видно, что мѣсто Неопалимой Купины и мѣстопребываніе Іефора, близъ коего, конечно, находился и этотъ колодезъ, не могло быть одно и тоже.

Неопалимой Купины находится у восточной стороны предѣла этого имени и, вѣроятно, устроенъ въ послѣдствіи; онъ-то даетъ жизнь кипарисамъ, о которыхъ предъ симъ мы упомянули.

Въ монастырскихъ стѣнахъ и въ близкомъ разстояніи отъ Соборной церкви, вы встрѣчаете, какъ замѣчательнѣйшій фактъ вѣротерпимости прежнихъ здѣшнихъ обитателей, такое зданіе, какого въ христіанскихъ монастыряхъ нигдѣ не найдете; это мечеть и при ней минаретъ. Зданіе это самой простой постройки, безъ всякихъ украшеній внутри и снаружи, и довольно просторное, такъ-что до двухъ сотъ молельщиковъ въ немъ помѣститься могутъ; оно содержится въ довольно плохомъ видѣ. Тутъ же находятся приличныя помѣщенія для мусульманъ, иногда пріѣзжающихъ сюда на поклоненіе, при обратномъ пути изъ Мекки. По словамъ монаховъ, эта мечеть построена по требованію прежнихъ правителей Египта, потому что и мусульмане питаютъ глубокое уваженіе къ Моисѣю и къ этимъ горамъ, какъ къ поприщу великихъ дѣлъ его. Нѣкоторые путешественники, говоря о мечети, добавляютъ, что она построена собственно для арабовъ—слугъ монастырскихъ. Хотя въ прежнія времена арабы и производили здѣсь непомѣрныя своевольства, но со всѣмъ тѣмъ мысль эта едва-ли правопододна, потому, что со времени обезпеченія монастыря отъ насильственныхъ вторженій во внутрь, слугъ арабовъ внутри не держатъ и всѣ служительскія обязанности несутъ сами монахи. О времени построе-

нія мечети находимъ свидѣтельства у Буркгарта; въ одной изъ разобранныхъ имъ въ монастырѣ старинныхъ арабскихъ рукописей онъ нашелъ, что мечеть эта въ 1381 г. уже существовала. Сосѣдство мечети, монахамъ весьма не нравится; но, не смотря на это, она сохраняется въ цѣлости и, въ крайнемъ случаѣ, даже поддерживается, изъ опасенія навлечь на себя негодованіе мусульманскихъ властей.

По словамъ Буркгарта, этотъ монастырь нѣкогда представлялъ въ своемъ устройствѣ тоже самое, что храмъ Господень въ Іерусалимѣ, т, е. заключалъ въ себѣ алтари разныхъ христіанскихъ исповѣданій, и что всѣ главныя изъ нихъ, кромѣ кальвинистскаго и протестантскаго, имѣли здѣсь свои церкви. Мнѣ показывали, говоритъ онъ, эти небольшіе храмы, принадлежавшіе нѣкогда сиріянамъ, армянамъ, коптамъ и латинамъ; но они давно уже оставлены своими хозяевами. Церковь латиновъ, по словамъ его, пришла въ разрушеніе въ концѣ XVII столѣтія и послѣ того не была перестроиваема. Робинзонъ повторяетъ тоже самое и въ подтвержденіе того, что нѣкоторыя изъ здѣшнихъ церквей принадлежали латинамъ, ссылается на Монкониса (1647), Сикара (1715) и Покока (1738), изъ которыхъ первый добавляетъ сверхъ того, что римско-католическая церковь находилась вблизи гостинныхъ комнатъ и что въ ней одинъ изъ его спутниковъ отслужилъ для нихъ латинскую литургію. Но въ настоящее время, вблизи этихъ ком-

натъ нѣтъ никакой церкви. При этомъ мы не можемъ не привесть свидѣтельства ихъ предшественника, Мартына Баумгартена, также католика, бывшаго здѣсь въ 1507 г.; говоря о правилахъ и уставѣ монашескомъ, онъ добавляетъ, что «всѣ мона-«хи здѣсь суть греки, римскаго папу не признаютъ «и слѣдуютъ уставу Восточной церкви во всей «строгости». Игуменъ Никаноръ, на вопросъ мой о латинской церкви, сказалъ мнѣ со всею увѣренностію, что ни латины, и ни кто, кромѣ грековъ православнаго исповѣданія, не имѣлъ здѣсь никогда и не имѣетъ никакого участія; а если путешественникамъ—католикамъ дозволялось иногда отправлять здѣсь свою службу, то это еще не даетъ повода утверждать, что латины имѣли долю въ обладаніи монастыремъ. Изъ всего же этого заключить можно, что если разныя христіанскія исповѣданія, или же только одни латины, имѣли здѣсь свои храмы, какъ пишутъ Монконисъ, Сикаръ и Пококъ, то ужъ монаховъ этихъ исповѣданій, конечно, здѣсь никогда не было.

Прежде, чѣмъ мы приступимъ къ описанію главнаго храма, скажемъ нѣсколько словъ о малыхъ церквахъ этого монастыря. Всѣхъ ихъ пятнадцать; онѣ построены въ разное время и во имя разныхъ святыхъ; всѣ онѣ вообще бѣдны и должно сказать, что, кромѣ главнаго храма, все остальное въ монастырѣ носитъ на себѣ печать крайней бѣдности, особливо для русскаго глаза, привыкшаго видѣть въ храмахъ Божіихъ все возможное

благолѣпіе. Однако, не смотря на эту бѣдность, всѣ церкви и вообще все въ монастырѣ содержится въ чрезвычайной чистотѣ, опрятности и въ должномъ порядкѣ. Кромѣ этихъ пятнадцати церквей, находится еще въ большомъ храмѣ (сверхъ главнаго алтаря) девять особыхъ придѣловъ; а потому всѣхъ вообще малыхъ алтарей считаютъ двадцать пять, а съ главнымъ алтаремъ въ большомъ храмѣ, всего двадцать шесть. Богослуженіе въ нихъ отправляется не каждый день, а только въ извѣстные дни, по чину монастырскому.

XIII.

Храмъ Преображенія Господня. Мощи Св. Екатерины. Придѣлъ Неопалимой Купины. Библіотека. Новое знакомство.

Лучшее украшеніе монастыря составляетъ Соборный храмъ, «красотою своею, какъ говоритъ Барскій, человѣческое услаждающій сердце». Мы постараемся описать его подробнѣе, какъ храмъ, обращающій на себя особенное вниманіе, сколько стилемъ и своими внутренними во вкусѣ византійскомъ украшеніями, чрезъ 15 вѣковъ удержавшими свой первоначальный колоритъ во всей свѣжести, столько же и потому, что онъ есть одинъ изъ самыхъ древнихъ и очень немногихъ христіанскихъ храмовъ, до нынѣ существующихъ въ первобытномъ благолѣпіи. Храмъ этотъ, равно и самый монастырь, воздвигнутъ въ память Преображенія

Господня, какъ это свидѣтельствуетъ теперешній Синайскій Архіепископъ Констандіусъ (въ своей книгѣ «Египтіада»), основываясь на преданіяхъ, на греческихъ источникахъ и большомъ мозаическомъ изображеніи этого событія изъ Новаго Завѣта, представленномъ на алтарномъ сводѣ храма. По этому, всѣ путешественники прежнихъ, а отъ части и новѣйшихъ временъ, весьма ошибаются, называя монастырь этотъ Екатерининскимъ, основывая это на томъ, что здѣсь покоятся мощи Св. Екатерины, перенесенныя, какъ говоритъ преданіе, ангелами изъ Александріи на одинъ изъ высшихъ пиковъ Синайскихъ, а отъ туда въ монастырь монахами. При этомъ однакожъ нельзя незамѣтить, что историкъ Прокопій, жившій въ томъ же столѣтіи, когда монастырь былъ воздвигнутъ, говоритъ между прочимъ, что церковь была построена во имя Св. Дѣвы. Впрочемъ, о его свидѣтельствѣ подробнѣе будетъ говориться ниже (въ гл. XX). Руппель, не извѣстно почему, называетъ монастырь Благовѣщенскимъ.

Соборная церковь стоитъ на особомъ дворикѣ, находящемся не на срединѣ монастыря, какъ бы это, для благообразія и симетрическаго расположенія зданій, желать было можно, но очень близко къ сѣверо-восточной стѣнѣ и, если не ошибаюсь, дворикъ этотъ даже примыкаетъ къ ней. Строитель, конечно, находилъ приличнѣйшимъ, чтобы храмъ былъ воздвигнутъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ предполагалось великое ветхо-завѣтное

событіе Неопалимой Купины; но при этомъ обстоятельствѣ, отодвигать окружныя стѣны далѣе, по неровности мѣста, было не удобно, и потому оставалось распорядиться такъ, какъ позволяла мѣстность. Дворикъ этотъ примыкаетъ къ главному переулку или корридору, идущему отъ окна, чрезъ которое я былъ поднятъ, къ дворику, гдѣ находится гостинница; онъ стоитъ, какъ бы въ ямѣ: ступеньками 10 или 15 ниже этого корридора; это пониженіе допущено здѣсь, конечно, съ тою цѣлію, чтобы храмъ былъ ближе къ прежнему горизонту мѣста Неополимой Купины, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ водѣ колодца Моисѣева. Вступивъ въ дверь изъ корридора на этотъ дворикъ, нужно спуститься къ главнымъ западнымъ вратамъ храма по лѣстницѣ, идущей подъ прямымъ угломъ въ-лѣво.

Дверныя полотна этихъ вратъ такія точно, какъ въ Софійскомъ соборѣ въ Новгородѣ, но только безъ обивки металлическими листами. Въ ихъ четвероугольникахъ представлены изображенія разныхъ событій изъ Вѣтхаго Завѣта. Врата эти отворяются только во время большихъ праздниковъ; по бокамъ ихъ находятся двѣ небольшія двери, для повседневнаго входа и выхода. Перешедъ узкую паперть, вы вступаете чрезъ вторые большіе же врата въ самый храмъ.

Храмъ этотъ имѣетъ форму параллелограмма, длиною, по словамъ Констандіуса, 18 и шириною 10 саженей. Постройка его проста, массивна и весьма прочна. Двумя рядами цѣльныхъ гранитныхъ, но

къ сожалѣнію теперь побѣленныхъ колоннъ, съ капителями разныхъ орденовъ, по семи колоннъ съ каждой стороны, онъ раздѣленъ на три части. По словамъ монаховъ, колонны побѣлены для приданія храму, также выбѣленному, вида, болѣе веселаго. Высота колоннъ 3 саж. Вверху ихъ висятъ иконы, изображающія всѣхъ годичныхъ Святыхъ, а по ниже хранятся, въ самыхъ же колоннахъ, мощи Святыхъ угодниковъ Божіихъ. Потолокъ, поддерживаемый колоннами, покрытъ темно-голубою краскою, и по немъ разбросаны золотыя звѣзды, а посреди изображенъ Вседержитель. Толстыя поперечныя стрѣлы, скрѣпляющія колонны вверху, и стропилы, на которыхъ лежитъ коническая крыша, покрытая листовымъ свинцомъ, принадлежатъ ко времени первоначальной постройки. По словамъ Барскаго, все это дерево—кипарисное, съ рѣзными изображеніями, а вся высота отъ пола до верхняго гребня крыши 10 саж. Полъ мраморный, узорочный, сдѣланъ съ рѣдкимъ искусствомъ и содержится въ большой опрятности и чистотѣ. Онъ вымощенъ правильными кусками мрамора разныхъ цвѣтовъ, составляющими фигуры, круги и четвероугольники съ безчисленными узорами и украшеніями, размѣщенными въ строгой симетріи по предварительно составленному красивому рисунку. Онъ сдѣланъ лѣтъ за 70 предъ симъ, вмѣсто пола, бывшаго здѣсь прежде. Потолокъ перекрашенъ еще позднѣе. По сторонамъ храма, внутри у стѣнъ, устроены изъ досокъ мѣста для монаховъ.

У одной изъ колоннъ, въ приличномъ отдаленіи отъ алтаря (*), возвышается богато украшенное кресло рѣзной работы (изъ орѣховаго дерева) съ позолотою, съ большими по сторонамъ двумя орлами и съ куполомъ сверху, поддерживаемымъ двумя ангелами. На внутренней части спинки изображенъ видъ монастыря и образъ Преображенія Господня, работы какого-то Корнара. Здѣсь находится таже самая надпись, какую мы прочли у внѣшнихъ воротъ. Большія окна вокругъ въ два ряда (**) прекрасно освѣщаютъ внутренность храма. Къ восточной его части примкнутъ альковъ со сводомъ, гдѣ помѣщается алтарь, нѣсколько выступающій во внутрь храма, такъ-что переднія двѣ колонны, поддерживающія потолокъ храма, находятся внутри его.

Стѣна алтаря, отдаляющая его отъ прочаго пространства храма, украшена въ византійскомъ вкусѣ нѣсколькими рядами образовъ въ рѣзныхъ рамахъ; вверху, надъ царскими вратами, возвышается кипарисное рѣзное же распятіе большаго размѣра. Позолота щедрою рукою положена вездѣ, гдѣ только было можно. Нижній ярусъ этой стѣны составляютъ квадратныя доски бѣлаго мрамора съ золоченными и украшенными изображеніями

(*) По словамъ Констандіусъ, подъ 4-ю стрѣлою съ правой (т. е. съ сѣверной) стороны.

(**) Всего 31, и именно: по 14 съ боковъ, 2 надъ алтаремъ и 1 въ алтарѣ.

разныхъ событій изъ Св. писанія. Алтарь поднятъ отъ пола церкви на нѣсколько ступенекъ (*); полъ его изъ бѣлаго мрамора. Мраморный престолъ лежитъ на четырехъ мраморныхъ же пьедесталахъ, внутри которыхъ хранятся святыя мощи. Надъ престоломъ, на четырехъ колоннахъ, возвышается, въ видѣ короны, куполъ съ разными изображеніями на перламутровыхъ и черепаховыхъ дощечкахъ; колонны, его поддерживающія, такой же работы. Большія мѣстныя иконы, по сторонамъ царскихъ вратъ, представляютъ — одна Спасителя, сѣдящаго на престолѣ, а другая Богоматерь съ четырьмя пророками: Давидомъ, Соломономъ, Исаіею и Даніиломъ, предсказывавшими о рожденіи Спасителя. Изъ прочихъ иконъ, во множествѣ вездѣ развѣшенныхъ, монахи остановили мое вниманіе на изображеніи шести дней творенія, кисти впрочемъ очень далекой отъ совершенства и работы одного изъ ихъ сотоварищей.

Почти у каждаго образа находится лампада, а посреди церкви висятъ пять серебряныхъ и хрустальныхъ богатыхъ люстръ, изъ которыхъ лучшее прислано сюда Императрицею Елисаветою Петровною. Значительнѣйшая часть люстръ, лампадъ, паникадилъ и множества разныхъ вещей, употребляемыхъ при священнодѣйствіи, сдѣланы изъ чистаго серебра и носятъ штемпеля русскіе. По стѣнамъ много образовъ, хотя въ довольно бо-

(*) По словамъ Констандіуса, на 3 ступеньки.

гатыхъ рамахъ, но всѣ они вообще самой простой работы (*).

На внутренности алтарьнаго свода сохранились древнія мозаическія изображенія. Онѣ представляютъ символъ храма и монастыря — Преображеніе Господне: по срединѣ Спаситель, по правую сторону Илія, по лѣвую Моисѣй, внизу ученики Іоаннъ, Петръ и Іаковъ, пораженные удивленіемъ и ослѣпленные свѣтомъ небеснымъ. По-выше, вокругъ арки, 14 грудныхъ изображеній Апостоловъ и нѣкоторыхъ Святыхъ съ греческими надписями. Лабордъ, озаботившійся снимкою всѣхъ мозаическихъ изображеній и всѣхъ надписей, говоритъ, что въ этомъ числѣ помѣщены и изображенія начальниковъ монастыря того времени, когда мозаика была сдѣлана. Внизу мозаики и тамъ, гдѣ сводъ упирается на алтарную полу-круглую стѣну, протянуто двѣ полосы, изъ которыхъ въ нижней представлено 16 грудныхъ изображеній Святыхъ от-

---

(*) Къ числу украшеній и рѣдкихъ вещей, Констандіусъ относитъ и налои въ храмѣ. Изъ нихъ главный, для чтенія Евангелія, составленъ, какъ онъ говоритъ, изъ 24 штукъ разной величины бѣлаго мрамора, съ отличною скульптурою и позолотою; посреди его изображенъ Спаситель съ четырьмя по сторонамъ Евангелистами и блаженнымъ Титомъ; подъ ногами семь діаконовъ, а еще ниже Св. Епифанія и мученикъ Прокопій; вверху паритъ позолоченный орелъ. Ниже амерона сдѣланъ налой изъ бѣлаго мрамора для преклоненія, а посторонамъ два другіе налоя, одинъ изъ блестящаго перламутра, а другой изъ черепахи, и еще налой для чтенія псалтыря.

МОЗАИЧЕСКІЯ ИЗОБРАЖЕНІЯ ВЪ СОБОРНОМЪ ХРАМѢ СИНАЙСКАГО МОНАСТЫРЯ.

(Къ Поѣздкѣ на Синай Уманца)

Лит. у П. Петрова

цовъ Ветхаго Завѣта съ подписью у каждаго его имени, а верхняя, т. е. ближайшая къ мозаикѣ, заключаетъ въ себѣ слѣдующую надпись на греческомъ языкѣ: «Во имя Отца, и Сына, и Св. Ду«ха, зданіе сіе было воздвигнуто во спасеніе тѣхъ, «которые тому способствовали своими даяніями, во «время начальствованія надъ монастыремъ благоче«стиваго священника и игумена Лонгина».

Часть стѣны храма, отъ алтарнаго свода до потолка, также имѣетъ мозаическія фигуры. Надъ самымъ сводомъ два окна, раздѣленныя узкимъ простѣнкомъ; по одну сторону ихъ представленъ Моисѣй предъ Неопалимою Купиною, а по другую этотъ же Святой Пророкъ съ скрижалями заповѣдей; въ ногахъ у обоихъ изображеній, два парящіе херувима; еще ниже, по бокамъ свода, два медальона съ портретами основателей монастыря и храма, Императора Юстиніана и жены его Ѳеодоры.

Рисунокъ всей этой мозаики, заимствованный мною изъ путешествія Лаборда, здѣсь прилагается.

Мощи Св. Екатерины хранятся въ небольшой ракѣ карарскаго мрамора съ рѣзными изображеніями (*). Крышка мраморная, отдвижная. Величина раки, по измѣренію Кира Бронникова, длиною $1^1/_2$ аршина, шириною съ небольшимъ 8 вершковъ. Она поставлена на рубежѣ алтаря съ боку,

---

(*) Констандіусъ говоритъ, что мраморная рака съ мощами вложена въ другую такую же раку. Этого обстоятельства я не припомню и, сколько мнѣ кажется, здѣсь только одна рака.

на правой, т. е. полуденной, сторонѣ. Надъ нею мраморный балдахинъ и куполъ, а съ восточной стороны передъ нею вдѣлана въ стѣну полированная мраморная доска съ изображеніемъ лика Святой мученицы. Передъ этимъ изображеніемъ и надъ ракою висятъ семь неугасаемыхъ лампадъ. Дважды я прикладывался къ мощамъ; онѣ заключаются въ головѣ и ручкѣ; на первой укрѣплена золотая коронка съ разноцвѣтными камнями, на послѣдней находятся нѣсколько золотыхъ колецъ простой работы. Мощи помѣщаются на дорогомъ подносѣ, покоящемся на хлопчатой бумагѣ, которою наполнено три-четверти внутренняго объема раки. Часть этой бумаги игуменъ далъ мнѣ, а также и нѣсколько простыхъ серебряныхъ колецъ, касавшихся нетлѣнной ручки. При открытіи раки, по всему храму разнеслось благовоніе розоваго масла. Для этихъ мощей, сестра Императора Петра I, царевна Екатерина Алексѣевна, прислала сюда серебряную позолоченную раку во весь человѣческій ростъ; она хранится особо, въ числѣ монастырскихъ драгоцѣнностей, и мнѣ показывали только ея крышку, на которой представлена рельефно, въ большемъ видѣ, Святая мученица.

Въ храмѣ, кромѣ главнаго алтаря, имѣется девять придѣловъ; изъ нихъ шесть съ боковъ, по каждомъ по три, и два рядомъ съ алтаремъ, въ особыхъ отдѣленіяхъ. Чрезъ нихъ вступаютъ въ девятый придѣлъ, находящійся за самымъ алтаремъ и заключающій въ себѣ самое священнѣйшее

мѣсто этой обители: мѣсто Нестараемой и Неопалимой Купины, гдѣ Господь воззвалъ Моисѣя и въ первые говорилъ ему: «Я есмь Богъ твоихъ от«цовъ, Богъ Авраама, Богъ Исаака, Богъ Іакова. Я «вижу угнѣтеніе моего народа; вопль его дошелъ «до меня. Я сошелъ избавить его отъ ига египет«скаго и перевести въ другую землю, благу и мно«гу, въ землю, кипящую млекомъ и медомъ. Иди «же къ Фараону и извлеки изъ рукъ его народъ «мой, сыновъ Израиля!»

Пространство, заключающееся въ этомъ придѣлѣ, составляетъ квадратъ въ три сажени; высота до двухъ саж. Окно въ алтарѣ большаго храма не дозволило поднять этотъ придѣлъ выше. Въ воспоминаніе священнаго событія, здѣсь совершившагося, всякъ, вступающій въ это святилище, снимаетъ свою обувь, подобно Моисѣю, получившему приказаніе: «изуй сапоги отъ ногъ твоихъ — мѣсто «бо то, на немъ же стоиши, земля свята есть.» По мягкимъ коврамъ подошелъ я приложиться къ мраморной плитѣ, положенной на самомъ мѣстѣ Неопалимой Купины. Подобно всѣмъ священнѣйшимъ мѣстамъ Святой земли, эта плита помѣщена внизу въ восточной части этого придѣла, нѣсколько выше горизонта пола. Она покрыта серебряною доскою, съ разными изображеніями изъ жизни и чудесъ Моисѣя. Въ воспоминаніе святаго неугасимаго огня, надъ нею теплятся неугасимыя лампады. На мраморныхъ столпахъ утверждена надъ нею другая мраморная доска, составляющая жертвен-

никъ при служеніи литургіи; при этомъ, для алтаря, отдѣляется часть придѣла, посредствомъ особой завѣсы. Свѣтъ дневной проходитъ во внутрь чрезъ два небольшія окна съ боковъ. Западная стѣна состоитъ изъ голубыхъ фаянсовыхъ изразцевъ; всѣ остальныя стѣны, подобно полу, покрыты дорогими коврами, и на нихъ во многихъ мѣстахъ висятъ образа разной величины и формы, представляющія событія, совершившіеся на верху горы и на этомъ самомъ мѣстѣ. Между ними нѣсколько образковъ на большихъ перламутровыхъ раковинахъ Чермнаго моря. Служба здѣсь отправляется каждую субботу, а въ большомъ храмѣ, по воскресеньямъ и большимъ праздникамъ.

Изъ храма повели меня къ студенцу Моисѣеву; онъ находится съ-лѣвой стороны храма, у паперти, отъ которой ведетъ къ нему особая дверь. Воды здѣсь всегда въ полномъ изобиліи, и она очень близка отъ краевъ колодца.

По случаю смерти ризничнаго, умершаго за нѣсколько дней предъ моимъ пріѣздомъ, и по неназначенію еще другаго на его мѣсто, я не могъ, къ истинному моему сожалѣнію, видѣть ни всѣхъ внутреннихъ покоевъ, назначенныхъ для Архіепископа, ни главной ризницы, гдѣ хранятся болѣе рѣдкія и дорогія монастырскія вещи; и потому ничего не могу сказать ни о Новомъ Завѣтѣ, писанномъ Императоромъ Ѳеодосіемъ на атласѣ золотыми буквами и гдѣ благовѣстіе Іоанна поставлено впереди прочихъ, ни о замѣчательномъ экземплярѣ псалмовъ

Давида, писанномъ самымъ чистымъ и самымъ мельчайшимъ почеркомъ, одною дѣвицею Царскаго рода (*). Эти комнаты были запечатаны, до повѣрки всего имущества новымъ ризничимъ. Я видѣлъ только пріемную Архіепископа; она убрана хотя просто, но чисто, и увѣшана портретами бывшихъ Архіепископовъ, довольно грубой работы. Портретъ Констандіуса, неимѣющій впрочемъ съ нимъ ни малѣйшаго сходства, также здѣсь виситъ.

Библіотека монастыря находится въ особой, небольшой комнатѣ съ полками вокругъ по стѣнамъ. Книги на полкахъ расположены въ полномъ безпорядкѣ, мѣстами навалены кучами, и очень замѣтно, что люди, иногда ихъ перебиравшіе, не были здѣшними хозяевами, а торопились какъ можно скорѣе окончить эту переборку, и потому бросали ихъ куда попало: дѣло, безъ сомнѣнія, путешественниковъ, изъ которыхъ каждый, вовсе не заботясь о сохраненіи здѣсь порядка и будучи уже сотымъ посѣтителемъ библіотеки, перебиралъ книги въ свою очередь, съ желаніемъ и надеждою отыскать какую нибудь неизвѣстную дотолѣ рукопись и, правдою или не правдою, увезти ее съ собою. Значительнѣйшая часть книгъ — рукописныя; изъ нихъ многія въ листъ и очень толстыя. Всѣ эти рукописныя книги на языкахъ греческомъ и арабскомъ,

(*) Всего на 12-ти страницахъ въ 12-ю долю листа. Нѣкоторые утверждаютъ, что экземпляръ этотъ писанъ Греческою Императрицею Ѳеодорою.

и на вопросъ мой объ ихъ содержаніи, мнѣ отвѣчали, что это суть творенія святыхъ отцевъ и наиболѣе Іоанна Златоустаго. Буркгардъ, осматривавшій всѣ здѣшнія арабскія рукописи, говоритъ, что не нашелъ между ними ни одной, сколько нибудь особенно любопытной. Что относится до находящихся здѣсь печатныхъ греческихъ книгъ, то онѣ очень стары; новыхъ почти нѣтъ. Вообще замѣтно, что здѣшніе жильцы плохіе охотники до книгъ и вообще до чтенія, и о библіотекѣ, къ истинному сожалѣнію, весьма мало заботятся. Большая часть переплетовъ, по старинному обычаю, сдѣлана изъ деревянныхъ досокъ, обтянутыхъ кожею, а на нѣкоторыхъ изъ нихъ находятся и мѣдные арабески. Число всѣхъ книгъ Робинзонъ полагаетъ до 1500 и въ томъ числѣ греческихъ до двухъ третей, а арабскихъ до одной трети. Книгъ русскихъ почти нѣтъ, исключая нѣсколькихъ экземпляровъ кіевскихъ святцевъ, псалтырей и требниковъ. При этомъ не могу не замѣтить, что Библіи на славянскомъ языкѣ въ монастырѣ, въ мою бытность, не было ни одного экземпляра; Новый Завѣтъ на этомъ языкѣ хотя и былъ, но только въ одномъ экземплярѣ, у отца Іакова, да и тотъ находился въ самомъ ветхомъ состояніи.

Къ вечеру я почувствовалъ необходимость въ отдыхѣ; физическія и моральныя силы мои требовали покоя; но, въ ожиданіи ужина, нужно было превозмогать сонъ, меня одолѣвавшій. Я вышелъ на галлерею подышать этимъ тонкимъ, про-

хладнымъ, этимъ бальзамическимъ воздухомъ, отъ котораго цвѣтетъ здоровье жильца нагорныхъ мѣстъ и который городскимъ жителямъ извѣстенъ развѣ по одному лишь воспоминанію. Наступала одна изъ лучшихъ ночей юга, ночь гармоническая своимъ безмолвіемъ, съ милліонами ярко-блестящихъ звѣздъ на глубокой синевѣ неба, а млечный путь казался поясомъ, сплетеннымъ изъ бриллiантовъ. Ни одно облачко не рябило этой лазурной синевы, ни малѣйшее движеніе не нарушало покоя этого чистаго эластическаго воздуха, и глубина небесная казалась еще глубже. Луна на горизонтѣ еще не показывалась, и небо освѣщалось однимъ лишь блескомъ звѣздъ. Полумракъ придавалъ особенную прелесть всѣмъ окружнымъ предметамъ. Горы казались выше, ближе къ небу, святая обитель пустыннѣе и дальше отъ всего житейскаго. Не было слышно ни малѣйшаго шума въ горахъ, ни малѣйшаго звука въ келіяхъ, и только одинъ фонтанъ, на раздольи, журчалъ, казалось, громче обыкновеннаго, какъ бы для того, чтобы всѣ его слышали. Кое-гдѣ въ окнахъ келій виднѣлся свѣтъ лампады, и монахъ, отходя ко сну, творилъ вечернюю молитву. Со мной на галлереи ни кого не было.

Въ концѣ галлереи, со входа, показалась какая-то неопредѣленная тѣнь на двухъ, какъ бы на ходуляхъ, длинныхъ, тонкихъ ногахъ; быстро она приближалась ко мнѣ, но шума шаговъ не было слышно. Если-бъ это былъ монахъ, то, по фигурѣ и цвѣту платья, я тотчасъ бы узналъ его; а кромѣ

монаховъ, какъ мнѣ сказали, здѣсь никто не живетъ. Тѣнь эта поравнялась со мною, и тогда только я разглядѣлъ въ ней молодаго, лѣтъ 25, человѣка, имѣвшаго на себѣ короткую рубашку; въ этомъ заключалась вся его одежда, и болѣе ничего на немъ не было. Рубашка была сшита изъ простаго толстаго сукна съ бѣлыми и коричневыми широкими полосами, — сукна, присылаемаго изъ каирскаго подворья для верхней одежды простымъ монахамъ и для раздачи, вмѣсто платы за работу, простымъ арабамъ. Покрой ея былъ не затѣйливъ: безъ воротника, съ широкими короткими рукавами, въ длину она доходила едва до колѣнъ, а въ поясѣ была перехвачена обрывкомъ старой толстой веревки. Голова, шея до груди, руки по локоть и ноги до колѣнъ, были у моего гостя обнажены; волосы на головѣ, бородѣ и усахъ острижены подъ гребешекъ; глаза впалые, блуждающіе; лице блѣдное, худое, изнуренное. Ловко онъ подошелъ ко мнѣ, ловко подалъ мнѣ руку, ловко и безъ приглашенія сѣлъ на ближайшій стулъ, какъ бы былъ у себя дома, и заговорилъ со мною чистымъ французскимъ языкомъ съ щегольскимъ парижскимъ выговоромъ.

Послѣ обычныхъ разговоровъ о здоровьи, о погодѣ, о горахъ, отъ него узналъ я, что зовутъ его Петромъ; а когда спросилъ о его фамиліи, онъ отвѣчалъ: «въ этой пустынѣ и въ этихъ высокихъ стѣнахъ монастырскихъ, мы отрѣзаны отъ всего остальнаго міра; забыты здѣсь всѣ житейскія за-

боты, всѣ житейскія отношенія, забыты и фамиліи наши; зовутъ меня Петромъ: на что жъ вамъ знать болѣе?» Не смотря однакожъ на это, онъ самъ потомъ добавилъ мнѣ, что воспитывался и лучшую часть жизни провелъ въ Парижѣ, что родомъ изъ Греціи и есть племянникъ греческаго консула въ Александріи, г. Туссицы, извѣстнаго богатаго негоціанта, ворочающаго сотнями тысячъ талеровъ. Заслуживъ чѣмъ-то негодованіе дяди, онъ былъ отправленъ сюда, и вотъ уже три года, какъ живетъ безвыходно въ стѣнахъ монастырскихъ. «Игуменъ на меня сердится, добавилъ онъ, что я не каждый день хожу въ церковь. Но я такъ слабъ здоровьемъ, мнѣ такъ холодно выходить изъ комнаты ночью или рано утромъ!.. притомъ же, я молюсь Богу и у себя въ комнатѣ.» Въ послѣдствіи узналъ я, что фамилія его Кустурусси.

«Не все вѣрьте ему, сказалъ мнѣ съ улыбкою монахъ-болгаринъ, подававшій чай: онъ помѣшанный и въ церковь ходить не хочетъ; а если и ходитъ, то весьма рѣдко». Тоже самое повторилъ мнѣ потомъ и самъ игуменъ, вскорѣ сюда пришедшій и которому гость мой вѣжливо поклонился, а потомъ опять, безъ церемоніи, сѣлъ на прежнее мѣсто. Мнѣ жаль было молодаго человѣка и я обходился съ нимъ ласково, какъ съ равнымъ, хотя точно замѣтно было, что онъ не могъ выдержать длиннаго разговора. Когда я спросилъ его, чѣмъ онъ занимается и что полезнаго дѣлаетъ: «о! приходите ко мнѣ, отвѣчалъ онъ, и я покажу вамъ мои

тетради.» Бѣдный молодой человѣкъ былъ радъ моему посѣщенію его кельи, которое я сдѣлалъ въ тотъ же вечеръ послѣ чая, по уходѣ отъ меня игумена. Онъ показывалъ мнѣ свои тетради, тщательно имъ переписанныя, но не съ записками его, какъ я было съ перваго раза подумалъ а съ нотами духовнаго пѣнія; онъ началъ пѣть мнѣ по нимъ духовные псалмы и спрашивалъ моего мнѣнія о мотивахъ его пѣнія. Иногда я заговаривалъ о Парижѣ, о прежней его жизни, но онъ старался отклонять разговоръ отъ этого предмета и однажды сказалъ только: «о! было время, когда я пожилъ очень весело, когда было у меня много, много друзей! а теперь...» и взглядъ его, принявшій было веселый видъ при этомъ воспоминаніи, омрачился снова печальною думою.

Скоро позвали меня къ ужину. Столъ былъ накрытъ на два прибора, въ комнатѣ, сосѣдней съ моею. Другой приборъ былъ для игумена; онъ пришелъ, и мы сѣли за столъ; и теперь только въ первый разъ, по выѣздѣ моемъ изъ Каира, я могъ поѣсть, какъ слѣдуетъ, — со вкусомъ и съ аппетитомъ.

Почтенный игуменъ, освѣдомившись, что я желаю завтра же утромъ отправиться на Джебель-Муса, сказалъ мнѣ, что къ 4 часамъ утра все будетъ готово и что онъ даетъ мнѣ въ спутники людей надежныхъ и хорошо знающихъ всѣ пути и всѣ нагорныя тропинки.

XIV.

Подъемъ на хребетъ Хорива. Ущелье, по которому идетъ путь. Видъ на Джебель-Муса. Пещера Пророка Илии.

24 Маія, понедѣльникъ. Въ 4 часа утра я уже готовъ былъ въ путь. Отецъ Іаковъ и старшій послѣ игумена іеромонахъ, часто ходившій въ горы, уже сидѣли у меня на галлереѣ, чтобы мнѣ сопутствовать. Мы уже поднялись, чтобы идти, какъ пришелъ къ намъ игуменъ; онъ былъ одѣтъ въ простое дорожное платье, съ посохомъ въ рукѣ, и сказалъ, что, не бывавши уже года два на Моисѣевой горѣ, желаетъ также мнѣ сопутствовать: честь, за которую я обязанъ, безъ сомнѣнія, письму Архіепископа Констандіуса. Конечно, мирному времени должно приписать, что монахи не боялись идти въ горы. Въ 1698, Гаррантъ Польшицъ долженъ былъ отправиться туда одинъ въ сопровож-

деніи нѣсколькихъ арабовъ и никто изъ монаховъ не рѣшился ему сопутствовать. Въ 1728, нашего Барскаго сопровождалъ только одинъ арабъ, и монахи не пошли съ нимъ, по случаю неудовольствій монастыря съ окрестными племенами. Съ Лабордомъ также не пошелъ ни одинъ монахъ; но въ это время безпокойствъ отъ арабовъ не было, по крайней-мѣрѣ Лабордъ о томъ ничего не упоминаетъ.

Не мѣшкая ни мало, мы отправились. Чрезъ подземный ходъ мы прошли въ садъ и отсюда чрезъ калитку вышли наружу. Три молодыхъ, еще безбородыхъ, араба уже ожидали насъ; одному изъ нихъ отданъ былъ въ салфеткѣ нашъ будущій завтракъ, другому моя шинель, третій отправился впередъ колоновожатымъ. На каждомъ изъ нихъ была длинная синяя рубашка; на плечахъ *герамъ*— арабскій плащъ, заключающійся въ длинномъ кускѣ толстаго сукна; на головѣ *такые*-маленькая шапочка изъ бумажнаго холста; въ рукахъ палка; ноги безъ обуви и были обнажены до колѣнъ и даже нѣсколько выше. Съ легкостію серны отправился впередъ нашъ передовый, шагая съ камня на камень и выбирая мѣста, чтобы не оцарапать ногъ. Кромѣ арабовъ, было насъ пятеро: игуменъ, два монаха, я и мой драгоманъ, Матвѣй; а всего восемь человѣкъ.

По выходѣ изъ сада, мы повернули на югъ, прошли вдоль задней стѣны монастыря и направились къ ближайшему ущелью Хорива. Саженей

чрезъ 150 отъ монастыря начинается подъемъ; онъ идетъ по узкому ущелью, сжимаемому съ боковъ почти отвѣсными гранитными утесами. Подъемъ хотя очень крутъ, однако мы подымались довольно легко, какъ по свѣжести еще силъ нашихъ, такъ и потому, что путь этотъ устланъ ступеньками, сложенными изъ обломковъ отъ скалъ давнишними жильцами пустыни; частію же эти ступеньки высѣчены и въ самой скалѣ. Но, по мѣрѣ того, какъ мы поднимались выше, замѣтно было, что терпѣніе тружениковъ уставало, ступеньки были сложены съ меньшею заботливостію или, быть можетъ, весенніе потоки исковеркали ихъ, а послѣ того объ нихъ уже не заботились. Наконецъ, ступенекъ во все нѣтъ и идешъ по рытвинамъ и водороинамъ, съ камня на камень.

Въ иныхъ мѣстахъ скалы съ одной или съ другой стороны отступаютъ, потомъ опять сходятся, сжимаютъ ущелье и затрудняютъ подъемъ вверхъ. Минутъ чрезъ 20 пути, мы достигли источника холодной воды; источникъ открытъ и разработанъ нѣкогда однимъ изъ Синайскихъ скитниковъ, умѣвшимъ шить сапоги, и потому носитъ имя «сапожничьяго источника». Вода изъ него проведена въ монастырь подземнымъ водопроводомъ и есть та самая, которая бѣжитъ изъ фонтана. Поднявшись еще столько же, но путемъ болѣе труднымъ и утесистымъ, мы достигли небольшой церкви, если такъ назвать можно четыре неоштукатуренныя стѣны съ плоскою крышею, безъ вся-

кихъ украшеній и образовъ внутри, а только съ нѣсколькими столбами и остатками перегородокъ, отдѣлявшихъ нѣкогда алтарь отъ прочей части храма. Впрочемъ, почти въ такомъ же видѣ находятся и всѣ отшельническія, оставленныя въ запустѣніи церкви, разбросанныя въ Синайскихъ горахъ и которыя видѣлъ я въ этотъ и на другой день. Изъ числа ихъ исключить можно развѣ одну церковь, въ монастырѣ Сорока-мучениковъ; но и то потому, что этотъ монастырь обитаемъ и обнесенъ стѣнами. Въ достигнутой нами церкви, равно какъ и во всѣхъ прочихъ, спутники мои, монахи, вздували огонь, курили ладонъ, и почтенный игуменъ служилъ краткій молебенъ о здравіи путешествующаго и близкихъ его. Здѣсь, равно какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, игуменъ сообщалъ мнѣ мѣстныя монастырскія преданія.

Эта церковь носитъ названіе *Панагіи икономосъ*, т. е. во имя Божіей Матери *экономовой*. Разсказанное мнѣ здѣсь преданіе я было выпустилъ изъ-виду; но какъ о немъ упоминаютъ многіе путешественники, даже XV и XVI вѣка, съ нѣкоторыми только измѣненіями противъ того, какъ мнѣ пересказано, то и я передамъ его моимъ читателямъ. Безпокойства отъ арабовъ, желающихъ всегда пользоваться отъ монаховъ чѣмъ только можно, были всегда дѣломъ обыкновеннымъ. Безпокойства эти часто до того доходили, что прекращались всѣ сообщенія монастыря съ Каиромъ, отъ куда исключительно онъ получалъ и получаетъ свои

продовольственныя припасы; по этому, монастырское начальство всегда пользуется мирнымъ временемъ и старается дѣлать тогда свои запасы сколь возможно на большее время, чтобы въ эпоху взаимныхъ неудовольствій быть болѣе обезпеченнымъ. Однажды эти безпокойства продлились долѣе, чѣмъ можно было думать, и конца ихъ нельзя было ожидать скоро. Бывшій въ монастырѣ запасъ провизіи изсякалъ и голодъ, со всѣми ужасами, угрожалъ отшельникамъ. Къ этому присоединились болѣзни и безчисленное множество вдругъ появившихся насѣкомыхъ, недававшихъ жильцамъ покоя ни днемъ, ни ночью. Было это очень давно. Видя все это и желая избѣгнуть неминуемой голодной смерти, монахи, съ сердцемъ, исполненнымъ горя и тоски, рѣшились оставить святую обитель; но прежде этого они отправились, тайнымъ образомъ, навѣстить въ послѣдній разъ святыя нагорныя мѣста и проститься съ ними, быть можетъ, на всегда. Въ горахъ, на одной изъ скалъ, явилась имъ, въ лучезарномъ сіяніи, Святая Дѣва Марія и запретила оставлять монастырь, говоря, что скоро прибудетъ цѣлый караванъ съ хлѣбомъ и всякою провизіею, что насѣкомыя оставятъ ихъ навсегда, а болѣзни пройдутъ не только на этотъ разъ, но и впередъ никогда здѣсь уже не появятся. Всѣ ожили духомъ и искали глазами эконома — хозяина монастыря по продовольственной части; но старецъ отсталъ отъ прочихъ и отдыхалъ далеко внизу, близъ того мѣста, гдѣ нынѣ сто-

итъ эта церковь. Святая Дѣва явилась и ему на этомъ самомъ мѣстѣ, и тоже самое повторила. Монахи воротились домой и застали у монастыря ново-прибывшій изъ Каира караванъ съ разными продовольственными припасами. Въ тоже время насѣкомыя ихъ оставили, а болѣзни и по нынѣ, въ мѣстахъ этихъ, суть явленія чрезвычайно рѣдкія; чумной же заразы, столь часто дѣлавшей свои опустошенія въ Египтѣ, Суесѣ, Торѣ и Акабѣ, здѣсь никогда не бывало. Клотъ-бей, въ своей книгѣ о чумѣ, подтверждаетъ этотъ послѣдній фактъ, говоря, что чума въ этихъ мѣстахъ еще никогда не имѣла своихъ жертвъ, а если и случалось, что она обнаруживалась на комъ-либо изъ людей, ново-прибывавшихъ изъ Египта, то съ смертію этихъ зараженныхъ, болѣзнь прекращалась, и никто уже вновь ею не заболѣвалъ, хотя бы и былъ съ больнымъ въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ. Въ воспоминаніе явленія Святой Дѣвы, монахи воздвигнули церковь, во имя Ея, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ явилась Она эконому; а такъ какъ экономъ сверхъ того болѣе прочихъ, по обязанности своей, заботился о постройкѣ, то къ названію церкви прибавлено и его должностное имя.

Путь нашъ до этого мѣста былъ хотя труденъ, но далѣе онъ дѣлается еще труднѣе, несравненно круче и тягостнѣе, а голыя скалы съ боковъ тѣснятъ и давятъ ущелье, служащее здѣсь единственнымъ проходомъ. Къ счастію, мѣстами здѣсь устроены также ступеньки, весьма облегчающія

восхожденіе на верхъ. Путь нашъ по этому ущелью шелъ извилистою дорогою, сперва въ-право, потомъ поворачивалъ въ-лѣво, а наконецъ принималъ прежнее направленіе, такъ-что всею своею длиною обрисовывалъ линію, близкую къ латинской буквѣ S. Къ вершинѣ хребта, ущелье весьма съуживается и представляется не болѣе, какъ разсѣлиной между отвѣсными скалами. Здѣсь впереди увидѣлъ я узкое дверное отверстіе со сводомъ, для прохода одного лишь человѣка; а когда прошелъ его, то увидалъ, саженей 50 далѣе, еще другую такую же дверь. Эта послѣдняя дверь стоитъ на самой вершинѣ хребта Хорива.

Говорятъ, что въ прежнія времена поклонники, прибывавшіе сюда цѣлыми сотнями, прежде восхожденія на святыя вершины Синая, должны были говѣть цѣлую недѣлю въ монастырѣ, исповѣдать грѣхи свои и причаститься Святыхъ Таинъ Христовыхъ; у дверей, вверху, стояли монахи и пропускали только тѣхъ, у кого были записки отъ игумена, объ исполненіи ими этихъ святыхъ приготовленій. Констандіусъ также подтверждаетъ это въ своей Египтіадѣ. Нѣкоторымъ изъ поклонниковъ, конечно избраннѣйшимъ, дозволялось, какъ говорятъ, послѣ шести-дневнаго поста и молитвы, идти по пути вверхъ, тамъ у первыхъ дверей ожидалъ ихъ духовникъ для исповѣди, а у вторыхъ священникъ, въ полномъ облаченіи, съ чашею Святыхъ Таинъ Христовыхъ. Хоръ пѣвчихъ, зажженные факелы и куреніе ѳиміама, подъ сво-

домъ вѣчно-голубаго неба, довершали торжественность, и когда причастникъ, омытый отъ грѣха, съ душею только-что очистившеюся Святымъ Таинствомъ, пропускался черезъ порогъ двери,—я предоставляю моимъ читателямъ судить о тѣхъ чувствахъ, какими преисполнена была грудь его въ эту важную минуту, послѣ долгаго и труднаго странствія на сушѣ и моряхъ, послѣ длиннаго ряда страданій и лишеній разнаго рода, имъ испытанныхъ въ пустынѣ, за нѣсколько тысячъ верстъ отъ его родины, предъ лицемъ святой горы, бывшей свидѣтелемъ величайшаго изъ событій и о которой еще съ самыхъ нѣжныхъ, юныхъ лѣтъ слышалъ онъ въ храмѣ Божіемъ и читалъ въ Священномъ Писаніи, первой книгѣ, по которой сталъ учиться читать и которую получилъ изъ рукъ своей матери!..

Подходя къ послѣдней двери, вы видите въ рамѣ ея одно только голубое небо и никакъ не ожидаете встрѣтить картину, которая представится вамъ за нею. По подъему, отъ самаго монастыря до сихъ поръ, вы не встрѣтили ни малѣйшихъ слѣдовъ жизни, вы не нашли ни одного вершка земли, гдѣ бы растительность могла уцѣпиться, гдѣ бы могла она укрѣпить свои корни; со всѣхъ сторонъ громоздился камень на камнѣ, одна скала давила другую, одинъ утесъ возвышался надъ другимъ, какъ бы заглядывая вамъ въ глаза, и заслонялъ видъ, куда бы вы ни обратились. Аравійское солнце нѣсколько тысячелѣтій

обжигаетъ эти каменныя громады, и онѣ почернѣли, какъ бы закаленныя въ горнилѣ. Ни одно мѣсто въ отдѣльности не заронилось въ память вашу и все представляется въ полномъ хаосѣ, какъ бы на другой день послѣ страшнаго переворота, разбросавшаго эти громады гранита въ разныя стороны и нагромоздившаго ихъ одинъ на другой въ такомъ безпорядкѣ.

Переступая дверь, вы какъ бы ожили въ другомъ мірѣ, вы какъ бы разомъ отдохнули отъ впечатлѣній, постоянно тяготившихъ васъ съ самаго начала подъема. Первое, что вы видите, что облегчаетъ васъ, есть обширная перспектива, разстилающаяся передъ вашими глазами. Вниманія вашего не останавливаетъ частица зелени въ-правѣ, съ прекраснымъ кипарисомъ; съ жадностію вы хотите видѣть, что дальше и дальше, и вотъ передъ вами, нѣсколько въ-лѣво, идетъ крутой подъемъ; глаза ваши идутъ по немъ, все выше и выше; дорожка, какъ бы отъ усталости, извивается то въ одну, то въ другую сторону, мѣстами прячется за камни, потомъ опять, какъ бы отдохнувъ и напрягши всѣ свои силы, лезетъ прямо вверхъ, карабкается и наконецъ пропадаетъ между скалами. Не находя ея продолженія, взоръ вашъ идетъ на-прямикъ, съ камня на камень, со скалы на скалу; черные овраги его не удерживаютъ и онъ направляется на отдѣлившуюся отъ всѣхъ окружныхъ горъ, огромную, конусообразную гранитную массу, ярко обрисовавшуюся на синевѣ неба. Крутые обнаженные

ребры обхватываютъ ее съ боковъ, представляются отдѣльными гранитными скалами съ заостренными вершинами, и громоздятся одна надъ другою, какъ бы желая быть ближе и ближе къ высшей точкѣ основной горы, къ которой онѣ, какъ птенцы къ матери, плотно прижались. Прошедши всѣ эти трудности и оставивъ эти скалы за собою, глаза ваши наконецъ достигаютъ высшаго пика гранитной конической массы, вершины Джебель-Муса, цѣли вашего дальняго пути и вашихъ желаній. Небольшія два бѣлѣющіеся зданія привѣтливо смотрятъ на васъ съ самой вершины и привлекаютъ къ себѣ ваше любопытство; вы впились глазами въ эту вершину и стараетесь глубже запечатлѣть въ вашемъ сердцѣ и вашей памяти ея вполнѣ замѣчательные очерки.

Насмотрѣвшись до-сыта, вы замѣчаете въ-правѣ отъ Джебель-Муса еще другой, также гранитный пикъ, но только гораздо дальше и гораздо выше, чѣмъ этотъ. Пикъ этотъ есть гора Св. Екатерины. Глаза ваши съ тѣмъ же любопытствомъ устремились на эту вершину; вижу въ нихъ желаніе быть и на ней. Но когда взойдешь туда, путникъ мой, увидишь еще много другихъ подобныхъ вершинъ, изъ которыхъ одна или двѣ, скажутъ тебѣ, еще выше этой; ты захочешь быть и тамъ, а пріѣхалъ видѣть одну лишь Джебель-Муса... Бѣдный путникъ! гдѣ же предѣлъ твоихъ желаній?..

Описанная нами послѣдняя дверь прорѣзана въ верхней части гребешка того хребта, который

ДЖЕБЕЛЬ-МУСА (*Гора Моисея*)

ВОСХОДЪ НА ХРЕБЕТЪ ХОРИВА
(*изъ [illegible] на Синай [illegible]*)

идетъ отъ сѣверныхъ оконечностей Хорива и оканчивается горою Джебель-Муса. Гребешекъ этотъ подымается отъ 200 до 400 футовъ надъ корпусомъ хребта. Прежде, чѣмъ мы подумали объ отдыхѣ въ тѣни кипариса, — повернули круто въ-лѣво, подъ утесъ черной скалы, входящей въ составъ этого гребешка. Здѣсь небольшая церковь Св. Иліи, съ примкнутымъ къ ней придѣломъ во имя Св. Елисея, и мы къ ней направились. Должно думать, что здѣсь нѣкогда былъ небольшой монастырь, и путешественники первыхъ временъ упоминаютъ о бывшей въ этомъ мѣстѣ церкви во имя Святой Дѣвы. Барскій говоритъ, что въ его время церковь Святаго Иліи затворялась желѣзною дверью и запиралась двумя замками; при отходѣ его изъ монастыря, монахи дали ему ключи, которыми онъ отперъ церковь, поклонился святому мѣсту и потомъ снова заперъ. Теперь нѣтъ здѣсь ни замковъ, ни дверей, и зданіе мало походитъ на постройку, бывшею когда-либо церковью.

Здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, Святой Пророкъ, убѣгая отъ посягавшихъ на его жизнь, послѣ сорока-дневнаго и сорока-нощнаго пути на святую гору, поселился на довольно долгое время, и здѣсь, въ церкви, показываютъ пещеру, служившую ему пріютомъ. Здѣсь онъ слышалъ Господа, говорившаго къ нему, и здѣсь онъ былъ свидѣтелемъ бури, ниспровергшей горы окрестныя, раздробившей скалы гранитныя, видѣлъ землетрясеніе, приведшее эти громадные обломки въ такой хао-

тическій безпорядокъ, въ которомъ остаются они даже и до сего дня, видѣлъ огнь палящій, обжегшій скалы эти до такой степени!..

Близъ церкви видны развалины стараго зданія, которое, по словамъ нѣкоторыхъ путешественниковъ, было нѣкогда мечетью.

Послѣ короткаго молебна у пещеры Святаго Иліи, мы направились къ зеленому оазису, посреди этой громадной, каменистой, мертвой пустыни. Величина этого куска зелени до 40 или 60 шаговъ въ поперечникѣ; онъ обнесенъ небольшою каменною, кое-какъ сложенною стѣною; яркая зелень покрываетъ его и красивый кипарисъ, до 6 или 7 саженей высоты, служитъ ему и всему этому мѣсту истиннымъ украшеніемъ. Въ предшествовавшемъ столѣтіи было здѣсь пять деревьевъ: три оливковыхъ и два кипарисныхъ, и нельзя не пожалѣть, что на мѣсто усохшихъ не подсадили новыхъ деревьевъ. Всю эту свѣжесть, всю жизнь этому клочку земли даетъ изобильный колодезъ воды, находящійся посреди его. Тутъ вблизи, скала съ арабскими надписями. Мѣсто это какъ бы самою природою назначено для отдыха путнику, взбирающемуся на Джебель-Муса, до которой отъ манастыря, на этомъ самомъ мѣстѣ, съ небольшимъ половина пути. Отвѣсной высоты здѣсь надъ монастыремъ считаютъ до 1300 французскихъ футовъ. Шли мы сюда ровно одинъ часъ, почти безъ отдыха и только съ нѣкоторыми самыми короткими остановками.

XV.

Джебель-Муса. Пещера Моисеева. Церковь Преображенія Господня. Мечеть. Видъ оттуда.

Недолго мы отдыхали въ тѣни кипариса; почтенный игуменъ торопилъ насъ, и мы поднялись. Путь нашъ шелъ въ прямомъ направленіи къ вершинѣ Джебель-Муса, съ нѣкоторыми незначительными уклоненіями. Крутизна всхода такъ велика, что во многихъ мѣстахъ мы должны были карабкаться, придерживаясь за переднія камни. На пути игуменъ указалъ мнѣ на гранитѣ маленькое углубленіе, совершенно уподобляющіеся верблюжьему слѣду. Мусульмане утверждаютъ, что это слѣдъ той самой верблюдицы, на которой Мухаммедъ пріѣзжалъ навѣстить эти святыя мѣста. Здѣсь же не далеко монахи указывали мнѣ въ-правѣ на скалу и на особый на ней камень, говоря, что отсюда Моисѣй, воз-

дѣяніемъ къ верху рукъ своихъ, которыя потомъ отъ усталости положилъ на камни, поддерживаемые Оромъ и Аарономъ, способствовалъ своему народу одержать побѣду надъ Амелекомъ (*). Въ недальнемъ отсюда разстояніи, они указали мнѣ мѣсто, гдѣ Святая Дѣва явилась ихъ давнишнимъ предшественникамъ, когда они хотѣли оставить монастырь, избѣгая голодной смерти; здѣсь выдолблена въ скалѣ небольшая ниша, куда ставилась икона съ Ея изображеніемъ, когда бывали здѣсь торжественныя шествія на вершину Джебель-Муса.

Послѣ труднаго часоваго шествія вверхъ, по самому тяжелому каменистому пути и частію по голымъ скаламъ, мы наконецъ достигли желанной цѣли. Потъ ручьями катился съ лица, и отъ напряженнаго подъема въ гору мы почти задыхались.

Вершину горы составляютъ двѣ или три огромныя гранитныя скалы, примкнутыя одна къ другой; на верху ихъ разстилается неправильная и неровная площадка, пространствомъ, сколько мнѣ помнится, десятка полтора саженей въ діаметрѣ; по словамъ Робинзона, до 80 футовъ. Юго-восточная часть площадки нѣсколько возвышена и виситъ надъ пропастью. Часть эту составляетъ

(*) О томъ, что было это не здѣсь, а въ другомъ мѣстѣ, и что теперешняя уади эль-Лейя не есть древняя долина Рафидимъ, будетъ говориться ниже, въ гл. XVIII.

гранитъ красный, почернѣвшій отъ солнца, а снизу онъ кажется какъ бы задымленнымъ; часть сѣверо-западная состоитъ изъ гранита сѣраго, и потому вся вершина, издали и въ особенности изъ верхней части уади эль-Лейя, представляется двухъцвѣтною.

Хоривъ съ другими горами равной съ нимъ высоты, есть какъ бы пьедесталъ, на которомъ возвышается огромнѣйшею въ мірѣ пирамидою Джебель-Муса. Высота ея надъ Хоривомъ 700 футовъ. Горы этой съ долины эръ-Раха не видно: Хоривъ совершенно ее закрываетъ. Высоты мѣста, на которомъ стоитъ монастырь Преображенія Господня, надъ поверхностію Чермнаго моря, по исчисленію Руппеля есть 4,966 французскихъ футовъ; высота Джебель-Муса надъ монастыремъ 2069 футовъ, а надъ моремъ 7035 французскихъ футовъ (*). Барскій и Архіепископъ Констандіусъ высотѣ Джебель-Муса надъ монастыремъ даютъ свою мѣру. По словамъ ихъ, отъ сего послѣдняго до источника Сапожничьяго, 500 ступеней (т. е. шаговъ); отсюда до церкви Панагіи Икономосъ, 1000, до вершины Хорива и пещеры Пророка Иліи еще 500, и наконецъ отсюда до вершины Джебель-Муса

(*) Монастырь надъ поверхностію моря:

по Русседжеру 5115, а Джебель Муса 7097. фран. фут.
— Шуберту 4725, — — 6796. — —

Исчисленіе Руппеля предпочитается, потому что оно основано на сравненіи съ наблюденіями, сдѣланными на берегу моря въ Торѣ.

1000; а всего отъ монастыря до этой вершины 3100 ступеней.

Первый предметъ, котораго мы достигли на вершинѣ, была восточная оконечность гранитной скалы съ пещерою въ ней, для одного человѣка. «Здѣсь-«то, сказалъ мнѣ землякъ мой—отецъ Іаковъ, быша «гласы и молніи, и облаки темпы на горѣ Синай-«стѣй, гласъ трубный бысть велій, гора же Синай «вся куряшеся, яко сниде Богъ на ню» (слова книги Бытія). Эта скала носитъ названіе скалы Моисѣя. У нея-то, по словамъ преданія, Моисѣй бесѣдовалъ съ Богомъ, здѣсь ему повелѣно сотворить скинію свидѣнія и кивотъ завѣта, и здѣсь потомъ получилъ онъ скрижали заповѣдей. Пещера же, какъ утверждаютъ, есть та самая, отъ куда онъ слышалъ и видѣлъ славу Божію, гдѣ Господь бесѣдовалъ съ нимъ, какъ бы равный съ равнымъ, какъ бесѣдуетъ человѣкъ съ другомъ своимъ. И когда, послѣ бесѣды этой, Моисѣй сошелъ внизъ съ скрижалями, два расходящіеся луча свѣта остались на главѣ его. Каждый изъ насъ, по очереди, влѣзалъ въ эту пещеру, считая это обязанностію и дополненіемъ нашего поклоненія этимъ святымъ мѣстамъ.

Скала покрыта множествомъ надписей арабскихъ, греческихъ, армянскихъ; изъ нихъ ни одной мы не могли разобрать. Надписи сдѣланы посредствомъ долота и представляются бѣлыми царапинами на черно-красномъ полѣ гранита. Не запасшись ни какимъ подобнымъ инструментомъ, мы не могли ни присоединить къ нимъ нашей русской

надписи, ни отбить куска камня на память; мы успѣли только отдѣлить отъ поверхности ея, мѣстами отставшей, нѣсколько небольшихъ кусочковъ. Впрочемъ, отсюда я взялъ съ собою кусокъ гранита, на память.

Тотчасъ за этою скалою лежатъ развалины бывшаго здѣсь нѣкогда зданія. По остаткамъ отъ стѣнъ, очень видно, что зданіе было воздвигнуто довольно искусною рукою. Эти стѣны принадлежали, какъ говорятъ путешественники, римской церквѣ. Рядомъ съ этими развалинами возвышаются, во всей еще цѣлости, стѣны существующей по нынѣ церкви греческой. Архитектура ея самая простая: храмъ въ видѣ параллелограма съ полукругомъ на восточной сторонѣ для алтаря, стѣны безъ всякихъ архитектурныхъ украшеній. Постройку церкви приписываютъ, одни Императрицѣ Еленѣ, другіе Юстиніану; послѣднее вѣроятнѣе и тѣмъ болѣе, что оно согласуется съ свидѣтельствомъ Патріарха Евтихія, IX вѣка, о чемъ подробно изложено ниже (въ гл. XX). Путешественники XIV, XV и XVI столѣтій говорятъ, что эта церковь, въ ихъ время, была украшена живописью и запиралась желѣзною дверью; но въ началѣ XVII вѣка находили ее уже опустѣвшею и оставленною. Потомъ Барскій, бывшій здѣсь въ 1728., говоритъ, что онъ нашелъ этотъ храмъ «съ вратами желѣзными и засовами крѣпкими; и отверзше убо азъ «двери, возжегъ огонь и обрѣтши ѳиміамъ, покадихъ «олтарь, жертвенникъ и иконы святыя; тамъ обрѣ-

«тохъ фелонъ и стихарь, ихъ же ради литургисанія «сохраняютъ, аще случается придти поклонницы.» Въ другомъ мѣстѣ, гдѣ онъ изъясняетъ правила монастырскія, добавляетъ, что тамъ (т. е. въ монастырѣ) постановлено, каждое воскресенье служить двумъ іеромонахамъ, изъ которыхъ одинъ служилъ въ большой церкви, а «другій на самомъ версѣ горы.» Изъ этого видно, что въ XVIII ст. храмъ этотъ былъ возобновленъ. Что же относится до теперешняго состоянія этого храма, то, съ сердцемъ сокрушеннымъ, нельзя не сказать, что нынѣ онъ представляется въ крайнемъ запустѣніи. Стѣны внутри и внѣ голыя, время и непогоды обнажили ихъ отъ штукатурки и только кое-гдѣ внутри она еще уцѣлѣла. Безчисленныя надписи путешественниковъ испещряютъ уцѣлѣвшіе куски штукатурки; но онѣ, конечно, не замедлятъ вскорѣ погибнуть вмѣстѣ съ нею. Въ зданіи не осталось ни одного вершка дерева; двери и окна представляются зіяющими пастями, вѣтеръ гуляетъ сквозь нихъ по произволу, и зданіе это стало походить болѣе на осиротѣвшую, забытую всѣми надгробную часовню, чѣмъ на храмъ Бога живаго. Крыша пока еще держится, и ей-то храмъ обязанъ, что кое-какъ еще стоитъ; но съ паденіемъ ея стѣны не удержатся, и храмъ представитъ кучу развалинъ. Въ алтарѣ, на мѣстѣ жертвенника, уцѣлѣлъ кусокъ мраморной колонны, который служилъ для насъ налоемъ, при служеніи молебна. Если этотъ храмъ существуетъ уже болѣе тринадцати вѣковъ, то,

безъ сомнѣнія, при нѣкоторой поддержкѣ, онъ простоялъ бы еще столько же; и по этому, нельзя изъ глубины души не пожалѣть, что онъ остается въ такомъ жалкомъ видѣ, въ такомъ запустѣніи, тѣмъ болѣе, что и библейскія воспоминанія, и древность постройки, и оригинальность мѣстности, даютъ ему высокую цѣну, между тѣмъ какъ поддержка его обошлась бы, конечно, весьма не дорого, можетъ быть — менѣе одной тысячи рублей серебромъ.

Какъ гнѣздо орлиное, онъ стоитъ на самомъ верхѣ одного изъ высочайшихъ пиковъ; какъ гнѣздо ласточки, виситъ надъ пропастію, и такъ близко къ ней, что стѣна алтаря идетъ въ одинъ отвѣсъ съ отрѣзомъ утеса, на которомъ онъ возвышается. Мѣста, болѣе живописнаго, здѣсь нельзя было выбрать. Внизу, предъ алтаремъ, на востокъ и югъ, въ пропасти,—цѣлое море скалъ и остроконечныхъ камней, оторванныхъ отъ верхнихъ утесовъ въ эпоху страшной катастрофы, нѣкогда здѣсь происходившей. Смотря изъ алтарнаго окна на эту картину, невольно, по чувству самоохраненія, удерживаешся по-крѣпче на ногахъ, какъ бы боясь тяжестью своего тѣла нарушить равновѣсіе и уронить въ зіяющую пропасть храмъ, готовый къ разрушенію.

Отъ храма къ югу, на разстояніе до 6 саж., стоитъ мечеть, хотя также еще цѣлая и даже удержавшая наружную и внутреннюю штукатурку и побѣлку, но почти въ такомъ же видѣ и запустѣ-

нiи. Подъ нею пещера, и преданiя говорятъ, что въ ней-то Моисѣй, укрѣпляемый божественною силою, постился 40 дней и 40 ночей, предъ принятiемъ закона. Остатки отъ костей и частицы кожи и шерсти отъ барашка, свидѣтельствуютъ, что еще недавно мусульмане совершали здѣсь свои жертвоприношенiя.

Тотчасъ за мечетью, находится большая натуральная систерна, полная воды самой свѣжей, чистой, холодной и скопившейся здѣсь отъ дождей и таянiя снѣговъ; эту систерну, какъ и все здѣсь, называютъ Моисѣевою.

Послѣ короткой, но теплой молитвы и молебствiя въ храмѣ, мы расположились отдохнуть. Былъ конецъ Мая и солнце стояло почти на высшемъ своемъ зенитѣ; внизу былъ жаръ палящiй, здѣсь— теплота весенняя, и мы не прятались въ тѣнь церкви отъ лучей солнца. Такая разница не удивительна, если вспомнить, что высота этой горы надъ поверхностiю моря болѣе 7000 футовъ. Я пробылъ здѣсь ровно два часа, пролетѣвшихъ для меня, какъ одно мгновенiе; я упивался этимъ чистымъ горнымъ воздухомъ и чувствовалъ его живительную силу; быть здѣсь такъ легко, такъ отрадно, и мнѣ не хотѣлось оставлять эту вершину!

Картина обширная и совершенно оригинальная представляется отсюда. На гаризонтѣ къ югу и западу рисуются на синевѣ неба фантастическiе силуэты вершинъ разныхъ отраслей хребта Синайскаго; а это ясно показывало, что вершины эти

или равны, или выше Джебель-Муса. Изъ нихъ пикъ горы Св. Екатерины выходитъ вверхъ далѣе прочихъ. На восточной сторонѣ, промежду горъ, показывается часть моря съ нѣсколькими островками; внизу, продолженіе уади Шуэбъ (Іефора), съ ея развѣтлѣніями, и примыкающая къ ней, подъ прямымъ угломъ, полоса небольшой долины Себайэ, идущей въ уади эшъ-Шеихъ. Но на сѣверъ и въ особенности на сѣверо-востокъ, развертывается обширное, необъятное пространство скалистыхъ вершинъ, идущихъ по разнымъ направленіямъ. Эти вершины, будучи ниже Джебель-Муса, кажутся почти въ одномъ между собою уровнѣ и одна къ другой весьма близкими. Кажется, что съ одной вершины легко перешагнуть на другую, что по нимъ можно пройти весьма далеко; глубокія же пропасти, ихъ раздѣляющія, скрыты отъ глазъ вашихъ. Это, какъ бы развалины огромѣйшихъ въ мірѣ зданій, и вы находитесь на той изъ нихъ, которыя выше прочихъ. Въ этой грядѣ безконечныхъ хребтовъ и остроконечій нѣтъ предмета, гдѣ бы глазъ вашъ могъ особенно остановиться; онъ скользитъ съ однаго на другой рядъ скалъ сплошныхъ или обрывистыхъ, заостренныхъ, съ зазубринами, увѣнчанныхъ остроконечіями разной высоты и формы. Путешественники сравниваютъ это пространство съ моремъ, разъяривишимся въ самую ужасную бурю и вдругъ окаменѣвшимъ. Лучшаго сравненія трудно себѣ представить. Вы видите эти огромные валы, видите, какъ они, неостанавливае-

мые ни какимъ препятствіемъ, гуляютъ на раздольи, какъ одна гряда догоняетъ другую, какъ усиливаетъ бѣгъ свой, стремится догнать, задавить ее, и вотъ девятый валъ вздулся надмѣнно, поднялся высоко, ему нѣтъ равнаго, нѣтъ соперника!.. и вдругъ, какъ бы очарованный сверхъ-естественною силою, онъ остановился въ одно мгновеніе, застылъ во всю свою длину, окаменѣлъ съ своими заостренными вершинами, со всѣми своими пиками, рисующимися на фасѣ слѣдующей волны, подобно ему также окаменѣвшей. Волны эти, по мѣрѣ отдаленія отъ васъ, въ объемѣ своемъ кажутся мельче и мельче, потомъ уравниваются и наконецъ, подобно настоящимъ въ открытомъ морѣ волнамъ, исчезающимъ отъ взора въ отдаленной синевѣ,—онѣ сливаются въ-далекѣ съ желтизною песковъ пустыни, въ свою очередь также теряющихся изъ–виду на отдаленномъ горизонтѣ.

Долины эръ-Ра̊ха и эшъ-Шеихъ, гдѣ, какъ и выше сказано, было, по всей вѣроятности, главное кочевье Израильтянъ въ эпоху полученія заповѣдей, съ вершины Джебель-Муса не видны; первую закрываютъ вершины Хорива, а послѣднюю гора Св. Епистиміи. Это обстоятельство привело профессора Робинзона къ заключенію, чрезвычайно важному, о Джебель-Мусѣ. Онъ говоритъ, что такъ какъ, по словамъ Св. Писанія, вершина, гдѣ Моисей получилъ заповѣди и гдѣ совершились всѣ явленія, сопровождавшія это великое событіе, была видна народу, находившемуся внизу и нарочно

для этого собранному, то событіе это не могло быть здѣсь, и что слѣдовательно нужно искать его въ другомъ мѣстѣ. Мысль чрезвычайно смѣлая, требующая еще строгаго обсужденія и новой на мѣстѣ, болѣе тщательной повѣрки, тѣмъ болѣе, что Робинзонъ въ долины на С. В. отъ Джебель-Муса неспускался и видѣлъ ихъ только съ вершины этой горы. Очень можетъ быть, что эти долины, которымъ вершина эта вполнѣ открыта, представятъ пространство, въ сложности равное уади эръ-Раха и эшъ-Шеихъ, слѣдовательно дадутъ возможность предположить, что народъ тамъ былъ собранъ. Вообще, до подобной критической повѣрки всѣхъ окрестностей Синая, о наводимомъ Робинзономъ сомнѣніи нельзя сказать ничего положительнаго и всѣ заключенія по этому предмету будутъ не болѣе, какъ гадательныя. О томъ же, на какой изъ Синайскихъ вершинъ профессоръ нашъ предполагаетъ полученіе Моисѣемъ отъ Бога заповѣдей, будетъ сказано ниже.

Старецъ игуменъ поднялъ насъ, и мы должны были разстаться съ вершиною Джебель-Муса, оставившею во мнѣ много самыхъ пріятныхъ впечатлѣній. Внизъ мы спускались тѣмъ же путемъ, которымъ и всходили, но только съ нѣкоторыми незначительными уклоненіями. Кое-гдѣ между камнями мы встрѣчали стебли нѣкоторыхъ травъ и даже иногда небольшіе травяныя кустики. Изъ нихъ, нѣкоторые распространяли вокругъ сильный арамать; я спросилъ объ имени этого растенія, и

мнѣ сказали что это иссопъ. Невольно пришли мнѣ на память слова псалмопѣвца: «и окропиши «мя ѵссопомъ, и очищуся: омыеши мя, и паче «снѣга убѣлюся.» Я нарвалъ цѣлый пукъ этого растѣнія и взялъ съ собою. Его встрѣчалъ я потомъ и на другихъ вершинахъ Синая.

XVI.

Хребетъ Хорива. Церкви и пещеры пустынножителей. Пикъ Расъ-эсъ-Суфсафэ. Монастырь Сорока-мучениковъ.

Скоро мы достигли вершины Хорива, откуда должно было начаться наше по горамъ странствованіе другаго рода: посѣщеніе на Хоривѣ старинныхъ церквей и келій пустынножителей, населявшихъ нѣкогда эти святыя мѣста. Подъ кипарисомъ у пещеры и студенца Пророка Иліи мы расположились отдохнуть и подкрѣпить силы. Простой монастырскій завтракъ ожидалъ насъ. Въ это время былъ Петровъ постъ, и я еще въ монастырѣ сказалъ, что подчиняю себя, пока буду находиться въ горахъ, всѣмъ монастырскимъ правиламъ. Намъ подали водку, маслины, что-то еще соленое и приготовленную на постномъ маслѣ какую-то холодную густую похлебку, и признаюсь, за исключені-

*

емъ вчерашнего ужина, давно уже я ничего не ѣлъ съ большимъ вкусомъ и лучшимъ аппетитомъ. Было около полу-дня, и намъ предстояло еще многое видѣть въ нагорныхъ ущеліяхъ Хорива.

Оставивъ путь къ монастырю въ-правѣ, мы направились въ прямомъ отъ него углѣ къ сѣверу, вдоль вершины хребта Хорива, переходили съ одной скалы на другую, спускались въ небольшія ложбины и углубленія, и снова подымались на скалы. Въ ложбинахъ, мѣстами показывается дикорастущій мелкій, колючій кустарникъ и отчасти мелкая трава. Вершина хребта представляетъ множество пещеръ натуральныхъ и искусственныхъ, нынѣ опустѣлыхъ, но нѣкогда населенныхъ пустынножителями. Между ними въ нѣкоторыхъ мѣстахъ воздвигнуты простыя приземистыя церкви, гдѣ совершалось нѣкогда каждодневное богослуженіе; а такъ какъ онѣ окружены келіями, то нѣкоторые даютъ имъ названіе монастырей. Всѣ онѣ архитектуры и постройки самой простой и грубой, и походятъ болѣе на простые домы. Ихъ теперешнее состояніе также жалко, какъ и церкви Панагіи Экономосъ, которую мы утромъ видѣли; но тамъ по крайней-мѣрѣ уцѣлѣло дверное полотно, защищающее внутренность церкви отъ зимнихъ непогодъ, а здѣсь и этого ни гдѣ не встрѣтишь. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, благодаря существующимъ еще крышамъ, уцѣлѣла внутренняя побѣлка, а въ алтарныхъ перегородкахъ кое-какіе столбы.

Въ трехъ или четырехъ мѣстахъ на хребтѣ,

имѣются довольно глубокія ложбины, окруженныя скалами разной высоты; въ этихъ ложбинахъ, три довольно просторные бассейна, полные воды отъ таянія снѣговъ и дождей въ горахъ. Изъ нихъ одинъ отличается отъ прочихъ правильностію формы и изобиліемъ воды; устройство и обдѣлку его приписываютъ Григорію Философу, и потому бассейну даютъ его имя. Кромѣ этого находится въ горахъ много другихъ водохранилищъ меньшаго объема, изъ которыхъ вôду, смотря по мѣрѣ надобности, пускаютъ внизь, въ уади эль-Лейа. Тамъ, гдѣ есть вода, виднѣется зелень, какъ неразлучный другъ влаги въ этой знойной и каменистой пустынѣ.

На Хоривѣ мы посѣтили слѣдующія церкви: Іоанна Крестителя, отъ куда весь монастырь Сорокамучениковъ видѣнъ, какъ на ладони. Положеніе Св. пояса Богоматери (Агія Зонія), Пантелеймона, съ большимъ близъ нея басеейномъ, и Іоакима и Анны. Изъ пещеръ особенно замѣчательна пещера двухъ братьевъ—отшельниковъ. Она находится въ отвѣсной скалѣ и снизу нельзя думать, чтобы въ нее былъ проходъ, который идетъ туда незамѣтно по обрывистому карнизу утеса. Это мѣсто было послѣднимъ пунктомъ нашего странствованія на этомъ хребтѣ, и отъ него мы повернули назадъ; оконечныя вершины Хорива были недалеко. Видъ отсюда на западъ открывался на значительное пространство, но вездѣ представлялись одни камни да овраги; внизу, у ногъ, глубокій обрывъ, а далѣе —

голая и нѣсколько выпуклая поверхность скалы, которой монахи дали названіе «лобнаго мѣста.» Мы бросали камни внизъ и гулъ ихъ паденія и перекатовъ далеко отдавался. Почтенный игуменъ сказывалъ мнѣ, что жившіе здѣсь два брата—отшельники были царскіе дѣти, скрывшіеся сюда, для спасенія души молитвою, постомъ и всѣми возможными лишеніями въ жизни. Еще до того, на одной изъ ложбинъ, показывали мнѣ двѣ келіи, которыя называются Григоріевыми. Пещера Св. Стефана въ особенности привлекала вниманіе моихъ спутниковъ, по святости давно почившаго жильца; она находится на полускатѣ горы у одной изъ ложбинъ, съ одной стороны прикрыта камнями и скорѣе похожа на заброшенный и уже обнажавшійся гробъ или логовище дикаго звѣря, чѣмъ на жилище человѣка. Усопшаго нѣкогда жильца нашли здѣсь лежащимъ на спинѣ со сложенными крестомъ на груди руками, прижавшими желѣзныя вериги, съ которыми онъ никогда не разставался.

Кромѣ человѣка, искавшаго спасенія души своей въ этихъ дикихъ ущеліяхъ, нѣтъ существа, которое бы избрало это мѣсто своимъ постояннымъ жилищемъ. Только тигры и рыси иногда заходятъ сюда изъ пустынь Аравіи; но, не находя себѣ здѣсь ни гдѣ пищи, спѣшатъ убраться въ мѣста, оживленныя присутствіемъ человѣка и животнаго. Хотя же иногда и забѣгаютъ сюда изъ далекихъ, расположенныхъ по отлогостямъ Синайскаго хребта, низменныхъ долинъ газели и дикіе бараны, но

это случается очень рѣдко, и они также спѣшатъ убраться отсюда, чтобы не умереть отъ голода.

Церковь положенія Св. Пояса находится ближе другихъ къ сѣверо-восточнымъ оконечностямъ Хорива, выдающимся на уади эръ-Раха. Здѣсь указывали мнѣ одинъ изъ самыхъ высшихъ его пиковъ; Робинзонъ его называетъ Расъ-эсъ-Суфсафэ (Ras-es-Sufsafeh). Онъ взлѣзалъ на этотъ пикъ и говоритъ, что вся уади эръ-Раха, съ боковыми долинами и горами вокругъ, видна отсюда, какъ нельзя лучше; уади эшъ-Шеихъ съ-права и широкое, соотвѣтствующее ему ущелье съ-лѣва, удвоиваютъ широту пространства, разстилающагося у ногъ обширною равниною. Это обстоятельство, соображенное съ тѣмъ, что Джебель-Муса не видна съ долины эръ-Раха, приводитъ нашего професора къ заключенію, что на этомъ самомъ пикѣ или на которой-либо изъ ближайшихъ отъ него утесистыхъ скалъ Хорива, было мѣсто, гдѣ Господь «сошелъ въ огнѣ» и далъ законъ Израилю; потому что здѣсь, у ногъ, говоритъ онъ, лежитъ долина, гдѣ всѣ Израильтяне могли быть собраны и могли видѣть свѣтъ и черную тучу, слышать громъ и гласъ трубный, когда Господь «сошелъ въ виду всего народа на гору Синай.» Замѣчаніе это нельзя не признать имѣющимъ нѣкоторый видъ правдоподобія; но противъ него можно еще многое сказать, какъ о томъ изложено выше.

Отъ пещеры двухъ братьевъ мы спустились на южную сторону хребта Хорива, въ долину эль-

Лейа, къ монастырю Сорока-мучениковъ, гдѣ ужинъ и ночлегъ насъ ожидали; желѣзныя ворота отворились и мы вошли во внутрь. Солнце уже скрылось за хребтомъ горъ и только позлащало верхніе его пики; но такъ какъ было еще довольно свѣтло, то я воспользовался временемъ и поспѣшилъ осмотрѣть этотъ монастырь, который, подобно главному Синайскому монастырю, также находится среди каменистой, мертвенной пустыни.

Монастырь имѣетъ видъ четвероугольника, обнесеннаго довольно высокою каменною стѣною. Пространство внутри очень не велико. Немногія простыя зданія прислонены къ окружной стѣнѣ; одно изъ нихъ — обширнѣе прочихъ, есть церковь; остальныя заключаютъ въ себѣ помѣщенія для жилья, кладовыя и навѣсъ. Преданіе говоритъ, что онъ построенъ въ воспоминаніе смерти сорока отшельниковъ, мученически умерщвленныхъ арабами въ этихъ горахъ (о чемъ подробнѣе говорится въ гл. XX). Монастырь занимаетъ верхній уголъ разведеннаго здѣсь сада, лучшаго въ горахъ и дающаго прекрасную тѣнь. Садъ обнесенъ каменною сложенною безъ цемента, небольшою стѣною; пространствомъ своимъ, какъ помнится, онъ не болѣе того сада, который находится у главнаго монастыря. Онъ состоитъ большею частію изъ плодовыхъ деревьевъ и въ особенности масличныхъ; густая роща италіанскихъ тополей занимаетъ особую часть сада; два стройныхъ красивыхъ кипариса высоко подымаются надъ этимъ букетомъ земли и всему этому

оазису придаютъ особенную прелесть. Эти кипарисы очень стары; путешественники прошлыхъ столѣтій упоминаютъ объ нихъ, а Барскій добавляетъ, что они «суть велики и прекрасные зѣло, иже всему саду лѣпоту многу являютъ.» Въ саду три систерны и нѣсколько колодцевъ; но вода здѣсь идетъ не изъ жилъ подземныхъ, а проведена изъ нагорныхъ водохранилищъ. Къ сѣверо-западной оградной стѣнѣ сада примыкаетъ пещера Св. Онуфрія, гдѣ онъ жилъ и умеръ. Изображеніе его, съ досягающею почти до ногъ бородою, поставлено у этой пещеры и предъ нимъ теплится лампада. Помнится, здѣсь же устроена и маленькая церковь во имя этого Святаго, въ которую однакожъ я не входилъ, по неимѣнію ключа подъ-рукою.

Мы пробыли въ саду около часа и при этомъ почтенный игуменъ, удостоивавшій меня постояннымъ вниманіемъ, котораго я не могу не цѣнить высоко, сообщилъ мнѣ мѣстныя преданія о Св. Екатеринѣ. Увлеченная святостію и чистотою Божественнаго ученія, Св. мученица еще при жизни ушла въ эти горы, въ то время уже наполненныя пустынножителями, и скрывалась въ нихъ, но не долго. Ее взяли обратно въ Александрію; но послѣ претерпѣнныхъ ею страданій и мученической смерти, тѣло ея исчезло изъ Александріи. Чрезъ два вѣка, отшельники Синая обрѣли его на одномъ изъ высшихъ пиковъ этихъ горъ, куда оно перенесено было ангелами. Ревнуя къ сбереженію этихъ святыхъ остатковъ, отшельники взяли ихъ отту-

да и перенесли въ новосозданный предъ тѣмъ монастырь Преображенія Господня и поставили у алтаря въ большомъ храмѣ, гдѣ рука и голова до сихъ поръ хранятся.

Святая Екатерина жила въ Александріи, въ Египтѣ, въ началѣ IV столѣтія при Императорѣ Максиминѣ II, и удивляла всѣхъ своимъ умомъ и красотою; она была очень свѣдуща въ наукахъ, была знакома съ сочиненіями Платона, Аристотеля и всѣхъ великихъ философовъ Греціи; родомъ происходила отъ Константина, и въ жилахъ ея текла кровь царская. Отецъ ея былъ язычникъ, а мать христіанка; руководствуясь своимъ сердцемъ и познаніями, которыя пріобрѣла, она исповѣдывала вѣру своей матери. Максиминъ, прельщенный ея красотою, старался соблазнить ее, но безъуспѣшно, а потомъ, въ досадѣ, приказалъ ее мучить и заключилъ въ темницу; когда же ни что не помогло ему поколебать твердости добродѣтельной дѣвицы, то онъ велѣлъ ее обезглавить. Послѣ кончины, ангелы перенесли тѣло мученицы на гору, названную потомъ ея именемъ. Здѣсь оно лежало 200 л., безъ малѣйшаго поврежденія, и потомъ перенесено въ Синайскій монастырь.

Долго тѣло Св. мученицы лежало въ монастырѣ во всей цѣлости. Однажды отъ дождей и и таянія снѣговъ произошло большое наводненіе, часть монастыря была затоплена, а такъ какъ боль-

шой храмъ стоитъ ниже прочихъ зданій, то здѣсь скопилось воды болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и вода проникла въ раку съ мощами. Бывшій въ то время архіепископъ собралъ уцѣлѣвшіе части, сложилъ ихъ особо и заказалъ для нихъ теперешнюю мраморную раку. Потомъ дядя и предшественникъ теперешняго архіепископа Констандіуса, изъ отложенныхъ частицъ, отобралъ голову и руку, какъ лучше сохранившіеся, и приказалъ держать ихъ въ ракѣ на верху, въ сухомъ мѣстѣ; всѣ же прочія части положилъ подъ-спудъ и завѣщалъ не вынимать ихъ никогда наружу.

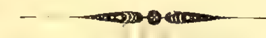
Ниже, въ гл. XXI, читатели прочтутъ, что, по свидѣтельству хроникъ запада, мощи Св. Екатерины были перенесены Св. Симеономъ, въ XI столѣтіи, въ Европу. Но въ приведенномъ мною предъ симъ разсказѣ, не прибавляя ничего отъ себя, я передалъ то, что слышалъ на мѣстѣ, и потомъ въ Каирѣ, отъ Александрійскаго Патріарха Іероѳея. Согласить эти два свидѣтельства можно тѣмъ, что Св. Симеонъ взялъ отсюда, вѣроятно, только часть мощей, а все прочее осталось на мѣстѣ. Да иначе и быть не могло: монахи ни за что въ свѣтѣ не согласились бы дозволить взять изъ монастыря всѣ мощи.

Послѣ постнаго, но сытнаго ужина, подъ открытымъ небомъ, мы легли спать на приготовленныхъ для насъ изъ сѣна постеляхъ, въ одномъ изъ монастырскихъ помѣщеній, представлявшемся

во всей простотѣ своей. Стѣны не оштукатуренныя и закоптѣвшія отъ дыма, впереди простой очагъ, полотно крыши служило потолкомъ; фитиль въ черепкѣ съ масломъ освѣщалъ комнату; постель изъ сѣна, на полу, прикрыта была простымъ ковромъ. Утомленный странствіемъ по горамъ, чрезъ минуту я уже спалъ крѣпкимъ сномъ. Ночью я проснулся и слышу пѣніе; вышедши на галлерею, я узналъ, что монахи служатъ утреню. Сонъ меня одолѣвалъ, и я снова уснулъ, тѣмъ болѣе, что въ слѣдующій день предстоялъ мнѣ новый, не менѣе сегодняшняго трудный путь на гору Св. Екатерины. Но мнѣ не дали долго спать: ровно въ 3 часа утра меня подняли, и менѣе, чѣмъ чрезъ четверть часа, мы отправились.

Въ монастырѣ Сорока-мучениковъ, кромѣ одного монаха, исправляющаго обязанности садовника, никто не живетъ, и потому служба здѣсь тогда только отправляется, когда приходятъ монахи изъ главнаго монастыря. Изъ опасенія отъ арабовъ, эта пустынная обитель представляетъ видъ самой глубокой нищеты. Въ церкви находится только нѣсколько простыхъ образовъ и бѣдныхъ церковныхъ облаченій, нѣсколько старыхъ изодранныхъ книгъ и три или четыре стеклянныя лампады. Въ темныхъ, мрачныхъ и закопченныхъ отъ дыма келіяхъ однѣ голыя стѣны; жилецъ здѣшній — почти въ рубищахъ. Этотъ жилецъ заботится, чтобы нагорные водопроводы не засоривались, чтобы въ систернахъ и колодцахъ было достаточно воды,

чтобы садъ былъ политъ, деревья обрѣзаны въ свое время, дорожки разчищены. Въ пособіе ему даются иногда арабы, которымъ за это платится. Собираемые здѣсь плоды и овощи отсылаются въ распоряженіе монастырской братіи.

XVII.

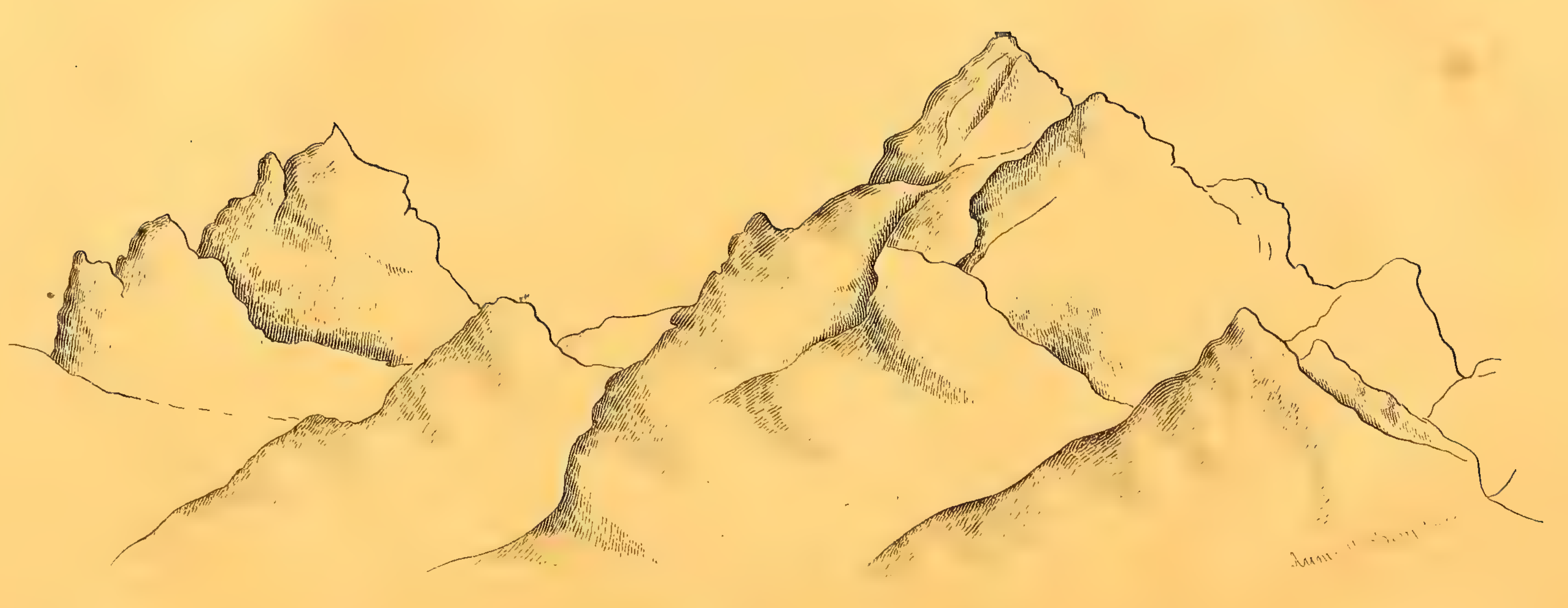
Гора Св. Екатерины. Часовня. Панорама Синайскаго полуострова.

25 Мая, вторникъ. Подъемъ на гору Св. Екатерины представилъ трудности несравненно большія, чѣмъ тѣ, которыя перенесли мы на-канунѣ. Вчера мы шли по крайней-мѣрѣ по слѣдамъ, уже протоптаннымъ и частію по ступенькамъ, нѣкогда устроеннымъ; здѣсь же не было ни какого слѣда, и мы направлялись на-прямикъ, имѣя въ виду коническія кучи камней, нарочно составленныя монахами на извѣстныхъ разстояніяхъ и которыя служатъ для пути маяками, а безъ нихъ не было бъ возможности его отыскать. Куда ни обратишься, вездѣ кругомъ безчисленныя скалы и горные пики, часто совершенно одинаковые и закрывающіе видъ впередъ, такъ что въ головѣ своей невозможно составить ни пла-

на пути, ни сказать впередъ, куда выйдешь. Чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ путь нашъ дѣлался труднѣе; часто мы шли по грудамъ мелкихъ камней, сыпавшихся внизъ изъ-подъ ногъ нашихъ; въ другихъ мѣстахъ пробирались чрезъ опасныя разсѣлины, подавая другъ другу палки; далѣе взбирались по грудамъ наваленныхъ остроконечныхъ камней, нерѣдко карабкаясь на четверенькахъ и цѣпляясь руками за переднія камни. Казалось, прежде насъ человѣческой ноги здѣсь не было. Огромные камни, скатившись съ далекихъ вершинъ, едва держались на своей пяткѣ и ожидали одного толчка, чтобы съ громомъ и разрушеніемъ покатиться далѣе. Въ иныхъ мѣстахъ вы видите повисшія надъ вами зубчатыя скалы; обойти ихъ нѣтъ возможности и, не безъ чувства страха, вы проходите подъ ними, оборотившись же назадъ, видите, что уже готова трещина, чтобы этой скалѣ на васъ обрушиться. Хотя посохи, которыми мы запаслись изъ монастыря, много облегчали насъ вчера, но сегодня они бывали иногда для насъ не только безполезны, но совершенно въ тягость. Очень часто мы должны были останавливаться, чтобы перевести дыханіе и дать легкимъ возможность придти въ свое нормальное состояніе. Въ одномъ мѣстѣ мы замѣтили слѣды воды, и зелень, какъ не разлучный другъ, тянется вездѣ по ея слѣдамъ. Здѣсь объ этой водѣ разсказывали мнѣ тоже самое преданіе, которое приводитъ Барскій въ своемъ путешествіи, но только съ нѣкоторыми отмѣ-

нами. Когда монахи отправились въ горы за тѣломъ Св. Екатерины, то забыли взять воды съ собою; въ добавокъ къ этому они сбились съ дороги. Утомившись отъ труднаго пути и не имѣя, чѣмъ утолить жажду, они хотѣли было отложить свое предпріятіе до другаго, болѣе удобнѣйшаго времени, и когда готовы были сдѣлать это, то на одной изъ окружныхъ скалъ показалась голубица, тогда-какъ эти каменистыя мѣста никогда еще не оглашались пѣніемъ ни одной птицы. Голубица поднялась на воздухъ и потомъ опустилась промежду скалъ; монахи отправились по ея слѣдамъ и нашли источникъ, изъ котораго она, какъ бы указывая имъ его, пила воду, и который съ тѣхъ поръ, въ воспоминаніе этого случая, приписываемаго чуду, называется «водою голубицы». Утоливъ здѣсь свою жажду, монахи отправились искать пути вверхъ, нашли его и съ успѣхомъ окончили предпринятое перенесеніе святыхъ мощей. Съ тѣхъ поръ вода эта служитъ мѣстомъ отдыха и однимъ изъ главныхъ маяковъ пути на гору Св. Екатерины.

Наконецъ мы достигли до перевала чрезъ послѣднія вершины хребта этой части Синайскаго вѣнца. Здѣсь мы присѣли на камни и пробыли нѣсколько минутъ: ноги отказывались служить долѣе безъ отдохновенія. Живописные абрисы окрестныхъ горъ рисовались на синевѣ неба, — въ одномъ мѣстѣ, въ видѣ волшебныхъ замковъ съ башнями и бойницами, въ другомъ — какъ силуэтъ женщины, въ третьемъ — какъ развалины огромнѣйшихъ въ

Гора Св: Екатерины.

(Къ Поѣздкѣ на Синай Уманца.)

мірѣ зданій. Когда мы поднимались, то остроконечная вершина Джебель-Муса иногда бывала у насъ въ виду, а когда достигли перевала, то она представилась во всемъ своемъ величіи, по направленію отъ насъ на С. В. Здѣсь же, но только съ противуположной стороны, на Ю. З., показался намъ вполнѣ и пикъ Св. Екатерины. Отъ перевала тянулся къ нему дугою, съ южной стороны, особый каменистый хребетъ съ разными фантастическими возвышеніями, а отъ этого хребта внизъ шла покатость, по которой лежалъ нашъ путь къ желаемой вершинѣ. На этой покатости, мелкой камень перемѣшанъ съ землею; влага отъ снѣговъ еще удержалась въ глубинѣ грунта и пространство это покрывалось рѣдкою мелкою зеленью; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ виднѣлись кустики иссопа и дикорастущіе приземистые колючіе кустарники. Пока мы сидѣли на перевалѣ, я сдѣлалъ очеркъ пика Св. Екатерины съ хребтомъ, къ нему идущимъ, и его здѣсь прилагаю.

Отдохнувъ, мы направились чрезъ покатость и когда подошли къ самому пику горы Св. Екатерины, то нельзя было не усумниться въ возможности на него взобраться. Огромныя голыя скалы круто возвышались одна надъ другою, ни какого слѣда по нимъ не было видно и нельзя было предполагать его съ этой стороны. Указавъ мнѣ на крестъ, сложенный изъ камней на-сухо и стоявшій на самой вершинѣ, игуменъ полѣзъ первый, а я второй, по его слѣдамъ. Мы направлялись прямо къ кресту;

намъ нужно было карабкаться съ одного утеса на другой, цѣпляясь руками за передніе камни, чтобъ не повалиться навзничь; а въ другихъ мѣстахъ, чтобы обезпечить себя отъ паденія, мы должны были подавать другъ другу руки и палки. Подъемъ шелъ уступами и напомнилъ мнѣ восхожденіе мое на пирамиды, съ тою только разницею, что здѣсь было оно хотя короче, но за то несравненно круче, опаснѣе и утомительнѣе. Взобравшись на самый верхъ горы, покрытые ручьями пота, мы устали до крайней степени и не могли не присѣсть, чтобы, какъ говорится, перевести духъ и собраться съ силами; пользуясь этимъ случаемъ, я растянулся спиною на голой скалѣ, и она показалась мнѣ мягче всѣхъ пуховиковъ на свѣтѣ. За вычетомъ времени нашихъ отдыховъ, мы были въ пути, при восхожденіи, съ небольшимъ три часа. Какъ только наше дыханіе начало приходить въ свое нормальное состояніе, неутомимый игуменъ поднялъ всѣхъ и повелъ къ сѣверной оконечности вершины, гдѣ возвышалась часовня, и первымъ дѣломъ нашимъ здѣсь былъ молебенъ. Здѣсь, равно какъ и на Джебель-Муса, я просилъ послѣ молебна пропѣть и вѣчную память отсутствующимъ изъ этого міра близкимъ мнѣ по сердцу лицамъ.

Часовня сложена изъ камней на-сухо; она въ длину и ширину до $1^1/_2$ саж., а высотою нѣсколько болѣе роста человѣческаго. Поломъ часовни служитъ плоская поверхность скалы. Внутри часовни, изъ этой поверхности, выдается небольшая

выпуклость, соотвѣтствующая формѣ человѣческаго тѣла. Преданіе гласитъ, что на этой самой выпуклости обрѣтено тѣло Св. Екатерины и что даже и самая выпуклость образовалась отъ этой святыни. Часовня сдѣлана въ недавнее время и весьма непрочно; вѣтеръ дуетъ насквозь, въ безчисленныя щели промежду камней, дернаго полотна нѣтъ, крыша плоская и лежитъ на нѣсколькихъ простыхъ необтесаныхъ бревнахъ. Наружная часть одного угла нѣсколько обвалилась, и спутники мои принялись за исправленіе часовни; въ этой работѣ я также принялъ участіе. Путешественники, желая оставить по себѣ память, не нашли другаго, болѣе удобнаго мѣста начертать имена свои, какъ на бревнахъ, на которыхъ лежитъ крыша; въ особенности одно изъ нихъ было испещрено надписями на всѣхъ европейскихъ языкахъ и наиболѣе на англійскомъ; изъ нихъ нѣкоторыя принадлежали жителямъ Вашингтона.

Гора Св. Екатерины выше Джебель-Мусы на 1030 париж. фут., а отъ поверхности моря находится слишкомъ на 8000 футовъ: по Руппелю 8063, по Русседжеру 8168 фут. Вершина горы состоитъ изъ двухъ возвышенностей: сѣверной съ небольшею площадкою, до 30 шаговъ въ окружности, гдѣ построена часовня, и южной нѣсколько отдѣлившейся; сія послѣдняя выше первой и состоитъ изъ выдающихся вверхъ камней въ довольно живописномъ видѣ. Пикъ горы съ этими двумя оконечностями

состоитъ едва ли не изъ цѣльной скалы огромной величины, съ разными уступами и выступами.

Обширная панорама представляется отсюда во всѣ стороны; почти весь полуостровъ виденъ, какъ на ладонѣ. Воздухъ въ это время былъ чистъ и прозраченъ; въ немъ не было ни малѣйшаго движенія, ни одного облачка, ни капли тумана, и казалось, что предметы отдаленные были въ самомъ близкомъ отсюда разстояніи. Красное море съ своими островами—у ногъ вашихъ, и свои оба залива, какъ бы двѣ распростертыя руки, протягивалъ на встрѣчу вамъ. Далеко обхватываютъ они Синайскій полуостровъ, подымающійся уступами все выше и выше, и вы стоите на самомъ высшемъ пикѣ. Взоромъ своимъ вы обнимаете оба залива съ ихъ окрестностями; ни малѣйшее дуновеніе вѣтра не рябитъ ихъ поверхности, и отражающаяся въ нихъ глубокая синева неба кажется еще синѣе. Островки, разбросанные на немъ въ разныхъ мѣстахъ у береговъ, вамъ кажутся частицами блѣднаго тумана, плавающими надъ поверхностію моря; выходящіе на верхъ безчисленные камни, столь опасные для мореходца, теряются изъ-вида. Хотя вы стоите на самой срединѣ разстоянія между заливами, но вамъ кажется, что изъ нихъ Акабинскій къ вамъ ближе, чѣмъ Суесскій, и потому именно, что между вами и симъ послѣднимъ возвышаются цѣлыя цѣпи горъ, а къ первому, отъ васъ на В. и Ю. В., лежатъ мѣста низменныя, совершенно открытыя и простирающіяся до самаго хребта горъ,

обгибающихъ заливъ Акабинскій во всю его длину съ этой стороны.

Заливъ этотъ былъ также лучше освѣщенъ, чѣмъ заливъ Суесскій: онъ находился на сторонѣ, освѣщенной солнцемъ; вы слѣдите глазами его полосу, но къ сѣверу она начинаетъ съуживаться, а на извѣстномъ разстояніи покрывается синевою отдаленности, болѣе и болѣе теряетъ яркія черты своего очерка и наконецъ сливается съ окружающими ее отдаленными окрестностями. Далѣе идетъ какая-то неопредѣленная желтизна; она дѣлается тѣмнѣе и темнѣй, и напослѣдокъ рѣзкая черта горизонта отдѣляетъ землю отъ свѣтлаго неба. Вдоль всего залива, съ обоихъ боковъ, тянутся горные хребты; отъ сѣверной ихъ части отдѣляются, по направленію къ вамъ, особыя цѣпи скалъ и почти досягаютъ главныхъ вершинъ Синайскихъ; онѣ особенно живописны и представляютъ свои утесы въ видѣ огромнѣйшихъ въ мірѣ развалинъ, почернѣвшихъ отъ бурь и времени. На восточной сторонѣ залива, горы едва-ли не выше и не утесистѣе; но, по мѣрѣ отдаленности ихъ во глубину Аравіи, онѣ дѣлаются все ниже и ниже, и наконецъ теряются въ туманѣ, далеко не доходя до горизонта земли.

Обратясь прямо на югъ, вы обнимаете однимъ взоромъ оба берега Краснаго моря; эти берега, сначала довольно возвышенные, по мѣрѣ отдаленія, понижаются и наконецъ также сливаются съ общимъ горизонтомъ. Кое-гдѣ, на синевѣ моря, виднѣются бѣлыя пятнушки и только по движенію

ихъ, хотя едва замѣтному, вы заключаете, что это должны быть суда. Далеко въ морѣ, рѣзко отличается черная полоса дыма; приглядѣвшись пристально, вы видите, что эта полоса движется, и вы догадываетесь, что это почтовый пароходъ-фрегатъ, идущій въ Суесъ изъ Бомбая или Калькутты.

Со стороны Африки, горы своими округленными вершинами обрисовываютъ горизонтъ за Суесскимъ заливомъ; къ сѣверу идутъ уже знакомыя вамъ вершины, по мѣрѣ отдаленія теряющіяся изъ вида. Прямо на Ю. З., по сю сторону залива, между нимъ и хребтомъ горъ, гдѣ вы стоите, разстилается, вдоль бóльшой части морскаго берега, обширная песчная равнина Ка'а. На половинѣ ея протяженія, у самаго берега, указали мнѣ мѣсто, гдѣ находится Торъ (или Туръ), главный городъ полуострова. Тотчасъ отъ него на С. идетъ по берегу небольшой отдѣльный хребетъ горъ, между которыми находится извѣстный, издающій звукъ, холмъ Накусъ. Ближе къ вамъ, въ хаотическомъ безпорядкѣ идутъ скалы, одна за другою, и между ними подпимаются въ разныхъ мѣстахъ горные пики, одинъ другаго выше.

Синайскій полуостровъ врѣзывается въ море мысомъ Расъ-Мухаммедъ, и здѣсь начинается раздѣленіе моря на два залива. Отсюда къ подножію вашему идетъ гребешокъ длиннаго прямаго хребта Джебель-Торфа; отъ этого гребня, въ-право и въ-

лѣво, идутъ крутые, обрывистые скаты. Какъ царь пернатыхъ, взлетѣвъ на вершину, не для всѣхъ досягаемую, вы съ гордостію обозрѣваете обширнѣйшую картину у ногъ вашихъ. Множество пиковъ тамъ и здѣсь перемѣшано съ грядами горъ. Въ этомъ пространствѣ безчисленныхъ хребтовъ, въ этой безконечной цѣпи голыхъ, обнаженныхъ скалъ, вниманіе ваше останавливается на двухъ вершинахъ, превышающихъ прочія горы; одна изъ нихъ на западъ, Джебель-Сербаль, другая на югъ, Джебель-умъ-Шаумеръ; первая явно уступаетъ первенство той горѣ, на которой вы стоите, но послѣдняя завлекаетъ ваше любопытство; вамъ кажется, что она выше этой горы, и спутники ваши утверждаютъ, что она есть самый высшій пунктъ на всемъ полуостровѣ. Какое-то непреодолимое чувство любопытства влечетъ васъ туда; вамъ кажется, будто еще не вполнѣ окончили ваше странствіе, не все еще видѣли; вы уже не довольны вершиною, на которой стоите, и у васъ въ головѣ уже шевелится мысль— нельзя ли побывать и на Джебель-умъ-Шаумеръ; вы глазами ищете пути къ ней... Но спутники ваши говорятъ, что туда нѣтъ пути, что туда взойти невозможно (*)... и вы успокоены, вы утѣшены по крайней-мѣрѣ мыслею, что трудъ вашъ, взойти туда, былъ бы напрасенъ.

Обратившись на сѣверъ, вы видите туже картину, которою любовались съ вершины Джебель-

---

(*) Буркгартъ тоже подтверждаетъ.

Муса, но только въ большемъ объемѣ и въ большихъ размѣрахъ. Гора эта на первомъ планѣ, за нею на С. и С. В., къ заливу Акаба, стелется тоже море скалъ, пиковъ и хребтовъ, мрачныхъ, голыхъ, обрывистыхъ; мѣсто это, какъ говоритъ Робинзонъ, есть самое приличнѣйшее, гдѣ генiй разрушенiя могъ бы воздвигнуть свой ужасный тронъ. Далѣе стелятся пески, за ними опять цѣпи горъ, а за горами снова разстилается безпредѣльный океанъ песковъ Суесскаго перешейка. Снѣга, которыми покрываются эти горы зимою, всѣ стаяли и не было ни гдѣ ни малѣйшаго слѣда ихъ. Я снялъ отсюда очеркъ Джебель-Муса и его здѣсь прилагаю.

Два часа съ половиною пролетѣли для меня незамѣтно и снова почтенный игуменъ напомнилъ, что пора возвращаться домой. Спускъ внизъ былъ едва ли не труднѣе и не опаснѣе, особливо съ главной вершины, чѣмъ восхожденiе. Истощенiе силъ въ эти два дня странствованiя по горамъ, увеличивало эту трудность. Ноги часто едва выдерживали тяжесть тѣла и подгибались въ колѣнахъ. Спускаясь съ главной вершины, нужно было со всею возможною осторожностiю слѣзать съ камня на камень, съ уступа на уступъ, налегая на верхнiй изъ нихъ грудью и придерживаясь за углы его руками; но прежде, чѣмъ спустишься на слѣдующiй камень, нужно было выбрать глазами мѣсто, гдѣ бы стать по-безопаснѣе. Далѣе, спускъ хотя и не въ такой степени затруднителенъ, но представляетъ неменьшую необходимость въ осторожности, чтобы не

упасть и не ушибиться о камни, которые, какъ будто нарочно выставили свои остроконечія, чтобы больнѣе наказать неосторожнаго странствователя. Въ одномъ мѣстѣ на крутизнѣ до 40°, драгоманъ мой не удержался, потерялъ равновѣсіе тѣла и стремглавъ было̀ полетѣлъ внизъ, прямо на камни; конечно, не дешево бы онъ раздѣлался, если бъ я не подхватилъ его. Бывшіе же подлѣ него два мальчика-араба, видя, что онъ оступился и падаетъ, не только не поддержали его, а напротивъ посторонились, какъ бы боясь, чтобы своимъ паденіемъ онъ не увлекъ и ихъ.

XVIII.

Уади эль-Лейа. О долинѣ Рафидимъ. Путь вокругъ Хорива въ главный монастырь. Предания о камнѣ Моисѣевомъ и о прочихъ библейскихъ событiяхъ. Арабы-слуги монастырскiе

Два часа съ половиною мы употребили на спускъ внизъ и когда достигли монастыря Сорока-мучениковъ, то казалось, что истощили весь остатокъ силъ своихъ. Былъ первый часъ дня и солнце жгло сверху своими горячими лучами; но они намъ уже не были страшны. На разостланномъ коврѣ, каждый изъ насъ растянулся во всю длину своего тѣла, желая дать отдыхъ всѣмъ членамъ. Но при этомъ я не могъ не удивиться бывшимъ съ нами арабамъ видя, что они во все не представляли этой усталости, будучи при томъ голодны съ самаго утра, не имѣвши на ногахъ никакой обуви и избивши ихъ до крови, особливо одинъ изъ нихъ. Всѣ они вмѣсто

того, чтобы присѣсть и отдохнуть, пошли слоняться по угламъ монастыря, какъ бы ища крохъ хлѣба, для утоленія голода.

Скоро подали намъ завтракъ; не имѣвши во рту съ самаго утра ни одной крохи хлѣба, мы съѣли теперь вдвое болѣе обыкновеннаго и вслѣдъ за тѣмъ проспали часа три самымъ сладкимъ и непробуднымъ сномъ. Завтракъ и сонъ подкрѣпили наши силы, и передъ вечеромъ мы предприняли обратный путь въ монастырь Преображенія, но только не прежнимъ путемъ чрезъ горы, а низомъ вокругъ Хорива.

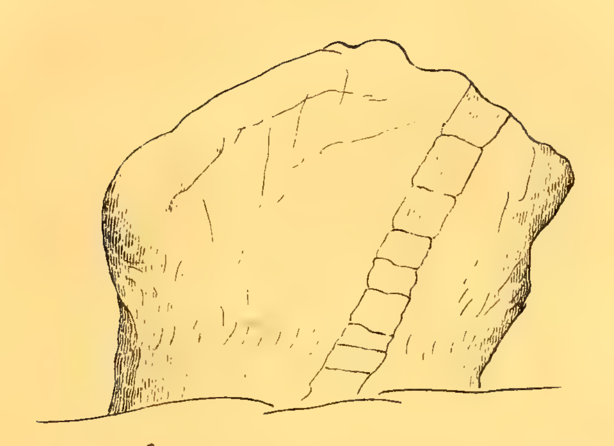
Оставивъ монастырь Сорока-мучениковъ, мы направились внизъ, по разрѣзу уади эль-Лейа, до самаго выхода ея въ уади эръ-Раха; потомъ обошли Хоривъ и воротились въ главный монастырь. Разстояніе это Робинзонъ опредѣляетъ такъ: по долинѣ эль-Лейа ходьбы 40 минутъ, вдоль Хорива 25, по ауди Шуэбъ 25, всего полтора часа времени. На пространствѣ этомъ монастырскія преданія сосредоточиваютъ всѣ святыя мѣста, относящіяся въ Св. Писаніи къ Синаю, и монахи вѣрятъ имъ на-слово, безъ дальнѣйшихъ изслѣдованій.

Эти преданія приписываютъ долинѣ эль-Лейа названіе долины Рафидимъ, и на разстояніи одной версты съ небольшимъ внизъ отъ монастыря, нами только лишь оставленнаго, игуменъ указалъ мнѣ камень, изъ котораго Моисѣй удареніемъ сво-

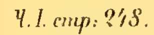
его жезла извлекъ въ пустынѣ воду. Но всѣ обстоятельства, при соображеніи ихъ съ текстомъ книги Исхода, говорятъ не въ пользу этого преданія. Камень этотъ, въ эпоху общаго здѣсь переворота, при которомъ всѣ эти скалы разметаны куда попало и приведены въ такой безпорядокъ, очевидно свалился сверху и, какъ кажется, не съ Хорива, а съ противуположнаго ему хребта Джебель-Гомръ, верхнюю оконечность котораго составляетъ гора Св. Екатерины. Высота этого камня до 2 саж., длина $2^1/_2$ саж., вокругъ $22^1/_2$ шага, или $7^1/_2$ саж.; фигуры онъ неправильной, нѣсколько подходящей къ октоиду; лежитъ къ сторонѣ Хорива и очень близко отъ переднихъ его утесовъ. Черезъ него на-искосокъ, сверху внизъ, идетъ лентою желтоватая полоса особаго слоя, шириною до 5 вершковъ, со многими поперечными, горизонтальными углубленіями, или вѣрнѣе сказать разрѣзами, совершенно похожими на зарубины, какъ бы нарочно сдѣланныя острымъ инструментомъ, но несомнѣнно принадлежащими особому кремнистому свойству этого камня. Не помню, гдѣ-то я читалъ, что, по числу колѣнъ Израильскихъ, всѣхъ зарубинъ здѣсь двѣнадцать. Я счелъ ихъ и нашелъ на верху 2, на южной сторонѣ камня 8, на сѣверной 6, всего 16. Я снялъ видъ этого камня, со стороны уали эль-Лейа, и его прилагаю къ этой книгѣ.

Правильнымъ направленіемъ и даже цвѣтомъ своимъ, полоса на камнѣ представляетъ совершенное подобіе давнишняго слѣда воды на песчаникѣ.

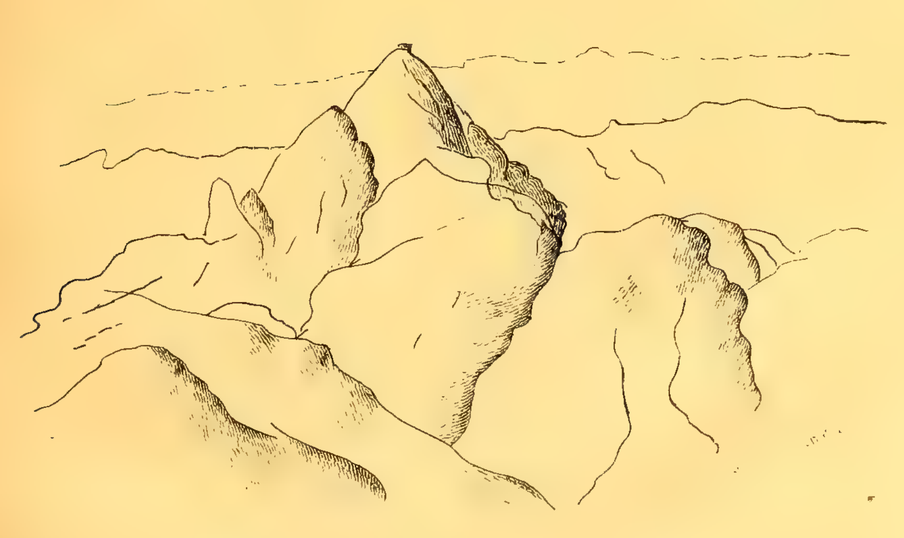
Ч. I. стр: 252.

Видъ камня съ юго западной стороны.

Ч. I. стр: 248.

Джебель-Муса съ южной стороны.

(Къ Поѣздкѣ на Синай Уманца.

Изъ любопытства я взлѣзалъ на верхъ камня и нашелъ, что здѣсь были дѣлаемы кѣмъ-то изъ моихъ предшественниковъ испытанія свойства этой полосы; въ ней пробито здѣсь углубленіе до $1^1/_2$ вершка, и оказалось, что свойство камня на днѣ углубленія тоже самое, какое и на поверхности полосы; а это показываетъ, что полоса эта есть особый кремнистый слой камня и что, конечно, на горѣ Гомръ, при тщательномъ ея осмотрѣ, найдется скала, отъ которой оторванъ этотъ камень, а также и продолженіе этого самаго слоя.

Вообще же должно сказать, что узкая уади эль-Лейа не представляетъ ничего, чтобы могло служить подтвержденіемъ монастырскому преданію, что она есть библейская долина Рафидимъ. Въ книгѣ Исхода (XVII, 1, 4, 5. XIX, 1, 2) говорится, что когда Израильтяне останавливались въ Рафидимѣ, въ одномъ днѣ пути отъ Синая (т. е. собственно отъ той горы, на которой законъ былъ данъ), то Моисѣй получилъ повелѣніе отправиться съ старшинами народа впередъ и, удареніемъ жезла о скалу Хорива, извлечь воду. Очевидно, что Рафидимъ былъ близокъ отъ которой-либо изъ частей Хорива, а подъ именемъ Хорива разумѣлось въ Библіи, какъ выше объяснено (гл. X), не одна небольшая часть хребта, а все собраніе главныхъ горъ. По заключенію же Робинзона, весьма правдоподобному, Рафидимъ вѣроятно находился тамъ, гдѣ уади эшъ-Шеихъ выходитъ изъ центральныхъ горъ,

составляющихъ корону этого хребта. Самъ Робинзонъ тамъ не былъ; но Буркгардтъ, поднявшійся на горы и достигшій монастыря чрезъ уади эшъ-Шеихъ, описываетъ это мѣсто такимъ образомъ. «Мы приближались, говоритъ онъ, къ центральнымъ вершинамъ Синая, бывшимъ у насъ въ виду уже нѣсколько дней. Крутыя обрывистыя гранитныя скалы, отъ 600 до 800 футовъ высоты, почернѣвшія отъ солнца, окружали входъ на возвышенную платформу, обыкновенно называемую Синаемъ. Мы поднялись чрезъ узкій дефилей, до 40 футовъ широты, съ отвѣсными по обоимъ бокамъ гранитными утесами. Въ этомъ дефилеѣ находится такъ называемое «сѣдалище Моисѣя». Далѣе, долина разсширяется, боковыя горы расходятся и уади эшъ-Шеихъ продолжаетъ идти на Ю., слегка возвышаясь.» Отъ входа въ этотъ дефилей до уади эръ Раха, нужно ѣхать пять часовъ, чтó соотвѣтствуетъ почти одному дню пути. Одно только обстоятельство приводило Робинзона къ сомнѣнію въ мысли, что здѣсь былъ Рафидимъ, именно — что здѣсь нѣтъ не достатка въ водѣ; вблизи самаго дефилея находится колодезъ, а на разстояніи одного часа пути источникъ абу-Сувейра, и кромѣ того въ окрестности еще нѣсколько ключей воды. Но очень можетъ быть, что воды этой было недостаточно для такого огромнаго числа народа, въ какомъ были Израильтяне. Здѣсь же вблизи, въ уади эшъ-Шеихъ, достаточно мѣста и для бывшаго въ Рафидимѣ сраженія Израильтянъ съ Амалекомъ, тогда — какъ уз-

кая уади эль-Лейа не представляетъ къ тому никакой возможности.

Оставивъ камень, приведшій насъ къ такому длинному изъясненію о долинѣ Рафидимъ, мы спустились по уади эль-Лейа и вышли въ уади эръ-Раха; тутъ мы повернули на право, въ-обгибъ Хорива. Вдали въ-лѣвѣ, у подошвы горъ виднѣлись два небольшіе сада, принадлежащіе монастырю и гдѣ также имѣются двѣ маленькіе церкви, въ бѣдномъ видѣ; одна изъ нихъ во имя Апостоловъ Петра и Павла, а другая во имя Пресвятой Богородицы «Давида», названный такъ, конечно, по имени ея строителя. Кромѣ этихъ двухъ садовъ и двухъ другихъ при монастыряхъ — главномъ и Сорока-мучениковъ, имѣется еще одинъ съ церковью Святыхъ Безсребренниковъ гдѣ-то въ горахъ, да сверхъ того нѣсколько весьма малыхъ садовъ и огородовъ, принадлежащихъ монастырю по поламъ съ арабами. Въ горахъ также гдѣ-то былъ небольшой монастырь Козьмы и Деміяна, посѣщенный Пококомъ, но теперь раззоренный.

Еще вчера, спускаясь отъ кипариса на вершинѣ Хорива, близъ пещеры Пророка Иліи, замѣтилъ я, что у меня нѣтъ носоваго платка; мнѣ помнилось, что я оставилъ его тамъ на травѣ. Тотчасъ послали араба поискать его; но чрезъ полчаса онъ воротился и сказалъ, что платка не отыскалъ. Игуменъ долго говорилъ о чемъ-то съ нашими провожатыми-арабами, почти спорилъ и грозилъ имъ; я просилъ его небезпокоиться и забыть о платкѣ.

«Платокъ не потерянъ, а украденъ, отвѣчалъ онъ; потому что одинъ изъ арабовъ, послѣ бытности нашей у кипариса, скрылся и уже болѣе не показывался; а этотъ платокъ шелковый и слѣдовательно для него порядочая находка!» Остальные два араба, боясь потерять право на бахшишъ, во все время оставались при насъ безотлучно. Изъ нихъ одинъ предлагалъ, для отысканія платка, отправиться назадъ въ горы по слѣдамъ нашимъ, если ему пообѣщаютъ награду; но я отклонилъ это. Сегодня же, когда мы спустились въ уади эръ-Раха явился новый арабъ, котораго мы еще не видали; послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ, онъ представилъ потерянный платокъ и просилъ бахшиша, который разумѣется и получилъ. При этомъ игуменъ сказалъ мнѣ, что еще вчера онъ требовалъ, чтобы платокъ непремѣнно былъ доставленъ, иначе онъ грозилъ прекратить на нѣсколько дней раздачу хлѣба всѣмъ безъ исключенія арабамъ. Мальчики успѣли передать это въ кочевье, и платокъ отыскался. Арабовъ этихъ монастырь считаетъ своими подданными и слугами, такъ какъ съ этой цѣлію они поселены здѣсь Императоромъ Юстиніаномъ. Подробности и свидѣтельства современниковъ объ этомъ обстоятельствѣ изложены ниже (въ гл. XX).

Еще со времени построенія монастыря, установлено было давать этимъ Юстиніанскимъ переселенцамъ, по мѣрѣ заслугъ, печеный хлѣбъ, въ пособіе къ ихъ собственному содержанію. Хотя

ихъ услуги мало по-малу сокращались и наиболѣе съ тѣхъ поръ, какъ они приняли ученіе Мухаммеда, однако требованіе хлѣба оставалось въ прежнемъ видѣ, а потомъ обратилось почти въ чистую дань. Со времени же управленія Египтомъ Мегемета-Али (постоянно отличавшагося своею, невиданною еще никогда въ мусульманинѣ, вѣротерпимостію) и въ особенности съ эпохи побѣдъ сына его, Ибрагима-паши, въ Аравіи, монастырь Синайскій былъ рѣже и менѣе обезпокоиваемъ; а послѣ того, какъ Суесскіе бедуины разграбили казенный караванъ съ кофе, въ чемъ принимали участіе и монастырскіе переселенцы, Мегеметъ-Али разрѣшилъ монастырское начальство сократить раздачу хлѣба и прибавку давать только тѣмъ изъ нихъ, кто будетъ того заслуживать своими особыми трудами въ пользу монастыря и работою, по заказу и требованію. Но, не взирая на это, иногда случается, что эти переселенцы, желая увеличить раздачу хлѣба или вынудить временный его отпускъ, осаждаютъ монастырь, не рѣдко захватываютъ монаховъ и держатъ ихъ у себя въ плѣну, а между тѣмъ ведутъ переговоры о томъ, что дадутъ за свободу плѣнниковъ. Года за два предъ тѣмъ, они захватили разомъ шесть монаховъ, вышедшихъ прогуляться за монастырскую ограду и во все не ожидавшихъ этой засады; даже самъ игуменъ Никаноръ однажды прогостилъ у нихъ по неволѣ же нѣсколько дней; но при этомъ, какъ съ нимъ, такъ и съ прочими монахами, они поступали совсѣмъ

должнымъ уваженіемъ и кормили ихъ даже лучше, чѣмъ сами ѣли. Однако отпускъ плѣнниковъ всегда слѣдовалъ за увеличеніемъ раздачи хлѣба и, сколько помнятъ монахи и сколько слышали отъ своихъ предшественниковъ, еще не было ни одного примѣра, чтобы синайскіе арабы когда-либо убивали или посягали на жизнь захватываемыхъ. Хлѣбъ раздается имъ два раза въ недѣлю, по вторникамъ и пятницамъ, и на каждаго взрослаго человѣка полагается по 5 или 6 хлѣбовъ; женщинамъ и дѣтямъ дается въ половину менѣе. Но, да не покажется удивительною или слишкомъ щедрою эта раздача: хлѣбы эти величиною въ кулакъ и мука для нихъ употребляется самаго низшаго достоинства. Если вѣрить одному изъ послѣднихъ путешественниковъ Эдмону Комбесу, то въ недѣлю имъ выдается 250 окъ хлѣба, т. е. до 750 фун. или до $18^3/_4$ пудовъ.

Но сколь ни жалка, сколь ни бѣдственна жизнь этихъ переселенцевъ въ каменистой пустынѣ Синайской, они привязаны къ ней не менѣе швейцарца къ его подъ-облачнымъ роднымъ горамъ. Я помню, какъ однажды, встрѣтивши въ монастырскомъ саду одного изъ молодыхъ арабовъ, очень недурнаго собою, я завелъ съ нимъ разговоръ и между прочимъ спросилъ, не хочетъ-ли онъ побывать въ Каирѣ? Онъ отвѣчалъ, что побывать тамъ весьма хотѣлъ бы, но жить ни за что не останется, потому что тамъ не ихъ земля, тамъ есть паша, а здѣсь его нѣтъ. Потомъ я заговорилъ съ нимъ о

Фрактистанѣ (Европѣ); «да, сказалъ онъ мнѣ, говорятъ, что тамъ очень хорошо жить и все большіе и славные города.» Не хочешъ-ли туда ѣхать со мною? спросилъ я. Минута молчанія. «Нѣтъ, хавага, не хочу: у меня здѣсь отецъ-старикъ и сестра за мужемъ; а тамъ ни кого нѣтъ!»

У подошвы Хорива, на обратномъ пути въ монастырь, игуменъ Никаноръ показалъ мнѣ углубленіе между камнями, служившее, по преданіямъ монастырскимъ, формою главы золотаго тельца при его вылитіи. Хотя дѣйствительно углубленіе это сходствуетъ съ фигурою головы тельца, но нельзя не согласиться съ справедливымъ замѣчаніемъ Жерамба, что форма эта такъ велика, что цѣлый телецъ былъ бы самаго колосальнаго вида; а это несогласовалось бы съ словами Св. Писанія; сверхъ того у Израильтянъ едва-ли бы нашлось и столько золота, чтобы вылить тельца въ такомъ объемѣ. Другому мѣсту преданія приписываютъ казнь Божію на возмутившихся противъ Моисѣя Израильтянъ и поглащеныхъ землею; но было это во все не здѣсь, а по близости Кадеша, на границѣ Хананейской земли. Тутъ же не далеко, также основываясь на преданіяхъ, указываютъ источникъ, изъ котораго Моисѣй повелѣлъ пить воду проклятія послѣ боготворенія золотаго тельца, въ послѣдствіе чего многіе умерли; а вблизи этого источника,—мѣсто, гдѣ три тысячи Израильтянъ были по тому же поводу побиты Левитами. Далѣе, указывая на камень огромной величины, монахи говорили мнѣ, что

*

на немъ была постановлена скинія свидѣнія и что подъ нимъ же въ послѣдствіи Пророкъ Іеремія сокрылъ сокровища святаго храма Іерусалимскаго. Возвышенности, находящейся у угла горы Епистиміи, между долинами эшъ-Шеихъ и Шуэбъ, приписываютъ мѣсто кущи Аарона. Однимъ словомъ, что ни шагъ, то новое преданіе, и хотя не всегда вѣрное, но всегда указаніе на событія и чудеса Ветхаго Завѣта.

У стѣнъ монастыря я засталъ моего шеиха, пришедшаго справиться, когда мнѣ угодно будетъ предпринять обратный путь. Имѣя въ виду необходимость быть по-скорѣе въ Каирѣ, гдѣ товарищи мои поджидали меня, чтобы предпринять выѣздъ изъ Египта, для возвращенія въ Россію, я приказалъ ему быть здѣсь съ верблюдами завтра, ровно въ полдень.

Въ монастырь мы воротились тѣмъ же подземнымъ путемъ, которымъ и вышли. Отдохнувъ нѣсколько у себя въ комнатѣ, я отправился навѣстить нѣкоторыхъ монаховъ въ ихъ келіяхъ. Каждая келія состоитъ изъ одной тѣсной, мало освѣщенной и очень бѣдно убранной комнаты; входъ въ каждую изъ этихъ комнатъ прямо со двора, безъ всякаго присѣнка; кровать изъ досокъ, положенныхъ на простые козлы и покрытыхъ войлокомъ, ковромъ или жесткимъ тюфякомъ, простой столъ и деревянный стулъ или табуретъ, составляли всю мебель. Всѣхъ монаховъ здѣсь, считая игумена и того, который находится въ монастырѣ Сорока-

мучениковъ, 21 человѣкъ (22-й, ризничій, не задолго предъ тѣмъ умеръ); въ томъ числѣ 1 русскій изъ Одессы и 4 говорящихъ по-русски. Въ числѣ послѣднихъ 2 болгарина и 2 грека; послѣдніе долго жили въ Одессѣ и Таганрогѣ, и изъ нихъ одинъ, престарѣлый, согбенный подъ тяжестію 90 лѣтъ старецъ, замѣчателенъ по переворотамъ въ жизни, имъ испытаннымъ. Онъ былъ богатымъ купцемъ въ Таганрогѣ и торговалъ сперва весьма счастливо, но потомъ — корабли его потонули, должники обанкрутились, торговые обороты не удались, и онъ вынужденъ былъ искать счастія въ другомъ мѣстѣ. По примѣру многихъ, онъ отправился для этого на Востокъ; судьба вела его далѣе и далѣе, и наконецъ онъ очутился въ Калькуттѣ. Дѣла его и здѣсь, какъ кажется, пошли не совсѣмъ удачно, и онъ кончилъ тѣмъ, что Индію промѣнялъ на Синай, гдѣ предположилъ дожить небольшой остатокъ дней своихъ. Не имѣвши ни жены, ни дѣтей, ни родныхъ, ни друзей, старику не съ кѣмъ было разставаться, нѣкого жалѣть и ни что въ мірѣ его не удерживало. Не смотря на тяжесть лѣтъ, старикъ сохранилъ умъ свой еще во всей свѣжести, весьма смѣтливъ, быстръ въ соображеніяхъ и веселъ въ разговорахъ.

Чай въ этотъ день пилъ я у отца Іакова, а ужиналъ, по прежнему, съ почтеннымъ игуменомъ. За ужиномъ между прочимъ онъ сказывалъ мнѣ, что Архіепискепъ Констандіусъ, по назначеніи его въ этотъ санъ, былъ въ Каирѣ одинъ только разъ, но

на Синай не рѣшился пріѣхать, сколько по занятіямъ своимъ въ Константинополѣ, гдѣ до 1828 г. онъ былъ Вселенскимъ Патріархомъ, столько же въ особенности и съ цѣлію экономическою — во избѣжаніе огромныхъ расходовъ, не избѣжныхъ при путешествіи сюда особы Архіепископа.

XIX.

Пригорокъ Моисѣевъ. Трапеза и обѣдъ съ монахами. Садъ. Кладбище. Книга съ именами путешественниковъ. Отъѣздъ.

26 Мая, среда. Утромъ, часу въ 7-мъ, я отправился съ отцемъ Іаковомъ и молодымъ человѣкомъ Петромъ изъ монастыря, чрезъ подземный ходъ и садъ, вверхъ по ущелью Шуэбъ, на коническую возвышенность изъ камней и скалъ, откуда, по преданіямъ монастырскимъ, Моисѣй въ первые увидѣлъ Неопалимую Купину. Эту возвышенность называютъ пригоркомъ Моисѣевымъ. Было очень рано, довольно прохладно, и молодой человѣкъ продрогъ въ своемъ фантастическомъ нарядѣ; въ добавокъ къ этому онъ вышелъ, по неимѣнію обуви, босой, и не могъ вездѣ слѣдовать за нами. Съ вершины конической возвышенности видно все ущелье во всю его длину съ монастыремъ и садомъ, и по-

томъ вся уади эръ-Раха. Мы не долго оставались здѣсь и скоро возвратились въ монастырь, чтобы поспѣть къ началу литургіи. Ее начали въ 8-мъ часу и служили въ лучшей, послѣ большаго храма, церкви, ближайшей къ покоямъ архіепископскимъ. Первоначальную ея постройку или вѣрнѣе той церкви, которая была на этомъ мѣстѣ до нея, приписываютъ Императрицѣ Еленѣ. Послѣ литургіи игуменъ предложилъ мнѣ раздѣлить ихъ обѣденную монастырскую трапезу. Но какъ до ней мы имѣли еще довольно свободнаго времени, то вошли въ пріемную Архіепископа и потомъ въ гостинную игумена. О первой сказано выше; послѣдняя устлана была египетскими цыновками и кругомъ убрана турецкими диванами.

Отдохнувъ здѣсь и потолковавъ о разныхъ предметахъ съ полъ-часа, мы наконецъ поднялись и потянулись за игуменомъ, одинъ за другимъ, чрезъ разные переходы, въ ту часть монастыря, гдѣ находится отдѣленіе для трапезы. Было около 11 часовъ утра.

Зданіе трапезы находится вблизи большаго храма, въ связи съ прочими монастырскими зданіями, и состоитъ изъ длинной мрачной комнаты. Вдоль стѣны, противуположной входу, поставленъ длинный узкой столъ со скамьями съ обоихъ боковъ. Комната получаетъ дневной свѣтъ чрезъ дверь, въ которую мы вошли, и чрезъ окно въ одномъ концѣ ея. Въ другомъ, темномъ концѣ комнаты находится возвышенный жертвенникъ и на немъ икона и лампада. Передъ входомъ въ трапезу съ лѣвой стороны,

устроена галлерея со скамьями по стѣнамъ. Здѣсь мы присѣли на нѣкоторое время, пока не сказали намъ, что все готово.

Какъ въ образѣ жизни, такъ и въ пищѣ, монастырь этотъ придерживается всей строгости правилъ Василія Великаго. Пятьсотъ лѣтъ предъ симъ Рудольфъ Сихемскій представляетъ описаніе ихъ жизни, которое вполнѣ сходствуетъ съ теперешнимъ. «Они слѣдуютъ, говоритъ онъ, весьма строгимъ правиламъ; жизни чистой и смиренно-мудрой; безпрекословно повинуются своему Архіепископу и высшему духовенству; вина не пьютъ, исключая большихъ праздниковъ; мяса же никогда не вкушаютъ и питаются травами, горохомъ, бобами и чечевицею, приготовляя все это на водѣ, на соли и уксусѣ; обѣдаютъ всѣ вмѣстѣ, въ трапезѣ, и скатертей при этомъ не употребляютъ; отправленіе службы въ церкви совершается съ большимъ благоговѣніемъ день и ночь; вообще же они близко совпадаютъ съ правилами Св. Антонія.» Тоже самое до сихъ поръ продолжается безъ всякой перемѣны.

Вотъ обѣдъ, который раздѣлялъ я въ этотъ день съ моими почтенными хозяевами. Онъ состоялъ изъ холодной, постной и безъ масла похлебки, изъ вареной чечевицы и малой части сухихъ финиковъ; кромѣ того, во все время обѣда, въ четырехъ или пяти мѣстахъ стояли турецкіе бобы, отмоченные въ соленой водѣ, и всякой бралъ ихъ рукою, сколько хотѣлъ, и въ промежуткахъ пода-

чи блюдъ ѣлъ, или вѣрнѣе ими лакомился. Передъ каждымъ лежалъ кусокъ чернаго хлѣба и разрѣзанный лимонъ, сокомъ котораго они придавали лучшій вкусъ постнымъ блюдамъ; черезъ два и три прибора стояли оловянныя кружки съ водою. Тарелки, ложки, чашки, были также оловянныя.

Во все время обѣда одинъ изъ иноковъ, вѣроятно, очередный, читалъ на каѳедрѣ творенія Іоанна Златоуста на греческомъ языкѣ, а когда обѣдъ кончился и всѣ были готовы встать, онъ подошелъ къ игумену съ большимъ поклономъ, для полученія его благословенія и чтобы за тѣмъ и самому приступить къ обѣду. Вмѣстѣ съ нимъ сѣли за столъ и тѣ монахи, которые служили намъ за обѣдомъ, а служить имъ началъ одинъ изъ отобѣдавшихъ. Предъ обѣдомъ и послѣ него были читаны особыя молитвы.

За игуменомъ мы вышли на галлерею, у столовой комнаты; онъ занялъ почетное мѣсто на простомъ деревянномъ креслѣ, которое стояло на особомъ помостѣ, поднятомъ отъ горизонта пола на одну или двѣ ступеньки. Всѣ слѣдовавшіе за нимъ монахи, по очереди, подходили къ нему и низко кланялись, какъ бы благодаря за обѣдъ; потомъ всѣ чинно сѣли на скамьи въ почтительномъ отъ него отдаленіи. Разговора никто не начиналъ и всѣ ждали, что скажетъ игуменъ, а если онъ начиналъ говорить, то отвѣчалъ только тотъ, къ кому онъ обращался; прочіе же молчали, сохраняя самый почтительный видъ къ своему начальнику. Скоро пода-

ли кофе, а когда его отпили, игуменъ предложилъ мнѣ пройтись по саду и взглянуть на ихъ кладбище.

Еще въ первый день моего сюда прiѣзда я былъ въ саду; теперь гулялъ здѣсь въ другой разъ. Густая, яркая зелень радуетъ душу посреди этой мертвой пустыни. Вода проведена сюда въ изобилiи, во всѣ мѣста, и пропускается на гряды и къ деревьямъ посредствомъ канавокъ. Садъ расположенъ на нѣсколькихъ террасахъ на одной съ монастыремъ покатости, идущей отъ подошвы Хорива къ разрѣзу уади, и обнесенъ каменною стѣною; перелѣзть чрезъ нее, безъ посторонняго пособiя, было бы едва ли возможно, или по крайней-мѣрѣ, весьма трудно. На террасахъ много деревьевъ, приличныхъ жаркому климату: миндальныхъ, абрикосовыхъ, оливковыхъ, гранатовыхъ, также яблонь и пр.; но пальмы нѣтъ ни одной. Ее нѣтъ также ни гдѣ въ горахъ, составляющихъ вѣнецъ Синая, и вѣроятно потому, что этотъ слой воздуха для нея холоденъ. На нижней площадкѣ сада много виноградныхъ лозъ, поднятыхъ отъ земли и разостланныхъ на деревянномъ стелажѣ. На этой площадкѣ и между деревьями земля вскопана и засажена разными огородными овощами. Когда арабы заводятъ распрю, или такъ называемую здѣсь войну съ монахими, то плоды въ этомъ саду бываютъ ихъ первою жертвою; но деревья всегда остаются цѣлыми: рука араба не поднимается на уничтоженiе этой драгоцѣнности въ безплодныхъ

горахъ. Садомъ завѣдываетъ особый монахъ, въ качествѣ садовника, подъ непосредственнымъ надзоромъ эконома. Для обработки земли и прочихъ тяжелыхъ работъ въ саду, призываются арабы изъ числа подданныхъ монастырскихъ; за работу дается имъ особая плата хлѣбомъ, холстомъ, сукномъ и прочими предметами, нужными для жизни, одежды или хозяйства, и доставляемыми сюда, какъ и выше сказано, изъ Каира. Эти работники впускаются чрезъ особый входъ, находящійся въ сѣверномъ углѣ сада; для этого опускается имъ веревка и они карабкаются по наружной наклонной покатости стѣны, ступая ногами промежду камней и подымаясь руками по веревкѣ до верхней части стѣны, гдѣ находится небольшая дверь, которую держатъ на засовѣ и замкѣ. У этого входа устроена караульня для садовника.

Но домъ, собственно для житья его назначенный, находится по рединѣ сада. Однакожъ садовникъ предпочитаетъ ему свою караулку, хотя она и сдѣлана кое-какъ, на скорую-руку; домъ же оставленъ пустымъ и приходитъ въ разрушеніе. Здѣсь же, рядомъ съ этимъ домомъ, находится какая-то неопредѣленная масса простыхъ, низменныхъ, каменныхъ построекъ. Игуменъ поворотилъ къ нимъ отъ главной дорожки, идущей почти въ прямомъ направленіи чрезъ весь садъ, начиная отъ подземнаго входа въ монастырь до караульни садовника. Я послѣдовалъ за нимъ, а за мною, бывшіе съ нами еще два или три монаха.

Предъ нами были низкія плоскія крыши, поросшія травою, и съ-лѣва возвышались стѣны оставленнаго садовничьяго дома. Между стѣной этого дома и плоскою крышею съ-права, спустились мы по каменной лѣстницѣ, въ нѣсколько ступеней, на небольшой продолговатый, четвероугольный дворикъ, замкнутый со всѣхъ сторонъ стѣнами боковыхъ приземистыхъ построекъ. Длина дворика до 3 саж. съ небольшимъ, ширина въ половину менѣе; въ глубинѣ его одна дверь, съ боку другая. «Здѣсь наше послѣднее пристанище, сказалъ игуменъ, принявъ на себя самый важный видъ: здѣсь наше кладбище!»

По обѣ стороны двери, находящейся во глубинѣ дворика, видны двѣ могилы; земля на нихъ была въ-уровень съ краями и полита водою. Указавъ на одну изъ могилъ, игуменъ сказалъ, что за нѣсколько дней предъ тѣмъ погребенъ въ ней ризничій и что на другой сторонѣ покоится другой собратъ ихъ съ прошлаго года. Такихъ могилъ на этомъ дворикѣ могло бы помѣститься еще двѣ, но ни какъ не болѣе четырехъ; мѣста мало, но покойниковъ здѣсь были цѣлыя сотни. Гдѣ же погребаютъ тѣта усопшихъ, спросите вы?

Покойника на другой же день послѣ смерти погребаютъ на этомъ дворикѣ и оставляютъ въ землѣ, пока тѣло его не предастся совсѣмъ гніенію и кости не отдѣлятся отъ плоти; чтобы процессъ этотъ совершался скорѣе и мѣсто очистить для новыхъ покойниковъ, тѣло кладутъ въ яму безъ гро-

ба, землю надъ нимъ часто поливаютъ водою и держатъ ее въ постоянной сырости. Робинзонъ добавляетъ, что тѣло кладется на желѣзную рѣшетку; это очень можетъ быть, но объ этомъ монахи мнѣ ничего не говорили. Процессъ тлѣнія обыкновенно совершается въ два, много въ три года. По прошествіи этого времени, приступаютъ къ разрытію могилы, съ погребальнымъ пѣніемъ, съ факелами и со всею установленною для погребенія церемоніею. Отрывъ могилу собрата, иноки отдѣляютъ кости его отъ персти, собираютъ ихъ особо и, съ тѣмъ же погребальнымъ пѣньемъ, переносятъ въ помѣщенія, для этого нарочно назначенныя и здѣсь же находящіяся. Къ нимъ ведетъ дверь во глубинѣ дворика. Дверь эта отворилась, и мы вошли въ жилище смерти.

Здѣсь двѣ особыя комнаты, соединенныя между собою открытою дверью. Нижняя половина комнатъ находится ниже горизонта земли. Свѣтъ въ первую комнату проникаетъ чрезъ дверь изъ дворика, въ другую — чрезъ окно въ верхней части стѣны. Земляной полъ, фута на полтора ниже горизонта дворика; потолокъ плоской, низкой: поднявъ руку вы его достанете; стѣны не оштукатурены и чрезъ нихъ просачивается сырость. Эти комнаты представляютъ послѣднюю общую могилу для по-смертныхъ остатковъ жильцовъ Синайской пустыни! Изъ нихъ первая назначена для простыхъ монаховъ, вторая для Архіепископовъ, игуменовъ, іеромонаховъ и другихъ духовныхъ властей, равно

для отшельниковъ, хотя не-монаховъ, но сдѣлавшихся извѣстными строгостію своей жизни и дѣлами, угодными Богу.

Но кости каждаго мертвеца, по переносѣ сюда, уже не остаются въ одномъ мѣстѣ. Любя во всемъ строгій порядокъ, монахи складываютъ головы къ головамъ, руки къ рукамъ, ноги къ ногамъ, ребры къ ребрамъ. Войдя со двора въ дверь, вы видите на нѣкоторомъ возвышеніи отъ пола, вдоль стѣны съ-лѣвой стороны, головы мертвецовъ, сложенныя въ три яруса, и три слоя головъ возвышаются одинъ надъ другимъ, съ соблюденіемъ и въ этомъ самаго строгаго порядка. Длина пространства, занятаго головами, отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 саж., ширина до 1 саж. Эти бѣлыя головы обращены лицемъ ко входящему и кажется, будто онѣ, почивая столь долдолгое время въ ненарушимой, глубокой тишинѣ и будучи вдругъ пробуждены неожиданнымъ шумомъ и человѣческою рѣчью, съ любопытствомъ слушаютъ разговоръ гостей и устремили на нихъ эти неподвижныя большія ямы, гдѣ нѣкогда помѣщались глаза и служили украшеніямъ этимъ безобразнымъ черепамъ. Къ стѣнѣ, противуположной входу, сложены по сортамъ всѣ остальныя кости, подобно тому, какъ складываютъ у насъ дрова въ сажени; ни одна кость не смѣетъ высунуться наружу и только изъ полотна стѣны виднѣются закругленные составы рукъ и ногъ, кое-гдѣ съ уцѣлѣвшимъ сухожильемъ. Но съ ребрами и позвоночнымъ хребтомъ, монахи не могли никакъ справиться и уклад-

кѣ ихъ не могли дать ни какой правильной формы; а потому и рѣшились складывать ихъ, какъ попало, въ уголъ, въ особо-отдѣленное для того мѣсто.

Здѣсь, посреди комнаты, на гвоздѣ, вколоченномъ въ столбъ, поддерживающій плоскую крышку, висятъ двѣ кости отъ голеней, съ остатками сухожилья. Спутники остановили на нихъ мое вниманіе. «Вы видите эти кости? обратился ко мнѣ отецъ Іаковъ! Святъ человѣкъ, святъ! по всему видно! вы видите эту влагу изъ костей, это мvро изъ внутри? Кости эти принадлежатъ отшельнику давнихъ лѣтъ Стефану, отличавшемуся силою вѣры и святостію дѣлъ своихъ. А вотъ въ другой комнатѣ я покажу вамъ его голову, грудь и руки. Въ противность законамъ природы, гніеніе земное не только не разъединило ихъ, но сверхъ того святой человѣкъ сохранилъ на костяхъ и свои вериги.» И дѣйствительно, въ другой комнатѣ мнѣ показали остатки его скелета: его голова склонилась къ груди, позвоночный хребетъ съ ребрами сохранилъ свое естественное положеніе; руки прижались къ груди крестомъ, и вереги, которыя носилъ онъ всю жизнь свою, остались, какъ неразлучный другъ, на тѣлѣ его и послѣ смерти. Желѣзный обручь на шеѣ и кусокъ цѣпи были еще во всей цѣлости.

Кости іеромонаховъ въ этой комнатѣ сложены были во-кругъ, внизу у стѣнѣ. Надъ ними на столахъ и на полкахъ, въ простыхъ деревянныхъ открытыхъ ящикахъ, лежали черепы и кости, которыя признавалось нужнымъ сохранить отдѣльно

отъ прочихъ; это были по-смертные остатки Синайскихъ Архіепископовъ и нѣкоторыхъ отшельниковъ этой пустыни, замѣчательныхъ своею жизнію, умомъ, силою рѣчи и добрыми дѣлами. Здѣсь же, въ особомъ ящикѣ, показывали мнѣ кости и тѣхъ двухъ братьевъ царскаго рода, пещеру которыхъ въ горахъ мы навѣщали. При святости жизни и отреченіи отъ всего мірскаго, они подвергали себя и особеннымъ тѣлеснымъ страданіямъ: на тѣлѣ, вмѣсто рубашекъ, носили власяныя сѣтки, и сверхъ того приковали себя одинъ къ другому (нога къ ногѣ) желѣзною цѣпью. Части сѣтокъ и цѣпи хранятся вмѣстѣ съ ихъ костями.

Съ полчаса времени пробылъ я въ этомъ жилищѣ смерти: обошелъ всѣ углы, осмотрѣлъ всѣ хранилища послѣднихъ остатковъ жильцовъ этой пустыни. При этомъ неизлишне замѣтить, что монахи вообще избѣгаютъ вводить сюда постороннихъ, особливо лицъ не-православнаго исповѣданія, считая удовлетвореніе суетнаго любопытства несоотвѣтствующимъ высокому назначенію этого мѣста. И должно сознаться, что чувство непріятное объемлетъ душу при видѣ этихъ бренныхъ остатковъ человѣка, сберегаемыхъ какъ бы для того, чтобы входящій вполнѣ видѣлъ все то ничтожество, какое его неизбѣжно ожидаетъ. Профессоръ Робинзонъ, изъ уваженія къ его званію, былъ также сюда впущенъ. Здѣсь, говоритъ онъ, истинный храмъ смерти, гдѣ цѣлыя столѣтія сидитъ она на тронѣ, получая съ каждымъ годомъ новыя жертвы, пока

комнаты не преисполнятся этимъ собраніемъ мертвыхъ. Я не знаю другаго мѣста, добавляетъ онъ, гдѣ бы живой и мертвецъ были ближе другъ къ другу, или гдѣ бы страшный призывъ, приготовиться къ смерти, представлялся духу съ большею силою!

Вышедъ на дворикъ, мы повернули въ боковую дверь. Дверь эта вела въ маленькую церковь во имя Божіей Матери; эта церковъ въ той же степени бѣдна, какъ и прочія малыя церкви въ монастырѣ. Далѣе мы прошли еще разъ по саду и воротились въ монастырь тѣмъ же подземнымъ путемъ. Я поспѣшилъ въ свою комнату и приказалъ Матвѣю укладывать вещи и приготовляться въ путь. Верблюды уже давно ожидали меня внизу, у стѣнъ монастырскихъ.

Желаніе оставить слѣдъ по себѣ, какъ бы ни былъ онъ скоропреходящъ и недолговѣченъ, безчисленные путешественники прежнихъ лѣтъ, по очень свойственной человѣку слабости, чертили имена свои на стѣнахъ, окнахъ и дверяхъ комнатъ, имъ отводимыхъ. Но эти надписи уничтожались съ каждою новою поправкую штукатурки и исправленіемъ дверей и оконъ. Сверхъ того, вырѣзку именъ на деревѣ монахи считали даже порчею хорошей вещи. Чтобы отвравить этотъ изъянъ, завели особую книгу, но, къ-сожалѣнію, не ранѣе текущаго столѣтія. Съ этихъ поръ путешественники имена свои стали въ нее записывать, но притомъ не всѣ они, а только тотъ, кто грамотенъ и кто объ

этомъ вздумаетъ. Что же относится до монаховъ, то они, какъ люди положительные, очень мало цѣнятъ эту книгу, и конецъ ея, безъ сомнѣнія, будетъ тотъ, что кто нибудь изъ путешественниковъ, страстный любитель до рѣдкостей какого бы рода онѣ ни были, рано или поздно, возьметъ эту книгу и увезетъ съ собою, чтобы увеличить ею комплектъ своего музеума. Это тѣмъ болѣе легко и вѣроятно, что она валяется на полкѣ одной изъ отводимыхъ для гостей комнатъ и объ ней ни кто изъ хозяевъ во все и не заботится. Когда я, увлекаясь общею слабостію, спросилъ книгу, гдѣ путешественники записываютъ свои имена, то меня повели въ Сѵнодъ и представили книгу жертвователей для поминовенія именъ ихъ на эктеніяхъ. Сдѣлавъ свое посильное приношеніе, я повторилъ вопросъ, пояснивъ, что желалъ бы видѣть и другую извѣстную книгу. Въ отвѣтъ на это игуменъ улыбнулся, какъ бы не ожидая, чтобы я вздумалъ о такой малозначущей вещи, и сказалъ: «А! вы хотите видѣть и эту книгу! Она тамъ, въ одной изъ вашихъ комнатъ, валяется на полкѣ.» Въ этой книгѣ, изъ записанныхъ именъ, было болѣе чѣмъ три четверти, именъ англійскихъ и нѣмецкихъ русскихъ же всего до двадцати. Но должно замѣтить, что изъ нашихъ соотечественниковъ записывалъ свое имя, какъ и выше замѣчено, только тотъ, кто умѣлъ писать, да и то не всякій.

Очень жалѣю, что недостатокъ времени не позволилъ мнѣ списать русскія подписи. Одна изъ

нихъ не могла не обратить моего вниманія: она сдѣлана однимъ поклонникомъ, приходившимъ изъ Сибири, вмѣстѣ съ женою, поклониться Святымъ мѣстамъ въ Палестинѣ, бывшимъ на Синаѣ въ 1820-хъ годахъ и снова отправившимся въ свою родную Сибирь. Изъ числа русскихъ посѣтителей этихъ горъ, послѣднею передо мною была здѣсь, въ 1842 г., дѣвица одной изъ нашихъ старинныхъ дворянскихъ фамилій, г. Беклешова, въ сопровожденіи нѣсколькихъ русскихъ поклонницъ.

Вообще должно замѣтить, что поклонниковъ нынѣ бываетъ здѣсь очень мало: въ теченіе года всего отъ 40 до 60 человѣкъ, и преимущественно грековъ и коптовъ изъ Египта, Суеса и Тора. Но въ прежнія времена не такъ было, и Буркгартъ приводитъ несомнѣнныя свидѣтельства, что еще въ прошломъ столѣтіи постоянно приходили сюда изъ Каира и Іерусалима цѣлые караваны ихъ, а одинъ документъ, хранимый въ монастырской библіотекѣ, свидѣтельствуетъ, что однажды прибыло сюда изъ Іерусалима разомъ 800 человѣкъ армянъ-поклонниковъ, а въ другое время 500 коптовъ изъ Каира.

Пока вещи мои укладывали и потомъ переносили къ окну, чтобы спустить внизъ, я отправился къ игумену проститься и принять его напутственное благословеніе. У него я засталъ эконома, старшаго іеромонаха и секретаря. Дружески они посадили меня между собою, подчивали трубкою и кофеемъ, просили не забывать ихъ, писать къ нимъ,— если будетъ время, и передать ихъ глубокое почи-

таніе Архіепископу Констандіусу, при проѣздѣ моемъ чрезъ Царьградъ. При этомъ игуменъ далъ мнѣ письмо къ нему и, на память, два гравированные листа, изъ которыхъ одинъ представлялъ видъ монастыря и горъ Синайскихъ, а другой ликъ Св. Екатерины съ изображеніемъ вокругъ всѣхъ ея страданій. Гравировка давнишняя, груба, проста и сдѣлана на деревѣ. Поблагодаривъ за пріемъ, услуги и вниманіе, мнѣ столь радушно оказанныя, я простился съ почтенными хозяевами; но они не хотѣли со мною здѣсь разстаться и проводили до окна; замѣтивъ же здѣсь, что къ спуску по веревкѣ я приступаю не совсѣмъ охотно, предложили выпустить меня чрезъ подземный ходъ и садъ, чѣмъ я, конечно, и воспользовался.

ДОПОЛНЕНІЕ КЪ ГЛАВѢ V.

(стр. 79.)

О пересѣченіи Суесскаго перешейка судоходнымъ каналомъ и результаты работъ французскихъ инженеровъ, объ изслѣдованіи этого перешейка.

Въ послѣднее время были произведены новыя очень важныя и вмѣстѣ вполнѣ удачныя изслѣдованія уровня Краснаго моря и пространства, раздѣляющаго его отъ Нила и Средиземнаго моря. Цѣль ихъ была — удостовѣриться въ возможности пересѣченія Суесскаго перешейка судоходнымъ каналомъ.

Очень любопытныя объ этомъ подробности были помѣщены въ географическихъ извѣстіяхъ, издаваемыхъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ, (1848, вып. 2, и 1849 г. вып. 6). Подробности

эти и самое изложеніе предположеній, предшествовавшихъ работамъ на мѣстѣ, по близкому отношенію къ нашему описанію, мы приведемъ здѣсь, для полноты свѣдѣній объ этой небольшой, но чрезвычайно важной въ торговомъ отношеніи части Стараго-Свѣта.

Если Африка не островъ, если моря, которыя мы въ самомъ началѣ временъ историческихъ находимъ уже покрытыми торговыми флотами, Средиземное и Чермное, не сливаются въ одно, — то виною тому залегшая между Азіей и Африкой безплодная, обнаженная, едва надъ поверхностью моря возвышающаяся равнина, въ одномъ мѣстѣ сухая, а въ другомъ покрытая солончаками и усѣянная песчаными странствующими, отъ дѣйствія вѣтровъ, съ мѣста на мѣсто сопками. Это знаменитый такъ называемый Суэзскій перешеекъ (*). Какъ нѣкая гать, служащая для сухопутнаго сообщенія между двумя частями Стараго-Материка, она въ тоже время мѣшаетъ водному сообщенію между двумя морями, бывшими въ самыя древнія времена театромъ обширной торговли. Вредъ отъ этой гати гораздо болѣе пользы, ею приносимой; отъ этого, самые первые обитатели земли фараоновъ помышляли уже объ уничтоженіи этого препятствія торговлѣ и сообщенію народовъ между собою.

Этотъ «мостъ не на мѣстѣ» имѣетъ ширины

(*) Въ словахъ *Суэзъ* и *Суэзскій*, мы сохранимъ въ этомъ дополненіи орфографію Географическихъ Записокъ.

около 120 верстъ: отъ развалинъ Пелузіума — на берегу Средиземнаго моря, до Суэза — въ кутѣ Чермнаго моря. Между этими двумя крайними точками, поперегъ всего перешейка, простирается рытвина, образуемая встрѣчею двухъ склоновъ, понижающихся едва замѣтною покатостію съ одной стороны отъ береговъ Нила, а съ другой отъ холмовъ Азіатскихъ. Отвѣсно къ этой рытвинѣ идетъ другая рытвина, столь же замѣчательная, отъ Бельбеиса, на Нилѣ, къ развалинамъ Серапеума, лежащимъ почти на самой срединѣ первой рытвины. Въ этихъ двухъ жолобахъ, какъ бы сама природа указала мѣста́, гдѣ человѣкъ долженъ стараться возстановить сообщеніе, такъ неудачно ею пресѣченное.

Со временъ первыхъ преемниковъ Сезостриса, уже постигнувшихъ важность и возможность этого сообщенія и пытавшихся системою каналовъ соединить Нилъ съ Аравійскимъ заливомъ, до Мегемета-Али, проэктъ такого соединенія не былъ теряемъ изъ-вида; въ разныхъ мѣстахъ двухъ рытвинъ, о которыхъ сказано, видны слѣды каналовъ. Несовершенство инженернаго искусства было главнѣйшею между многими причинами, препятствовавшими исполненію этого проэкта. Наполеонъ, въ восточную эпоху своихъ исполинскихъ замысловъ, серьёзно думалъ о прорытіи перешейка, и ученые египетской экспедиціи произвели съ этой цѣлію подробныя развѣдки. Наконецъ, въ наше время жажда быстрыхъ сообщеній воспользовалась предпріимчивымъ и геніальнымъ умомъ Мегемета-Али,

чтобы возобновить это дѣло, и, кажется, на этотъ разъ не безъ основательной надежды на успѣхъ.

Проѣздъ изъ Европы въ Индію по Африкѣ идетъ нынѣ чрезъ Александрію, Каиръ и отсюда чрезъ пустыню въ Суэзъ. Эта послѣдняя часть пути сдѣлана по возможности удобною для путешественниковъ; учреждены дилижансы, гостинницы. Усовершенствованіями сообщеній чрезъ Египетъ и регулярными пароходными сообщеніями съ одной стороны — между Александріей и портами Европы, съ другой — между Суэзомъ и Бомбаемъ, движеніе облегчено такъ, что извѣстія изъ Индіи получаются нынѣ въ Англіи въ сороковой день. Для корреспонденціи и пассажировъ этого довольно, но не для коммерціи. Товары этимъ путемъ воспользоваться не могутъ и, по прежнему, оплываютъ Африку.

Чтобы сократить путь въ Индію также и для товаровъ, представляются три средства: 1) желѣзная дорога отъ Каира къ Суэзу; 2) соединеніе Нила съ Аравійскимъ заливомъ, чрезъ посредство канала, проведеннаго по слѣдамъ древняго канала Птоломеевъ, шедшаго отъ Бельбеиса въ Суэзъ чрезъ Серапеумъ; наконецъ 3) каналъ поперегъ Суэзскаго перешейка.

Выгоды прямаго соединенія водъ Средиземнаго моря съ Индійскими такъ очевидны, что невозможно бы по-видимому и колебаться въ выборѣ. Со всѣмъ тѣмъ, борьба противорѣчащихъ интересовъ и вліяній въ совѣтахъ Мегемета-Али долго колебала

его то на ту, то на другую сторону. По расчетамъ промышленнымъ, можетъ-быть и политическимъ, вліяніе англійское клонило его на сторону желѣзной дороги. Но очевидныя невыгоды этого пути, на которомъ товары должны бъ были нѣсколько разъ перегружаться, заставили его наконецъ отдать преимущество проэкту прямаго канала, который защищали французы. Третій проэктъ, кажется, не имѣлъ серьёзныхъ защитниковъ.

Три правительства — англійское, французское и австрійское, условились соединить свои средства къ исполненію интересующаго все человѣчество предпріятія и назначили инженеровъ для предварительныхъ изслѣдованій, которыя должны будутъ служить основаніемъ проэкту. Они раздѣлили между собою труды такъ: инжинеры французскіе взяли на себя развѣдку во всѣхъ отношеніяхъ мѣстности, чрезъ которую долженъ будетъ пролегать каналъ; австрійскіе — начертаніе плановъ гавани въ сѣверномъ устьѣ канала у древняго Пелузіума; англійскіе — тоже самое для Суэза. Трудъ послѣднихъ есть самый легкій или лучше сказать онъ уже оконченъ, потому что гидрографическія описи, произведенныя англичанами для другихъ цѣлей, давно ознакомили ихъ въ подробности съ мѣстностью Суэскаго залива. Французамъ также многое подготовлено уже прежними нивеллировками и другими работами ихъ соотечественниковъ. Самая трудная задача досталась на долю австрійцевъ, какъ по ма-

лоизвѣстности мѣста, такъ и по механической трудности устройства порта на открытомъ берегу.

Коммиссія инженеровъ каждой націи (у французовъ «Бригада» у нѣмцевъ «Группа») имѣетъ своего особаго директора; всѣ же онѣ составляютъ такъ-называемое «Общество для изученія Суэзскаго канала.» Австрійскою «Группою» управляетъ Негрелли. Ему назначено было съѣхаться съ англійскими инженерами, Стивенсономъ и Талаботомъ, еще зимою 1847 — 1848 г.; но это отложено до Ноября мѣсяца, по причинѣ поздняго возвращенія изъ Египта французской «Бригады», прибывшей въ Марсель только-что въ Январѣ 1848 г. и занимавшейся составленіемъ плановъ и смѣтъ. Между тѣмъ сдѣланныя уже австрійскою «Группою» изысканія доказали, что наносы изъ Нильской-Дельты не такъ далеко простираются, какъ сначала предполагали, и что грунтъ для якорной гавани противъ Пелузіума очень хорошъ. Это добрые признаки для успѣха работъ.

Вообще, сколько можно судить потому, что уже сдѣлано, нѣтъ причинъ сомнѣваться въ удобоисполнимости всего проэкта. Средній уровень Чермнаго моря, по нивеллировкѣ французскихъ инженеровъ, выше уровня Средиземнаго на 9,9 метровъ ($32^1/_2$ рус. фут.). Узкая песчаная полоса, окружающая кутъ Суэзскаго залива, едва на нѣсколько футовъ возвышается надъ водою. Вся долина, простирающаяся отсюда къ сѣверу, вплоть до берега Средиземнаго моря, лежитъ ниже Чермнаго. И такъ, стóитъ

только прорыть эту песчаную полосу, и воды Индійскаго Океана сами-собою сольются съ водами Средиземнаго моря. Но это не составило бы еще канала удобнаго для судоходства; для этого нужны будутъ разныя гидравлическія сооруженія, шлюзы, боковыя плотины (тамъ, гдѣ нѣтъ природнаго возвышенія почвы) и т. п. Все это, для новѣйшаго инженернаго искусства, задача легкая. Самая трудная часть всего предпріятія будетъ, конечно, устроеніе гаваней на обоихъ концахъ канала; но и это только затрудненіе, а не препятствіе.

Между тѣмъ, если плану этому суждено осуществиться, то плаваніе въ Индію, при посредствѣ Суэзскаго канала, сократится: для всѣхъ гаваней Балтійскаго и Сѣвернаго морей и для Атлантическаго Океана, на . . . . 11,000 вер.
Для Марсели и Тріеста, на . . . . 13,000 —
— Константинополя и всѣхъ Черноморскихъ портовъ, на . . . . 16,000 —

Расчитываютъ, что на одномъ фрахтѣ 2.000,000 тонновъ товаровъ, которые на 3,000 карабляхъ провозятся вокругъ мыса Доброй-Надѣжды и мыса Горна, европейская торговля сбережетъ ежегодно болѣе 25.000,000 руб. сер.

Мегеметъ-Али продолжалъ всячески покровительствовать предпріятію. Со стороны его къ трудящимся иностраннымъ инженерамъ прикомандированъ состоявшій у него на службѣ французъ Линанъ-бей (Linant). Мы не имѣемъ свѣдѣній, какимъ образомъ предполагается въ послѣдствіи распредѣлить между

тремя правительствами самое исполненіе работъ и назначеніе капиталовъ, а равно и то, на какомъ основаніи предоставится каналъ употребленію другихъ мореходныхъ державъ. Во всякомъ случаѣ это предпріятіе обѣщало огромную пользу для всего человѣчества и оставалось только желать, чтобы оно увѣнчалось полнымъ и скорымъ успѣхомъ.

Въ послѣднее время мы узнали и о результатахъ работъ французскихъ инженеровъ относительно изслѣдованія мѣстности Суэзскаго перешейка (*). Г. Талабо, занимавшійся по этому дѣлу въ отрядѣ французскихъ инженеровъ, находившемся подъ начальствомъ г. Бурдалу, сообщилъ недавно въ особой брошюрѣ любопытныя свѣдѣнія, собранныя во время работъ, предпринятыхъ съ упомянутою цѣлію. Данныя, которыя мы находимъ въ этомъ трудѣ, примѣчательны въ особенности тѣмъ, что различествуютъ отъ цифръ, полученныхъ во время измѣренія Суэзскаго перешейка инженерами французской экспедиціи 1799 года. Послѣдніе нашли, напримѣръ, что уровень Чермнаго моря на цѣлыхъ 9 метровъ (32 метра = 15 рус. саженямъ) выше уровня Средиземнаго моря; по изслѣдованіямъ же нынѣшнихъ инженеровъ, выходитъ, что уровни того и другаго, въ низкую воду, почти одинаковы и что наибольшая разница между обоихъ морей, при среднемъ стояніи воды, не превышаетъ 80 сан-

(*) Все нижеслѣдующее было сообщено въ Географическія извѣстія г. Рафаловичемъ.

тиметровъ. Приращеніе Нила во время половодія, измѣренное нынѣшними инженерами по масштабу *Мекьяса* (Ниломѣра, устроеннаго на островѣ Роудѣ, между Старымъ-Каиромъ и деревнею Гизё), бываетъ отъ 5 до 9 метровъ; средняя высота рѣки равна 323 метрамъ, а среднее количество изливаемой изъ нея воды доходитъ до 2,560 кубическихъ метровъ въ секунду. Средняя отлогость восточной вѣтви Нила, отъ Мекьяса до Дамьятскаго устья, оказалась, по измѣреніямъ ихъ, не меньше 0,60 метр. на каждый миріаметръ (937 русск. верст.), тогда какъ экспедиція 1799 года нашла только 0,25 метр. для этой отлогости. За тѣмъ г. Талабо сообщаетъ результаты нивеллировокъ, предпринятыхъ на самомъ перешейкѣ у Крокодильяго озера *(Биркетъ-эль-Тымсахъ)*, у Горькихъ озеръ и въ «Долинѣ» *(уади)*, и выводитъ слѣдующее заключеніе: уровень низкаго стоянія водъ Нила при Мекьясѣ возвышается на 11,08 метр. надъ уровнемъ Средиземнаго моря въ Тинѣ въ низкую же воду и только на 13,70 метр. во время высокой воды; надъ водами Чермнаго моря въ Суэзѣ, при низкой водѣ, Нилъ возвышается на 14,05 метр., а надъ тѣми же водами во время возвышенія — на 12,10 метровъ. При значительномъ полноводіи Нила, эта разница между уровнями увеличивается еще на 7,70 метровъ. Грунтъ Дельты, по ту сторону канала *Зафранэ*, идетъ отъ Каира до начала Долины, понижаясь постепенно съ 19 метр. (надъ уровнемъ моря) до 11, а въ самой Долинѣ опускается съ 11

до 6 метровъ. Воздѣлываемая часть Долины возвышается довольно однообразно на 5 или на 6 метр. надъ уровнемъ моря; дно озера *Тымсахъ* — отъ 2 до 5 метр., а долина Горькихъ озеръ — отъ 2 до 9 метр. ниже этого уровня. Полоса, отдѣляющая Горькіе озера отъ Чермнаго моря, имѣетъ отъ 2 до 250 метр. высоты, а наибольшая высота той полосы земли, которую пришлось бы прорыть для сообщенія озера *Тымсахъ* съ озеромъ *Мэнзалэ*, простирается до 15 метровъ.

Въ-древности, при фараонахъ и до Птоломея-Филадельфа, Нилъ сообщался съ Чермнымъ моремъ посредствомъ канала. При императорѣ Троянѣ (или можетъ быть, при Адріанѣ) начали рыть новый каналъ, направлявшійся отъ Вавилона (стараго-Каира) къ Бельбеису, гдѣ онъ соединялся съ прежнимъ каналомъ. Часть канала, шедшая чрезъ перешеекъ, возобновлена была при Халифѣ Омарѣ и служила для судоходства въ теченіе 125 лѣтъ; въ 762 году хиджеры халифъ Абу-Джафаръ-Эль-Мансуръ велѣлъ засыпать эту часть канала; съ тѣхъ-поръ, начиная отъ озера *Тымсахъ*, она осталась закрытою, тогда-какъ остальная часть, отъ Каира до этого озера, долгое время еще находилась въ употребленіи. Ни въ какую эпоху Древнихъ или Среднихъ Вѣковъ, не было сдѣлано попытки прямаго соединенія обоихъ морей. Въ настоящее время, изслѣдованія производившіяся въ 1848 году, показали слѣдующее: первая часть канала между *Аббасэ* и *Расъ-эль-Уади* возобновлена и образуетъ

часть служащаго для орошенiй канала, который начинаетъ у *Загазига*, на древней *Танитiйской* вѣтви (нынѣшнiй каналъ *Моэзскiй*), и при *Рась-эль-Уади* соединяется съ каналомъ *Зафранэ*, составляющимъ продолженiе древняго Троянова, или Омарова канала, возстановленнаго въ новѣйшiя времена, для орошенiя восточной части равнины между Каиромъ и Уади. Къ востоку отъ *Рась-эль-Уади* до *Абу-Хойшеда*, только въ двухъ пунктахъ находятся слабые слѣды канала; отсюда до *Мукфара* каналъ обозначается весьма ясно; дальше до озера *Тымсахъ* замѣтны только слѣды его, которые открываются также мѣстами и на протяженiи отсюда до Горькихъ озеръ, и отъ нихъ до Суэза.

Часть канала, простиравшаяся вдоль морскаго берега на протяженiи 4,000 метр., нынѣ совершенно исчезла, въ-слѣдствiе вторженiя Чермнаго моря, перенесшаго берегъ къ западу.

Опредѣливъ, основываясь на своихъ измѣренiяхъ, положенiе нѣкоторыхъ древнихъ городовъ, остававшееся сомнительнымъ, г. Талабо разсматриваетъ за тѣмъ: какiя работы слѣдуетъ предпринять для соединенiя обоихъ морей. Всѣхъ удобоисполнимыхъ системъ считаетъ онъ пять: 1) проэктъ Линанъ-бея: точка раздѣленiя водъ находилась-бы у Нильскаго Барража; 2) прямое сообщенiе Долины (уади) съ Александрiею, проходя поперегъ Дельты; 3) прямой каналъ чрезъ перешеекъ, снабжаемый водою изъ Нила и съ уровнемъ высшимъ, чѣмъ оба моря; 4) каналъ со шлюзами, получающiй воду

изъ Чермнаго моря; и 5) свободный каналъ безъ шлюзовъ. Авторъ предпочитаетъ прямое направленіе къ Александріи.

Касательно направленія желѣзной дороги чрезъ перешеекъ, г. Талабо находитъ, что ее слѣдовало бы устроить не изъ Каира въ Суэзъ, какъ вообще предполагали, а изъ Александріи къ Чермному морю; такая дорога, по его мнѣнію, сперва должна была бы идти отъ Александріи, вдоль лѣваго берега Нила, тамъ чрезъ рѣку по мосту въ Булакъ (предмѣстіе Каира на берегу Нила), а отъ Каира вдоль цѣпи горъ Макаттама и потомъ обогнуть эту цѣпь. Вообще же г. Талабо прорытію канала отдаетъ преимущество предъ устройствомъ желѣзной дороги.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОПЕЧАТКИ I-й ЧАСТИ.

стран.	*строк.*	*напечатано*	*читай.*
18	21	и всѣ	и всѣ.
21	10	писалъ	переписывалъ
34	22	то;	то
36	28	обхватить	охватить
42	12	но эти углубленія	но углубленія между ними
47	6	и,	и
50	13	обхватила	охватила
52	22	глубины	глубиною
55	9	по поламъ	пополамъ
62	25	80,	80;
67 далѣе, гдѣ это слово.	16 и имѣется	Моисѣй	Моисей
78	12	1800	1799
79	16	1800	1799
78	16	Пелузіакскаго	Пелузійскаго
79	9	1847	1848
—	10	уровень	уровни
89	30	черенъ,	черный,
96	19	травки,	травки;
99	9	бурьяну	бурьяна
102	25	бурьяну	бурьяна

стран.	*строк.*	*напечатано*	*читай.*
106	23	губы	губы,
122	7	также	также,
123	3	пужву	вужно
125	20	вулканъ	волканъ
129	24	когда	а когда
137	17	до	да
138	22	отряды	отрядъ
142	10	окликивая	окликая
160	25	достигнулъ	достигъ
188	21	Вѣтхаго	Ветхаго
202	6	подумалъ	подумалъ,
204	23	обуви и	обуви
217	12	Высоты	Высота
223	8	въ уади	изъ уади
—	23	однаго	одного
228	22	Экономосъ	Икономосъ
230	15	обнажавшiйся	обнаженный
244	11	протягивалъ	протягивало
248	25	за углы его руками	за его углы руками
265	1	по стѣнамъ	вдоль стѣнъ
269	2	и съ-лѣва	а съ-лѣва
272	27	у стѣнѣ	у стѣнъ
275	24	нѣмецкихъ	нѣмецкихъ;

КАРТА
СИНАЙСКАГО ПОЛУОСТРОВА
КЪ ПОѢЗДКѢ НА СИНАЙ УМАНЦА
Заимствована изъ карты
РОБИНЗОНА и СМИДТА.
КРАСНОЕ МОРЕ
ЗАЛИВЪ АКАБИНСКІЙ
Пустыня Этъ-Тихъ
Рас Мухамедъ
О. Тиранъ
О. Сенаферъ
Акаба
Суэсъ
Гора Атака
Пикъ Сафръ
Г. Варданъ
Дж. Эль-Ольвехъ
Ст. Екатерины
Г. Накусъ
Торъ

ПОѢЗДКА НА СИНАЙ

[illegible]

Ч. II

1850.

ПОѢЗДКА НА СИНАЙ

СЪ ПРІОБЩЕНІЕМЪ ОТРЫВКОВЪ

О

ЕГИПТѢ И СВЯТОЙ ЗЕМЛѢ.

А. Уманца.

СЪ 3 КАРТАМИ И 10 РИСУНКАМИ.

Да се списахъ путь сей и мѣста сіи святая, не возносяся, ни величаяся путемъ симъ, яко добро сотворивъ что на пути семъ; не буди то... списахъ все, еже видѣхъ очима своима.

Игуменъ Даніилъ.

ЧАСТЬ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
въ типографіи III Отдѣленія Собст. Е. И. В. канцеляріи.
1850.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. Марта 30 дня 1849 года.

Ценсоръ *А. Фрейгангъ.*

Марта 9 дня 1850 года,

Ценсоръ *И. Срезневскій.*

ПОѢЗДКА НА СИНАЙ.

(1843.)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

—

Поѣздка на Синай.

—

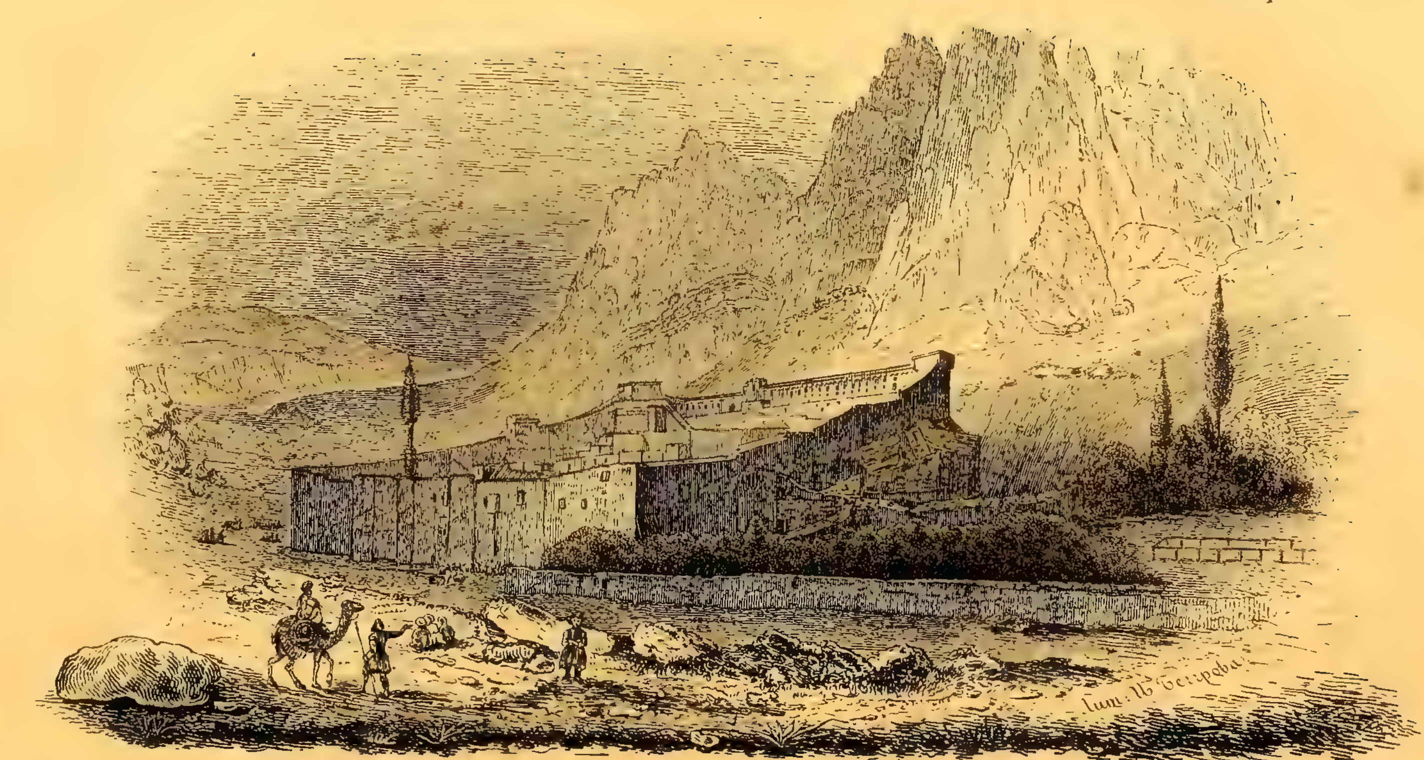
Отрывки о Египтѣ.

Отрывки о Святой Землѣ.

Поѣздка изъ Іерусалима въ манастырь Св. Саввы, къ Мертвому морю и на Іорданъ.

ПРИЛАГАЮТСЯ КО II-й ЧАСТИ.

Кромѣ того прилагается къ каждой части, въ началѣ, по одной особой виньеткѣ, рисовки нашего артиста И. К. Айвазовскаго, литографированныя на камнѣ.

СИНАЙСКІЙ МОНАСТЫРЬ СЪ СѢВЕРНОЙ СТОРОНЫ.

(Къ Поѣздкѣ на Синай Уманца.)

ПОѢЗДКА
на Синай.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XX.

Свидѣтельства современниковъ о заселеніи горъ Синайскихъ пустынножителями, о построеніи монастыря и о слугахъ монастырскихъ. Три племени бедуиновъ, считающихся защитниками монастыря.

О заселеніи Синайскихъ горъ пустынножителями и о построеніи монастыря, профессоръ Робинзонъ представляетъ данныя, извлеченныя имъ изъ записокъ современниковъ и которыя довольно любопытны, чтобы ихъ привести здѣсь, однакожъ въ возможномъ сокращеніи.

Діонисій Александрійскій первый, около 250 по Р. Х., упоминаетъ, что горы Синайскія были убѣжищемъ египетскихъ христіанъ, когда ихъ преслѣдовали, но что и здѣсь сарацины и арабы не рѣдко ихъ захватывали и брали къ себѣ въ

рабство. Легенда о Св. Екатеринѣ, сперва бѣжавшей въ эти горы, а потомъ тѣло которой, послѣ мученической смерти въ Александріи, было перенесено сюда, какъ говоритъ эта легенда, ангелами, относится къ началу IV столѣтія, именно около 307 г. Въ III и началѣ IV столѣтій отшельническая жизнь получила свое начало въ Египтѣ; тотчасъ за этимъ слѣдовали общества (сборища) монаховъ въ пустынныхъ мѣстахъ. Опредѣлить со всею точностію время перваго ихъ появленія на Синаѣ, невозможно; но извѣстно изъ многихъ писателей, что въ IV столѣтіи Синайскія горы служили уже постояннымъ пребываніемъ множества пустынниковъ, которые хотя жили въ отдѣльныхъ келіяхъ, но находились въ постоянныхъ взаимныхъ сношеніяхъ и собирались малыми общинами вокругъ болѣе уважаемыхъ отшельниковъ и учителей. Египетскій пустынникъ игуменъ Сильванъ былъ однимъ изъ самыхъ первыхъ такихъ отцевъ; по крайней-мѣрѣ ранѣе его, по словамъ Робинзона, ни о комъ другомъ не упоминается. Онъ удалился сюда около 365 г., на нѣсколько лѣтъ, имѣлъ здѣсь садъ, который обработывалъ и поливалъ собственными руками, и хотя былъ игуменомъ надъ многими пустынниками, но жилъ отдѣльно съ однимъ только ученикомъ своимъ Захаріемъ.

Болѣе полныя свѣдѣнія о Синаѣ, около того же времени, находятся въ небольшомъ сочиненіи Аммона, монаха изъ Канопа, въ Египтѣ. Посѣтивши Святыя мѣста въ Палестинѣ, онъ возвратился въ

Египетъ чрезъ Синай, въ сопровожденіи другихъ христіанъ, странствовавшихъ съ тою же цѣлію. Изъ Іерусалима путемъ пустыни они достигли Синая въ 18 дней. Было это около 373 г. Аммонъ нашелъ здѣсь много отшельниковъ, жившихъ подъ начальствомъ игумена Дула (Doulas), человѣка рѣдкаго благочестія и смиренія. Питались они финиками, зернами и фруктами, отказывая себѣ въ винѣ, маслѣ и даже въ печеномъ хлѣбѣ. Всю недѣлю проводили въ тишинѣ и уединеніи по своимъ келіямъ, до наступленія вечера субботы; въ это время они собирались въ церковь и всю ночь проводили вмѣстѣ, въ общей молитвѣ. Въ воскресенье утромъ они причащались Св. Таинъ и снова расходились по своимъ келіямъ.

Чрезъ нѣсколько дней по прибытіи Аммона, сарацины, начальникъ которыхъ предъ тѣмъ не за долго умеръ, сдѣлали нападеніе на отшельниковъ. Дуло и кто былъ съ нимъ, ушли въ башню; но кто не могъ достигнуть этого безопаснаго мѣста, былъ убитъ. Сарацины не удовольствовались этимъ: они напали на самую башню и были уже близки къ тому, чтобы взять ее, но вдругъ, какъ говоритъ Аммонъ, вся вершина горы представилась въ пламени, устрашила варваровъ и удержала ихъ отъ этого предпріятія. Они бѣжали, и благочестивые отцы вышли изъ башни, отыскали тѣла убитыхъ и погребли ихъ. Они нашли 38 тѣлъ отшельниковъ, изъ которыхъ 12 были изъ монастыря Геѳрабби, а прочіе изъ Хобара (Chobar, не ис-

порченное ли Хоривъ?) и Кодара. Два пустынника, Исаія и Савва, были хотя смертельно ранены, однако найдены еще живыми. Всего же пострадавшихъ было 40 человѣкъ; по числу ихъ названъ, какъ полагаютъ, и монастырь Сорока-мучениковъ. Думаютъ также, что этотъ монастырь есть тотъ самый, который у Аммона названъ Геѳрабби. Въ тоже самое время, подобное же избіеніе христіанъ было въ Раиѳѣ, находившейся на берегу моря въ двухъ дняхъ пути отъ Синая и соотвѣтствующей теперешнему Тору. Мѣсто, занимаемое монастыремъ близъ Тора, греки и теперь называютъ *Раивою.*

Отецъ Нилъ, съ 390 г. много лѣтъ жившій на Синаѣ, былъ свидѣтелемъ втораго подобнаго избіенія отшельниковъ сарацинами. Онъ говоритъ, что Св. отцы имѣли кельи свои на горѣ, на разстояніи мили и болѣе одна отъ другой, съ цѣлію, чтобъ не мѣшать другъ другу въ продолженіе недѣли молиться и углубляться въ благочестивыя размышленія, хотя и случилось, что они посѣщали одинъ другаго. На канунѣ воскресенья, они сходились къ Св. мѣсту Неопалимой Купины, гдѣ была церковь и, вѣроятно, монастырь, или по-крайней мѣрѣ мѣсто, гдѣ провизія была слагаема на зиму. Здѣсь они проводили ночь въ молитвѣ; по утру, въ воскресенье, причащались Св. Таинъ и, проведши нѣкоторое время въ бесѣдѣ, расходились снова по своимъ келіямъ. 14 Января утромъ, когда они уже были готовы разойтись, партія сарацинъ напала на нихъ, заставила всѣхъ ихъ войти въ церковь и разграбила

кладовыя съ провизіею. Послѣ того варвары, вытащили монаховъ вонъ изъ церкви, и изъ нихъ убили игумена Өеодула и еще двухъ человѣкъ; многихъ молодыхъ людей взяли къ себѣ въ плѣнъ, а всѣмъ остальнымъ предоставили убѣжать въ горы. Отецъ Нилъ былъ между послѣдними , а сынъ его Өеодулъ въ числѣ плѣнниковъ. Когда сарацины ушли, взявши съ собою плѣнныхъ и убивши въ разныхъ мѣстахъ всего восемь отшельниковъ, Нилъ съ прочими спустился съ горъ ночью, собралъ тѣла убитыхъ и похоронилъ ихъ , а потомъ удалился въ Фаранъ. Совѣтъ, или Сенатъ, этого города, немедленно отправилъ своихъ пословъ къ султану сарациновъ, который сперва отзывался, что обиды не было сдѣлано, а потомъ обѣщалъ дать удовлетвореніе. Между тѣмъ Өеодулъ былъ проданъ и приведенъ въ Элузу, гдѣ тамошній Архіепископъ его выкупилъ и потомъ возвратилъ отцу.

Въ половинѣ V столѣтія Императоръ Марціанъ писалъ къ Епископу Макарію , Архимандритамъ и монахамъ горы Синая, «гдѣ находится монастырь, «угодный Богу и достойный всякой почести,» и предварялъ ихъ противъ опаснаго ученія еретика Өеодосія, бѣжавшаго по направленію къ этимъ горамъ послѣ Халкидонскаго собора въ 451 г. Около ста лѣтъ послѣ этого, въ 536 г., между подписавшимися на Константинопольскомъ соборѣ, является имя Өеонаса, «пресвитера и посла отъ Св. горы «Синайской, пустыни Раиөской (Тора) и Св. церк«ви въ Фаранѣ.»

Мѣстныя преданія говорятъ, что монастырь воздвигнутъ Императоромъ Юстиніаномъ въ 517 г., на томъ мѣстѣ, гдѣ за долго предъ тѣмъ была построена Еленою маленькая церковь. Главное обстоятельство въ этомъ преданіи, постройка большой церкви, подтверждается свидѣтельствомъ историка Прокопія, жившаго около половины того же столѣтія. Онъ говоритъ, что Синай въ то время былъ обитаемъ монахами, «которыхъ вся жизнь состоя-«ла единственно въ постоянномъ приготовленіи се-«бя къ смерти,» и что въ уваженіе такого отреченія отъ мірскихъ удовольствій, Юстиніанъ повелѣлъ воздвигнуть имъ церковь и посвятить ее Св. Дѣвѣ. Безъ всякаго сомнѣнія, церковь эта есть та самая, которая теперь существуетъ, но которая впрочемъ носитъ имя церкви Преображенія Господня. Она поставлена, какъ говоритъ Прокопій, не на вершинѣ горы, но далеко ниже, потому что никто не могъ провести ночи на вершинѣ, по причинѣ постоянныхъ звуковъ, шума и другихъ сверхъестественныхъ явленій, тамъ замѣченныхъ. У подошвы же, или внизу горы, Императоръ построилъ надежную крѣпость и поставилъ въ ней хорошій гарнизонъ, для безопасности отъ сарацинъ.

Свидѣтельство Александрійскаго Патріарха Евтихія, жившаго въ послѣдней половинѣ IX столѣтія, представляется болѣе яснымъ и полнымъ. Онъ говоритъ что Юстиніанъ приказалъ построить для Синайскихъ монаховъ укрѣпленный монастырь, включивъ въ него прежнюю башню и церковь, чтобы

предохранить ихъ отъ набѣговъ измаелитовъ. Это свидѣтельство вполнѣ согласуется съ теперешними постройками, которыя, вѣроятно, составляютъ то самое зданіе, которое Прокопій называетъ крѣпостью.

Разсказъ объ этомъ въ лѣтописи Евтихія, на арабскомъ языкѣ, весьма любопытенъ и соотвѣтствуетъ цѣли нашего описанія; а потому мы приведемъ его здѣсь вполнѣ.

«Когда Синайскіе монахи услышали о милосердіи Императора Юстиніана и что онъ находитъ удовольствіе въ построеніи церквей и монастырей, то отправили къ нему депутатовъ, чтобы доложить ему, какъ кочующіе сыны Измаила привыкли внезапно нападать на нихъ, поѣдать ихъ провизію, опустошать мѣсто, входить въ ихъ кельи, забирать все, что ни попадется на глаза, наконецъ какъ они врываются въ церковь и даже съѣдаютъ Святые Дары. Тогда Императоръ сказалъ имъ: «чего же вы хотите?» И они отвѣчали: «мы просимъ тебя, Императоръ, чтобы ты благо-«волилъ построить для насъ монастырь, который «былъ бы намъ надежнымъ убѣжищемъ.» До того времени на Синаѣ не было монастыря, общаго для всѣхъ монаховъ, и они жили разсѣянно по горамъ и долинамъ, въ окрестностяхъ мѣста Несгараемой Купины, гдѣ Господь (да будетъ восхваляемо имя Его!) говорилъ съ Моисеемъ. Близъ Купины была большая башня, существующая до сего дня, а внутри ея церковь во имя Св. Маріи; когда же опасность бывала близка, монахи убѣ-

гали въ башню и тамъ защищались. Императоръ отпустилъ ихъ и послалъ съ ними своего легата, снабдивъ его большою суммою денегъ; сверхъ того онъ предписалъ своему префекту въ Египтѣ давать легату столько денегъ, сколько ему еще понадобится, дать также людей и наблюсти, чтобы равнымъ образомъ онъ получалъ и пшеницу изъ Египта. Легату же онъ приказалъ построить церковь въ Кользумѣ, монастырь въ Райѣ (Торѣ) и монастырь на горѣ Синайской, — и сей послѣднiй построить столь крѣпкимъ, чтобы въ цѣломъ мiрѣ не было другаго крѣпче его, и столь безопаснымъ, чтобы монахамъ и монастырю нечего было бояться ни съ которой стороны.

«Легатъ отправился и построилъ въ Кользумѣ церковь, во имя Св. Анастасiи, и также монастырь въ Райѣ. Потомъ прибылъ на Синай и здѣсь нашелъ Купину въ узкомъ мѣстѣ, между двумя горами, и башню подлѣ источника текучей воды; но монахи были разсѣяны по долинамъ. Сначала онъ думалъ построить монастырь на высотѣ горы, далеко отъ Купины и башни, но онъ оставилъ это намѣренiе, по неимѣнiю воды на горахъ; и потому построилъ монастырь близъ Купины, на мѣстѣ башни, заключивъ и башню внутри стѣнъ. Однако мѣсто было столь узко между двумя горами, что съ вершины сѣверной горы можно было бросать камни въ средину монастыря и дѣлать вредъ монахамъ; но онъ построилъ монастырь на этомъ мѣстѣ потому собственно, что здѣсь были: Купина,

вода и прочіе препрославленные памятники. Кромѣ этого зданія онъ построилъ часовню на вершинѣ горы, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Моисей получилъ заповѣди. Настоятель монастыря назывался Даула (Daula).»

«Потомъ Легатъ возвратился назадъ къ Императору и донесъ ему о постройкѣ церквей и монастырей, и описалъ ему, гдѣ именно онъ построилъ на горѣ Синайской монастырь. «Ты дурно поступилъ и сдѣлалъ вредъ монахамъ, сказалъ ему Императоръ: ты предалъ ихъ въ руки враговъ. За «чѣмъ ты не построилъ монастыря на вершинѣ горы?» На это легатъ отвѣчалъ: «я построилъ монастырь близъ Купины и близь воды. Но еслибъ «я построилъ его на вершинѣ горы, то монахи «остались бы безъ воды, такъ-что, въ случаѣ осады и будучи отрѣзаны отъ воды, они могли бы «умереть отъ жажды. Сверхъ того Купина была «бы далека отъ нихъ.» Тогда Императоръ снова сказалъ: «ты бы долженъ былъ по крайней-мѣрѣ срѣзать сѣверную гору до того, чтобы съ нея никто не «могъ сдѣлать вреда монахамъ.» На это легатъ отвѣчалъ: «если бы мы употребили на это всѣ сокровища Египта, Рима и Сиріи, то и тогда не «могли бы сдѣлать этого даже съ одною оконечностію этой горы». Императоръ разсердился и приказалъ отрубить ему голову.

«Тогда онъ послалъ другаго легата и съ нимъ вмѣстѣ одну сотню римскихъ невольниковъ, съ женами и дѣтьми; и приказалъ ему взять изъ Егип-

та другую сотню рабовъ, изъ числа рабовъ Рима же съ ихъ женами и дѣтьми, построить имъ помѣщенія около горы Синайской, гдѣ бы они могли жить и защищать монастырь и монаховъ; снабдить ихъ всѣмъ нужнымъ для ихъ существованія и наблюсти, чтобы пособіе хлѣбомъ (въ зернѣ) было доставляемо, какъ имъ, такъ и монастырю изъ Египта. Прибывъ на Синай, легатъ построилъ обиталища за монастыремъ на востокъ, укрѣпилъ и помѣстилъ въ нихъ рабовъ, для защиты и покровительства монастыря. Мѣсто это до сихъ поръ называется *Деиръ-эль-Абидъ*, «монастырь рабовъ.»

«Но когда, долгое время спустя, они размножились и вѣра Мухаммеда распространилась вокругъ (было это при Калифѣ Абдъ-эль-Малекѣ, Ибнъ, т. е. сынѣ, Мервана), тогда они стали нападать одни на другихъ и убивать другъ друга. Многіе были убиты, другіе разбѣжались, а всѣ остальные приняли Мухаммеданскую вѣру. Потомки ихъ до сего времени отправляютъ въ монастыряхъ (*) эту религію; они были названы *Бену-Салихъ* (Бену-Салехъ), и также именуются дѣтьми (слугами) монастырскими. Но послѣ того, какъ они приняли религію Мухаммедову, монахи разрушили ихъ обиталища, такъ что уже ни кто не могъ жить въ нихъ, и эти обиталища остаются въ развалинахъ до сего дня.»

За триста лѣтъ предъ тѣмъ, какъ жилъ Евти-

(*) Въ монастыряхъ: вѣроятно мечети находились въ то время и въ другихъ монастыряхъ на Синаѣ.

хій, и именно въ концѣ VI столѣтія, посѣтилъ Синай мученикъ Антоній; въ новопостроенномъ монастырѣ онъ нашелъ трехъ игуменовъ, говорившихъ на языкахъ сирійскомъ, греческомъ, египетскомъ и языкѣ *беста* (арабскомъ?). На вершинѣ горы церковь уже существовала и вся страна была полна келій и убѣжищъ пустынниковъ. Въ одной части Хорива или же горы Крестовой (Епистиміи), сарацины или измаелиты (онъ называетъ ихъ обоими названіями) покланялись идолу.

Къ этому прибавимъ свидѣтельтво теперешняго Синайскаго Архіепископа Констандія, помѣщенное имъ въ «Египтіадѣ», гдѣ онъ приводитъ свѣдѣнія о горѣ Синайской по греческимъ источникамъ. Онъ говоритъ, что въ самомъ началѣ христіанскаго исповѣданія, когда идолопоклонники надѣялись уничтожить его гоненіемъ, многіе изъ христіанъ убѣгали на Св. гору, жили тамъ разсѣянно, безъ крова, и сверхъ того часто были убиваемы варварами и аравитянами. Когда же воцарился Константинъ Великій, Св. Елена прибыла въ Іерусалимъ, потомъ достигла до горы Синая (*) и узнала о бѣдствіяхъ христіанъ, тамъ скитавшихся, то соорудила храмъ во имя Богородицы и выстроила башню со стѣною, для ихъ защиты. Эта

(*) Это ошибочно: на Синаѣ она ни когда не была. Впрочемъ всѣ греческія хроники такъ говорятъ. По мнѣнію же Робинзона, и самая постройка храма приписывается ей также ошибочно.

башня была выстроена у подошвы Хорива, а храмъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Моисей видѣлъ горящую и Несгораемую Купину и гдѣ находился колодезь, въ которомъ дочери Іеѳора поили стада отца своего. Зданія эти были первыя въ этихъ пустынныхъ мѣстахъ. Въ 529 году по Р. Х., во время бунта Самаритянъ, Императоръ Юстиніанъ Великій, снисходя на просьбы Синайскихъ пустынножителей, повелѣлъ египетскому намѣстнику выслать на Синай мастеровъ, рабочихъ, матеріалы и провизію, для постройки великолѣпнаго монастыря, на счетъ египетскихъ государственныхъ доходовъ. Въ слѣдствіе этого, добавляетъ Констандій, выстроенъ великолѣпнѣйшій монастырь съ церковью Преображенія Господня (до нынѣ существующею въ прежнемъ великолѣпіи) и высокими стѣнами, подъ присмотромъ одного сановника и архитектора Стефана, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была построена Св. Еленою башня. Игумену же этого монастыря данъ санъ Архіепископа и онъ поставленъ въ независимости отъ Патріарха: царская привиллегія, до нынѣ чтимая. Для защиты монашествующихъ отъ нападенія аравитянъ, высланы изъ Египта и Понта 200 христіанскихъ семействъ (*), которыя и поступили въ потомственные монастырскіе слуги. Кромѣ того, въ пользу

(*) По свидѣтельству же Евтихія, какъ явствуетъ выше, 200 рабовъ. Полагаютъ, что теперь въ горахъ всѣхъ ихъ до 500 душъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ.

монастыря назначенъ таможенный сборъ съ египетской торговли. Переселенцы водворились въ двухъ городкахъ за горою Св. Епистимiи, въ 8 миляхъ отъ монастыря. Послѣ того, по прошествiи почти одного вѣка, явился Мухаммедъ, распространившiй въ теченiе девяти лѣтъ свою силу и свой законъ по всей Аравiи до того, что многiе изъ слугъ монастырскихъ приняли его вѣру; а наконецъ, въ царствованiе Ибнъ-Марлана, всѣ они сдѣлались Мухаммеданами, и теперь, хотя считаются монастырскими рабами, но болѣе безпокоятъ, чѣмъ услуживаютъ монастырю.

«Но монастырь терпитъ еще болѣе безпокойствъ и насилiй, продолжаетъ Констандiй, отъ аравитянъ, живущихъ въ пустынѣ и считающихъ себя его хозяевами и защитниками. Они раздѣляются на три рода: Сувалемъ или Аvармемъ, Улатъ-Саитъ и Алекъ (*), такъ прозванные по именамъ трехъ родоначальниковъ, сыновей какого-то Салеха, умершаго христiаниномъ и гробъ котораго, обнесенный стѣною, находится на пути въ Египетъ въ уади эшъ-Шеихъ, къ сѣверу отъ монастыря на разстоянiи шести миль; потомство, уважая память объ немъ, приноситъ жертвы на его гробницѣ. Они кочуютъ въ Синайской пустынѣ, отъ горы Аранъ до пустыни Синъ и до прибрежныхъ мѣстъ херсониса Аравiйскаго. Центромъ своей кочевки считаютъ монастырь, который, не смотря на разность

(*) Робинзонъ называетъ имъ Dhahciry, Awârimeh et Aleikat.

религіи, считаютъ мѣстомъ, весьма угоднымъ Богу. Во время засухи, заставляютъ Синайскихъ монаховъ молиться, полагая, что Богу угодна молитва и иновѣрцевъ; даже не рѣдко настоятельно требуютъ дождя отъ нихъ, угрожая въ противномъ случаѣ смертію и гоненіемъ. Иногда же, для праздности, собираются къ монастырю съ женами и дѣтьми, курятъ ладанъ, поютъ вокругъ монастыря священныя гимны и, закалая ягнятъ, приносятъ жертвы Св. Георгію, а стѣны кропятъ кровію.»

По словамъ Робинзона, эти три племени получали нѣкогда, при каждомъ приходѣ ихъ къ монастырю, кушанье, которое для нихъ было особо приготовляемо; кромѣ того ежегодно давалось каждому по пяти съ половиною талеровъ и платье на каждаго мужчину. Однако все это уже давно прекращено. Но во время своего пребыванія въ Джованійскомъ подворьи, въ Каирѣ, они, еще до сихъ поръ получаютъ отъ монастырскаго начальства утромъ по два небольшихъ хлѣбца, а въ полдень особо приготовляемое для нихъ кушанье. Прежде, въ добавокъ къ этому, давалось имъ еще ввечеру по четыре хлѣбца; но въ 1842 г., по разрѣшенію Мегемета-Али, это пріостановлено. Сверхъ всего этого, какъ замѣчаетъ нашъ профессоръ, они имѣютъ исключительное преимущество возить путешественниковъ въ монастырь и обратно.

XXI.

О Епископстве на Синае. Город Феран. Позднейшия сведения о Синайском монастыре и населении. Знаменитыя Синайския надписи.

Еще съ первыхъ временъ поселенія пустынножителей на полуостровѣ, главное пребываніе особаго Епископа, по изслѣдованіямъ Робинзона, было въ Фаранѣ, нынѣшнемъ Феранѣ, гдѣ также находилось христіанское поселеніе, а во времена Нила, даже Сенатъ или Совѣтъ (400 г. по Р. Х.). Около этого времени, о Натерусѣ или Наѳирѣ говорится, какъ о здѣшнемъ Епископѣ. Макарій, о которомъ выше упомянуто, вѣроятно здѣсь былъ Епископомъ; а въ первой половинѣ VI столѣтія упоминается о Протіѣ, какъ объ Епископѣ Фаранскомъ. Около того же времени, въ 535 г., Козьма говоритъ о Фаранѣ, какъ о мѣстѣ Рафидима.

Городъ Фаранъ или Феранъ находился въ уади того же имени, противъ Джебель-Сербаля. Руппель нашелъ здѣсь остатки церкви, архитектуру которой относитъ къ V столѣтію; а Буркгардтъ говоритъ объ остаткахъ поселенія до двухъ сотъ домовъ и также о развалинахъ нѣсколькихъ башень на сосѣднихъ холмахъ. Монастыри, находившіеся вокругъ Сербаля и Синая, были съ епископскимъ городомъ въ самыхъ дружественныхъ сношеніяхъ; но къ концу X столѣтія монастырь, основанный Юстиніаномъ, превзошелъ Феранъ и своею важностію, и своимъ вліяніемъ, и достигъ того, что пребываніе Епископа было перенесено въ его стѣны. Смерть Іоріуса «Епископа горы Синая», по лѣтописямъ записана подъ 1033 г. Въ это время Синай, мѣстопребываніе епископскаго престола, находился въ непосредственномъ вѣдѣніи Іерусалимскаго Патріарха, какъ Архіепископство, т. е. безъ посредства Митрополита, и хотя имя Фарана еще является, какъ епископство, но оно уже потеряло всю свою важность.

Къ концу VI и въ теченіи VII столѣтія, здѣсь процвѣтали ученые писатели монахи: Іоаннъ, Климакусъ и Анастасій Синаитъ. Около половины X столѣтія, Синайскіе монахи, какъ говоритъ Бароніусъ, оставили было свое мѣстопребываніе и перешли на гору, называемую Латрумъ; но въ началѣ XI столѣтія, монастырь снова находился въ цвѣтущемъ состояніи и былъ посѣщаемъ множествомъ поклонниковъ. Въ это время, знаменитый мужъ,

Св. Симеонъ, жилъ здѣсь простымъ монахомъ; онъ зналъ языки: египетскій, сирійскій, арабскій, греческій и латинскій, въ 1027 г. прибылъ въ Европу и былъ гостепріимно принятъ Ричардомъ II, Герцогомъ Нормандскимъ. Онъ принесъ съ собою мощи Св. Екатерины и собиралъ милостыню для монастыря, а въ послѣдствіи основалъ аббатство во Франціи, гдѣ и умеръ. Въ 1116 году, король Іерусалимскій Балдуинъ I доходилъ до залива Акабинскаго и хотѣлъ было посѣтить Синай; но былъ отъ этого отклоненъ посланными отъ монаховъ, по опасенію, чтобы это посѣщеніе не подвергло ихъ подозрѣнію и опасности со стороны мусульманскихъ властителей.

Все вышеизложенное, какъ въ этой, такъ и въ предшествовавшей главѣ, положительно свидѣтельствуетъ, что въ самаго начала первой половины IV вѣка на Синайскомъ полуостровѣ постоянно находилось значительное христіанское населеніе. Остатки монастырей, часовень и пустынныхъ жилищъ, до сихъ поръ встрѣчаемые здѣсь въ разныхъ мѣстахъ, подтверждаютъ это и даютъ вѣроятіе монастырскому преданію, что, въ эпоху побѣдъ Мухаммеда, отъ шести до семи тысячъ монаховъ и пустынниковъ жило въ разныхъ мѣстахъ Синайскихъ горъ. Поклоненіе этимъ мѣстамъ, священнымъ сколько самимъ по себѣ, столько же и по пребыванію въ нихъ святыхъ мужей, сдѣлалось съ этихъ поръ весьма частымъ, вошло въ большой обычай и продолжается, болѣе или менѣе, до сихъ

поръ. Знаменитыя Синайскія надписи, о которыхъ подробно говорится ниже, находятся, какъ полагаютъ, съ этими странствіями въ тѣсной связи.

Послѣ Крестовыхъ походовъ, первыя свѣдѣнія о Синаѣ и теперешнемъ монастырѣ находятся у Джона-Маундевиля, Вилліама Бальденсельскаго и у Петра или Родольфа Сухемскаго, посѣтившихъ эти мѣста въ первой половинѣ XIV столѣтія. Изъ нихъ послѣдній (между 1330 и 1350 лѣтъ) нашелъ здѣсь болѣе четырехъ-сотъ монаховъ, подъ начальствомъ особаго Архіепископа и высшаго духовенства; въ томъ числѣ онъ разумѣетъ и простыхъ монаховъ, занимавшихся тяжелыми трудами въ горахъ и перевозкою на верблюдахъ угольевъ и финиковъ, которые въ большомъ количествѣ они отправляли изъ Елима въ Вавилонъ (изъ Тора въ Фостатъ — старый Каиръ) на продажу. Но этимъ средствомъ монастырь получалъ самое малое пособіе для жильцовъ своихъ и приходившихъ сюда поклонниковъ.

Въ архивѣ монастыря Буркгардтъ нашелъ оригиналъ договора монаховъ съ бедуинами, сдѣланнаго въ 800 г. эгиры, или въ 1422 г. по Р. Х., и изъ котораго видно, что кромѣ большаго монастыря, было въ то время на полуостровѣ еще шесть монастырей, за исключеніемъ многихъ часовень и жилищъ пустынниковъ. Въ XV столѣтіи находился въ Феранѣ еще одинъ обитаемый монастырь, а по другимъ документамъ видно, что 230 лѣтъ послѣ (1643), всѣ меньшія учрежденія этого рода уже опу-

стѣли и что оставался одинъ только большой монастырь, все еще владѣя недвижимыми собственностями въ Феранѣ, Торѣ и въ другихъ плодоносныхъ равнинахъ. Это согласно и съ свидѣтельствомъ путешественниковъ XV и XVI столѣтій, упоминающихъ объ оставленныхъ монастыряхъ вокругъ главнаго Синайскаго монастыря. Феликсъ Фабръ (1484) говоритъ, что въ семъ послѣднемъ, какъ ему сказывали, находилось восемьдесятъ монаховъ, хотя онъ не видалъ и половины этого числа. Во время Белона (1546), число это уменьшилось до шестидесяти; а Гельфричь (1565) нашелъ монастырь на-время оставленнымъ. При посѣщеніи Синая Коробейниковымъ и Грековымъ (1582), Синайскій монастырь былъ въ хорошемъ состояніи и монаховъ считались въ немъ 90 человѣкъ; а при нашемъ паломникѣ Гогарѣ (1634) было, какъ онъ говоритъ, «братій съ триста»; кромѣ того о населеніи этихъ горъ онъ добовляетъ «и подлѣ той Синайской горы градъ сдѣланъ каменный, а въ немъ четыредесятъ монастырей, и всѣ пусты; токмо одинъ монастырь великомученицы Екатерины (*).» Послѣ него чрезъ 30 лѣтъ былъ здѣсь Фонъ-Троило и нашелъ только 60 монаховъ. При Жерамбѣ (въ 1831) было ихъ, по его словамъ, отъ 45 до 50; а нынѣ обыкновенное число ихъ есть отъ 20 до 30. Робинзонъ

(*) Краткое извлеченіе собственно о Синаѣ изъ путешествій этихъ трехъ русскихъ поломниковъ, прилагается къ этой части въ особомъ дополненіи.

же говоритъ, что при немъ (1838) жили здѣсь 21 человѣкъ, изъ которыхъ 6 были священники и 15 простые монахи; въ Каирѣ находились — намѣстникъ и 40 или 50 монаховъ; большая часть Синайскихъ монаховъ были, по ихъ происхожденію, съ греческихъ острововъ и какъ онъ замѣчаетъ, они остаются здѣсь обыкновенно не долѣе пяти лѣтъ. При мнѣ (1843) было, какъ и выше упомянуто, всѣхъ вообще монаховъ: на Синаѣ 21 и на Джованійскомъ подворьи 22, всего 43 человѣка.

Выше сказано, что знаменитыя Синайскія надписи находятся въ тѣсномъ соотношеніи съ странствіями на поклоненія здѣшнимъ Святымъ мѣстамъ, начавшимися съ первыхъ вѣковъ христіанстсва. Выборъ объ этомъ свѣдѣній изъ разныхъ путешествій и сочиненій, представляетъ Робинзонъ, какъ въ текстѣ своего сочиненія, такъ и въ примѣчаніяхъ, и мы передадимъ ихъ здѣсь нашимъ читателямъ.

Эти надписи находятся по всѣмъ путямъ къ Синаю отъ запада; онѣ доходятъ даже до подошвы главнаго вѣнца Синайскаго; изъ нихъ послѣднія начертаны около монастыря Сорока-мучениковъ. Но ихъ нѣтъ ни на Джебель-Муса, ни на теперешнемъ Хоривѣ, ни на горѣ Св. Екатерины и ни въ долинѣ главнаго монастыря, тогда-какъ на Сербалѣ онѣ встрѣчаются даже на главныхъ вершинахъ. Замѣчательно, что на восточной сторонѣ Синая не было найдено еще ни одной такой надписи.

Извѣстно, что наибольшее ихъ количество находится въ уади Мокаттебъ «исписанной долинѣ», чрезъ которую идетъ обыкновенный, нижній путь на Синай, прежде достиженія уади Феранъ. Здѣсь, на скалахъ, попадаются онѣ тысячами и преимущественно въ такихъ мѣстахъ, гдѣ путешественникамъ и поклонникамъ преставляется удобнѣйшее мѣсто для отдыха въ продолженіе полуденнаго зноя. Тоже самое замѣчается и по другимъ дорогамъ. Многія изъ нихъ сопровождаются крестами, которые иногда очевидно одного времени съ надписями, а иногда видимо позднѣе ихъ, или подправлены; начертаніе буквъ вездѣ одинаково. Но какъ бы на зло всѣмъ усиліямъ опытнѣйшихъ палеографовъ, самыя буквы оставались до самаго послѣдняго времени неразгаданными. Эти надписи обыкновенно коротки, и большая часть ихъ представляетъ однѣ и тѣ же начальныя буквы. Между ними случайно замѣшалось и нѣсколько греческихъ надписей.

Объ этихъ надписяхъ прежде всѣхъ умоминаетъ Козьма, около 535 г. Онъ полагалъ, что онѣ суть твореніе древнихъ евреевъ, и говоритъ, что нѣкоторые евреи, читавшіе ихъ, изъяснили ему, что онѣ означаютъ «путешествіе такого-то, изъ такого-то племени, въ такомъ-то году и мѣсяцѣ», подобно тому, какъ дѣлаютъ это новѣйшіе путешественники. Усилія позднѣйшихъ ученыхъ разобрать ихъ, подвигали впередъ это дѣло весьма тяжело, и когда Клайтонъ, Глочестерскій Епископъ, въ половинѣ

прошедшаго столѣтія, предожилъ большую плату тому, кто отправится на мѣсто и доставитъ ему вѣрную копію надписей, то это снова обратило вниманіе европейскихъ ученыхъ на этотъ предметъ, и всѣ они приписали эти надписи евреямъ, во время пребыванія ихъ на Синаѣ. А послѣ того, начали смотрѣть на нихъ, какъ на дѣло рукъ христіанскихъ поклонниковъ на пути ихъ изъ Египта на Синай, въ IV ст. Но какъ бы то ни было, содержаніе ихъ во времена Козьмы (т. е. въ VI. ст.) было уже неизвѣстно и о происхожденіи ихъ, по видимому, не было ни какого преданія. Что же касается до начертанія буквъ, то Гезеніусъ, основываясь на примѣчаніи къ нѣмецкому изданію путешествія Буркгардта, относитъ ихъ къ тому роду финикійскихъ или вѣрнѣе арамеанскихъ письменъ, которыя, въ I. вѣкѣ христіанской эры, были въ большомъ употребленіи во всей Сиріи и частію въ Египтѣ, и имѣютъ большое сходство съ надписями пальмирскими. Но лейпцигскій профессоръ Беръ, не за долго предъ симъ (въ 1839) первый разобравшій эти надписи, говоритъ напротивъ, что онѣ представляютъ остатки языка и начертаній, нѣкогда принадлежавшихъ Набаѳеанамъ Каменистой Аравіи, и предполагаетъ, что если когда либо камни съ мѣстными надписями будутъ найдены въ развалинахъ Петры, то характеръ тѣхъ надписей будетъ одинаковъ съ надписями Синая. Если вѣрить этому, то не безъ основанія можно положить, что онѣ могли быть сдѣланы природными обитателями горъ. Между

тѣмъ нельзя не смотрѣть, какъ на фактъ вполнѣ замѣчательный, что только здѣсь, въ этихъ пустынныхъ горахъ, могли быть найдены на скалахъ эти письмена особаго рода, бывшія нѣкогда, какъ должно заключать по тысячамъ надписей, въ большомъ употребленіи, но отъ которыхъ въ другихъ мѣстахъ не осталось, можетъ быть, ни малѣйшихъ слѣдовъ. Разобраніемъ надписей Беръ занимался еще до 1833 г., но безъ успѣха. Достигъ же онъ этого только лишь въ 1839 г., и вотъ содержаніе его результатовъ.

Начертаніе буквъ (characters) Синайскихъ надписей относитъ онъ къ особому, независимому алфавиту. Нѣкоторыя изъ буквъ совершенно особенной формы, другія имѣютъ болѣе или менѣе сходства съ буквами пальмирскими и въ особенности съ такъ называемыми estrangelo и куфическими. Сходство ихъ съ послѣдними такъ велико, что оно приводитъ даже къ мысли, не было ли куфическое письмо въ послѣдствіи разработано изъ этого алфавита. Ихъ писали отъ правой руки къ лѣвой. По своей фигурѣ, многія буквы весьма сходствуютъ однѣ съ другими, какъ это встрѣчается и въ другихъ древнихъ алфавитахъ. Это иногда значительно затрудняетъ разобраніе надписей, хотя не болѣе, какъ въ куфическомъ письмѣ. Но это затрудненіе еще болѣе увеличивается отъ недосмотра и неаккуратности списывавшихъ эти надписи. Ихъ списывали — Кирхеръ, Пококъ, Нибуръ, но очень несовершенно; Зетценъ и Буркгардтъ были гораз-

до аккуратнѣе; а наконецъ Грей (1832) сообщилъ въ печати большое количество этихъ надписей: 177 неизвѣстнаго начертанія, 9 греческихъ и 1 латинскую; всего 187.

Содержаніе надписей, сколько Беръ успѣлъ разобрать, заключается только лишь въ собственныхъ именахъ; онѣ начинаются обыкновенно словомъ *миръ*, иногда *да будетъ помянутъ* и въ рѣдкихъ случаяхъ *благословенъ*. Между именами, слово *рожденный* и *сынъ*, часто встрѣчается, а слово *священникъ*, какъ титулъ, только дважды. Въ одномъ или въ двухъ случаяхъ, за именемъ слѣдуетъ фраза или изрѣченіе, которыя однакожъ до сихъ поръ еще не были разобраны. Имена — обыкновенныя арабскія. Употребляемый въ арабскомъ языкѣ предъ существительными и собственными именами членъ, очень часто при нихъ встрѣчается. Замѣчательно, что между ними еще не было найдено ни одного еврейскаго или христіанскаго имени. Кромѣ собственныхъ именъ, прочія слова кажутся принадлежащими болѣе къ арамеанскому нарѣчію. Беръ полагаетъ, что этимъ языкомъ говорили жители Каменистой Аравіи, т. е. Набаѳеаны, прежде, чѣмъ арабскій языкъ распространился въ этихъ мѣстахъ, и онъ смотритъ на Синайскія надписи, какъ на единственный нынѣ извѣстный памятникъ этого древняго языка и его письменъ.

Вопросъ о *писавшихъ* эти надписи разрѣшается очень мало изъ ихъ содержанія. Слово, на концѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, можетъ быть такъ прочте-

но, чтобы подтвердить, что писавшіе были поклонники, — и Беръ такого точно мнѣнія; но чтеніе этого слова такимъ образомъ еще не совсѣмъ вѣрно. Мнѣніе Бера подтверждается въ особенности тѣмъ, что эти надписи находятся только на большихъ дорогахъ, идущихъ къ Синаю изъ Суеса. Большее количество ихъ въ уади Мокаттебъ и вокругъ Сербаля даетъ основаніе думать, что эта гора или которое либо мѣсто въ сосѣдствѣ считалось святымъ мѣстомъ, хотя, вѣроятно, не болѣе Синая. При многихъ надписяхъ находятся кресты; изъ этого заключаютъ, что писавшіе были христіане. Случается, что одна и таже надпись находится въ одномъ, двухъ и болѣе мѣстахъ, здѣсь съ крестомъ, а тамъ безъ креста. Эти кресты такой формы, что они не могли быть изображеніями случайными или ничего незначущими; форма ихъ такова:

Y, †, ⳩.

Время надписей, содержаніемъ ихъ, во все не поясняется; въ нихъ не прочтено еще ни одной цыфры. По палеографическимъ же даннымъ, профессоръ Беръ полагаетъ, что большая часть ихъ не могла быть писана ранѣе IV столѣтія. Но если бъ онѣ были писаны позднѣе, то преданія объ нихъ, вѣроятно, еще существовали бы во времена Козьмы. Характеръ письменъ говоритъ также противъ этого.

Къ такому объясненію надписей профессора Бера, Робинзонъ представляетъ цѣлый рядъ вопросовъ, которые трудно рѣшить, — о томъ, кто были эти христіанскіе поклонники и откуда они сюда приходили.

Обстоятельство, что всѣ эти надписи находятся только на большихъ дорогахъ изъ Египта, приводитъ къ заключенію, что поклонники шли оттуда, или по крайней-мѣрѣ отъ западной стороны Суесскаго залива. Если это такъ было, то какъ могло случиться, что въ Египтѣ и въ сосѣдствѣ съ нимъ нѣтъ никакого слѣда этого алфавита и этого языка? (*). Весь Египетъ, какъ извѣстно, былъ въ первые вѣка нашей эры наполненъ христіанами и евреями; отъ чего же происходитъ, что въ этихъ надписяхъ нѣтъ ни одного имени ни еврейскаго, ни христіанскаго? Правда, языческія имена были въ употребленіи еще долгое время и по введеніи христіанской вѣры, какъ это видимъ мы въ именахъ святыхъ отцовъ и Епископовъ первыхъ временъ; но это еще не даетъ повода къ совершенному отсутствію христіанскихъ и еврейскихъ именъ въ этихъ толпахъ, какими поклонники приходили сюда изъ Египта.

Кто же были эти поклонники: набаѳеаны, измаелиты, сарацины, природные ли жители полуострова или вообще Каменистой Аравіи? Языче-

(*) Послѣ онъ самъ замѣчаетъ о слышанномъ имъ, что подобныя надписи будто бы находятся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Египта. Самъ же онъ ихъ не видалъ.

скія имена, языкъ и письмена должны бы, казалось, привести къ этому заключенію. Но отъ чего же всѣ эти надписи находятся въ западной части полуострова, а въ восточной нѣтъ ни одной? Сверхъ того, изъ исторіи не видно, чтобы какое-либо природное христіанское населеніе жило на полуостровѣ или около него въ первыя столѣтія, но скорѣе оказывается противное тому, какъ это мы видѣли въ началѣ предшествовавшей главы, когда христіанскіе изгнанники изъ Египта и пустынники этихъ мѣстъ жили въ постоянной опасности отъ рабства и смерти со стороны язычниковъ, ото всюду ихъ окружавшихъ.

Наконецъ, отъ чего происходитъ, что во времена Козьмы, около 530 г., знаніе этого алфавита и языка было уже потеряно между христіанами полуострова и о надписяхъ не осталось уже ни какого преданія?

Разрѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ предоставляется послѣдующимъ изслѣдователямъ.

XXII.

Продѣлки шеиха кочевья Саидъ. Первый и второй день обратнаго пути. Уади: Феранъ и Мокаттебъ.

Тотъ же день 26 Мая, среда. Черезъ садъ прошелъ я внизъ къ моимъ бедуинамъ и верблюдамъ. Послѣднихъ нашелъ я здѣсь, вмѣсто трехъ, пять, а первыхъ цѣлую толпу, въ которой въ особенности распоряжался и говорилъ больше всѣхъ какой-то худой, высокой старикъ, на тонкихъ длинныхъ ногахъ, въ старомъ бурнусѣ на плечахъ и съ большимъ посохомъ въ рукѣ. Шеихъ Хайдера, Мансуръ и Матвѣй хлопотали у вещей моихъ, бедуины помогали имъ; но третій проводникъ мой, Махсивъ, не принималъ участія въ этомъ и съ грустію на лицѣ стоялъ въ сторонѣ съ своимъ верблюдомъ, тѣмъ самымъ, на которомъ я ѣхалъ, и слѣдова-

тельно лучшимъ изъ всѣхъ трехъ. Вмѣстѣ съ этимъ я замѣтилъ, что подъ меня готовятъ новаго верблюда, который очевидно уступалъ прежнему во многомъ. Я просилъ разъяснить мнѣ это, и худой, высокой старикъ отвѣчалъ, чрезъ моего драгомана, что «жена Махсива, долго отсутствовавшаго изъ кочевья, удерживаетъ его, и что онъ уже давно заработываетъ извозомъ, а другіе сидятъ дома безъ дѣла, и потому нужно дать хлѣбъ и имъ. По всѣмъ этимъ причинамъ, добавилъ старикъ, ѣдетъ съ тобою другой бедуинъ и я, вмѣсто одного, даю тебѣ двухъ верблюдовъ, чтобъ легче было везти тяжести, и притомъ за туже самую плату, т. е. какъ бы за одного верблюда. Но только слушай, хавага: ѣхать такъ скоро, какъ ты хочешь, нельзя, — верблюдъ не выдержитъ и помретъ; а потому ты поѣдешь не много тише, и въ Каирѣ будешь однимъ или двумя днями позднѣе, чѣмъ сюда пріѣхалъ». Я было началъ приводить свои убѣжденія моему шеиху Хайдери, съ которымъ уговаривался и отъ котораго имѣлъ договорную квитанцію, но тотъ молчалъ и продолжалъ укладывать вещи. Видя это, я спросилъ, что все это значитъ и что это за старикъ, такимъ образомъ распоряжающійся, и мнѣ отвѣтили, что онъ есть шеихъ кочевья Саидъ, ближайшаго отъ монастыря, къ которому принадлежитъ Махсивъ и гдѣ мои бедуины отдыхали, пока я гостилъ здѣсь. Но при этомъ, Мансуръ изъ-подъ-руки шепнулъ моему драгоману, чтобъ я не спорилъ, потому что мы поѣдемъ также скоро, какъ

и прежде, и что новые верблюды принадлежатъ этому самому старику шеиху.

Между тѣмъ навьючиваніе окончилось, я сѣлъ на предложеннаго мнѣ верблюда, въ послѣдній разъ простился съ монахами, провожавшими меня глазами съ вершины стѣнъ и желавшими всѣхъ возможныхъ благъ въ пути, при возвращеніи въ Россію; я бросилъ еще одинъ взглядъ на монастырскія стѣны, отрадный пріютъ въ этой каменистой пустынѣ, гдѣ встрѣтилъ такое теплое, радушное гостепріимство, на садъ, столь привлекательный своею зеленью, и тронулся въ обратный путь, равно трудный, какъ и прежній, а по степени солнечнаго зноя, еще тягостнѣе, потому что теперь солнце стояло еще ближе къ высшей точкѣ своей орбиты. Былъ 3-й часъ по полудни. Вся толпа бедуиновъ отправилась провожать насъ до спуска съ главныхъ вершинъ Синайскихъ, откуда кочевье ихъ было не въ дальномъ разстояніи.

Мои опасенія на счетъ верблюда, бывшаго подо мною, подтвердились очень скоро; этотъ верблюдъ былъ далеко хуже прежняго, да и на сѣдлѣ сидѣть было весьма не ловко. Старикъ шеихъ увѣрялъ, что когда верблюдъ на ходу разомнется, то я не буду даже чувствовать тряски его шага. Я еще разъ его послушалъ, терпѣлъ и продолжалъ ѣхать. Мы проѣхали уади эръ-Раха, у конца ея достигли источника воды, напоили верблюдовъ, напились сами и тронулись далѣе внизъ, по трудному и каменистому ущелью Нукбъ-Хеви. Но здѣсь

тряска моего верблюда и его тяжелые шаги сдѣлались невыносимы, я потерялъ терпѣніе, велѣлъ каравану остановиться и тотъ-же-часъ перемѣнить мнѣ верблюда на прежняго. Старый шеихъ, послѣ этого уже не сталъ оспаривать, а мой Махсивъ въ восторгѣ поспѣшилъ ко мнѣ съ своимъ верблюдомъ. Въ одно мгновеніе переклали на него мои вещи, а тяжести съ другаго, запаснаго верблюда, разложили на прочихъ двухъ. Усѣвшись на верблюдовъ, мы тронулись далѣе, а когда выбрались изъ горъ къ уади Солэифъ, то разстались съ шеихомъ кочевья и со всѣми прочими бедуинами, повернувшими отъ насъ въ-право. Изъ нихъ поѣхалъ съ нами только одинъ молодой бедуинъ верхомъ на верблюдѣ, отправлявшійся въ Каиръ на заработки.

Оставивъ за собою уади Солэифъ, мы скоро повернули въ-лѣво, направились на-прямикъ къ уади Феранъ, а прежнюю дорогу оставили въ-правѣ. Мы ѣхали такъ весь остатокъ этого дня, не имѣя передъ собою ни какой пробитой тропы; но мѣстность была хорошо извѣстна моимъ проводникамъ и опасаться было нечего. Солнце на горизонтѣ оставалось еще не на долго, и мы сами еще не долго продолжали ѣхать; по просьбѣ бедуиновъ, я остановился на ночлегъ въ 9-мъ часу вечера, и слѣдовательно въ этотъ день сдѣлалъ всего только 6 часовъ пути, т. е. менѣе, чѣмъ когда-либо во всю мою поѣздку на Синай.

27 Мая, четвертокъ. Но за то и поднялись мы

на другой день весьма рано: въ 3 часа утра уже тронулись и къ 7 часамъ достигли уади Феранъ.

Проснувшись утромъ, я увидѣлъ, что со мною осталось только два бедуина, а шеиха съ его верблюдомъ не было; кладь, бывшая на этомъ послѣднемъ верблюдѣ, оставлена при мнѣ и была положена на верблюда молодаго бедуина, приставшаго къ нашему каравану. Я спросилъ, гдѣ шеихъ, и мнѣ отвѣтили, что ночью онъ уѣхалъ впередъ, къ женѣ, и насъ догонитъ сегодня или завтра; «а не спрашивалъ у тебя дозволенія, добавилъ Мансуръ съ усмѣшкою, потому что былъ увѣренъ, что ты ему этого не позволишь.»

Прекрасная зелень деревьевъ уади Феранъ привѣтствовала насъ издали; верблюды сами собою увеличили скорость своего шага и шли веселѣе, какъ бы посиѣшая къ чему нибудь пріятному. Скоро мы въѣхали въ чащу деревьевъ, и я узналъ въ нихъ знакомыя мнѣ деревья манны. Густая роща тянулась далеко впередъ по уади и вдоль ея прорѣзывалась наша дорога. Верблюды съ жадностію бросились къ этой зелени, къ самимъ деревьямъ, такъ даже, что вѣтви задѣвали насъ; не останавливаясь ни на одну секунду, они съ жадностію рвали ртомъ и ѣли оконечности вѣтвей этого дерева; безчисленные, мелкіе листы его были покрыты, какъ бы росою, особаго рода влагою пріятнаго, какъ бы нѣсколько солоноватаго вкуса, и это самое увеличивало аппетитъ нашихъ верблюдовъ. Влага, падая на землю

каплями, застываетъ, представляется въ видѣ зеренъ ладана или вишневаго клею (gummi) и есть та самая манна, которую собираютъ, привозятъ къ намъ и употребляютъ въ составъ разныхъ лекарствъ. Въ каждой аптекѣ вы ее найдете, и свойство ея есть слабительное. Къ 9—10 часамъ утра всѣ эти капли осыпаются и листья дѣлаются совершенно сухими. Въ слѣдующей главѣ приведутся ученыя изысканія и свидѣтельства объ этомъ веществѣ и о томъ, та ли самая это манна, которою питались Израильтяне въ пустынѣ; а теперь, чтобъ не прерывать нити нашего разсказа, мы поспѣшимъ обратиться къ продолженію нашего пути.

Скоро показалась зелень въ бо́льшемъ размѣрѣ и разнообразіи; посреди чащи струился богатый ручей чистой воды, а вдоль его въ разныхъ мѣстахъ виднѣлись, между деревьевъ, мазанки бедуиновъ. Деревья неразрывно тянулись по разрѣзу долины, были огорожены каменными невысокими стѣнками, раздѣлены на участки, и между деревьевъ, на чистыхъ мѣстахъ, заведены огороды съ разными овощами. Въ одномъ или двухъ мѣстахъ слышенъ былъ глухой шумъ мельницы, самаго простаго устройства. Зачуявъ чужихъ людей, собаки подняли лай, который повторился во всѣхъ другихъ жильяхъ; довѣряя собакамъ, бедуины во многихъ мѣстахъ повзлѣзали на плоскія крыши домовъ, чтобы взглянуть, кто ѣдетъ, и голыя дѣти, слѣдя за отцами и смотря то на насъ, то на нихъ, какъ бы въ глазахъ послѣднихъ хотѣли прочесть, за кого

считать насъ: за враговъ или просто за проѣзжихъ франковъ.

Въ чащѣ зелени показывались развѣсистые сиккоморы, египетскія акаціи и смоковницы, разныя свойственныя жаркому климату плодовыя деревья и въ томъ числѣ красивыя пальмы, въ особенности придававшія столько прелести этой безподобной долинѣ, этому единственному, въ такомъ размѣрѣ, оазису на всемъ пространствѣ Синайской пустыни. Вода здѣсь была въ полномъ изобиліи и ручей представлялся небольшой рѣчкой; онъ течетъ по особой канавѣ, выкопанной по правому скату горъ, и изъ нея вода, посредствомъ маленькихъ канавокъ, проведена во всѣ огороды. Я сходилъ съ верблюда и углублялся въ самую большую густоту рощи; деревья представляли необыкновенную растительность, производимую только совокупными силами влаги и тропическаго солнца. Здѣсь дерево манны было толще, чѣмъ во всѣхъ другихъ видѣнныхъ мною мѣстахъ; изъ вѣтвей его я здѣсь вырѣзалъ себѣ, на-память, толстую палку. Мелкій кустарникъ, ежевика и гирлянды цвѣтовъ поросли вдоль русла ручья, сдѣлали ему самую густую опушку, повисли надъ нимъ и полощутъ свои вѣтви и листья въ его животворной влагѣ.

Съ боковъ уади поднимаются утесы и горы разной формы и высоты; они сходятся и расходятся, и защищаютъ богатую растительность этой долины отъ вредоносныхъ вѣтровъ. Изъ-за горъ лѣвой (т. е. южной) стороны грозно поднимается величе-

ственная вершина Джебель-Сербаля, бывшая нѣкогда цѣлію странствій поклонниковъ и которую нѣкоторые считали тою святою горою, гдѣ законодатель Израиля получилъ скрижали заповѣдей.

Скаты боковыхъ горъ долины представляютъ мелкую рѣдкую зелень и на нихъ, мѣстами, показывались небольшія стада овецъ и козъ, оберегаемыя, подобно стадамъ Іеѳора, дѣвочками отъ 10 до 12 лѣтъ; изъ нихъ при нѣкоторыхъ были собаки, не пропустившія случая полаять на проѣзжихъ.

Далѣе, растительность бѣднѣетъ, ручей воды замѣтно мелѣетъ болѣе и болѣе и наконецъ совсѣмъ изсякаетъ, будучи разбираемъ на поливку огородовъ. Еще нѣсколько далѣе, и мы проѣхали вблизи развалинъ бывшаго здѣсь монастыря и христіанскаго населенія. Кучи камней и обширность пространства, ими занимаемаго, показываютъ, что существовавшія здѣсь нѣкогда постройки были довольно значительны и занимали не малое мѣсто. Путешественники тѣхъ временъ говорятъ, какъ мы видѣли это и выше, что здѣсь находился богатый монастырь и при немъ до двухъ сотъ домовъ христіанскихъ. Къ этому же времени, безъ сомнѣнія, должно относиться улучшеніе водопроводныхъ канавъ, отъ чего вода съ горъ достигала сюда въ бо́льшомъ количествѣ, устройство канавокъ для поливки огородовъ и разведеніе здѣсь плодовыхъ садовъ. Эдризи, около 1150, и Маркизи, около 1400 г. по Р. Х., говорятъ о Фаранѣ, какъ о городѣ.

По мнѣнію Робинзона, очень вѣроятно, что это тотъ самый Фаранъ, или Паранъ, о которомъ упоминаютъ Птоломей, Евсевій и Жеромъ; но долина Фаранъ, о которой упоминается у Іосифа Флавія, есть совершенно другое мѣсто, гдѣ-либо по близости Мертваго моря, и очень можетъ быть, что оно сопредѣльно горамъ и пустынѣ Паранъ, столь часто упоминаемымъ въ Ветхомъ Завѣтѣ и находившимся по-близости отъ Кадеша.

Христіанское населеніе Ферана было расположено на нѣкоторомъ возвышеніи южной стороны уади. На прилагаемомъ здѣсь рисункѣ, заимствованномъ у Лаборда, замѣтно и это населеніе; но не знаю, почему оно изображено на немъ, какъ бы по нынѣ существующее, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно представляетъ однѣ развалины. Видъ этотъ взятъ не съ восточной стороны, отъ куда я ѣхалъ, а съ западной, куда я выѣхалъ и гдѣ растительность становится рѣже и бѣднѣе.

Не въ дальнемъ разстояніи отъ этихъ развалинъ, зелень болѣе и болѣе уменьшается, потомъ ея совсѣмъ нѣтъ и снова начинается безплодный типъ каменисто-песчаной пустыни, въ особенности напоминаемый палящимъ зноемъ аравійскаго солнца. Былъ ровно полдень; бедуины замѣтили мнѣ, что пора кормить верблюдовъ, и мы остановились на отдыхъ. Уади представилась здѣсь довольно широкою, ея боковыя горы были отлоги, ни гдѣ вокругъ не было видно ни малѣйшей тѣни отъ солнца, и мы должны были расположиться на откры-

Ч. II. стр. 36.

УАДИ-ФЕРАНЪ

(къ Поѣздкѣ на Синай Уманца)

томъ мѣстѣ, предоставивъ себя вертикальнымъ лучамъ раскаленнаго свѣтила жечь, сколько ему было угодно. Я вспомнилъ о палаткѣ и приказалъ разбить ее; но подъ нею удушливость жара была еще нестерпимѣе; внѣ палатки было нѣкоторое движеніе въ воздухѣ, которое, казалось, нѣсколько охлаждало, но въ самой сущности оно еще болѣе обжигало кожу. Я хотѣлъ было обмануть себя и уснуть, помѣстивъ голову въ небольшую тѣнь палатки; но жаръ и духота не дали мнѣ успѣть, и сонъ бѣжалъ далеко отъ глазъ моихъ. Доставая платокъ изъ кармана, я нѣсколько разъ обжигалъ себѣ руку о мелкія мѣдныя монеты, бывшія у меня въ карманѣ, и кончилось тѣмъ, что я выбросилъ ихъ вонъ оттуда. Хотя обѣденная пора уже и наступила, но у меня не было ни малѣйшаго аппетита и я только лилъ въ себя воду цѣлыми бутылками; однако вода, будучи совершенно теплая, почти во все не утоляла моей жажды; она тотчасъ испарялась черезъ поры тѣла, и я пропотѣлъ насквозь платья, а бывшая у меня въ боковомъ карманѣ писчая бумага для моихъ путевыхъ замѣтокъ совершенно измокла. Когда остановишься на мѣстѣ въ подобномъ положеніи, то еще болѣе страдаешь отъ этого удушливаго зноя, и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ минуты отъѣзда. Сколько мнѣ помнится, еще ни одного раза, въ продолженіе всей поѣздки моей на Синай, полуденный отдыхъ не былъ для меня такъ тягостенъ, какъ сегодняшній, и я считалъ его каждое мгновеніе. Матвѣй страдалъ не

менѣе моего и также отказался отъ всякой ѣды; но бедуины, какъ бы ни чего не бывало, обыкновеннымъ порядкомъ принялись за приготовленіе своего обѣда и съѣли его, какъ бы этого удушливаго жара вовсе не было. Но едва лишь они его кончили, а верблюды съѣли свои бобы, я поторопилъ тронуться съ мѣста, и мы поднялись. Сидя на верблюдѣ, который съ каждымъ шагомъ приближаетъ тебя къ цѣли пути, считаешь себя какъ бы занятымъ дѣломъ, какъ бы работаешь вмѣстѣ съ нимъ, а при занятіи, менѣе думаешь о страданіяхъ отъ этого палящаго зноя. Иногда же и совсѣмъ забываешь объ нихъ, хотя къ-сожалѣнію весьма не на долго; но сегодня, я не могъ успѣть и въ этомъ, потому что нашъ путь шелъ постоянно на западъ, и солнце, склоняясь къ закату, съ упорствомъ заглядывало намъ въ глаза и, до послѣдняго склона за горы, безъ пощады жгло насъ своими раскаленными лучами, а всю окрестную мѣстность покрывало ярко-золотымъ освѣщеніемъ, для глазъ едва выносимымъ. День этотъ казался мнѣ безконечнымъ, и я не могъ не обрадоваться, когда солнце наконецъ совсѣмъ скрылось за горы.

Еще до заката солнца мы достигли того мѣста, гдѣ уади Феранъ поворачиваетъ подъ прямымъ угломъ въ-лѣво, по прямому направленію къ морю. Здѣсь мы оставили эту уади и взяли на ея правое боковое возвышеніе. Продолженіе каменныхъ скалъ незначительной высоты отдѣляютъ ее отъ уади Мокаттебъ, куда лежалъ нашъ путь.

Здѣсь пробрались мы чрезъ нѣсколько ущелій промежду скалъ и горъ; но я такъ былъ утомленъ зноемъ этого дня, что не припомню ни ихъ названій, ни ихъ отличительныхъ картинъ и мѣстоположеній. Помню только, что удушливость жара здѣсь еще болѣе усиливалась, по причинѣ отраженія лучей солнца отъ бѣлыхъ каменистыхъ боковъ ущелій.

Скоро мы спустились въ уади Мокаттебъ, замѣчательную своими Синайскими надписями. Въ переводѣ съ арабскаго, имя ея значитъ «исписанная долина». Мои Бедуины называли ее Мкетабъ. Дно долины каменистое, песчаное, а мѣстами состоитъ изъ цѣльнаго пласта скалы, въ которомъ бурные потоки прорѣзали свои слѣды. Горы съ боковъ шли довольно круто, а мѣстами почти отвѣсно; скалы вокругъ и отдѣльные во многихъ мѣстахъ камни представляютъ какъ бы нарочно выглаженныя плоскости для надписей, которыя цѣлыми тысячами являются со всѣхъ сторонъ и въ особенности въ двухъ мѣстахъ, а часто онѣ видны и на высотахъ, почти недосягаемыхъ; мимо многихъ мы проѣхали весьма близко, и бедуины, указывая на нихъ, говорили, что онѣ сдѣланы духами, нѣкогда жившими въ этихъ горахъ. Многія надписи сопровождались крестами особой формы и изображеніями, въ самомъ грубомъ видѣ, людей и разныхъ животныхъ — лошадей, верблюдовъ и проч.

Долина во многихъ мѣстахъ расширяется, въ

другихъ съуживается; здѣсь промежду камней, а тамъ по разрѣзу долины, зеленѣютъ деревцы манны и акаціи; здѣсь боковыя горы выше и отложе, тамъ утесистѣй и выставляютъ свои голыя скалы; во многихъ мѣстахъ, огромные разметанные въ разныя стороны камни и зелень деревьевъ представляютъ типъ какой-то особенной жизни: кажется, будто здѣсь кто-то живетъ. Все это вмѣстѣ, а также безчисленныя таинственныя начертанія на невѣдомомъ языкѣ даютъ долинѣ особенно живописный видъ, глубоко врѣзывающійся въ память, какъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ мѣстъ Синайской пустыни. Видъ этой уади, заимствованный у Лаборда, при семъ прилагается.

Бывшій здѣсь въ 1722 г. Францисканскій игуменъ съ удивленіемъ разсказываетъ объ этихъ надписяхъ. «Какъ только мы оставили горы Ферана, говоритъ онъ, мы ѣхали въ продолженіе цѣлаго часа вдоль другихъ горъ, покрытыхъ надписями на неизвѣстномъ языкѣ, вырѣзанными на твердыхъ скалахъ мрамора, на высотѣ, отъ десяти до двѣнадцати футовъ отъ поверхности земли; и хотя въ числѣ насъ были знающіе языки: арабскій, греческій, еврейскій, сирійскій, коптскій, латинскій, армянскій, турецкій, англійскій, иллирійскій, нѣмецкій и богемскій, но никто не былъ въ состояніи, хотя сколько нибудь, разобрать эти надписи, вырѣзанныя съ большимъ трудомъ и въ такой странѣ, гдѣ нѣтъ ни воды, ни пищи. И потому, добавляетъ онъ, очень вѣроятно, что эти надписи за-

УАДИ — МОКАТТЕБЪ

(къ Поѣздкѣ на Синай Уманца)

ключаютъ въ себѣ какую нибудь глубокую тайну, которая, еще за долго до рожденія Іисуса Христа, начертана на этихъ скалахъ Халдеями или какимъ-либо другимъ народомъ.»

О содержаніи надписей и времени ихъ начертанія, читатели мои прочли въ предшествующей главѣ. Что же относится до свойства скалъ, на которыхъ онѣ вырѣзаны, то я очень помню, что былъ это вовсе не мраморъ и даже не гранитъ, который впрочемъ мѣстами и попадается; Лабордъ же говоритъ, что скалы эти мягкаго слоеваго свойства.

Ѣхали мы до глубокой ночи. Полумракъ вечера еще болѣе придавалъ красоты и таинственности этой долинѣ, по своимъ начертаніямъ долго представлявшейся загадкою для всего міра; очень можетъ быть, что даже и теперь она очень мало разгадана и, кто знаетъ? — можетъ быть, явится другой Беръ и прочтетъ эти надписи со всѣмъ иначе, чѣмъ нашъ лейпцигскій профессоръ.

Одно мѣсто въ уади было въ особенности живописно, и мнѣ сказали, что оно называется Сидери (грудь). Часто Мансуръ напоминалъ мнѣ, что пора остановиться на ночлегъ; но я старался проѣхать болѣе пространства въ этотъ день и подвигалъ караванъ свой впередъ. Наконецъ, часу въ 11-мъ мы остановились на открытомъ мѣстѣ, посреди уади Мокаттебъ, у сухаго русла весенняго потока. Чрезъ пять минутъ я уже спалъ глубокимъ сномъ; въ пути же былъ въ этотъ день 16 часовъ.

XXIII.

О манне Ветхаго Завета и той, какую нынe собирают. Третій день пути. Уади Шеллал. Красное море. Возвращеніе на прежній путь. Четвертый и пятый день пути. Колодцы Моисея.

Почти во всѣхъ уади Синайской пустыни попадается родъ деревьевъ, дающихъ вещество, извѣстное подъ именемъ манны. Но ни гдѣ ихъ въ такомъ количствѣ и въ такой богатой растительности нѣтъ, какъ въ уади Феранъ.

Извѣстный путешественникъ Эренгардъ называетъ это дерево Tamarix Gallicca mannifera. По его изслѣдованіямъ, влага на немъ, въ видѣ свѣтящихся капель, выходитъ вовсе не изъ листьевъ, какъ представляется съ перваго раза, а изъ вѣтвей и новыхъ побѣговъ, отъ укушеній особаго насѣкомаго изъ рода червеца, названнаго этимъ натуралистомъ Coccus manniparus. Падающія на землю капли смѣ-

шиваются съ пескомъ, и потому, желающіе собирать ихъ, подстилаютъ подъ вѣтви простыни и встряхиваютъ дерево. Онѣ вкуса сладковатаго и таютъ, когда выставишъ ихъ на солнце или на огонь. Подобное вещество, по словамъ Буркгардта и другихъ путешественниковъ, находится и на нѣкоторыхъ другихъ деревьяхъ въ разныхъ странахъ Востока.

Говоря о маннѣ Ветхаго Завѣта, Іосифъ Флавій добавляетъ, что она и до сихъ поръ находится на Синаѣ. Весьма многіе, подобно ему, думали, что описанныя нами капли древеснаго сока суть та самая манна, которою Израильтяне питались въ пустынѣ. Для разъясненія этого обстоятельства, обратимся къ свидѣтельствамъ объ немъ въ Св. Писанія. Въ книгѣ Исхода (гл. XVI) объ этой маннѣ сказано: «Заутра же бысть спадшей росѣ около «полка, и се на лицѣ пустыни мелко, яко коріандръ «(сѣмя) бѣло, аки ледъ на земли (*)». Если кто собиралъ манны болѣе, чѣмъ ему нужно было, и оставлялъ до утра, то являлись въ ней черви и она начинала издавать непріятный запахъ; но въ шестой день брали ее двойную пропорцію: и для слѣдующаго священнаго дня, — и манна не портилась. Хотя же нѣкоторые и выходили въ этотъ

(*) Въ Библіи новаго перевода на французскій языкъ, съ еврейскимъ текстомъ, профессора Израильскаго Училища въ Парижѣ, г. Кагена 1832 года, п. 14 переведенъ такъ: Cette couche de rosée s'étant dissipée, il y eut sur la surface du désert quelque chose de menu, de graneux, menu comme la gelée blanche sur la terre.

день для сбора манны, но ея не находили. «И «прозваша сынове Израилевы имя тому Манна; «бяше же, яко сѣмя коріандрово, бѣло; вкусъ же «его, аки мука съ медомъ (*).» Израильтяне питались этой манной сорокъ лѣтъ, до прибытія ихъ къ границамъ земли Ханаанской. Въ книгѣ Числъ (гл. XI) повторяется объ этомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Манна же бяше, аки сѣмя коріан-«дрово, и видъ ея, аки видъ кристалла. И исхождаху «людіе, и собираху, и меляху въ жерновахъ, и «толцаху въ ступахъ, и варяху въ горшкахъ, и «вторяху изъ нея потребники: и бяше вкусъ ея, яко «вкусъ муки пряжены съ елеемъ (**). И егда схож-«даше роса на полкъ нощію, схождаше манна «нань».

Сообразивъ такое свидѣтельство Пророка Моисея о маннѣ и сравнивъ его съ сокомъ Tamarix Gallica mannifera, очень понятно, что они ни какъ не могутъ быть однимъ и тѣмъ же веществомъ, не говоря уже о двухъ милліонахъ народа, для прокормленія котораго количество этого сока было бы то же самое, что капля въ морѣ.

28 Мая, пятница. Еще при полумракѣ утра мы проѣхали остатокъ уади Мокаттебъ. Далѣе идетъ какая-то другая уади, а за нею скоро мы достигли

(*) Въ переводѣ Кагена о вкусѣ сказано: et son goût ressemblait à (celui) de beignets au miel.

(**) У Кагена сказано: et en faisant les gâteaux; le goût en était comme un goût de tartine à l'huile.

уади Шеллалъ. Она очень узка и съ боковъ ея поднимаются утесистыя горы и скалы. Въ дождливую эпоху, вода стекаетъ по ней, направляясь къ морю, и стремится съ быстротою и силою необъятною; слѣды этого потока повсюду видны.

Солнце было уже на горизонтѣ. Недолго мы слѣдовали по этой уади и часу въ 8-мъ выѣхали совсѣмъ изъ горъ. Передъ нами разстилалась широкая песчаная равнина, сѣверная часть библейской пустыни Синъ, а за нею рѣзко обрисовывалась сине-голубая яркая полоса Краснаго моря. На той сторонѣ этой полосы тянулись горы Африки.

Новость картины всѣхъ насъ оживила и я съ особеннымъ удовольствіемъ, непомраченнымъ еще полуденнымъ зноемъ солнца, смотрѣлъ на нее и не могъ довольно насмотрѣться.

Здѣсь мои бедуины и вмѣстѣ съ ними Матвѣй, взяли въ–право, вдоль подошвы горъ по пробитому пути, шедшему дугою къ оконечности мыса, носящаго имя Расъ–Зелима; я же направился по прямому пути къ этому мысу и потомъ повернулъ прямо къ морю. Я долженъ былъ пробираться чрезъ кусты сухаго бурьяна и колючей травы, разсыпанныхъ вездѣ по этой части пустыни, сколько глазъ могъ охватить. Кругомъ на пескѣ, промежду кустовъ, видны были слѣды ящерицъ, змѣй, газелей и даже волка: доказательство, что эта часть пустыни довольно оживлена. Достигши моря, я слѣзъ съ верблюда и пустилъ его впередъ, а самъ пошелъ вдоль воды и сталъ собирать раковины,

которыми усѣянъ весь берегъ и изъ которыхъ многія были довольно рѣдкія; а когда достигъ мѣста противъ оконечности мыса, то пріостановился и присѣлъ, поджидая бедуиновъ и Матвѣя; верблюдъ же мой, видя, что хозяинъ его присѣлъ, самъ пріостановился и началъ щипать сухой бурьянъ. Погода была тихая, море едва колыхалось, вода чистая, свѣтлая, и я, пользуясь этимъ прекраснымъ временемъ, выкупался въ морѣ; купанье меня весьма освѣжило. Неся въ рукѣ большой узелъ морскихъ раковинъ, я повернулъ къ горамъ, гдѣ пролегалъ путь нашъ. Скоро показался мой караванъ, заходившій, какъ я послѣ узналъ, въ какое-то ущелье къ извѣстному бедуинамъ источнику, напоить верблюдовъ и налить мѣшки свѣжею водою. Когда мы сошлись, я сѣлъ на верблюда. Еще не долго слѣдовали мы въ виду моря и должны были снова повернуть въ горы, по уади Таибэ, съ которою читатели мои уже нѣсколько знакомы (въ гл. VII). Въ виду моря мы ѣхали всего четыре часа.

Когда мы въѣхали въ уади Таибэ, въ воздухѣ не было ни малѣйшаго движенія; солнце достигло полу-дня и палящій жаръ началъ жечь насъ по-вчерашнему. На короткое время мы пріостановились для дневнаго отдыха; хотя, къ счастію, на этотъ разъ мы и нашли тѣнь подъ скалою, но сколько я ни старался, не могъ уснуть, ни на одну минуту. Изъ этой уади мы выѣхали на мѣсто раздѣленія путей къ Синаю. Здѣсь путь нашъ нѣ-

сколько оживился встрѣчею каравана, направлявшагося въ Торъ.

Оставивъ въ-правѣ уади Гомръ, мы проѣхали уади Шебеюкэ, потомъ уади Тâли, а къ вечеру достигли уади Усеитъ и въ ней того колодца, гдѣ встрѣтились съ кавасомъ Шерифа-паши, ѣздившимъ курьеромъ въ Джедду. Теперь же мы нашли здѣсь нашего шеиха Хâйдери, уѣхавшаго впередъ еще въ первую ночь, по выѣздѣ изъ монастыря; послѣ же двухъ-дневнаго его отсутствія, я былъ увѣренъ, что онъ ко мнѣ уже болѣе не воротится.

Зной этого дня былъ едва выносимый и равенъ вчерашнему. Верблюдъ мой не пилъ уже третій день, со времени отъѣзда изъ монастыря, и когда одинъ изъ бедуиновъ, нацѣдивъ воды изъ мѣшка въ чашку, подносилъ ее къ своему рту, то онъ съ быстротою молніи протягивалъ голову свою туда же, къ чашкѣ, и губами касался щеки бедуина; длинная шея позволяла ему дѣлать эту продѣлку на-ходу и ни сколько не уменьшая обыкновенной скорости шага. Но за то, мы напоили его вдоволь остатками мутно-горькой воды въ колодцѣ уади Усеитъ, недопитыми встрѣтившимся намъ караваномъ.

Тотчасъ послѣ этого, мы отправились далѣе; солнце уже скрылось и настала прохлада вечера, а часамъ къ 9-ти показалась луна и освѣтила всю окрестность. Скоро мы выбрались совсѣмъ изъ горъ, миновали уади Карандель и далѣе ѣхали по песчаной необозримой равнинѣ, посеребренной луннымъ свѣтомъ. Глазамъ моимъ, отягченнымъ и

дневнымъ жаромъ, и недостаточнымъ сномъ предшествовавшей ночи, все вокругъ представлялось въ какомъ-то волшебномъ, истинно-живописномъ видѣ; камни и песчаныя возвышенія при этомъ свѣтѣ казались военными ведетами, крѣпостцами съ рвами и валами; тамъ, длинная песчаная насыпь являлась длинною однообразною казармою, а здѣсь, кажется, будто стоятъ домы, цѣлыя улицы, цѣлая деревня.

На ночлегъ мы остановились на открытомъ мѣстѣ, у двухъ уединенныхъ пальмовыхъ кустовъ, полузасыпанныхъ пескомъ пустыни, и этотъ песокъ служилъ мнѣ самою лучшею, мягкою постелью. Сегодня мы сдѣлали 16 часовъ пути.

29 Мая, Суббота. Я спалъ эту ночь непробуднымъ сномъ, съ трудомъ поднялся предъ восходомъ солнца и едва превозмогъ себя, чтобы встать для продолженія пути. Бедуины не меньше моего чувствовали усталость и не довольно возобновили силы свои сномъ и ночнымъ отдыхомъ. Но, не взирая на всю эту усталость, мы тронулись въ путь своимъ порядкомъ.

Часа черезъ четыре поднялся сильный вѣтеръ и дулъ намъ прямо въ лице; къ полудню онъ сдѣлался горячимъ и былъ такимъ почти до заката солнца. Мои бедуины, послѣ двухъ крайне-знойныхъ дней и совершенной тишины въ воздухѣ, ожидали этого вѣтра и боялись хамсина. Читатели мои, конечно, читали объ этомъ вѣтрѣ пустыни, оставляющемъ за собою иногда самыя гибельные слѣды.

Онъ дуетъ весною, и періодъ его начинается вскорѣ послѣ весенняго полнолунія, именно въ понедѣльникъ на Святой недѣлѣ. Въ переводѣ съ арабскаго, *хамсинъ* значитъ пятьдесятъ. Онъ названъ такъ по числу дней, въ теченіе которыхъ періодически и въ нѣсколько пріемовъ дуетъ, отъ одного до трехъ дней каждый разъ. Къ счастію, пріемы его не продолжаются долѣе этого времени, иначе никакая бы жизнь не могла противустоять его жгучей, разрушительной силѣ. Случается, что въ теченіе пятидесяти дней онъ дуетъ, два, пять, десять разъ, и едва ли бываетъ, чтобы дулъ по прошествіи этого срока.

Хотя пора его еще не прошла и я рисковалъ ему подвергнуться, однако, къ моему счастію, его въ этотъ разъ не было, и я отдѣлался только сильнымъ, горячимъ вѣтромъ. Но я уже былъ знакомъ съ нимъ и двукратно испыталъ его передъ тѣмъ на Даміэтскомъ рукавѣ Нила у города Миткаммара. Продолжать плыть въ лодкѣ не было никакой возможности: лодку нашу колыхало ужаснымъ образомъ и хотя мы срубили мачты, но вѣтръ грозилъ всякую минуту ее опрокинуть. Мы должны были три дня оставаться почти на одномъ мѣстѣ въ нашей утлой лодкѣ, привязавъ ее тремя канатами къ берегу, испытывая почти невыносимую палящую духоту и дыша воздухомъ, наполненнымъ густымъ туманомъ мельчайшихъ атомовъ песку и пыли.

Путешественники говорятъ также о миражѣ, который они видѣли въ этихъ песчаныхъ степяхъ.

Этого явленія при мнѣ здѣсь не было; но я видѣлъ его предъ тѣмъ мѣсяцевъ за пять, также на берегу Нила, въ Верхнемъ Египтѣ, не далеко отъ Ѳивъ. Явленіе, представляющіеся въ миражѣ глазамъ зрителя, истинно удивительно; вы видете передъ собою озеро, цѣлое море, съ островами, съ растеніями; окружающіе предметы, какъ въ зеркалѣ, отражаются въ его водахъ; вы видите прозрачность этихъ свѣтлыхъ, тихихъ водъ; протираешъ глаза и не вѣришъ, чтобъ это былъ оптическій обманъ, а не самая дѣйствительностъ. Явленіе это подробно описалъ Монжъ, знаменитый основатель парижской Политехнической школы, наблюдавшій его въ Египтѣ и на Суесской долинѣ. Извлеченіе изъ его диссертаціи, сдѣлавшейся библіографическою рѣдкостію и гдѣ изложены оптическіе законы этого явленія, желающіе могутъ прочесть въ приложеніяхъ къ «Воспоминаніямъ слѣпаго», Араго.

Вѣтеръ, столько насъ безпокоившій, продолжался до самаго вечера и дулъ постоянно на встрѣчу, прямо въ лице; между тѣмъ солнце жгло насъ сзади не менѣе, какъ и въ предшествовавшіе два дня. Для защиты отъ него, я попробовалъ развернуть зонтикъ, но его тотчасъ вырвало у меня изъ рукъ силою вѣтра и покатило колесомъ съ необыкновенною быстротою. Одинъ изъ моихъ бедуиновъ бросился за нимъ въ догонку и хотя я кричалъ ему воротиться, но онъ ничего не слыхалъ, продолжалъ бѣжать и наконецъ догналъ его, пробѣжавши не менѣе версты; но и то догналъ пото-

му только, что нѣкоторыя изъ тростей сломались и зонтикъ потерялъ свой прежній правильный бѣгъ.

Въ пустынѣ мы обогнали двухъ женщинъ арабокъ, на верблюдахъ, въ сопровожденіи трехъ бедуиновъ. Одна изъ нихъ была, судя по одеждѣ, госпожа, другая невольница. Мои бедуины поздоровались со всѣми и обмѣнялись нѣсколькими словами. Потомъ, у дороги, мы видѣли три отдыхавшіе каравана; люди, завернувъ головы въ бурнусы, лежали неподвижно у сложенныхъ тяжестей, а верблюды паслись вдалекѣ, въ-разсыпную.

Далѣе, по сторонамъ, виднѣлись рѣдкіе кусты колючаго бурьяна и мелкой сухой травы; но случалось проѣзжать часа по три и по четыре, и не видѣть ни одного кустика. Атмосфера, по случаю вѣтра, была довольно непрозрачна и только къ полудню показались намъ горы по ту сторону моря, близъ Суеса, тѣ самыя горы, которыя я видѣлъ еще вчера утромъ, когда выѣхалъ изъ горныхъ ущелій къ морю.

Въ полдень мы остановились на отдыхъ, въ голой степи. Палатку нельзя было разбить — вѣтеръ срывалъ ее, и нужно было предоставить себя всему зною палящаго солнца. Отъ жара и духоты въ воздухѣ, не смотря на вѣтеръ, который былъ также раскаленъ и жарокъ, всѣ мы страдали, а бедуины съ часу на часъ ожидали хамсина; они не готовили себѣ пищи, потому что, по причинѣ вѣтра, огня невозможно было развести; они съѣли только

нѣсколько кусковъ галетъ, которыя я имъ высыпалъ изъ мѣшка, и какъ только верблюды окончили свою порцію бобовъ, поспѣшили ихъ навьючить, и мы тронулись далѣе.

Жажда томила всѣхъ насъ; вчерашняя вода въ моихъ мѣшкахъ была не хороша и начала портиться, а въ мѣшкѣ бедуинскомъ совсѣмъ вышла. Къ счастію, свѣжая вода была недалеко, и мы подвигались къ колодцамъ Моисея. Верстъ за пять до нихъ, Мансуръ хотѣлъ поѣхать впередъ, чтобы поскорѣе утолить снѣдавшую его жажду, и пустилъ своего верблюда во всю рысь; но верблюдъ, пробѣжавши съ полъ-версты, разомъ опустился на брюхо и хотя потомъ поднялся, но ни какъ нельзя было заставить его уйти далеко впередъ отъ нашего каравана. Между тѣмъ, при закатѣ солнца, наконецъ достигли мы этой вожделенной, хотя солоноватой воды. Мы пробыли здѣсь около часа времени, отдохнули, освѣжились и потомъ отправились далѣе.

Ровно въ 11 часовъ ночи мы доѣхали до Суесскаго рукава и расположились на ночлегъ у самой воды, противъ города. Приливъ былъ тогда въ наибольшей своей полнотѣ, и намъ нечего было опасаться, чтобы, во время сна нашего, вода насъ залила. Въ этотъ день нами сдѣлано около 15 часовъ пути.

XXIV.

Суесъ. Шестой и седьмой день пути. Возвращеніе въ Каиръ.

30 Мая, воскресенье. Я спалъ до 5 часовъ и когда проснулся, чувствовалъ, что очень хорошо отдохнулъ и что силы мои возобновились, чему въ особенности благопріятствовала ночная прохлада воздуха у морскаго берега. Рыболовы замѣтили насъ съ противуположной стороны и явились съ предложеніемъ услугъ своихъ, перевезти меня и мой багажъ на Суесскую сторону. Верблюдовъ же моихъ еще до разсвѣта, какъ только отливъ достигъ низшаго горизонта, бедуины увели на бродъ. Но въ то время, какъ я приступилъ къ переѣзду, вода уже начала снова прибывать.

Вышедъ на берегъ, я отправился къ моему знакомцу Костѣ. Онъ очень радъ былъ встрѣтить меня

невредимымъ и здоровымъ. Часа два или три я пробылъ у него, и онъ не замедлилъ въ это время показать мнѣ знанія свои въ событіяхъ царствованія Императрицы Екатерины и въ особенности Петра Великаго; съ послѣднимъ онъ знакомъ изъ исторіи его, переведенной, по приказанію Мегемета-Али, съ французскаго на турецкій языкъ, и экземпляръ которой потомъ я купилъ для себя въ Каирѣ, въ тамошней казенной книжной лавкѣ. Изъясняя свое давнишнее дружественное расположеніе къ Россіи и вообще ко всѣмъ русскимъ, хозяинъ мой кончилъ тѣмъ, что изъявилъ свое ревностное желаніе быть въ Суесѣ русскимъ вице-консуломъ, и что хотя этой должности здѣсь еще и нѣтъ, но очень было бы полезно ее учредить; все это онъ просилъ меня передать нашему генеральному консулу въ Египтѣ, что́ мною и было сдѣлано.

Еще въ проѣздъ мой на Синай я просилъ его послать мальчишекъ къ морю набрать для меня здѣшнихъ морскихъ раковинъ. Теперь онъ представилъ мнѣ цѣлую корзину этихъ раковинъ и всѣ онѣ вмѣстѣ стоили одинъ только талеръ.

У воротъ, на улицѣ, доѣдалъ утреннюю дачу бобовъ красивый бѣлый верблюдъ, принадлежавшій моему хозяину; онъ считался однимъ изъ быстрѣйшихъ дромадеровъ въ Суесѣ и во всей окрестности. По словамъ бедуинскаго сѣдовласаго шеиха, пришедшаго отъ скуки побесѣдовать съ нами, на немъ можно доѣхать отъ Суеса до Каира въ 8 часовъ времени. Шеихъ этотъ между прочимъ добавилъ,

что однажды, въ числѣ свиты, онъ сопровождалъ на этомъ разстояніи Мегемета-Али, который ѣхалъ еще не совсѣмъ скоро и достигъ Каира въ 11 часовъ времени; подъ многими сопровождавшими его придворными, дромадеры отстали, а подъ пашею дромадеръ даже не утомился. Я замѣтилъ шеиху, что, по словамъ нѣкоторыхъ путешественниковъ, паша проѣхалъ это разстояніе верхомъ, на перемѣнныхъ лошадяхъ, въ 13 часовъ; но шеихъ отозвался, что было это въ другой разъ.

Въ 9 часовъ утра я простился съ Костою и выѣхалъ изъ Суеса. Чрезъ одинъ часъ достигъ водопоя у хана-шеиха; чрезъ четыре, поровнялся съ крѣпостцею Ажрудъ. Показались прежніе телеграфы и станція англійской компаніи. День былъ жарокъ не менѣе предшествовавшихъ дней; вѣтеръ хотя также дулъ, но съ меньшею противъ вчерашняго силою и при томъ не на встрѣчу, а въ бокъ. Со времени нашего выѣзда изъ Суеса, нашъ караванъ началъ увеличиваться; въ самомъ городѣ пристали къ намъ два араба на верблюдахъ, потомъ еще столько же, и теперь было насъ всего восемь человѣкъ. Послѣ шести часовъ ѣзды, мы остановились на отдыхъ въ открытой степи; но отдыхали недолго, отправились далѣе и ночевали у третьей англійской станціи. Сколько часовъ въ этотъ день мы были въ пути, я не замѣтилъ.

31 Маія, понедѣльникъ. Мы поднялись въ 4 часа утра. Въ 10 часовъ догналъ насъ на дромадерѣ съ проводникомъ одинъ европеецъ, въ соломенной ма-

трозской шляпѣ. Изъ разговоровъ съ нимъ узналъ я, что онъ шкиперъ одного англійскаго купеческаго судна, привезшаго въ Суесъ грузъ изъ Бомбая; пока судно будетъ выгружаться, онъ поспѣшитъ быть въ Каирѣ, чтобы поискать тамъ груза, для слѣдующаго рейса. Далѣе мы ѣхали вмѣстѣ.

На шестой станціи, я обратился къ своему суесскому запасу воды; но нашелъ, что онъ уже довольно испортился. Спутникъ мой предложилъ мнѣ свою воду, которую везъ въ маленькомъ боченкѣ и которая, по его словамъ, на суднѣ его взята изъ запаса, сдѣланнаго, много мѣсяцевъ предъ тѣмъ, еще въ Лондонѣ. Вода была чиста, очень хороша на вкусъ, хотя и очень тепла. Такимъ образомъ пришлось мнѣ пить воду изъ Темзы въ песчанныхъ степяхъ Суесскихъ. Но кромѣ этого, была мнѣ здѣсь и другая, подобная же неожиданная встрѣча: у станціи отдыхалъ караванъ съ разными таварами, въ томъ числѣ было много желѣзныхъ полосъ съ русскимъ клеймомъ, завода Демидовыхъ. Этотъ караванъ имѣлъ назначеніе въ Мекку и товары были куплены въ Каирѣ, по заказу мекскаго шерифа.

Еще въ горахъ, Мансуръ приглашалъ меня къ себѣ въ гости, въ свое кочевье, расположенное недалеко отъ Каира и въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды въ сторону отъ суесской дороги, близъ арабскихъ деревень Канки и Абузабеля, на краю пустыни; потомъ нѣсколько разъ онъ мнѣ повторялъ это. Я далъ ему слово и на седьмой станціи онъ напомнилъ, что если мнѣ угодно исполнить свое обѣща-

ніе, то пора поворачивать. Я простился здѣсь съ своимъ спутникомъ и своимъ, слѣдовавшимъ прямо въ Каиръ, караваномъ, и вмѣстѣ съ Мансуромъ повернулъ въ-право подъ прямымъ угломъ, по направленію къ Нилу. Чтобы скорѣе доѣхать, мы погнали верблюдовъ полною рысью; скоро перевалились черезъ песчаныя возвышенности и здѣсь показались намъ вдали при-нильскія рощи и безконечныя пашни. Зелень и близость текучей, въ полномъ изобиліи воды, радовали душу. Дромадеры, видя ее недалеко, сами прибавили своей рыси и намъ уже не было надобности подгонять ихъ. По песчаному склону мы направлялись къ ближайшей пашнѣ и чрезъ часъ ея достигли. Здѣсь работалъ одинъ феллагъ и поливалъ пашню посредствомъ канавокъ, черпая воду изъ вырытаго въ землю колодца, глубиною аршина четыре, куда она подземными путями достигала изъ Нила. Трудно описать то удовольствіе, которое чувствуешъ, при видѣ богатой зелени и неизъсякаемой воды послѣ тяжелаго и труднаго пути по безводной и безплодной пустынѣ. Хотя вода изъ колодцевъ считается въ Египтѣ худшею, чѣмъ въ рѣкѣ, но я и Мансуръ мой не смотря на то пили ее здѣсь съ необыкновенною жадностію; но когда я напомнилъ ему, что не худо бы и верблюдовъ напоить, то онъ отозвался, что они могутъ и подождать часокъ-другой, тѣмъ болѣе, что до вечера не далеко и намъ нужно поспѣшить въ кочевье.

Подъѣзжая къ жилью, Мансуръ узналъ, что ко-

чевье его расположилось теперь за деревнею Абузабелемъ, и мы направились туда, по общей проѣзжей дорогѣ, мимо рощей, садовъ и прудовъ, огородовъ и пашень. Зелень была сплошная и едва уступала мѣсто для мазанокъ феллаговъ. Стада овецъ, коровъ и буйволовъ возвращались на ночлегъ въ деревни своихъ хозяевъ, ослы оглушали воздухъ своимъ пронзительнымъ и непріятнымъ для слуха крикомъ; феллаги въ рубищахъ, ихъ жены и дѣти, поспѣшали домой и, разговаривая между собою во все горло, имѣли видъ, будто спорятъ и бранятся. Все же вмѣстѣ представлялось глазамъ моимъ, послѣ глубокаго уединенія въ пустынѣ, какимъ-то нестройнымъ, шумнымъ базаромъ. Проѣзжая деревню Абузабель, Мансуръ безпрестанно встрѣчалъ знакомыхъ, и привѣтствіямъ его не было конца. Напослѣдокъ за деревнею съ версту, у густой рощи высокихъ сиккоморовъ, достигли мы его кочевья; всѣ бедуины, старъ и младъ, высыпали вонъ изъ палатокъ, окружили насъ и пошли рукожатія Мансура съ своими друзьями и знакомыми. Къ шеиху кочевья, Мансуръ относился съ замѣтнымъ уваженіемъ и тотъ болѣе всѣхъ оставался съ нимъ. Мы вошли въ палатку Мансура и здѣсь нашли одну женщину; она одна только не вышла на встрѣчу его, какъ бы не дерзая раздѣлить общей смѣлости и подойти къ новоприбывшему знакомцу. Эта женщина была жена Мансура; скромность, по ихъ понятіямъ, заставляла ее скрывать свою радость. Онъ поздоровался съ нею, какъ и съ про-

чими, рукожатіемъ, и хотя ихъ взаимный разговоръ ограничивался двумя, тремя словами, но она успѣла отвѣчать ему съ улыбкою и поцѣловать его руку. Я былъ весьма утомленъ и присѣлъ на коверъ въ палаткѣ. Видя, что я дремлю, Мансуръ приказалъ поспѣшить готовить ужинъ; скоро я уснулъ и меня разбудили уже тогда, когда ужинъ былъ готовъ и нѣсколько человѣкъ гостей, въ томъ числѣ и шеихъ кочевья, сидѣли вокругъ поставленнаго у моей постели мѣднаго большаго подноса съ кушаньями, самаго простаго приготовленія. Послѣ ужина я тотчасъ снова заснулъ; но бедуины болтали далеко за полночь. Въ эту ночь я спалъ на мягкомъ тюфякѣ, покрытомъ цвѣтною чистою простынею и который успѣла сунуть подъ меня жена Мансура, пока мы ужинали. Постель моихъ хозяевъ была въ той же палаткѣ, въ углѣ, за холщевую занавѣскою.

1 Іюня, вторникъ. Еще вчера Мансуръ предлагалъ мнѣ, не хочу ли я съѣздить на Тель-эль-Югудъ, холмы Іудеевъ, отстоявшія отъ кочевья на часъ или полтора пути; но я поспѣшалъ возвратомъ своимъ въ Каиръ и, чувствуя себя и такъ довольно усталымъ отъ дороги, отказался отъ этого.

Съ восходомъ солнца мы поднялись; завтракъ уже былъ готовъ. Сунувъ въ руку хозяйки достаточный бахшишь, я поспѣшилъ къ Мансуру, который звалъ меня, чтобы ѣхать. Все населеніе кочевья уже было на ногахъ и насъ окружило, что-

бы проститься съ Мансуромъ и его проводить. Мы сѣли на верблюдовъ и отправились чрезъ деревню тѣмъ же путемъ, которымъ въ нее въѣхали. За деревнею мы проѣхали вдоль весьма длиннаго двухъ-этажнаго зданія, принадлежащаго казнѣ и гдѣ прежде помѣщалось медицинское училище, основаніемъ своимъ обязанное Клотъ-бею и въ послѣдствіи переведенное въ Каиръ, въ военный госпиталь Касръ-эль-Айни. Теперь здѣсь помѣщалась какая-то военная команда.

Продолжая путь нашъ между садами и пашнями, мы достигли деревни Канки. Здѣсь въ одномъ изъ лучшихъ казенныхъ садовъ, расположенъ загородный домъ Мегемета-Али и въ немъ помѣщено училище, учрежденное собственно для его меньшаго сына, носящаго имя отца и котораго имѣлъ онъ отъ абиссинки. Мальчикъ очень хорошъ собою, похожъ на отца, весьма любимъ имъ, весьма забавенъ, всегда веселъ, всегда показывалъ большіе способности и успѣхи въ наукахъ и уже хорошо говорилъ по-французски. Съ главнымъ учителемъ его, французомъ, и вмѣстѣ гувернеромъ, я встрѣчался иногда въ Каирѣ у общихъ нашихъ знакомыхъ, и онъ не могъ довольно нахвалиться своимъ воспитанникомъ. Каждую недѣлю онъ сопровождалъ его въ Каиръ къ матери, у которой молодой бей проводилъ пятницу и всѣ мусульманскіе праздники. Чтобы мальчикъ учился веселѣе, Мегеметъ-Али помѣстилъ съ нимъ въ этомъ училищѣ человѣкъ 10 или 12 дѣтей своихъ магнатовъ, равныхъ

съ нимъ лѣтъ; всѣхъ ихъ вмѣстѣ учатъ разнымъ предметамъ по-европейской методѣ. Старикъ паша особенно обращаетъ на это вниманіе и, безъ его вѣдома, ни одинъ мальчикъ не можетъ оттуда отлучиться. Генералъ-Губернаторъ восточной части Дельты, Куршидъ-Паша, одинъ изъ первыхъ любимцевъ и довѣреннѣйшихъ людей Мегемета-Али, и сынъ котораго также находится въ числѣ этихъ воспитанниковъ, просилъ однажды отпустить къ нему сына къ Мансуру, на праздникъ Курбанъ-Байрамъ; но Мегеметъ-Али, вмѣсто удовлетворенія этой, по видимому, очень естественной просьбѣ отца, прислалъ ему отвѣтъ самый укорительный и почти бранный. Было это во время бытности моей близь Мансуры, и слышалъ я объ этомъ отъ доктора Куршида-паши.

За Канкою я проѣхалъ чрезъ деревню Матаріе, расположенную, какъ и большая часть деревень въ Египтѣ, въ прекрасной пальмовой рощѣ. Далѣе я направился къ мѣсту, гдѣ нѣкогда разстилался Геліополисъ, осмотрѣлъ уцѣлѣвшій отъ всего великолѣпія этого города гранитный обелискъ, покрытый гіероглифами, и потомъ дерево Богоматери, гдѣ, по преданіямъ, она отдыхала на пути изъ Палестины въ при-нильскій Вавилонъ съ Божественнымъ младенцемъ. Скоро за тѣмъ мы достигли суесской дороги, потомъ тюрбе Малекъ-Аделя и наконецъ Каира.

Я въѣхалъ въ тѣже ворота, въ которыя и выѣхалъ, Бабъ-Эль-Насръ, и направился къ моему по-

чтенному Аверову, предложившему мнѣ прожить у него весь небольшой остатокъ времени пребыванія моего въ Египтѣ. Въ тотъ же день я видѣлся съ своими товарищами, былъ у Клотъ-бея и у Англійскаго пастора Лидерса, давшаго мнѣ при этомъ случаѣ прочесть путешествіе Лаборда. Вечеръ я провелъ съ намѣстникомъ Синайскаго монастыря и монахами Джованійскаго подворья, привѣтствовавшими меня при встрѣчѣ почти тѣми же словами, какими знаменитый нашъ Барскій встрѣченъ былъ монахами на Синаѣ: «добре пришелъ еси друже! «Богу пріятенъ да будетъ трудъ твой!» Почти до полуночи мы бесѣдовали, распросамъ ихъ не было конца и я снова переносился въ Синайскія горы и во всѣ мѣста пустыни, только-что оставленной мною.

Такимъ образомъ и другое мое предположеніе по пріѣздѣ въ Египетъ — видѣть Синай, исполнилось вполнѣ удовлетворительнымъ образомъ.

XXV.

Два посѣщенія Синайскому Архіепископу Констандію.

Въ дополненіе описанія поѣздки моей на Синай, считаю не лишнимъ по-ближе познакомить моихъ читателей съ Синайскимъ Архіепископомъ Констандіусомъ, на котораго такъ часто я ссылался въ моей книгѣ и съ которымъ познакомился ровно за годъ до бытности моей на Синаѣ.

Кто бывалъ въ Константинополѣ, тотъ, безъ сомнѣнія. навѣщалъ Принцевы острова, это любимѣйшее праздничное гулянье, греческаго населенія столицы, гдѣ приволье христіанъ и ихъ удовольствія не стѣсняются присутствіемъ ни одного турка. Въ четырехъ-мѣсячное пребываніе мое на берегахъ Босфора, я былъ здѣсь три раза и въ томъ числѣ дважды проживалъ по нѣсколько дней. Ос-

тровъ Халки мнѣ нравился болѣе прочихъ и отсюда я дѣлалъ свои экскурсіи по прочимъ островамъ. Изъ нихъ на островѣ Антигонѣ, живетъ Синайскій Архіепископъ Констандій, котораго видѣть я непременно желалъ и тѣмъ болѣе, что изъ Египта, куда лежалъ мнѣ отсюда путь, предполагалъ съѣздить на Синайскія горы.

Въ первое же воскресенье моего пребыванія на островѣ Халки, 29-го Іюня 1842 года, послѣ обѣдни (которую служатъ здѣсь весьма рано) и порядочно позавтракавши, я отправился изъ Халки на Антигону. Насъ было трое: я, мой почтенный спутникъ по Востоку и драгоманъ Іосифъ, молодой человѣкъ. На Антигонѣ мы вышли на берегъ у самаго дома купца Захарова, родомъ грека, къ которому изъ Одессы я имѣлъ рекомендательныя письма, оставленныя мною, предъ тѣмъ недѣли за три, въ его купеческой конторѣ, въ Галатѣ. Онъ принялъ насъ очень ласково и привѣтствовалъ на италіанскомъ языкѣ, обще-извѣстномъ всѣмъ левантинцамъ не менѣе ихъ природнаго. Не вспомнивъ, при разговорѣ по-италіански, одного какого-то слова, я выговорилъ его по-русски. Захаровъ повторилъ его чистымъ русскимъ языкомъ, и разговоръ нашъ пошелъ по-русски. До 1824 года онъ жилъ и торговалъ въ Таганрогѣ, получилъ тамъ званіе коммерціи совѣтника, бывалъ въ Одессѣ и теперь, живя въ Константинополѣ, ведетъ свои торговыя дѣла съ Таганрогомъ же.

Пригласивъ насъ къ себѣ отобѣдать, онъ на-

помнилъ, что на Антигонѣ живетъ бывшій Константинопольскій Патріархъ Костандіусъ, и не желаемъ ли мы, пока столъ будетъ накрытъ, навѣстить его. Мы изъявили на это полную готовность, добавивъ съ своей стороны, что и сами имѣли это въ виду, отправляясь на Антигону. Г. Захаровъ послалъ къ Архіепископу доложить, что русскіе путешественники желаютъ имѣть честь навѣстить его, и можетъ ли онъ теперь принять ихъ. Отвѣтомъ на это было радушное приглашеніе пожаловать. Тотчасъ мы взялись за шляпы и отправились къ Его Блаженству, титулъ, который здѣшніе греки даютъ Констандіусу, по случаю бытности его въ прежнее время Константинопольскимъ Патріархомъ.

Пока посланный возвратился, г. Захаровъ сообщилъ намъ нѣкоторыя подробности о почтенномъ старцѣ, которыя здѣсь я передамъ моимъ читалелямъ. Архіепископъ Констандій всю свою молодость провелъ въ Россіи. Привезенъ онъ былъ сюда еще очень молодымъ, и князь Потемкинъ помѣстилъ его въ Кіево-Печерскую духовную академію, для воспитанія. Былъ онъ тамъ пять лѣтъ и отъ щедротъ графа Румянцова получалъ по 300 р. ас. въ годъ на свое содержаніе, безъ всякой о томъ его просьбы. По окончаніи курса наукъ, онъ поступилъ въ духовное званіе, въ Кіевѣ, и былъ восемь лѣтъ діакономъ; потомъ мало по малу возвышался въ духовныхъ степеняхъ и наконецъ достигъ сана архимандрита. За службу свою, онъ

удостоился полученія отъ почивающаго въ бозѣ Государя Императора золотой табакерки. Въ это время умеръ родной его дядя, бывшій до того Синайскимъ Архіепископомъ; братство Синайскаго монастыря, изъ любви, уваженія и привязанности къ покойнику, избрало на этотъ престолъ его племянника, Констандіуса. Получивъ объ этомъ извѣщеніе, онъ написалъ о своемъ избраніи въ С. Петербургъ князю Александру Николаевичу Голицыну, постоянному его покровителю. Его Сіятельство отвѣчалъ, что Государь Императоръ, Александръ Павловичъ, желаетъ его видѣть въ С. Петербургѣ, до отъѣзда на Востокъ, а въ знакъ Монаршей милости препроводилъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ нему, по Высочайшему повелѣнію, орденъ Св. Анны 1-й степени; но Констандій уже находился въ Константинополѣ: онъ поспѣшилъ выѣздомъ къ новому своему назначенію, на Востокъ, куда душа его, какъ въ свое отечество, постоянно стремилась съ самыхъ юныхъ лѣтъ.

Престолъ Синайскій зависитъ отъ Іерусалимскаго Патріаршаго престола. По описанію монаха Анѳимія, приложенному въ переводѣ къ 4-му изданію путешествія ко Св. мѣстамъ Муравьева, онъ считается четвертымъ. По общему установленію, Констандіусъ былъ посвященъ въ санъ Архіепископа въ Іерусалимѣ и, по примѣру своихъ предшественниковъ, остался на житье въ Константинополѣ, какъ въ средоточіи главныхъ турецкихъ властей, для защиты и поддержанія правъ монастыр-

скихъ. Потомъ онъ былъ избранъ въ санъ Константинопольскаго, т. е. Вселенскаго патріарха; причемъ, въ знакъ своей признательности и любви къ Синайскому монастырю, удержалъ за собою и прежнѣе званіе. Передъ послѣднею (1828 г.) турецкою войною, правительство Стамбула, изъ опасенія сношеній его съ Россіею, удалило его отъ должности Патріарха, приказавъ Константинопольскому синклиту на мѣсто его избрать другаго. Но, не взирая на такую немилость, братство Синайскаго монастыря просило Констандіуса остаться по-прежнему ихъ Архіепископомъ. Престолъ этотъ остался за нимъ до сихъ поръ и онъ управляетъ имъ посредствомъ своего намѣстника, живущаго въ Каирѣ.

На берегу моря, въ небольшомъ домикѣ, помѣщается почтенный старецъ. По чистосодержимой деревянной, въ просторныхъ сѣняхъ, лѣстницѣ мы поднялись во второй этажъ. Лѣстница входитъ прямо въ просторную пріемную комнату, окна съ одной стороны обращены къ морю, а съ другой въ небольшой садъ. Во всю длину этой послѣдней стороны, подъ окнами, поставлена турецкая софа, лѣвый уголъ которой есть обыкновенное, на особомъ небольшомъ коверчикѣ, мѣсто почтеннаго хозяина. Будучи отрекомендованы г. Захаровымъ, мы подошли къ его благословенію.

Архіепископъ Констандій принялъ насъ, какъ старыхъ своихъ друзей, ласково, привѣтливо, приказалъ подать намъ трубки и варенье; много го-

ворилъ и все по-русски, чистымъ пріятнымъ нарѣчіемъ, хотя нельзя было не замѣтить, что онъ уже отвыкъ отъ нашего языка. Во все время нашего посѣщенія былъ онъ очень веселъ и нерѣдко смѣялся; ему лѣтъ за 70; волосы на головѣ и бородѣ бѣлы, какъ снѣгъ, только-что выпавшій; лицемъ онъ необыкновенно свѣжъ, физіономіи самой благородной, одушевленной, радушной, пріятной; роста высокаго, сложенъ хорошо, и должно думать, что въ молодости былъ молодцемъ и красавцемъ. Къ Россіи онъ всегда былъ привязанъ сердцемъ и душею, какъ ко второй своей отчизнѣ, и которой столь много обязанъ.

Подлѣ обыкновеннаго мѣста Его Блаженства было нѣсколько книгъ, а на софѣ, подъ-рукою, II томъ Исторіи Оттоманской, Гаммера. Положеніе книги ясно говорило, что ее теперь читаетъ хозяинъ; а когда разговоръ коснулся этого сочиненія, то онъ отозвался, что въ этой исторіи встрѣчаетъ довольно упущеній и что много важнаго о грекахъ и греческой церкви подъ турецкимъ владѣніемъ, въ ней пройдено молчаніемъ. На исторію Гаммера онъ дѣлалъ тогда свои замѣчанія и, можетъ быть, современемъ издастъ ихъ въ свѣтъ.

Въ ученомъ мірѣ онъ уже извѣстенъ своимъ сочиненіемъ на греческомъ языкѣ «Константиніада», заключающимъ въ себѣ описаніе древностей Константинополя, а теперь печатаетъ «Египтіаду», которая трактуетъ о христіанскихъ древностяхъ

Египта (*). У него также собраны всѣ матеріалы для исторіи греческой церкви, со времени взятія Константинополя турками до нашихъ временъ, и этимъ онъ предполагалъ заняться при первомъ свободномъ времени. Въ этой исторіи онъ хочетъ указать на состояніе церкви, касаясь отчасти и переворотовъ политическихъ.

Большую часть времени проводитъ онъ въ чтеніи и между тѣмъ слѣдитъ за ходомъ политическихъ дѣлъ въ Европѣ. Съ этой цѣлію онъ постоянно получаетъ Journal de Francfort и не отстаетъ отъ современной исторіи. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ старецъ есть едва ли не единственное духовное на Востокѣ лице, получающее иностранную газету.

Освѣдомившись, что мы будемъ въ Каирѣ и, можетъ быть, въ Сиріи, Архіепископъ Констандіусъ поручилъ кланятся нашимъ консуламъ—въ Александріи г. Кремеру, а въ Байрутѣ г. Базили. Узнавши же отъ меня, что Базили написалъ «Очерки Константинополя», онъ замѣтилъ, что зналъ его еще ребенкомъ и когда Базили проѣзжалъ въ Сирію, то навѣстилъ его; но книгъ своихъ ему не прислалъ и даже не сказалъ объ нихъ ни слова, вѣроятно, по скромности. Съ своей стороны я предложилъ ему прислать всѣ сочиненія Базили, взятыя мною съ собою изъ Россіи въ составѣ моей

(*) Книга эта потомъ скоро была напечатана и изъ ней многимъ я руководствовался въ Поѣздкѣ своей на Синай.

походной библіотеки. Почтенный старецъ съ удовольствіемъ принялъ это предложеніе и сказалъ, что съ любопытствомъ прочтетъ трудъ человѣка, котораго душевно любитъ.

Въ это время пришелъ меньшій сынъ Захарова сказать намъ, что обѣдъ готовъ и ждетъ насъ. Это прервало нить нашего разговора, самаго живаго, одушевленнаго. Часъ времени прошелъ для насъ, какъ одно мгновеніе. Мы откланялись и направились къ выходу, а почтенный хозяинъ закричалъ намъ вслѣдъ: «надѣюсь, что вижу васъ не въ послѣдній разъ и что вы еще разъ меня посѣтите».

Не взирая на свой высокій санъ и на богатыя средства, которыя даютъ ему доходы Синайскаго монастыря, Констандіусъ ведетъ жизнь самую умѣренную, воздержную, простую; постель себѣ всегда самъ приготовляетъ, а для обѣда довольствуется двумя простыми, весьма умѣренными блюдами. Отягченный горемъ идетъ къ нему искать утѣшенія; нищій никогда не отходитъ отъ его двери съ пустыми руками. Онъ очень любитъ русскихъ, преданъ имъ душею, и когда войска наши въ 1833 г. были въ Босфорѣ, то почти всѣ наши генералы навѣстили его. Весьма многіе образованные путешественники, при посѣщеніи Принцевыхъ острововъ, не забываютъ его навѣщать. Изъ нихъ историкъ Крестовыхъ походовъ, извѣстный Мишо, долго бесѣдовалъ съ нихъ и въ письмахъ своихъ о Востокѣ (Correspondence d'Orient) отзывается о немъ съ большою похвалою.

Послѣ того, ровно чрезъ два мѣсяца, я былъ снова на Принцевыхъ островахъ, для поправленія здоровья послѣ болѣзни, которая было совсѣмъ меня свалила съ ногъ. Въ день храмоваго праздника, усѣкновенія главы Іоанна Предтечи, 29 Августа, съ восходомъ солнца, я отправился съ Халки на Антигону и поспѣлъ прямо къ обѣднѣ. Здѣсь нашелъ я г. Захарова, пригласившаго меня къ себѣ на обѣдъ послѣ обѣдни. Какъ къ почетнѣйшему гражданину острова, всѣ приходили къ нему на-поклонъ, и его пріемная комната была полна гостей. Когда гости разошлись, изъ которыхъ къ каждому онъ обращался съ привѣтствіемъ и ласковымъ словомъ, мы отправились къ Архіепископу. Достопочтенный старецъ принялъ насъ съ свойственымъ ему радушіемъ, былъ веселъ и, по своей привычкѣ, при разговорахъ иногда громко смѣялся. Здѣсь мы застали многихъ лицъ изъ бывшихъ уже у Захарова; изъ нихъ одни уходили, другіе являлись. Обыкновенныя угощенія: дульчесъ (варенья и вода), кофе и почетнѣйшимъ чубуки, были безпрестанно подносимы. Приходя и отправляясь, всѣ подходили къ благословенію старца и нѣкоторые кланялись при этомъ почти до земли, отъ чего онъ старался ихъ удерживать. Въ числѣ прочихъ, пришли при насъ греческія дамы, которыя, послѣ благословенія, приглашены были Архіепископомъ сѣсть рядомъ съ нимъ на той же софѣ. Онѣ расположились на ней, по обычаю страны, подобравъ подъ себя ноги и прикрывъ ихъ платьемъ. Архіепископъ си-

дѣлъ въ любимомъ своемъ углѣ, имѣя подъ рукою на диванной подушкѣ, нѣсколько неразлучныхъ своихъ любимыхъ мертвыхъ собесѣдниковъ въ хорошемъ переплетѣ. При его охотѣ къ чтенію, незамѣтно было, чтобы онъ тяготился обществомъ своихъ гостей, предлагавшихъ ему одинъ за другимъ одни и тѣ же скучные допотопные вопросы о здоровьѣ, погодѣ и т. п. Какъ всегда, онъ говорилъ много, съ энергіей и въ веселомъ расположеніи духа. Въ этотъ разъ онъ разговаривалъ со мною большею частію по-гречески, какъ бы не надѣясь на силу свою въ языкѣ русскомъ, а г. Захаровъ переводилъ мнѣ его рѣчи. Но, кажется, онъ съ тою предусмотрительною цѣлью велъ разговоръ со мною по-гречески, чтобы занять имъ и своихъ гостей-грековъ и чтобы сдѣлать въ немъ и ихъ участниками, тѣмъ болѣе, что при этомъ разговорѣ было такъ много увлекательнаго, новаго и мѣстно-интереснаго въ рѣчахъ его, что всякій изъ слушателей ловилъ слова его съ жадностію, — и эта его бесѣда, подобной первой, осталась въ памяти моей, какъ одно изъ пріятныхъ воспоминаній о Принцевыхъ островахъ.

Между прочимъ онъ говорилъ много любопытнаго въ историческомъ отношеніи объ островѣ Антигонѣ. По выходѣ отсюда, Захаровъ замѣтилъ мнѣ, что всякій разъ, бывая у него, узнаешъ что либо новое, чего отъ другаго не услышишь: это какъ бы археологическій архивъ, который чѣмъ

болѣе раскапываешъ, тѣмъ болѣе узнаешъ и паучаешся.

По словамъ достопочтеннаго Архіепископа Констандіуса, островъ этотъ названъ Антигоною случайно Императоромъ Дмитріемъ, въ память своего отца Антигона, во время похода, предпринятаго имъ противъ Лизимаха и Кассадра, для освобожденія Босфора и Геллеспонта. Во времена Греческой Имперіи, этотъ островъ назначался для ссылки знатныхъ особъ. Изъ нихъ первымъ былъ ученый монахъ, потомъ Константинопольскій Патріаръ, Меѳодій исповѣдникъ, защитникъ иконъ, извѣстный на Востокѣ и Западѣ по своему уму и дару слова, основатель монастыря на островѣ Хіосѣ и ходатай въ Римѣ за Патріарха Никифора; вторымъ былъ царь Степанъ, сынъ Лакапина, тотъ самый, который лишенъ трона Константиномъ Порфиророднымъ.

Вотъ подробности о Меѳодіѣ, слышанныя мною отъ привѣтливаго и словоохотнаго хозяина. Императоръ Михаилъ косноязычный, дабы погасить въ немъ ревность къ иконопочитанію, держалъ его въ темницѣ. Ѳеофилъ иконоборецъ, опасаясь отъ него мятежа, бралъ его съ собою, когда ходилъ противъ сарациновъ, а по возвращеніи, опять заключалъ его въ оковы и въ темницу; потомъ заключилъ его на Антигонѣ въ темное и сырое подземелье, вмѣстѣ съ двумя разбойниками. Вскорѣ одинъ изъ послѣднихъ умеръ; трупъ его оттуда не вы-

носили, съ тѣмъ умысломъ, чтобы смрадомъ отъ гніенія трупа увеличить страданія мученика. Часть этого подземелья и до сихъ поръ существуетъ. По выходѣ отъ Архіепископа, мы посѣтили это подземелье, и чтобы въ моемъ описаніи не обращаться къ нему вторично, опишу его здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ. Оно шагахъ въ 15 къ востоку отъ алтаря здѣшней церкви «усѣкновенія главы Св. Предтечи» и примыкаетъ къ дому священника; при входѣ въ него, теплится лампада, дверь, по случаю храмоваго праздника, была отворена, спускъ состоитъ изъ двухъ поворотовъ, ступеней въ десять; для освѣщенія пути, мы взяли съ собою восковыя свѣчи; подземелье величиною аршина два въ квадратѣ, вышиною нѣсколько болѣе роста человѣческаго, съ кирпичнымъ сводомъ; внизу стоитъ вода вершковъ на шесть глубины. Вода здѣсь была и во время заключенія Меѳодія, и хотя она имѣла истокъ отсюда, но его иногда закрывали, для усиленія страданій заключеннаго, и ему ничего не давали, чтобы подостлать подъ себя; отъ этого ноги его и часть тѣла были постоянно въ водѣ. Послѣ смерти Императора Ѳеофила, жена его Ѳеодора, постоянная защитница иконъ, освободила Меѳодія изъ заключенія, возвратила его изъ ссылки и потомъ возвела на престолъ Патріаршій, чтобы съ помощію его возстановить иконопочитаніе во всей прежней силѣ, а въ память его страданій, построила на островѣ Антигонѣ, надъ подземельемъ, гдѣ онъ страдалъ, церковь во имя усѣкновеніе главы Предтечи, которой

вся восточная часть, съ алтаремъ и тремя придѣлами, цѣла до сихъ поръ; но вся остальная часть храма разрушилась и ее достроили уже въ послѣдствіи, примкнувъ достройку къ уцѣлѣвшему алтарю. За непоколебимость въ почитаніи иконъ и за безропотное терпѣніе, съ которымъ Меѳодій переносилъ узы въ изгнаніи и темничное заключеніе, дано ему наименованіе «исповѣдника», подъ которымъ онъ и нынѣ извѣстенъ. Онъ написалъ нѣсколько замѣчательныхъ духовныхъ сочиненій, изъ которыхъ «похвала Св. Діонисію Ареопагиту» и нѣкоторыя рѣчи вполнѣ замѣчательны и носятъ весь колоритъ ума свѣтлаго, рѣчи убѣдительной, воли непоколебимой.

Весьма немногіе знаютъ, почему у греческихъ монаховъ черное на клобукѣ покрывало имѣетъ разрѣзы надъ плечами. Архіепископъ Констандій говоритъ, что принято это въ память Меѳодія. Ѳеофилъ, слыша сильные и рѣзкіе его доводы въ пользу иконъ, приказалъ бить Меѳодія по ланитамъ; при этомъ была разбита ему челюсть съ одной стороны; безобразный отъ этаго шрамъ, какъ печать мученичества, остался на лицѣ его на всю жизнь. Когда Меѳодій былъ возведенъ Ѳеодорою въ достоинство Патріарха, то, для прикрытія своего безобразія, онъ разрѣзалъ покрывало клобука у плечь и концы его связывалъ у подбородка; отъ этаго челюсть его была закрыта отъ глазъ постороннихъ. Всѣ монашествующіе того времени, въ подражаніе своему владыкѣ, стали разрѣзывать и у себя покрывало такимъ же точно образомъ и

этотъ обычай съ того времени сохранился на Востокѣ до сихъ поръ.

Потомъ я спрашивалъ словоохотнаго Архіепископа о развалинахъ монастыря на вершинѣ горы острова Антигоны. Отъ него я узналъ, что этотъ монастырь, во имя Преображенія Господа, былъ построенъ Императоромъ Василіемъ македоняниномъ и догло процвѣталъ. Назадъ тому лѣтъ 200, одинъ турецкій султанъ, имени котораго почтенный старецъ не могъ припомнить, во время турецкаго праздника Рамазана, когда Стамбулъ и весь Босфоръ горятъ въ огнѣ каждую ночь на пролетъ, увидалъ изъ сераля, ровно въ полночь, яркіе огни на самой вершинѣ острова Антигоны. Огни эти на такомъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ мусульманъ, удивили его, и онъ приказалъ узнать ихъ причину. Ему сказали, что греки празднуютъ пасху: это была ночь Свѣтлаго Воскресенья и христіане, со свѣчами въ рукахъ, дѣлали обхожденіе вокругъ монастыря; внутри церкви было также большое освѣщеніе. Выслушавъ отвѣтъ, султанъ вознегодовалъ на это и велѣлъ монастырь немедленно разрушить; что́ и было выполнено въ первые же дни Св. Пасхи. Уцѣлѣла и стоитъ до сихъ поръ живописною развалиною только сѣверная стѣна церкви со входомъ, двумя большими окнами, красивою аркою вверху и частію двухъ боковыхъ стѣнъ. Эта часть составляла, по видимому, сѣверное объятіе креста храмоваго зданія. Когда проѣзжаешь мимо Антигоны на прочія острова, то видъ съ моря на эту

развалину, поднимающуюся на конической возвышенности острова и, какъ бы корона, украшающую этотъ клочекъ твердой земли, истинно живописенъ и, можетъ быть, рука времени еще не на долго ее сохранитъ. Я срисовалъ ее еще въ первую бытность мою здѣсь и рисунокъ сохранилъ въ моемъ портфелѣ. Здѣсь насильно постриженъ былъ въ монахи, при Романѣ Лакапинѣ, извѣстный магистръ Стефанъ, котораго подозрѣвали въ интригахъ на царствованіе.

Говоря о связяхъ своихъ съ Россіею, Архіепископъ Констандій добавилъ, что со многими у насъ лицами онъ имѣлъ постоянную цереписку; но одни умерли, другіе его забыли, и теперь только весьма немногіе навѣщаютъ его своими рѣдкими письмами. Гг. Норовъ и Муравьевъ прислали ему свои путешествія и онъ отдаетъ имъ полную справедливость. Я спросилъ его въ особенности о топографическихъ указаніяхъ въ путешествіи перваго по Св. Землѣ, и онъ отозвался, что, будучи самъ хорошо знакомъ съ Палестиною, находитъ ихъ вполнѣ безъукоризненными и во всемъ совершенно вѣрными. Констандій показывалъ мнѣ также полученное имъ предъ тѣмъ не за долго отъ г. Муравьева письмо, отъ 19 Мая того же года, съ препровожденіемъ изданной имъ исторіи Ветхаго Завѣта; оно написано было въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ.

Когда Архіепископъ выходилъ въ сосѣднюю комнату, свою спальну, за письмомъ, то я замѣ-

тилъ, что почтенный старецъ уже довольно согбенъ подъ тяжестію лѣтъ.

Я не забылъ обратить разговоръ на сочиненія Базили о Константинополѣ, которыя я давалъ читать Его Блаженству. Онъ отвѣчалъ, что окрестности Константинополя и характеръ турокъ обрисованы въ нихъ вѣрною кистію; но о самомъ Константинополѣ, о его внутренности, сказано очень мало, и кромѣ того допущено нѣсколько промаховъ, изъ которыхъ нѣкоторые онъ замѣтилъ карандашемъ на поляхъ самой книги.

Послѣ этого Архіепископъ читалъ прочимъ своимъ гостямъ — грекамъ какое-то письмо по-гречески и съ жаромъ много говорилъ; хотя сущности предмета я не понялъ, но, по нѣкоторымъ словамъ, догадывался, что онъ говорилъ о какомъ то грекѣ, принявшемъ мухаммеданскую вѣру.

При прощаніи, я просилъ его не отказать дать мнѣ письмо въ Синайскій монастырь, гдѣ мнѣ хотѣлось быть, если обстоятельства то дозволятъ, и о чемъ впрочемъ былъ у насъ разговоръ еще въ первое мое посѣщеніе. Архіепископъ отозвался, что съ большимъ удовольствіемъ исполнитъ мою просьбу; а потомъ, дней чрезъ десять, дѣйствительно прислалъ два письма: одно въ Каиръ, а другое на Синай. Прощаясь съ нимъ, мы подошли къ его благословенію. Онъ поднялся, провелъ насъ до лѣстницы и, оставшись у ней на верху, провожалъ насъ глазами и ласковою улыбкою, пока мы не повернули къ выходу.

За обѣдомъ г. Захаровъ, сказывалъ мнѣ, что съ патріаршаго престола Констандіусъ былъ сведенъ предъ послѣднею войною Турціи съ Россіею, по настояніямъ Бертефъ-паши. Этотъ паша не былъ ни визиремъ, ни сераскиромъ; но въ сущности былъ сильнѣе всѣхъ ихъ, по тому вліянію, какое имѣлъ въ свое время на султана Магмуда. Въ послѣдствіи онъ самъ впалъ, по общей участи всѣхъ любимцевъ на Востокѣ, въ немилость султана, сосланъ въ Андріанополь и потомъ казненъ. Архіепископъ Констандій, по словамъ Захарова, былъ Константинопольскимъ Сунодомъ нѣсколько разъ призываемъ снова на Вселенскій патріаршій престолъ и даже въ послѣдній разъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ того 1842 г., послѣ смерти бывшаго предъ тѣмъ Патріарха Григорія, получилъ снова такое же предложеніе; но онъ всегда отказывался отъ этой чести, предпочитая миръ душевный тяжести трудовъ и почти неразлучнымъ, при турецкомъ правленіи, проискамъ на этомъ мѣстѣ, и рѣшившись небольшой остатокъ дней своихъ прожить въ покоѣ съ своими книгами и приводя въ порядокъ свои записки.

ДОПОЛНЕНІЕ ко II-ой ч. ГЛ. XXI.

(стр. 19).

Извлеченіе о Синаѣ изъ русскихъ путешествій Коробейникова и Гогары, XVI и XVII столѣтій (*).

Путешествіе московскихъ купцовъ Трифона Коробейникова и Юрія Грекова, на Востокъ, совершено было, по волѣ царя Іоанна Васильевича, для поминовенія царевича Іоанна Іоанновича. Москвичи были въ Царьградѣ, Іерусалимѣ, Антіохіи и на Синайской горѣ, и описаніе ихъ хожденія давно у насъ сдѣлалось народнымъ.

Изъ Іерусалима въ Каиръ и потомъ на Синайскую гору они ѣздили вмѣстѣ съ Іерулимскимъ Патріархомъ Софроніемъ. О Синайской горѣ и главномъ монастырѣ они пишутъ слѣдующее:

(*) Изъ т. II. Сказаній русскаго народа, Сахарова.

«И пріидохомъ во пречестный монастырь Синайскія горы. И священницы, и вся братія, и Архіепископъ, и игуменъ Синайскія горы со кресты за полпоприща отъ монастыря встрѣша Патріарха, и принесоша къ Патріарху крестъ серебрянъ на блюдѣ. Онъ же веземъ у игумена, самъ знаменася, и архіепископа, и игумена и всю братію благослови. Къ намъ же пріиде игуменъ и цѣлова насъ, захлипая слезами и глаголаше: благодаримъ Господа Бога, сподобившаго видѣти православнаго Царя посланники. И потомъ начаша насъ братія обнимати и цѣловати съ великою любовію и слезы изливаху отъ радости. Мы же грѣшніи, отъ страха и радости, не могуще удержатись отъ слезъ. И видѣхомъ старцы старыхъ и многолѣтныхъ, украшенныхъ сѣдинами яко подобни Ангеломъ и поидохомъ въ монастырь. Патріарху же вшедшу въ церковь, и пришедъ къ нему игуменъ старой Синайскія горы, и цѣловахуся съ Патріархомъ игуменъ, и обоимше руками другъ друга, плакаху на долгъ часъ. Мы же яко въ рай внидохомъ въ церковь.

...Противъ престола стоятъ мощи святыя великомученицы Екатерины. Мы же молившись святой великомученицѣ Екатеринѣ, гдѣ прежъ сего были мощи Ея, и дали на сооруженіе церкви великомученицы 500 рублевъ.

Въ той же церкви за алтаремъ придѣлъ надъ Неопалимою Купиною, гдѣ Моисей видѣлъ святую Богородицу съ Младенцемъ въ огнѣ стоящу неопалиму. Въ той придѣлъ къ Неопалимой Купинѣ

входъ изъ надворья. А входятъ въ ту церковь люди въ великой чистотѣ, и ризы свои измывъ, или въ новыхъ ризахъ, а пришедъ къ церковнымъ дверямъ да ноги вымывъ и босымъ идти въ церковь, или въ суконныхъ чулкахъ, а въ сапогахъ не входити.

...Въ Санайскомъ монастырѣ всѣхъ церквей и придѣловъ 25, а во всѣхъ Божественная служба совершается. А монастырь стоитъ между двухъ горъ, а келей въ немъ 300, всѣ каменныя; а ограда каменная жъ; а на вратѣхъ градныхъ двѣ пушки лежатъ; а братій въ немъ 90; потому мало, что имъ великое насильство отъ беззаконныхъ арабовъ. А тѣхъ арабовъ далъ благочестивый Іустиніанъ на монастыри 400 семей.

...А на лѣво, противъ студенца церковь Василій Кесаріиской, а нынѣ въ ней турки себѣ мечеть учинили.

...Видѣхомъ на горѣ верхъ горы мѣсто аки гробницы, гдѣ лежали мощи Св. великомученицы Екатерины 300 лѣтъ, и то мѣсто знати и до сего дни; а гдѣ два Ангела встрѣтили тѣло ея, помолихомся святому мѣсту и цѣловахомъ: а церкви на томъ мѣстѣ нѣтъ; а прислалъ Царь, Государь и великій князь Иванъ Васильевичь всея Руси съ Москвы съ нами въ Синайскую гору епископу и архимандриту на сооруженіе церкви великомученицы Екатерины, гдѣ мощи ея лежатъ, 500 рублевъ денегъ, и велѣлъ на томъ мѣстѣ церковь воздвигнути во имя великомученицы Екатерины. А пріѣхали въ Синай-

скую гору въ лѣто 7,092 году, и того лѣта, по повелѣнію Царя, Государя и Великаго Князя Ивана Васильевича всея Русіи, и по благословенію Патріарха Іерусалимскаго Софронія, епископъ Синайской и архимандритъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ на той горѣ, надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ мощи великомученицы Екатерины были, заложили церковь во имя ея при насъ, а тогда не дѣлали потому, что на горѣ воды пооскудѣло.»

Василій Гогара, родомъ изъ Казани, путешествовалъ по Св. Землѣ въ 1634 году. Онъ началъ свой путь съ Астрахани, прошелъ Тифлисъ, оттуда на Карсъ, Эрзерумъ и Кесарію. Въ Іерусалимѣ онъ пробылъ только три дня и отправился въ Египетъ, Александрію и Каиръ. Отсюда онъ посѣтилъ Синай. Потомъ возвратился опять въ Іерусалимъ. Возвратный путь его былъ уже на Самарію, Дамаскъ Эдесъ, и берегомъ Чернаго моря обошелъ Царьградъ прямо до Галиполя. Изъ Валахіи онъ перешелъ польскую границу чрезъ Каменецъ въ Вильну, и возвратился въ Москву уже въ 1637 году.

О Синайской горѣ онъ говоритъ слѣдующее:

«А отъ Синайской горы осемь дней ходу на верблюдахъ до Чермнаго моря. И подлѣ той Синайской горы градъ сдѣланъ каменной, а въ немъ четыредесять монастырей, и всѣ пусты; токмо единъ монастырь великомученицы Екатерины; а въ немъ живетъ Епископъ Синайской горы; а братій

въ монастырѣ съ триста, а живутъ дни окупая отъ арабовъ; а кормятъ тѣхъ арабовъ монастырскою пищею на всякъ день человѣкъ по пятисотъ того ради, да не тако ти смердящіи вооружатся на монастырь бранію. А всходъ на Синайскую гору до самаго верха четырнадцать тысячь ступеней, а всѣ ступени въ камени высѣчены. Идучи на тую гору желѣзную трое воротъ желѣзныхъ въ щеляхъ вдѣланы, а у воротъ стоятъ стражи приставлены мнихи (*), и берегутъ, чтобъ человѣкъ не прошелъ, а берутъ съ человѣка по четыре деньги. А на верху тоя горы стоитъ храмъ во имя Преображенія Господа Нашего Іисуса Христа. И опричь тѣхъ ступеней не куды всходити на тую Синайскую гору. А кормятъ дикихъ арабовъ внѣ града пшеницею съ древянымъ масломъ, и спускаютъ къ нимъ пищу съ городовой стѣны на веревкѣ, въ мѣшкѣ, дѣланъ въ кожахъ.»

КОНЕЦЪ ПОѢЗДКИ НА СИНАЙ.

(*) Вѣроятно — монахи.

ОТРЫВКИ О ЕГИПТѢ.

(1842 — 1843.)

I.

Знакомство съ Александрійскимъ Патріархомъ Іероѳеемъ, въ Каирѣ.

Вскорѣ по пріѣздѣ нашемъ въ Каиръ, генеральный нашъ консулъ въ Египтѣ познакомилъ насъ съ предсѣдателемъ тамошняго Главнаго Совѣта Здравія, г. Клотъ-беемъ. 5 Декабря 1842 г., мы сдѣлали ему визитъ, а дорогою отъ него заходили къ агенту нашего консульства въ Каирѣ, старику Бокти, куда пришелъ въ тоже время Векиль (Викарій, намѣстникъ) Александрійскаго Патріарха Іероѳея и сказывалъ, что ищетъ трехъ недавно пріѣхавшихъ въ Каиръ русскихъ путешественниковъ, чтобы, по порученію Патріарха, пригласить ихъ на завтра въ соборную церковь къ литургіи, по случаю храмоваго праздника, Св. Николая, и вмѣстѣ тезоименитства Россійскаго Императора. Бок-

ти отвѣчалъ ему, что эти русскіе передъ нимъ, взаимно насъ познакомилъ и мы дали слово быть завтра въ обѣднѣ.

6-го Декабря въ 8 часовъ утра, мы отправились съ двумя молодыми людьми, чиновниками нашего консульства, и однимъ русскимъ купцомъ, г. Аверовымъ, производящимъ здѣсь довольно значительную торговлю, въ соборную греческую церковь, построенную предъ тѣмъ за четыре года на русскія деньги, присланныя для этого изъ С. Петербурга Святѣйшимъ Сѵнодомъ. Она находится на особомъ дворѣ, въ одной изъ самыхъ тѣсныхъ улицъ Каира, близъ гурійскаго базара; архитектуры хотя простой, но весьма приличной, а обширностію своею уступаетъ на всемъ Востокѣ только храму Гроба Господня въ Іерусалимѣ; перестиль поддерживается шестью или осьмью каменными колоннами дорійскаго ордена; церковь внутри свѣтла, красива и прилична, хотя безъ лишняго блеска; стѣны просто выбѣлены известкою; деревянныя въ два ряда колонны, выкрашенныя бѣлою краскою, поддерживаютъ потолокъ; полъ изъ малтійскихъ бѣлыхъ мраморныхъ плитъ, гладкій, чистый, пріятный для глазъ; въ верху, за частою зеленою рѣшеткою, галлерея для женщинъ, которыя, слѣдуя Восточному обычаю, даже и при божественномъ служеніи, должны быть отдѣлены отъ мужчинъ; скромный иконостасъ въ греческомъ вкусѣ весь одѣтъ образами русской работы, присланными сюда изъ С. Петербурга графинею Орловою-Че-

сменскою (*). Въ церкви находилось довольно много народа, но было еще просторно; чтобы соблюсти порядокъ и соотвѣтственное настоящему случаю приличіе при служеніи, дѣти каирскихъ грековъ, мальчики отъ 6 до 12 лѣтъ, просто, но чисто одѣтые въ бѣлое однообразное платье, поставлены были въ двѣ линіи, отъ алтаря до западныхъ вратъ, и такимъ образомъ составляли широкій путь для церковныхъ церемоній. Патріархъ служилъ самъ, въ полномъ облаченіи, но когда онъ уставалъ, по причинѣ своихъ преклонныхъ лѣтъ, то Векиль, также въ полномъ облаченіи, тутъ же замѣнялъ его. При выносѣ Св. Даровъ и вездѣ, гдѣ только слѣдовало, было упоминаемо имя Его Императорскаго Величества, какъ Государя Православнаго и какъ строителя храма. По раздачѣ просфоры съ патріаршаго мѣста, Векиль, въ знакъ своего вниманія къ русскимъ гостямъ, сошелъ съ мѣста и самъ поднесъ намъ по большой просфорѣ.

Было время, когда ни одинъ изъ патріаршескихъ престоловъ не имѣлъ столько могущества и духовныхъ преимуществъ, какъ престолъ Александрійскій: отсюда нѣкогда разливался обильный свѣтъ христіанства во всѣ стороны и болѣе ста Еписко-

(*) Потомъ, по возвращеніи въ Россію, я узналъ, что Александрійскій Патріархъ писалъ А. С. Норову, о необходимости добавить еще нѣсколько образовъ, и что, чрезъ посредство его, княгиня П. заказала въ С. Петербургѣ нѣсколько хорошихъ образовъ для Каирскаго собора, которые потомъ и были туда отправлены

повъ было въ непосредственномъ его завѣдываніи. Но теперь нѣтъ изъ нихъ ни одного, и Александрійская патріархія ограничилась самымъ малымъ числомъ подвѣдомственныхъ ей церквей. Ихъ всего пять или шесть, и именно: одна въ Каирѣ, носящая имя собора и о которой теперь я говорилъ, двѣ въ старомъ Каирѣ — кладбищенская и находящаяся въ патріаршемъ домѣ, одна въ Александріи, другая въ Даміэттѣ и, если не ошибаюсь, третья въ Розеттѣ. Но не смотря на эту ограниченность патріархіи, громкій титулъ Александрійскаго Патріарха при многолѣтіи, предъ чтеніемъ апостола, уцѣлѣлъ до сихъ поръ неизмѣннымъ. Вотъ онъ: «блаженнѣйшій, величайшій, святѣйшій господинъ «Князь и Владыка, Папа и Патріархъ великаго града «Александріи, Ливіи, Пентаполіи, Эѳіопіи и всей «земли Египта, отецъ отцевъ, пастырь пастырей, «Архіерей Архіереевъ, тринадцатый изъ Апосто-«ловъ и судія вселенной». Тринадцатымъ изъ Апостоловъ называется онъ, какъ намѣстникъ Евангелиста Марка, установителя этого престола.

Но эта Патріархія, при упадкѣ ея въ духовномъ отношеніи, достаточно сильна въ отношеніи вещественномъ: доходы съ принадлежащихъ ей въ Молдавіи и Валахіи обширныхъ земель еще довольно значительны, чтобы Патріарху поддерживать себя прилично его званію, а при лучшемъ на мѣстѣ управленіи, они еще бы болѣе возносились. Вся же бѣда въ этомъ та, что у нихъ много хозяевъ, дающихъ отчетъ едва-ли не одной своей совѣсти.

По окончаніи обѣдни, Патріарха въ полномъ облаченіи повели подъ руки со всею слѣдующею его сану церемоніею и съ пѣніемъ священныхъ гимновъ, чрезъ всю церковь, въ западныя врата и чрезъ дворъ въ его покои. Народъ толпился къ его благословенію; въ числѣ прочихъ и я подошелъ. Викарій пригласилъ меня слѣдовать за собою. Всѣ почетные посѣтители также туда послѣдовали. Патріарха провели во внутренніе покои и начали разоблачать, а всѣ слѣдовавшіе за нимъ остались въ двухъ пріемныхъ, довольно обширныхъ комнатахъ. На диванахъ вдоль стѣнъ сѣли всѣ пришедшіе посѣтитъ Патріарха; но моему не привычному глазу показалось то страннымъ, что всѣ гости оставались въ шинеляхъ и шапкахъ, не исключая и одѣтыхъ по-европейски. Я снялъ ту и другую. Но въ церкви были всѣ съ обнаженными головами и если кто изъ грековъ, слѣдуя обычаю страны, носилъ чалму или *тарбушъ* (фесъ), то на головѣ оставлялъ только *такіе* (родъ маленькаго колпака, надѣваемаго непосредственно на бритую голову).

При этомъ замѣчу, что въ церкви обнажали голову, вѣроятно, изъ уваженія къ особѣ Патріарха; а тамъ, гдѣ его не видятъ, объ этомъ мало заботятся. Въ бытность мою въ Александріи, я отправился въ тамошнюю греческую церковь въ первое же воскресенье. Обѣдня начиналась въ ней съ восходомъ солнца. Не говоря о чалмоносцахъ-грекахъ, изъ которыхъ многіе вовсе не заботились

снимать свои чалмы, я видѣлъ здѣсь, какъ многіе греки въ европейскомъ платьѣ, также слѣдуя обычаю страны, въ шляпахъ входили во внутрь, покупали свѣчи и въ шляпахъ же расхаживали по церквѣ и у олтаря отъ образа къ образу, чтобы разставить свѣчи, и шляпъ своихъ до тѣхъ поръ не снимали, пока не оканчивали этой операціи. Признаюсь, это не могло не показаться мнѣ крайнимъ неуваженіемъ святыни. Хорошо еще, что собакъ, врывавшихся въ церковь вслѣдъ за хозяевами, объ нихъ вовсе не безпокоившимися, выгоняли вонъ церковные прислужники. Но въ тамошней католической церкви не обращали на нихъ ни какого вниманія и онѣ разгуливали тамъ, какъ дома, между скамейками и по всѣмъ угламъ.

Въ пріемныхъ комнатахъ Патріарха усадили всѣхъ гостей въ одинъ рядъ на диванахъ, не забывъ при этомъ и бывшихъ со мною двухъ карантинныхъ унтеръ-офицеровъ. Потомъ началось угощеніе разными сластями, водою, трубкою и кофеемъ. Тутъ подошелъ ко мнѣ съ привѣтствіемъ на русскомъ языкѣ одинъ довольно еще молодой человѣкъ: это былъ сербъ, племянникъ Георгія Чернаго (Кара-Георгія), сербскаго князя. Онъ жилъ долго въ Россіи въ разныхъ мѣстахъ, а въ послѣднее время въ Бессарабіи, которую оставилъ предъ тѣмъ только за нѣсколько мѣсяцевъ.

Патріархъ скоро вышелъ изъ внутреннихъ покоевъ, сѣлъ на приготовленное для него въ углѣ

дивана мѣсто, на которомъ расположился съ ногами, по обычаю страны. Съ появленіемъ его, всѣ посѣтители сняли шапки и спѣшили подойти къ его благословенію, хотя и получили уже его въ церквѣ или на дорогѣ; нѣкоторые же старики, одѣтые попроще, клали при этомъ къ стопамъ Патріарха и земные поклоны; слѣдуя примѣру другихъ, я также снова подошелъ къ благословенію Его Святѣйшества (какъ его титулуютъ) и онъ пригласилъ меня сѣсть подлѣ себя. Раздача благословеній продолжалась еще нѣсколько минутъ; когда же все вокругъ успокоилось, подали Патріарху трубку съ длиннымъ черешневымъ чубукомъ и багатымъ янтарнымъ мундштукомъ; взявъ ее изъ рукъ прислужника, онъ передалъ мнѣ, и это было большимъ знакомъ вниманія съ его стороны. Для себя онъ взялъ другую трубку. Унтеръ-офицеровъ нашихъ усадили по другую его сторону въ креслы и также поднесли имъ по трубкѣ съ длинными чубуками, равно какъ и многимъ изъ гостей. Кофе и варенье съ водою слѣдовали вторично своимъ чередомъ.

Главное мѣстопребываніе Александрійскаго Патріарха находится въ южномъ предмѣстіи Каира, Старомъ-Каирѣ (нѣкогда называемомъ Вавилономъ, по племени строившихъ его плѣнниковъ Сезостриса, или же, быть можетъ, отъ посѣлившихся въ немъ воиновъ Камбиза). Здѣсь древній монастырь Св. Георгія служитъ Патріарху и его синклиту жилищемъ. Въ Каиръ же пріѣзжаетъ онъ весьма рѣдко, собственно для торжественныхъ служеній,

потому что пріѣздъ сюда для этого почти-столѣтняго старца крайне затруднителенъ, особливо если вспомнить, что здѣсь, по неудобству улицъ и обычаю страны, нельзя иначе ѣздить, какъ верхомъ на мулѣ, ослѣ, лошади или верблюдѣ, изъ которыхъ на первомъ легче и спокойнѣе, чѣмъ на прочихъ. Въ каретѣ же или коляскѣ, которыхъ во всемъ городѣ у главныхъ сановниковъ правительства и нѣкоторыхъ европейцевъ всего три или четыре, проѣдешь только по нѣкоторымъ весьма немногимъ улицамъ, да и то съ передовымъ саисомъ (конюхомъ), для очистки пути отъ народа. Въ лѣтнее время Патріархъ Іероѳей переѣзжаетъ въ Александрію, ища прохлады въ воздухѣ и для пользованія себя морскими купаньями. Чистое, свѣтлое, убѣленное сѣдинами и истинно пріятное лице этого ветхаго деньми и здоровьемъ старца, рѣчь его совершенно приличная его высокому сану, умная, самая теплая, привѣтливая, иногда шутливая и веселая, такъ-что подходишъ къ нему, какъ къ отцу, васъ нѣжно любящему, — совершенно располагаютъ съ перваго взгляда въ его пользу каждаго новопришедшаго; а если послушаешъ, что говорятъ объ немъ въ городѣ, привяжешься къ нему всею душею. Художники наши, братья Чернецовы, въ бытность свою въ Каирѣ, въ томъ же году, сняли портретъ съ него и, конечно, со временемъ мы увидимъ его вылитографированнымъ. Правильныя и весьма пріятныя черты лица, прекрасный разрѣзъ карыхъ глазъ, римскій носъ и хорошій, нѣсколько выше средняго

ростъ, показываютъ, что почтенный старецъ былъ въ свое время весьма хорошъ собою.

Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, Патріархъ спросилъ меня; «здоровъ-ли Андрей, здоровъ-ли Авраамъ, и гдѣ они теперь?» Въ поясненіе къ этому я просилъ сказать мнѣ ихъ фамиліи. «Какъ! развѣ ты ихъ не знаешъ?.. они изъ Россіи и были здѣсь!..» возразилъ онъ, и старикъ не могъ съ-разу вспомнить фамилій; приближенные помогли ему въ этомъ и сказали, что эти два лица суть: Андрей Муравьевъ и Авраамъ Норовъ. Признаюсь, меня тронула эта простота, эта патріархальность нравовъ, при которой именуютъ человѣка не по чину или значенію въ свѣтѣ, не по титлу его знатности, а по названію, данному ему при присоединеніи его къ церкви Христовой. На сдѣланный мнѣ вопросъ я отвѣчалъ, что знать ихъ лично еще не имѣю чести, но мнѣ извѣстно, что они находятся на службѣ въ С. Петербургѣ. Патріархъ добавилъ: «когда воротишься въ Россію и ихъ увидишь, скажи, что я ихъ помню и имъ кланяюсь».

Преклонному старцу, святому жизнію и дѣлами, память уже замѣтно начала измѣнять. Продолжая разговоръ, онъ сказалъ, что Муравьевъ былъ здѣсь очень недавно, не болѣе 4-хъ лѣтъ предъ тѣмъ, и утверждалъ это. Согласился онъ, что прошло этому уже 12 лѣтъ тогда только, когда я напомнилъ ему, что былъ онъ здѣсь тотчасъ послѣ турецкой войны и Адріанопольскаго трактата. Для почтеннаго старца, прошедшее начало сливаться

въ одну тѣсную рамку. «Стараніямъ Андрея, онъ сказалъ потомъ, Каирскіе христіане обязаны тѣмъ, что имѣютъ такой прекрасный храмъ: это онъ выхлопоталъ, что русское правительство прислало деньги на его постройку. А чрезъ старанія Авраама присланы были намъ изъ Петербурга ризы и иконы, украшающія храмъ нашъ. Спасибо русскимъ: они не забываютъ насъ въ нищетѣ!» Послѣ этого Патріархъ назвалъ также по именамъ братьевъ Чернецовыхъ и сказалъ, что они обѣщали ему сдѣлать и прислать портретъ его, но еще не прислали, и что онъ будетъ ожидать его непремѣнно.

Вскорѣ пришелъ отъ консула кавасъ съ извѣщеніемъ, что пора ѣхать къ Мегемету-Али, которому въ этотъ день мы должны были сдѣлать первое посѣщеніе. Мы поспѣшили проститься съ Патріархомъ, этимъ истинно заслуживающимъ самаго глубокаго уваженія, по жизни и дѣламъ святымъ отцемъ, просившимъ насъ не забывать его. У него потомъ мы нѣсколько разъ бывали въ Старомъ-Каирѣ и всегда уносили отъ него какую-то неизъяснимую теплоту въ душѣ, и послѣ того, если я хочу представить себѣ духовнаго отца святой жизни и наружности, внушающей благоговѣніе, видъ Патріарха Іероѳея представляется моимъ мыслямъ. Въ заключеніе объ этомъ пріятномъ знакомствѣ добавлю, что при разговорѣ моемъ съ Патріархомъ имѣлъ любезность служить мнѣ переводчикомъ г. Аверовъ, торговавшій прежде въ Петербургѣ и Одессѣ, получившій нѣкогда золотую медаль за

отправленіе въ Петербургѣ перваго судна съ грузомъ изъ Египта и о которомъ было упомянуто въ поѣздкѣ моей на Синай.

Въ 1846 году Патріархъ Іероѳей преставился, и на мѣсто его избранъ бывшій при немъ въ мое время Векиль, носящій также имя Іероѳея.

II.

Смерть Клебера.

У Каира два многолюдныя предмѣстія, болѣе похожія на отдѣльные города: это Старый-Каиръ и Булакъ, отстоящіе отъ него въ разныя стороны каждый минутъ на двадцать ѣзды. Здѣсь пристани Каира; изъ нихъ важнѣйшая въ Булакѣ, гдѣ находится и главный таможенный пунктъ. Все пространство между Каиромъ и этими предмѣстіями, лѣтъ за 15 или за 20 предъ симъ, было завалено горами мусора и щебня, оставшимися отъ древнихъ построеній. Въ то время проѣздъ здѣсь, безъ вооруженныхъ провожатыхъ, былъ не безопасенъ.

Теперь все это пространство выровнено, разбито на участки, въ видѣ правильныхъ четвероугольниковъ, изъ которыхъ одни засѣваются зерномъ

и овощами, другіе засажены пальмами и оливковыми деревьями; всѣ участки окаймлены прямыми рядами акацій или сиккоморовъ, которые распространили вокругъ свои вѣтви и даютъ прекрасную тѣнь. По аллеямъ, между этими рядами, проѣзжія дороги. Земля увлажена близостью воды; вездѣ проведены канавы, которыя, при разливѣ Нила, наполняются водою; для удобнѣйшаго же орошенія участковъ, послѣ того, какъ вода спадетъ, вездѣ работаютъ водоподъемныя машины. Отъ изобилія воды деревья разрослись, какъ-бы вѣкъ здѣсь были, и мѣстами составили прекрасныя рощи. Все вокругъ зеленѣетъ, освѣжено, бодро, и природа, кажется, радостно улыбается. Вы сами готовы радоваться, видя повсюду жизнь, порядокъ, устройство. Ибрагимъ-паша, дѣлавшій рѣдкое исключеніе въ египетскихъ властяхъ исправнымъ, хотя произвольно-назначаемымъ платежемъ за работу, обратилъ эти мѣста изъ безобразныхъ горъ всякаго возможнаго сора въ плодоносную равнину, и пользуется по праву и всѣми плодами трудовъ своихъ. Всѣми работниками у него здѣсь распоряжалъ французъ Бонфоръ, человѣкъ дѣльный, завѣдывающій всѣми каирскими помѣстьями и дворцами Ибрагима-паши. Пишущій строки эти былъ съ нимъ въ личныхъ отношеніяхъ по нѣкоторымъ дѣламъ и остался имъ вполнѣ одолженнымъ.

По одной изъ аллей этой равнины, идетъ теперь широкая и ровная дорога изъ Булака въ Каиръ. Движеніе и пыль по ней съ утра до ночи. Вере-

ницы верблюдовъ важно выступаютъ по ней подъ тяжестію заморскихъ товаровъ; изрѣдка почтенный улема въ бѣлой чалмѣ на лошакѣ, или гордый турокъ на арабскомъ жеребцѣ, вамъ попадается здѣсь на встрѣчу. Но за то, цѣлые табуны ословъ съ пустыми мѣшками для воды, летя изъ города во весь духъ подъ дикій крикъ и безжалостныя понужденія курбашемъ погонщика, сидящаго на одномъ изъ нихъ боковъ, какъ-бы на скамьѣ, готовы сбить съ ногъ вашего иноходца-осла, на которомъ вы поспѣшаете изъ Булака въ Каиръ. Вооруженные албанцы, толстый коптъ, поджарый-полуголый арабъ, рыжій еврей съ козьей бородкой, цѣлая стая европейцевъ и европеекъ, поспѣшающихъ на пароходъ для отъѣзда въ Александрію,— все это летитъ на встрѣчу вамъ въ-разсыпную на ослахъ въ галопъ или во всю ослиную рысь. За каждымъ осломъ бѣжитъ погонщикъ — мальчишка, отъ 7 до 12 лѣтъ, въ синей изодранной рубашонкѣ, босой, безъ шароваровъ и непремѣнно съ палкой въ рукѣ; безъ пощады онъ кричитъ и безъ жалости погоняетъ порученное ему животное, а если оно гнется подъ тяжестію сѣдока и не поспѣваетъ за прочими, то онъ наровитъ бить его по больному мѣсту, протертому ремнемъ сѣдельной шоры до крови. Отъ этого бѣдный оселъ, поворачивая задъ въ лѣвую сторону — по направленію удара, скачетъ бочкомъ, какъ-бы опаренный кипяткомъ воды. Зная торопливость путешественниковъ, погонщики всегда погоняютъ осла безъ милосердія; а отъ

скорой ѣзды оселъ спотыкается на передніе ноги, и сѣдокъ летитъ черезъ голову осла прямо носомъ въ землю. Часто видишь тамъ эти сцены и смѣло можно сказать, что нѣтъ и не бывало въ Египтѣ еще ни одного европейца, неиспытавшаго непріятности этого паденія. Одинъ щитъ при этомъ — шляпа; но за то она страдаетъ немилосердно. Даже при тихой ѣздѣ, оселъ часто спотыкается, а для сѣдока результатъ одинъ и тотъ же. Я и всѣ мои товарищи пути не избѣжали общей участи, и на нашу долю пришлось достаточное количество такихъ паденій. Но за то, потомъ я ухитрился: приказывалъ отпускать стремена во всю длину ноги; хотя ноги мои при этомъ почти влачились по землѣ, но, при паденіи осла, я становился прямо на нихъ. Предосторожность эту совѣтую принять всякому, кому только случится ѣздить на животныхъ этого рода.

По дорогѣ изъ Булака вы въѣзжаете въ Каиръ чрезъ Булакскія ворота, у которыхъ, подобно тому, какъ и у всѣхъ прочихъ, стоитъ караулъ изъ египетскихъ регулярныхъ войскъ. Ворота эти отворяются для пріѣзжающихъ до позднихъ часовъ ночи, тогда-какъ всѣ прочія, равно почти всѣ внутреннія городскія ворота въ каждомъ кварталѣ, запираются, по Восточному обычаю, тотчасъ послѣ вечерней молитвы, по нашему въ 9 часовъ вечера. За Булакскими воротами представляется вамъ неправильной формы огромная Эзбекійская площадь, обрамленная сплошными рядами высокихъ домовъ въ Восточномъ вкусѣ, съ огромными висячими ок-

нами, закрытыми самой частой рѣшеткой, и съ малыми, всегда на замкѣ, дверями. Надъ домами, вдали, цѣлый лѣсъ минаретовъ мавританской архитектуры. Эта площадь спланирована, орошена каналами и засажена прямыми аллеями деревъ, также въ-слѣдствіе заботъ Ибрагима-паши. Четвероугольники между аллеями наполняются, во время разлива Нила, водою и потомъ засѣваются зерномъ. По аллеямъ бываютъ вечернія прогулки, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мелкая промышленность завела кочевыя кофейни, гдѣ «каведжи» ставятъ низенькія изъ финиковыхъ вѣтвей скамейки и приглашаютъ гуляющихъ курить табакъ и пить кофе.

Отъ воротъ съ лѣвой стороны идетъ, саженей на 25, каменная высокая стѣна, изъ-за которой выглядываютъ верхи деревъ внутренняго сада. Стѣна эта потомъ поворачиваетъ подъ прямымъ угломъ въ-лѣво и идетъ параллельно съ аллеями и каналомъ Эзбекійской площади, отъ которыхъ отдѣлена проѣзжею дорогою. Десятокъ-другой саженей отъ этого поворота, и стѣна примыкаетъ къ большому двухъ-этажному дому, принадлежащему казнѣ. Здѣсь была нѣкогда резиденція извѣстнаго своими жестокостями зятя Мегемета-Али, дефтердарябэя, и нынѣ составляетъ одно изъ какихъ-то правительственныхъ управленій, гдѣ бываетъ иногда и самъ правитель Египта. Еще по-дальше, въ небольшомъ разстояніи, другой домъ за стѣною, гдѣ помѣщается одна изъ военныхъ новоучрежденныхъ школъ. Первый изъ этихъ домовъ есть тотъ самый,

гдѣ жилъ Наполеонъ, во время своего здѣсь пребыванія, и гдѣ потомъ убитъ Клеберъ; въ послѣднемъ была квартира генерала Дамаса.

Повѣренный нашего александрійскаго генеральнаго консульства по дѣламъ въ Каирѣ, г. Бокти, былъ при Клеберѣ драгоманомъ. Извѣстно, что драгоманъ на Востокѣ есть правая рука того, кому служитъ; онъ его неразлучный спутникъ, не рѣдко его полезный совѣтникъ и непремѣнный участникъ во всѣхъ сношеніяхъ его съ жителями: чѣмъ болѣе знаетъ онъ мѣстные нравы и языкъ, тѣмъ болѣе пользуется своими правами. Г. Бокти имѣлъ всѣ эти выгоды на своей сторонѣ и былъ, въ глазахъ жителей, важнымъ лицемъ при особѣ французскаго главнокомандующаго.

Въ бытность мою въ Каирѣ, въ прошлыхъ 1842 — 1843 г., отъ времени до времени я навѣщалъ этого веселаго старика. Часто заводилъ я съ нимъ разговоръ о давнишнемъ его знаменитомъ патронѣ, и Бокти любилъ вспоминать объ этомъ времени, какъ и всѣ мы, на склонѣ жизни о дняхъ юности. Рѣчь его оживлялась разсказами объ открытомъ, истинно благородномъ характерѣ и веселомъ нравѣ Клебера, разными остротами и забавными анекдотами того времени.

Иногда я обращался къ старику Бокти съ вопросами о трагической смерти Клебера, и онъ не отказывалъ удовлетворить любопытству моему, приведши въ порядокъ воспоминанія этой грустной для него катастрофы. Для того же, чтобъ облегчить

его память, я предложилъ прочесть ему объ этомъ происшествіи мѣста въ бывшихъ у меня подъ-рукою путешествіяхъ, прося его останавливать меня при чтеніи тамъ, гдѣ найдетъ онъ ошибку въ описаніи, не полноту или противорѣчіе. Однажды, передъ вечеромъ (въ маѣ 1843), мы провели часа три въ этомъ чтеніи, при которомъ почтенный мой хозяинъ дѣлалъ большіе комментаріи, поправки и дополненія. Болѣе близкимъ въ правдѣ признано имъ описаніе Жерамба, разсказанное ему Адеромъ, бывшимъ въ то время въ Каирѣ, за исключеніемъ однакожь многихъ обстоятельствъ вообще и въ особенности относившихся до убійцы, котораго Адеръ не могъ знать близко, тогда-какъ Бокти дѣлалъ ему допросы и служилъ драгоманомъ во все время слѣдствія и суда, участвовалъ въ погребальной процессіи Клебера и былъ свидѣтелемъ казни преступника. Но приводимое нами здѣсь описаніе этого происшествія, составленное преимущественно по словамъ нашего очевидца, принимавшаго въ немъ столь горячее участіе, мы можемъ назвать самымъ вѣрнымъ изъ всѣхъ, до сихъ поръ появившихся.

Когда Наполеонъ занялъ Каиръ, то помѣстился въ указанномъ нами выше домѣ, принадлежавшемъ до того времени главному мамлюкскому бэйскому дому Эльфи. Въ этомъ домѣ, согласно требованіямъ жильца, сдѣланы были нѣкоторыя внутреннія перемѣны и вновь устроена галлерея во внутренній садъ. По отъѣздѣ Наполеона въ Европу, домъ этотъ удержалъ имя главной квартиры; въ немъ

помѣстился главнокомандующій французскими войсками въ Египтѣ, генералъ Клеберъ, и въ упомянутой галлереѣ былъ онъ убитъ арабомъ Сулейманомъ-эль-Халеппе (т. е. родомъ изъ Алеппа).

Во время сраженія у Геліополиса, которому французы, по словамъ ихъ же соотечественника, Мишó, напрасно приписываютъ такую громкую славу, Каиръ весьма пострадалъ отъ взволновавшагося народа, овладѣвшаго цитаделью и производившаго оттуда страшную канонаду на городъ. Много улицъ совсѣмъ выгорѣло и большое число домовъ, занятыхъ французами для жилья, было или совсѣмъ разрушено, или приведено въ такое состояніе, что жить въ нихъ было невозможно. Домъ главной квартиры былъ въ особенности поврежденъ ядрами, брошенными съ цитадельскихъ укрѣпленій. Когда, послѣ разбитія верховнаго визиря Юсуфа-паши, французы опять заняли Каиръ, то приступлено было къ починкѣ этого дома. При этомъ случаѣ, Клеберъ приказалъ сдѣлать въ немъ разныя передѣлки въ расположеніи комнатъ и другія пристройки, требовавшія нѣкотораго времени; а до того, онъ поселился на другомъ, лѣвомъ, берегу Нила, въ загородномъ домѣ Мурадъ-бея, у самой деревни Джизе, въ двухъ часахъ ѣзды отъ которой на западъ находятся самыя большія пирамиды, по близости къ этой деревнѣ названныя джизейскими.

Верховный визирь, будучи разбитъ у Геліополиса, возвратился въ Сирію, скоро достигъ Газы и потомъ Яффы, гдѣ остановился, находясь близко

отъ жизненныхъ пособій. Отсюда онъ началъ разсылать свои воззванія къ мусульманамъ. Въ фирманахъ его, глава французскихъ войскъ представлялся, какъ человѣкъ безъ всякой вѣры, какъ разрушитель всякой религіи. Всѣ мусульмане, во имя пророка и курана, призывались на священную войну. Адеръ добавляетъ, что визирь въ особенности обѣщалъ свое покровительство и огромныя награды тому, кто убьетъ начальника христіанскихъ войскъ въ Египтѣ. Хотя о послѣднемъ обстоятельствѣ г. Бокти отозвался незнаніемъ, но мы помѣстили его здѣсь собственно для свѣдѣнія читателей, вовсе не ручаясь за его справедливость. Всѣ воззванія визиря остались совершенно безотвѣтными.

Въ это время прибылъ въ Яффу, по дорогѣ отъ Іерусалима, молодой арабъ, лѣтъ около двадцати-трехъ или четырехъ, темно-бронзоваго цвѣта, роста менѣе средняго, худой тѣломъ и изнуренный тягостнымъ дальнимъ путемъ. Кромѣ платья на плечахъ, никакихъ вещей съ нимъ не было; но куранъ, который изучалъ онъ у лучшихъ улемовъ своей родины, въ хорошемъ сафьянномъ переплетѣ висѣлъ у него на ремнѣ черезъ плечо, и онъ берегъ его, какъ сокровище. Арабъ этотъ былъ Сулейманъ — тотъ самый, кому судьба назначила быть убійцею Клебера. Прибылъ онъ прямо изъ Алеппо, не останавливаясь нигдѣ въ пути лишняго часа, и только въ эль-Кудусѣ (или эль-Кодсѣ, арабское названіе Іерусалима) заходилъ въ эль-Сахару (мечеть Омара) поклониться камню, съ котораго

пророкъ на кобылицѣ эль-Боракъ ѣздилъ въ гости на седьмое небо. Отецъ Сулеймана былъ достаточный человѣкъ, промысломъ мясникъ, постоянный житель города Алеппо. По разнымъ проискамъ и наговорамъ, а можетъ быть и за дѣло, алеппскій губернаторъ, Ибрагимъ-паша, посадилъ его въ тюрьму и грозилъ неминуемою скорою казнію, домъ его, по обычаю страны при подобныхъ обстоятельствахъ, разграбилъ, женъ, дѣтей и слугъ разогналъ. Видя отца и все свое семейство въ такомъ несчастномъ положеніи, ожидая себѣ, можетъ быть, такой же участи и не имѣя въ Алеппѣ послѣ этой опалы ни кола ни двора, Сулейманъ нашъ бѣжалъ отсюда и направился въ мѣста, гдѣ былъ верховный визирь, надѣясь найти у него защиту и покровительство чрезъ знакомаго его отцу янычаръ-агасы (начальника янычаръ) Ахмеда-агу.

Сулейманъ нашелъ въ Яффѣ и верховнаго визиря, и начальника янычаръ. Въ тотъ же день онъ обратился къ Ахмету-агѣ съ просьбою, о заступленіи за отца и освобожденіи его изъ тюрьмы. Зная очень хорошо духъ турецкаго управленія, этотъ отвѣчалъ ему, что у визиря теперь дѣлá въ головѣ по-важнѣе, чѣмъ такое маловажное въ его глазахъ обстоятельство, и что подобная просьба на-вѣрно останется безъ всякаго успѣха. Да и станетъ ли онъ судить мясника съ пашею? Вотъ, если бы ты могъ сдѣлаться ему извѣстнымъ какимъ-нибудь славнымъ дѣломъ!..»

— Но какую я могу оказать услугу, чтобъ онъ

меня узналъ и чтобъ этимъ могъ я спасти отца и возвратить домъ нашъ? возразилъ Сулейманъ.

«Какую! Да, это немножко трудно. Вотъ развѣ убьешь султана эль-Кельбуни!» отвѣчалъ тотъ со смѣхомъ.

Такъ называли арабы Клебера, затрудняясь выговорить его имя какъ слѣдуетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ изъ этого слова дѣлали каламбуръ, потому что кельбуни по-арабски значитъ «собака». Буква *е* въ этомъ словѣ выговаривается въ горлѣ и составляетъ въ произношеніи какъ-бы средину между буквами *а* и *е*. Другіе называли Клебера также кельбъ — «собачонка».

Ахмедъ-Ага сказалъ Сулейману эту мысль, какъ невозможную къ исполненію, — все равно, что снять звѣзду съ неба. Но Сулейманъ принялъ ее за наличную монету. Надежда спасти отца, утѣшить мать и возвратить ихъ достояніе — заблистала въ душѣ его всѣми радужными цвѣтами; вольная, крылатая думка не замедлила настроить ему цѣлыя сотни воздушныхъ за́мковъ. Онъ ухватился за эту мысль такъ же точно, какъ утопающій хватается за щепу, плывущую по волнамъ; всю ночь онъ не спалъ, утвердилъ себя въ возможности исполненія этого намѣренія и, пришедши на другой день къ Ахмеду-агѣ, объявилъ ему увѣрительно, что берется за это предпріятіе и исполнитъ его, хотя бы сто́ило оно ему и самой жизни, но съ тѣмъ, чтобъ до того времени жизнь отца его была пощажена; а какъ онъ совершенно

издержался и не имѣетъ даже на что купить кусокъ хлѣба, то на дорогу просилъ денежнаго пособія. Ахмедъ-ага слушалъ его со смѣхомъ; но тотъ стоялъ на своемъ со всею твердостію человѣка, рѣшившагося умереть или успѣть въ своемъ предпріятіи.

Видя такую фанатическую рѣшимость въ молодомъ человѣкѣ, янычаръ-ага склонился на его убѣжденія и далъ ему сто турецкихъ піастровъ и дромадера для переѣзда въ Каиръ, думая, конечно, что если и пропадетъ это его пособіе, то не велика потеря. При этомъ, онъ обѣщалъ Сулейману постараться, чтобъ отца его сохранили въ живыхъ; но срока для исполненія предпринятаго намѣренія давалъ ему только отъ 30 до 35 дней со времени выѣзда, съ тѣмъ, что если срокъ этотъ онъ пропуститъ безъ успѣха, то отецъ его будетъ непремѣнно повѣшенъ. Первое сказалъ онъ, конечно, чтобъ успокоить молодаго человѣка, послѣднее — чтобъ болѣе поддать жару и сильнѣе утвердить его рѣшимость; а хлопоталъ ли о пріостановленіи казни старика, неизвѣстно, и весьма сомнительно, чтобъ онъ объ этомъ и безпокоился.

Въ тотъ же день Сулейманъ отправился въ путь и чрезъ восемь или девять дней былъ уже въ Каирѣ.

Турки, при обыкновенномъ своемъ бездѣйствіи, большіе охотники до новостей. Вечеромъ того же дня, какъ Сулейманъ отправился, янычаръ-ага сообщилъ о предпріятіи молодаго сирійца верховно-

му визирю. Выслушавъ его, Юсуфъ-паша сказалъ, что исполненіе этого предпріятія есть вещь невозможная и что даже самая мысль о подобномъ предпріятіи чисто безумна и ни съ чѣмъ несообразна. «Я и самъ такого же мнѣнія», отозвался янычаръ-ага: «да что, впрочемъ, за бѣда, если этотъ малой и пропадетъ, если однимъ дилли (отчаяннымъ) будемъ меньше?»

Во всѣхъ сколько-нибудь порядочныхъ городахъ на Востокѣ существуетъ похвальный обычай давать при главныхъ мечетяхъ пріютъ странникамъ. Въ значительныхъ же городахъ, это составляетъ предметъ щегольства и роскоши. Мечети на Востокѣ строятся не на счетъ обществъ, какъ это почти всегда бываетъ въ Европѣ, а султанами, пашами и богатыми людьми — для спасенія души своей. По этому, мечети всегда носятъ имена строителей. При многихъ мечетяхъ по городамъ имѣются особые дворы, состоящіе изъ зданій вокругъ, съ мрачными комнатами, для помѣщенія пришельцевъ. Часто здѣсь же, или же въ другихъ особыхъ ханахъ, даютъ имъ безплатно и пищу. Всѣ эти богоугодныя заведенія учреждены также султанами или какими-нибудь богачами, желавшими подобными жертвами примирить совѣсть свою съ небомъ; а какъ странствія въ Мекку составляютъ одно изъ необходимѣйшихъ условій въ жизни правовѣрныхъ мусульманъ, то подобные пріюты — истинное благодѣяніе.

Когда Сулейманъ-эль-Халеппе прибылъ въ Каиръ,

то помѣстился въ одной изъ главныхъ такихъ тамошнихъ гостинницъ, находящейся при мечети эль-Азхаръ. Онъ имѣлъ сюда, какъ думаютъ, рекомендательное письмо отъ янычаръ-аги. При этой мечети находится высшее духовное училище и здѣсь же главные улемы и законники исламизма.

Вскорѣ по пріѣздѣ, Сулейманъ открылъ свое намѣреніе четыремъ улемамъ этой мечети и просилъ ихъ совѣта, какъ бы удобнѣе его выполнить. По здравомъ обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ, тѣ ему совѣтовали отложить это намѣреніе, какъ невозможное къ исполненію, и поспѣшить домой, пока отецъ его не повѣшенъ; а тамъ, можетъ быть, онъ еще найдетъ возможность отстранить это несчастіе. Хотя Сулейманъ упорствовалъ и стоялъ на своемъ, однакожъ ничего не предпринималъ.

Въ такомъ положеніи это дѣло оставалось до 29-го дня даннаго янычаръ-агою срока. Сулейманъ видѣлъ, что срокъ приближался и что нужно было поспѣшить что-либо предпринять, на что-нибудь рѣшиться, пока отецъ его еще не казненъ. Между тѣмъ, деньги свои онъ всѣ издержалъ и у него изъ ста піастровъ оставалось всего только тридцать паръ. Онъ видѣлъ, что время и средства его истощились, а между тѣмъ къ дѣлу онъ не только не приступалъ, но даже еще и въ глаза не видалъ султана эль-Кельбуни. Все это крайне безпокоило Сулеймана, и онъ рѣшился во чтобы то ни стало приступить къ дѣлу. Съ преслѣдовавшею его мыслію онъ слонялся, какъ полусонный, по

мечетямъ, тѣснымъ улицамъ Каира и безчисленнымъ базарамъ, будучи увлекаемъ толпою въ ту или другую сторону. Проходившій караванъ навьюченныхъ верблюдовъ притиснулъ его къ одной изъ лавокъ эль-гурійскаго базара. Бросивъ невольно взглядъ на разложенные предъ нимъ товары, онъ, какъ-бы очнулся отъ сна: предъ нимъ въ числѣ прочихъ желѣзныхъ и мѣдныхъ мелочныхъ вещицъ, выложенныхъ для продажи, лежали простые арабскіе ножи разной цѣны и величины. Съ жадностію онъ бросился на нихъ, какъ на вожделѣнный кладъ, началъ перебирать ихъ, пробовать пальцемъ ихъ остріе; но лучшіе изъ нихъ были не по его деньгамъ. Переходя отъ одного сорта къ другому, онъ дошелъ до самаго низшаго и за уцѣлѣвшія у него тридцать паръ купилъ желанное сокровище—арабскій ножъ, но самаго простаго разбора. Въ піастрѣ 40 паръ; по настоящему курсу, 30 паръ составляютъ до $4^3/_4$ коп. сереб. Курсъ на турецкую монету былъ прежде гораздо выше и, можетъ быть, въ то время 30 паръ равнялись суммѣ отъ 15 до 25 коп. серебромъ. Этотъ ножъ въ 30 паръ былъ орудіемъ смерти французскаго главнокомандующаго и, можно сказать, уничтожилъ всѣ завоеванія французовъ въ Египтѣ; потому что смерть Клебера повлекла за собою всю цѣпь ихъ несчастій, неудачь, и не будь Клеберъ убитъ, дѣла Наполеонова войска представились бы здѣсь совершенно въ иномъ видѣ. Наполеонъ вполнѣ понялъ великость этой для него потери, не смотря на всю

не-любовь къ нему Клебера. Когда курьеръ привезъ ему египетскую почту съ этимъ извѣстіемъ, онъ немедленно,—было это ночью,—позвалъ къ себѣ Бурръена, который, какъ очевидецъ, описываетъ все разстройство при этомъ его духа; на лицѣ его, добавляетъ Бурръенъ, ясно прочесть можно было: Египетъ потерянъ для насъ.

Выше было сказано, что Клеберъ жилъ въ это время въ Джизе. 13 іюня 1800 года, тотчасъ послѣ обѣда, Клеберъ, два его адъютанта и Бокти курили сигары. Вошелъ человѣкъ съ докладомъ, что одинъ арабъ желаетъ видѣть генерала. Бокти, по должности драгомана, вышелъ и спросилъ этого араба, для чего ему нужно видѣть генерала; тотъ отвѣчалъ, что хочетъ лично подать ему просьбу. На это Бокти отозвался, что теперь для этого не время и чтобъ онъ пришелъ завтра. Арабъ этотъ былъ Сулейманъ-эль-Халеппе. Приходилъ онъ на другой день покупки имъ ножа и наканунѣ смерти Клебера.

На другой день, 14-го іюня утромъ, былъ смотръ ново-сформированнаго полка изъ коптовъ, на островѣ Руда, противъ Стараго-Каира и гдѣ находится извѣстный нилометръ. Въ то время, этотъ островъ былъ соединенъ съ твердою землею понтонным мостомъ. Это единственный мостъ на Нилѣ, когда-либо существовавшій; ни прежде, ни послѣ, мостовъ на этой рѣкѣ не бывало. Послѣ смотра, генералъ Клеберъ, въ сопровожденіи большой свиты генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, переѣхалъ

мостъ, повернулъ на лѣво и отправился на завтракъ къ генералу Дамасу, начальнику генеральнаго штаба, домъ котораго соединялся садомъ съ домомъ Клебера на Эзбекійской площади, какъ о томъ было сказано выше. Во весь путь, отъ моста до дома Дамаса, Сулейманъ-эль-Халеппе, въ толпѣ сопровождавшій этотъ поѣздъ, безпрестанно вертѣлся подлѣ Клебера, часто забѣгалъ впередъ, чтобъ по-лучше изучить лицо своей жертвы, которой до сихъ поръ еще нигдѣ не видалъ. Часто саисъ (конюхъ, бѣгущій впереди лошади) Клебера прогонялъ его съ дороги и отталкивалъ въ сторону. Когда Клеберъ со свитою въѣхалъ на дворъ генерала Дамаса, Сулейманъ съ толпою народа остался за воротами.

Много генераловъ, офицеровъ, нѣсколько членовъ Института и начальниковъ разныхъ управленій участвовало въ этомъ завтракѣ, въ продолженіе котораго Клеберъ, по своему обыкновенію, былъ весьма веселъ, сыпалъ острыя слова и каламбуры. Послѣ завтрака, онъ отозвалъ въ сторону архитектора Протена, завѣдывавшаго работами въ его домѣ, и предложилъ ему отправиться туда вмѣстѣ съ нимъ, чтобъ поговорить о нѣкоторыхъ предполагаемыхъ переменахъ въ расположеніи комнатъ. Съ сигарами во рту они отправились туда черезъ садъ. Бокти, по должности драгомана, неотстававшій нигдѣ отъ Клебера, также пошелъ за ними.

Клеберъ прошелъ по всѣмъ комнатамъ, разговаривая съ Протеномъ. Замѣтивъ у дверей часова-

го, онъ отпустилъ его и сказалъ, что въ немъ нѣтъ надобности. Бокти, видя это, думалъ, что генералъ хочетъ остаться одинъ съ архитекторомъ, и также вышелъ, вскочилъ на лошадь и отправился къ своимъ задушевнымъ знакомымъ, или вѣрнѣе— знакомкамъ въ Булакъ. Не прошло и четверти часа, какъ онъ слышитъ звукъ трубы, сзывающій всѣ войска въ главную квартиру. Въ–минуту Бокти былъ верхомъ и поскакалъ назадъ; здѣсь онъ узнаетъ, что генералъ убитъ.

Убіеніе Клебера, по словамъ Бокти, произошло слѣдующимъ образомъ. Такъ какъ домъ Клебера былъ пустъ и какъ, сверхъ-того, генералъ отпустилъ часоваго, то Сулейманъ-эль-Халеппе, котораго какъ-будто сама судьба сюда вела, прошелъ во внутренность покоевъ, не бывъ ни кѣмъ замѣченнымъ, ни кѣмъ остановленнымъ. По разнымъ комнатамъ и переходамъ онъ достигъ галлереи въ садъ, на которой стоялъ генералъ и разговаривалъ съ Протеномъ. Увидавъ Сулеймана, генералъ пошелъ къ нему на встрѣчу; тотъ, съ самымъ униженнымъ видомъ, подаетъ ему лѣвою рукою къ самому почти лицу какую-то развернутую бумагу, какъ-бы просьбу, и въ то же мгновеніе правою вонзаетъ въ его грудь скрытый въ рукѣ ножъ, и попалъ прямо въ сердцѣ. Генералъ закричалъ «я раненъ!» Протенъ подбѣжалъ на помощь и схватилъ убійцу; но этотъ, съ быстротою молніи, нанесъ ему шесть ранъ въ грудь и повергъ на-земь за-мертво. Клеберъ еще стоялъ держась за перила галлереи; Су-

*

лейманъ обратился къ нему и ударомъ ножа опрокинулъ на полъ; потомъ нанесъ ему еще двѣ или три раны въ шею и скрылся.

Изъ всего этого разсказа видно, что какъ-будто сама судьба приготовила Клеберу эту участь, устранивъ все, что могло бы воспрепятствовать замыслу Сулеймана. Какъ-будто нарочно нужно было случиться для этого такому стеченію обстоятельствъ: чтобъ Клеберъ прошелъ въ свой домъ безъ свиты, чтобъ приказалъ часовому удалиться, чтобъ Бокти, видя это, самъ отлучился, и чтобъ, наконецъ, Сулейманъ прошелъ къ нему ни кѣмъ незамѣченный, ни кѣмъ неспрошенный.

Крикъ Клебера и Протена былъ услышанъ на улицѣ. Тотчасъ дали объ этомъ знать въ домъ генерала Дамаса, гдѣ еще всѣ гости сидѣли за кофеемъ и съ трубками. Всѣ прибѣжали къ Клеберу; хотя онъ еще и дышалъ, но не произносилъ ни одного слова; пособія медицины были напрасны, и чрезъ нѣсколько минутъ его не стало. Но Протенъ, котораго нашли также безъ всякихъ слѣдовъ жизни, отошелъ и сообщилъ въ нѣсколькихъ словахъ примѣты убійцы и какъ было дѣло. Всѣ бросились искать убійцу, даже сами мамлюки, знавшіе лучше мѣстность, способствовали французамъ въ этихъ поискахъ. Сначала было схватили одного шеиха, извѣстнаго по своей ненависти къ французамъ и на котораго пали подозрѣнія; но, по свидѣтельству Протета, онъ былъ отпущенъ.

Сулеймана искали вездѣ и не могли найти до

самаго вечера. Одна абиссинка, сидя у окна сосѣдняго дома, обращеннаго одною стороною въ садъ Клебера, и видя суматоху и поиски, спросила кого ищутъ, и когда сказали ей, въ чемъ было дѣло и сообщили примѣты убійцы, то она отозвалась, что видѣла, ка́къ одинъ человѣкъ скрылся въ этомъ самомъ саду въ *сакіе* (такъ называется въ Египтѣ широкій, обложенный камнемъ, четвероугольный колодезь, изъ котораго, посредствомъ колеса особаго устройства, съ повѣшенными на немъ на веревкѣ кувшинами, подымается вода для поливки садовъ и нивъ; колесо это приводится въ дѣйствіе посредствомъ особаго рычага, который ворочаютъ вокругъ запряженные въ него быки). Въ этой самой *сакіе* отыскали Сулеймана и вблизи его запрятанный ножъ съ запекшеюся на немъ кровью.

Сулейманъ не признавался, не смотря ни на улики Протена, ни на отысканный близь него окровавленный ножъ. По обычаю Восточному, ему задали нѣсколько сотъ курбашей, и онъ сознался.

Курбашъ есть хлыстъ изъ кожи гиппопотама, въ одномъ концѣ толщиною въ палецъ, а въ другомъ тонѣе и тонѣе. Онъ твердъ и упругъ, почти-какъ китовый усъ. Сидя верхомъ на конѣ имѣть курбашъ въ рукѣ считается неприличнымъ, потому что ударъ имъ для лошади находятъ слишкомъ варварскимъ: если ударить имъ съ размаха, то на тѣлѣ вскочитъ волдырь

по всему протяженію линіи, по которой легъ курбашъ.

Изъ допросовъ, сдѣланныхъ Сулейману посредствомъ Бокти особо-назначенною военною коммиссіею, узнали, въ чемъ заключалась главная побудительная причина его преступленія и ка́къ она родилась въ его головѣ. Все это изложено выше. Когда дошли до вопроса о его участникахъ, то онъ, послѣ отрицанія и слѣдовавшаго за тѣмъ вторичнаго наказанія курбашами, объявилъ, что о предпріятіи его было извѣстно только четыремъ улемамъ мечети эль-Азхаръ, но что они вовсе не подстрекали его, а напротивъ уговаривали оставить преступный замыселъ. Тотчасъ велѣно было схватить этихъ улемовъ; но взято было только трое изъ нихъ: четвертый скрылся.

Чтобъ страхомъ наказанія поразить умы мусульманъ и отвратить на будущее время всякое посяганіе на подобное дѣло, военно-судная коммиссія заключила приговорить Сулеймана къ возможно-жесточайшей казни. Въ слѣдствіе этого назначено было ему слѣдующее ужасное тройственное наказаніе: 1) сжечь у живаго кисть правой руки, какъ орудіе преступленія, 2) потомъ посадить его на колъ и 3) оставить на колу до тѣхъ поръ, пока трупъ его не будетъ съѣденъ хищными птицами. Тремъ улемамъ положено, за знаніе объ этомъ умыслѣ и за недоведеніе о немъ до свѣдѣнія начальства, отрубить головы. Исполненіе казни назначено было въ день похоронъ Клебера, тотчасъ послѣ окон-

чанія погребальной процессіи, въ виду могилы Клебера и въ присутствіи всѣхъ войскъ въ траурѣ и устрашенныхъ жителей Каира.

По понятіямъ мусульманъ, ограниченіе казни однимъ Сулейманомъ и тремя улемами, было непомѣрно-милостиво; они ожидали, что значительная часть города будетъ принесена въ жертву за смерть такого важнаго лица. Это совершенно въ духѣ Восточной философіи и, конечно, памятно всѣмъ, какъ въ послѣдствіи, во время Мегемета-Али, за коварное убіеніе его сына, Измаила-паши, болѣе тридцати тысячь народа погибло въ Сеннаарѣ, по распоряженію ужаснаго дефтердаря-бэя, зятя правителя Египта.

Въ день смерти Клебера, Дезе́ палъ подъ Маренго. Въ одинъ день и почти въ одинъ часъ, Франція лишалась двухъ своихъ славныхъ генераловъ!..

Тотчасъ послѣ смерти главнокомандующаго, всѣ генералы, находившіеся въ Каирѣ, составили военный совѣтъ. Тотъ, кого военные законы призывали къ командованію войсками, немедленно сдѣлалъ всѣ распоряженія, какія, по важности тогдашнихъ обстоятельствъ, признавались необходимыми: отряды войскъ безпрестанно показывались по всѣмъ улицамъ и на площадяхъ, французскіе флаги были подняты на минаретахъ, каждые полчаса былъ слышенъ пушечный выстрѣлъ съ цитадели. Мѣры эти были тѣмъ болѣе необходимы, что въ переворотахъ, столь часто потрясавшихъ Востокъ, насиль-

ственная смерть главнаго начальника почти всегда влекла за собою уничтоженіе его партіи и войска, которое тотчасъ разсыпалось, какъ овцы безъ пастыря.

Далѣе будемъ говорить словами Адера, вполнѣ подтвержденными нашимъ очевидцемъ, г. Бокти.

«Утромъ 17 Іюня, залпы артиллеріи изъ цитадели, повторенные всѣми баттареями, дали знать, что похороны будутъ въ этотъ день. Войска, генералитетъ, начальники управленій, власти народа — христіанскія и мусульманскія, всѣ соединенные однимъ чувствомъ горести, торжественно явились въ главную квартиру, чтобъ участвовать въ выносѣ бренныхъ остатковъ Клебера. Гробъ поставленъ былъ на погребальной колесницѣ, которую везли шесть лошадей; черное сукно, усѣянное серебряными слезами, покрывало гробъ, и траурный видъ его составлялъ самый печальный контрастъ съ знаками главнокомандующаго. Погребальный поѣздъ въ религіозномъ порядкѣ слѣдовалъ по главнымъ улицамъ Каира, при громѣ пушекъ и залпахъ изъ ружей. Онъ тихо приближался къ отдѣльному полю, извѣстному подъ именемъ Ибрагимъ-бэева. Въ узкомъ мѣстѣ бастіона подняли холмъ, вершину котораго увѣнчали кипарисами: всѣ эмблеммы горести представились здѣсь опечаленнымъ взорамъ. Весь генералитетъ спѣшился, офицеры и солдаты бросали вѣнки на гробъ и проливали слезы на могилѣ. Послѣ этой церемоніи, поѣздъ пришелъ въ движеніе и направился къ Площади-Института, гдѣ

Сулейманъ и три улема должны были получить плату за ихъ преступленія.»

Улемы, какъ говоритъ Бокти, при всемъ мусульманскомъ фанатизмѣ, предписывающемъ не роптать на несчастія, такъ какъ они посылаются отъ Бога и написаны въ книгѣ съ-поконъ-вѣка, не могли выдержать твердости духа, и отчаяніе живо рисовалось на ихъ лицахъ, а по-временамъ изъ устъ ихъ вырывались и проклятія на Сулеймана, увлекшаго за своею судьбою и ихъ, по ихъ понятіямъ, совершенно безвинно. Что же касается до Сулеймана, то онъ какъ-бы гордился своимъ дѣломъ, шелъ самою твердою поступью и, какъ-бы мученикъ вѣры, показывалъ видъ совершеннаго спокойствія, плевалъ на христіанъ и на всѣхъ, кого замѣчалъ въ европейскомъ платьѣ, и только иногда упрекалъ арабовъ, привлеченныхъ сюда любопытствомъ, въ томъ, что они допускаютъ собакамъ-франкамъ вести на казнь истинныхъ мусульманъ и въ особенности трехъ почтенныхъ учителей ихъ закона, совершенно напрасно, и за кого же? за одного невѣрнаго франка!

Адеръ говоритъ, что твердость духа не оставляла его во все время и онъ пролилъ нѣсколько слезъ только въ темницѣ, когда ему напомнили о его семействѣ.

При этомъ напомнимъ читателю, что онъ былъ грамотенъ и хорошо изучилъ догматы исламизма. Куранъ былъ, во все время ареста, его неразлуч-

нымъ другомъ и, какъ послѣднее достояніе, висѣлъ и теперь у него на ремнѣ, по-прежнему.

Казнь началась съ улемомъ: имъ отрубили головы. Генералъ Себастіани, тогдашній полиціймейстеръ города, стоялъ очень близко отъ Сулеймана. Себастіани носилъ костюмъ арабаній; принявъ его за одного изъ знатныхъ арабовъ, привлеченныхъ сюда изъ усердія къ французамъ, Сулейманъ обратился къ нему съ самымъ горькимъ упрекомъ и сказалъ: «ну, скажи, пожалуйста! боишься ли ты Бога? есть ли въ тебѣ хоть одна искра совѣсти? И ты, подобно всѣмъ прочимъ безсмысленнымъ арабамъ. смотришь, какъ-бы на самую ничтожную вещь, какъ четыре добрые мусульманина гибнутъ за одну христіанскую собаку! Не добро вамъ, а проклятіе!»

Послѣ улемовъ, приступлено было къ самому Сулейману. Когда жаровня была готова, то хотѣли силою держать надъ огнемъ его руку; онъ сказалъ, что этой мѣры не нужно и что самъ онъ будетъ держать ее, — и дѣйствительно держалъ нѣсколько минутъ. Но потомъ, когда огонь началъ слишкомъ больно жечь, онъ судорожно дернулъ руку отъ жаровни; хотя же потомъ и бытъ готовъ снова сунуть ее туда же, но ему не довѣрили, и уже держали ее силою другіе во все время исполненія перваго пункта приговора. Сулейманъ выдержалъ это мученіе съ непонятною твердостію духа, не испустивъ ни одного стона: стиснувъ зубы, онъ

молчалъ во все время. Послѣ этого, приступлено было къ исполненію втораго пункта; для этого положили его бокомъ на-земь. Все вокругъ затихло, всѣ притаили дыханіе и только иногда слышно было, какъ лошадь била копытомъ землю. Принесли деревянный колъ толщиною въ вершокъ, съ желѣзнымъ остріемъ, и молотъ . . . . Но при этомъ ужасномъ страданіи, отъ одной мысли о которомъ становится волосъ дыбомъ, сила воли несчастной жертвы не могла выдержать прежней твердости, и дикій вопль *аманъ! аманъ!* послышался за вторымъ ударомъ молота и продолжался, пока страдалецъ не изнемогъ.

Адеръ замѣчаетъ, что когда колъ, воткнутый въ землю перпендикулярно, поднялъ въ воздухъ несчастнаго Сулеймана, то онъ провелъ взоры свои по всей толпѣ, стоявшей у ногъ его, и звучнымъ голосомъ произнесъ: «Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, а Мухаммедъ пророкъ его — *Ля илягъ иль-Аллахъ Мухаммедъ расуль Аллахъ*»—стихъ, который, кромѣ безчисленныхъ случаевъ, арабы поютъ хоромъ при похоронахъ, во весь путь, отъ дома покойника до кладбища. Такимъ образомъ, Сулейманъ пропѣлъ самъ себѣ послѣднюю погребальную пѣснь. Бокти добавляетъ къ этому еще, что, не смотря на все свое страданіе при этомъ не-человѣческомъ мученіи, онъ не переставалъ плевать на христіанъ, гдѣ только ихъ замѣчалъ, и даже когда не могъ уже плевать отъ сухости во рту и изнеможенія силъ, то дѣлалъ движеніе губами,

будто плюетъ, поворачивая при этомъ голову въ ту сторону, гдѣ замѣчалъ костюмъ христіанскій.

Въ заключеніе Адеръ говоритъ, что Сулейманъ живъ былъ на колу 4 часа; но Бокти отзывается, что время это слишкомъ велико и что онъ былъ живъ, можетъ быть, часъ, но никакъ не болѣе. При этомъ нѣсколько разъ онъ просилъ подать ему напиться; исполнители казни запрещали удовлетворять его жажду для того, чтобъ этимъ продлить его страданія, потому что питье тотчасъ бы остановило обращеніе крови въ его сердцѣ. Но когда они ушли, то оставленный у кола часовой, изъ состраданія, подалъ на ружьѣ страдальцу воды въ глиняной кружкѣ; напившись ея, онъ тотчасъ умеръ. У кола былъ оставленъ караулъ на все время, пока птицы исполнили и третій пунктъ приговора.

Скелетъ Сулеймана былъ привезенъ во Францію вмѣстѣ съ тѣломъ его жертвы, которое французы, подражая поступку Израильтянъ съ тѣломъ Іосифа, взяли съ собою изъ Египта. Скелетъ этотъ, помѣщенъ въ зданіе, ближайшее къ королевскому саду, въ первой анатомической залѣ, на-лѣво отъ входа; высотою онъ пять футовъ и почти два дюйма; кости праваго кулака обожжены и на нихъ еще виды слѣды огня; колъ сломалъ два спинные позвонка: на ихъ мѣсто сдѣланы позвонки изъ дедерева, цвѣтомъ близкаго къ натуральнымъ позвонкамъ, такъ-что нужно большое вниманіе, чтобъ ихъ отличить.

Теперь разведенъ Ибрагимомъ-пашою, или вѣрнѣе, Бонфоромъ, большой садъ, частію фруктовой, при гаремѣ этого паши, между Булакомъ и Старымъ-Каиромъ, противъ острова Руда, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ возвышался нѣкогда бастіонъ, послужившій Клеберу временою могилою. Теперь нѣтъ даже признака, чтобъ было когда-либо здѣсь возвышеніе или насыпь: все это расчищено, все сравнено. Тѣнистыя аллеи и богатыя бесѣдки съ мраморными полами и покрытыя зеленью, плющемъ и тропическими цвѣтами, даютъ отдыхъ одалыкамъ египетскаго сатрапа, наслѣдника Мегемета-Али въ управленіи Египтомъ. Куртины цвѣтовъ, дорожки, усыпанныя мелкими раковиными Краснаго моря, бассейны, обложенные разноцвѣтнымъ мраморомъ, царьградскія золотыя рыбки, всѣ сласти Востока и Запада, музыка и пѣсни невольницъ, шали Кашемира, наряды и духи, цѣлая вереница красавицъ, безобразные евнухи съ наточенными саблями у бедра, черныя невольницы, — вотъ слабая картина этого мѣста. Г. Бонфоръ, по своей благосклонности, не отказалъ показать мнѣ и моему почтенному товарищу этотъ садъ; но... въ то время здѣсь никого не было и весь гаремъ, по случаю разныхъ перестроекъ, находился въ сосѣднемъ дворцѣ, помѣщеніи старшихъ женъ паши, матерей его трехъ сыновей.

Площадь, служившая мѣстомъ казни Сулеймана-эль-Халеппе и трехъ улемовъ, была между этимъ садомъ и городомъ, гдѣ теперь разведены плантаціи оливковыхъ деревьевъ и проведены дороги,

осѣненныя густыми аллеями сиккоморовъ и по которымъ обыкновенно я и мои товарищи проѣзжали верхомъ на ослахъ почти каждый день въ городъ, во все время пребыванія нашего, по дѣламъ службы, въ военномъ госпиталѣ Касръ-элъ-Айни, сосѣднемъ съ дворцами и садами Ибрагима-паши.

III.

Османъ-ага, начальникъ каирскаго военнаго госпиталя. Истребленіе мамлюковъ и нѣкоторыя мѣстныя черты Египта.

Египетъ управляется чужеземцами и управлялся ими съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ для исторіи. Народъ этой страны еще не имѣлъ своего собственнаго государя; онъ, какъ-бы свыше осужденъ находится въ чужомъ подданствѣ. Наслѣдіе фараоновъ, пришедшихъ сюда съ юга, постоянно съ того до нашего времени имѣло своими властителями пришельцевъ, смѣнявшихъ другъ друга: персовъ, грековъ, римлянъ, арабовъ, турокъ и, на короткое время, мамлюковъ и французовъ. Кромѣ арабовъ, всѣ прочіе пришли съ сѣвера; кромѣ однихъ только ихъ, всѣ эти завоеватели, съ окончаніемъ ихъ владычества, исчезали, въ полномъ смыслѣ этого

слова, съ лица земли египетской. Вы не найдете ни малѣйшихъ слѣдовъ этихъ сѣверныхъ гостей ни въ языкѣ, ни въ наружномъ видѣ жителей. Не такъ было въ другихъ мѣстахъ земнаго шара и особенно въ Европѣ, гдѣ завоеватели прирастали къ землѣ завоеванной и примѣшивали нравы свои и языкъ къ нравамъ и языку мѣстныхъ обитателей. Одни только арабы и, конечно, по сходству климата и сосѣдству, успѣли утвердить въ Египтѣ свою вѣру и свой языкъ, и это уже достаточно свидѣтельствуетъ, что Египетъ есть какъ-бы ихъ достояніе.

Сколько турки ни стараются водворить здѣсь свое поколѣніе, оклиматизировать его, но эти пересадки весьма плохо принимаются на почвѣ египетской и потомъ совсѣмъ исчезаютъ. Почти всѣ турки, которыхъ вы тамъ встрѣтите, суть переселенцы изъ другихъ мѣстъ, и едва ли сотый изъ нихъ есть мѣстный уроженецъ; едва ли у десятаго изъ нихъ есть живой сынъ, хотя навѣрное у каждаго ежегодно родятся дѣти отъ женъ и невольницъ. Европейская колонія идетъ такимъ же точно образомъ, и дѣти переселенцевъ мрутъ, какъ мухи.

У Мегемета-Али, имѣвшаго всѣ медицинскія средства и имъ вполнѣ довѣрявшаго, изъ тридцати четырехъ дѣтей достигли совершеннолѣтія только семь сыновей, изъ которыхъ въ 1843 г. осталось въ живыхъ только четыре, и, сверхъ-того, двѣ дочери. Меньшая была тогда еще дѣвица, шестнадца-

ти лѣтъ, и, какъ говорили, красавица. По метрическимъ книгамъ каирскаго католическаго монастыря видно, что изъ ста новорожденныхъ католиковъ къ концу года остается въ живыхъ едва ли двадцать, а къ пяти годамъ менѣе десяти. И поэтому европейцы, имѣющіе средства, отправляютъ дѣтей своихъ въ Европу, чтобъ сохранить ихъ отъ преждевременной смерти. Клотъ-бэй сказывалъ мнѣ, что изъ числа осьмнадцати дѣтей, родившихся въ одни мѣсяцы 1840 года съ его дочерью, которую онъ отправилъ въ Европу, къ концу трехъ лѣтъ осталось въ живыхъ только двое. Между тѣмъ, дѣти мѣстныхъ жителей остаются въ живыхъ въ пропорціи несравненно большей и иногда даже почти такой же, какъ и въ Европѣ. Что же касается до рожденія дѣтей, то природа, стараясь пополнить убыль народонаселенія, происходящую періодически отъ чумы и политическихъ переворотовъ, и какъ бы въ параллель самой странѣ, дѣлаетъ женщинъ чрезвычайно плодоносными, и нерѣдко видишь, какъ за молодою матерью идутъ сзади, уцѣпившись за ея рубашку, двое дѣтей, изъ которыхъ старшему не болѣе трехъ лѣтъ, третій сидитъ верхомъ на ея плечѣ, а четвертый «въ породѣ».

Мегеметъ-Али, желая усилить свою партію, постоянно старался привлекать турокъ въ Египетъ, давалъ имъ большія преимущества, выгодныя должности, и даже производилъ многимъ изъ нихъ значительныя пенсіи безъ всякихъ съ ихъ сто-

роны заслугъ, а единственно за то только, что они турки или черкесы, и пришли искать у него прiюта и хлѣба. Множество такихъ пенсiонеровъ я встрѣчалъ тамъ и въ числѣ ихъ многихъ, набивавшихся мнѣ въ земляки, по тому поводу, что ихъ отечественная страна, при ихъ выходѣ или вскорѣ послѣ того, была занята русскимъ оружiемъ. Почти всѣ они самой почтенной и нерѣдко замѣчательной наружности, и большая часть родомъ изъ Грузiи или съ Кавказа.

Судьба поставила меня въ самыя близкiя отношенiя съ однимъ изъ такихъ моихъ земляковъ, занимавшимъ порядочный постъ, будучи на которомъ онъ имѣлъ полное право ничего не дѣлать и безъ-толку кричать на всѣхъ и каждаго изъ своихъ подчиненныхъ; а ихъ было у него достаточное количество. Онъ былъ назиромъ, т. е. начальникомъ, каирскаго военнаго госпиталя, Касръ эль-Айни (*). Имя его Османъ, къ которому добавляли почетное титло ага; а за-глаза въ-частую называли дилли-Османомъ, отчаяннымъ Османомъ. Помощникомъ его былъ одинъ очень хорошiй, толковитый турокъ, поручикъ въ отставкѣ, Абдуррахманъ-ага, которымъ держался весь порядокъ и благоустройство въ госпиталѣ.

Почтенная наружность Османа-аги, которому

(*) Касръ — дворецъ, палаты; эль-Айни — имя извѣстнаго арабскаго историка, писавшаго о династiи калифовъ. На этомъ мѣстѣ возвышался нѣкогда его загородный домъ.

придавали также прилагательное *ихтіяръ*, т. е. старецъ (въ почтительномъ смыслѣ), съ перваго раза обратила на себя мое вниманіе. Роста онъ хотя менѣе средняго, но плотенъ, сложенъ хорошо, въ движеніяхъ быстръ, лицемъ смуглъ съ румянцемъ; глаза маленькіе, черные, быстрые, живые и вооруженные большими серебряными очками; борода густая, окладистая и бѣлая, какъ лунь. Ему былъ уже осьмой десятокъ лѣтъ; но быстроту въ движеніяхъ и проворство онъ сохранилъ двадцатилѣтняго возраста. Онъ одѣвался очень прилично, въ платье египетскаго нызама. На правой сторонѣ груди онъ носилъ небольшую серебряную луну съ золотой звѣздочкой въ срединѣ, — знакъ капитанскаго чина; въ рукахъ была почти всегда трубка съ длиннымъ чубукомъ. Онъ говорилъ всегда скоро, громко, большею частію кричалъ и почти всегда, если не безъ-толку, то о пустякахъ, какъ бы о дѣлѣ важнѣйшемъ; и по этому младшій назиръ Абдуррахманъ-ага его удерживалъ, и тотъ его слушалъ.

Османъ-ага родился въ Измаилѣ. Когда Суворовъ бралъ этотъ городъ, ему было шестнадцать лѣтъ. Онъ разсказывалъ мнѣ, какъ Русскіе, съ ружьями на-перевѣсъ, съ примкнутыми штыками, шли на приступъ и потомъ били турокъ. Въ эту катастрофу онъ оставилъ родину вмѣстѣ со многими другими турками и ушелъ въ Константинополь. Здѣсь онъ поступилъ въ янычары и показывалъ мнѣ на рукѣ знаки оджака, къ которому принад-

лежалъ. Прослуживъ въ этомъ буйномъ войскѣ нѣсколько лѣтъ, онъ былъ брошенъ судьбою въ Египетъ и попалъ въ службу къ одному изъ сильнѣйшихъ въ то время мамлюковъ, Мурату-бэю, топчіемъ, т. е. начальникомъ надъ пушками. Нѣсколько лѣтъ послѣ вѣроломнаго убіенія нѣсколькихъ мамлюкскихъ бэевъ, и въ числѣ ихъ Мурата-бэя, при Абукирѣ, въ 1801 году, первый министръ и первый наперстникъ Мегемета-Али, Махмудъ-бэй Лазъ-оглу, замѣтивъ проворство и смышленность дилли-Османа, взялъ его къ себѣ и не ошибся въ выборѣ; Османъ оказалъ ему много услугъ и былъ однимъ, если не первымъ, изъ его избранныхъ, надежныхъ, смѣлыхъ и неустрашимыхъ слугъ, за что и пользовался его милостями; «даже и теперь», какъ выразился Османъ-ага: «я ѣмъ его же хлѣбъ». Въ особенности этотъ мой пріятель былъ полезенъ Лазу-оглу (т. е. сыну Лаза, имя, подъ которымъ Махмудъ-бэй былъ болѣе извѣстенъ) по части отсѣченія головъ врагамъ его собственнымъ или его властителя, Мегемета-али; т. е. Османъ нашъ былъ при особѣ министра просто первымъ палачемъ.

Впрочемъ, обязанность эта на Востокѣ не считается постыдною, и первый попавшійся и носящій саблю рубитъ голову всякому, кому велитъ имѣющій на то власть. Однажды Ибрагимъ-паша, играя съ однимъ изъ своихъ приближенныхъ сановниковъ въ шахматы, заспорилъ. Этотъ ему не уступалъ и, можетъ быть, позволилъ себѣ сказать что-либо лишнее. Паша выхватилъ пистолетъ и

тутъ же положилъ противника своего на мѣстѣ. Бывшій при этомъ одинъ изъ его приближенныхъ въ ту же минуту обнажилъ саблю и отсѣкъ голову у трепетавшаго тѣла, принявъ такимъ образомъ добровольно на себя обязанность палача. Нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, въ Александріи, одному пашѣ, кажется, какъ мнѣ говорили — Ахмету-пашѣ, теперешнему (1842 г.) военному министру, случилось быть при Мегеметѣ-Али въ то время, когда сей послѣдній, обратившись къ нему, велѣлъ отрубить кому-то голову. Паша тотчасъ взялся за саблю, но на его счастье тутъ былъ одинъ изъ кавассовъ (полицейскій чиновникъ), который предупредилъ его; не будь тутъ кавасса, онъ бы долженъ былъ исполнить обязанность палача.

Абдуррахманъ-ага и дежурный офицеръ госпиталя сказывали мнѣ между прочимъ, что Османъ-ага на своемъ вѣку отрубилъ по крайней мѣрѣ 300 или 400 головъ. Но молва вездѣ, и въ особенности на Востокѣ, распространяясь, растетъ непомѣрно; и потому, конечно, число это преувеличено. Мнѣ хотѣлось поразспросить объ этомъ самаго Османа, и я выжидалъ удобнаго къ тому случая.

Часто по утрамъ онъ приходилъ ко мнѣ, когда я, по обстоятельствамъ службы, долженъ былъ жить въ военномъ госпиталѣ Касръ эль-Айни. Хотя я и не курилъ табаку, но для гостей своихъ завелъ трубки съ длинными чубуками и янтарными мундштуками, равно мокккскій кофе и турецкіе фельджаны (чашки). Трубки и кофе на Востокѣ такъ же

необходимы для пріема гостей, какъ у насъ привѣтливое обращеніе. По трубкѣ и кофе, подаваемымъ гостю тотчасъ послѣ его прихода, узнается степень уваженія, съ которымъ его принимаютъ. Подать одинъ кофе есть угощеніе самое простое, дѣлаемое младшимъ. Посѣтителю, котораго хотятъ принять учтивѣе, подаютъ трубку, которой непремѣнный спутникъ есть кофе. Смотря по достоинству гостя и обстоятельствамъ, при которыхъ дѣлается посѣщеніе, подаютъ чашки и чубуки богаче или проще. Если хозяинъ получилъ визитъ отъ старшаго, онъ предлагаетъ ему — приказывать подавать себѣ что̀ угодно, говоря, что онъ, т. е. гость, есть господинъ дома. Равный равному долженъ непремѣнно подать и трубку, и кофе. Если пріидетъ нѣсколько особъ вмѣстѣ, то подносятъ эти угощенія непремѣнно по чинамъ. Если хозяинъ захочетъ приласкать младшаго, то послѣ кофе предложитъ ему и трубку; но еслибъ онъ далъ трубку прежде кофе, то для младшаго это было бы большимъ почетомъ: это значило бы, что хозяинъ принимаетъ его, какъ равнаго. И потому, если говорятъ объ учтивомъ и радушномъ хозяинѣ, то нерѣдко добавляютъ: «какой онъ добрый человѣкъ! ка̀къ онъ насъ принялъ! далъ трубки, кофе, потомъ еще трубки; право, какой славной человѣкъ!» За вашими разговорами при пріемѣ гостя гоняться не станутъ: послѣ обыкновеннаго вопроса о здоровьѣ, если хотите, нѣсколько разъ и въ разныхъ выраженіяхъ — тѣмъ лучше, вы можете, куря та-

бакъ, молчать сколько угодно, и гость на васъ не погнѣвается, будучи увѣренъ по собственному опыту, что при дымѣ изъ трубки вы вполнѣ наслаждаетесь кейфомъ (*) и заняты самыми пріятными размышленія. Но за то, отказаться отъ предлагаемаго угощенія, значитъ обидѣть хозяина, и если кто не куритъ табака и не пьетъ кофе, тотъ долженъ принять ихъ и дѣлать по крайней мѣрѣ видъ, что пьетъ и куритъ, какъ это и я всегда дѣлалъ. Когда подаютъ чубуки, то былобъ неуваженіемъ къ лицу, съ которымъ говорите, если чубукъ свой поставите въ его сторону: учтивость требуетъ ставить свою трубку отъ собесѣдника въ другую сторону, такъ, чтобъ дымъ изъ трубки не достигалъ его. Трубку надобно держать у себя до тѣхъ поръ, пока остаетесь въ гостяхъ. При привѣтливомъ пріемѣ, прислуга у васъ тотчасъ беретъ трубку, когда замѣтитъ, что вы ее кончили, и накладываетъ снова; во всякомъ случаѣ, трубка остается у васъ во все время визита. Самому же отдать трубку, значитъ обнаружить намѣреніе уйти. Если бы гость получилъ отъ васъ кофе безъ трубки и этимъ обидѣлся, то онъ не возьметъ кофе, и когда вы его спросите о причинѣ, онъ вамъ скажетъ, что кофе безъ трубки не пьетъ. Не поднести гостю ни трубки, ни кофе, значитъ принять его весьма грубо; повторить это при второмъ и третьемъ его визитѣ, было бы все равно, что вытолкать его въ шею. Сюда

(*) Тоже, что Италіанское far niente.

не относится посѣщеніе младшихъ и равныхъ собственно по службѣ или по дѣлу, когда они, послѣ нѣсколькихъ словесныхъ объясненій съ хозяиномъ, уходятъ, не получивъ ни одного изъ угощеній; тогда это въ вину хозяину не ставится. Истинные, коренные мусульмане предпочитаютъ кофе безъ сахара, какъ пьютъ его въ Меккѣ и во всей Аравіи, и еслибъ у хозяина-мусульманина поднесли имъ его съ сахаромъ, то это почлось бы неуваженіемъ къ ихъ національному достоинству, т. е. что хозяинъ считаетъ ихъ какъ бы за франковъ, которымъ кофе подается почти всегда съ сахаромъ. Таковъ обычный пріемъ гостей въ Египтѣ, даже на самой службѣ и въ присутственныхъ мѣстахъ, гдѣ всегда имѣется и кофе, и трубка. Къ этому добавлю еще нѣсколько строкъ собственно о чубукахъ. Чубуки бываютъ лѣтніе и зимніе; лѣтніе — резедовые, обтянутые черною шелковою матеріею, которую отъ времени до времени поливаютъ водою; дымъ изъ нихъ идетъ прохладный. Черешневые чубуки суть чубуки зимніе; дымъ изъ нихъ выходитъ теплый. Наргиле и шишъ, въ которыхъ дымъ идетъ чрезъ воду, обыкновенно куритъ самъ хозяинъ, когда одинъ дома; при гостяхъ же онъ куритъ изъ такихъ же точно чубуковъ, какъ и гости.

Но пора обратиться къ моему пріятелю Осману-агѣ. Однажды утромъ, часу въ седьмомъ, сидѣли у меня Абдуррахманъ-ага и дежурный офицеръ госпиталя. Вскорѣ пришелъ и Османъ. «А! Османъ-ага, *саба эль хаиръ! таибинъ?»* (добраго утра! все ли

хорошо?) «*Таибинъ, таибинъ*» (хорошо, хорошо) отвѣчалъ онъ скороговоркою, подходя быстро и потрясая при этомъ кулакомъ протянутой впередъ правой руки съ поднятымъ вверхъ большимъ пальцемъ — движеніе, обыкновенно дѣлаемое арабами, когда они отвѣчаютъ, что *весьма здоровы*. «*Таибинъ*» еще разъ сказалъ онъ, садясь на предложенный ему стулъ. Не успѣли мы обмѣняться нѣсколькими словами, какъ драгоманъ нашъ, Якубъ, армянинъ, родомъ изъ Тифлиса, уже поднесъ ему трубку съ лучшимъ чубукомъ и скоро за тѣмъ кофе. По обычаю своему, при разговорѣ о здоровьѣ, Османъ-ага хвалился своими подвигами въ гаремѣ. Однажды пріѣхалъ сюда военный министръ и, знавши Османа еще при Лазѣ-оглу, привѣтствовалъ его и спросилъ о здоровьѣ. Османъ не сробѣлъ, отвѣчалъ такъ же точно, какъ и мнѣ, такъ же похвасталъ и прибавилъ, что только въ гаремѣ у него не совсѣмъ ладно: жена стара, одна невольница беременна, а другая, его любимица, недавно умерла. «Дать ему 10 кошельковъ (1200 руб. ас.) на покупку новой невольницы!» сказалъ министръ. Османъ поцѣловалъ полу платья щедраго вельможи и купилъ невольницу.

Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, я старался склонить разговоръ на предметъ рѣзни головъ. Османъ-ага не признавался; потомъ, когда я замѣтилъ ему, что Гайтапи-бэй (медикъ, состоящій при особѣ Мегемета-Али) сказывалъ мнѣ, будто онъ, т. е. Османъ, отрубилъ голову какому-то важному

пашѣ, присланному изъ Константинополя, онъ отвѣчалъ, что точно отрубилъ голову какому-то турку, оттуда пріѣхавшему, который схватилъ было за грудь его покровителя, Лаза-оглу, и настоятельно требовалъ отвѣта, зачѣмъ его удерживаютъ здѣсь, какъ бы въ неволѣ. Находясь въ такомъ положеніи, Лазъ-оглу обратился къ Осману, бывшему вблизи, и сказалъ: «Что́ стоишь? не знаешь своего дѣла?» Османъ догадался, и голова этого турка, стоявшаго къ нему спиною, покатилась на полъ. При этомъ и самому Лазу-оглу концемъ сабли Османа также досталось по плечу у шеи. Чрезъ полчаса разговора, Османъ вспомнилъ, что турокъ этотъ былъ Шаганъ-бэй.

Мало-по-малу, я порасшевелилъ моего гостя, и онъ поразсказалъ мнѣ въ этотъ и на другой день ужасныя вещи, которыхъ былъ или дѣйствующимъ лицемъ, или очевидцемъ. Главнѣйшія изъ нихъ суть казнь Латифа-паши и послѣднее истребленіе мамлюковъ.

Одинъ изъ подаренныхъ Мегемету-Али черкесовъ, молодой мамлюкъ (*) Латифъ, былъ возведенъ имъ, за смѣлость, умъ и расторопность, въ высшія достоинства, и его уже называли не иначе, какъ Латифомъ-агою. Потомъ паша назначилъ его алахтаремъ-агасы (хранителемъ ключа отъ главнаго казначейства), мѣсто, на которое назначаются люди самые довѣренные и на которомъ Латифъ еще бо-

---

(*) Мамлюкъ значитъ бѣлой невольникъ.

лѣе вошелъ въ милость своего повелителя. Когда войска оттоманскія вступили въ Медину, онъ, какъ избранникъ, былъ посланъ въ Константинополь къ султану съ увѣдомленіемъ объ этомъ важномъ событіи. Видя самостоятельность Мегемета-Али и желая имѣть правителемъ Египта *своего человѣка*, турки вскружили голову бѣдному Латифу, возвели его въ санъ паши и дали ему, какъ утверждаютъ, фирманъ на титло паши египетскаго, съ тѣмъ, чтобъ, при случаѣ, онъ имъ воспользовался. Хотя Манженъ въ своей «Исторіи Египта подъ управленіемъ Мегемета-Али» ничего не говоритъ объ этомъ обстоятельствѣ, однако многія лица въ Каирѣ, вполнѣ заслуживавшія довѣріе, отзывались на мои вопросы, что фирманъ былъ данъ дѣйствительно. Мегемету-Али было непріятно возведеніе его любимца въ санъ паши, мимо его вѣдома, и онъ не оказывалъ уже ему прежняго расположенія. Придворные воспользовались этимъ и старались еще болѣе очернить Латифа въ глазахъ паши. Между тѣмъ, паша отправился въ Геджазъ воевать противъ Веххабитовъ, оставивъ въ Египтѣ вмѣсто себя, перваго своего вѣрнаго слугу, Махмуда-бэя Лазъ-оглу, съ полною властію правителя. Въ это время, Латифъ началъ надоѣдать неотступными требованіями денегъ изъ казны, склонять на свою сторону наиболѣе сильныхъ бэевъ и войска, и распространять слухъ, будто Мегеметъ-Али умеръ въ Геджазѣ. Все это не могло не быть извѣстно Лазу-оглу, по которому, какъ говоритъ Османъ-ага, въ одной изъ улицъ

Каира былъ сдѣланъ и выстрѣлъ, направленный, безъ сомнѣнія, по желанію Латифа паши. Лазъ-оглу собралъ *диванъ* (совѣтъ), созвалъ въ него всѣхъ наличныхъ высшихъ сановниковъ, объявилъ имъ напрямикъ въ чемъ дѣло и спрашивалъ берутъ ли они сторону Латифа-паши, или же остаются вѣрными Мегемету-Али, который, по недавно-полученнымъ свѣдѣніямъ, живъ и здравъ. Всѣ приняли сторону послѣдняго. Въ слѣдствіе этого, по приказу Лаза-оглу, Латифъ-паша, котораго всѣ приверженцы отъ страха разбѣжались, былъ, послѣ двухдневныхъ поисковъ, схваченъ, приведенъ съ связанными назадъ руками въ цитадель и тамъ, говоря словами Османа, зарѣзанъ, какъ баранъ. Въ этомъ происшествіи, Османъ-ага былъ главнымъ дѣйствующимъ лицемъ.

Потомъ я началъ распрашивать моего гостя о другихъ его жертвахъ. Онъ отказывался, и это хорошій знакъ: совѣсть въ немъ, стало быть, не совсѣмъ еще замерла, хотя Абдуррахманъ-ага и сказывалъ мнѣ, что «ихтіяръ нашъ ни *френкъ*, ни *му-«сульманъ:* въ мечеть не ходитъ и Богу никогда не «молится, а называетъ еще себя мусульманиномъ.» Османъ-ага на вопросы мои сперва хотя и отнѣкивался, но потомъ, подобно тому, какъ охотникъ припоминаетъ о застрѣленныхъ имъ зайцахъ, началъ признаваться и припоминать жертвы, которыхъ головы свалились отъ его же руки. Сначала онъ признался, что, по приговору Лаза-оглу, въ одинъ и тотъ же день, отсѣкъ головы двадцати-шести ана-

тольцамъ за то, что они стрѣляли въ него, Османа, изъ пистолетовъ и ружей, при чемъ онъ получилъ одну или двѣ легкія раны и много пуль осталось въ его чалмѣ, которую онъ тогда носилъ и которой шаль была вся изрѣшетчена пулями. Вѣроятно, онъ былъ посланъ отъ Лаза-оглу, чтобы привесть или схватить этихъ анатольцевъ. «О! какъ мнѣ пріятно было отсѣкать головы врагамъ моимъ, искавшимъ моей гибели!» добавилъ Османъ, поглаживая себя при этомъ по груди и животу.

Но болѣе всего я хотѣлъ заставить говорить моего старика объ истребленіи мамлюковъ, происшествіи, при которомъ былъ онъ и очевидцемъ, и однимъ изъ дѣйствуюшихъ лицъ. Когда я началъ завлекать его въ разсказъ объ этомъ, онъ отозвался, что «въ то время спалъ». Не можетъ быть, возразилъ я, чтобъ Лазъ-оглу допустилъ своего вѣрнаго слугу спать въ такое важное время и при такихъ горячихъ обстоятельствахъ!

Замѣчаніе мое попало въ цѣль: самолюбіе старика было задѣто.

«Правда твоя» отвѣчалъ онъ съ усмѣшкой: «мнѣ «бы не дали спать въ это время!» И рѣчь его полилась съ быстротою и шумомъ потока. Разсказъ его глубоко врѣзался мнѣ въ память, и я какъ теперь вижу его глаза, блестящіе огнемъ, его одушевленную физіономію, его выразительные жесты. Трубка почти гасла въ рукахъ его, когда онъ увлекался, но за то, во время перевода мнѣ рѣчей его, онъ тонулъ въ облакахъ дыма и какъ-бы, глотая

его, старался потушить волканъ въ груди своей. Почти ни одного раза онъ не далъ моему Якубу окончить перевода: видно было, что въ груди у него слишкомъ кипѣло и что онъ торопился вылить въ словахъ свои чувства и воспоминанія юности. При этомъ разсказѣ, онъ какъ-бы помолодѣлъ тридцатью годами, какъ-бы опять воротился въ 1811 году, времени кроваваго происшествія, о которомъ повѣствовалъ мнѣ.

Желающіе знать вполнѣ обстоятельства, предшествовавшія этому важному происшествію, могутъ прочесть о нихъ въ «Путешествіи по Египту и Нубіи» г. Норова, написанномъ съ полною отчетливостію. Я же изложу здѣсь обстоятельства эти вкратцѣ; далѣе, приведу разсказъ Манжена объ истребленіи мамлюковъ во всей подробности и заключу свѣдѣніями, сообщенными мнѣ Османомъ-агою.

Извѣстно, что Порта употребляла всѣ возможныя средства, чтобъ сбыть съ рукъ Мегемета-Али. Бунтъ веххабитовъ въ Аравіи, овладѣвшихъ даже Меккою, представилъ тому одинъ изъ случаевъ. Порта поручила ему важную экспедицію, усмиреніе Аравіи и освобожденіе святаго города. Эту экспедицію, по собственнымъ разсчетамъ, Мегеметъ-Али находилъ для себя весьма важною и особенно по вліянію ея на умы народа, потому что цѣль ея была — защита святаго дѣла. Но онъ опасался мамлюковъ, которые, при отсутствіи его съ войскомъ, всѣмъ бы завладѣли. Въ этомъ затруднительномъ

положенін онъ обдумалъ вѣрное для себя средство—истребленіе мамлюковъ. Туссунъ, сынъ Мегемета-Али, возведенный предъ тѣмъ Портою въ званіе бунчужнаго паши, долженъ былъ открыть предстоявшую компанію. Астрологи назначили день, счастливый для облаченія его въ почетную на это званіе шубу. Въ этой шубѣ онъ долженъ былъ съ большою церемоніею проѣхать чрезъ весь городъ за «Врата-Побѣдъ» Бабъ-эль-Насръ, на поле, къ расположеннымъ тамъ войскамъ, готовымъ въ походъ. Всѣ власти, гражданскія и военныя, и всѣ значительныя лица были извѣщены о времени начала церемоніи; по городу ходили телалы (крикуны) и извѣщали объ этомъ во всеобщее свѣдѣніе. Мамлюки и ихъ начальники были наканунѣ въ особенности приглашены участвовать при этомъ торжествѣ во всемъ парадѣ.

Далѣе буду говорить словами Манжена, бывшаго въ то время въ Каирѣ и отчасти очевидца тогдашнихъ смутъ въ городѣ. (См. его «Исторію Египта подъ управленіемъ Мегемета-Али».)

«Утромъ 1 марта 1811 года, всѣ мамлюки верхами отправились въ цитадель. Шагинъ-бэй, какъ родоначальникъ, былъ впереди бэевъ своего дома. Въ сопровожденіи прочихъ, онъ явился съ поклономъ къ пашѣ, который ожидалъ его въ большой пріемной залѣ. Паша приказалъ подать всѣмъ имъ кофе (*) и ласково разговаривалъ съ ними. Когда

(*) Трубки же онъ никогда и никому не приказываетъ подавать, исключая весьма рѣдкихъ случаевъ.

весь поѣздъ собрался, онъ далъ знакъ къ отъѣзду; всякій сталъ на мѣсто, ему назначенное распорядителемъ торжества. Отрядъ дилли (отчаянныхъ), предводительствуемый Узуномъ-Али, открывалъ шествіе; за ними ѣхали Уали, ага янычаровъ и ага фуражировъ, оджаклы и іолдаши; далѣе Салехъ-Кошъ съ албанцами, а потомъ мамлюки, предшествуемые Солиманъ-бэемъ эль-Бауабомъ; за ними слѣдовали пѣшія войска, кавалерія и начальники разныхъ управленій. Глава колоны получила приказъ направиться къ воротамъ эль-Азабъ, выходящимъ на Румелійскую плошадь. Дорога, ведущая къ этимъ воротамъ, изсѣчена въ скалѣ, узка, крута и къ ѣздѣ весьма затруднительна; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, выдающіеся углы скалъ не даютъ мѣста проѣхать рядомъ двумъ всадникамъ. Какъ только дилли и аги проѣхали ворота, Салехъ-кошъ приказалъ запереть ихъ и сообщилъ своему отряду повелѣніе вице-короля, истребить всѣхъ мамлюковъ. Албанцы въ минуту повернули лошадей назадъ взлѣзли на высоты скалъ, господствовавшія надъ дорогою, чтобъ поставить себя въ безопасное положеніе отъ противниковъ и чтобъ поражать ихъ съ бóльшею вѣрностію, а послѣ этого тотчасъ открыли по нимъ огонь изъ ружей и пистолетовъ.

«Войска, бывшія сзади, услышавъ ружейные выстрѣлы, начали стрѣлять съ высоты стѣнъ, гдѣ они были совершенно закрыты. Когда мамлюки достигли первыхъ воротъ, то хотѣли взять другую дорогу, чтобъ возвратиться въ цитадель; но, не

могши владѣть лошадьми, по причинѣ затруднительнаго положенія, въ которое были поставлены, и видя, что многіе изъ числа ихъ уже пали мертвыми и раненными, спѣшились, оставили лошадей своихъ и сбросили свои верхнія одежды. Въ этомъ отчаянномъ положеніи, съ мечемъ въ рукахъ, они направились назадъ: никто имъ не встрѣчался, но по нимъ стрѣляли изъ внутренности домовъ. Шагинъ-бэй палъ, пронзенный пулями, передъ дверью дворца Саладина. Салиманъ-бэй эль-Бауабъ, полунагой, въ испугѣ прибѣжалъ умолять защиты у дверей гарема (*) Мегемета-Али, но напрасно: онъ былъ приведенъ во дворецъ, гдѣ паша приказалъ отрубить ему голову. Прочіе обратились просить пощады у Тусуна-паши, но онъ отозвался, что не принимаетъ никакого участія во всемъ происходившемъ.»

«Тотчасъ войска получили приказъ, задерживать повсюду мамлюковъ; всѣ, кого только схватывали, были приводимы въ Каіѣ-бэю (**) и тотчасъ обезглавлеваемы. Много людей постороннихъ погибло при этомъ совершенно безвинно: такъ солдаты одушевлены были рѣзнею! Трупъ Шагина-бэя съ веревкою на шеѣ былъ влачимъ по разнымъ мѣстамъ.

(*) У Мамлюковъ былъ обычай: какъ только преслѣдуемый успѣлъ достигнуть двери, ведущей въ женское отдѣленіе, и закричать: *фи ардъ эль-гарамъ* (подъ покровительствомъ женщинъ), жизнь его спасена.

(**) Которымъ былъ Махмудъ-бэй Лазъ-оглу, патронъ нашего Османа-аги.

Цитадель походила на окрававленную арену: проходы завалены были изуродованными тѣлами; повсюду бросались въ глаза лошади въ богатой сбруѣ, распростертые подлѣ своихъ хозяевъ; саисы (*), пронзенные пулями, оружіе изломанное, платье, покрытое кровью; все, что можно было снять, дѣлалось добычею солдатъ. Утромъ было на конѣ четыреста семьдесятъ мамлюковъ и ни одинъ изъ нихъ не остался въ живыхъ.»

«Ни кто изъ мамлюковъ-французовъ (**) не попалъ въ это число; находившіеся въ услуженіи у паши, въ цитадели, были предварены Каія-бэемъ, приказавшимъ запереть ихъ въ особую комнату, примыкавшую къ его покоямъ, чтобъ поставить ихъ внѣ всякой обиды. Муратъ-бэй, изъ Эльфи, имѣлъ у себя съ давняго времени въ услуженіи трехъ такихъ мамлюковъ; по счастію, они остались въ этотъ день дома.»

«Аминъ-бэй не раздѣлилъ несчастной участи своихъ товарещей. Онъ не былъ на церемоніи, будучи задерженъ дома по какимъ-то дѣламъ, нетерпѣвшимъ отлагательства. Онъ прибылъ къ цитадели уже тогда, когда дилли начали выходить на

(*) Конюхи, слуги, которые бѣгутъ впереди, имѣя въ рукахъ длинный хлыстъ или палку, и очищаютъ въ толпѣ дорогу для господъ своихъ, ѣдущихъ верхомъ за ними. Они слѣдуютъ всѣмъ движеніямъ своихъ господъ и никогда не оставляютъ ихъ, даже во время опасности.

(**) Имъ дали имя мамлюковъ потому поводу, что они носили мамлюкское вооруженіе и платье.

площадь изъ воротъ эль-Азабъ. Это задержало его снаружи, и онъ ожидалъ, пока отрядъ выйдетъ; но когда увидалъ, что ворота за ними заперлись и услыхалъ почти тотчасъ выстрѣлы изъ ружей, то поскакалъ домой, немедленно убѣжалъ съ своею свитою въ Безатанъ и, при покровительствѣ арабскаго шеиха провинціи Шаркіе, перебрался оттуда въ Сирію.»

«Лишь только поѣздъ началъ дефилировать, паша сталъ безпокоиться: движенія обнаруживали его волненіе. Когда услыхалъ онъ первые залпы выстрѣловъ, безпокойство его удвоилось и онъ поблѣднѣлъ: онъ боялся, что приказанія его не будутъ въ точности выполнены. Онъ слѣдовалъ за боемъ, который подвергалъ опасности его приверженцевъ и его собственную жизнь. Видъ плѣнниковъ и головъ остановилъ его безпокойство, но не возвратилъ веселости лицу и не успокоилъ терзавшаго его внутренняго волненія. Нѣсколько времени послѣ, генуезецъ Мендричи, одинъ изъ его медиковъ, вошелъ въ комнату, гдѣ онъ находился; приближаясь къ его особѣ, онъ сказалъ ему съ веселымъ видомъ: дѣло кончено, день этотъ есть праздникъ для вашей свѣтлости. Мегеметъ-Али ничего не отвѣтилъ на это; но молчаніе его было выразительно: онъ приказалъ подать себѣ напиться.»

«Между тѣмъ въ городѣ ожидали явленія поѣзда; всѣ жители собрались на улицахъ, чтобъ также принять участіе въ торжествѣ, о которомъ имъ объявили; толпа заняла всѣ мѣста передъ лавками.

Послѣ долгаго ожиданія, показались дилли, аги и ихъ свита. Мертвое молчаніе, какъ-бы предшественникъ того гибильнаго происшествія, о которыхъ узнали они вслѣдъ за тѣмъ, шло по стопамъ отряда. Вскорѣ послѣ, испуганные саисы пробѣгали отъ времени до времени по улицамъ, не произнося ни слова (*). Это внезапное бѣгство произвело тысячу предположеній; глухой говоръ послышался вездѣ. Вдругъ въ толпѣ кто-то закричалъ: Шагинъ-бэй убитъ! Въ ту же минуту торговцы бросились запирать свои лавки и всякій торопился по-скорѣе уйти къ себѣ. Улицы тотчасъ опустѣли. Только появились шайки солдатъ, въ безпорядкѣ бросавшіяся въ домы казненныхъ и дѣлившія между собою добычу. Эти изступленные производили ужасы: безчестили женщинъ, срывали даже одежды съ нихъ; одинъ солдатъ, торопясь овладѣть браслетами, бывшими у женщины, отрубилъ ей кисть руки.»

Далѣе авторъ говоритъ, что турки имѣли низость мстить при этомъ случаѣ слабому беззащитному полу за то, что особы этого пола, и особенно высшаго званія, пренебрегали союзомъ съ ними и съ радостію выходили за-мужъ за мамлюковъ. Гра-

---

(*) Я говорю добавляетъ Манженъ: о большомъ базарѣ эль-Гуріѣ, гдѣ я находился съ прочими любопытствовавшими. Оттуда, по причинѣ шума, производимаго толпою, было невозможно слышать ружейныхъ выстрѣловъ, произведенныхъ во внутренности цитадели.

бежъ былъ необыкновенный. Не только домы жертвъ были разграблены, но и домы ихъ сосѣдей, и весь городъ походилъ на мѣсто, взятое приступомъ.

«Грабежъ и буйства, продолжаетъ Манженъ, возобновились и на другой день. Тогда Мегеметъ-Али счелъ обязанностію выйти изъ цитадели; съ нимъ была большая свита вооруженныхъ людей; всѣ были въ парадныхъ одеждахъ и шли пѣшкомъ. Паша обошелъ многіе кварталы. На каждомъ постѣ дѣлалъ онъ сильные упреки начальникамъ за *допущеніе* такихъ безпорядковъ; начальники же эти не только не останавливали ихъ, но еще первые давали примѣръ къ грабежу. Близь воротъ эль-Зуейле, Мегеметъ-Али встрѣтилъ одного маграбина, который жаловался на разграбленіе его дома, божась при этомъ, что онъ ни солдатъ, ни мамлюкъ. Паша его подозвалъ, разспросилъ въ чемъ дѣло и послалъ къ нему нѣсколькихъ человѣкъ изъ своей стражи, которые задержали тамъ одного турка и одного феллаха; задержаннымъ приказано было немедленно отрубить головы.

«На слѣдующій день, Туссунъ-паша разъѣзжалъ по городу въ сопровожденіи многочисленной стражи, приказывая рубить головы всѣмъ, кого ловили на грабежѣ. Было крайне-необходимо принять самыя строгія мѣры; иначе, весь городъ былъ бы опустошенъ. Болѣе пяти сотъ домовъ было совершенно ограблено. Между тѣмъ, розысканія мамлюковъ продолжались тайнымъ образомъ. Каія-бэй

былъ ихъ заклятый врагъ, и у него ни кому изъ нихъ не было пощады. Однако же, не смотря на всѣ розыски, много мамлюковъ спаслось: одни убѣжали къ дилли и приняли ихъ костюмъ, другіе въ женскомъ платьѣ скрылись въ Верхній Египетъ.»

«Вице-король сообщилъ секретъ свой Гассану-пашѣ, Салеху-кошу, Каія-бэю и своему секретарю Солиману-агѣ. Чрезъ своего диванъ-эффенди, онъ предписалъ начальникамъ провинцій задерживать и казнить мамлюковъ, разсыпавшихся по деревнямъ. Имѣя въ рукахъ приказъ своего властелина, кашефы приказывали рубить безъ различія всѣхъ, отъ кого только хотѣли избавиться; головы были отправляемы въ Каиръ, гдѣ ихъ выставляли на показъ публикѣ. При этомъ кровавомъ зрѣлищѣ, ненависть, уснувшая было, снова пробудилась, и мщеніе продиктовало новые смертные приговоры. Омаръ-бэй-Эльфи, былъ схваченъ въ Файумѣ, куда онъ скрылся; головы пятнадцати мамлюковъ и этого бэя показались на мѣстѣ выставки. Головы старшихъ бэевъ были посланы въ Константинополь, а тѣла брошены во рвы, нарочно ископанные для этого въ цитадели. Всего же вообще погибло при этихъ обстоятельствахъ болѣе тысячи человѣкъ.»

Мамлюкскіе бэи Верхняго Египта просили пощады и назначенія мѣста, гдѣ бы они могли жить спокойно. Вмѣсто отвѣта, правитель Египта послалъ туда Мустафу-бэя, своего шурина, для ихъ преслѣдованія. Приказаніе это было исполнено.

Шестьдесятъ-четыре мамлюка были взяты въ провинціяхъ и приведены въ Каиръ; ночью, при свѣтѣ факеловъ, они были умерщвлены; головы ихъ были выставлены народу, а тѣла брошены въ Нилъ.

«Такова была, заключаетъ Манженъ, трагическая сцена, долженствовавшая развязать великую драму. Такимъ-то образомъ Мегеметъ-Али могъ наконецъ достигнуть цѣли, къ которой всѣ его дѣйствія были постоянно направлены: истребленія мамлюковъ.»

Окончивъ это дѣло, онъ озаботился отправленіемъ экспедиціи въ Аравію, и церемонія, которая была назначена 1-го марта, совершена 2-го апрѣля.

Многія обстоятельства, приведенныя здѣсь изъ книги Манжена, были разсказаны мнѣ моимъ собесѣдникомъ Османомъ-агою; повторять ихъ послѣ Манжена было бы излишне, и я изложу только тѣ свѣдѣнія, которыхъ нѣтъ у этого писателя и которыя могутъ быть интересны.

Въ 1811 году еще не было въ крѣпости ни верхнихъ воротъ, ведущихъ на верхъ отъ площади бывшаго дворца саладинова, ни Бабъ-эль-Карафе (Воротъ кладбища), ведущихъ изъ нижней части крѣпости на востокъ, по направленію къ кладбищу калифовъ; были одни только ворота эль-Азабъ, ведущія на площадь Румелійскую. Такъ какъ другаго выхода изъ крѣпости не было, то поѣздъ двинулся къ нимъ. Еще прежде, чѣмъ онъ тронулся, Лазъ-оглу отправилъ Османа-агу къ этимъ

воротамъ съ приказомъ — запереть ихъ, по первому требованію Салехъ-коша, и такъ распорядиться, чтобъ въ этомъ не было на мѣстѣ ни малѣйшаго промедленія времени и чтобъ ни одинъ мамлюкъ не былъ выпущенъ на Румелійскую площадь. Приказаніе исполнилъ Османъ съ полнымъ успѣхомъ; ключъ отъ воротъ взялъ къ себѣ, для доставленія своему патрону, а между тѣмъ не могъ остаться празднымъ при этомъ кровавомъ зрѣлищѣ и дѣйствовалъ, если не лучше всѣхъ, то на вѣрное не хуже каждаго изъ албанцевъ. Впереди мамлюковъ ѣхалъ одинъ изъ главныхъ бэевъ, имени котораго Османъ-ага не припомнитъ: онъ первый покатился съ лошади, пронзенный пулею насквозь изъ пистолета въ нѣсколькихъ шагахъ. Солиманъ-бэй эль-Бауабъ былъ тутъ же; онъ пробился назадъ и достигъ дворца паши. Здѣсь голова его слетѣла почти въ глазахъ самаго Мегемета-Али. Въ дефилеяхъ цитадели началась жаркая стрѣльба изъ засадъ съ обѣихъ сторонъ, и Османъ думаетъ, что часть албанцевъ, для бо́льшаго успѣха въ дѣлѣ, была поставлена туда за нѣкоторое время предъ тѣмъ, какъ поѣздъ двинулся сверху; всѣ прочіе, послѣ приказа Салехъ-коша, туда же бросились. Послѣ того, какъ ѣхавшій впереди бэй покатился съ лошади и какъ послышались приказанія Салехъ-коша, мамлюки потерялись: не ожидая такой встрѣчи, они не приготовились къ отпору; большая часть ихъ, видя ворота запертыми и невозможность, по причинѣ тѣсноты, подняться

вверхъ, сошли съ сѣдла и пряталась отъ выстрѣловъ за лошадей своихъ; но это не спасло ихъ: стрѣльба усилилась, рѣзня сдѣлалась самою кровопролитною, и мамлюли валились десятками. Они погибли, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, можетъ быть, даже не обнаживъ сабли.

Какъ ни тайно было намѣреніе паши истребить мамлюковъ въ этотъ день, однако жъ оно было нѣкоторыми изъ обреченныхъ жертвъ или узнано, или предугадано. Не говоря уже о томъ, что никто изъ французскихъ мамлюковъ не погибъ, хотя было ихъ достаточное количество и съ первыми были они въ тѣсной связи, много простыхъ мамлюковъ–мусульманъ скрылось и разбѣжалось; кромѣ того, двое изъ мамлюковъ высшаго званія ускользнули изъ самыхъ, такъ сказать, челюстей смерти. Эти два мамлюка: Эминъ-бэй и Сулейманъ-ага.

Когда мамлюки были угощаемы въ цитадели, во дворцѣ паши, одинъ изъ нихъ, Эминъ–бэй, сидѣвшій въ ряду съ прочими бэями, уронилъ изъ фельджана нѣсколько капель кофе на платье. Принявъ это за самое дурное предзнаменованіе, онъ вышелъ на дворъ, обмѣнялся платьемъ съ своимъ саисомъ и пѣшкомъ вышелъ изъ крѣпости. Когда же началось истребленіе мамлюковъ, послѣ того, можетъ быть, чрезъ полъ-часа, Эминъ–бэй запасся деньгами дома и скрылся изъ города. Онъ ушелъ въ Сирію и потомъ жилъ въ Константинополѣ, гдѣ и умеръ.

Манженъ приписываетъ Эмину-бэю (или, какъ онъ пишетъ, Амину-бэю) другой способъ спасенія, который, по словамъ нашего очевидца, послужилъ почетному мамлюку, Сулейману-агѣ. Онъ говоритъ, что Сулейманъ-ага, будучи услужливъ, ласковъ и ума вкрадчиваго, всегда пользовался особеннымъ расположеніемъ къ себѣ всѣхъ старшихъ египетскаго управленія и, при посольствахъ въ Константинополѣ, былъ употребляемъ въ качествѣ драгомана. Должно думать, что онъ былъ предувѣдомленъ объ участи, приготовляемой его товарищамъ, или по крайней-мѣрѣ предугадалъ ее. Хотя вмѣстѣ съ прочими онъ отправился въ блестящемъ костюмѣ чрезъ городъ по направленію къ крѣпости, но въ крѣпость не въѣхалъ за другими, а подъ нѣкоторымъ незначительнымъ предлогомъ остановился у ближайшей къ воротамъ мечети, на Румелійской площади, на лѣво отъ мечети султана-Гассана. Долго онъ тамъ оставался и когда началась стрѣльба, саисъ его бѣжалъ съ лошадью, а онъ скрылся въ тюрбе́ (надгробной часовенькѣ), бывшей на дворѣ, и остался въ ней до другаго дня. Спасся ли онъ бѣгствомъ изъ Египта, или былъ пощаженъ пашею, Османъ-ага не припомнитъ, а знаетъ только, что вскорѣ послѣ того этотъ почетный мамлюкъ началъ показываться въ Каирѣ, гдѣ живетъ и до сихъ поръ.

Пишущій эти строки встрѣчалъ, весною 1843 года, на улицахъ Каира, Сулеймана-агу, въ красной чалмѣ въ красномъ широкомъ, самаго тонкаго сукна,

бурнусѣ, съ серебряною саблею у бедра, верхомъ на бѣлой кровной арабской лошади, въ сѣдлѣ, шитомъ золотомъ по красному бархату; нагрудникъ и мундштукъ его были также шитые. Сбруя лошадь и платье, говорятъ, даръ паши. Въ особѣ Сулеймана-аги вы встрѣтите красавца черкеса, роста по видимому болѣе средняго; большіе закрученные усы и борода бѣлые, какъ снѣгъ; глаза блистящіе, веселые; лицо свѣжее, румяное, привѣтливое и, привѣтливое особенно для европейцевъ, изъ которыхъ каждый, прилично одѣтый, на вѣрно встрѣтитъ его улыбку и ласковое *селямъ алейкюмъ*. Вообще, этотъ почтенный черкесъ непремѣнно обратитъ на себя вниманіе ваше и вы на вѣрное заинтересуетесь узнать его имя.

«Одинъ изъ самыхъ отчаянныхъ наѣздниковъ, говоритъ Норовъ въ своемъ путешествіи, доскакавъ на окровавленномъ конѣ до самой вершины обрывистой скалы, вонзилъ оба острыя стремена въ бока разъяреннаго коня и низвергся съ страшной высоты. Конь разбился, а онъ самъ убѣжалъ въ пустыню». Я спросилъ объ этомъ случаѣ моего Османа-агу, и онъ подтвердивъ справедливость его, добавилъ, что это былъ простой мамлюкъ Гассанъ, который пробился на верхъ къ самому дворцу паши, то былъ преслѣдуемъ десяткомъ вооруженныхъ; пули свистали вокругъ его, и онъ былъ притиснутъ къ самому краю обрыва; не видя возможности спастись, онъ далъ шпоры своему нержскому жеребцу. Ужасная стремнина не устрашила благороднаго жи-

вотнаго, и оно смертію своею выкупило жизнь своего всадника. Самое мѣсто это — между дворцомъ паши и нововоздвигаемою великолѣпною мечетію. Внизу Кара - Мейданъ, Черная площадь. Отважность Гассана не могла не удивить паши и вмѣстѣ не понравиться ему; когда доложили ему объ этомъ случаѣ, онъ сказалъ только: *Маш-аллахъ!* обыкновенное восклицаніе у турокъ; а когда Гассана схватили, онъ пощадилъ его и взялъ въ свои войска. Черезъ годъ или два, Гассанъ умеръ.»

— Сколько же ты зарѣзалъ мамлюковъ? спросилъ я Османа-агу, когда онъ окончилъ разсказъ свой.

«Валлага, биллага! не считалъ» отозвался онъ.

— Однакожъ? возразилъ я.

«Да можетъ-быть, отвѣчалъ онъ, штукъ сорокъ или пятьдесятъ. Я былъ одѣтъ въ платье албанское; моя бѣлая юбка и куртка были всѣ въ крови, какъ будто я въ крови выкупался. Когда придворные доложили объ этомъ пашѣ, то онъ велѣлъ позвать меня, какъ я былъ, къ себѣ во дворецъ и спрашивалъ, отчего я весь въ крови. Замѣтно было, что въ этомъ видѣ я ему понравился. «Да за тебя, эфендина (т. е. государь), я зарѣзалъ сорокъ или пятьдесятъ барановъ». Паша усмѣхнулся и приказалъ дать мнѣ въ награду богатое, золотомъ шитое платье, которое потомъ я продалъ за пять тысячь піастровъ (*)».

(*) Подразумѣвается турецкихъ, нынѣ стоющимъ до $6\frac{1}{4}$ коп. сереб. Но прежде они были дороже и стояли иногда отъ 10 до 15 коп. сереб.

Скоро пришли доложить Осману-агѣ, что желаетъ его видѣть какой-то бэй, пріѣхавшій въ Касръ эль-Айни. Онъ простился со мной и поспѣшилъ внизъ. Когда онъ вышелъ, то бывшій здѣсь во все время разсказа и оставшійся со мной Абдуррахманъ-ага обратился ко мнѣ таинственно и сказалъ: «*Ялань сойле ихтіяръ* (старикъ не правду говоритъ)! Если онъ признался въ пятидесяти зарѣзанныхъ мамлюкахъ, то навѣрно зарѣзалъ ихъ цѣлую сотню, а можетъ быть и болѣе. Конечно, въ немъ не было смѣлости нападать на нихъ открытою силою; но мы знаемъ, что онъ рѣзалъ всѣхъ, кого приводили къ Лазу-оглу, и потомъ обшаривалъ ихъ карманы, да бралъ себѣ ихъ платье, лошадь и оружіе. Вотъ въ этомъ то и заключается тотъ хлѣбъ Лаза-оглу, который, какъ говоритъ, ѣстъ онъ и досихъ-поръ!»

Для полноты разсказа объ истребленіи мамлюковъ, приведу замѣчаніе Жомара, извѣстнаго французскаго писателя:

«Еслибъ можно было вырвать эту кровавую страницу изъ исторіи Египта, говоритъ онъ, то слава Мегемета-Али мало бы страшилась не умолимаго суда потомства. Правда, мусульмане идею о славѣ не представляютъ себѣ такою, какъ мы: они воспитываются вовсе не въ духѣ филантропіи. Привыкнувъ съ самаго дѣтства видѣть кровь, несправедливо пролитую, они проливаютъ ее въ свою очередь для собственнаго благополучія, вовсе не не слывя жестокими, не боясь упрековъ въ варвар-

ствѣ, не обвиняя другъ друга въ свирѣпости. Такова религія Мухаммеда: основанная, мечемъ она освятила власть, насильство и могущество побѣдителя. Притворство мухаммеданское есть ни что иное, какъ расчетъ слабости, которая хочетъ захватить силу, достаточную для погубленія непріятеля.

Между тѣмъ на Востокѣ, какъ и вездѣ, гнушаются измѣной, и вѣроломный убійца перестаетъ быть невиннымъ. Но здѣсь правитель Египта былъ видимымъ орудіемъ Порты Оттоманской. Если первая катастрофа мамлюковъ въ Абукирѣ (*) была дѣломъ дивана, то какъ не приписать ему же и послѣдней? Духъ мщенія, неумолимый, но вмѣстѣ съ тѣмъ терпѣливый, характеризовалъ всегда дворъ Константинопольскій. Онъ умѣетъ золотить цѣпи, которыя приготовляетъ своимъ непріятелямъ и украшаетъ цвѣтами головы жертвъ своихъ; горе тому, кому достанется обязанность жреца: вся ненависть на него обрушивается!»

Хотя въ этой выпискѣ, замѣчательной своимъ взглядомъ, Жомаръ и старается сложить вину всего дѣла на константинопольскій диванъ; но, вспомнивъ отношенія, въ которыхъ находился правитель Египта къ Стамбулу и самостоятельность его на мѣстѣ, котораго достигнулъ съ такими трудностями единственно своимъ тонкимъ и хитрымъ

(*) Въ 1801 году капитанъ-паша, какъ извѣстно, самымъ вѣроломнымъ образомъ вырѣзалъ многихъ мамлюкскихъ бэевъ съ ихъ свитами, въ Абукирѣ, въ глазахъ англійскаго флота.

умомъ, нельзя не согласиться съ заключеніемъ Манжена и Норова, что послѣднее истребленіе мамлюковъ устроено Мегеметомъ-Али вовсе не изъ угожденія Портѣ, а чисто изъ собственныхъ видовъ и для личной безопасности въ управленіи захваченною имъ страною.

IV.

Мусульманскій праздникъ Мавлюдъ-эн-наби. Изувѣрство арабовъ надъ однимъ коптомъ и судъ Мегемета-Али по этому дѣлу.

Возвращеніе богомольцевъ изъ Мекки возбуждаетъ общій интересъ во всѣхъ мусульманскихъ городахъ, чрезъ которые они проходятъ. Въ Каирѣ, на который направляется значительнѣйшая часть ихъ на пути въ свои мѣста, оно представляетъ цѣлый рядъ самыхъ шумныхъ народныхъ празднествъ, при которыхъ чернь иногда доходитъ до изступленія, до разныхъ глупостей, и еслибъ только не страхъ къ теперешнимъ правителямъ Египта, готова была бы сдѣлать всякое возможное оскорбленіе каждому встрѣчному христіанину. Иногда она вырывается изъ предѣловъ этого страха

и тогда предается всей своей необузданности, считая свои изувѣрскіе поступки даже прославленіемъ имени и ученія пророка, какъ это и случилось, не смотря на покровительство Мегемета-Али всѣмъ націямъ и всѣмъ исповѣданіямъ, еще въ самое недавнее время, не далѣе, какъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1845 года, въ Даміэттѣ, надъ однимъ несчастнымъ коптомъ.

Періодъ возвращенія поклонниковъ въ Каиръ ежегодно бываетъ во второмъ послѣ начала года по мусульманскому календарю мѣсяцѣ, Сафёрѣ. Въ бытность мою тамъ, въ 1843 году, было это въ концѣ марта мѣсяца. Поклонники обыкновенно поспѣшаютъ въ Каиръ къ годовому празднику, дню рожденія пророка, извѣстному подъ именемъ Мавлюдъ-эн-наби. Они располагаются въ просторныхъ разноцвѣтныхъ палаткахъ, въ одной части Эзбекійской площади, и именно по дорогѣ, идущей въ право отъ Булакскихъ воротъ. Палатки разбиваются по одну и по другую сторону дороги, и желтый цвѣтъ въ нихъ первенствуетъ предъ прочими цвѣтами. Тамъ, гдѣ дорога эта примыкаетъ къ городскимъ зданіямъ и гдѣ отъ нея идутъ другія дороги, образуется небольшая площадка; здѣсь-то главное сборище народа, который снуетъ у круглыхъ качелей, такихъ точно, какъ у насъ (*), и у разбросанныхъ вокругъ безчисленныхъ подвижныхъ

(*) Не изъ Востока ли перешли къ намъ въ Россію качели этого рода?

кофеенъ и крошечныхъ лавочекъ съ разными сластями и прохладительными напитками. Толпы арабовъ осаждаютъ это мѣсто, и круглая шляпа здѣсь не показывается, сколько изъ предосторожности, столько же и во избѣжаніе непріятности толкаться между чернью. Изъ любопытства, я былъ впрочемъ здѣсь раза два, въ сопровожденіи нашего кавасса при саблѣ.

Религіозныя торжества происходятъ здѣсь послѣ установленныхъ часовъ молитвы и въ особенности ночью. Дервиши Саади, извѣстные подъ именемъ «воющихъ», представлятся здѣсь главными дѣйствующими лицами. Собравшись въ кружокъ и пригласивъ постороннихъ, числомъ какъ можно по-болѣе, раздѣлить ихъ торжество, они составляютъ, сплетаясь руками, плотную, плечомъ къ плечу, полукруглую ленту; безъ устали, скоро и непремѣнно въ тактъ, колеблютъ, какъ бы кланяясь, тѣло и голову впередъ и назадъ, при чемъ, по законамъ равновѣсія, упираются на одну и потомъ на другую ногу, изъ которыхъ правая бываетъ обыкновенно впереди, лѣвая сзади. При каждомъ такомъ движеніи, изъ глубины груди, съ напряженіемъ и съ выдыханіемъ всего воздуха изъ легкихъ, они произносятъ полнымъ басомъ и также въ тактъ слово: *Алла-га*. Въ срединѣ полукруга находится одинъ изъ ихъ шеиховъ; сначала онъ поетъ стихи изъ курана, прославляетъ какого-то Ибрагима; потомъ переходитъ къ общеупотребительному вездѣ и при всѣхъ случаяхъ стиху: *Ля иллягъ иль Аллахъ*,

Мухаммедъ расуль Аллахъ (нѣтъ Бога, кромѣ Бога, а Мухаммедъ пророкъ его), а наконецъ просто повторяетъ вмѣстѣ съ прочими *Алла-га.* При пѣньи стиховъ и словъ, шеихъ двигается, подобно прочимъ, наклоняясь то на одну, то на другую сторону. Движеніемъ и голосомъ своимъ онъ даетъ тактъ всѣмъ прочимъ и пѣньемъ попадаетъ въ общій тактъ. Хорошо зная свое дѣло, неутомимый и нещадящій себя при этомъ торжествѣ, онъ поощряетъ всѣхъ прочихъ собственнымъ примѣромъ, отъ времени до времени ускоряетъ движенія, какъ голосомъ, такъ и біеніемъ въ ладони; ворочаетъ голову и корпусъ, какъ бы въ похвалу, въ ту сторону, гдѣ работаютъ лучше, а иногда и самъ становится въ рядъ съ прочими и именно между тѣми, гдѣ видитъ болѣе жара и изступленія; другой же свѣжій шеихъ спѣшитъ занять его мѣсто внутри круга,—и пошли снова работать, пока силы не откажутся служить долѣе. Потъ ручьями льетъ со всѣхъ, ротъ облегается пѣною, и нужно достаточно времени, чтобы дать отдыхъ тѣлу послѣ такаго насильственнаго движенія. Нерѣдко случается, что нѣкоторые изъ участвующихъ, будучи истомлены до послѣдней степени, дрожатъ всѣми членами, лице ихъ покрывается мертвенною блѣдностью, пѣна изъ рта бьетъ клубомъ, глаза помрачаются, въ судорожныхъ движеніяхъ они вырываются изъ круга, бѣгутъ, сами не зная куда, какъ угорѣлые, и стремглавъ падаютъ на-земь, какъ снопъ, почти замертво. А какъ послѣ такаго насильственнаго изне-

*

моженія тѣло естественно просится отдохнуть, то испытывающіе подобный обморокъ впадаютъ въ нѣкоторый родъ полу-сна, самаго отраднаго, самаго усладительнаго, и всѣ прочіе завидуютъ ихъ этому счастію, котораго, какъ говорятъ они, Аллахъ удостоиваетъ своихъ избранниковъ, за ихъ вѣру и усердіе въ прославленіи его святаго имени. Эти торжества совершаются въ мечетяхъ дервишей Саади каждую пятницу, а во время праздника Мавлюдъ-эн-наби, каждую ночь на площади Эзбекійской промежду палатокъ поклонниковъ.

Но явленіе рѣдкое и замѣчательное представляютъ здѣсь дервиши братства Рифаи, торжество которыхъ видѣть можно едва-ли не въ одномъ только Каирѣ. Прежде, чѣмъ приступлю къ описанію этого торжества, изложу здѣсь тѣ свѣдѣнія, которыя слышалъ я изъ вѣрныхъ устъ о дервишахъ Рифаи.

Когда съ товарищами своими жилъ я въ каирскомъ военномъ госпиталѣ Касръ-эль-Айни, Клотъ-бэй часто навѣщалъ насъ. Въ одно изъ его посѣщеній, во время мусульманскаго праздника, о которомъ теперь идетъ рѣчь, зашелъ разговоръ о торжествахъ на Эзбекійской площади и въ особенности объ обрядахъ, совершаемыхъ дервишами Рифаи. Въ своемъ сочиненіи о Египтѣ, Клотъ-бэй только слегка коснулся этого обряда, не назвавъ по имени даже и самыхъ дервишей. Желая по-лучше узнать объ основаніяхъ и условіяхъ этого братства, которыя, по видимому, еще не были вполнѣ ему

извѣстны, онъ спросилъ у назира госпиталя, Османа-аги, нѣтъ ли въ госпиталѣ между прислугою кого-либо изъ Рифаевъ. Назиръ отвѣчалъ, что есть, и тотчасъ былъ позванъ одинъ арабъ съ черною чалмою на головѣ. Долго Клотъ-бэй его разспрашивалъ и тутъ же переводилъ мнѣ его рѣчи.

Шеихъ Рифаи, по словамъ его послѣдователя, нашего разсказчика, жилъ послѣ пророка спустя 500 лѣтъ. Онъ происходилъ изъ семейства Гуссейна, сына Аліева, а Алій, какъ извѣстно, былъ и любимецъ, и близкій родственникъ пророка. Послѣдователи Рифаи носятъ черную чалму, а въ отличіе отъ коптовъ, египетскихъ христіанъ, у которыхъ чалма черная бумажная, они носятъ ее шерстяную. Рифаи не живутъ въ одномъ мѣстѣ или монастырѣ, какъ дервиши другихъ братствъ; по правиламъ ихъ братства, женитьба не воспрещается, а потому всякій изъ нихъ живетъ своимъ домомъ, въ кругу своего семейства, и занимается своимъ промысломъ; при наступленіи же установленныхъ годовыхъ праздниковъ, онъ является въ извѣстное мѣсто участвовать въ торжествѣ и обрядахъ Рифаевъ, если только этого захочетъ, потому что правила братства къ тому его не обязываютъ.

Это торжество, или церемонія, совершаемая въ извѣстные въ году дни и въ извѣстныхъ мѣстахъ, и именуемая *доссе*, заключается въ слѣдующемъ странномъ обрядѣ. Пятьдесятъ, сто и болѣе человѣкъ дервишей ложатся на-земь плотно одинъ къ другому, лицомъ внизъ, и такимъ образомъ состав-

ляютъ изъ тѣлъ своихъ помостъ, какъ бы бревенчатую мостовую. Этотъ помостъ арабы называютъ *супаи*, коверъ. Начальникъ Рифаевъ, ихъ главный шеихъ, по совершеніи молитвъ въ мечети, направляясь къ себѣ домой, верхомъ, въ сопровожденіи своихъ приближенныхъ, даетъ шпоры лошади и ѣдетъ по этому живому ковру, и потому называется *шеихъ-супаи*, т. е. глава (старшина, начальникъ) ковра. Всѣ сопровождающіе шеиха, изъ которыхъ одинъ ведетъ лошадь подъ уздцы, ступая на этотъ коверъ, снимаютъ, изъ уваженія къ его святости, башмаки и идутъ по немъ босикомъ. Послѣдователи этой секты дервишей говорятъ, что лошадь шеиха-супаи бываетъ въ этомъ случаѣ до того легка, что не причиняетъ никакой боли своею тяжестью и даже иногда исцѣляетъ болѣзни и немощи того, на кого наступитъ; а это, по ихъ словамъ, и служитъ блистательнымъ доказательствомъ угодности Богу и Его пророку этого братства. Лечь для составленія ковра могутъ только одни дервиши Рифаи, а иногда, съ дозволенія шеиха-супаи, и посторонніе; но при этомъ нужно, чтобъ эти послѣдніе умѣли произносить слова, которыя скажетъ имъ шеихъ. Такихъ празднествъ бываетъ въ Каирѣ въ теченіе года пять; но главное изъ нихъ есть то, которое должно быть наканунѣ дня рожденія пророка, на Эзбекійской площади; прочія бываютъ въ другое время и въ другихъ мѣстахъ.

При всей благоговѣніи народа къ этому торжеству, должно думать, что оно или потеряло уже свою

силу, или не всѣмъ одинаково дешево сходитъ съ рукъ; потому что въ бывшую при мнѣ въ Каирѣ процессію, на которую смотрѣлъ я издали, лошадь шеиха-супаи препорядочно раздавила многихъ, а у одного мальчика лѣтъ четырнадцати пошла кровь горломъ. Когда я замѣтилъ это нашему разскащику, онъ съ важнымъ видомъ отвѣчалъ, что вѣроятно эти бѣдняки, не принадлежа къ братству Рифаевъ, не съумѣли произносить словъ, сказанныхъ имъ шеихомъ.

Въ прочихъ египетскихъ городахъ, праздникъ Мавлюдъ-эн-наби проводится хотя съ меньшимъ торжествомъ, но за то народъ вознаграждаетъ себя плясками танцовщиковъ, одѣтыхъ въ женское платье, разными грязными представленіями, въ родѣ театральныхъ, и иногда посмѣшищами надъ христіанами. Въ 1845 году въ Даміэттѣ, это посмѣяніе обнаружилось надъ однимъ шестидесятилѣтнимъ бѣднымъ коптомъ и дошло до высшей степени ожесточенія. Объ этомъ дѣлѣ было говорено во многихъ европейскихъ журналахъ, но невѣрно, неполно и искаженно, и потому болѣе, что прежде всѣхъ о немъ напечатано было въ столбцахъ тѣхъ газетъ, которыя были на жалованьи у Мегемета-Али, для защиты его предъ свѣтомъ противъ печатныхъ нападеній. Между тѣмъ, даміэтское происшествіе весьма стоитъ того, чтобъ быть извѣстнымъ въ настоящемъ своемъ видѣ. Мой добрый каирскій знакомый, нашъ молодой оріенталистъ, носившій тамъ имя Несибъ-Эфендія, г. Т.м.ф..въ,

сообщилъ мнѣ о немъ любопытныя подробности, которыя я передалъ здѣсь моимъ читателямъ.

Дѣло началось, говоритъ нашъ Несибъ-Эфенди, съ самыхъ пустяковъ: ссорою копта съ погонщикомъ ословъ. Было это наканунѣ праздника Мавлюдъ-эн-наби, въ одинъ изъ тѣхъ дней, когда въ Каирѣ бываетъ извѣстное *досси*. Погонщикъ тотчасъ же отправился въ Мехкемэ, народное судилище, и обвинялъ копта въ томъ, будто онъ поносилъ неприличными словами Мухаммеда и его религію. Разумѣется, явились тотчасъ ложные свидѣтели. Кади потребовалъ обвиняемаго копта въ судилище и приговорилъ его къ палочному наказанію. Едва приговоръ былъ произнесенъ, какъ толпа арабовъ, окружавшая Мехкемэ, въ порывѣ фанатическаго восторга бросилась на копта и начала бить его, чѣмъ попало: палками, руками, башмаками. Та-же участь постигла и другаго копта, вмѣшавшагося въ толпу въ это время, съ желаніемъ узнать, что сдѣлалось съ его товарищемъ.

Казалось бы, что этимъ дѣло и кончилось; но нѣтъ: начали толковать, и даже лица даміэттской аристократіи, что за поношеніе пророка и его религіи полагается смертная казнь. По этому, на другой день, даміэттскій губернаторъ составилъ у себя чрезвычайный совѣтъ изъ кадіевъ, улемовъ и прочихъ народныхъ властей. Въ самомъ началѣ было рѣшено, что одинъ изъ нихъ будетъ ходатайствовать въ пользу виновнаго и выпроситъ, чтобъ

смертная казнь, предписываемая закономъ, была замѣнена палочнымъ наказаніемъ. Кади удовольствовался этимъ, но съ тѣмъ, чтобъ коптъ былъ подвергнутъ вторичному палочному наказанію изъ такаго же числа ударовъ, какое получилъ накапунѣ. Къ выполненію приговора было тотчасъ приступлено; но въ этотъ разъ онъ выполненъ былъ съ несравненно-большимъ, противъ прежняго, остервененіемъ и злостію ожесточенныхъ фанатиковъ.

Было это въ самый день праздника Мавлюдъ-эннаби. Дворъ судилища наполнился арабами. Съ дикимъ остервененіемъ спѣшили они сюда другъ передъ другомъ, какъ на праздникъ, чтобъ присутствовать при экзекуціи. Едва палочные удары были отсчитаны, какъ толпы черни бросились на страдальца и овладѣли имъ, считая его уже своею собственностію и предоставивъ себѣ дополнить наказаніе, по ихъ мнѣнію, для вины очень недостаточное.

Должно думать, что въ этомъ дѣлѣ чернь была подстрекаема нѣкоторыми изъ лицъ высшаго званія или духовенства. Это тѣмъ болѣе правдоподобно, что въ дальнѣйшихъ поступкахъ своихъ она не была ни кѣмъ остановлена, тогда какъ губернатору, кадію и нѣкоторымъ другимъ это стоило бы одного слова.

Чтобъ еще болѣе насладиться страданіями предполагаемаго виновнаго, чернь эта, ни кѣмъ не удержанная, ни кѣмъ не остановленная въ своихъ крово-

жадныхъ порывахъ, изобрѣтала разныя поруганія, разныя страданія, и съ удовольствіемъ необузданнаго изувѣрства, подвергала имъ свою несчастную жертву. Начали тѣмъ, что, обривъ копту бороду, намотали на его шею бараньи кишки, вымазали лице его всевозможною дрянью и къ головѣ привязали половую щетку. Раздѣтый до нога, бѣдный страдалецъ былъ посаженъ верхомъ на буйвола, лицемъ къ хвосту. Къ спинѣ его, изрѣзанной двукратнымъ палочнымъ наказаніемъ, привязали крестъ, по обѣимъ сторонамъ шеи двѣ собаки и передъ нимъ свинью. Два человѣка съ обнаженными саблями шли по одну сторону и два другіе съ заостренными шестами по другую. Каждый изъ нихъ старался отличиться другъ предъ другомъ, вонзая въ тѣло страдальца остріе оружія, которое имѣлъ въ рукахъ; но они вонзали его не совсѣмъ глубоко, съ цѣлію продлить жизнь мученика и вмѣстѣ свое удовольствіе. Бой барабановъ, знамена, танцовщики и публичныя женщины открывали поѣздъ. Этотъ ужасный, отвратительный поѣздъ, при шумныхъ восклицаніяхъ и радостныхъ возгласахъ разъяренной черни, проходилъ такимъ образомъ по всѣмъ главнымъ улицамъ Даміэтта, при чемъ съ неистовствомъ и бѣшенствомъ раздавались клики: «Да увеличитъ Богъ могущество мусульманъ и да погибнетъ вѣра христіанская.»

Между тѣмъ, четыре палача, шедшіе съ боковъ, продолжали свое дѣло, и кровь текла ручьями съ головы и со всѣхъ членовъ невинной жертвы. Но

этимъ еще не кончились ея страданія; поѣздъ проходилъ возлѣ одной лавки, у дверей которой кипятился на разведенномъ огнѣ деготь для осмолки лодки; хозяинъ лавки, въ порывѣ фанатизма, схватилъ съ огня горшокъ и весь кипятокъ дегтя вылилъ на несчастнаго копта. Стонъ его былъ заглушенъ восторженными кликами торжествующихъ арабовъ. Послѣ этого, поѣздъ двинулся далѣе, и наконецъ прибылъ къ судилищу, гдѣ коптъ былъ снятъ съ буйвола и брошенъ въ тюрьму. Въ это время, все тѣло его представляло одну сплошную рану. Но при этомъ, какъ разсказываютъ, всѣ эти страданія несчастный старецъ выносилъ съ невыразимою кротостію и твердостію духа.

Освѣдомившись объ этомъ происшествіи во всей подробности, Мегеметъ-Али, какъ говорятъ, призадумался порядкомъ, онъ былъ озадаченъ имъ не на шутку и немедленно послалъ въ Даміэттъ военнаго министра, Ахмета-пашу, для надлежащаго изслѣдованія дѣла. Но, видя безпрерывные посѣщенія консуловъ всѣхъ державъ съ требованіями удовлетворенія, онъ не дождался донесенія своего министра и послалъ туда къ нему свой фирманъ съ слѣдующимъ приговоромъ по этому дѣлу: губернатора даміэттскаго сослать на семь лѣтъ на галеры, кадія отправить на годъ въ Танту, для служенія при мечети (въ городѣ Тантѣ гробъ одного мусульманскаго святаго, изъ бедуиновъ, единодушно уважаемаго во всемъ Египтѣ), а семейству копта

дать вспомоществованіе. Вслѣдъ за тѣмъ былъ посланъ въ Даміэттъ и новый губернаторъ.

При вновь прибывшемъ губернаторѣ были сдѣланы мученику-копту самые блестящіе, торжественные похороны всенародно, предъ лицемъ его палачей. Епископы — греческій, коптскій и католическій, со всѣмъ ихъ синклитомъ и духовенствомъ, сопровождали страдальца къ послѣднему его жилищу!..

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого, была новая фанатическая выходка арабовъ въ самой Александріи, слѣдовательно, въ глазахъ самаго Мегемета-Али и всѣхъ представителей европейскихъ державъ. Выходка эта направлена была противъ двухъ прибывшихъ изъ Абиссиніи, на пути въ Іерусалимъ, коптскихъ монаховъ, подъ предлогомъ, будто они колдуны, и только заступничество французскаго генеральнаго консула, поспѣшившаго посадить ихъ на пароходъ, спасло ихъ отъ оскорбленій черни, а можетъ быть и самой смерти. Эта выходка арабовъ противъ бѣдныхъ монаховъ сдѣлалась извѣстною потому только, что произошла въ столицѣ. Сколько же подобныхъ продѣлокъ бываетъ въ отдаленныхъ городахъ и деревняхъ и остается въ неизвѣстности!..

Вотъ каково преобразованіе Египта въ его нравственномъ отношеніи! Вотъ каковы еще до сихъ поръ фанатики арабы! Очень ясно, что не уваженіе къ правамъ ближняго, а одинъ только страхъ къ имени Мегемета-Али удерживаетъ фанатизмъ

народа; не будь этого, обиды, убійства, а при случаѣ и неистовства, подобныя описаннымъ нашимъ Несибъ-Эффендіемъ, повторялись бы, конечно, довольно часто. Да и можетъ ли быть уваженіе къ правамъ ближняго въ душахъ такаго народа, каковы теперь феллаги?..

V.

Два посѣщенія Мегемету-Али-пашѣ.

Тогда какъ султанъ безвыѣздно находится въ Константинополѣ, а назначенные имъ въ разныя провинціи имперіи губернаторы въ главныхъ городахъ сихъ провинцій, ожидая скорой смѣны (смѣняютъ ихъ безпрестанно, какъ бы изъ опасенія, чтобы они не усилились на одномъ мѣстѣ), Мегеметъ-Али, съ бодростію неусыпнаго юноши, дѣлаетъ (писано въ 1843) непрестанные обзоры разныхъ мѣстъ Египта, заведенныхъ имъ фабрикъ и задаваемыхъ обыкновенно на срокъ земляныхъ работъ. Пароходы окрылили его переѣзды и нерѣдко случается, что когда считаютъ его въ Каирѣ, онъ махнетъ въ Эснэ или къ порогамъ Нила, а когда думаютъ, что онъ отдыхаетъ въ Александріи, онъ

хлопочетъ на полевыхъ работахъ у Мансуры или осматриваетъ крѣпости, карантинъ и бугазъ даміэтскаго рукава.

Однакожъ, хотя паша и дѣлаетъ безпрестанные разъѣзды, но всякій разъ на отдыхъ пріѣзжаетъ въ одну изъ своихъ столицъ, смотря по времени года, зимѣ или лѣту. Я потому называю только эти два времени года, что климатъ въ Египтѣ справедливѣе слѣдовало бы раздѣлить не на четыре, а на эти двѣ части, хотя зима бываетъ тамъ иногда теплѣе петербургскаго лѣта. Переходы же между этими временами года почти незамѣтны. По состоянію температуры, лѣтомъ назовемъ мы все время съ мая по ноябрь, а зимою съ ноября по май. Въ первые шесть мѣсяцевъ начинается возвышеніе водъ Нила и доходитъ до самой большей высоты, въ послѣдніе бываетъ пониженіе ихъ. Сообразно этимъ временамъ года, Мегеметъ-Али, какъ выше замѣчено, большую часть времени живетъ въ одной изъ двухъ столицъ Египта. Александрія, какъ сѣвернѣе и прохладнѣе по сосѣдству моря, есть лѣтняя его резиденція; пребываніе же здѣсь зимою, по сырости воздуха, непріятно, и потому на зиму онъ переѣзжаетъ въ Каиръ. А такъ какъ зимою бываютъ главныя земляныя работы, обработка и наводненіе полей, то вмѣстѣ съ тѣмъ пашѣ, какъ хозяину, удобнѣе отсюда дѣлать свои хозяйскія наблюденія.

Консулы европейскихъ державъ имѣютъ свои канцеляріи въ Александріи, какъ въ главномъ и вмѣстѣ ближайшемъ къ сообщенію съ Европою

пунктѣ; однако на зиму они также переѣзжаютъ въ Каиръ, какъ потому, что зимняя температура тамъ пріятнѣе, тамъ и съ тою политическою цѣлію, чтобы быть по-ближе къ правителю Египта. На переѣздъ этотъ и излишнія, по случаю содержанія домовъ въ двухъ мѣстахъ, издержки, европейскія правительства назначаютъ консуламъ своимъ, сверхъ опредѣленныхъ окладовъ, особыя достаточныя суммы на все время пребыванія ихъ въ Каирѣ.

При пріѣздѣ нашемъ въ Александрію, въ ноябрѣ 1842 г., паша находился въ Мансурѣ. Какъ только сдѣлалось извѣстнымъ, что онъ намѣренъ ѣхать въ Каиръ, то нашъ генеральный консулъ и мы, вмѣстѣ съ нимъ, поспѣшили туда же, чтобы пашу непремѣнно тамъ застать. Въ Каиръ прибыли мы 1-го декабря, поздно ночью.

Доступъ къ Мегемету-Али для европейца весьма легокъ: васъ впускаютъ къ нему прямо, безъ доклада, безъ предувѣдомленія — что̀ вы за человѣкъ и за чѣмъ пришли; довольно того, что вы во франкскомъ платьѣ, что на головѣ вашей круглая шляпа, и вамъ открыта дверь.

Генеральный консулъ нашъ въ Египтѣ, г. К. (*), человѣкъ истинно обязательный, самой теплой души, рѣдкаго европейскаго образованія, самаго свѣтлаго ума и твердой воли, которою скорѣе всего можно выиграть на Востокѣ, принялся за дѣла наши со всею свойственною ему горячностію ко всему

(*) Нынѣ нашъ генеральный консулъ въ Лондонѣ.

русскому, направилъ ихъ и устроилъ, какъ нельзя лучше, сколько изъ убѣжденія, что онъ способствуетъ истинно полезному дѣлу, столько же и для того, чтобы показать туркамъ, что воля русскаго правительства не можетъ не быть выполнена во всемъ ея пространствѣ. Тогда какъ почти всѣ консулы дружатся съ пашею и бываютъ у него часто безъ дѣла, просто въ гостяхъ и какъ бы изъ личной къ нему пріязни, что̀ пашѣ весьма нравится, русскій консулъ держитъ его въ почтительномъ къ себѣ отношеніи: безъ дѣла къ нему не ѣздитъ, а если нужно о чемъ-либо переговорить, то предварительно посылаетъ къ нему драгомана своего узнать, будетъ ли онъ въ назначаемое время дома и можетъ ли принять его. Не было примѣра, чтобы паша откладывалъ время свиданія: онъ всегда ожидалъ его съ нетерпѣніемъ и нѣкотораго рода безпокойствомъ, зная на-передъ, что прійдутъ къ нему не безъ дѣла.

По доступчивости паши для европейцевъ, мы бы могли видѣть его на другой же день нашего пріѣзда въ Каиръ, куда онъ прибылъ за день передъ нами. Но о цѣли пріѣзда нашего въ Египетъ консулъ долженъ былъ предварительно переговорить съ председателемъ главнаго Совѣта Здравія въ Египтѣ, Клотъ-беемъ, и личнымъ медикомъ паши, Гаэтани-беемъ, а потомъ уже и съ самимъ пашею. По полученіи же на всѣ предположенія наши согласія паши, мы должны были быть представлены ему не какъ частные путешественники, а какъ дол-

жностныя лица, отправленныя въ Египетъ отъ русскаго правительства.

Свиданіе консула съ пашею было 5-го декабря. Воротившись отъ него, консулъ заѣхалъ къ намъ и, сообщивъ, что паша вполнѣ готовъ содѣйствовать всѣмъ нашимъ предположеніямъ, пригласилъ насъ къ 11-ти часамъ утра слѣдующаго дня быть готовыми сдѣлать, въ сопровожденіи его, визитъ пашѣ въ Шубрѣ (это загородный домъ паши, въ одномъ часѣ ѣзды отъ Каира, получившій свое названіе отъ арабской деревушки того же имени, близь которой онъ находится). При этомъ, консулъ предупредилъ насъ надѣть сюртуки, потому что являться во фракахъ, платьѣ короткомъ и обнажающемъ значительную часть тѣла, къ такому высокому лицу, какъ правитель Египта, по духу и понятіямъ восточныхъ жителей, было бы не совсѣмъ прилично.

На другой день консулъ прислалъ къ намъ своего кавасса напомнить, что пора ѣхать и чтобы мы прямо отправлялись въ Шубру, куда и онъ вслѣдъ за нами пріѣдетъ. Чрезъ полчаса мы уже были верхомъ на ослахъ, на пути въ Шубру. Прекрасная аллея изъ сиккоморовъ, насажденная лѣтъ за 20 предъ тѣмъ Ибрагимомъ-пашею, ведетъ изъ Каира въ этотъ загородный домъ правителя Египта. Чудотворная сила воды и тропическаго солнца дала быстрый и вмѣстѣ мощный ростъ этимъ деревьямъ и сдѣлала ихъ на видъ почти столѣтними. Вѣтви деревъ этой аллеи, имѣющей ширины около десяти саженей, до того разрослись и, такъ сказать, сple-

лись между собою, что лучи солнца, даже въ самые жаркіе дни, не могутъ на-сквозь проникнуть, и ѣдущій отдыхаетъ въ самой усладительной прохладѣ. Путь этотъ, особливо во время пребыванія паши въ Шубрѣ, весьма многолюденъ и одушевленъ. На половинѣ дороги устроена кофейня и при ней садикъ съ басейномъ; вокругъ него скамейки, устланныя египетскими рогожками, и табуреты изъ финиковыхъ вѣтвей. Всѣ мѣста здѣсь обыкновенно бываютъ заняты отдыхающими съ трубками въ рукахъ и кофе. Куреніе табака въ глазахъ восточнаго жителя есть важное дѣло и, принимаясь за него, онъ садится и располагается, какъ дома; а потому вы никогда не увидите на Востокѣ мусульманина, курящаго табакъ на-ходу, какъ это съ нами бываетъ. Сигарой же, какъ онъ думаетъ, не прилично осквернять своего рта. Въ кофейнѣ держатъ только кофе и однѣ только трубки, за чистотою которыхъ строжайше наблюдается; но табака — никогда, и если бы у васъ съ собою его не случилось, каведжи (слуга въ кофейнѣ) беретъ первый попавшійся ему подъ руку кисетъ съ табакомъ одного изъ вашихъ сосѣдей и распоряжается имъ, какъ бы вашимъ собственнымъ, считая излишнимъ испрашивать на то согласіе хозяина. Сосѣдъ вашъ не только не обидится этимъ, но напротивъ очень радъ, что дѣлаетъ вамъ одолженіе, считаетъ это для себя даже почетомъ, особливо если вы прилично одѣты. Если послѣ этого вы попотчуете его чашкою кофе, вы съ нимъ навсегда знакомы и, если угодно, да-

же друзья, сколько мусульманинъ можетъ быть другомъ христіанину.

Намъ некогда было отдыхать въ этой кофейнѣ, и мы поспѣшили впередъ, предшествуемые консульскимъ кавассомъ, также верхомъ на ослѣ и съ присвоенною, здѣсь и въ Сиріи, званію ихъ длинною палкою съ серебрянымъ шаромъ, вмѣсто набалдашника. Дорогою обогнали насъ два возвращающіеся пашинскіе курьера на дромадерахъ. Не доѣзжая Шубры, на право, въ чащѣ деревьевъ, ходилъ на цѣпи огромнаго роста придворный слонъ, принадлежавшій къ здѣшнему дворцу паши. Скоро за тѣмъ мы достигли Шубры.

На лѣво древній Нилъ разстилаетъ широкою, ровною скатертію свои мутныя воды. На другой его сторонѣ видна осѣненная финиковою рощею деревня Эмбабэ, извѣстная побѣдою Наполеона надъ мамлюками, которую назвалъ онъ побѣдою у пирамидъ, хотя онѣ и отстоятъ отсюда часа на три пути. Нѣсколько въ лѣво возвышаются, какъ цѣлыя огромныя горы, на пустой, ровной, изъ-желто-красноватой песчаной пустынѣ Ливійской, эти громадныя пирамиды, всего числомъ три, изъ которыхъ двѣ первыя — самыя большія изъ всѣхъ воздвигнутыхъ фараонами. Внизъ, по теченію Нила, въ нѣсколькихъ верстахъ, — мѣсто, по фигурѣ и островамъ, извѣстное подъ именемъ *коровьяго брюха* (ventre de la vache), и раздѣленіе рѣки на рукава, гдѣ предполагалось устроить и нынѣ уже строится барражъ (плотина), для удержанія водъ Нила на выс-

шемъ горизонтѣ, во время ихъ спаденія. На право отъ дороги расположена безобразная феллагская деревушка Шубра, наружный видъ которой достаточенъ, чтобы представить себѣ всю отвратительную бѣдность и крайнюю нищету здѣшняго земледѣльческаго класса жителей, главнаго орудія богатства и силы Мегемета-Али. Къ счастію, этотъ грустный видъ не опечалитъ взора новоприбывшаго гостя, потому что деревня закрыта аллеею и отчасти рощею, раскинувшеюся отсюда далеко на право впередъ, до дворца и садовъ пашинскихъ.

Наружный видъ дворца, главнымъ фасадомъ обращеннаго къ рѣкѣ, не представляетъ ничего ни величественнаго, ни даже красиваго: это простой двухъ-этажный, небольшой домъ, европейской архитектуры, рѣшительно безъ всякихъ украшеній, выбѣленный известью, съ большими, въ верхнемъ этажѣ, европейскими окнами; въ нижнемъ этажѣ, назначенномъ для службъ, нѣтъ ни одного окна на улицу. Ворота подъ главнымъ фасадомъ дома довольно просторны. Здѣсь замѣтны въ ту и другую сторону, содержимые въ препорядочной неопрятности черные ходы на кухню и въ помѣщенія для прислуги. Никакого караула у воротъ не было, и всякій желающій могъ войти на дворъ безпрепятственно.

Между упомянутою выше деревушкою и дворцовыми зданіями оставлена довольно просторная площадка, на которой отдыхали десятка два или три осѣдланныхъ казенныхъ дромадеровъ, готовыхъ

для разсылокъ во всѣ стороны, по мановенію правителя Египта. Дромадеры эти были разставлены двумя длинными линіями и, по обычаю страны, привязаны къ двумъ параллельно протянутымъ по землѣ и укрѣпленнымъ наконцахъ кольями толстымъ веревкамъ изъ клѣтчатой коры финиковаго дерева. Передъ дромадерами, сидѣвшими—одна линія противъ другой, въ симетрическомъ порядкѣ на брюхѣ, съ поджатыми подъ себя ногами, лежала мелкая солома и мѣстами на разостланныхъ толстаго сукна бурнусахъ турецкіе бобы въ самомъ маломъ количествѣ, такъ что дромадеры иногда подбирали ихъ губами по зернышку. Дромадеры бѣлые считаются лучшей породы: они цѣнятся выше, какъ по тому, что красивѣе, такъ и по принятому мнѣнію, что они неутомимѣе и быстрѣе на бѣгу. Курьеры, собравшись въ кружокъ подъ тѣнью ближайшаго сикомора и сидя на корточкахъ, курили табакъ съ прихлебкою кофе изъ крошечныхъ турецкихъ чашекъ и громко между собою разговаривали.

Намъ сказали, что въ 7-мъ часу утра паша отправился въ Булакъ, главное предмѣстье Каира, осматривать свои бумаго-прядильныя фабрики, и еще не воротился. Въ ожиданіи его пріѣзда, мы пошли взглянуть на устроенныя противъ дворцовыхъ зданій на берегу рѣки, подъ чащею египетскихъ акацій, водоподъемныя машины, самой простой работы, для поливки казенныхъ полей и садовъ; этихъ машинъ было здѣсь десятка полтора, одна подлѣ другой, и скрипъ отъ нихъ далеко былъ

слышенъ. Подъемъ воды этими машинами производится круглый годъ, день и ночь, безъ малѣйшей остановки. На каждой машинѣ работаетъ по парѣ быковъ и мальчикъ, ихъ подгоняющій. Нѣсколько разъ въ сутки быки и люди перемѣняются. Канавки, по которымъ вода протекаетъ, заботливо сдѣланы изъ особаго рода цемента, долговѣчнаго и составляющаго, какъ бы одну цѣльную каменную массу.

Тутъ же подъ тѣнью деревьевъ ожидали возврата паши еще три путешественника. Кромѣ драгомана въ европейскомъ платьѣ, но съ тарбушемъ на головѣ вмѣсто шляпы, при нихъ никого не было. Двѣ дамы въ модныхъ шляпкахъ съ мужьями, одѣтыми въ платье египетскаго нызама, показывавшее, что сіи послѣдніе въ службѣ паши, отдыхали на простыхъ табуретахъ отдѣльною группою подъ густою тѣнью. Ослы ихъ съ заткнутыми поводьями къ сѣдламъ, что̀ дѣлается для того, чтобы они смирно стояли и что давало имъ видъ борзыхъ коней, съ своими полуголыми погонщиками—мальчишками, составляли по-отдоль особую группу, прижимаясь одинъ къ другому и отъ времени до времени похлопывая ушами.

Скоро пріѣхалъ на мулѣ, во всю рысь, арабъ, передовый паши: тотчасъ разнеслось, что паша ѣдетъ, и все вокругъ зашевелилось. Потомъ прискакалъ на лошади чаушъ (унтеръ-офицеръ), вскорѣ за нимъ другой. За тѣмъ, минутъ черезъ пятнадцать, пріѣхалъ еще одинъ арабъ, каведжи, на дромадерѣ; но дромадеръ его шелъ самою тихою рысью. У

сѣдла висѣли дорожные мѣшки (саквы), слегка наполненные, вѣроятно, припасами для кофе, потому что изъ одного изъ нихъ торчали ножки желѣзнаго треножника, мѣдный кофейникъ и щипцы для угольевъ; въ лѣвой рукѣ всадникъ держалъ на вѣсу жаровню на желѣзныхъ цѣпяхъ, въ родѣ висячей лампады, съ горящими угольями. Отъ него въ нѣсколькихъ саженяхъ сзади ѣхалъ еще одинъ служитель на дромадерѣ же съ богатымъ ковромъ за сѣдломъ и подушками въ саквахъ, вѣроятно на случай, если бъ старый паша почувствовалъ усталость и захотѣлъ отдохнуть. По пятамъ за ними слѣдовалъ, на сѣрой красивой кобылицѣ, одинъ изъ придворныхъ чиновниковъ для личныхъ услугъ паши: они носятъ имя *сакалъ-агасы* и званіе ихъ соотвѣтствуетъ чину маіора. Это какъ бы камеръ-юнкеры или камергеры при дворѣ.

Минутъ черезъ пять показалась толпа красиво одѣтыхъ всадниковъ, примѣрно, человѣкъ двадцать, въ платьѣ египетскаго нызама и широкихъ бурнусахъ, на кровныхъ аравійскихъ лошадяхъ, одна другой лучше, выступавшихъ самымъ тихимъ шагомъ. Впереди кавалькады, на полъ сажени, ѣхалъ старецъ съ бѣлою, какъ лунь, большою бородою и длинными густыми усами. Это былъ Мегеметъ-Али. Мы поджидали, пока онъ поровняется съ нами, чтобы его привѣтствовать, но онъ предупредилъ насъ и привѣтствовалъ первый, по восточному обычаю, приложеніемъ правой руки къ губамъ и легкимъ обрашеніемъ ея ко лбу и груди, и съ

самымъ легкимъ, почти незамѣтнымъ наклоненіемъ головы въ то время, когда рука направлялась къ груди. Мы поспѣшили снять свои шляпы и поклониться. Я вперилъ глаза свои въ старика и вокругъ него уже ничего не видалъ. Подъ нимъ былъ дивный гнѣдой жеребецъ; сверхъ платья былъ надѣтъ въ рукава бурнусъ, коричневаго цвѣта, на головѣ тарбушъ. Я досадовалъ, что площадка была не обширнѣе и что масса всадниковъ съ ихъ повелителемъ не медленнѣе подвигалась мимо меня. Оставивъ насъ позади, она проѣхала къ главному зданію и потомъ, завернувъ въ ворота, скрылась во внутреннемъ дворѣ. По пятамъ этой кавалькады, шесть бѣлыхъ дромадеровъ везли еще шесть человѣкъ пашинской свиты, съ небольшими мѣшками во вьюкахъ: это, вѣроятно, очередные курьеры, готовые на всякой случай. Саженяхъ въ двадцати сзади ѣхала прекрасная вѣнская, послѣдняго фасона, карета съ серебряными, гдѣ слѣдуетъ, накладками; ее везла четверка рыжихъ арабскихъ жеребцовъ, въ-простяжь безъ форрейтора, въ соотвѣтсвующей экипажу щегольской и богатой европейской збруѣ; на козлахъ сидѣлъ кучеръ, арабъ, съ длиннымъ бичемъ и управлялъ всею четвернею, какъ ѣздятъ у насъ поляки. Онъ былъ одѣтъ въ тонкое суконное платье, формы египетскаго нызама.

Такъ какъ въ платье такаго же покроя одѣтъ былъ самъ паша и всѣ его придворные, то я считаю не излишнимъ познакомить съ нимъ моихъ читателей, если только они его еще не знаютъ.

Нарядъ этотъ состоитъ изъ широкихъ шараваровъ, въ видѣ женской юбки, длиною до икры, съ безчисленными складками вокругъ; икра стянута подвязкою и отъ нея до щиколотокъ идутъ краги въ обтяжку, въ-плотную, застегнутыя крючками или же пуговицами, одна подлѣ другой; нога, иногда въ чулкѣ, но большею частію босая, и всегда въ красномъ башмакѣ съ остроконечнымъ носкомъ, загибающимся вверхъ. Грудь плотно обхвачена турецкимъ жилетомъ, застегнутымъ безчисленными бумажными, въ видѣ лѣсныхъ орѣховъ, пуговицами отъ шеи до пояса. Поясъ широко и иногда толсто обвитъ шалью. Сверхъ жилета надѣта маленькая, никогда незастегивающаяся курточка съ разрѣзными рукавами и рука обнажена почти по локоть, будучи слегка прикрыта широкимъ рукавомъ самой тонкой, прозрачной бумажной или шелковой сорочки; шея голая. На голову, которая часто брѣется, надѣвается сшитая изъ бумажнаго холста, по формѣ черепа, шапочка, называемая *такые* и которая, для чистоты, часто перемѣняется; сверхъ нея маленькая шерстяная красная феска, носящая имя *тарбуша,* съ большою шелковою кистью, висящею назадъ. Бѣлая *такые* на полпальца видна вокругъ изъ подъ тарбуша; обычай этотъ какъ бы соотвѣтствуетъ нашему обыкновенію высовывать воротнички рубашки. Щеголи надѣваютъ тарбушъ обыкновенно глубже на лѣвую сторону и кисть у нихъ касается задней части лѣваго плеча. Чтобы прилично носить тарбушъ нужно имѣть особенную сна-

ровку и привычку; туземцы натягиваютъ его на уши и если кто носитъ его на лѣвую сторону, то лѣваго уха почти не видно, между тѣмъ какъ для насъ, европейцевъ, безъ привычки, имѣть уши закрытыми бываетъ невыносимо жарко. Куртка и жилетъ у офицеровъ широко и изящно обшиваются шелковыми снурками, а у солдатъ только однимъ бумажнымъ снуркомъ. Зимою носятъ платье суконное, лѣтомъ бѣлое бумажное; но у офицеровъ куртка всегда суконная.

Читатели прочли выше, что паша первый намъ поклонился. Онъ то же самое сдѣлалъ, когда поровнялся и съ ожидавшими также его, подобно намъ, тремя европейцами. Чтобы это не показалось читателямъ предупредительною съ его стороны учтивостію, замѣчу здѣсь, что къ числу безчисленныхъ противуположностей въ нравахъ Востока съ Европою принадлежитъ и тотъ, едвали не справедливѣе нашего, обычай, что, при встрѣчѣ старшаго съ младшимъ, привѣтствуетъ всегда первый, показывая тѣмъ и свое вниманіе, и свою благосклонность къ младшему; а младшій, удостоенный этого привѣтствія, торопится отвѣчать ему тѣмъ же, съ самымъ почтительнымъ и нерѣдко раболѣпнымъ видомъ. Если бы младшій началъ первый привѣтствовать, то это показало бы его незнаніе свѣтскаго этикета и даже, можетъ быть, было бы оскорбительнымъ для старшаго. По этому, Мегеметъ-Али, привѣтствуя насъ первый, показывалъ этимъ и старшинство свое, и благосконность къ европейцамъ. Воро-

чемъ прибавлю здѣсь кстати, что европейскій костюмъ и круглая шляпа, по сильному дипломатическому влiянiю консуловъ европейскихъ державъ, имѣетъ въ глазахъ тамошняго правительства большую силу, и всякій начальникъ области или города, всякій паша, приметъ васъ, какъ дорогаго гостя, какъ равнаго себѣ; но если бы вы надѣли костюмъ туземный, то очень можетъ статься, что онъ не пригласилъ бы васъ даже и сѣсть. Клотъ-бей, къ прочей своей обязательности, при первомъ знакомствѣ съ нами предупредилъ насъ объ этомъ, и потому мы не разлучались съ европейскимъ костюмомъ во все время бытности нашей въ Египтѣ. Влiянiе здѣсь европейцевъ заходитъ иногда далеко за предѣлы справедливости; если бы европеецъ вздумалъ, такъ — для собственной забавы, взять курбашъ и перваго встрѣчнаго ему феллага хлестать по ушамъ, феллагъ станетъ, какъ бы провинившійся, уходить и спасаться бѣгствомъ, а его одноземцы, свидѣтели подобной сцены, остановятъ его и еще съ видомъ, жаднымъ ко всякому развлеченiю, станутъ надъ нимъ подсмѣиваться. Если бы, сверхъ этого, на обиженнаго была принесена носящимъ круглую шляпу выдуманная жалоба мѣстному начальству, феллага же отдуютъ.

Вслѣдъ за пашею и его свитою упомянутые выше три путешественника (замѣчу мимоходомъ, во фракахъ) вошли во дворецъ. Вскорѣ прiѣхалъ верхомъ на лошади, подаркѣ Мегемета-Али, нашъ генеральный консулъ въ сюртукѣ, въ шпорахъ и съ хлыс-

томъ въ рукѣ; съ нимъ были путешествовавшіе — чиновникъ нашего посольства въ Неаполѣ, баронъ Ш–гъ, и какой-то графъ прусской службы. Сіи послѣдніе были въ старыхъ дорожныхъ сюртукахъ и простыхъ матрозскихъ соломенныхъ шляпахъ. Вслѣдъ за консуломъ, мы вошли въ ворота подъ домомъ и потомъ, поворотивъ на право, поднялись на простую, но чисто отдѣланную каменную лѣстницу, которая вела на крошечный дворикъ, чисто устланный каменными плитами и служившій вмѣсто прихожей предъ пріемною комнатою, гдѣ засѣдалъ паша. Часовыхъ нигдѣ не было, а на верху лѣстницы и на дворикѣ толпились сакалъ-агасы, одѣтые въ платье нызама, съ саблями у бедра. Увидавъ насъ, они раздались, чтобы дать намъ дорогу, и на привѣтъ консула отвѣчали съ большою учтивостію по восточному обычаю, указывая при этомъ рукою путь въ пріемную, какъ бы соревнуя другъ передъ другомъ въ радушіи и какъ бы говоря: добро пожаловать, паша васъ давно уже ждетъ. Со дворика широкая дверь вела въ пріемную комнату, довольно просторную (сажени 3 шириною и 6 длиною), устланную тонкими египетскими рогожками, и съ большими европейскими окнами, обращенными къ рѣкѣ, дававшими во внутрь много свѣта. Вся длина лѣвой стѣны съ окнами и большая часть противуположной входу — были заняты сплошнымъ турецкимъ диваномъ, покрытымъ ситцемъ египетскихъ фабрикъ. Этотъ дворецъ считается загороднымъ домомъ, и потому убранъ очень

просто и совсѣмъ не какъ дворцы паши въ каирской крѣпости и Александріи, гдѣ золото и парча, огромныя зеркала и вся пышность Востока ослѣпляютъ взоры посѣтителя. Мраморный кіоскъ въ шубринскомъ саду убранъ съ подобною же пышностію.

Большая половина комнаты, въ которую мы вошли, занята была толпою сакалъ-агасы, хранившихъ самое глубокое молчаніе. При нашемъ появленіи, толпа эта раздалась: въ углѣ дивана, противуположномъ входу, на особомъ небольшомъ ситцовомъ тюфячкѣ, сидѣлъ Мегеметъ-Али, поджавши подъ себя, по восточному обычаю, ноги и развалившись на угольныя подушки, какъ бы на волтеровскомъ креслѣ. Красные башмаки лежали на полу. На право, отъ него аршина на четыре, сидѣли упомянутые три европейца, вошедшіе сюда, безъ сомнѣнія, подобно намъ, безъ всякаго предварительнаго доклада. Передъ пашею стоялъ въ самомъ почтительномъ видѣ его драгоманъ, въ совершенствѣ владѣвшій французскимъ и турецкимъ языками. Увидавъ русскаго консула и насъ, паша прервалъ разговоръ съ путешественниками, обратился къ намъ и сказалъ, сдѣлавъ обыкновенное привѣтственное движеніе рукою и не трогаясь съ мѣста: *кошкельденызъ, кошкельденызъ!* «добро пожаловать, добро пожаловать» (или въ буквальномъ переводѣ, будьте счастливо пришедшими). Консулъ представилъ всѣхъ насъ по одиначкѣ старому пашѣ, во все это время спокойно сидѣвшему и приглашавшему насъ сѣсть на томъ же диванѣ рядомъ съ

нимъ. Консулъ помѣстился, по указанію паши, очень близко къ нему, а далѣе расположились въ рядъ всѣ мы пятеро, такъ что къ пашѣ сидѣли мы бокомъ, глядя на него одинъ изъ-за другаго. Не успѣли мы еще сѣсть, какъ паша, обратившись къ своимъ сакалъ-агасы и возвыся голосъ до повелительнаго тона, произнесъ: «*кáвэ!*» т. е. кофею (подать). Вслѣдъ за этимъ начался разговоръ, который изложу я ниже, а между тѣмъ постараюсь познакомить читателей со сдѣланнымъ намъ пріемомъ.

Такъ какъ кофе составляетъ непремѣнное условіе пріема, то его всегда держать готовымъ на огнѣ. Не прошло и одной минуты послѣ приказанія, какъ на небольшомъ обыкновенномъ картонномъ полированномъ подносѣ принесенъ былъ простой мѣдный кофейникъ и нѣсколько турецкихъ, всѣмъ извѣстныхъ, крошечныхъ чашекъ, *фельджановъ*. Тутъ же, въ присутствіи хозяина и гостей, кофе былъ налитъ въ чашки. Почтенные съ саблями у бедра, скалъ-агасы изъ которыхъ нѣкоторые были брадоносцы, съ просѣдью, и всѣ съ красивыми во всю губу усами, окружили подносикъ, каждый взялъ по чашкѣ и очень ловко подалъ каждому изъ насъ. Пашѣ также была подана чашка. Не принять подносимаго кофе, была бы крайняя неучтивость и намѣреніе оскорбить хозяина; притомъ же лучшаго кофе, конечно, нигдѣ нѣтъ. Способъ подаванія *фельджановъ*, подробно описанный у Клотъ-бея, показывалъ, что почтенные скалъ-агасы, по-

сѣдѣвшіе на этомъ поприщѣ, хорошо знаютъ свое дѣло. Съ передачею намъ въ руки *фельджановъ*, каждый изъ нихъ прикладывалъ концы пальцевъ правой руки къ губамъ, головѣ и сердцу, и кланялся, какъ бы говоря: кушайте на здоровье; отступая же назадъ, сторожилъ глазами процесъ питія кофе тѣмъ, кому подалъ, и какъ только замѣчалъ, что кофе выпитъ, тотчасъ поспѣшалъ принять чашку правою рукою, прикрывая ее въ тоже время лѣвою. Говорятъ, что одинъ скалъ-агасы однажды подалъ гостю чашку лѣвой рукой, чтó считается крайне невѣжливымъ и пренебреженіемъ къ своимъ обязанностямъ и къ самому гостю; паша замѣтилъ это и опромечтивому придворному, по уходѣ гостя, велѣлъ отрубить голову.

Смотря по тому, какъ паша произноситъ слово *кàвэ*, придворные уже знаютъ, въ какихъ чашкахъ приказывается подавать это угощенье: въ лучшихъ, среднихъ или простыхъ, смотря по достоинству гостей и при какихъ обстоятельствавъ дѣлается посѣщеніе. На этотъ разъ подали намъ чашки золотыя безъ особенныхъ украшеній. Во второй визитъ нашъ, сдѣланный во время годоваго ихъ праздника рамазана и описанный ниже, были поданы чашки золотыя сѣтчатыя, самой изящной работы, съ эмальированными рисунками, и сверхъ того осыпанныя крупными бриллiянтами.

Когда гость выпьетъ кофе, то правила этикета требуютъ благодарить хозяина движеніемъ руки къ къ губамъ и пр., по восточному обычаю. Отдавши

свою чашку, я соблюлъ эту учтивость, но не вставая съ мѣста, а подавшись для этого нѣсколько назадъ, такъ что паша могъ видѣть меня изъ-за спинъ сидѣвшихъ между имъ и мною. Зоркій глазъ старика замѣтилъ это, и паша отвѣтилъ мнѣ такимъ же точно образомъ.

Теперь обращусь къ разговору, бывшему въ продолженіе этого посѣщенія. Рѣчь началась продолженіемъ прежде бывшей трактаціи паши съ консуломъ, о присылкѣ сюда изъ Россіи горныхъ офицеровъ, чтобы научить арабовъ, какъ добывать золото изъ песку въ одной изъ принадлежащихъ ему провинцій, Фазъ-оглу, подъ 4° сѣверной широты. Разговоръ шелъ сначала чрезъ главноуправляющаго Ибрагима-паши, француза Бонфора, а потомъ чрезъ вошедшаго въ комнату перваго секретаря-драгомана старика паши, армянина Артынъ-бея, зятя тогдашняго министра финансовъ и коммерціи, Богосъ-бея (въ послѣдствіи Богосъ умеръ и Артынъ занялъ его мѣсто). Переводъ шелъ самымъ быстрымъ образомъ и переводчики, какъ говорится, смотрѣли въ-оба, стоя передъ пашею въ самомъ почтительномъ положеніи. Паша первый началъ; онъ говорилъ, что французы уже навѣдывались въ Фазъ-оглу, но ничего полезнаго для него отъ того не вышло, конечно, по недостатку въ нихъ опытности, между тѣмъ достовѣрно извѣстно, что въ пескахъ этой провинціи есть золото, которое собирается по малымъ частямъ тамошними жителями. А такъ какъ въ Россіи болѣе, чѣмъ

въ другихъ государствахъ, добывается этого металла, и какъ по этому у ней болѣе, чѣмъ у другихъ, опытныхъ людей въ этомъ дѣлѣ, то ему весьма бы желательно было, чтобъ русскіе горные офицеры потрудились и порылись бы у него въ Фазъоглу, и притомъ на какихъ угодно условіяхъ: въ свою ли собственную пользу и на своихъ издержкахъ, или же въ товариществѣ съ нимъ, «а ужъ въ рабочихъ», добавилъ онъ, возвыся голосъ, «у меня не будетъ недостатка». Консулъ обѣщалъ обо всемъ этомъ написать нашему правителству.

Въ послѣдствіе этого былъ командированъ изъ С. Петербурга въ Египетъ корпуса Горныхъ Инженеровъ полковникъ Кавалевскій, вполнѣ достигшій цѣли и путешествіе котораго читателямъ моимъ уже извѣстно.

Къ словамъ паши о томъ, что въ рабочихъ у него не будетъ недостатка, считаю нелишнимъ припомнить читателямъ, какъ вырытъ былъ извѣстный каналъ Магмудье, по которому плаваютъ изъ Нила въ Александрію и какъ воздвигнуты были стѣны и вырыты канавы вокругъ этой столицы Египта; это дастъ имъ понятіе объ отеческомъ управленіи Мегемета-Али. Они знаютъ, конечно, что туда гоняли людей обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ стадами, какъ барановъ, заставляли ихъ, подъ убѣжденіями курбаша, работать съ утра до ночи, не только безъ всякой платы, но не давали имъ ни пищи, которою должны они были запасаться изъ дому, ни даже необходимыхъ для этой

тяжелой работы простыхъ инструментовъ. И по этому Магмудье стоитъ жизни двадцати осьми тысячамъ феллаговъ, а укрѣпленія Александріи едва ли не болѣе. Работа на Магмудье продолжалась, помнится, до трехъ лѣтъ; работавшихъ было тамъ всего до ста тридцати тысячъ душъ. Въ бытность мою въ Верхнемъ-Египтѣ, я видѣлъ подобную, хотя въ несравненно меньшемъ размѣрѣ, работу: возобновленіе истока извѣстнаго Іосифоваго канала. Тысяти народа полуголаго, всѣхъ возрастовъ отъ 7-ми до-60 лѣтъ, обоихъ половъ, и даже беременныя женщины, разсыпаны были вдоль канала версты на двѣ или на три, и работали на-урокъ подъ палящими лучами солнца. Потъ ручьями лилъ съ работавшихъ во рву канала, а между тѣмъ десятскіе и сотскіе покрикиваніемъ и хлопаньемъ бича надъ ихъ головами побуждали къ скорѣйшему окончанію заданныхъ уроковъ. Движеніе внизу народа, полуобнаженнаго (кромѣ женщинъ, имѣвшихъ на себѣ длинную рубашку), темно-бронзовыя части всего тѣла, раскаленые лучи солнца, хлопанье бича надъ рабочими и въ особенности надъ головами дѣтей, сколько нибудь зазѣвавшихся, разъѣздъ вдоль канала суроваго назира (исправника), все это вмѣстѣ представляло разительную картину, глубоко врѣзавшуюса мнѣ въ память. Уходя оттуда къ лодкѣ, ожидавшей меня на Нилѣ, я подумалъ просебя: вотъ истинно египетская работа! не даромъ же она вошла у насъ въ пословицу!

Но обратимся къ продолженію разговора паши

*

съ консуломъ. Паша желалъ знать, сколько у насъ добывается золота. Консулъ отвѣчалъ, что въ прошломъ предъ тѣмъ годѣ добыто его болѣе 600 пудовъ. «Сколько же это окъ?» спросилъ онъ. Извѣстно, что въ пудѣ 13 окъ. Когда ему перевели, что 600 п. равны 7,800 окамъ, глаза старика блеснули какимъ-то особеннымъ огнемъ и какая то радостная мысль, какъ молнія, мелькнула на его смугломъ лицѣ, — онъ какъ бы подумалъ: что если бы мнѣ тоже, — хоть въ половину! Но въ ту же секунду лице его приняло прежній спокойный видъ. Далѣе говорилъ онъ, что съ этою мыслею могъ бы обратиться къ Франціи или Англіи, но ему хотѣлось бы имѣть дѣло по этому предмету именно съ одною Россіею, и наконецъ, возвысивъ нѣсколько голосъ, заключилъ словами: «скорѣе же давайте мнѣ вашихъ офицеровъ».

Когда разговоръ о золотомъ промыслѣ, довольно продолжительный, окончился, консулъ сказалъ, что собственно теперь пришелъ онъ не за этимъ, а чтобы познакомить его свѣтлость (son altesse, какъ его обыкновенно титуловали) съ членами коммиссіи, присланными сюда изъ Россіи для чумнаго дѣла. На это паша отвѣчалъ: «вѣдь это дѣло между нами уже кончено, и я на все согласенъ». Консулъ добавилъ, что порученное коммиссіи дѣло будетъ имѣть самое благодѣтельное вліяніе на торговлю и облегчитъ принимаемый нынѣ въ Европѣ карантинный порядокъ, какъ для путешественниковъ, такъ преимущественно и для товаровъ, приво-

зимыхъ въ Европу съ Востока и въ особенности изъ Египта, и что послѣ введенія новопредполагаемой теплоочистительной карантинной системы, вызовъ товаровъ изъ управляемой пашею страны, безъ сомнѣнія, значительно увеличится. Тутъ паша съ усмѣшкою подхватилъ: «мнѣ нѣтъ никакой надобности до вашихъ путешественниковъ, а мнѣ нужно мое, главное и единственное: чтобъ по-болѣе покупали у меня моихъ товаровъ». Оканчивая эту рѣчь, онъ сдѣлалъ большимъ и указательнымъ пальцами правой руки движеніе, будто считаетъ деньги.

Послѣ всего этого, предоставлю самимъ читателямъ рѣшить, какъ должно понимать и цѣнить этого замѣчательнаго старика: какъ вице-короля (т. е. владѣтельную особу, почти государя, какъ его величаютъ французы и многіе другіе иностранцы, но отнюдь не Россія и не русскіе), или же, просто, какъ помѣщика, въ родѣ нашихъ прежнихъ польскихъ, или, если угодно, какъ молдавскаго посессора.

Во время разговора, паша любилъ, какъ и всѣ турки, дѣлать красивыя, соотвѣтствующія смыслу разговора, движенія руками, какъ бы стараясь дополнять этимъ рѣчь свою. По временамъ и довольно часто онъ расправлялъ по направленію къ плечамъ бѣлые, какъ снѣгъ, усы свои и бороду. Первые весьма полны и длинны; послѣдняя болѣе длинна (особливо когда паша былъ на лошади), чѣмъ широка и густо-окладиста, какъ его обыкновенно рисуютъ и какъ я самъ сперва ду-

малъ, судя по его портретамъ, на которые онъ почти вовсе не походитъ; а съ тѣмъ портретомъ, который приложенъ къ извѣстному сочиненію Клотъ-бея о Египтѣ, къ подлиннику и русскому переводу, онъ не имѣлъ ни-капли сходства. Расправляя разпростертыми перстами, какъ бы гребнемъ, свою бороду, онъ разстилалъ ее по широкой груди, и она принимала въ это время видъ прекрасной окладистой бороды. Брови у него нѣсколько нависшія, черныя и съ просѣдью; глаза небольшіе, темно-каріе, глубоко впалые, подернутые влагою, быстрые, безпрестанно въ движеніи и горятъ, какъ бы слегка налиты кровью: въ нихъ рѣзко было видно много энергіи и отваги; носъ небольшой. Собственно лице не представляло ничего замѣчательнаго, довольно обыкновенное и какъ бы простонародное, небольшое, сохранившее еще довольно свѣжести, смуглое, весьма загорѣлое, съ немногими морщинами, и въ немъ также, какъ въ рукахъ и во всѣхъ движеніяхъ паши, было много жизни и одушевленія. Ростъ паши, сколько я могъ судить при его сидячемъ положеніи, долженъ быть нѣсколько менѣе средняго; говорятъ, что въ немъ до 5-ти англійскихъ футовъ; корпусомъ онъ довольно плотенъ; сложенъ хорошо, кость широкая, но, какъ говорятъ въ простонародьи, не тѣлистъ. Въ движеніяхъ быстръ и ловокъ, какъ самый учтивый юноша, хотя ему было уже 74 года (въ 1842 г.). Вообще, его обращеніе весьма непринужденно и даже исполнено достоинства. Онъ одѣтъ былъ въ платье

египетскаго нызама изъ тонкаго коричневаго сукна; краги, жилетъ и верхняя куртка широко обшиты черными шелковыми снурками. Поясъ широко обвитъ богатою зеленою персидскою шалью. Въ продолженіе разговора онъ снялъ на минуту свой тарбушъ и такые, какъ бы для охлажденія, нѣсколько разъ провелъ ладонью правой руки по всей чисто-обритой головѣ, мѣстами ее почесывая. При этомъ нельзя было не замѣтить прекраснаго устройства его черепа и рѣзкой черты на лбу, отдѣляющей часть кожи загорѣвшую отъ покрываемой тарбушемъ. Послѣ этого, обѣими руками онъ натянулъ свою такые и расправилъ ее на головѣ, а потомъ надѣлъ тарбушъ, или вѣрнѣе — два тарбуша, натянутые одинъ на другой, по случаю зимняго времени. Обвивать же тарбушъ шалью онъ уже давно оставилъ. Онъ часто облокачивался спиною на подушки въ самый уголъ дивана, и тогда руки его разстилались во всю ихъ длину по боковымъ подушкамъ. Отъ времени до времени, онъ перемѣнялъ положеніе ногъ своихъ на диванѣ. Разговоръ шелъ самый быстрый, оживленный, и продолжался болѣе получаса. Кончивъ его съ консуломъ, онъ обратился къ сидѣвшимъ на правой его сторонѣ тремъ европейцамъ. Рѣчь его къ нимъ началась продолженіемъ разговора, прерваннаго нашимъ приходомъ. «Скоро ли же вы отправляетесь въ Саидъ (т. е. Верхній-Египетъ)?» спросилъ онъ ихъ. Они отвѣчали, что не пріискали еще лодки.

«Остановка за каиками? О, каиковъ много!» возразилъ онъ.

Не желая быть свидѣтелями чужаго и, конечно, мало интереснаго разговора, мы тотчасъ раскланялись пашѣ, сдѣлавшему намъ при этомъ обыкновенное привѣтствіе рукою съ наклоненіемъ туловища впередъ, но продолжавшему сидѣть по-прежнему. Придворные, сохранявшіе во все время нашего посѣщенія съ раболѣпнымъ видомъ самое глубокое безмолвіе, какъ бы ловя каждое слово разговора, дали намъ широкую дорогу, а тѣ, которые были по-ближе къ выходу, униженно кланялись, дѣлая привѣтствія руками. Мы не успѣли спуститься до половины лѣстницы, какъ посланный пашею г. Бонфоръ догналъ насъ, чтобы записать наши имена, для отдачи повелѣній отъ паши, кому слѣдовало, по нашему дѣлу, согласно желанію о томъ консула.

Было еще довольно рано, и потому спустившись внизъ, мы отправились взглянуть на шубринскій садъ, а потомъ осмотрѣли главную въ Египтѣ пашинскую заводскую конюшню, находящуюся въ полуторѣ верстѣ оттуда.

Теперь обращусь къ моему второму посѣщенію Мегемета-Али.

Возложенное на насъ порученіе мы окончили не только безпрепятственно и вполнѣ удачно (хотя съ потерею одного изъ двухъ бывшихъ при насъ карантинныхъ унтеръ-офицеровъ, умершаго, среди насъ, отъ чумы въ самой сильной степени), но еще

сверхъ того со всевозможнымъ со стороны мѣстнаго начальства пособіемъ, чѣмъ мы обязаны были, сколько умѣнью консула хорошо направить дѣла наши, столько же и благородной готовности Клотъ-бея на всякое полезное дѣло и въ особенности касающееся чумной заразы, которую изучалъ онъ постоянно уже двадцать лѣтъ. Послѣ того мы отправились (въ іюнѣ 1843 г.) въ Россію, товарищи мои чрезъ Александрію и Сиру, а я чрезъ Даміэттъ и Іерусалимъ. Проѣздомъ чрезъ Александрію товарищи мои являлись съ консуломъ къ правителю Египта, для изъявленія ему благодарности за пособіе и покровительство отъ мѣстнаго начальства.

Въ концѣ сентября я снова прибылъ въ Египетъ, по тому же дѣлу, на военномъ бригѣ «Неархъ», изъ Константинополя, сдѣлавъ переѣздъ этотъ, при хорошемъ попутномъ вѣтрѣ, почти съ неслыханною скоростью, всего въ пять дней. Чрезъ недѣлю по пріѣздѣ, я былъ снова въ Каирѣ, съ командиромъ судна, тремя его офицерами и однимъ любезнымъ молодымъ человѣкомъ, г. Т—вымъ, воспитанникомъ С. Петербургскаго Восточнаго института, пріѣхавшимъ на томъ же суднѣ изъ Константинополя на службу при консульствѣ и для усовершенствованія себя въ арабскомъ языкѣ, въ которомъ онъ сдѣлалъ замѣчательные успѣхи подъ руководствомъ извѣстнаго въ С. Петербургѣ профессора, шеиха Мухаммеда Тантауй. Г. Т—въ есть тотъ самый Несибъ-Эфенди, который сообщилъ мнѣ подробности объ изувѣрствѣ арабовъ съ однимъ

коптомъ въ Даміэттѣ, о чемъ было говорено въ предшествовавшей главѣ. Паша уже переѣхалъ въ то время въ Каиръ на зиму; новоприбывшимъ моимъ соотечественникамъ желательно было видѣть его. Я тоже воспользовался этимъ случаемъ, чтобы взглянуть на него еще разъ. Это было во время мусульманскаго годоваго праздника рамазана, въ родѣ поста, когда мусульмане не ѣдятъ цѣлый день, но за то всѣ ночи проводятъ въ изобильномъ трапезованіи и въ пиршествахъ по кофейнямъ, смотрятъ танцовщицъ и танцовщиковъ, или слушаютъ меддаховъ, т. е. разказчиковъ восточныхъ повѣстей.

Думаю, что читатели не посѣтуютъ на меня, если я отвлекусь нѣсколько отъ своего предмета и передамъ имъ изъ своего дневника нѣкоторыя любопытныя свѣдѣнія о праздникѣ рамазанѣ, сообщенныя мнѣ добрымъ моимъ каирскимъ знакомымъ, драгоманомъ при нашемъ генеральномъ консулѣ, г. Г-м-з-вымъ (*), съ рѣдкимъ вниманіемъ уже давно изучающимъ нравы Востока, съ которыми онъ, безъ сомнѣнія, со временемъ насъ познакомитъ. Статьи его о Востокѣ, полныя интереса, были уже помѣщаемы въ разныхъ журналахъ, большею частію безъ подписи, впрочемъ, имени автора. Праздникъ рамазанъ продолжается 30 дней; 27-я ночь его есть одна изъ семи священныхъ ночей мусуль-

---

(*) Нынѣ драгоманомъ при нашемъ посольствѣ въ Константинополѣ.

манскихъ и называется *Лейлетъ-уль-кадръ*, т. е. ночь милосердія или священнаго предопредѣленія. Какой именно ночи принадлежитъ эта честь, скрыто отъ поклонниковъ ислама. Извѣстно только, что она должна приходиться въ одно изъ нечетныхъ чиселъ рамазана, и потому ее обыкновенно празднуютъ 27-го числа. Священное преданіе гласитъ, что въ эту ночь всѣ неодушевленные предметы обожаютъ Бога; по вѣрованію мусульманъ, всѣ воды морскія въ эти таинственныя минуты дѣлаются сладкими и наконецъ, степень ея святости такъ велика, что молитвы, совершенныя въ *Лейлетъ-уль-кадръ*, равняются въ достоинствѣ молитвамъ цѣлаго года. Въ эту же ночь возводятъ на ложе султана невинную дѣвушку изъ невольницъ, которую обыкновенно присылаетъ великій визирь въ подарокъ своему государю, и о совершеніи этого обряда, по сигналу изъ дворца, ночью же, тотчасъ возвѣщается правовѣрнымъ салютомъ со всѣхъ военныхъ судовъ и баттарей Босфора. *Рамазанъ* есть имя 9 арабскаго мѣсяца; онъ называется священнымъ. Въ продолженіе 30 дней этого мѣсяца, возвѣщаетъ Мухаммедъ, сошелъ къ нему съ небесъ его куранъ, во время бесѣды его съ Архангеломъ Гавріиломъ, въ пещерѣ горы Хара, близъ Мекки; и мухаммедане, въ воспоминаніе этого обстоятельства, проводятъ дни рамазана въ строжайшемъ постѣ и молитвѣ; но за то ночью пируютъ, какъ можно болѣе.

Мегеметъ-Али, предувѣдомленный о желаніи рускихъ представиться ему, отозвался консулу, что

онъ готовъ принять дорогихъ гостей на другой день вечеромъ, послѣ праздничной трапезы. Это было 1-го октября. Съ ранняго утра, часа въ 4-ре, моряки наши отправились къ пирамидамъ. Консулъ сказалъ, что морякамъ, какъ людямъ военнымъ, явиться къ пашѣ приличнѣе съ присвоенной званію ихъ, по возможности, полной формѣ, а намъ статскимъ, по прежнему, въ сюртукахъ. Къ вечеру собрались мы всѣ и послали за ослами, чтобы ѣхать къ пашѣ. Цѣлый табунъ ихъ прикатилъ къ намъ и запрудилъ весь узкій переулокъ гостинницы, гдѣ мы остановились; погонщики подняли при нашемъ появленіи такой шумъ и гвалтъ, что всполошили весь кварталъ и во всѣхъ окнахъ переулка показались цѣлыя группы любопытствующихъ. Погонщики на-перерывъ одинъ передъ другимъ, подставляли своего осла, съ крикомъ, съ шумомъ и почти съ дракою, такъ что нужно было употребить вооруженную карбашемъ руку, чтобы пробиться впередъ. Для освѣщенія пути, мы приказали позвать одну машалу: явилось ихъ двѣ. *Машала* есть цилиндрическая желѣзная клѣтка, длиною вершковъ 6 и въ діаметрѣ вершка 4, съ открытымъ верхомъ и насаженная на длинную палку; въ машалу кладутъ щепы смолистаго дерева и зажигаютъ ихъ, и такимъ образомъ машала, при поѣздкахъ по ночамъ, замѣняетъ фонарь. Щепы горятъ ясно и даютъ блескъ ослѣпительный. Открылась истинно живописная картина, когда двѣ машалы вдругъ освѣтили узкій, аршина въ три, переулокъ

съ трехъ-этажными бураго цвѣта домами по сторонамъ, съ толпою ословъ внизу, полуголыхъ ратующихъ между собою погонщиковъ, среди ихъ морскихъ офицеровъ, въ мундирахъ съ золотымъ шитьемъ, верхомъ на этихъ иноходцахъ пробирающихся гуськомъ впередъ, и разнообразные группы лицъ въ рамкахъ оконъ, — точно живыя картины. Консульскій кавассъ, съ длинною тростью, открывалъ шествіе. Мы заѣхали къ консулу, и часу въ 9-мъ вечера отправились въ Шубру; у консула дожидалась еще третья машала. Всѣхъ насъ, верхомъ на ослахъ было восемь человѣкъ, столько же погонщиковъ пѣшкомъ и три машалы впереди. Мы двинулись до самой Шубры полною иноходью, погоньщики бѣжали каждый за своимъ осломъ на рысяхъ, ночь была безъ луны и небо освѣщалось только однѣми звѣздами; казалось весьма темно, а когда мы въѣхали въ аллею, стало еще темнѣе. Передовые часто подкладывали щепы въ свои машалы, бросавшія вокругъ самый яркій свѣтъ и разсыпавшія, при каждомъ потрясеніи, цѣлые потоки искръ. Быстрый поѣздъ нашей кавалькады, ярко освѣщенной краснымъ огнемъ этого рода фонарей, шумъ отъ копытъ и босыхъ ногъ, неугомонный крикъ и понужденіе ословъ погонщиками,—все это вмѣстѣ представлялось какимъ-то фантастическимъ явленіемъ, приковывавшимъ взоры каждаго встрѣчнаго.

Къ пашѣ мы прошли также безпрепятственно, какъ и прежде. Онъ принялъ насъ въ той же са-

мой комнатѣ. Только въ этотъ разъ было при немъ всего не болѣе шести или семи сакалъ-агасы. Компата освѣщена была, хотя не совсѣмъ ярко, тремя толстыми восковыми свѣчами въ огромныхъ серебряныхъ подсвѣчникахъ, стоявшихъ рядомъ на полу и похожихъ на наши церковные подсвѣчники (ставники) у мѣстныхъ образовъ. Паша сидѣлъ на томъ же мѣстѣ, какъ и прежде, и пригласилъ насъ сѣсть подлѣ себя по обѣ стороны. Тотчасъ явился драгоманъ и, послѣ представленія каждаго изъ насъ отдѣльно, мы усѣлись по одну и другую сторону стараго хозяина. Подали кофе. Замѣтно было, что паша недавно всталъ изъ-за стола и отъ полноты желудка былъ тяжеловатъ, какъ бы облѣнившись. Замѣтно было также, что онъ находился въ большомъ расположеніи слушать, обращался къ намъ съ самой радушной улыбкой, но не могъ, по обремененію желудка, ни воодушевить бесѣды, ни возбудить къ разсказамъ своими распросами. Разговоръ вращался около самыхъ обыкновенныхъ предметовъ, и потому у меня изъ него ничего не осталось въ памяти, кромѣ похвалы нашему бригу, сдѣлавшему столь быстрый переѣздъ изъ *Стамбула* въ *Искендрію*. Когда консулъ привсталъ было, чтобы откланяться, то паша, какъ бы съ дружескимъ упрекомъ, сказалъ: «куда спѣшите? посидите еще! вѣдь вамъ дома нѣтъ особеннаго дѣла?» Но какъ разговоръ и послѣ того не вязался и консулу наконецъ надоѣло разсказывать одному, то мы скоро и откланялись.

При выходѣ, къ намъ подвернулся кавассъ пашинскій (полицейскій чиновникъ) и пошелъ впереди насъ, какъ бы для указанія пути, а проводивъ за ворота, протянулъ руку къ консулу и сказалъ: бахшишъ хавага, т. е. на водку господинъ! Консулъ далъ ему два испанскихъ талера и мы отправились домой прежнимъ порядкомъ.

Я не думаю, чтобы паша держалъ строгій постъ въ эти дни, чтобы онъ ничего не ѣлъ до самаго заката солнца, какъ это предписывается кураномъ. Безъ сомнѣнія, въ продолженіе дня онъ не однажды закусывалъ, а теперь, по закатѣ солнца, порядкомъ покушалъ; думаю такъ потому, что онъ никогда не былъ ревностнымъ мусульманиномъ, поста этого, какъ мнѣ сказывали, онъ и прежде никогда не соблюдалъ и, при его преклонныхъ лѣтахъ, подобное лишеніе крайне бы изнуряло его, а онъ очень бережетъ свое здоровье. Поваръ у него французъ, Mr. Кулонъ, получающій, на наши деньги, 6,000 р. асс. жалованья въ годъ, и братъ содержателя въ Каирѣ чудесной гостинницы, гдѣ можно имѣть обѣдъ по цѣнѣ отъ 1 до 6 талеровъ безъ вина, а съ виномъ до 10 талеровъ съ персоны. Паша обѣдаетъ по-европейски, за круглымъ столомъ, и не одинъ, а съ двумя или тремя изъ своихъ приближенныхъ, кто на тотъ разъ при немъ случится. Султанъ и всѣ сановники турецкіе обыкновенно обѣдаютъ сидя, поджавши ноги, на низенькихъ столикахъ, въ какой случится имъ быть комнатѣ своихъ палатъ и при томъ всегда одни.

Жены и дѣти обѣдаютъ послѣ. Кромѣ французской кухни, Мегеметъ-Али всегда любилъ французскія вина; а когда турокъ, разрѣшившій на этотъ напитокъ, развеселится и прикажетъ подать шампанское, то приносятъ его не бутылками, а цѣлыми ящиками. Ибрагимъ-паша и большая часть египетскихъ сановниковъ пили и пьютъ вино это такимъ точно образомъ.

Не рѣдко случалось, что старый Мегеметъ-Али бывалъ чрезъ мѣру на-веселѣ, и это слишкомъ вредило его здоровью. Долго и съ трудомъ боролись медики съ его непреклоннымъ духомъ и упорною привычкою къ вину; но наконецъ, по убѣжденію многихъ изъ нихъ и въ особенности Клотъ-бея, что это сокращаетъ лѣта его жизни и вмѣстѣ бросаетъ въ глазахъ европейцевъ, нерѣдко заставшихъ его въ такомъ видѣ, самую мрачную тѣнь на его славу, на славу этого NB. египетскаго Петра Великаго (какъ онъ себя воображалъ), онъ вдругъ оставилъ, года за четыре предъ тѣмъ, всѣ вина и съ тѣхъ поръ за столомъ у него подавали одно старое красное бордо, которымъ онъ только подкрашивалъ воду, но и то не болѣе, какъ для приданія ей пріятнаго вкуса.

VI.

Распоряженія Мегемета-Али по гаремной части въ послѣдніе годы его управленія. Причины, почему онъ хотѣлъ было отказаться отъ упр:вленія Египтомъ. Послѣдняя его болѣзнь и смерть.

Въ Каирѣ у Мегемета-Али два мѣстопребыванія: въ цитадели, внутри города, гдѣ его дворецъ, украшенный истинно по царски, и въ Шубрѣ, на дачѣ, верстахъ въ пяти отъ Каира. Палаты его здѣсь, по простотѣ убранства, приличнѣе назвать не дворцомъ, а загороднымъ домомъ; но за то садъ шубринскій изукрашенъ и содержится во всевозможной чистотѣ и порядкѣ. Къ сожалѣнію, прямыя, стриженныя, французскія аллеи даютъ ему видъ однобразія; но оно выкупается двумя замѣчательными кіосками, свидѣтельствующими о восточномъ вкусѣ и изобрѣтательности сибарита-хо-

зяина, по мыслямъ котораго европеецъ-архитеторъ ихъ воздвигнулъ.

Одинъ изъ нихъ возвышается на довольно высокомъ насыпномъ холмѣ, къ которому путь идетъ съ двухъ противуположныхъ сторонъ по землянымъ узкимъ, покатымъ насыпямъ, такъ что кіоскъ этотъ съ боковъ получаетъ видъ нашихъ ледяныхъ горъ съ двумя по обѣ стороны спусками. Спуски, холмъ и самый кіоскъ густо одѣты цвѣтами и самою роскошною зеленью; внутренность кіоска убрана вполнѣ комфортабельнымъ образомъ и весь садъ съ своими пересѣкающимися въ разныхъ направленіяхъ аллеями представляется оттуда открытымъ, какъ на ладони. Другой кіоскъ, каменный, чисто-отдѣланный; это особый квадратный дворъ, саженей въ двадцать, огороженный каменными стѣнами и имѣющій по угламъ четыре домика, каждый въ одну довольно просторную комнатку. Комнаты убраны со всею роскошью и изысканостію Востока; золото и парча, мраморъ и ковры разсыпаны здѣсь щедрою рукою. Изъ этихъ четырехъ комнатъ двери во внутрь двора выходятъ на широкую, идущую вокругъ по всѣмъ четыремъ стѣнамъ крытую галлерею, съ мраморными полами и мѣдными по стѣнамъ трубочками, для газоваго освѣщенія по вечерамъ. Тотчасъ за галлереями внутри двора, квадратный, подъ открытымъ небомъ, бассейнъ, выложенный и украшенный мраморомъ со всѣмъ искусствомъ и тщательностью; съ боковъ идутъ въ него лѣсенки, а въ углахъ устроены красивые

фонтаны. Наконецъ, въ центрѣ бассейна мраморный квадратный островокъ, отдѣланный съ большимъ вкусомъ, съ грифонами по сторонамъ, бьющими фонтаномъ воду, и съ площадкою на верху для музыки и пѣвицъ, для цвѣтовъ и освѣщенія. Здѣсь-то, разсказываютъ, владыка Египта любилъ иногда проводить вечерніе часы своего отдыха во время пребыванія въ Каирѣ; здѣсь-то онъ, возлежа на бархатныхъ коврахъ и утопая въ дыму кальяна, любилъ смотрѣть на стаю своихъ одалыкъ, купавшихся въ бассейнѣ, любовался ихъ играми въ водѣ при яркомъ газовомъ освѣщеніи, при шумѣ фонтановъ, ири буйной музыкѣ, пѣньѣ и пляскѣ невольницъ.

Но кіоскъ этотъ уже не бываетъ свидѣтелемъ подобныхъ праздниковъ египетскаго сатрапа (писано въ 1843 г.). Уже нѣсколько лѣтъ старый паша остылъ къ гарему, забылъ своихъ одалыкъ, простился съ удовольствіями этого рода!.. Вы сомнительно улыбаетесь, почтенный мой читатель?.. Но читайте дальше, и я вамъ разскажу, какъ это было.

Въ предшествовавшей главѣ вы прочли, кáкъ доктора убѣдили Мегемета-Али отстать отъ вина, которое онъ порядкомъ пилъ въ свое время. Старикъ согласился, что этотъ напитокъ весьма вредилъ и его здоровью, и его репутаціи въ глазахъ европейцевъ. Хотя и не тотчасъ, но онъ превозмогъ себя, оставилъ вино, и съ тѣхъ поръ стали подавать ему одно лишь старое бордо, которое онъ по-поламъ съ водою пилъ только за обѣдомъ.

*

Одержавъ такую побѣду надъ пашею, доктора приступили къ новому завоеванію, убѣдить его оставить гаремъ... Турку оставить гаремъ!.. Слыханное ли это дѣло?.. Да это ему все равно, что разстаться съ лучшими отрадами, лучшими наслажденіями и всѣми мечтами жизни, все равно, что почти заживо готовитъ себя къ могилѣ, что половину себя закопать въ землю!.. Но очень замѣтно было, что гаремныя удовольствія слишкомъ вредили здоровью престарѣлаго паши, крайне истощали его силы, и онъ самъ не могъ не замѣчать этого; а потому отклонить его отъ гарема было, противъ ожиданія, гораздо легче, чѣмъ отъ соблазнительнаго напитка. Будучи убѣжденъ приводимыми ему доводами и чувствуя вполнѣ справедливость ихъ на самомъ опытѣ, онъ, безъ малѣйшаго вздоха, оставилъ гаремъ съ двумя стами молодыхъ красавицъ, въ числѣ которыхъ еще многія могли бы, вмѣстѣ съ отаитянкою Ознобишина, смѣло и безукоризненно запѣть на встрѣчу путника:

Прійди на тайный зовъ любви!
Прекрасна я, я перла юга,
Объятья пламенны мои,
И я... еще не знала друга.

Большая часть одалыкъ покупалась для паши въ Стамбулѣ, и преимущественно изъ черкешенокъ. Для этого и для разныхъ подобныхъ порученій, жилъ тамъ опытный въ этомъ дѣлѣ его довѣренный, нежалѣвшій на этотъ предметъ денегъ паши,

облитыхъ пòтомъ и кровью при-нильскихъ земледѣльцевъ.

Любопытны подробности, кáкъ Мегеметъ-Али распустилъ гаремъ свой. Вотъ въ кратцѣ разсказы, слышанные мною объ этомъ въ Каирѣ и Александріи. Когда доктора убѣдили пашу проститься съ гаремомъ, онъ, по обсужденіи этого дѣла отечески, заключилъ: оставить въ гаремѣ только женщинъ пожилыхъ и тѣхъ, которыя дали ему дѣтей, а всѣхъ молодыхъ женщинъ, неимѣвшихъ отъ него дѣтей, или еще не раздѣлившихъ его ложа, выдать за-мужъ приличнымъ образомъ за людей, пользующихся извѣстнымъ значеніемъ въ свѣтѣ. Для этого онъ приказалъ объявить по войскамъ, что полковники, маіоры и адъютанты (которые считаются тамъ выше капитановъ) могутъ просить себѣ женъ изъ его гарема, и притомъ не только безъ установленной у мусульманъ платы за женъ, но еще съ приданымъ отъ казны, смотря по достоинству жениха. Сакалъ-агасы, то же, что у насъ камеръюнкеры, изъ уваженія къ тому, что находятся при особѣ паши, хотя званіе ихъ соотвѣтствуетъ только капитанскому чину, также включены были въ число соискателей. Разумѣется, явилось много охотниковъ и въ особенности по тому, что съ женой получалось важнѣйшее, подразумѣваемое приданое, — покровительство двора, а въ случаѣ бѣды, къ которой всякъ тамъ близокъ, и вѣрная выручка. Просьбы желающихъ передавались начальнику евнуховъ при гаремѣ, кизляръ-агасы, на его благоусмо-

трѣніе и разрѣшеніе, и онъ, разумѣется, не пропустилъ этого случая, чтобы порядкомъ набить себѣ карманъ отъ просителей назначеніемъ женъ по-моложе и по-красивѣе. Такимъ образомъ, выдано въ то время за-мужъ разомъ до двухъ сотъ одалыкъ паши; а какъ на Востокѣ все преувеличивается, то иные утверждали мнѣ, что число это простиралось даже до четырехъ сотъ и болѣе.

Для каждой изъ одалыкъ паша назначилъ приличное приданое, далъ каждой по двѣ невольницы и по одному евнуху, для каждой купилъ хорошій домъ и его прилично убралъ. Эта покупка производилась, разумѣется, въ его духѣ, т. е. довѣренные его выбирали домы и назначали имъ цѣну, по своему усмотрѣнію. Цѣну эту потомъ выдавали изъ казначейства хозяину, хотя бы онъ и отзывался, что домъ его стóитъ въ трое или въ четверо дороже, или что продавать его онъ вовсе не намѣренъ. Сверхъ всего этого, паша тогда же назначилъ одалыкамъ своимъ пожизненныя пенсіи: вышедшимъ за полковниковъ, по пяти кисъ въ мѣсяцъ, за маіоровъ—по три, за адъютантовъ—по 800 египетскихъ піастровъ, а за сакалъ-агасы—по 500. Одна киса, т. е. мѣшокъ, заключаетъ въ себѣ 500 піастровъ, а каждый египетскій піастръ соотвѣтствуетъ 22 коп. ассиг.; слѣдовательно, по этому разсчету выходитъ, что полковницамъ назначено пенсіи въ мѣсяцъ по 550 р. ассиг., маіоршамъ — 330 р., адъютантшамъ — 176 р., женамъ сакалъ-агасы — 110 руб. ассиг. Эта пенсія производилась

очень исправно, хотя и съ проволочками, при тогдашнемъ краïнемъ недостаткѣ денегъ у паши. Имѣющіе право на эту пенсію обыкновенно получали отъ казначейства тэскэрэ (квитанціи) о томъ, сколько оно должно ему уплатить, и эти квитанціи продавали, съ уступкою отъ 20 до 30 процентовъ, купцамъ, которые расплачивались ими съ казною за покупаемые отъ паши товары.

Извѣстно, что выдаваемыя за-мужъ изъ гаремовъ пашей женщины пользуются большою властію надъ мужьями, и въ домѣ уже не онъ, а она старше; иначе, она какъ-разъ найдетъ случай и предлогъ обжалобить мужа своего при дворѣ, и ему уже, конечно, достанется на-орѣхи. Мужья-любители самовластья, вѣроятно, не совались съ просьбами своими о женахъ изъ гарема. Изъ нихъ замѣчу одного, нашего стараго пріятеля, назира каирскаго военнаго госпиталя, Османа-агу, съ которымъ я уже познакомилъ моихъ читателей; хотя чиномъ онъ былъ не болѣе, какъ капитанъ, но, по личной его извѣстности правителю Египта и по прежнимъ кровавымъ заслугамъ, ему обѣщали выхлопотать знатную жену; однакожъ, старикъ нашъ, любя свободу и независимость въ своемъ геремѣ, уклонился отъ этой чести, хотя денежки и очень любилъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ паша рѣшился оставить гаремъ, ноги его тамъ не было. Однакожъ, не думайте, чтобъ онъ рѣшительно и навсегда отказывался отъ удовольствій этого рода. Одинъ изъ корот-

кихъ моихъ знакомцевъ въ Каирѣ, докторѣ Дювиньо́, родомъ французъ, но поселившійся тамъ, по видимому, навсегда и съ которымъ я часто сходился, разсказывалъ мнѣ объ этомъ любопытныя и вмѣстѣ не всѣмъ извѣстныя подробности. Будучи женатъ на уроженкѣ того края, красавицѣ–еврейкѣ, имъ окрещенной и имѣвшей въ городѣ большое знакомство, онъ зналъ эти вѣсти почти изъ первыхъ источниковъ. Подробности эти я передамъ здѣсь читателямъ, какъ самыя вѣрныя черты характера паши, его тайныхъ наклонностей и его жизни въ послѣднее время. Онѣ, можетъ быть, пояснятъ, почему паша такъ скоро согласился оставить гаремъ, этотъ, по понятіямъ Востока, рай земной.

Всѣмъ живущимъ въ Каирѣ извѣстно, что правитель Египта любилъ, при бытности своей въ этой столицѣ, проводить, отъ времени до времени, по нѣсколько дней у старшей своей дочери, вдовы дефтердаря-бэя, женщины довольно пожилой, которую онъ весьма жаловалъ. Не имѣя ни мужа, ни дѣтей и ведя жизнь, какъ говорили, безукоризненную, она всю любовь свою сосредоточила на отцѣ и угождать ему — была вся ея отрада. Паша обыкновенно назначалъ время, когда будетъ у ней, — и вотъ пріемъ, какой онъ встрѣчалъ здѣсь.

При входѣ въ садъ, украшенный заботливою рукою искуснаго садовника всѣми тропическими ароматными растеніями и всѣми роскошными цвѣтами, два ряда невольницъ всѣхъ цвѣтовъ, разряженныхъ въ лучшія платья и безъ покрывалъ, гу-

сто драпировали бока дорожки, по которой идти пашѣ, и площадку, гдѣ, подъ тѣнію розъ и банановъ, миртовъ и жасминовъ, была приготовлена для него роскошная парчевая софа; здѣсь ожидали его кофе, трубки, кальянъ и всѣ сласти, всѣ возможныя прохладительныя.

По мѣрѣ шествія старца, замѣтно-удрученнаго тяжкимъ бременемъ восьмаго десятка лѣтъ, отягченнаго почти полъ-столѣтнимъ тревожнымъ и часто кровавымъ управленіемъ нѣсколькихъ царствъ, изъ которыхъ осталось за нимъ только одно, невольницы осыпали его цвѣтами, опрыскивали духами изъ золотыхъ сосудовъ, курили передъ нимъ алое и курси (*); музыка буйно гремитъ, живая драпировка сада бьетъ въ ладоши подъ тактъ музыки, и лучшія, красивѣйшія невольницы поютъ и пляшутъ.

Тамъ пиръ для чувствъ и ока...
. . . .
Межъ-тѣмъ въ дыму кальяна,
На бархатѣ дивана,
Восточный сибаритъ
Роскошно возлежитъ.
. . . .
И къ дѣвѣ сладострастья
Залогъ желанный счастья —
Платокъ его летитъ...
. . . .

(*) *Курси* — особый родъ благовонно-курительнаго состава.

Всѣмъ извѣстенъ странный и во-все неожиданный поступокъ Мегемета-Али въ послѣднее время его управленія Египтомъ, за четыре года передъ тѣмъ, какъ окончательно послѣдовало затмѣніе его умственныхъ способностей; всѣ помнятъ, какъ онъ, въ 1844 году, внезапно объявилъ, что оставляетъ Египетъ на всегда и ѣдетъ въ Геджазъ, чтобы остатокъ дней своихъ провести у гроба Мухаммеда, въ Меккѣ. Это не могло не удивить всю Европу, очень хорошо знавшую властолюбіе этого замѣчательнаго старика; много было предположеній объ истинныхъ причинахъ этого поступка и не знали, на которомъ изъ нихъ остановиться; но произошло это самымъ обыкновеннымъ образомъ на турецкій манеръ. Въ короткихъ словахъ я передамъ это моимъ читателямъ; при чемъ добавлю только, что слышалъ объ этомъ отъ одного изъ бывшихъ въ то время въ Александріи генеральныхъ консуловъ, слѣдовательно, изъ самаго вѣрнаго источника.

Вдова дефтердарь-бея приготовила въ невѣсты своему брату Саиду-пашѣ, главному командиру египетскаго флота, прекрасную молодую невольницу; она озаботилась передать ей всѣ тонкости гарема и вообще научить всему, что можетъ нравиться подобному восточному вельможѣ. При этомъ замѣчу, что Саидъ-паша воспитанъ французомъ-гувернеромъ, довольно не дурно объясняется по-французски и имѣетъ въ своемъ дворцѣ «Габари», близь Александріи, хорошую фран-

цузскую библіотеку, въ которую впрочемъ, какъ говорили, онъ рѣдко заглядывалъ. Требованіямъ на счетъ жены такаго вельможи, конечно, труднѣе удовлетворить, чѣмъ желаніямъ обыкновеннаго турецкаго паши, притязанія котораго въ этомъ случаѣ простираются преимущественно на красоту лица и полноту формъ тѣла, составляющую въ глазахъ турка условіе чрезвычайно важное.

Дочь Мегемета-Али, отправляясь изъ Каира въ Александрію съ невѣстою для брата, взяла съ собою еще и другую красавицу-невольницу, лѣтъ пятнадцати, въ жены для старика отца. Свадьба Саида-паши была празднуема съ большою пышностію и торжествомъ. — Мегеметъ-Алиже прибѣгнулъ, по совѣту своихъ приближенныхъ и тайно отъ своего медика-европейца, Гаэтани-бея, къ пособію медицинскихъ средствъ. Средства эти имѣли самое неблагопріятное дѣйствіе, и старикъ, въ припадкѣ жара, снѣдавшаго его внутренность, подумалъ, что онъ отравленъ своими близкими.

Мегеметъ-Али заперся во дворцѣ и преградилъ доступъ къ себѣ всѣмъ, кромѣ Гаэтани-бея и перваго драгомана; въ первыхъ порывахъ гнѣва онъ до того доходилъ, что грозилъ старшаго своего сына, Ибрагима-пашу, отослать связаннаго по рукамъ и по ногамъ въ Каиръ и держать его тамъ въ неволѣ. Ибрагимъ и братъ его Саидъ, тотъ самый, для котораго сестра привезла невѣсту, вмѣстѣ съ знатнѣйшими чиновниками, подали старику просьбу, въ которой увѣряли его въ своей предан-

ности; но паша былъ не поколебимъ. Отъѣзжая изъ Александріи, онъ не хотѣлъ видѣть сыновей своихъ и потомъ, на неотступныя ихъ просьбы представиться ему и говорить съ нимъ, велѣлъ объявить, что онъ уже ничего не значитъ въ Египтѣ и отправляется въ Геджазъ. «У меня есть измѣн«никъ между моими близкими, добавилъ онъ, я «оставленъ всѣми... у меня нѣтъ больше ни генера«ловъ, ни чиновниковъ, ни дѣтей!.. я хочу ѣхать «въ Геджазъ!»

Но Ибрагимъ-паша очень хорошо зналъ своего отца. Въ тотъ же день, была къ нему общая нота консуловъ по этому дѣлу. Вечеромъ было у него большое засѣданіе, при чемъ всѣ убѣждали его принять бразды правленія: положеніе его было вполнѣ соблазнительное. Но онъ выдержалъ свой характеръ и рѣшительно отказался, объявивъ, «что не «сдѣлаетъ этого до тѣхъ поръ, пока живъ его «отецъ». Конечно, онъ былъ увѣренъ, что старикъ-отецъ его, какъ только поправится въ здоровьѣ, отмѣнитъ свое намѣреніе. И дѣйствительно, когда дѣйствіе лекарства прошло, Мегеметъ-Али раздумалъ ѣхать въ Геджазъ и остался управлять Египтомъ до тѣхъ поръ, пока не помрачились его умственныя способности.

Но кромѣ этого непріятнаго обстоятельства, упадку духа и обычной твердости ума престарѣлаго паши, въ его болѣзненномъ состояніи, способствовали также: а) извѣстныя ему и почти неиспра-

вимыя, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, злоупотребленія и крайнее разстройство во всемъ составѣ государственной администраціи, достигшее въ последнее время высшей степени на счетъ несчастныхъ феллаговъ; b) истинно-бѣдственное положеніе чефтелыковъ (казенныхъ фермъ и заводовъ), безпрестанно оставляемыхъ рабочими, которые, не получая платы и спасая себя отъ голодной смерти, безпрестанно дезертировали цѣлыми семействами, и наконецъ c) крайній недостатокъ денегъ въ казначействѣ. Этотъ недостатокъ до того простирался, что, не говоря уже о неплатежѣ жалованья войскамъ за два года съ половиною, Мегеметъ-Али-паша, послѣ описаннаго предъ этимъ непріятнаго случая, отправился въ Каиръ только съ 50,000 талеровъ, взятыми имъ тогда ночью изъ числа 200,000 талеровъ съ военныхъ кораблей, имѣвшихъ его порученіе идти въ Сирію, для покупки скота на эти деньги, между тѣмъ какъ ему очень хорошо было извѣстно, что у сына его Ибрагима-паши сундуки полны золота. Вѣроятно, чтобъ не тронуть этихъ сундуковъ, Ибрагимъ отказался за годъ предъ тѣмъ отъ предложенія отца сдѣлаться соправителемъ Египта и берегъ копѣйку на время, когда прійдетъ его очередь быть полнымъ и безъ посторонняго участія правителемъ отцовскаго наслѣдія. Владѣвъ нѣкогда десятками милліоновъ талеровъ, старику Мегемету-Али больно и тяжко было видѣть себя въ такой нищетѣ, а дружественная Франція, за годъ передъ тѣмъ, отка-

зала ему въ займѣ денегъ; просилъ же онъ у ней только 30 милліоновъ франковъ.

Изъ всего этого очень понятны истинныя побудительныя причины поѣздки Ибрагима-паши въ Европу, подъ предлогомъ леченія себя водами, и должно было напередъ ожидать, что онъ останется здѣсь, какъ можно долѣе, и, если можно, до смерти отца. Притомъ же въ Египтѣ было очень извѣстно, что онъ не вполнѣ раздѣлялъ мысли отца относительно управленія и въ особенности такъ называемаго, или вѣрнѣе-предполагаемаго преобразованія Египта, и всѣ думали, что, при вступленіи своемъ въ управленіе этою страною, онъ, если не рѣшится однимъ разомъ уничтожить это преобразованіе, то, конечно, не станетъ его поддерживать, и оно не замедлитъ рушиться само-собою. Но судьба улыбнулась ему на самое короткое время: управленіе его было самое кратковременное, такъ даже, что не успѣли оцѣнить Ибрагима-пашу, какъ правителя этою истинно-богатою и необыкновенно плодородною страною.

Въ заключеніе этой главы, добавлю свѣдѣнія о послѣдней болѣзни Мегемета-Али, сообщенныя мнѣ бывшимъ послѣ меня въ Египтѣ нашимъ докторомъ Рафаловичемъ, путешествовавшимъ на Востокѣ по порученію правительства. Г. Рафаловичь участвовалъ въ консиліумѣ, по которому помраченіе ума въ Мегеметѣ-Али признано было несомнительнымъ, и нижеслѣдующія строки, имъ же мнѣ сообщенныя, помѣщаются здѣсь съ его вѣдома.

Болѣзнь Мегемета-Али, кончившаяся совершеннымъ помраченіемъ этого нѣкогда столь свѣтлаго ума, стала обнаруживаться въ Каирѣ, въ январѣ 1848 года; его желудокъ разстроился и, не смотря на данныя лекарства, припадки усилились и наконецъ приняли характеръ дизентерическій, столь опасный въ Египтѣ. Врачи, видя безуспѣшность пользованія и увеличивающееся истощеніе жизненныхъ силъ паши, совѣтовали ему выѣхать для пользованія въ Европу. Въ февралѣ онъ отправился на пароходѣ въ Мальту; припадки во время пути не уменьшились, и чтобы остановить изнурительный поносъ и рвоту, провожавшіе Мегемета-Али два врача—европейцы рѣшились прибѣгнуть къ средству энергическому: промывательнымъ изъ раствора силитро-кислаго серебра. Послѣ этого желудокъ его дѣйствительно весьма скоро поправился, и во время выдерживанія карантина въ Мальтѣ, Мегемету-Али сдѣлалось гораздо лучше; но вслѣдъ за тѣмъ, тамъ же у него появились разные чувственные обманы и видѣнія (hallucinations), указывавшіе на начинающееся разстройство въ мозгу. Изъ Мальты паша выѣхалъ въ Неаполь, гдѣ физическое поправленіе организма хотя продолжалось, но неправильности умственныхъ обнаруживаній появлялись чаще и сильнѣе. Извѣстіе о случившихся въ февралѣ того года, во Франціи, политическихъ событіяхъ сообщенное Мегемету-Али въ Неаполѣ, довершило окончательное у него умо-помѣшательство: съ Людовикомъ-Филиппомъ онъ былъ постоянно въ

самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Тогда врачи отправились съ нимъ обратно въ Египетъ, гдѣ вѣсть о постигшемъ стараго пашу несчастіи произвела сильное впечатлѣніе. Въ одно время съ отцомъ, но на другомъ пароходѣ, выѣхалъ изъ Неаполя Ибрагимъ-паша, и они прибыли въ Александрію въ первыхъ числахъ апрѣля. Чрезъ нѣсколько дней, составлено было медицинское совѣщаніе, въ которомъ участвовали, по особому приглашенію мѣстнаго начальсва всѣ находившіеся въ то время въ Египтѣ лучшіе европейскіе врачи. По общему заключенію на консиліумѣ, врачи нашли, что въ Мегеметѣ-Али вполнѣ развилось старческое слабоуміе (dementia senilis); старикъ совершенно потерялъ память, никого не узнавалъ и говорилъ медленно и безъ связи; но силы тѣлесныя и прочія жизненныя отправленія были въ немъ въ довольно хорошемъ состояніи. Присовѣтовавъ приличный способъ пользованія, медики съ общаго согласія въ тоже время рѣшили, что, при глубокой старости Мегемета-Али и предшествовавшей бурной его жизни, надежды на исцѣленіе было весьма мало. Это печальное предсказаніе вполнѣ сбылось, и очень скоро. Копіи протокола медицинскаго совѣщанія тотчасъ были отправлены европейскими консулами въ свои миссіи, въ Константинополь; въ управленіе Египтомъ временно вступилъ Ибрагимъ-паша, а Мегеметъ-Али, проживъ еще около 15 мѣсяцевъ, въ томъ же состояніи умственнаго дѣтства, кончилъ жизнь 2 августа 1849 года (н. с.) въ Александріи 81 года отъ роду,

переживъ Ибрагима-пашу, который умеръ зимою того же 1849 года, отъ кровохарканія, и смерть котораго не произвела никакого впечатленія на старика отца: онъ не понялъ извѣстія, когда ему объявили, что Ибрагимъ-паша отдалъ Богу душу!

Послѣ смерти Ибрагима-паши, управленіе краемъ перешло въ руки старшаго въ родѣ Мегемета-Али, его внука (отъ умершаго въ 1826 г. Тусуна-паши) Аббасъ-паши, долго занимавшаго постъ Каирскаго губернатора при жизни своего знаменитаго дѣда, котораго блистательныхъ способностей, къ сожалѣнію, онъ однакожъ не наслѣдовалъ. Аббасъ-паша родился въ 1813 году.

VII.

Образчики уголовнаго суда и наказаній въ Египтѣ.

Тогда какъ у насъ слѣдствіе и судъ требуютъ времени, чтобъ виновный не пострадалъ свыше мѣры имъ содѣяннаго, на Востокѣ, у мусульманъ, производится это, какъ всѣмъ извѣстно, весьма скоро, и нерѣдко казнь отъ вины отстоитъ только на нѣсколько часовъ. Слѣдствіе заключается большею частію въ одномъ словесномъ докладѣ объ учиненномъ преступленіи, при чемъ отъ обвиненнаго иногда не отбираютъ даже никакихъ показаній; судъ, въ одной фразѣ, часто въ одномъ словѣ имѣющаго право произнести приговоръ. При такомъ порядкѣ вещей, конечно, весьма часто случалось, что головы обвиненныхъ валились безъ одной строки переписки. Доноситъ же начальству о сдѣлан-

ныхъ смертныхъ приговорахъ и казняхъ, въ обязанность никому не ставилось.

Но съ нѣкотораго времени въ Турціи власть губернаторовъ надъ жизнью и смертію жувущихъ въ порученныхъ имъ провинціяхъ начала быть ограничиваема, а въ Египтѣ Мегемедъ-Али издалъ, во второй половинѣ 1842 года, манифестъ, которымъ повелѣлъ, о всякомъ смертномъ приговорѣ предварительно доносить ему на утвержденіе и смертную казнь производить не иначе, какъ по его конфирмаціямъ.

До изданія этого манифеста, каждый паша въ Египтѣ могъ казнить въ своей провинціи всякаго, кого находилъ сколько-нибудь виновнымъ, или отъ кого хотѣлъ, по какимъ-либо личнымъ своимъ видамъ, избавиться; въ этомъ послѣднемъ случаѣ, вина служила только предлогомъ казни.

Дѣлавшіе приговоръ нерѣдко озабочивали свои головы изысканіемъ разныхъ родовъ смертнаго наказанія, вѣроятно, съ тою цѣлію, чтобы ужасомъ казни удержать народъ отъ преступленій. Въ особенности отличался этимъ бывшій правитель Мансурской провинціи, Ибрагимъ-бэй, ренегатъ, происхожденіемъ изъ коптовъ. Но чаще всего онъ разстрѣливалъ виновныхъ изъ пушки; для этого у самаго жерла ея привязывали несчастную жертву. Молва народная говоритъ, что онъ даже пилилъ живыхъ людей, привязывая ихъ для этого вверхъ ногами, а пришедшаго къ нему просить пріюта роднаго отца, христіанина, наказалъ курбашами и

прогналъ съ безчестіемъ, притравивъ еще въ догонку собаками. За растрату огромныхъ суммъ изъ числа взысканныхъ имъ въ порученной ему провинціи казенныхъ доходовъ и податей, онъ былъ пониженъ однимъ чиномъ и назначенъ векилемъ (намѣстникомъ губернатора) въ Файумъ, а между тѣмъ производилъ уплату растраченныхъ денегъ изъ доходовъ своихъ имѣній и торговыхъ оборотовъ. Въ Файумѣ онъ пробылъ до осени 1842 г. Въ это время, онъ дерзнулъ слишкомъ гласно разсказывать, будучи въ пьяномъ видѣ, разныя неприличныя вещи на счетъ Мегемета-Али и поносить его бранными словами. Это довели до свѣдѣнія правителя Египта, и онъ велѣлъ заковать его въ желѣзы и сослать на галеры (наказаніе, состоящее въ тяжелыхъ работахъ въ александрійскомъ арсеналѣ), а имѣніе его взялъ въ казну въ уплату долга. Въ это самое время, я прибылъ въ Александрію. При посѣщеніи моемъ тамошняго арсенала, я спросилъ объ Ибрагимѣ-бэѣ. Сопровождавшій меня чиновникъ арсенала, родомъ коптъ, говорившій чисто по-французски, сказывалъ мнѣ, что начальники арсенала поступаютъ съ Ибрагимомъ-бэемъ возможно милостиво и на работу его вовсе не посылаютъ. Дѣлаютъ же они это вовсе не изъ сострađанія, а изъ страха мести, потому что Ибрагимъ-бэй легко могъ быть прощенъ съ полученіемъ прежнихъ достоинствъ, и тогда, конечно, постарался бы отплатить тому, кто съ нимъ поступалъ бы иначе.

Изобрѣтательностію казней и наказаній отличался также дефтердарь Ахмедъ-бэй, уже болѣе десяти лѣтъ скоропостижно умершій (писано въ 1843). Дефтердарь есть титулъ высшаго чиновника по части сбора государственныхъ доходовъ, который присылался изъ Константинополя; но послѣ Ахмеда-бэя никто на это мѣсто не былъ назначенъ, въ слѣдствіе возросшей силы и могущества Мегемета-Али. А потому Ахмедъ-бэй, какъ послѣдній сановникъ этого рода, болѣе извѣстенъ въ Египтѣ подъ именемъ дефтердарь-бэя. Одинъ изъ каирскихъ моихъ знакомыхъ, бывшій нѣкоторое время медикомъ и даже отчасти любимцемъ дефтердарь-бэя, француз г. Ш***, съ замѣчательною наивностію разсказывалъ мнѣ, что бывшій патронъ его былъ проникнутъ духомъ правды и безъ вины ни до кого не дотрогивался; но за то, съ лукаво-виновнымъ, особливо при его упрямствѣ и несознаніи, поступалъ безъ милосердія: если гдѣ нужно было дать оплеуху, онъ рубилъ голову.

Для образца, приведу здѣсь нѣкоторыя изъ наказаній, назначенныхъ дефтердарь-бэемъ и большую часть которыхъ я слышалъ отъ доктора Ш***.

Солдаты и многочисленная дворня принесли однажды дефтердарь-бэю жалобу въ томъ, что кашеваръ кралъ часть мяса изъ количеста, отпускаемаго для варива. Призванный на лицо кашеваръ не признавался въ этомъ, не смотря на улики жалобщиковъ. Бэй отпустилъ его къ своему дѣлу, но приказалъ дать себѣ знать немедленно, по поло-

женіи мяса въ котелъ, если кашеваръ вновь будетъ подозрѣваемъ. Случай этому скоро представился. При повѣркѣ мяса, не достало нѣсколькихъ фунтовъ, и бэй приказалъ бросить кашевара въ тотъ же самый котелъ, прикрыть его крышкою и сварить вмѣстѣ съ мясомъ, говоря: «пусть собственнымъ жиромъ онъ дополнитъ недовѣсъ мяса». Приказаніе это тутъ же было буквально выполнено.

Одинъ изъ его молодыхъ слугъ при внутреннихъ покояхъ, въ родѣ пажей, выпилъ на улицѣ у простой торговки молока на пять паръ и, не заплативъ денегъ, ушелъ во дворецъ. Арабка громко жаловалась; дефтердарь услыхалъ ея жалобы изъ окна и велѣлъ позвать къ себѣ; узнавъ же, въ чемъ дѣло, онъ выставилъ ей на-лицо всѣхъ своихъ придворныхъ. Молодой человѣкъ былъ узнанъ, но на вопросы бэя отзывался, что обвиненіе несправедливо, и въ этомъ стоялъ твердо, а между тѣмъ арабка упорно его уличала. Дефтердарь-бэй, заблагоразсудивъ войти въ разбирательство этого дѣла, приказалъ тутъ же, при себѣ, обвиняемаго пажа опрокинуть на-земь и живому вскрыть брюхо, предваривъ притомъ женщину, что если жалоба ея окажется несправедливою, то ее ожидаетъ то же самое. Въ желудкѣ оказалось молоко; женщинѣ заплачено пять паръ, въ то время равнявшіеся, можетъ быть, 4—5 к. асс., а молодой человѣкъ тутъ же отдалъ Богу душу.

На одного изъ писарей (которыми въ Египтѣ

обыкновенно бываютъ копты), ведшаго денежныя книги, была доведена дефтердарю жалоба, что по этимъ книгамъ онъ не записываетъ вполнѣ всѣхъ денегъ, ему доставляемыхъ, и утаиваетъ часть ихъ въ свою пользу; а потому утаенная сумма собирается съ поселянъ вторично. Писарь отзывался, что это неправда. Не дѣлая никакого розыска по этой жалобѣ, бэй предварилъ писаря, что если еще впередъ будетъ на него подобная жалоба и если по розыску, который тогда будетъ сдѣланъ во всей строгости, она окажется справедливою, то руки его, какъ орудіе вины, будутъ наказываемы курбашами въ продолженіе 24 часовъ сряду. Скоро писарь снова провинился, утайка денегъ была доказана и обѣщанное наказаніе буквально выполнено. Для этого кисти его рукъ были привязаны ремнями къ доскѣ, и чрезъ 24 часа непрерывныхъ ударовъ курбашами, вмѣсто нихъ остались у виновнаго обрывки нервовъ и малая часть костей.

Кузнецъ дурно подковалъ его лошадь, которая стала хромать отъ этого. Бей приказалъ, въ своемъ же присутствіи, самаго кузнеца подковать по голымъ ногамъ подковами, да еще раскаленными докрасна. То же самое сдѣлалъ онъ своему саису (конюху), когда этотъ, бѣгая цѣлый день, по обычаю страны, впереди его лошади, однажды началъ отставать сзади и на вопросъ бэя, за чѣмъ онъ отстаетъ, отвѣчалъ, что болятъ ноги.

Дефтердарь любилъ разводить деревья. Въ аллеѣ, насажденной по его приказанію, скоро оказа-

лось, что одно дерево срублено. Въ порывѣ гнѣва, онъ приказалъ отыскать виновнаго во-чтобы ни стало: скоро притащили одного феллага. Онъ велѣлъ закопать его живаго въ землю, головою внизъ, въ ту самую яму, гдѣ посажено было это дерево, говоря: «пусть ростетъ вмѣсто дерева».

Одна изъ посаженныхъ имъ въ саду при дворцѣ яблонь, дала нѣсколько плодовъ, которые безпрестанно опадали, и наконецъ осталось только одно яблоко. Дефтердарь съ нетерпѣніемъ ожидалъ, пока оно поспѣетъ, и нѣкоторое время почти каждый день ходилъ смотрѣть на него. Малолѣтній сынъ садовника, отъ четырехъ до семи лѣтъ, имѣлъ несчастіе соблазниться этимъ яблокомъ, сбилъ его и съѣлъ, когда оно уже почти совсѣмъ созрѣло. По приказанію дефтердаря-бея, ребенокъ этотъ былъ, въ глазахъ отца, поднятъ за ноги вверхъ и разрубленъ вдоль тѣла на двое!..

Г. Ш*** между прочимъ сказывалъ мнѣ, что иногда онъ позволялъ себѣ замѣчать дефтердарю-бэю, что средства, принимаемыя имъ, слишкомъ жестоки и часто бываютъ свыше мѣры содѣяннаго. Въ отвѣтъ на это, бэй смѣялся и утверждалъ, что у него вѣренъ глазъ, и что если онъ кого наказываетъ, то тотъ уже на-вѣрное не правъ. Однажды привели къ нему нѣсколько человѣкъ, сильно подозрѣваемыхъ въ воровствѣ значительнаго количества червонцевъ. Бэй взглянулъ на нихъ и сказалъ, что червонцы ими украдены; но г. Ш*** упросилъ его отдать ихъ ему на-руки и увѣрялъ, что раскроетъ

все дѣло мѣрами не столь жестокими, какія обыкновенно принималъ бэй въ подобныхъ случаяхъ. Увѣщанія ни мало не дѣйствовали на обвиняемыхъ и нужно было прибѣгнуть къ пособію курбашей. Пытка этого рода, постоянно усиливаемая, равно не помогла къ открытію вины, хотя подозрѣваемые были кругомъ изсѣчены. Ш*** возвращается къ бэю и говоритъ, что эти люди невинны и что болѣе онъ ничего не можетъ съ ними дѣлать. «Ты думаешь, что они невинны!» возразилъ бэй съ улыбкою: «подожди немного; ты уже все кончилъ, но у меня они во всемъ сознаются». Подозрѣваемымъ дали полчаса отдыха, а потомъ, по наставленіямъ бэя, приняли ихъ снова въ курбаши. Кончилось тѣмъ, что воры сознались во всемъ и указали мѣсто, гдѣ скрыты червонцы; деньги были найдены сполна, по указанію воровъ, которымъ послѣ этого тотчасъ былъ данъ и капутъ.

Во время войнъ въ Геджазѣ, египетскіе военачальники, при усмиреніи мятежниковъ, разстрѣливаніе изъ пушекъ предпочитали прочимъ казнямъ, какъ по краткости этого процесса, такъ и по тому, что онъ нравился побѣдителямъ. Г. Ш**, какъ очевидецъ, описалъ мнѣ процессъ этой казни. Для этого ставятъ 10, 15 или 20 человѣкъ въ рядъ, одинъ за другимъ, а чтобъ они стояли твердо и не двигались съ мѣста, то съ боковъ прижмутъ ихъ двумя шестами, протянутыми подъ мышками людей и туго-стянутыми поясами или веревками. Потомъ, всю эту вереницу подведутъ къ самой пуш-

кѣ, заряженной ядромъ, здѣсь привяжутъ, и линію людей заботливо расправятъ по направленію дула: одинъ выстрѣлъ — и тѣла ихъ разорваны на нѣсколько частей! Ибрагимъ-паша разстрѣлялъ такимъ образомъ по крайней мѣрѣ 1,200 человѣкъ; другіе паши, въ разныхъ частяхъ Геджаза, каждый, не менѣе того же числа. Разсказчикъ спасалъ иногда осужденныхъ на такую смерть, наводя пашу на мысль, вмѣсто смертной казни, наказывать ихъ самымъ тяжкимъ образомъ тѣлесно и потомъ брать къ себѣ въ солдаты. Впрочемъ, разстрѣливаніе такимъ образомъ побѣжденныхъ, противящихся волѣ побѣдителя-мусульманина, не удивитъ того, кто помнитъ, какъ Наполеонъ, по взятіи Яффы, разстрѣлялъ четыре тысячи человѣкъ сдавшагося гарнизона.

Послѣ упомянутаго выше манифеста Мегемета-Али о томъ, чтобы смертная казнь производилась не иначе, какъ по его конфирмаціямъ, казней, подобныхъ описаннымъ выше, нельзя ожидать скоро въ Египтѣ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого манифеста, произошелъ въ Каирѣ, въ мою тамъ бытность, замѣчательный криминальный случай, который, со всѣми слѣдующими къ нему обстоятельствами, я приведу здѣсь, какъ образчикъ современнаго уголовнаго судопроизводства въ Египтѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ послужитъ и образцемъ необузданности и самовольства египетскихъ албанцевъ, состоящихъ преимущественно изъ уроженцевъ Европейской Турціи.

Извѣстно, что албанцы помогли Мегмету-Али взойти на первыя ступени обладанія Египтомъ. Хотя иррегулярныя войска здѣсь и были въ послѣдствіи заведены, но, по политическимъ видамъ, полки албанцевъ оставлены въ прежнемъ видѣ; потомъ, въ разныя эпохи, число этого войска было сокращаемо, и въ 1842 г. всѣхъ албанцевъ въ Египтѣ подъ ружьемъ считалось съ небольшимъ 12,000. По прежнему обычаю, они ходятъ всегда и вездѣ вооруженные; ихъ пистолеты всегда заряжены, ятаганы и кинжалы отпущены — точно, какъ будто въ землѣ непріятельской Отчаянность, удальство и пренебреженіе опасностей, по крайней мѣрѣ среди феллаговъ, считается у нихъ первою добродѣтелью; священнаго у нихъ ничего нѣтъ, кромѣ развѣ одного оружія, дотрогиваться до котораго иные не позволяютъ даже и своимъ роднымъ братьямъ. А такъ какъ ни караулами и никакими воинскими упражненіями внутри Египта ихъ не занимаютъ, то они предаются пьянству и всѣмъ возможнымъ безчинствамъ. По этому не удивительно, если при такомъ родѣ жизни они дѣлаются обидчиками, грабителями и даже смертоубійцами.

8 Апрѣля 1843 года, въ Каирѣ, ими было произведено среди бѣлаго дня, на одной изъ многолюднѣйшихъ улицъ и у дома полиціймейстера, буйство и смертоубійство, и вотъ какимъ образомъ. Три человѣка албанцевъ, будучи въ пьяномъ видѣ, схватили въ франкскомъ кварталѣ, на улицѣ Муске,

какую-то женщину, вѣроятно, публичную, и повели по этой улицѣ. Здѣсь всегда бываетъ большое стеченіе народа, и потому одинъ изъ нихъ пошелъ впереди для очищенія дороги, другой велъ женщину, а третій составлялъ арьергардъ. Женщина упиралась, кричала и просила помощи; но никто въ это не вмѣшивался и спѣшилъ идти своимъ путемъ. Прошедъ Муске, албанцы повернули въ-лѣво по равно-многолюдной улицѣ, идущей отъ воротъ Бабъ-эль-Насръ, чрезъ весь городъ, до выѣзда къ Старому-Каиру. Когда они поравнялись съ домомъ каирскаго полиціймейстера и управы благочинія, то караулъ, слыша призывъ помощи, выскочилъ на улицу, остановилъ албанцевъ и хотѣлъ освободить женщину. Въ слѣдствіе этого, завязался жаркій споръ, ссора и албанцевъ хотѣли взять подъ арестъ. Но они предупредили это и взялись за оружіе: караульный офицеръ былъ убитъ ими на-поваль изъ пистолета, одинъ солдатъ тяжело раненъ и почти безъ надежды къ выздоровленію пулею, а другой—ятаганомъ въ плечо. Вокругъ собралась толпа арабовъ, но болѣе бабъ и дѣвокъ. Видя опасность своего положенія, албанцы бросились бѣжать вдоль по улицѣ къ Бабъ-эль-Насръ (къ Вратамъ побѣды), и почти ихъ достигли; но здѣсь побѣда ихъ оставила: бабы и дѣвки, бросившіяся въ догонку за ними и которыхъ набралось здѣсь сотни двѣ слишкомъ, взяли ихъ штурмомъ; къ нимъ присоединились потомъ и простые арабы. Албанцевъ подняли почти за-мертво. Между тѣмъ, подоспѣлъ военный

караулъ, взялъ албанцевъ и отвелъ въ цитадель, гдѣ они были посажены въ тюрьму.

Первый министръ Египта, Шерифъ-паша, завѣдывавшій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, немедленно донесъ объ этомъ происшествіи Мегемету-Али, съ присовокупленіемъ своего мнѣнія, что албанцы заслуживаютъ смертной казни. Донесеніе пошло по египетской почтѣ, отправляемой чрезъ пѣшихъ нарочныхъ каждый день, кромѣ пятницъ (мусульманскаго недѣльнаго праздника), въ тѣ мѣста, гдѣ правитель Египта находился. Въ это время онъ былъ въ Александріи. Въ отвѣтъ на такое донесеніе, 18-го апрѣля получена была Шерифомъ-пашею конфирмація смертнаго приговора, а на другой день былъ онъ и исполненъ. Здѣсь, вина отъ казни отстояла на одиннадцать дней — срокъ, по мнѣнію арабовъ, непомѣрно длинный.

Такъ какъ подобныя экзекуціи, къ счастію, теперь случаются здѣсь рѣдко, то весь городъ тотчасъ заговорилъ объ ней. Для бо́льшаго вліянія на умы народа, казнь назначена была въ трехъ многолюднѣйшихъ частяхъ города, вблизи гауптвахтъ; одному албанцу назначено было отрубить голову на Румелійской площади у цитадели, другому — близь Муске, на той самой улицѣ, гдѣ сдѣлано убійство, третьему — гдѣ-то внутри торговыхъ рядовъ, вблизи мечети Мористана. Преступники со связанными назадъ руками были проведены изъ цитадели на мѣста казни безъ всякаго особаго караула: впереди каждаго шелъ, какъ мнѣ сказывали, особо

назначенный палачъ съ саблею у бедра, а сзади или съ боковъ — человѣка по два стражи.

Казни одного изъ этихъ албанцевъ я былъ неожиданно почти свидѣтелемъ и только, благодаря медленности осла, на которомъ ѣхалъ, обязанъ тѣмъ, что не видалъ самой экзекуціи. Площадка, или вѣрнѣе перекрестокъ, гдѣ это происходило, былъ саженей пять или шесть въ квадратѣ. Должно думать, что казнь произведена была тотчасъ по приводѣ преступника, потому что толпы народа еще не успѣли занять улицъ, а стояли вокругъ только тѣ, которые остановлены были процессіею при проходѣ ихъ чрезъ этотъ перекрестокъ, гдѣ впрочемъ и въ обыкновенное время бываетъ много проходящихъ и проѣзжающихъ. Никакого шума, чтенія или крика я не слыхалъ; былъ только обыкновенный народный говоръ. Когда, слѣдуя своимъ путемъ, пробился я сквозь народъ, палачъ стоялъ ко мнѣ спиною; шагахъ въ десяти ходилъ часовой съ ружьемъ у гауптвахты; нѣсколько солдатъ сидѣло тутъ же; одни изъ нихъ курили трубки, другіе вязали чулокъ; но офицера, или полицейскаго чиновника здѣсь я не замѣтилъ. Трупъ преступника, стоявшаго, конечно, при исполненіи казни на колѣняхъ, только-что упалъ ницъ на землю и кровь била ключомъ изъ всѣхъ жилъ его шеи; голова еще не была совсѣмъ отдѣлена отъ туловища и держалась на кожѣ у праваго уха; палачъ взялъ ее за клокъ волосъ на макушкѣ, рубнулъ саблей и, отдѣливъ ее совсѣмъ, отбросилъ въ сторону шага

на три отъ туловища. Я отвернулся: передо мною палачъ съ засученными рукавами и отвернутыми полами платья, тщательно укладывалъ трупъ на спину, вытеръ саблю о поясъ казненнаго, руки его сложилъ на грудь и положилъ въ нихъ вырѣзанную въ видѣ сердца исписанную бумагу, вѣроятно заключавшую въ себѣ изложенiе вины преступника и самый приговоръ. Въ разныхъ путешествiяхъ я читалъ, что, при казняхъ на Востокѣ, отсѣченныя головы кладутся подъ мышку руки или между ногами преступника, смотря потому, мусульманинъ ли онъ, или иновѣрецъ. На этотъ разъ было иначе: палачъ положилъ голову къ шеѣ трупа и туда же воткнулъ кусочикъ мяса, который онъ, по неловкости, задѣлъ и отрубилъ при послѣднемъ отдѣленiи головы отъ туловища.

Я поспѣшилъ уѣхать отсюда и едва могъ продраться сквозь нахлынувшiя сюда толпы народа.

Тѣла преступниковъ лежали на мѣстѣ казни около сутокъ; на другой день, ихъ унесли на кладбище.

Въ параллель описанному мною уголовному дѣлу и для новаго образца безчинства албанцевъ, изложу здѣсь еще одинъ случай этого рода, бывшiй предъ тѣмъ года за три или за четыре. Онъ былъ мнѣ разсказанъ ѣздившимъ со мною въ Верхнiй-Египетъ драгоманомъ, Салехомъ, уроженцемъ Казани, знавшимъ до совершенства языки турецкiй и арабскiй, служившимъ прежде въ войскахъ Ибрагима-паши и вышедшимъ въ отставку съ чиномъ поручика.

Судя по его чину, по свѣдѣніямъ въ книжномъ дѣлѣ и добросовѣстности, въ которой я имѣлъ довольно случаевъ убѣдиться, въ справедливости его разсказа нельзя сомнѣваться.

Въ одной деревнѣ Нижняго-Египта, по лѣвому рукаву Нила, Кафръ-Зіядэ, замѣчательной большимъ количествомъ публичныхъ женщинъ, албанецъ поспорилъ съ феллагомъ за одну изъ такихъ женщинъ, благосклонностію которой оба они пользовались. Въ разгарѣ ссоры, албанецъ выхватилъ пистолетъ и убилъ своего соперника на мѣстѣ. Начальство деревни, по заведенному тамъ обычаю, не обратило на это происшествіе никакого вниманія, предоставляя месть и преслѣдованіе преступника родственникамъ убитаго. Братъ послѣдняго не замѣдлилъ явиться къ убійцѣ и въ тотъ же день поспорилъ съ нимъ за родную ему кровь; албанецъ не долго думалъ: онъ и его отправилъ на тотъ же свѣтъ. Этотъ случай тотчасъ сдѣлался гласнымъ въ деревнѣ; феллаги подняли шумъ, начали кричать, собрались всѣ вмѣстѣ, вооружились бревнами, рогатинами и чѣмъ кто попало; къ нимъ пристали случившіеся на этотъ разъ у берега рѣки лодочники нѣсколькихъ дагабій съ хлѣбомъ, такъ что собралось народа всего до 500 человѣкъ. Эта толпа начала напирать на албанцевъ, собравшихся въ одну кучу и которыхъ было отъ 40 до 50 человѣкъ. Албанцы отступили къ кофейнѣ, главному мѣсту сборищъ въ каждой деревнѣ, подобно нашимъ питейнымъ домамъ, заперлись въ ней и ста-

ли защищать двери и окна съ ятаганами на-голо и пистолетами. Во внутрь ворваться нельзя было, длить осаду не въ духѣ восточнаго жителя, и потому феллахи прибѣгли къ другому рѣшительному средству: обложили кофейню соломою и хворостомъ, и все это подожгли. Видя опасность своего положенія, албанцы не могли долѣе оставаться въ кофейнѣ, въ которую огонь уже началъ проникать; но вмѣсто того, чтобъ выйти всѣмъ вмѣстѣ, они бросились въ разсыпную чрезъ двери и окна, кто куда попало. Здѣсь-то феллахи сдѣлали имъ травлю, какъ зайцамъ, и пойманныхъ колотили безъ всякой пощады. Шеихъ-эль-беледъ былъ впереди всѣхъ. При этомъ было убито феллаговъ восемь человѣкъ, а албанцевъ человѣка два или три, да сверхъ того ихъ нѣсколько заколочено до полу-смерти. Убитыхъ албанцевъ феллахи тотчасъ припрятали по-дальше, а пойманныхъ и послѣ побоевъ оставшихся въ живыхъ раздѣли до нога и повели къ Ибрагиму-пашѣ, случившемуся оттуда въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они понесли также и своихъ восемь человѣкъ убитыхъ, какъ улику въ преступленіи своихъ противниковъ, Когда же албанцы говорили пашѣ, что и съ ихъ стороны многіе убиты, то феллаги отзывались, что это неправда; а уличить ихъ было нечѣмъ: албанскихъ тѣлъ на-лицо не было. Хотя же въ албанской партіи и не досчитывались нѣкоторыхъ, но феллаги отзывались, что недостававшіе, изъ опасенія отвѣтственности, какъ болѣе прочихъ

виновные, безъ сомнѣнія, разбѣжались и гдѣ-либо скрываются. Не входя въ разбирательство ни начальныхъ причинъ этого дѣла, ни обстоятельствъ, его сопровождавшихъ, Ибрагимъ-паша приказалъ пойманныхъ и приведенныхъ къ нему албанцевъ заковать въ кандалы и посадить подъ арестъ. Потомъ, чрезъ нѣсколько дней, онъ ихъ выпустилъ на волю.

Заговоривъ объ Ибрагимѣ-пашѣ, приведу здѣсь еще одинъ замѣчательный уголовный его приговоръ, разсказанный мнѣ также моимъ Салехомъ. Для удержанія Нила, во время его разлива, вдоль береговъ подняты земляныя плотины; иначе, вода затопила бы всѣ пашни, безъ разбора, и самыя деревни. Для напуска же воды туда, гдѣ нужно и сколько нужно, строжайше соблюдается особая, хорошо разсчитанная система, основанная на тысячелѣтнихъ опытахъ. Въ 1841 году, близь канала-Махмудье, вода прорвала эту плотину и затопила 63 деревни; при этомъ было нѣсколько несчастныхъ случаевъ и погибло много овецъ и рогатаго скота. Для надзора за этими плотинами во время самаго бóльшаго возвышенія воды въ періодъ разлива, чразставляется вдоль всѣхъ низменныхъ и сколько нибудь внушающихъ опасеніе береговъ, на разстояніи каждыхъ 100 и 150 саженей, особый надзоръ изъ поселянъ, которые, вооружившись лопатами, безпрестанно ходятъ взадъ и впередъ на ввѣренныхъ имъ протяженіяхъ и, гдѣ нужно, немедленно подсыпаютъ землю. Все земское начальство

въ это время на-ногахъ и заботится объ этихъ плотинахъ, а назиры (исправники) и шеихи-эль-беледы (старшины деревень) дѣлаютъ вдоль рѣки безпрестанные денные и ночные разъѣзды. Въ разливъ Нила, на другой годъ послѣ того, какъ вода затопила 63 деревни (т. е. въ 1842 г.), и недалеко отъ того же самаго мѣста, близь города Фуа, вода разорвала береговую плотину и затопила три деревни. При этомъ не послѣдовало никакого несчастія, потому что тотчасъ замѣтили и хватились за поправку плотины. На этотъ случай неожиданно пріѣхалъ Ибрагимъ-паша. Узнавъ объ этомъ, онъ тотчасъ явился на мѣсто и, по распросѣ всего дѣла, вину въ немъ приписалъ безпечности мѣстнаго назира. Назиръ этотъ былъ ему до того лично извѣстенъ съ хорошей стороны, находился въ его службѣ по части конюшенной рахтованомъ-агасы (т. е. завѣдующимъ верховой сбруей) и вышелъ въ отставку съ чиномъ маіора. Паша приказалъ позвать его къ себѣ, бранилъ за нерадивость, грозилъ и говорилъ, какъ смѣлъ онъ быть до такой степени безпечнымъ, когда примѣръ прошлаго года еще живъ въ памяти! Назиръ, въ простотѣ души и какъ истинный мусульманинъ, убѣжденный, что все совершающееся на бѣломъ свѣтѣ, не можетъ идти иначе противу того, какъ записано въ книгѣ судебъ, отозвался, что плотина разорвалась, конечно, по тому уваженію, что вѣрно уже такой ея *насыпъ* былъ. *Насыпъ* значитъ судьба. «А! такъ вѣрно и твой *насыпъ* — загатить плотину своимъ тѣломъ»,

отвѣчалъ онъ, и приказалъ взять назира и живаго приколотить къ землѣ коломъ въ животъ, въ самомъ разрывѣ плотины и засыпать землею. Приказаніе это было тотчасъ буквально выполнено.

Въ заключеніе этой главы, брошу нѣсколько словъ о наказаніи курбашами. Выше было замѣчено, что оно считается, при всей своей жестокости, не болѣе, какъ исправительнымъ. При собираніи податей, къ первому числу каждаго мѣсяца, курбашамъ въ особенности много работы. Феллаги, которыхъ вѣрнѣе назвать должно бы было не народомъ, а скопищемъ нищихъ, до того привыкли къ этому роду наказанія, что, въ глазахъ ихъ, оно не имѣетъ ни стыда, ни страха, и даже нерѣдко они хвастаютъ другъ передъ другомъ въ перенесеніи бóльшаго количества курбашей. Это какъ бы заслуга, какъ бы доблесть! Вотъ образчикъ этого рода, переданный мнѣ однимъ изъ полковыхъ медиковъ, очевидцемъ всего нижеслѣдующаго. Извѣстно, что почти всѣ полки расположены по провинціальнымъ городамъ, гдѣ нищета народа представляется во всемъ своемъ отвратительномъ видѣ. Безъ курбаша, рѣдкій феллагъ что либо дастъ въ уплату податей, счетъ которымъ онъ давно уже потерялъ изъ головы, какъ по причинѣ безчисленныхъ злоупотребленій и воровства всякаго рода чиновниковъ по этой части, такъ и въ силу принятой въ Египтѣ системы взиманія податей, по которой одинъ поселянинъ отвѣчаетъ за другаго, деревня за деревню, и т. д. «Какой ты

нѣженка! настоящая баба!» сказалъ одинъ феллагъ, только-что поднявшійся изъ подъ курбашей при сборѣ податей, другому, передъ нимъ то же самое вытерпѣвшему: «тебѣ отсчитали только сто курбашей, и ты далъ 50 піастровъ (12 руб. асс.): мнѣ влѣпили триста и то насилу взяли 20 (4 р. 40 к. асс.)!!» Клотъ-бэй, въ своемъ сочиненіи о Египтѣ, также приводитъ примѣры подобнаго рода...

ОТРЫВКИ О СВЯТОЙ ЗЕМЛѢ.

—

ПОѢЗДКА ИЗЪ ІЕРУСАЛИМА ВЪ МОНАСТЫРЬ СВ. САВВЫ, КЪ МЕРТВОМУ МОРЮ И НА ІОРДАНЪ.

(въ іюлѣ 1843 года.)

Лавра Св. Саввы уставлена есть отъ Бога дивно, и чудно, несказанно. Есть бо потокъ и нынѣ страшенъ и глубокъ зѣло безводенъ, стѣны имѣя каменны. На стѣнахъ каменныхъ суть кельи прилѣплены, Богомъ утверждены суть нѣкако дивно на высотѣ, и тѣ по обѣма странами потока того страшнаго стоятъ, на небеси утверждены суть.

Игуменъ Даніилъ.

I.

Приготовленія къ поѣздкѣ. Монастырь Св. Саввы и путь къ нему.

Вскорѣ по пріѣздѣ моемъ въ Іерусалимъ и по осмотрѣ тамошнихъ Святыхъ мѣстъ, освященныхъ кровію и страданіями нашего Спасителя, я началъ хлопотать о поѣздкѣ къ Мертвому морю и на Іорданъ. Поѣздка эта опасна, и дѣлаютъ ее не иначе, какъ подъ прикрытіемъ отряда бедуиновъ. Для этого, посредствомъ тамошнихъ консуловъ, высшихъ духовныхъ христіанскихъ властей и главнаго мѣстнаго начальства, нанимаютъ тѣхъ же самыхъ мошенниковъ–бедуиновъ, которые, въ противномъ случаѣ, ограбили бы путешественника, а при сопротивленіи, не пощадили бы его и крови. Они ждутъ этого, какъ дани, и правъ своихъ никому не уступятъ. Это ихъ промыселъ, ихъ дѣло, и они идутъ

на грабежъ, какъ охотникъ за дичью. Желая сократить свои расходы на наемъ для себя прикрытія этого рода, я поджидалъ какого нибудь путешественника.

При выѣздѣ моемъ изъ Каира, почтенный и добрый Клотъ-бэй, съ перемѣною платья (но не религіи) не измѣнившій своей благородной души и открытаго характера, готоваго на всякое доброе дѣло, съ радушіемъ надѣлилъ меня рекомендательными письмами въ разныя мѣста Сиріи; въ числѣ ихъ было также одно и въ Іерусалимъ къ ревеpендиссиму Святой Земли; но какъ сей послѣдній, по болѣзни, выѣхалъ въ Яффу, съ намѣреніемъ возвратиться въ Европу, то съ этимъ письмомъ я явился къ прокуратору латинскаго монастыря, въ которомъ встрѣтилъ пріемъ самый ласковый. Отъ него, между прочимъ, я узналъ, что на дняхъ пріѣхалъ въ Іерусалимъ и остановился у нихъ въ монастырѣ одинъ молодой графъ, французъ, который вѣроятно поѣдетъ на Іорданъ.

Я не замедлилъ отыскать этого молодаго путешественника, и нашелъ въ немъ то, чего искалъ. Былъ это графъ де-Блакасъ. Мы условились объ отъѣздѣ, и какъ въ это самое время я началъ чувствовать себя не совсѣмъ здоровымъ, то отъѣздъ свой мы отложили на нѣсколько дней, чтó впрочемъ отнюдь не разстроивало моего спутника, еще не окончившаго обзора Іерусалимскихъ окрестностей. Похлопотать о провожатыхъ я просилъ его взять на себя. Съ нимъ путешествовалъ, и на его

счетъ молодой италіанецъ, живописецъ. Кромѣ того, мы согласились взять съ собою одного путешествовавшаго нѣмецкаго студента.

Наконецъ, условленное время къ выѣзду, 11-го іюля, наступило; но какъ я не могъ еще выѣхать, то спутникъ мой былъ такъ любезенъ, что, не разстроивая нашей поѣздки, согласился перемѣнить только нашъ маршрутъ и далъ мнѣ цѣлыхъ два дня покоя, съ тѣмъ, чтобы 13 іюля я пріѣхалъ въ монастырь Св. Савы, гдѣ онъ будетъ ждать меня; а эти два дня онъ хотѣлъ провести въ пустынѣ Іоанна Предтечи и въ Виѳлеемѣ.

Преосвященнѣйшіе Мелетій и Кирилъ, Митрополиты Св. Петры и Лидды, во все время пребыванія моего въ Іерусалимѣ, были ко мнѣ весьма внимательны, ласковы, привѣтливы. Не я одинъ, всѣ поклонники, которые здѣсь всѣ безъ изъятія слывутъ подъ именемъ *хаджи*, не иначе отзываются объ этихъ сановникахъ греческой церкви, какъ съ чувствомъ глубокаго почитанія. Они называютъ ихъ не иначе, какъ Св. Петромъ и Св. Лиддомъ. Въ особенности первый, исключительно завѣдывая паствою Церкви и владѣя русскимъ языкомъ довольно достаточно, совершенно полонилъ сердца нашихъ русскихъ хаджіевъ. У послѣдняго на рукахъ всѣ экономическія дѣла Патріархіи. Преосвященнѣйшій Мелетій всегда навѣдывался о моихъ предположеніяхъ. Накапунѣ условленнаго выѣзда я былъ у него и между прочимъ сообщилъ ему о своемъ намѣреніи. Онъ обѣщалъ прислать

мнѣ письмо въ монастырь Св. Саввы, говоря, что, изъ опасенія отъ бедуиновъ, доступъ туда дѣлается не иначе, какъ по письмамъ изъ Патріархіи; а какъ я сказалъ, что съѣдусь тамъ съ французскимъ путешественникомъ, то онъ обѣщалъ упомянуть въ письмѣ и объ немъ.

Въ этотъ вечеръ, между прочимъ, онъ сообщилъ мнѣ, что вмѣсто десятковъ тысячъ монашествующихъ, населявшихъ Палестину въ прежнія времена, теперь находится ихъ въ Іерусалимѣ греческой вѣры, отъ Митрополита до послушника, отъ 100 до 120, а во всей Святой Землѣ не болѣе 200 человѣкъ. Достопочтенный отецъ не могъ не высказать при этомъ съ сокрушеннымъ сердцемъ своихъ жалобъ на произшедшія недавно распри ихъ въ Виѳлеемскомъ храмѣ съ латинами и армянами. Изъ нихъ послѣдніе, въ пылу запальчивости, не постыдились даже поднять руку и нанесть греческимъ монахамъ удары близь самаго мѣста рожденія Божественнаго Учителя, проповѣдавшаго не вражду, а любовь и миръ на землѣ. Что же относится до паши и прочихъ властей турецкихъ, то они очень рады подобнымъ распрямъ, еще поощряютъ ихъ и очень хорошо умѣютъ ловить рыбу въ мутной водѣ.

Когда я заговорилъ объ Іорданѣ, то меня удивилъ отвѣтъ Преосвященнѣйшаго Мелетія; онъ сказалъ мнѣ, что на Іорданѣ онъ былъ всего два раза и въ послѣдній предъ тѣмъ, лѣтъ за пять. Еще болѣе я удивился, узнавши, что въ Назаретѣ онъ вовсе не бывалъ. Конечно, это происходитъ не отъ

холодности къ Святымъ Мѣстамъ, въ чемъ нельзя сомнѣваться, а по случаю духовныхъ его занятій въ Іерусалимѣ и изъ опасенія отъ бедуиновъ, которые не пропустили бы этого рѣдкаго случая поживиться хорошимъ бахшишемъ, при сопровожденіи такаго высокаго лица, или же и захватить его, чтобы получить богатый выкупъ, тогда какъ Патріархія была по уши въ долгахъ и къ уплатѣ ихъ имѣла скудныя средства. Конечно, по той же самой причинѣ и Іерусалимскій Патріархъ, почтенный старецъ Аѳанасій, управлявшій Патріархіею до 40 лѣтъ и постоянно жившій въ Константинополѣ, вовсе не былъ у гроба Господня. Антіохійскій Патріархъ Меѳодій, человѣкъ умный и съ твердымъ характеромъ, живущій въ Дамаскѣ, всю жизнь свою собирается въ Іерусалимъ и также тамъ еще не бывалъ. Помнится мнѣ, что и Александрійскій Патріархъ, человѣкъ рѣдкой души и сердца, говорилъ мнѣ между прочимъ, что и онъ въ Іерусалимѣ также никогда не былъ.

На другой день, 13 іюля, еще до восхода солнца, былъ я уже на ногахъ. Лошади ожидали меня внизу. Когда я вышелъ къ нимъ на улицу, Преосвященнѣйшій Кириллъ самъ вынесъ мнѣ письмо на имя настоятеля обители Св. Саввы. Здѣсь скажу кстати, что я былъ помѣщенъ противъ Патріархіи, чрезъ улицу, въ такъ называемомъ консульскомъ домѣ. Патріархіею онъ нарочно отдѣланъ для нашего Бейрутскаго консула и Яффскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, при ихъ сюда пріѣздѣ. Прусскій Принцъ

Албертъ, во время своей бытности въ Іерусалимѣ въ томъ же годѣ, объ отводѣ ему помѣщенія обратился къ греческому духовенству, и здѣсь же былъ помѣщенъ. Пріѣхавъ сюда, я засталъ Яффскаго повѣреннаго въ дѣлахъ нашихъ, который былъ такъ добръ, что помѣстилъ меня здѣсь, и какъ въ то время кромѣ меня, пріѣхавшаго на короткое время, поклонниковъ въ Іерусалимѣ вовсе не было, то въ этомъ не представилось никакого затрудненія. Здѣсь я имѣлъ все изъ Патріархіи, начиная отъ вкуснаго стола, до мягкой, чистой постели. Прошу читателя извинить меня, если подобными подробностями во зло употребляю его благосклонность: подробности эти покажутъ ему то вниманіе, съ которымъ принимается здѣсь странникъ и въ особенности русскій, и потому нельзя не быть признательнымъ за это.

Съ восходомъ солнца былъ я у городскихъ воротъ и нарочно поспѣшилъ выѣхать по-раньше, чтобы воспользоваться утреннею прохладою и чтобы предупредить моего графа пріѣздомъ въ монастырь Св. Саввы, куда безъ рекомендаціи могли не впустить его. Выѣхать же изъ Іерусалима прежде восхода солнца, есть вещь совершенно возможная; потому что съ закатомъ солнца всѣ ворота запираются на замокъ и ключь относится къ коменданту, живущему въ цитаделѣ, извѣстной подъ именемъ замка Давидова, которая въ свою очередь также запирается, да еще изъ-внутри, и ключь относится къ тому же коменданту. Правовѣрные любятъ, чтобы ночной ихъ покой не былъ нару-

шенъ никакимъ неожиданнымъ случаемъ, никакимъ приходомъ незванныхъ гостей изъ-внѣ города. Только передъ Св. Недѣлею ввѣряется надежному караульному офицеру ключь отъ однѣхъ Виѳлеемскихъ воротъ, къ которымъ примыкаетъ дорога изъ Яффы, на случай позднаго прихода поклонниковъ. Впускъ этотъ, о которомъ хлопочутъ духовныя власти, конечно, сопровождается бахшишемъ, безъ котораго на Востокѣ ничего не дѣлается; но за то и не много есть такихъ вещей, которыхъ бы съ бахшишемъ нельзя было сдѣлать. Конечно, читатели мои помнятъ, что *дать бахшишъ* значитъ тоже самое, что у насъ *дать на водку*.

При выѣздѣ изъ Виѳлеемскихъ воротъ, чрезъ которыя лежалъ мнѣ путь, я замѣтилъ нагруженнаго разными разностями осла; знакомый мнѣ по лицу монахъ изъ Патріархіи хлопоталъ съ проводникомъ около него и, по видимому, поджидалъ насъ. Видя, что промежду груза выглядывали изъ корзины: зелень, свѣжій бѣлый хлѣбъ, яйцы и пр., я догадался, что это резервъ, посылаемый изъ Патріархіи въ монастырь Св. Саввы, для продовольствія нашихъ желудковъ. Здѣсь я пріостановился, чтобы поправить сѣдло, а между тѣмъ монахъ управился съ осломъ, котораго погонщикъ потомъ погналъ по дорогѣ; когда же мы тронулись, монахъ сдѣлалъ намъ поклонъ и, оставшись на мѣстѣ, провожалъ насъ глазами.

Со мною былъ кавассъ, предложенный мнѣ нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Яффѣ на все вре-

мя бытности моей въ Сиріи, и я очень много обязанъ ему за эту благосклонность. Мы оба были вооружены jusqu'aux dents и это могло показать охотнику до чужаго добра, что мы не расположены дешево сдаться. Для присмотра за нашими лошадьми былъ мальчикъ на ослѣ съ запасомъ соломы и ячменя на три дня, время, которое мы полагали достаточнымъ на всю нашу поѣздку.

Изъ воротъ мы тотчасъ повернули въ лѣво, мимо замка Дави́дова, внизъ къ изсохшему Гигонскому водоему. Имѣя въ-лѣвѣ гору Сіонъ, эту, по словамъ Псалмопѣвца, *прекрасную высоту, утѣху всей земли* и *избранную Господомъ своимъ жилищемъ*, я спустился далѣе въ узкую довольно глубокую долину сыновъ Гиномовыхъ, проѣхалъ Акельдаму и скоро достигъ колодца Неeміи, гдѣ долина эта впадаетъ въ другую долину, равно глубокую и носящую имя потока Кедронскаго. Долина сыновъ Гиномовыхъ едва ли не есть самое плодоноснѣйшее мѣсто въ окрестностяхъ Іерусалима. Сады Соломоновы здѣсь были. Масличные сады, съ частію деревьевъ фиговыхъ и изрѣдка лимонныхъ, заняли здѣсь всѣ уголки удобной земли. Когда я проѣзжалъ ее, отъ солнечныхъ лучей она была еще закрыта Сіономъ и его южнымъ скатомъ; эта утренняя прохлада, эта зелень, хотя не яркая, были истинно усладительны, и потому болѣе, что встрѣтить прохладу въ окрестностяхъ Іерусалима я не ожидалъ ни въ какое время дня. Но въ полдень, напрасно прохожій будетъ искать здѣсь защиты отъ

палящаго лѣтняго зноя; малая тѣнь оливковыхъ деревьевъ не охладитъ его и онъ не найдетъ здѣсь ни капли воды, чтобы омочить свои засохшія уста. Конечно, у всѣхъ въ памяти грустное и вмѣстѣ справедливое описаніе Ламартина окрестностей Іерусалимскихъ. Горы здѣсь, говоритъ онъ, безъ тѣни, долины безъ воды, земля безъ зелени, скалы безъ ужаса и величія.

Далѣе, дорога идетъ до самой обители Св. Саввы по безводному Кедронскому потоку, по направленію на юго-востокъ. Тѣже бѣдные сады идутъ и по долинѣ этого потока, и эта зелень продолжается цѣлый часъ ѣзды. Потомъ начинается хотя голая земля, но всѣ уголки ея въ долинѣ были вспаханы подъ хлѣбъ, и это свидѣтельствуетъ не столько трудолюбіе жителей, сколько крайній недостатокъ въ удобной землѣ. Такъ идетъ еще почти одинъ часъ ѣзды, и оканчивается у двухъ небольшихъ колодцевъ, въ которыхъ вода высохла. Вблизи замѣтны слѣды кочевья. Путешественники говорятъ, что они встрѣчали по Кедронскому потоку многія бедуинскія кочевья, но я не встрѣтилъ ни одного, кромѣ ихъ слѣдовъ, какъ сей часъ сказалъ, и это весьма натурально: бедуины спускаются въ долины на зимніе мѣсяцы, а лѣтомъ ищутъ прохлады на высотахъ. Скоро показалась въ правомъ, утесистомъ бокѣ долины большая, глубокая пещера, изсѣченная въ цѣльной известковой бѣлой скалѣ. Когда я поровнялся съ нею, увидѣлъ, что она полна воды; зеленая толстая плева плавала на ней, а это показывало,

что здѣсь нѣтъ ключа и что эта вода дождевая, проведенная съ горъ. Три мальчика, и одинъ изъ нихъ черный, какъ уголь, купались въ ней и играли съ козьими мѣхами, наполненными водою. Чрезъ долину переходила арабка въ синей длинной рубашкѣ, и четырехъ-лѣтній сынъ ея, голый, бронзоваго цвѣта, уцѣпившись за ея рубашку, тащился сзади и кричалъ во все горло. На противуположной высотѣ паслось скудное стадо козъ, и пастухъ съ длиннымъ албанскимъ ружьемъ за плечами, вмѣсто посоха, съ высоты поглядывалъ на насъ.

Отсюда чрезъ полъ-часа ѣзды, дорога, лежавшая до сихъ поръ на самой глубинѣ долины, подымается на правый ея бокъ; здѣсь она широка, выравнена, съ правильнымъ подъемомъ и со стороны оврага защищена каменною стѣнкою; все показывало, что хозяйскій глазъ за нею надсматриваетъ. Послѣ я узналъ, что она устроена и поддерживается монахами монастыря Св. Саввы. Съ-права подымалась гора Энгадди (*), та самая, въ пещерахъ которой скрывался Давидъ и которая, нынѣ голая, безплодная, цвѣла нѣкогда садами виноградными. Съ лѣвой стороны дороги потокъ Кедронскій принимаетъ видъ самаго дикаго, узкаго, какъ бы бездоннаго ущелья съ частыми поворотами. Это двѣ перпендикулярныя скалы съ выдающимися обгорѣлыми камнями, придви-

---

(*) По мнѣнію же Робинзона, едва ли справедливому, гора Энгадди не здѣсь, а на западномъ берегу Мертваго моря.

нутыя лицемъ близко одна къ другой. Скоро высота горы Энгадди разрѣзалась небольшою ложбинкою, и на другой высотѣ ея показались и обрисовались на синевѣ неба, гуськомъ, десятокъ бедуиновъ, ѣхавшихъ въ одномъ со мною направленіи, и въ тоже время неожиданно послышалось за горою два или три удара колокола—извѣщеніе о гостяхъ. Нельзя было не догадаться, что это мой спутникъ съ конвоемъ изъ Виѳлееема и что монастырь очень близокъ. Я обогнулъ еще одну высоту горы, и толстыя, высокія стѣны его съ башнями явились предо мною, какъ бы по волшебству, въ нѣсколькихъ саженяхъ, и опять послышались на башнѣ еще два удара колокола, извѣщавшіе о моемъ пріѣздѣ.

Противуположная, лѣвая сторона оврага представляетъ безчисленное множество пещеръ, которыя испещряютъ бока Кедронскаго потока, отсюда къ Мертвому морю на нѣсколько верстъ. Было время, когда всѣ онѣ были наполнены благочестивыми отшельниками и слава о ихъ добродѣтеляхъ и строгости жизни раздавалась во всѣхъ концахъ вселенной. Теперь эти пещеры опустѣли и служатъ пріютомъ лисицамъ и шакаламъ. Кедронскій потокъ въ этомъ мѣстѣ называется арабами уади эръ-Рâгибъ, долина монаховъ; не далеко отъ моря онъ принимаетъ названіе уади энъ-Наръ, огненная долина.

Пока я спускался къ монастырю, графа и всѣхъ бывшихъ съ нимъ впустили во внутрь, и —

безъ предварительнаго о немъ письма изъ Патріархіи. Конечно, отсутствіе нѣсколько лѣтъ сряду покушеній на набѣгъ со стороны бедуиновъ ослабило обычай въ этомъ случаѣ, или, быть можетъ, тому способствовало нахожденіе при графѣ, въ качествѣ чичероне, одного іерусалимскаго вездѣ и всѣмъ извѣстнаго жителя. Нѣкоторые же путешественники пишутъ, что, не бывъ снабжены рекомендаціею отъ греческой Патріархіи, они, послѣ нѣсколькихъ часовъ ожиданія у стѣнъ и многихъ убѣжденій, едва успѣвали упросить впустить ихъ въ средину. Вслѣдъ за другими вошелъ и я, послѣ трехъ часовой самой тихой ѣзды изъ Іерусалима. Входовъ въ монастырь съ узкими, низкими и надежными дверями два: въ верхній ,провели всѣхъ лошадей на дворикъ, нижній назначенъ для однихъ людей. Профессоръ Робинзонъ въ своемъ путешествіи приводитъ разсказъ провожавшаго его шеиха, что однажды арабы племени Хиджая, пришли сюда ночью, дверь сожгли и монастырь ограбили. Деревянную дверь, обитую снаружи желѣзомъ, они успѣли сжечь, наливая въ скважины между желѣзныхъ полосъ масло, а внизу, у порога двери, разложивъ огонь. «Но какъ монастырь Св. Саввы есть святое мѣсто, замѣтилъ шеихъ, то арабы, совершивъ злодѣяніе, бросились драться другъ съ другомъ.»

По лѣстницамъ, частію изсѣченнымъ въ цѣльной скалѣ, и переходамъ спускался я одинъ, на-угадъ, и попалъ прямо въ церковь, гдѣ шла греческая обѣдня; сложивъ свое оружіе въ преддверіи, я

остался въ церквѣ до конца службы. Церковь довольно просторная, высокая, свѣтлая; иконостасъ, какъ говорятъ, довольно древенъ. Образа и разрисовка въ Византійскомъ вкусѣ. Вокругъ, по стѣнамъ, мѣста для монаховъ, по-выше которыхъ разрисованы грубою кистію разные святые отцы въ натуральную величину по поясъ, въ монашескихъ облаченіяхъ; между ними есть также и святыя жены. Это единственныя женскія лица, которымъ сдѣланъ доступъ въ эту обитель, потому что женщины, по завѣту строителя Св. Саввы, сюда отнюдь не впускаются, и для богомолокъ, если онѣ въ числѣ прочихъ приходятъ навѣстить эти мѣста, отводится помѣщеніе въ отдѣльной каменной башнѣ, внѣ стѣнъ монастырскихъ. Во время службы вошелъ въ церковь чрезъ главныя двери переводчикъ графа, родомъ черногорецъ, съ саблею и пистолетами. Я хотѣлъ было сказать ему, что въ храмъ Божій съ мечемъ не входятъ, помня, что на Синаѣ мнѣ предложили снять оружіе, когда я шелъ въ церковь; но онъ стоялъ далеко отъ меня, сверхъ того это отвлекло бы вниманіе молящихся, и я удержался.

Приложившись ко кресту послѣ службы, я отыскалъ моего спутника, который очень обрадовался моему пріѣзду. Къ нему пристали, для путешествія на Іорданъ, одинъ молдавскій монахъ и два молодые человѣка, земляки нашего нѣмецкаго студента. Первый нанялъ у бедуиновъ лошадь, послѣдніе были пѣшіе. Изъ нѣмцовъ одинъ — красильщикъ, былъ въ Петербургѣ на фабрикѣ и хвалился

житьемъ тамъ; потомъ искалъ напрасно счастія въ Египтѣ и теперь ѣдетъ, безъ гроша за душою, обратно въ отечество; другой — наборщикъ, только-что изъ Германіи, также безъ денегъ, ѣдетъ искать работы въ Остъ-Индію и на дорогѣ завернулъ поклониться Святымъ мѣстамъ. Право, одни только нѣмцы способны на подобныя похожденія безъ денегъ. Намъ отвели такъ называемую гостинницу монастыря, заключающуюся въ двухъ отдѣльныхъ комнатахъ, изъ которыхъ одна, довольно просторная и свѣтлая, устлана была коврами, а вокругъ по стѣнамъ, диванами и подушками, по восточному обычаю; это единственная роскошь въ этой строгой обители. Изъ оконъ назначенной намъ комнаты видна была вся пропасть Кедронскаго потока и противуположный его бокъ, испещренный множествомъ пещеръ. Для услугъ нашихъ назначенъ былъ молодой монахъ, хорошо говорившій по-италіански.

Не теряя времени, я доставилъ данное мнѣ изъ Патріархіи письмо старшему въ монастырѣ монаху. Игуменъ же постоянно живетъ въ Іерусалимѣ. Въ тѣсной его кельѣ я увидалъ чрезвычайную бѣдность; постель заключалась въ голой съ деревяннымъ изголовьемъ доскѣ, покрытой кускомъ толстаго сукна, у ногъ стоялъ маленькой столъ съ нѣсколькими ветхими книгами, закоптѣвшая лампадка висѣла на стѣнѣ, въ углѣ стоялъ простой посохъ: въ этомъ заключалась вся мебель и все украшеніе кельи. Свѣтъ едва проникалъ въ нее

сквозь узкое, въ толстой стѣнѣ, окошко съ потускнѣвшими стеклами.

Вышедъ отъ него, я тотчасъ обратился вмѣстѣ съ моими спутниками къ осмотру монастыря. Противъ западныхъ главныхъ дверей большой церкви, на устланной гладкими каменными плитами большой площадкѣ, возвышается осьміугольная чистая часовенька съ куполомъ, внутренняя сторона котораго вся занята колоссальнымъ изображеніемъ Нерукотвореннаго образа Спасителя. Надъ мраморнымъ жертвенникомъ всегда теплится лампада. Здѣсь былъ погребенъ Св. Савва, умершій около 532 году, на 95-мъ году отъ рожденія; мощи его потомъ Крестоносцы принесли въ Венецію, и мы молились предъ опустѣвшею гробницею. Подъ площадкою двора, пещеры для погребенія монаховъ. Съ западнаго конца площадки вошли мы въ первоначальный храмъ этой обители, церковь Св. Николая, гдѣ при свѣтѣ восковыхъ свѣчей изрѣдка совершается литургія. Она довольно просторна, почти вся изсѣчена въ скалѣ и имѣетъ видъ пещеры. Стѣны и потолокъ, неоштукатуренные, почернѣли отъ времени и дыма свѣчей. Иконостасъ самый бѣдный, и представляетъ образецъ постройки первыхъ вѣковъ христіанства. Одно углубленіе этой церкви отдѣлено деревянною перегородкою; мы вошли туда въ дверь, и при свѣтѣ свѣчь показали намъ чрезъ желѣзную рѣшетку въ окнѣ кучу череповъ, сложенныхъ рядами одинъ на другой и лицемъ обращенныхъ къ намъ.

Казалось, эти вѣчные и нѣмые затворники готовы были разсказать намъ ужасную повѣсть ихъ страданій и кончины. Посланный отъ Царя Алексѣя Михайловича и Патріарха Іосифа строитель Троицы Сергія Богоявленскаго монастыря, въ Москвѣ, Арсеній Сухановъ съ старцемъ Іоною, въ Іерусалимъ, для описанія Святыхъ мѣстъ и греческихъ церковныхъ чиновъ, говоря объ этомъ мѣстѣ въ обители Св. Саввы, добавляетъ: «тутъ въ стѣнѣ «задѣланы, сказываютъ, 360 мощей святыхъ отецъ, «избіенныхъ отъ арабовъ, и благоуханіе въ той «церквѣ безчисленно хорошо, что и сказать нельзя «какой духъ пахнетъ сладкой; тутъ же изъ горы «шло мvро, и то-де мvро поклонницы разобрали и «нынѣ нѣтъ, а благоуханіе есть дивное всѣмъ лю«дямъ, а не вѣдомо отъ чего.» Эти черепы принадлежатъ тѣмъ несчастнымъ инокамъ, жертвамъ фанатизма, которые въ 1104 году были безъ всякой видимой надобности изрублены во время калифата. Картины этого кровопролитія, какъ тріумфъ мученичества, выставлены на стѣнахъ главной церкви. Впрочемъ сцены эти повторялись здѣсь нѣсколько разъ и отшельники гибли не сотнями, а тысячами. Отсюда мы воротились чрезъ главную площадку и направились къ сѣверной части монастыря по лѣстницамъ, лѣсенкамъ, разнымъ переходамъ и террасамъ, все подымаясь выше и выше. Здѣсь намъ показали двѣ чисто и за-ново отдѣланныя маленькія церкви, изъ которыхъ въ одной за желѣзною рѣшеткою идетъ спускъ къ гробницѣ Св.

Іоанна Дамаскина, всѣмъ извѣстнаго своимъ даромъ слова и увлекательнымъ краснорѣчіемъ. Съ какимъ восторгомъ души прочелъ я въ стѣнахъ этого монастыря увлекательный очеркъ жизни этого святителя, набросанный вдохновеннымъ перомъ г. Муравьева! Путешествіе его и г. Норова, также нѣкоторые французскіе вояжи, были моими неразлучными друзьями и собесѣдниками. Здѣсь скажу мимоходомъ, что труды Норова были для меня самыми лучшими и самыми вѣрными напутствователями въ Египтѣ и въ особенности въ Святой Землѣ.

Послѣ этого мы поспѣшили видѣть ключь воды подъ монастыремъ. Для этого разными переходами провели насъ внизъ, чрезъ монашескую столовую и кухню, къ маленькой двери у самой пяты монастырскихъ зданій. Чрезъ маленькую дверь и подставленную лѣстницу мы спустились на дно Кедронскаго потока и скоро достигли ключа. Онъ выходитъ изъ тѣсной пещеры подъ скалою и мы могли войти туда не иначе, какъ согнувшись. Ключь этотъ хотя не совсѣмъ богатъ водою, но за то неизсякаемъ. Вода въ немъ такъ холодна, что однимъ разомъ нельзя много выпить. Преданіе гласитъ, что Св. Савва жилъ здѣсь, въ этой пещерѣ, пять лѣтъ и ключь этотъ данъ ему по Божеской милости, во время общей засухи, а потому и носитъ имя этого святаго до этихъ поръ. Монастырь для своихъ надобностей имѣетъ систерны и къ этому ключу прибѣгаетъ только въ крайней надобно-

сти, потому что доставлять изъ него воду въ монастырь довольно затруднительно и, можетъ быть, не всегда безопасно.

Чрезъ сухое русло Кедронскаго потока мы перешли и поднялись на уступы его противуположнаго бока; по мѣрѣ нашего возвышенія, монастырь намъ болѣе и болѣе открывался. Массивныя стѣны упираются пятою почти въ самое дно оврага, не давая ни на одинъ вершокъ свободнаго изъ-внѣ во внутрь прохода, и дѣлаютъ этотъ монастырь похожимъ болѣе на мрачную и неприступную крѣпость; эти стѣны расположены безъ всякаго архитектурнаго единства; зданія разной формы, прислоняясь спиною къ крутому обрыву, поднимаются уступами, какъ бы этажъ надъ этажемъ, съ чистыми террасами и опрятными двориками, до самой вершины, гдѣ отъ возвышающейся горы монастырь отдѣленъ толстою стѣною, часть которой возвышается на самомъ краю отвѣсной скалы. Въ сѣверномъ углу ограды возвышается высокая, каменная башня, носящая имя Юстиніановой, и гдѣ живетъ одинъ изъ собратій для надзора за приходящими и извѣщенія монастырское семейство о томъ, можно ли отворить дверь гостю, или ее еще по-крѣпче запереть. Для этого проведена оттуда внизъ проволока къ колоколу. Другая башня находится внѣ стѣнъ недалеко отъ этой, назначенная, какъ сказано выше, для помѣщенія женщинъ. Отъ нижней пяты монастырскихъ стѣнъ до башни Юстиніановой будетъ высоты болѣе

шестидесяти саженей. Сзади стѣнъ, вдали, высоко подымаются вершины горы Энгадди въ видѣ насыпныхъ изъ мелкаго камня холмовъ, безъ зелени, безъ жизни, безъ всякаго живописнаго вида. Главная церковь возвышается въ срединѣ обители, чисто выбѣленная, съ крестомъ на куполѣ и большими часами съ боку. Креста на церквѣ я болѣе нигдѣ не видалъ во всей Палестинѣ. Красивая пальма, которую замѣтилъ здѣсь Шатобріанъ и которая съ тѣхъ поръ сдѣлалась деревомъ историческимъ, упоминаемымъ у всѣхъ путешественниковъ, грустно зеленѣетъ до сихъ поръ на одной изъ террасъ у сѣверной оградной стѣны; но только она не есть еще единственное дерево въ этой пустынѣ; на нѣкоторыхъ террасахъ кое-гдѣ видны молодыя деревцы и нѣсколько грядъ съ зеленью: это единственная утѣха строгихъ отшельниковъ, стоющая имъ большихъ трудовъ, заботъ и терпѣнія. Будучи прислоненъ къ обрывистому правому боку потока Кедронскаго, монастырь глядитъ на юго-востокъ и весь, до послѣдняго уголка, выставленъ раскаленнымъ лучамъ солнца съ утра почти до самой ночи. Въ изгибахъ потока нѣтъ никакого теченія воздуха, а надъ монастыремъ возвышаются горы, препятствующія прохладительнымъ вѣтрамъ сюда досягать; отъ этого, зданія монастыря въ лѣтнее время раскаляются до неимовѣрной степени, такъ что каждая келья дѣлается удушливой, сухой баней.

Мы расположились въ одной изъ пещеръ. Спутникъ графа, живописецъ, молодой человѣкъ съ

большимъ талантомъ, особливо въ портретной живописи, началъ срисовывать видъ монастыря, представляющагося отсюда во всей своей строгой и дикой красотѣ. Не думаю, чтобы возможно было отыскать гдѣ-либо другое мѣсто, гдѣ бы природа представила отшельникамъ болѣе грустную, безъутѣшную пустыню и, право, нѣтъ ничего преувеличеннаго въ мрачныхъ его описаніяхъ у путешественниковъ. Жизнь иноковъ совершенно соотвѣтствуетъ выбору мѣста; они слѣдуютъ правиламъ Василія Великаго; вода и черный хлѣбъ, какая нибудь похлебка безъ всякаго масла, маслины и, если случится, кое-какая грубая зелень—составляютъ ихъ пищу. «Никогда пребываніе отшельниковъ, говоритъ Пужула́ въ Correspondance d'Orient, не находилось въ мѣстѣ, болѣе дикомъ и болѣе ужасномъ; для жильцовъ этой пустыни, свѣтъ и самая натура суть болѣе ничто ; здѣсь всякая зелень останавливается, всякая радость умираетъ, всякая улыбка земли изглаживается; это уже болѣе не жизнь, но еще и не смерть: это ужасный переходъ изъ этого міра въ другой, это печальный мостъ, брошенный между временемъ и вѣчностію.»

Время приближалось къ полудню и насъ позвали обѣдать. Мы всѣ возвратились въ монастырь, исключая живописца, продолжавшаго рисовать; при немъ осталось два человѣка, для безопасности. Проходя чрезъ площадку у паперти главнаго храма, мы увидали всѣхъ нашихъ бедуиновъ, собравшихся въ кружокъ; съ завиднымъ аппетитомъ они ѣли

кашицу и хлѣбъ, поданные имъ изъ монастырской кухни. Послѣ обѣда я собирался уснуть, чтобы запастись сномъ, потому что мы условились выѣхать въ полночь; но, при всѣхъ моихъ усиліяхъ, я ни какъ не могъ успѣть въ этомъ, по причинѣ нестерпимаго жара: атмосфера вокругъ меня была раскалена до нельзя.

Скоро пришли ко мнѣ два здѣшнихъ русскихъ монаха; узнавши, что я ихъ соотечественникъ, они пришли навѣстить меня и поговорить о своей родинѣ. Одинъ изъ нихъ, кажется, еще непостриженный, Козьма, — бывшій унтеръ-офицеръ лейбъ-гвардіи егерскаго полка. Вмѣстѣ съ нимъ пошелъ я въ его келью, которая была тутъ же надъ гостинными домомъ, у самой пещеры, гдѣ жилъ Св. Савва, изгнавъ оттуда львицу. Здѣсь было менѣе жарко, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и я просидѣлъ у отца Козьмы съ часъ, пока не остылъ. Кельи въ этой части монастыря изсѣчены въ отвѣсной скалѣ и снаружи забраты стѣною; но такъ какъ онѣ удалены отъ прочихъ жилыхъ строеній и какъ здѣсь менѣе страданій тѣлу отъ зноя, чтó, по мнѣнію монаховъ, несогласно съ назначеніемъ этого мѣста, то, кромѣ моего Козьмы, въ нихъ никто не живетъ. Къ пещерѣ Св. Саввы примыкаетъ маленькій предѣлъ, алтарь котораго теперь на-глухо задѣланъ каменною стѣною, по тому случаю, что однажды бедуины спустились на веревкахъ сверху черезъ стѣну, на краю скалы поднятую, пробили крышу алтаря, вошли во внутрь и ограбили, что

могли унести съ собою. Къ счастію, этимъ добыча ихъ и кончиласъ, потому что дверь изъ корридора, ведущая на дворъ, была хорошо заперта и шумъ былъ услышанъ монахами. Пока я сидѣлъ у Козьмы и онъ расказывалъ мнѣ, гдѣ и какъ заслужилъ ордена, висящіе у него подъ образами, къ растворенному окну его кельи прилетѣли скворцы и начали распѣвать. Отецъ Козьма сказалъ мнѣ, что онъ пріучилъ ихъ къ себѣ кормомъ, и вотъ мать, высидѣвъ дѣтей, привела ихъ сюда же. Пара дикихъ голубей прилетаютъ также къ нему за кормомъ, и въ этомъ заключается вся его радость въ этихъ дикихъ ущельяхъ.

— Понимаешъ ли ты по-гречески? спросилъ я у своего собесѣдника.

«Ни словечка», отвѣчалъ онъ.

— Да какъ же ты слушаешъ службу въ церквѣ? замѣтилъ я.

«Да такъ... отвѣчалъ онъ, стоишъ, а ничего не понимаешъ, только кое-гдѣ догадываешься. Русской же обѣдни служить теперь некому не только здѣсь, но и во всей Святой Землѣ.»

Отъ него пошелъ я къ другому моему посѣтителю, бывшему архимандриту Арсентію, выдававшему себя несправедливо, какъ я узналъ послѣ, за князя Бѣлосельскаго. Но какъ онъ былъ въ то время въ общей столовой по какому-то дѣлу, то я зашелъ къ третьему русскому монаху Продрому, изъ малороссіянъ. Бѣдный старикъ лежалъ въ

тяжкой болѣзни, глубокіе стоны вылѣтали изъ груди его. Отецъ Продромъ сдѣлалъ большія услуги гробу Господню: нѣсколько разъ онъ ѣздилъ въ Россію и возвращался съ богатыми дарами; а потомъ, когда снова ѣздилъ, представлялъ жертвователямъ росписки Патріархіи въ полномъ и исправномъ полученіи сдѣланныхъ ими приношеній. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ жизнь этого почтеннаго старца: снискавъ себѣ честнымъ трудомъ достаточный капиталъ, онъ имѣлъ несчастіе потерять жену, которая, какъ онъ говоритъ, *была добрая хозяйка;* Богъ благословилъ его дѣтьми; сыновей своихъ онъ переженилъ, дочерей повыдавалъ замужъ, и всѣхъ хорошо надѣлилъ; потомъ видя, что конецъ его не за горами, заблагоразсудилъ остатокъ дней своихъ посвятить Богу. На доскѣ, покрытой халатомъ изъ толстаго смураго сукна, лежалъ бѣдный страдалецъ. Потъ лилъ ручьями со всего его тѣла; солнце своими лучами раскаляло стѣны и потолокъ его кельи, и отъ этого было въ ней душно, какъ въ печи. На столѣ передъ нимъ стояла чашка съ кашицей изъ чечевицы безъ масла, черный сухарь, зубокъ чесноку, выжатый лимонъ и кружка съ водою.

— Ты бы лечился, сказалъ я ему, послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, да ѣлъ бы супъ изъ курицы, а не эту тяжелую пищу.

«Богъ меня лечитъ, отвѣчалъ онъ; уже и Преосвященный разрѣшалъ мнѣ ѣсть мясо и грѣхъ бралъ на свою душу; да нѣтъ... потерплю еще не-

много: авось будетъ легче. О! если бы я былъ теперь въ Россіи! я знаю, тамъ бы меня вылечили; меня вездѣ знаютъ, а въ Москвѣ купцы Рыбниковы взяли бы къ себѣ, приглянулибъ за мною, какъ за роднымъ! отъ нихъ я много привезъ подарковъ гробу Господню. Да боюсь ѣхать, боюсь: умру на дорогѣ. Хуже всего мнѣ эти жары; да вотъ недолго до Ильина дня: тогда жары начнутъ спадать, и мнѣ будетъ легче.»

— Почему же ты не возьмешъ кельи тамъ, гдѣ живетъ Козьма? Тамъ не такъ жарко, замѣтилъ я.

«Тамъ я буду далеко отъ людей, отвѣчалъ онъ; а здѣсь, кругомъ кельи, здѣсь всѣ меня навѣщаютъ и есть кому услужить, здѣсь есть кому подать воды напиться. А Козьма... Его было дали мнѣ на послушаніе; *да такій ледащо! нехай ему!..»* добавилъ онъ, махнувъ рукой, «*я и отказався.*»

Въ тотъ же день, я еще два раза заходилъ къ бѣдному отцу Продрому, проходя мимо его кельи. Думаю, что недолго еще жить ему. Всѣ, кого я ни спрашивалъ, отзывались объ немъ съ особенной похвалою и новымъ инокамъ ставили въ образецъ.

«Господи Іисусе Христе Сыне Божій помилуй насъ!» сказалъ я у двери отца Арсентія, слѣдуя монастырскому порядку. «Аминь» — былъ отвѣтъ за дверью, и я вошелъ въ свѣтлую, просторную, но нестерпимо жаркую келью отца Арсентія. Потомъ я заходилъ къ нему вечеромъ, и еще болѣе чувствовалъ здѣсь духоту, при всемъ томъ, что окно было отворено. Отецъ Арсентій былъ псалом-

щикомъ при штатѣ князя Потемкина; потомъ находился при взятіи Очакова, за тѣмъ, по пути жизни, забрелъ въ Іерусалимъ, и вотъ уже болѣе 40 лѣтъ въ духовномъ санѣ въ Святой Землѣ. Свѣтлый и хитрый умъ видѣнъ въ живыхъ рѣчахъ его. Онъ выучился говорить чисто по-гречески и при извѣстномъ пожарѣ Іерусалимскаго храма въ 1807 году былъ запертъ внутри его, въ числѣ прочихъ монаховъ, на стражѣ у гроба Господня. Потомъ посланъ былъ въ Россію для сбора приношеній на постройку храма, а для большаго въ этомъ успѣха, былъ посвященъ въ Константинополѣ, при проѣздѣ, въ санъ архимандрита. Хотя въ расчетѣ и не ошиблись, но отецъ Арсентій кончилъ не такъ, какъ почтенный Продромъ. Впрочемъ исторію эту знаютъ лучше меня въ Москвѣ, гдѣ Арсентій долго жилъ. Скажу только, что живетъ онъ здѣсь не по-волѣ и рвется въ Россію.

Отъ него я узналъ нѣкоторыя любопытныя подробности объ упомянутомъ пожарѣ, которыхъ ни у кого изъ путешественниковъ не читалъ. Не обинуясь, онъ приписываетъ этотъ пожаръ умыслу армянъ. Поджегшій, говоритъ онъ, былъ прежде всѣхъ внѣ опасности; но потомъ воротился за своими деньгами, которыя забылъ взять и которыя были запрятаны въ гробницахъ Іосифа и Никодима. Когда онъ проходилъ обратно чрезъ храмъ, огонь достигъ уже купола и все было въ пламени; свинецъ, которымъ куполъ былъ покрытъ, растопился и лилъ дождемъ, и этимъ-то дождемъ его залило.

Когда послѣ пожара очищали площадь храма, то несчастную жертву нашли подъ кучами развалинъ полуистлѣвшею и лежавшею ницъ на своемъ золотѣ. Всѣ новѣйшіе французскіе путешественники обвиняютъ грековъ въ умышленномъ уничтоженіи бывшихъ подъ Голгоѳою и пощаженныхъ огнемъ гробницъ Іерусалимскихъ королей Годофреда и Балдуина, говоря даже, будто прахъ ихъ былъ выброшенъ вонъ. «Эти двѣ великія тѣни, замѣчаетъ Пужула́ въ письмѣ своемъ къ Мишо, изгнанныя изъ храма, нѣкогда покореннаго мечемъ ихъ, имѣютъ только вашу *исторію* единственнымъ убѣжищемъ, послѣднимъ монументомъ.» Читая это, нельзя не раздѣлять негодованія автора; но я не вполнѣ довѣрялъ этимъ словамъ. Я воспользовался бесѣдою съ архимандритомъ Арсентіемъ, который NB грековъ весьма не жалуетъ, и спросилъ его, справедливы ли эти расказы французовъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что бывшія сверху гробницъ мраморныя доски съ надписями, подобно тому, какъ и весь мраморъ въ храмѣ, сгорѣли и превратились въ известь; но тѣлъ, которыя находились внизу, *положительно* никто не трогалъ, да и полъ отнюдь разрушаемъ не былъ. Я былъ радъ этому свидѣтельству очевидца.

Передъ вечеромъ я всходилъ на башню Юстиніана и видѣлся тамъ съ четвертымъ и послѣднимъ моимъ землякомъ, кажется, тѣмъ самымъ, о которомъ Муравьевъ упоминаетъ въ своемъ путешествіи. Будучи на вершинѣ этой башни, услыхалъ я густой звонъ монастырскаго, русскаго ко-

локола къ вечерней молитвѣ. Трудно изъяснить чувства, которыя пробудились въ душѣ моей, какъ русскаго, при этомъ родномъ звонѣ, котораго я уже болѣе года не слыхалъ нигдѣ на Востокѣ; трудно удержать полетъ думы туда — далеко — за моря — на сѣверъ, и я прочелъ про-себя исполненные меланхоліи стихи незабвеннаго слѣпца поэта:

Вечерній звонъ, вечерній звонъ!
Какъ много думъ наводитъ онъ...

Отецъ Савва уже очень давно живетъ здѣсь: помнится, болѣе 20 лѣтъ. Я спрашивалъ его о раздачѣ хлѣба арабамъ и узналъ, что прежде давали два раза и болѣе въ недѣлю на 160 человѣкъ, по 8 хлѣбцовъ на каждаго; но Ибрагима-паша, во время египетскаго здѣсь владычества, освободилъ ихъ отъ этой раздачи, чтó остается въ такомъ положеніи и до этихъ поръ. Здѣсь скажу мимоходомъ, что Ибрагимъ-паша весьма покровительствовалъ христіанской церквѣ и даже въ такой степени, какъ того никогда и нигдѣ подъ мусульманскимъ владѣніемъ не бывало. Объ этомъ времени монахи вспоминаютъ, какъ о золотомъ вѣкѣ для христіанской религіи въ Палестинѣ.

Не помню я, чтобы кто-нибудь изъ путешественниковъ объяснилъ, отъ чего ведется здѣсь обычай раздавать хлѣбъ арабамъ. Мнѣ изъяснили это въ Синайскомъ монастырѣ, гдѣ раздается хлѣбъ арабамъ и до этого времени. Императоръ Юстиніанъ на постройку монастырей отряжалъ сотни плѣнни-

*

ковъ и рабовъ, которые потомъ оставляемы были зависящими отъ монастырей для его защиты, услугъ и работъ, и получали за это пищу. Когда распространилась Муххамеданская вѣра на Востокѣ, они увлечены были общимъ потокомъ, уклонились отъ работъ, а пищу продолжали требовать по прежнему, нерѣдко съ пристрашкою и съ насиліемъ, такъ-что раздача хлѣба обратилась въ чистую дань. Къ обители Св. Саввы, построенной также при Юстиніанѣ, было такимъ образомъ приписано четыре колѣна арабовъ, которые и до этихъ поръ носятъ имя Маръ-Саба, т. е. принадлежащіе монастырю Св. Саввы.

Сидя вечеромъ въ своей комнатѣ съ товарищами моего пути, я услыхалъ громкой споръ нашихъ бедуиновъ; мы послали узнать о причинѣ его, и намъ сказали, что сверхъ пяти бедуиновъ, взятыхъ въ провожатые изъ Іерусалима, къ намъ пристало въ Виѳлеемѣ еще пять лишнихъ, которыхъ первые не хотятъ взять съ собою, чтобы не раздѣлить съ ними заробатка, говоря, что они одни ручаются за нашу безопасность. Между тѣмъ другіе пять утверждали, что они имѣютъ болѣе права на сопровожденіе въ этихъ мѣстахъ франковъ, что предстоявшій путь очень опасенъ и что нужно взять провожатыхъ по-болѣе. Въ предупрежденіе, чтобы послѣдніе, при отказѣ, не набрали шайки и не помѣшали бы намъ въ дорогѣ, мы легко разрѣшали ихъ споры, сказавъ, что первымъ заплатимъ то, что слѣдуетъ по уговору, а послѣднимъ дадимъ бахшишъ особо.

Послѣ этого все, какъ бы по волшебному мановенію, умолкло, и оставалось только и намъ самимъ успокоиться и уснуть; но не тутъ-то было: стѣны и каменный сводъ потолка гостинницы такъ раскалились въ продолженіе дня, что не было никакой возможности надѣяться уснуть въ комнатахъ; а потому мы расположились на плоской крышѣ подъ открытомъ небомъ. Ночь и нѣкоторое движеніе воздуха охлаждало насъ; но и здѣсь, боясь простудиться, я выбралъ мѣсто подъ защитой каменной стѣны и весьма ошибся въ своемъ расчетѣ: нѣсколько разъ я просыпался облитый пóтомъ, и долженъ былъ ночью перемѣнить бѣлье. Росы же, которая могла бы освѣжить насъ, не было во всю ночь ни капли. Впрочемъ тѣ изъ насъ, которые спали на открытомъ воздухѣ, по-дальше отъ стѣнъ и по-легче укутались, большаго жара ночью не чувствовали.

Въ 2-мъ часу по полуночи насъ подняли для сборовъ въ путь. Скоро мы собрались, сдѣлали свои приношенія за ласковое и внимательное гостепріимство, и, при проходѣ мимо церкви, замѣтили, что всѣ монахи были уже на ногахъ и заутренняя должна была начаться. Всѣ они вышли къ намъ и я еще разъ простился съ отцемъ Арсентіемъ. При нашемъ отсюда отъѣздѣ, на монастырскихъ часахъ ударило два часа.

II.

Путь къ Мертвому морю. Джиридъ бедуиновъ и игра копьемъ. Очерки ихъ нравовъ и нѣсколько словъ объ арабскихъ лошадяхъ.

По выѣздѣ изъ монастыря, мы повернули на ту дорогу, которою я сюда прiѣхалъ, и когда достигли глубины Кедронскаго потока, переѣхали на другую его сторону. Мы безпрестанно, то круто подымались, то опускались въ пропасти. Благодаря темнотѣ ночи, я не видалъ вокругъ себя ровно никакой опасности, отдавъ свою персону въ полное распоряженiе лошади, которая, слѣдуя за своей предшественницей, съ каждымъ шагомъ выбирала мѣсто и какъ бы ощупывала его ногою, чтобы стать по-тверже. Всѣ мы ѣхали гуськомъ и вытянули длинную линiю. Часа чрезъ полтора мы очутились на высотѣ, господствовавшей надъ всѣми

вокругъ горами. Въ-правѣ, промежду овраговъ, показалось не на долго Мертвое море и надъ нимъ, на горизонтѣ, длинная линія вершинъ Аравійскаго хребта, на которой не было видно ни одного пика, ни одного возвышенія, и только, какъ говоритъ Шатобріанъ, замѣтны были кое-гдѣ легкія неровности, будто рука художника, проводя эту горизонтальную линію на небѣ, дрожала въ нѣкоторыхъ мѣстахъ.

Свѣжесть въ воздухѣ дала намъ знать, что начинается заря. Скоро начало разсвѣтать, но ни одна утренняя птица своимъ пѣніемъ не привѣтствовала возвращенія дня. Скоро потомъ мы начали спускаться внизъ, иногда весьма круто, и достигли довольно пространной въ горахъ поляны. Здѣсь линія нашихъ лошадей разстроилась, всѣ бедуины поскакали впередъ, и начались ихъ военныя игры, ихъ *джиридъ*.

При этомъ мы замѣтили, что кромѣ пяти бедуиновъ, взятыхъ изъ Іерусалима, еще пяти приставшихъ въ Виѳлеемѣ, оказалось еще много лишнихъ; когда же, какъ и откуда они взялись, этого уже мы не вѣдаемъ. По счету же, оказалось ихъ въ итогѣ 16 человѣкъ, и въ томъ числѣ 3 пѣшихъ. Провѣдавши, конечно, что франки ѣдутъ на Іорданъ, они, незванные и необремененные дѣлами, просто пристали къ конвою, въ надеждѣ на бахшишъ и чтобы поучить лошадей своихъ разнымъ поворотамъ при джиридѣ. Всѣ они были вооружены различно: у одного торчали за поясомъ пистолеты, у

другаго было ружье и широкой ножъ съ боку, у третьяго длинное копье и ятаганъ; но было болѣе пистолетовъ и копій. Лошади ихъ большею частію хорошей крови и одна сѣрая кобылица была рѣдкой красоты, породы когелланъ. Почти на всѣхъ лошадяхъ видно было много рубцевъ отъ прижиганій раскаленнымъ желѣзнымъ прутомъ и въ особенности у переднихъ ногъ, на груди. Прижиганія эти въ общемъ обычаѣ у бедуиновъ, и дѣлаются въ предположеніи, что это укрѣпляетъ ослабѣвшіе члены животнаго. У нѣкоторыхъ лошадей конецъ хвоста, для красоты, былъ подкрашенъ и по сторонамъ близь его корня было по три точки, сдѣланныя концемъ раскаленнаго прута и въ перпендикулярномъ направленіи симметричиски расположенныя.

Трудно себѣ представить бедуинскій *джиридъ* тому, кто его не видалъ; не менѣе трудно и описать видѣвшему его. Не уклоняясь отъ порядка моего разсказа, я набросаю здѣсь хотя слабую картину этихъ военныхъ игръ, сколько мнѣ силы то позволяетъ.

Въ *джиридѣ* представляется военное дѣло; всѣ наѣздники, наклонившись впередъ, летятъ во весь карьеръ въ разсыпную, нападая одинъ на другаго въ догонку, рубя ятаганомъ воздухъ, или же потрясая въ рукѣ копьемъ, готовымъ пронзить противника; достигнувъ его, онъ въ тоже мгновеніе круто, на всемъ скаку, поворачиваетъ лошадь и летитъ на другаго. Преслѣдываемый, видя погоню и

чуя копье уже близко, круто, также на всемъ карьерѣ, поворачиваетъ лошадь свою въ другую сторону и старается, если не встрѣтить противника пистолетомъ или своемъ копьемъ, то по крайней-мѣрѣ уклониться отъ направленнаго удара; или же, бросивъ поводья на гриву лошади и впившись ногами и остріемъ стременъ въ бока ея, поворачивается всѣмъ туловищемъ назадъ и прицѣливается своимъ ружьмъ, такъ-что оно идетъ прямо по линіи хвоста; противникъ побѣжденъ и бѣжитъ уклониться отъ выстрѣла. Всѣ эти эволюціи дѣлаютъ они съ крикомъ *гау, гау*, пуская лошадей, какъ я сказалъ выше, во весь карьеръ съ-мѣста, круто ихъ поворачивая въ разныя стороны или же разомъ ихъ останавливая, такъ-что лошадь станетъ, какъ бы вкопанная въ землю, — и это у нихъ считается верхомъ совершенства выѣздки лошадей. За то у рѣдкой лошади послѣ джирида не идетъ кровь изо рта. При томъ же у арабскихъ мундштуковъ удила съ ужаснымъ желѣзомъ, которое деретъ ротъ и поднебье. На рысяхъ бедуины во все не мастера ѣздить, по причинѣ короткихъ стременъ: это ихъ измучило бы; а между тѣмъ они твердо убѣждены, что только на Востокѣ умѣютъ ѣздить верхомъ, какъ слѣдуетъ, и что во всей Европѣ нѣтъ ни одного порядочнаго наѣздника.

Замѣчательнѣе всѣхъ былъ бедуинскій шеихъ на красавицѣ-кобылицѣ, о которой я упомянулъ выше. У него въ рукахъ было длинное, футовъ 16 копье, изъ камыша особаго рода, привозимаго изъ Индіи

и отъ береговъ Ефрата. На тупомъ концѣ копья было, по обыкновенію, надѣто простое желѣзное остріе; копьемъ онъ упирался иногда въ землю, какъ бы тростью, когда ѣхалъ шагомъ. На немъ былъ узкой чекмень темнокоричневаго сукна, перетянутый въ поясѣ широкимъ чернымъ ремнемъ, за которымъ заткнуты были его щегольскія съ серебряною насѣчкою пистолеты и ятаганъ. Широкіе сѣрые шаравары входили въ большіе красные чоботы съ выгнутыми вверхъ носками. На плечи былъ накинутъ бедуинскій простой бурнусъ изъ толстаго сукна съ черными и бѣлыми широкими полосами, и съ прорѣхами вмѣсто рукавовъ, куда продѣвались руки. На голову наброшенъ былъ, по примѣру пальмирскихъ и багдадскихъ бедуиновъ, шелковый небольшой платокъ съ желтыми, красными и зелеными полосами, и съ двухъ концевъ его вмѣсто бахрамы, висѣли длинные сученые шелковые снурочки съ узлами на концахъ. По-верхъ платка, макушка головы, дважды была обведена концемъ слабо ссученной веревки изъ верблюжьей шерсти. Концы платка падали на его спину и широкіе плечи. Рѣдкіе волосы едва опушали его ланиты и подбородокъ; но черные, какъ смоль, густые усы подъ большимъ римскимъ носомъ придавали грозный видъ его бронзовому, загорѣлому лицу, подернутому легкимъ румянцемъ. Рѣдко онъ говорилъ и еще рѣже улыбался; но при этомъ нельзя было не замѣтить его бѣлыхъ зубовъ. Глаза блистали огнемъ подъ

нависшими бровями и довершали типъ этой дикой красоты. Нескоро онъ принялъ участіе въ джиридѣ, и когда другіе летали вокругъ на своихъ борзыхъ коняхъ, онъ спокойно продолжалъ ѣхать рядомъ съ нами. Видя, что одинъ изъ бедуиновъ, чтобы и его увлечь, налеталъ на него съ гикомъ, потрясая копьемъ, онъ съ быстротою молніи внезапно помчался впередъ и потомъ разомъ осадилъ свою лошадь. Лошадь не сдѣлала болѣе ни одного прыжка, уперлась передними ногами въ землю и въ одно мгновеніе очутилась задомъ напередъ, такъ что вольтъ этотъ сдѣлала она почти винтомъ на переднихъ ногахъ, и сѣдокъ готовъ былъ принять противника, его преслѣдовавшаго, на свое вверхъ поднятое копье. Этотъ вольтъ не могъ не поразить меня, и я приписалъ его случаю. Вскорѣ бедуинъ мой, галопируя въ разные стороны, повторилъ тотъ же вольтъ еще разъ; но въ третій — лошадь уже его не сдѣлала, и признаюсь подобной выѣздкой можно только портить лошадей. Мундштукъ былъ весь въ крови; бедуинъ снялъ его, не сходя съ сѣдла, и поѣхалъ шагомъ.

Въ этотъ же день послѣ, видѣлъ я игру его копьемъ на своей кобылицѣ. На всемъ голопѣ онъ круто повертывалъ ее на право и на лѣво, выдѣлывая фестоны и выписывая на ней цыфру 8. По мѣрѣ этихъ поворотовъ, онъ держалъ свое длинное копье на перевѣсѣ; играя имъ, онъ перебрасывалъ его въ рукѣ чрезъ голову, на передъ и назадъ корпуса, наклонялъ на одну и на другую сто-

рону, иногда подбрасывалъ и хваталъ его на лету, опускалъ къ землѣ одинъ или другой конецъ копья, подобно тому, какъ искусники плясать на канатѣ балансируютъ съ шестомъ, держа его въ рукахъ на перевѣсѣ. Эта игра копьемъ чрезвычайно живописна и не всякій бедуинъ на нее мастеръ. Копье на арабскомъ языкѣ называется *джириде*; отъ этого, всякая игра на лошади съ копьемъ называется *джиридомъ*.

У прочихъ бедуиновъ лошади, большею частію жеребцы, были хотя хорошей породы, но не столь высокихъ достоинствъ, какъ кобылица нашего шеиха. Всѣ наѣздники сидѣли твердо въ сѣдлѣ и, казалось, будто приросли къ нему. Они одѣты были также не столь щегольски, какъ описанной нами шеихъ. Почти у всѣхъ на головѣ были овчинные большія шапки, на плечахъ обыкновенные бурнусы, которые они скоро сбросили, или же чекмени, перетянутые широкимъ ремнемъ; сѣрые шаровары и красные башмаки довершали нарядъ. Всѣ они, изъ кочевьевъ между Виѳлеемомъ и Хеврономъ, были большею частію рослые, здоровые и нѣкоторые имѣли вершковъ по 12 росту, при атлетическихъ формахъ ихъ тѣла. Бедуины же пустыни Аравійской обыкновенно средняго роста и чрезвычайно сухощавы. Вообще полнота формъ въ мужчинѣ считается у нихъ важнымъ недостаткомъ, и слово «толстякъ» есть синонимъ «подлеца.»

Вотъ очеркъ наружнаго вида арабовъ-бедуиновъ, сдѣланный Шатобріаномъ. «Вездѣ, гдѣ ни

видалъ я ихъ, говоритъ онъ, въ Іудеи, Египтѣ и даже въ Варваріи, они казались мнѣ роста болѣе высокаго, чѣмъ малаго. Походка ихъ горда. Они хорошо сложены и легки. Голова ихъ овальна, лобъ высокій и выпуклой дугою, носъ орлиный, глаза большіе, разрѣзъ ихъ въ видѣ миндаля, взглядъ томный и очень кротокъ. Ничто не обнаруживаетъ въ нихъ дикаря, если ротъ ихъ закрытъ; но какъ только начнутъ они говорить, вы услышите нарѣчіе грубое, шумное и слишкомъ гортанное; вы увидите длинные зубы ослѣпительной бѣлизны, подобные зубамъ барса или шакала,— разница въ этомъ съ американскимъ дикаремъ, у котораго свирѣпость во взглядѣ и кроткое выраженіе въ устахъ. Ростъ у арабскихъ женщинъ пропорціонально выше, чѣмъ у мужчинъ. Ихъ поступь благородна и, по правильности чертъ лица, по красотѣ и округленности ихъ формъ, расположенію покрывалъ, они напоминаютъ нѣсколько статуи жрицъ и музъ древности. Но это должно принимать въ ограниченномъ видѣ: эти прекрасныя статуи часто дропированы лахмотьями; видъ нищиты, нечистоты и нуждъ унижаютъ эти формы, столь чистыя; мѣдный цвѣтъ кожи скрываетъ правильность чертъ лица; однимъ словомъ, чтобы видѣть этихъ женщинъ такими, какъ я сейчасъ описалъ, нужно ихъ разсматривать на нѣкоторомъ разстояніи, довольствоваться общимъ взглядомъ на цѣлое и не входить въ подробности.»

Лошадь и оружіе составляютъ для бедуина все

его богатство, его утѣху, его радость. Ни на что въ мірѣ онъ ихъ не промѣняетъ, и въ особенности первую, родословную которой хранитъ, если не на бумагѣ, то въ памяти, какъ сокровище. Не онъ одинъ, его жена, его дѣти ласкаютъ ее, кормятъ, и это нѣжное вниманіе, эта заботливость дѣлаетъ этихъ животныхъ чрезвычайно привязанными къ своимъ обладателямъ и развиваетъ въ нихъ удивительную смышленность. Лошадь арабская, по вниманію, къ ней оказываемому, дѣлается какъ бы членомъ семейства; она раздѣляетъ и горе и радость его, и я самъ видѣлъ, какъ, при одномъ звукѣ незнакомаго голоса европейца, лошадь бедуина перестаетъ ѣсть ячмень, подымать уши, какъ бы прислушиваясь къ незнакомому для нея нарѣчію, подобно прочимъ членамъ семейства обращаетъ открытые глаза свои на новопришедшаго и съ любопытствомъ его оглядываетъ. Взглянувъ на ея широкій лобъ, показывающій степень развитія ея умственныхъ способностей, на ея большіе глаза, исполненные огня, вы поймете, что движеніе лошади не есть случайное, не есть безотчетное.

Впрочемъ, какъ ни высоко цѣнятъ бедуины лошадей своихъ, какъ ихъ ни ласкаютъ, но собственно физическое содержаніе ихъ такъ грубо, что только одна мысль, о желаніи пріучить ихъ къ перенесенію возможныхъ лишеній, можетъ извинить это въ глазахъ нашихъ. У бѣднаго и у богатаго онѣ одинаково содержатся. О конюшняхъ бедуины не имѣютъ никакого понятія. Подъ навѣсъ также ло-

шадей своихъ никогда не ставятъ; держатъ ихъ почти всегда осѣдланными подъ открытымъ небомъ, подъ палящимъ солнцемъ, и привязываютъ за ноги къ кольямъ, вбитымъ въ землю, такъ-что лошадь можетъ сдѣлать самыя небольшія движенія. Нерѣдко пить имъ даютъ одинъ только разъ въ день, а на ночь самую умѣренную дачу овса и рубленной соломы. Умѣренность въ пищѣ арабской лошади, при ея смышленности и быстротѣ, составляетъ неоцѣненное сокровище пустыннаго жителя; нерѣдко, при недостаткѣ ячменя и соломы, горсть сухаго мелко искрошеннаго мяся, или кружка верблюжьяго молока, ей достаточны на цѣлыя сутки. Но подобное содержаніе и скудный кормъ не только не ослабляютъ силъ животнаго, а напротивъ придаютъ ему рѣдкія качества умѣренности, терпѣнія и быстроты.

Лучшія верховыя лошади родятся въ провинціи счастливой Аравіи Нейдждъ. Онѣ дѣлятся на 4 сорта и въ первомъ сортѣ арабы считаютъ только четыре заводскихъ жеребца, изъ которыхъ три въ Неджде и одинъ въ Англіи. Въ числѣ купленныхъ въ началѣ 1843 года, въ Каирѣ, нашимъ генеральнымъ консуломъ и отправленныхъ въ С. Петербургъ, для Высочайшаго Двора, 12 лошадей, была пара ихъ отъ одного изъ этихъ жеребцовъ. Когда привели этихъ лошадей въ Александрію, для отправленія моремъ въ Одессу, то Мегеметъ-Али-паша желалъ ихъ видѣть; похваливъ всѣхъ вообще, онъ объ этой парѣ, одной кобылицѣ и одномъ жеребцѣ, ото-

звался, что хотя равныхъ съ ними достоинствъ лошади и найдутся въ Египтѣ, но лучше ихъ на вѣрное нѣтъ. Второе мѣсто послѣ Неджденскихъ лошадей, занимаютъ лошади Сирійской пустыни; а въ отношеніи перенесенія тягостей и продолжительности пути, при крайнихъ лишеніяхъ въ кормѣ, онѣ еще берутъ верхъ надъ первыми; но въ красотѣ, смышленности и, можетъ быть, быстротѣ много имъ уступаютъ. Самыми же благорднѣйшими лошадьми арабы почитаютъ тѣхъ, которыя происходятъ отъ двѣнадцати кобылицъ пророка, питавшихся, какъ говорятъ ихъ поэты, «однимъ вѣтромъ.» Житель Аравійскаго полуострова, какъ мнѣ сказывали бывшіе тамъ въ войскахъ Ибрагима-паши европейцы, при военномъ дѣлѣ обыкновенно имѣетъ при себѣ верблюда и лошадь; на первомъ онъ ѣдетъ, другую держитъ на-поводу и бережетъ ея силы на случай крайней нужды. Если непріятель его преслѣдуетъ, онъ уходитъ на верблюдѣ, а когда настигаетъ, онъ брасается на лошадь — и тогда развѣ одинъ вѣтръ пустыни можетъ съ нимъ соперничествовать въ быстротѣ бѣга.

Нерѣдко прекрасный жеребецъ, или чудная кобылица, которая вообще, по легкости своей и по прибыли приплода, цѣнится выше перваго, составляютъ громкую извѣстность цѣлаго поколѣнія бедуиновъ, и кто ими владѣетъ, на томъ отражается вся слава благороднаго животнаго. Описывая блистательные, по ихъ мнѣнію, подвиги бедуиновъ, а по нашему просто грабежи и разбои, поэты араб-

скіе никогда не забываютъ раскрасить равно яркими чертами неразлучныхъ ихъ товарищей — коней ихъ. Желающій вполнѣ любоваться красотою истинно арабской лошади, пусть посмотритъ на нее, не у насъ на конюшнѣ, а подъ сѣдломъ у бедуина, при военныхъ его играхъ, на мѣстѣ ея рожденія, подъ знойнымъ небомъ, въ разгульной песчаной степи, или между безплодными горами Аравіи или Іудеи. Какъ прекрасно и вмѣстѣ вѣрно описаніе такаго коня у Іова (въ XXXIX гл.)! Жерамбъ, содержаніе этого мѣста Св. Писанія, переложилъ въ слѣдующихъ строкахъ; приводя ихъ, мы подѣлимся удовольствіемъ съ нашими читателями. «Видѣлъ ли ты коня воина? говоритъ Іовъ, его мускулы, его бока могучіе? Неукротимая душа его не знаетъ страха. Гляди, огонь пышетъ изъ его дымящихся ноздрей. Онъ играетъ, ударяя óземь копытомъ своей прекрасной ноги; онъ радуется своей силѣ. Поднявъ голову, онъ ржаніемъ своимъ призываетъ отдаленной бой и горитъ нетерпѣніемъ, чтобы броситься въ самую средину сѣчи. Грызя и покрывая пѣною удила свои, онъ смѣется надъ смертію и въ бѣшеномъ восторгѣ глубоко роетъ подъ собою землю долины. Какъ сердце его пламенѣетъ и волнуется, при видѣ меча сверкающаго! какъ гордо идетъ онъ на остріе копія, тогда какъ глаза его устремляются на блескъ щита и отражаютъ его сіяніе! По одной благородной гордости, онъ душитъ въ себѣ чувство боли и не замѣчаетъ стрѣлъ, вонзающихся въ бока его.

Своимъ ржаніемъ онъ отвѣчаетъ на громкіе звуки военной трубы, пока не падетъ истощенный ранами, и послѣдній вздохъ его — есть единственный, имъ выпущенный изъ груди своей.»

Джиридъ нашихъ бедуиновъ продолжался, пока мы не проѣхали равнины, дававшей имъ на то раздолье. Я думалъ, что собственно для нашей забавы они джиридовали; но послѣ увидалъ, что рѣдкую поляну они пропускали, чтобы не сдѣлать этой репетиціи, для лучшей объѣздки своихъ лошадей и собственнаго упражненія, потому что быть многимъ въ одномъ джиридѣ, имъ не часто случается. Изъ равнины мы снова спустились въ ущелье, но по большой части ѣхали вдоль оврага, въ которомъ видны были слѣды потока. Послѣ дождей, стекающая съ горъ вода здѣсь реветъ, бушуетъ и ворочаетъ огромные камни. Въ 5 часовъ утра, въ лѣвѣ на горѣ показались намъ куполы дервишскаго монастыря во имя Моисея, а впереди Мертвое море и казалось очень близкимъ; но мы были отъ него еще на добрый часъ ѣзды. Проѣхавъ еще ложбинку, гдѣ наши бедуины не пропустили случая поджиридовать, мы поднялись на послѣднее возвышеніе, съ котораго спускаясь, уже не теряли моря изъ вида. Здѣсь же открылась намъ обширная Іорданская долина и вся линія Аравійскихъ горъ на другой сторонѣ. Перерѣзавъ внизу песчаную, широкую ложбину потока, мы проѣхали чрезъ густой кустарникъ, растущій у моря; съ этой стороны мѣстами былъ въ немъ и камышъ, уже из-

сохшій. Еще мы не успѣли выбраться изъ кустарника, какъ наши передовые бедуины поскакали впередъ на пригорокъ и, привставъ на стремена, вперили взоръ свой впередъ, нѣсколько въ лѣво. Вслѣдъ за этимъ слова: *бедауій, бедауій!* — какъ электрическая искра, пролетѣли по устамъ всей нашей кавалькады. Начали скликать отклонившихся въ сторону и отставшихъ въ одно мѣсто. Кто былъ по-удалѣе, поскакалъ впередъ, осматривая свое оружіе. Намъ сказали, чтобы мы остались въ аріергардѣ и держались въ одной кучѣ; при насъ остались и тѣ изъ бедуиновъ, которыхъ лошади были не изъ лучшихъ. Пѣшеходцы и отставшіе также подошли къ намъ и мы одною кучею продолжали тихо подвигаться впередъ. Не видя впереди на долинѣ ровно ничего, я выпулъ изъ кармана неразлучный мой двойной лорнетъ и сталъ разглядывать въ ту сторону, куда глядѣли передовые, и опять не увидалъ никакихъ бедуиновъ. Надѣясь на свою лошадь, я отдѣлился отъ прочихъ и поскакалъ впередъ къ пригорку, чтобъ посмотрѣть по крайней мѣрѣ, гдѣ видятъ этихъ бедуиновъ. Графъ поскакалъ вслѣдъ за мною; но черногорецъ нашъ закричалъ за нами: «господа, не оставляйте меня, у меня лошадь не надежная.» Въ это время передовые обернулись къ намъ и со смѣхомъ кричали: *мафишь бедауій, мафишь бедауій!* — нѣтъ бедуиновъ! нѣтъ бедуиновъ! Да чтоже тамъ ихъ такъ напугало, думалъ я, и, взъѣхавъ на пригорокъ, узналъ, что это было стадо аистовъ, которыхъ приняли за

бедуиновъ изъ–за Іордана. Вотъ вамъ и сцена въ родѣ Донкихотовыхъ похожденій! Разхохотавшись съ моимъ графомъ, мы хотѣли по крайней мѣрѣ видѣть особъ, сдѣлавшихъ намъ такую тревогу, и я едва въ бинокль замѣтилъ ихъ головы. Какъ ни смѣшна была наша тревога, но вмѣстѣ съ тѣмъ она показала намъ, какъ зорокъ глазъ пустыннаго жителя. Указавъ на аистовъ, я сказалъ нашему черногорцу— вотъ бы хорошо застрѣлить, — и онъ храбро поскакалъ въ ту сторону; но скоро воротился, говоря, что встрѣтилъ топкое мѣсто, чрезъ которое нельзя было переѣхать.

III.

Мертвое море. Берега и его отличительныя особенности. Изслѣдованіе воды и дна въ этомъ морѣ. Содомское яблоко.

Оставивъ аистовъ въ покоѣ, мы повернули въ право, подъ прямымъ угломъ къ морю. Въ-лѣвѣ, на разстояніи верстъ пяти, былъ отъ насъ Іорданъ; за нимъ въ тѣни—синяя стѣна Аравійскихъ горъ, на право—только что нами оставленныя песчанаго цвѣта горы Іудеи, а передъ нами, между паралельнымъ продолженіемъ этихъ двухъ хребтовъ, въ этой глубокой долинѣ, на днѣ этого котла, Асфальтическое море разстилало свои неподвижныя, свои мертвыя воды. Вдали, и море и горы тонули въ туманѣ.

По заключенію Ньюіоркскаго профессора Ед. Робинзона, путешествовавшаго здѣсь въ 1838 году собственно для библейскихъ изысканій, высота

надъ поверхностію моря Іудейскихъ скалъ есть отъ 900 до 1500 фут. и Аравійскихъ отъ 2000 до 2500 фут. Эти скалы состоятъ изъ голаго известковаго камня и семь или восемь мѣсяцевъ въ году подвергаются всему зною раскаленныхъ лучей лѣтняго солнца. Послѣ этого не удивительно, что окрестности моря представляютъ ужасную безплодность и почти мертвую пустыню, исключая впрочемъ двухъ или трехъ небольшихъ урочищъ, гдѣ проходятъ ручьи и бьютъ фонтаны свѣжей воды, нѣсколько оживляющіе природу.

По обнаженному, песчаному, мѣстами бѣлому отъ селитренной осадки грунту мы скоро доѣхали до моря, слѣзли съ лошадей и расположились на берегу. Былъ 8-й часъ утра, и слѣдовательно въ пути отъ монастыря Св. Саввы мы были съ небольшимъ пять часовъ.

О Мертвомъ морѣ было такъ много говорено, такъ много писано, что мнѣ остается только повторить слова тѣхъ путешественниковъ, съ замѣчаніями которыхъ согласны собственныя мои впечатлѣнія, потомъ добавивъ нѣкоторыя свои прозаическія замѣтки и привести свидѣтельства очевидцевъ и изслѣдователей объ особенностяхъ этого моря, этого единственнаго въ своемъ родѣ феномена на земномъ шарѣ.

Этому морю были даваемы разныя имена. Въ книгѣ Бытія оно названо *моремъ Соленымъ*, въ книгѣ Числъ *моремъ Наисоленымъ*, по качеству воды его; въ исторіяхъ греческихъ и латинскихъ оно име-

нуется: *Восточнымъ озеромъ*—по положенію его въ отношеніи горъ Іудейскихъ, *озеромъ Асфальтическимъ*—по нахожденію въ немъ горной смолы, *моремъ Содомскимъ и моремъ Пустыни*—по причинамъ очень понятнымъ; турки называютъ его *Ула-Денызъ*, арабы *Багръ-этъ-Лутъ*, т. е. море или озеро Лотово. Мертвымъ моремъ, подъ именемъ котораго оно наиболѣе извѣстно, названо оно по поводу древнихъ и новыхъ свидѣтельствъ, что въ нѣдрахъ его не дается жизни ни одному живому существу. Оно покрываетъ ту прекрасную долину, гдѣ находилось грѣховное пятиградіе. До ужасной катастрофы, страна эта была столь плодоносна, ея лѣса, рощи, сады, орошенные Іорданомъ, были столь усладительны, что Св. Писаніе сравниваетъ ее съ плодоносными и вѣчно зеленѣющими долинами Египта. «Нынѣ, говорилъ Жерамбъ въ своемъ путешествіи, согрѣтомъ вѣрою, страна эта есть страна запустѣнія и смерти. Гнѣвъ Божій заключается не въ однѣхъ только пропастяхъ моря: онъ напечатлѣнъ также на берегахъ и землѣ вокругъ его. Это, такъ сказать, не болѣе, какъ пепелъ, послѣ обширнаго пожара; пепелъ, которому росы и дожди не могутъ сообщить ни жизни, ни плодородія. Шумъ волнъ никогда не прерываетъ безмолвія смерти, царствующаго вокругъ, въ странѣ, ужасающей и беззаконіями, въ ней совершившимися, и наказаніемъ, которому Господь осудилъ ее. Нѣдра этого моря не заключаютъ въ себѣ ни одного существа живаго; ни одно судно, ни одна ладья

не разсѣкаетъ водъ его; ни гдѣ въ окрестностяхъ птица не вьетъ гнѣзда и не поетъ любви своей; здѣсь нѣтъ ни растущаго дерева, ни растѣнія, которое бы цвѣло: едва видѣнъ кое-гдѣ какой-нибудь кустарникъ истощенный и засохшій.»

Не менѣе поэтически описано это море у Пужула, бывшаго здѣсь за годъ предъ Жерамбомъ. «Еще подъѣзжая къ нему отъ Іерихона, онъ говоритъ, слой соли, подобно бѣлой росѣ въ нашихъ климатахъ, покрываетъ всѣ смѣжныя мѣста Асфальтическаго озера. Посреди этой пустыни, путешественникъ не можетъ заглушить въ себѣ чувства ужаса; ему кажется, будто онъ присутствуетъ при Божескомъ мщеніи. Я не думаю, далѣе продолжаетъ онъ, чтобы во вселенной существовали мѣста, способныя болѣе поразить воображеніе, чѣмъ Мертвое море и его окрестности; долина эта, лице которой завяло и уничижено, преисполнена высокаго ужаса. Это море, есть истинно мертвое море: оно не даетъ отъ себя ни малѣйшаго шума, оно не подвижно и нѣмо, какъ кладбище; скажутъ, что это одно изъ тѣхъ погребальныхъ озеръ, которыя поэзіею древнихъ поставлены въ царствѣ мертвыхъ. Если подъ порывами бури, море Содомское иногда всколышется, его глухой ревъ долженъ походить на продолжительные, задушенные крики, и вы скажете, что это вопли и стоны городовъ, поглащенныхъ въ безднѣ, умоляющій голосъ Гоморры и сестеръ ея. Авраамъ былъ свидѣтелемъ, конечно, страшнаго зрѣлища, когда по утру съ вершины холмовъ

Мамре, увидалъ пять городовъ, охваченныхъ вихремъ пламени, землю Галгатты и Сиддина, преобразившуюся въ огненную рѣку, когда восточный вѣтеръ, пронесясь на западъ солнца, принесъ ему плачь и рыданіе долины этой! Какое ужасное утро! . . Жители долины уснули посреди пиршествъ и въ упоеніи сладострастья, и вотъ, при пробужденіи, они видятъ надъ главами своими, вмѣсто лазуреваго неба, небо красное и черное, вмѣсто улыбающейся земли, обнаженный адъ вокругъ нихъ! еслибъ былъ я живописцемъ какъ вы, владѣлъ перомъ вашимъ (*), я бы представилъ всю возвышенность ужаса; еслибъ я имѣлъ хотя нѣкоторыя искры того генія, который вдохнулъ Méditations poetiques (**), или того, который диктовалъ эпопею *Мучениковъ* (***), я представилъ бы глазамъ вашимъ поразительно ужасныя картины; но всѣ слова мои кажутся мнѣ слабыми, ничтожными предъ лицемъ озера, гдѣ спятъ города и народы, на этой багровой землѣ, гдѣ прошла буря гнѣва, предъ этими голыми обгорѣлыми горами, сохранившими еще до сихъ поръ отпечатки перуновъ.»

Въ заключеніе токаго мрачнаго описанія, скажемъ, вмѣстѣ съ Норовымъ, словами вдохновеннаго Моисея, что будущіе роды, сыны сыновъ, чужеземецъ изъ страны далекой, поражены будутъ ужасною

(*) Пишетъ онъ къ Мишо.

(**) Ламартинъ.

(***) Шаторбіанъ.

пустотою этихъ отверженныхъ мѣстъ, гдѣ одинъ жупелъ и соль, гдѣ ни какой злакъ не прозябаетъ, гдѣ ни голосъ человѣческій, ни бѣгъ животнаго не нарушаетъ безмолвія, гдѣ почіетъ гнѣвъ Божій (*).

«Не можетъ быть никакого сомнѣнія о причинѣ, произведшей Мертвое море, говоритъ маршалъ Мармонъ въ своемъ путешествіи. Кромѣ повѣствованій Библіи и относящихся къ этому преданій, тамъ все ознаменовано характеромъ волканическимъ, и вся страна наполнена веществами возгарающимися и смолистыми. Прежде переворота, измѣнившаго видъ Іордана, устье его было въ Чермномъ морѣ. Можно слѣдовать по долинѣ, гдѣ текли воды его, и видно, что всѣ побочныя рѣчки, всѣ русла источниковъ имѣли это направленіе. Огонь, охватившій всю страну, произвелъ пропасть, куда хлынули воды и погасили волканъ; уровень ихъ понизился, и онѣ скопленіемъ своимъ образовали эту массу воды, которая составляетъ теперь Мертвое море.»

На гористыхъ берегахъ моря находятъ куски пемзы, сѣры, селитры, горной смолы, также имѣется нѣсколько теплыхъ соляныхъ и горячихъ источниковъ, этихъ живыхъ признаковъ бывшаго изверженія. При землетрясеніяхъ, бывшихъ здѣсь въ 1831 и 1837 годахъ, отдѣлялись отъ дна и подымались на верхъ огромные массы горной смолы, плававшія на поверхности и представлявшіяся гла-

(*) Второзак. XXIX, 22 и слѣдующ.

замъ въ видѣ острововъ. Въ послѣдній разъ этой смолы было гораздо болѣе, и продано арабами, какъ говорится у Ед. Робинзона, на 2 или 3000 талеровъ. О всплываніи на верхъ кусковъ этой смолы упоминается у Іосифа Флавія и Діодора Сицилійскаго. Въ древнія времена эта смола составляла важную отрасль торговли съ Египтомъ, гдѣ она употреблялась въ большомъ количествѣ для бальзамированія тѣлъ. У сѣверныхъ береговъ находятъ черный смолистый камень, который горитъ, издавая смолистый запахъ. Англійскій же путешественникъ Георгъ Робинзонъ говоритъ, что камень этотъ имѣетъ особенное качество: при горѣніи онъ не уменьшаетъ своего объема, а только теряетъ малую часть своего вѣса. Изъ него дѣлаютъ чашки и чотки, продаваемыя въ Іерусалимѣ поклонникамъ. На южномъ концѣ моря имѣется два брода, впрочемъ не всегда переходимые. Здѣсь же, на юго-западной оконечности, возвышается знаменитый соляной утесъ Хозмъ-Уздумъ, а у подножія его находится много большихъ пещеръ, которыя невольно напоминаютъ объ упоминаемыхъ въ Св. Писаніи соляной долинѣ и соляномъ градѣ.

Отъ этого утеса, на берегу же моря, къ сѣверу, верстахъ въ 15, на пирамидальной высокой каменистой горѣ (куда достигнуть можно съ большимъ трудомъ и при томъ не иначе, какъ пѣшкомъ) и называемой арабами Соббе, находятся развалины крѣпости Масада, которая сначала была

построена Іоноѳаномъ Маккавеемъ, а потомъ укрѣплена и сдѣлана неприступною Иродомъ Великимъ, какъ мѣсто для собственнаго убѣжища. Объ этой крѣпости извѣстно очень не многимъ и потому я изложу здѣсь любопытныя о ней подробности, заимствованныя мною у Робинзона, которыя онъ въ свою очередь заимствовалъ у Іосифа Флавія. Иродъ построилъ здѣсь дворецъ съ колоннами, портиками, банями, систернами и великолѣпными отдѣленіями для жилья. Крѣпость зависѣла только отъ своихъ систернъ, потому что воды вокругъ нигдѣ не было. Площадь внутри, кромѣ земли подъ зданіями, сдѣлана способною къ обработыванію, съ цѣлію предупредить возможность голода. Иродъ перевезъ сюда огромный запасъ оружія и провизіи, достаточный для десяти тысячъ человѣкъ на нѣсколько лѣтъ. Не за долго до осады Іерусалима Титомъ, шайка разбойниковъ, извѣстная въ послѣдней Іудейской Исторіи подъ именемъ Сикаріи, хитростію взяла эту крѣпость и разграбила всѣ бывшія въ ней сокровища. При этомъ они ограбили также всю страну вокругъ, равно и сосѣдній городъ Енгадди. По разрушеніи Іерусалима, крѣпости: Масада, Иродія и Макеръ, находившіяся въ рукахъ разбойниковъ, Римлянами взяты не были. Послѣднія двѣ потомъ отдались подъ покровительство Прокуратора Луцилія Васса и его преемника Флавія Сильва, а наконецъ была осаждена и Масада. Здѣсь-то имѣлъ мѣсто послѣдній, ужасный актъ великой Іудейской трагедіи.

Весь гарнизонъ, по убѣжденію своего начальника Елеазара, обрекъ себя на собственное истребленіе, и изъ среди себя выбралъ десять человѣкъ, для умерщвленія всѣхъ прочихъ; что́ и было сдѣлано. При этомъ погибло девятьсотъ шестьдесятъ человѣкъ, включая въ то число женъ и дѣтей. Изъ всѣхъ жителей, только двѣ женщины и пять мальчиковъ спаслись бѣгствомъ.

Берега Мертваго моря необитамы, изключая, по словамъ Едв. Робинзона и приведеннымъ имъ свидѣтельствамъ другихъ путешественниковъ, долинъ: Айнъ-Іуди, — на западномъ берегу, эль-Керакъ — на восточномъ у перешейка полуострова, и Горъ — на южномъ; въ этихъ долинахъ источники прѣсной воды даютъ вокругъ жизнь растѣнію. Хотя же онѣ населены и не такъ, какъ прежде, но это должно приписать измѣненію обстоятельствъ и отношеній общественной жизни, а отнюдь не свойству страны или моря. «Мы провели, говоритъ онъ, пять дней въ сосѣдствѣ его береговъ, и никто изъ насъ не чувствовалъ никакого зловоннаго запаха или вреднаго испаренія изъ нѣдръ его. Равно наши Арабы этого явленія никогда не видали и никогда о немъ не слыхали.» Но должно замѣтить вообще, что непомѣрно жаркій, такъ сказать, египетскій климатъ и болотистыя испаренія близьлежащихъ мѣстъ пораждаютъ перемѣжающіяся лихорадки, которыми страдаютъ обитатели этихъ мѣстъ. Что же относится до огромной массы испареній, которую море это выпускаетъ изъ себя и

которая представилась путешественникамъ Ибри и Манглису прозрачною колонною въ видѣ водянаго столба, огромнаго объема, то феноменъ этотъ, замѣчаетъ Ед. Робинзонъ, весьма натураленъ: это есть слѣдствіе низменнаго положенія моря и дѣйствія солнечныхъ жаровъ, которымъ оно открыто. Но свойство этихъ испареній, добавляетъ этотъ глубоко-ученый путешественникъ, не можетъ различествовать отъ испареній всякаго другаго озера при подобныхъ обстоятельствахъ.

«Гладкая и сонная поверхность этого моря стояла не колыхаясь, говоритъ г. Норовъ, когда я посѣтилъ его; только на краяхъ примѣтенъ былъ самый слабый приливъ и отливъ; не слышно было ни малѣйшаго шума, который всегда производитъ большая масса воды; ни одной раковины, ни растительнаго вещества, не было видно на всемъ пространствѣ берега. Впереди не было видно береговъ, а по бокамъ огромныя горы, совсѣмъ нагія и темнокоричневаго цвѣта, не представляли ни малѣйшихъ слѣдовъ жизни.» Такимъ точно нашелъ и я море это, при моемъ его посѣщеніи.

Весьма не понятно было для многихъ, куда дѣвается избытокъ воды, безпрестанно текущей сюда изъ Іордана, а при полноводьи избытокъ этотъ весьма значителенъ и увеличивается еще многими ключами вокругъ и дождевыми потоками съ горъ, тогда какъ это море не выпускаетъ изъ себя ни одного ручья, ни малѣйшей струи воды. Это привело многихъ къ разнымъ предположеніямъ. Боль-

шая часть путешественниковъ поддерживала кажущуюся съ перваго раза правдоподобною мысль возможности подземнаго соединенія Мертваго моря съ Средиземнымъ или Чермнымъ, куда стекаетъ избытокъ водъ его. Если предположить, говорили они, что избытокъ воды въ этомъ морѣ испаряется, то трудно думать, чтобы такая значительная масса воды, какую выливаетъ изъ себя Іорданъ, и которая, по исчисленіи Шау (Shau), составляетъ въ однѣ сутки 6,490,000 тоновъ или до 10,200,000 бочекъ, не говоря уже о водахъ другихъ источниковъ и потоковъ, — могла такъ скоро испариваться на такомъ маломъ пространствѣ, какое занимаетъ Мертвое море, имѣющее, по переводѣ на нашу мѣру, въ длину до 68 верстъ, въ ширину въ самомъ широкомъ мѣстѣ, у урочища Айнъ-Іуди, до $15^3/_4$ вер., а всей поверхности отъ 70 до 80 тысячъ десятинъ. Въ разные же годы и различныя времена года, длина моря бываетъ двумя или тремя милями болѣе или менѣе, смотря по тому, болѣе или менѣе разливается вода на южной оконечности.

Но мысль объ этомъ подземномъ соединеніи совершенно опровергнута сдѣланнымъ въ послѣдніе годы весьма замѣчательнымъ открытіемъ, присоединяющимся къ числу прочихъ отличительныхъ особенностей Мертваго моря. Муръ и Бекъ въ 1837 году, посредствомъ наблюденія точки кипѣнія воды, первые открыли чрезвычайно глубокое пониженіе уровня этого моря въ сравненіи съ уровнемъ Средиземнаго моря. По ихъ изчисленію, это пониже-

ніе должно быть около 500 англ. футовъ. Два или три мѣсяца позднѣе, Шубертъ дѣлалъ свои барометрическія наблюденія, и пониженіе это нашелъ въ $598\frac{1}{2}$ франц. футовъ; пониженіе же почвы Іерихона, въ $527\frac{7}{10}$ франц. футовъ. Хотя вѣрить безусловно пунктуальности подобныхъ измѣреній и нельзя, пока не будетъ тригонометрически вымѣрена высота поверхности земли, раздѣляющей уровни этихъ морей: но приведенные факты достаточны, чтобы сказать, что Мертвое море чрезвычайно ниже и Средиземнаго, и Чермнаго. А изъ этого слѣдуетъ, что если необходимо искать резервуара для водъ Мертваго моря, то онъ на-вѣрное не есть ни Средиземное, ни Чермное море. Даже пущенная въ оборотъ, прежде всѣхъ Буркгардомъ, мысль, что до переворота, образовавшаго Мертвое море, воды Іордана текли въ Чермное море, совершенно этимъ новымъ открытіемъ потрясена; потому что уровень этого моря гораздо выше и самой Іорданской долины.

Впрочемъ мысль, о подземномъ соединеніи морей Мертваго съ Чермнымъ, почти совсѣмъ была оставлена послѣ наблюденій доктора Галлея объ испареніи, и ученый путешественникъ Ед. Робинзонъ положительно утверждаетъ справедливость заключеній Галлея. «Когда дождливое время года, говоритъ онъ, прійдетъ къ своему концу, испареніе моря бываетъ столь сильно, что гораздо превозмогаетъ приливъ воды изъ Іордана, и тогда уровень моря снова понижается.»

Отъ двадцати до тридцати шаговъ отъ воды, вдоль всего сѣвернаго низменнаго берега, у котораго мы находились, было видно множество сухихъ деревьевъ, составлявшихъ длинную, узкую, бѣлую, изгибистую полосу, вездѣ параллельную линіи соединенія воды съ берегомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эти деревья вырваны изъ своихъ мѣстъ выступавшимъ изъ береговъ Іорданомъ, унесены его потокомъ и брошены въ море; какъ ни слабо движеніе воды въ этомъ морѣ, однако плавающія на поверхности деревья волною выбрасываются на берегъ и здѣсь остаются. Выброшены они конечно тогда, когда горизонтъ моря захватывалъ ту линію, на которой они теперь находятся. Между тѣмъ горизонтъ воды, при моей бытности, былъ, по отвѣсной высотѣ, до двухъ саженей ниже упомянутой линіи. При томъ же въ самомъ морѣ, противъ сѣверной его оконечности, отъ берега саженей на 30, былъ выдвинутъ изъ воды, до полуторы-сажени выше ея горизонта, небольшой островокъ (длиною около 10 саженей, о ширинѣ судить я не могъ), состоявшій изъ камней, въ безпорядкѣ наваленныхъ одинъ на другой и изъ которыхъ на верхнихъ зацѣпилось нѣсколько такихъ же деревьевъ, торчавшихъ какъ бы на вилкѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ островъ при полноводьи покрывается водою, а когда она начинаетъ спадать, то плавающія на поверхности деревья зацѣпляются за камни и тамъ остаются. Ед. Робинзонъ пишетъ, что на скалахъ Айнъ-Іуди онъ замѣтилъ слѣды самаго высшаго

разлива моря, которые противъ уровня его, въ Маѣ 1836, были выше 10-ю или 15 футами.

Первая мысль, какая пришла мнѣ въ голову, при видѣ этихъ сухихъ деревьевъ, была та, не выброшены ли они такъ далеко отъ берега волною, хотя у всѣхъ путешественниковъ я читалъ, что волнъ здѣсь не бываетъ. По этому поводу я обратился къ сопровождавшимъ насъ бедуинамъ съ вопросомъ, бываютъ ли здѣсь большія волны, и они отвѣчали мнѣ, что бываютъ и что море тогда реветъ страшно. Но я не довѣряю имъ въ этомъ, также точно, какъ и тому, будто въ морѣ этомъ есть рыба, въ чемъ они увѣрили Пужала́ и о чемъ я буду подробно говорить вслѣдъ за симъ), и думаю, что если и бываютъ волны въ Мертвомъ морѣ, то онѣ, по глубинѣ котла, въ которомъ это море лежитъ и который своими высокими боками закрываетъ его отъ сильныхъ вѣтровъ, по малому своему пространству и по удѣльной тяжести воды, не могутъ быть велики, а тѣмъ менѣе досягать, при теперешнемъ горизонтѣ, до линіи сухихъ деревьевъ.

«Я видѣлъ, говоритъ Пужула́, на берегу этого моря маленькія раковины и голыши, какъ бы на берегу прочихъ морей. Наши ученые натуралисты недоумѣваютъ, есть ли рыба въ Мертвомъ морѣ; я могу вамъ дать разрѣшеніе этой проблеммы, продолжаетъ онъ: да, рыбы водятся въ Мертвомъ морѣ; онѣ вообще тощи и малы; старый шеихъ, меня сопровождавшій, и два нашихъ верховыхъ араба говорили мнѣ, что, желая однажды ихъ поѣсть,

они нашли ихъ столь зловоннаго запаха, что должны были выбросить. Находятъ также въ нѣкоторыхъ мѣстахъ озера морское растѣніе лучицу, родъ пороста (des ulves), съ длинными, узкими, тонкими листьями, какъ бы въ нашихъ озерахъ и ставахъ въ Европѣ.» Въ заключеніе онъ добавляетъ: «весьма важнымъ считаю, что могу увѣрить, что въ Мертвомъ морѣ есть рыбы, раковины, des ulves.»

Кромѣ его еще нѣкоторые путешественники упоминаютъ о *слышанномъ* ими отъ другихъ, будто въ этомъ морѣ есть рыба; но никто изъ нихъ не пишетъ, чтобы самъ *видѣлъ* или поймалъ въ немъ хотя одну рыбку, и никто изъ нихъ не выводилъ изъ этихъ слуховъ такаго положительнаго заключенія, какъ Пужула́. Многіе упоминали также о находимыхъ здѣсь раковинахъ, и это привело къ другой гипотезѣ, что если не рыба, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыя черепокожныя могутъ жить въ этомъ морѣ. Но, по внимательномъ обсужденіи этого обстоятельства, должно согласиться съ выводами другихъ, болѣе основательными, что эти раковины принесены сюда или Іорданомъ, или дождевыми потоками съ горъ. Въ бытность мою здѣсь, я почти цѣлый часъ оставался на берегу и искалъ этихъ раковинъ вмѣстѣ съ моимъ спутникомъ, графомъ, и его драгоманомъ. И что же? — дѣйствительно мы нашли; но сколько и какихъ? — всего пять маленькихъ раковинъ, полуразрушившихся, проточенныхъ во многихъ мѣстахъ водою, отъ давнишняго отсутствія въ нихъ животнаго, и притомъ со-

вершенно одной породы со многими изъ собранныхъ мною въ тотъ же день на Іорданѣ, съ тою только разницею, что отъ смерти-ли въ нихъ животнаго, или отъ соленой воды, онѣ потеряли свой прежній цвѣтъ и совершенно пожелтѣли. О находимыхъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега улиткообразныхъ бѣлыхъ раковинахъ, нечего и говорить: онѣ очевидно занесены сюда съ земли. Здѣсь долженъ я замѣтить, что мы искали раковинъ на сѣверномъ берегу моря, верстахъ въ 5 или 6 отъ устья Іордана, гдѣ былъ и самъ Пужула. А изъ всего сказаннаго мною весьма очевидно, что раковинъ у Мертваго моря не столько, какъ у прочихъ морей, и что находимыя здѣсь очень немногія раковины заносятся сюда изъ другихъ мѣстъ. О голышахъ ни слова: здѣсь ихъ довольно, хотя они и нѣсколько другаго свойства.

Что относится до рыбъ, о существованіи которыхъ Пужула, на основаніи отзыва арабовъ, такъ утвердительно говоритъ, то независимо отъ увѣреній сопровождавшихъ насъ бедуиновъ, утверждавшихъ, что о рыбѣ въ этомъ морѣ они никогда не слыхали, изложу здѣсь слѣдующее свидѣтельство, сообщенное мнѣ людьми, заслуживающими полнаго довѣрія и лично въ томъ несомнѣнно удостовѣрившимися. По возвращеніи моемъ въ Іерусалимъ, я отправился въ Виѳлеемъ. Изъ числа двухъ греческихъ монаховъ, которыхъ я тамъ засталъ при храмѣ Рождества Христова, одинъ изъ булгаровъ, по имени Продромъ, молодой человѣкъ, хоро-

но говорившій по-русски и очень смышленный малый, а также и отецъ Козьма, съ которымъ я уже познакомилъ моихъ читателей, сказывали мнѣ, что предъ тѣмъ недѣли за три собрались они, въ числѣ 18 монаховъ, посѣтить Іорданскую долину и окрестныя тамъ Святыя мѣста. Такъ какъ они располагали пробыть въ этомъ путешествіи недѣли двѣ, то запаслись провизіею, а чтобы полакомиться свѣжею рыбою, которой въ Іерусалимѣ никогда не бываетъ, взяли съ собою сѣти. Изъ Саввинскаго монастыря они направились вдоль Кедронскаго потока къ Мертвому морю и обошли весь сѣверный его берегъ до самаго Іордана. У моря они пробыли цѣлый день, нѣсколько разъ купались и заплывали далеко въ море. Здѣсь, сряду четыре или пять часовъ, они трудились забрасываніемъ сѣтей въ разныя мѣста по берегу, и не поймали ни одной рыбки, тогда какъ въ тотъ же самый день, вечеромъ, въ Іорданѣ каждый разъ сѣть бывала полна ею. Свидѣтельство это, кажется, весьма достаточно. Но, въ подкрѣпленіе ему, добавлю еще слѣдующіе факты. Шатобріанъ, въ бытность свою здѣсь, взялъ отсюда воды съ намѣреніемъ сдѣлать испытаніе, предложенное Пококомъ, — опустить въ нее морскія рыбки и этимъ удостовѣриться, могутъ ли онѣ жить въ ней. Но какой результатъ былъ этому, онъ не говоритъ и, кажется, этого опыта онъ не дѣлалъ. Маршалъ Мармонъ воспользовался этою мыслію и сдѣлалъ этотъ опытъ; онъ говоритъ, что морскія рыбы, въ нее опущенныя, умирали чрезъ одну и

двѣ минуты. Тотъ же самый опытъ сдѣланъ былъ мною въ Одессѣ; въ декабрѣ 1843 года, съ водою, изъ Мертваго моря взятою въ іюлѣ, и результатъ былъ совершенно тотъ же самый, съ добавленіемъ, что рыбки въ первую же и вторую минуту всплывали на верхъ и въ умирающемъ видѣ оставались еще одну или двѣ минуты.

Въ заключеніе объ этотъ предметѣ приведемъ еще слѣдующія свидѣтельства. Ученый путешественникъ, натуралистъ Зетценъ, бывшій на западныхъ и сѣверныхъ берегахъ этого моря, говоритъ: «я сошелъ съ лошади, шелъ пѣшкомъ нѣкоторое время вдоль берега и искалъ раковинъ и морскихъ растѣній; но вовсе не нашелъ ни того, ни другаго. А какъ рыбы питаются ими, то выводъ изъ этого слѣдуетъ весьма натуральный, что никакое существо въ этихъ водахъ жить не можетъ.» Профессоръ Робинзонъ упоминаетъ, что, при выѣздѣ его изъ Палестины, два англійскіе путешественника показывали ему маленькую рыбку, длиною въ мизинецъ, которая попалась въ ихъ руки, бывши будто бы пойманною въ Мертвомъ морѣ; но къ этому слѣдуетъ дополненіе, что она поймана недалеко отъ устья Іордана и была въ умирающемъ состояніи; а изъ этого очевидно, что эта рыбка зашла изъ Іордана и жизнію заплатила за свою дерзость. Этимъ подтверждается и свидѣтельство блаженнаго Іеронима, который говоритъ, что «когда воды Іордана поднимутся отъ дождей, рыба уносится

ими въ Мертвое море, гдѣ она тотчасъ умираетъ и плаваетъ на поверхности сонныхъ водъ.»

Здѣсь скажу нѣсколько словъ объ упомянутомъ выше путешествіи монаховъ въ долину Іорданскую. Они пробыли у мѣста крещенія нашего Спасителя четыре дня, потомъ навѣстили развалины близь-лежащихъ тамъ монастырей, Іерихонъ и гору Искушенія. За Іерихономъ, въ 5-ти часахъ пути на сѣверъ, они пробыли нѣсколько дней въ опустѣломъ монастырѣ Св. Евтихія, сохранившемся, по словамъ ихъ, почти въ первобытной своей цѣлости: достаточно было бы сдѣлать въ немъ, немногія незначительныя поправки, чтобы опять поселиться. Хотя при нихъ не было никакого оружія, кромѣ страннических посоховъ, но всѣ они воротились назадъ цѣлы и невредимы, и даже Іерихонскіе арабы дали имъ хлѣба безъ всякой платы, когда его у нихъ не достало. Конечно, явная ихъ нищета была имъ щитомъ отъ бедуинскихъ нападеній.

Разсуждая о наказаніи преступныхъ городовъ, нѣкоторые изъ писателей принимаютъ за несомнѣнную истину, что въ нѣдрахъ Мертваго моря хранятся еще остатки этихъ городовъ. Иные даже узнавали въ немъ остатки стѣнъ, колонъ, чего-то въ родѣ шоссе, и въ особенности развалинъ Сегора, города, сперва было (въ слѣдствіе просьбъ Лота) пощаженнаго, но потомъ, подобно прочимъ, поглощеннаго огнемъ, когда Лотъ вышелъ оттуда. Не составляетъ ли часть развалинъ отъ одного изъ этихъ городовъ тотъ небольшой каменистый остро-

вокъ, о которомъ я выше упомянулъ? Какъ бы то ни было, а тщательное изслѣдованіе дна этого моря во всѣхъ мѣстахъ, безъ сомнѣнія, привело бы къ самымъ любопытнымъ результатамъ.

Каждый годъ, множество путешественниковъ пріѣзжаетъ на берега Мертваго моря; но только одинъ изъ нихъ, англичанинъ Гайдъ, предъ этимъ лѣтъ за 30, объѣхалъ вокругъ это море. Онъ имѣлъ съ собою сильный конвой арабовъ, достаточно провизіи, верблюдовъ, лошадей. Три недѣли онъ употребилъ на этотъ объѣздъ, сопровождавшійся чрезвычайною усталостію и большими опасностями, и результатъ его не былъ удовлетворителенъ. Этотъ путешественникъ, какъ говоритъ Джонъ Карнъ, не сдѣлалъ ни одного замѣчательнаго открытія: море почти ото-всюду окружено высокими утесистыми горами и съ вершины ихъ могъ онъ видѣть только небольшіе заливы моря и бухточки, и притомъ часто въ торопяхъ.

Единственный же способъ сдѣлать здѣсь надлежащія изслѣдованія есть — отправиться въ море на лодкѣ, и нѣкоторые изъ путешественниковъ указывали на возможность перевезти ее сюда на верблюдахъ и на ней дѣлать такія изслѣдованія. Бывшій при графѣ, моемъ спутникѣ, въ качествѣ чичероне, іерусалимскій житель, сказывалъ мнѣ, что были спущены въ Мертвое море, въ двѣ разныя эпохи, двѣ лодки, на которыхъ путешественники предполагали дѣлать свои изслѣдованія. Одна изъ нихъ вышла изъ Тевеpіадскаго озера и прошла

весь Іорданъ. Въ ней былъ одинъ англичанинъ съ слугою; еще дорогою онъ захворалъ и, по прибытіи въ воды Мертваго моря, умеръ. Тѣло его было перевезено въ Іерусалимъ и похоронено на Сіонѣ, въ оградѣ католическаго кладбища. Оставленная здѣсь лодка была взята бедуинами. Судьба другой лодки, прямо сюда привезенной, нашему чичероне не была извѣстна; но, сколько онъ знаетъ, заказавшій ее долженъ былъ ѣхать въ Европу, и дѣлалъ ли поѣздки на ней по морю, ему неизвѣстно.

Въ бытность мою въ Тeверіадѣ, я не забылъ спросить хозяина дома, гдѣ я ночевалъ и гдѣ обыкновенно всѣ путешественники останавливаются и записываютъ имена свои въ заведенную хозяиномъ книгу,—не знаетъ ли онъ чего-либо о лодкѣ, спущенной изъ Тeверіадскаго озера, по Іордану, въ Мертвое море. Хозяинъ мой, еврей, весьма услужливый человѣкъ, родомъ изъ Бродъ и бывшій въ свое время очень богатымъ, сказывалъ мнѣ, что именно эту самую лодку ему заказано было достать однимъ молодымъ англичаниномъ, по имени Коста, что онъ ее купилъ въ Кайфѣ и на верблюдахъ доставилъ въ Тeверіаду, что этотъ путешественникъ спустился въ ней изъ Тeверіадскаго озера по Іордану, подъ прикрытіемъ впрочемъ бедуиновъ, ѣхавшихъ по берегу, и въ сопровожденіи верблюдовъ, для перевезенія на нихъ лодки въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она, по мѣлководію рѣки, не могла пройти, и что наконецъ дорогою онъ заболѣлъ и по достиженіи моря умеръ.

Потомъ у англійскаго путешественника Стефенса, бывшаго здѣсь въ 1836 году, я нашелъ любопытныя подробности объ этомъ несчастномъ молодомъ человѣкѣ. Джонъ Карнъ также о немъ упоминаетъ, хотя въ подробностяхъ разнствуетъ со Стефенсомъ. Бывши въ Іерихонѣ, Стефенсъ неожиданно замѣтилъ на дворѣ, гдѣ пріостановился на ночлегъ, небольшую лодку, которая открыла ему грустную повѣсть своего владѣльца. «Около осьми мѣсяцевъ предъ тѣмъ, говоритъ онъ, одинъ ирландскій путешественникъ, по имени Костиганъ, бывшій уже нѣсколько лѣтъ на Востокѣ, предпринялъ весьма любопытное плаваніе по Мертвому морю, но къ-несчастію, какъ собственному, такъ и наукѣ, онъ умеръ въ минуту успѣшнаго окончанія. Онъ купилъ эту лодку въ Байрутѣ и съ однимъ малтійскимъ матрозомъ, бывшимъ у него въ услуженіи, превозмогши всѣ затрудненія и препятствія со стороны арабовъ, привезъ ее на дромадерахъ въ Тиверіаду и спустилъ въ море Галилейское; сдѣлавши свои изысканія въ водахъ этого моря, онъ вошелъ въ Іорданъ, спустился внизъ по нему и, съ опасностію жизни, прошелъ между камнями и быстринами этой, хотя древней, но еще неизвѣданной рѣки; постоянно встрѣчая препятствія отъ арабовъ, даже до того, что Дамасскій губернаторъ отказалъ ему во всякомъ пособіи (*),

---

(*) Здѣсь, пишущій строки эти долгомъ считаетъ замѣтить, что въ этомъ нельзя не усомниться; потому что во вре-

онъ съ чрезвычайными затрудненіями едва успѣлъ дотащить лодку свою, по землѣ, до Мертваго моря. Въ половинѣ Іюля, съ своимъ малтійцемъ онъ отправился на лодкѣ въ море, чтобы его объѣхать, и восемь дней послѣ того, старая арабка нашла его лежащимъ на берегу и почти при послѣднемъ издыханіи. Она перетащила его въ свою лачугу, гдѣ онъ лежалъ, пока реверендисимъ Николезенъ, англійскій миссіонеръ въ Іерусалимѣ, пріѣхалъ за нимъ; на другой день, по прибытіи въ Іерусалимъ, онъ умеръ. Съ послѣднимъ вздохомъ онъ унесъ съ собою, добавляетъ авторъ, тоже свидѣтельство о нѣжности женщины подъ жгущимъ солнцемъ Сиріи, какъ и нашъ другой соотечественникъ Ледіардъ въ лѣсахъ Сибири; потому что, когда страдалецъ лежалъ на берегу моря, арабы собрались вокругъ, только чтобы глазѣть на него, и на-вѣрное оставили бы его умереть здѣсь, если бы старая женщина не убѣдила двухъ своихъ сыновей перенести его въ хижину.» Еще въ другомъ мѣстѣ своего путешесвія Стефенсъ обращается къ тому же предмету. «Когда несчастный Костиганъ найденъ былъ арабами на берегу моря, говиритъ онъ, духъ предпріимчиваго ирландца былъ уже на-излетѣ. Онъ

мя египетскаго владычества особа европейца была неприкосновенна во всей Сиріи. При томъ же бывшій въ то время Дамасскимъ губернаторомъ Шерифъ-Паша, нынѣ первый министръ египетскаго Вице-Короля, есть человѣкъ свѣтлаго ума и самый обязательный для всякаго европейца.

жилъ еще два дня, по перевезеніи его въ монастырь, въ Іерусалимѣ, но ничего не говорилъ о своемъ несчастномъ путешествіи. Онъ долго странствовалъ на Востокѣ и долго приготовлялся къ этому путешествію. Онъ читалъ каждую книгу, говорившую о таинственныхъ водахъ, вполнѣ запасся всѣми свѣденіями, нужными для изслѣдованія съ пользою этого предмета. Послѣ его смерти, Іерусалимскіе миссіонеры не нашли у него никакаго дневника или журнала, но видѣли только короткія замѣтки на поляхъ его книгъ, столь неразборчивыя и сбивчивыя, что изъ нихъ нельзя было ничего извлечь; даже слуга Костигана, по равнодушію-ли монаховъ или по недовѣрію къ нему, былъ отпущенъ, не будучи ни о чемъ спрошенъ.» Въ-послѣдствіи авторъ встрѣтилъ этого малтійца въ Байрутѣ. Хотя отъ него, по его необразованности, и нельзя было поживиться многими свѣдѣніями, однако Стефенсъ, со словъ этого очевидца, написалъ слѣдующія, хотя немногія, но довольно любопытныя строки о путешествіи Костигана по Мертвому морю и о сдѣланныхъ имъ изысканіяхъ, если только всему сказанному этимъ малтійцемъ можно вѣрить. По словамъ его, восемь дней они употребили на совершеніе объѣзда всего моря и каждую ночь спали на берегу, исключая одной только, когда, боясь нѣкоторыхъ подозрительныхъ арабовъ, наблюдавшихъ ихъ съ вершины горъ, они спали въ лодкѣ, на ружейный выстрѣлъ отъ берега. По морю они плавали зигзагами и перекрещивали его въ разныхъ направленіяхъ

нѣсколько разъ. Пробуя глубину шнуромъ въ 175 маховыхъ сажень (6 футовъ каждая), они находили дно каменистымъ и глубины весьма неравной, въ 30, 40, 80 и 20 сажень, въ маломъ одно отъ другаго разстояніи; лотъ иногда приносилъ песокъ, такой точно, какой находится на горахъ съ обѣихъ сторонъ; только однажды они не могли достать дна, и въ этомъ мѣстѣ, шаговъ на тридцать вокругъ, вода всклипала, подымаясь вѣроятно отъ ключа внизу; въ четырехъ различныхъ мѣстахъ они нашли развалины и могли ясно различать большіе тесанные камни, показывавшіе, что они были употреблены на постройки, а въ пятомъ, видѣли еще бо́льшія развалины, которыя, по словамъ Костигана, были развалинами Гоморры. Лодка плавала на ладонь выше, чѣмъ въ водахъ Средиземнаго моря. Такъ какъ былъ тогда Іюль мѣсяцъ, то днемъ, отъ 8 часовъ утра до 5 часовъ вечера, было ужасно жарко, а каждую ночь дулъ сѣверный вѣтеръ и волны были выше и опаснѣе, чѣмъ въ Ліонскомъ заливѣ.» Послѣ этого слѣдуетъ описаніе ихъ страданій, изъ котораго видно, что болѣзнь Костигана, кончившаяся смертію, произошла отъ ужаснаго зноя и крайняго недостатка въ водѣ; по причинѣ же противнаго сѣвернаго вѣтра, они не могли тотчасъ воротиться назадъ. На 9-й день, воды у нихъ не стало и, если вѣрить разсказу мальтійца, несчастный путешественникъ въ 7-й день не могъ долѣе вытерпѣть жажды и пилъ воду Мертваго моря, а на 8-й, кофе, сваренный на той же самой водѣ.

Въ этотъ день подулъ имъ южный вѣтерокъ, благодаря которому они въ нѣсколько часовъ приплыли на сѣверную оконечность моря и вышли на берегъ, хотя живые, но изнуренные до послѣдней возможности. Оставивъ Костигана на берегу, онъ отправился отыскивать возможность перевести въ Іерусалимъ своего господина.

Относительно второй лодки я читалъ потомъ у Ед. Робинзона, что путешественники Моръ и Бекъ перевезли ее изъ Яффы и пытались на ней сдѣлать свои наблюденія въ морѣ; но должны были оставить ихъ неоконченными. По заключеніямъ ихъ, глубина моря имѣетъ болѣе 300 маховыхъ саженей или 1,800 футовъ. Но Ед. Робинзонъ сомнѣвается въ точности этого измѣренія, по несовершенству инструментовъ, употребленныхъ этими путешественниками, и думаетъ, что глубина моря должна быть значительнѣе.

Не удавшіеся попытки къ изслѣдованію этимъ образомъ Мертваго моря не остались однако безъ благопріятнаго результата: онѣ вызвали предпріимчивость новыхъ изслѣдователей; въ 1847 и 1848 г. было сдѣлано на этомъ морѣ два новыхъ такихъ путешествія, изъ которыхъ одно увѣнчалось почти полнымъ успѣхомъ (*).

(*) Изложенныя ниже свѣденія заимствованы: изъ Bulletin de la société de Geographie 1849 troisième serie, T. IX. № 61 et 62, изъ Journal of the royal society of London, vol XVIII., и Географическихъ извѣстій Русскаго Географическаго Общества, 1849 выпускъ 3-й.

Въ 1847 году Офицеръ Сѣверо-Американскихъ штатовъ, лейтенантъ Линчъ, представилъ секретарю тамошняго морскаго штаба, Г. Масону, проэктъ полнаго изслѣдованія Асфальтическаго озера. По этому проэкту, предполагалось: на американскомъ суднѣ прибыть въ С. Жанъ-д'Акръ, отстоящій только на 40 миль отъ Тевеіадскаго озера, и оттуда по Іордану спуститься въ Мертвое море; въ Акрѣ запастись всѣмъ нужнымъ для этого пути и все это, равно барку, отправить въ Теверіаду на верблюдахъ; потомъ, въ морѣ сдѣлать всѣ изслѣдованія и возвратиться въ Акру чрезъ пятнадцать дней. Г. Масонъ одобрилъ этотъ проэктъ и для выполненія его воспользовался представившимся случаемъ отправки въ Магонскій портъ (на ост. Минорке) разныхъ потребностей для американскихъ судовъ въ Средиземномъ морѣ.

Но между тѣмъ, какъ дѣлались приготовленія для этой экспедиціи въ Нью-Іоркѣ, офицеръ англійско-королевскаго флота, лейтенантъ Молинё, успѣлъ предупредить американцевъ въ этомъ предпріятіи и тѣмъ же самымъ путемъ. 23 Августа 1847 года онъ сѣлъ на барку въ Теверіадскомъ озерѣ и спустился по Іордану, не безъ препятствій со стороны арабовъ. Впрочемъ онъ проплылъ не по всему теченію рѣки и барка его путешествіе свое довершила уже на спинѣ у верблюдовъ; но чрезъ одинадцать дней, 3 Сентября, онъ плавалъ уже по Мертвому морю. Наибольшая глубина, имъ найденная, простилась до 1500 франц. футовъ

(225 сажен.). Къ сожалѣнію, чрезъ два дня онъ долженъ былъ высадиться на берегъ и уѣхать въ Яффу; тамъ онъ сѣлъ на свое судно и вскорѣ умеръ.

Эспедиція Лична была болѣе успѣшна. Этому лейтенанту было поручено доставить въ Средиземное море требовавшіяся припасы. Въ Ноябрѣ 1847 года онъ отправился изъ Нью-Іорка и взялъ съ собою двѣ барки, изъ которыхъ одна была обита желѣзомъ, а другая мѣдью. Прибывъ въ Смирну, онъ отправился сперва, въ сопровожденіи лейтенанта Дэля, въ Константинополь, чтобы взять тамъ фирманы отъ Турецкаго правительства, а потомъ поплылъ въ С. Жанъ-д'Акръ и Кайфу. Здѣсь присоединились къ нимъ два Американскіе же путешественника. Барки были перевезены изъ С. Жанъ-д'Акра сухимъ путемъ на берегъ Тевеіадскаго озера, съ большими затрудненіями, а 8 Апрѣля, послѣ множества разныхъ хлопотъ, были спущены здѣсь на воду; къ нимъ присоединена была еще одна лодка, купленная у туземцевъ.

Плаваніе по Іордану было затруднительно и опасно, по причинѣ частыхъ пороговъ и стремнинъ. Въ два дня едва дѣлали по 12 миль (21 версту). 18 Мая они прибыли въ Масараа, мѣсто, гдѣ, по преданіямъ, совершенно было крещеніе Спасителя, въ 9 миляхъ ($15^3/_4$ вер.) отъ Іерихона, и гдѣ паломники переходятъ рѣку; переходъ этотъ очень опасенъ. Въ продолженіе этого дня паломниковъ было здѣсь нѣсколько тысячь.

Между Тиверіадскимъ озеромъ и Мертвымъ моремъ, Іорданъ, на протяженіи 60 миль (104 вер.) по прямой линіи, дѣлаетъ изгибами около 200 м. (350 верстъ). Экспедиція прошла черезъ двадцать семь большихъ и много другихъ менѣе значительныхъ пороговъ. Паденіе рѣки между истокомъ ея и устьемъ полагаютъ вообще свыше 1000 футовъ (вѣроятно англійскихъ, слѣдовательно почти 143 саж.); но паденія на одну милю можно положить не болѣе 6 футовъ. Нѣсколько недѣль раньше или позже, плаваніе было бы невозможно. Не смотря на быстроту теченія, воды Іордана прозрачны: онѣ сладки и освѣжительны; берега окаймены самою богатою зеленью,

Изъ Масараа, лейтенантъ Линчь съ обѣими барками поплылъ далѣе внизъ, а товарищъ его Дэль, вмѣстѣ съ бедуинами, сопровождалъ багажъ экспедиціи сухопутьемъ. Приближаясь къ морю, оба они почувствовали вонючій запахъ, происходившій отъ сѣрыхъ потоковъ. Въ самое море барки вошли при свѣжемъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ. Вода въ немъ не имѣла ни какого запаха, но была солона, горька и противна на вкусъ. Поверхность взволнованнаго моря была покрыта какъ бы слоемъ пенящагося разсола. «Лица наши и платья, говоритъ Линчь, покрылись солеными кристаллами, коловшими кожу и производившими въ глазахъ тягостное ощущеніе. Барки, тяжело нагруженныя, сначала шли въ водѣ легко; но когда вѣтръ скрѣпчавъ, то казалось, будто ихъ било не волнами, а наковальными

молотами: вода такъ была густа.» Черезъ нѣсколько времени надобно было пристать къ сѣверо-восточному берегу. Въ слѣдующіе три дня занимались промѣриваніемъ глубины. Потомъ обратились къ работамъ топографическимъ и открыли сильное теченіе, происходившее отъ горячихъ ключей; также нашли устье древняго Амона. Наконецъ достигли южной оконечности моря, гдѣ ихъ ожидало зрѣлище, всѣхъ ихъ удивившее. «Проходя гору Уздомъ (Содомъ), говоритъ Линчь, мы увидѣли огромную колонну, похожую на крутую башню и обращенную на юговостокъ: колонна эта была соленая скала, покрытая углекислою известью и вся изъ кристалловъ. Отъ нея мы взяли, для образца, нѣсколько кусковъ.»

Тутъ море было такъ мелко, что нельзя было плыть далѣе. Въ полумилѣ отъ южнаго берега, воды было только шесть дюймовъ, а далѣе тянулось обширное болото. Сирокко дулъ сильно; термометръ поднялся до $106^0/_0$.

Дно Мертваго моря, въ сѣверной его половинѣ, представляетъ гладкую плоскость; а южныя его части, на близкомъ разстояніи отъ береговъ, глубиною почти вездѣ одинаковы; самая же большая здѣсь глубина оказалась въ 188 маховыхъ саженей или 1,128 футовъ (т. е, $161^6/_7$ саженей семи-футовыхъ). Близь берега, дно состоитъ вообще изъ соленыхъ кристалловъ; по срединѣ, изъ мягкаго ила съ призматическими или кубическими кристаллами чистой соли. Южная половина моря столь же мел-

ка, сколько сѣверная глубока: тутъ, на четверти пространства его въ длину, нѣтъ глубины болѣе 18 футовъ. Берега полуострова и весь западный берегъ моря представляли явные слѣды дизлокаціи (разложенія).

По берегамъ Мертваго моря неоспоримо водятся и птицы, и насѣкомыя; утокъ видѣли даже на самыхъ водахъ моря; но внутри водъ нѣтъ ни одного живаго существа; между тѣмъ въ соленыхъ потокахъ, впадающихъ въ море, живутъ нѣкоторыя маленькія рыбки.

Дно Мертваго моря состоитъ изъ двухъ потопленныхъ равнинъ: одной возвышенной, другой глубокой; первая покрыта клейкимъ иломъ, другая иломъ съ кристаллами изъ соли. Узкій оврагъ въ немъ дѣлаетъ продолженіе русла Іордана на большую глубину. Это пространство изъ ила и болота не можетъ не напомнить текста Священной Исторіи.

«Это море, пишетъ Линчь, есть истинно удивительное море, въ полномъ значеніи этого слова: такъ перемѣны въ немъ внезапны; это какъ бы заколдованный міръ, и мы какъ бы находились, попеременно, то на краяхъ, то на поверхности обширнаго котла, по временамъ вскипающаго.»

Найденная Линчемъ самая большая глубина въ морѣ была 1,308 футовъ (т. е. почти 187 кв. саж.). Вершина крутой горы, образующей западной берегъ моря, простирается свыше 1,000 футовъ надъ его уровнемъ.

Чрезъ два мѣсяца съ небольшимъ, по отправле-

ніи изъ Сенъ-Жанъ-д'Акра, экспедиція возвратилась туда обратно благополучно. Барка была въ такомъ же хорошемъ состояніи, какъ при отъѣздѣ изъ Нью-Іорка. Арабы говорили: «Богъ былъ съ ними.» Скоро выйдетъ, вѣроятно, подробное описаніе этой, по видимому, вполнѣ успѣшной экспедиціи.

»Христіанскій міръ, говоритъ Мори, директоръ Вашингтонской обсерваторіи, будетъ благодаренъ смѣлому лейтенанту Линчу, возбудившему и совершившему славное предпріятіе, а американскому правительству принадлежитъ честь разрѣшенія, этою экспедиціею, важной проблеммы.»

По моему собственному опыту, нашелъ я, что вода въ этомъ морѣ чрезвычайно солона и что послѣ нея остается во рту отвратитеньная горечь, какъ отъ Глауберовой соли. Я пробовалъ ее языкомъ, но пить не рѣшился. Было говорено нѣкоторыми, что обыкновенная поваренная соль въ ней не разходится. Я повторилъ этотъ опытъ въ Одессѣ, и нашелъ, что это несправедливо; у меня одна чайная ложка соли разошлась въ двухъ столовыхъ ложкахъ этой воды и очень скоро; я прибавилъ еще полложки, и большая часть ея также разошлась, но болѣе уже не расходилась. Много разъ была она химически разлагаема, и результатъ анализа былъ всегда нѣсколько различенъ въ количествѣ различныхъ веществъ, въ ней заключавшихся, и это весьма натурально: смотря по времени года и мѣстности берега, вода заключаетъ въ себѣ болѣе или менѣе соляныхъ и горкихъ частицъ. Будучи

взята на сѣверномъ берегу, гдѣ втекаютъ въ море прѣсныя воды Iордана, она представляется менѣе просыщенною посторонними частицами, чѣмъ у Айнъ-Iуди, а еще менѣе, чѣмъ у скалъ Хазмъ-Уздомъ. Такое же точно отношенiе бываетъ между дождливымъ временемъ зимы и лѣтними жаркими мѣсяцами. Взятая мною на сѣверной оконечности моря, верстахъ въ пяти отъ устья Iордана, бутылка воды привезена была въ Одессу и отдана профессору Химiи Ришельевстаго лицея, Г. Гасгагену, который сдѣлалъ ей новое разложенiе. Разложенiе его въ количествѣ составныхъ частей воды нѣсколько различествуетъ отъ прочихъ извѣстныхъ разложенiй, сдѣланныхъ въ Лондонѣ, Парижѣ и Вѣнѣ, и кромѣ того онъ нашелъ въ этой водѣ частицы iода, вещества, открытаго въ недавнее время и котораго по прочимъ разложенiямъ не видно.

Добываемая по берегамъ моря соль составляетъ предметъ торговли. Чрезвычайному избытку соли должно приписать необыкновенную плотность и тяжесть воды. Iосифъ Флавiй въ 4-й книгѣ *исторiи войнъ Iудеевъ* говоритъ, что она выбрасываетъ на поверхность все, что въ нее бросятъ, что императоръ Веспасiанъ, желая въ этомъ удостовѣриться, приказалъ бросить въ это море нѣсколько плѣнниковъ, связанныхъ по-рукамъ и ногамъ, и что ни одинъ изъ нихъ не утонулъ. Вообще, всѣ французскiе и англiйскiе путешественники говорятъ, что человѣкъ, желая погрузиться въ море и, оставаясь безъ всякаго движенiя, плаваетъ на поверхности, какъ ку-

сокъ дерева. Но Норовъ утверждаетъ противное, говоря, что онъ самъ видѣлъ, какъ драгоманъ его, переставъ плыть, пошелъ ко дну. Хотя изъ спутниковъ нашихъ двое, студентъ и молодой нѣмецъ, купались въ этой водѣ, но на мѣлкомъ мѣстѣ; когда же они окунулись, то, отъ свойства воды, глаза ихъ налились кровью, и они, не смотря на наши приглашенія, не хотѣли ни итти въ глубину, ни долѣе купаться. Я входилъ въ море по колѣни и, при поднятіи ноги, чувствовалъ, что ее какъ будто выталкивало или выжимало вонъ изъ воды. Вообще же, объ этой водѣ, относительно разбираемаго нами качества, повторю слова Норова, съ которыми я съ своей стороны совершенно согласенъ: «что вода эта необычайно облегчаетъ плаваніе, по своей соленой тяжести.» Къ этому добавлю, по словамъ здѣсь бывшихъ и мнѣ разсказавшихъ, что неумѣющій плавать, при одномъ только простомъ движеніи членами тѣла, при одномъ такъ сказать барахтаньи въ водѣ, въ ней будетъ долго держаться на поверхности и, по близости береговъ, на-вѣрное выплыветъ и въ морѣ не утонетъ. Профессоръ Робинзонъ, этотъ внимательнѣйшій путешественникъ, пишетъ, что хотя онъ никогда не плавалъ ни въ прѣсной, ни въ соленой водѣ, но, купаясь въ Мертвомъ морѣ (у Айнъ-Іуди), могъ сидѣть, стоять, лежать и плавать безъ малѣйшаго затрудненія. Дно моря, продолжаетъ онъ, весьма пологое, такъ-что нужно было ему и его товарищу сдѣлать отъ 8 до 11, на нашу

мѣру, саженей, чтобы погрузиться въ воду по плечи. Ложбина дна камениста, безъ грязи и тины. Вышедъ изъ воды, онъ не замѣтилъ этой соленой кристаллизаціи на тѣлѣ, о которой нѣкоторые говорятъ, и только въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ послѣ купанья чуствовалъ кожу, какъ бы масляннною. Нѣкоторые изъ путешественниковъ купали здѣсь лошадей и говорятъ, что при плаваніи большая половина ихъ тѣла остается на поверхности воды.

Хотя поверхность Мертваго моря и отражаетъ голубой цвѣтъ неба, но нельзя сказать вмѣстѣ съ Пужула́, чтобы воды его были также свѣтлы и лазурны, какъ воды Архипелага и Геллеспонта. Напротивъ, воды этого моря на видъ слегка зеленоваты и не совсѣмъ прозрачны, такъ что предметы чрезъ нихъ показываются, какъ чрезъ прованское масло, и дна на нѣкоторой глубинѣ вовсе не видно. При этомъ должно замѣтить, что такимъ я его видѣлъ въ такое время года, когда воды его были въ совершенномъ покоѣ.

Разсказъ мой былъ бы не полонъ, еслибъ я ничего не сказалъ объ извѣстномъ всѣмъ, по наслышкѣ, Содомскомъ яблокѣ, которое я искалъ видѣть, и нигдѣ не видалъ, спрашивалъ объ немъ нашихъ бедуиновъ, и они отозвались, что его знаютъ, но что оно растетъ не здѣсь, а на западномъ берегу Мертваго моря. Ед. Робинзонъ говоритъ, что первое растѣніе, встрѣчающееся при подъѣздѣ къ источнику Айнъ-Іуди, у западнаго берега этого

моря, есть чрезвычайно странное дерево съ длинными овальными листьями, съ сѣроватою корою, подобною пробкѣ, и желтыми плодами, которые растутъ кистями и очень похожи на померанцы. Если же ихъ подавить, они лопаются, какъ пузыри, не оставляя послѣ себя ничего, кромѣ тонкой кожицы и нѣсколькихъ волоконъ. Эти плоды, прибавляетъ онъ, извѣстны подъ названіемъ Содомскихъ яблоковъ, а дерево у ботаниковъ носитъ названіе Asclepias gigantea или procera, которое находится также въ Верхнемъ-Египтѣ и Нубіи, а равно и въ счастливой Аравіи.

IV.

Іорданъ. Путь къ нему. Грабежи бедуиновъ.

Пробывъ на берегу Мертваго моря около одного часа и набравъ каждый изъ насъ по бутылкѣ воды, мы сказали бедуинамъ, что хотимъ ѣхать къ устью Іордана. Мы поѣхали вдоль берега; съ нами было только нѣсколько бедуиновъ, прочіе взяли въ лѣво къ ближайшему изгибу этой рѣки, сказавъ, что будутъ насъ тамъ поджидать. Обогнувъ выпуклость сѣвернаго берега, мы доѣхали, съ небольшимъ чрезъ полчаса, до Іордана.

Не безъ душевнаго волненія я увидѣлъ эту святую рѣку; но, признаюсь, волненіе это было не такъ сильно, какъ при видѣ потомъ на ней того самаго мѣста, гдѣ, по преданіямъ, совершились тайна нашего искупленія. Къ сожалѣнію, воды рѣки не свѣтлы,

не прозрачны: онѣ взмутились, какъ бы отъ негодованія на грѣхи міра сего. Полотно воды здѣсь шириною до 14 саженей. Но не вездѣ оно одинаково: въ одномъ мѣстѣ шире и мельче, въ другомъ у́же и глубже. Георгъ Робинзонъ пишетъ, что Іорданъ впадаетъ въ море съ большою быстротою; напротивъ, я нашелъ теченіе его здѣсь весьма тихимъ, хотя струя воды и замѣтна въ водахъ самаго моря на нѣкоторое пространство. Топкіе берега Іордана окаймены зеленымъ камышемъ, который перестаетъ рости саженей на сто отъ моря. Лошади наши бросились къ водѣ; мы слезли съ нихъ, подвели къ рѣкѣ, и едва въ этомъ не раскаялись, потому что берегъ былъ нѣсколько крутъ, переднія ноги лошадей пошли внизъ, какъ бы на салазкахъ, и лошади наши едва не опрокидывались въ воду, удерживаясь только на заднихъ ногахъ, увязшихъ почти по колѣно въ топкій берегъ. Мы поскакали потомъ къ самому устью, которое окаймено, на нѣсколько саженей, въ водахъ самаго моря, двумя небольшими песчаными косами. На оконечности ихъ, у самой косы, сидѣло нѣсколько аистовъ, одна чайка и пара утокъ. Послѣднія, завидѣвъ насъ, тотчасъ улетѣли; аисты съ нашей стороны также поднялись при нашемъ приближеніи, а сидѣвшіе на другой сторонѣ, равно чайка, не обращали на насъ никакого вниманія, стоя въ водѣ по колѣно. Справедливость того, что рыба, заходящая изъ Іордана, въ Мертвомъ морѣ тотчасъ умираетъ, подтверждается также присутствіемъ въ устьи рѣки этихъ

птицъ, питающихся рыбой, которая, умирая, тотчасъ всплываетъ на верхъ: иначе, зачѣмъ бы этимъ птицамъ быть именно въ этомъ мѣстѣ, тогда какъ нѣтъ ихъ на прочихъ видѣнныхъ мною мѣстахъ берега Мертваго моря, равно какъ и на самомъ Іорданѣ, гдѣ, по мутности воды, рыбу птицѣ поймать не легко. Я хотѣлъ было проѣхать на самую косу; но, по топкости мѣста, не могъ этого сдѣлать: ноги лошади моей начали грузнуть въ топкій берегъ, и я повернулъ назадъ.

Берега Іордана, какъ я выше сказалъ, саженей на сто передъ устьемъ теряютъ всякую растительность и совершенно обнажены. За-тѣмъ, вверхъ по рѣкѣ, камышь дѣлаетъ вдоль ея узкую, частую опушку, а потомъ, чрезъ полчаса ѣзды отъ устья, въ камышѣ начинаетъ показываться лозникъ и наконецъ деревья, которыя густѣютъ болѣе и болѣе, и потомъ такъ осѣняютъ рѣку, что совсѣмъ закрываютъ воду отъ глазъ ѣдущаго на берегу и она показывается только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ при поворотахъ. Посреди запустѣнія вокругъ, видъ этого узкаго, длиннаго, счастливаго оазиса радуетъ душу. Трудно представить себѣ растительность богаче, изобильнѣе этой; вездѣ яркая, самая густая зелень деревъ, свойственныхъ этому климату и перевитыхъ гирляндами ліановъ и другихъ цвѣтовъ. Тѣнь въ чащѣ непроницаема для лучей солнца. Вѣтви деревъ нагнулись надъ рѣкою и полощутся въ ея животворныхъ водахъ. Во время Іосифа Флавія, рѣка осѣнена была пальмами — деревомъ, прида-

ющимъ особенную прелесть мѣсту, гдѣ растетъ оно. Теченіе воды было вездѣ тихое, плавное, какъ бы рѣка отдыхала въ концѣ своего странствія. Берега ея довольно круты и показывали слѣды разливовъ при полноводьи. Вдоль берега ѣхали мы до крутаго колѣна рѣки на востокъ; здѣсь передовые повели насъ напрямикъ къ тому мѣсту, гдѣ она другимъ поворотомъ выдается на западъ.

Сколько зелень у береговъ Іордана радостна, столько же грустна долина, которая лежала подъ нашими ногами и шла на лѣво до самыхъ горъ Іудеи. Зелень здѣсь, какъ бы ножемъ, обрѣзана у самыхъ береговъ. Съ крутизны берега начинается голая, песчаная, обозженная, самая безутѣшная степь, мѣстами съ песчаными буграми и холмами разной формы и величины. Ни деревца, ни кустика, ни одной былинки нѣтъ на всемъ пространствѣ, какое только глазъ охватить можетъ. И это та самая долина Іорданская, которую Лотъ избралъ себѣ, по раздѣлѣ съ Авраамомъ, и которая, по словамъ Св. Писанія, цвѣла, *какъ садъ Предвѣчнаго, какъ страна Египетская!* (Кн. Бытія гл. XII, п. 10).

Съ грустнымъ чувствомъ въ душѣ всѣ мы, молча, ѣхали по этому полю запустѣнія и никто, даже изъ бедуиновъ, не прерывалъ общаго грустнаго молчанія. Св. Писаніе говоритъ, что здѣсь водились львы; но ихъ теперь нѣтъ, развѣ иногда они заходятъ сюда во время лѣтнихъ жаровъ, для утоленія жажды, изъ пустынь Аравіи. Вокругъ насъ все было тихо. Только два раза кавалькада наша

оживлена была выскочившими изъ кустовъ при-Іорданскихъ зайцемъ и газелью; но прежде, чѣмъ наши наѣздники оживились и схватили свои ружья, они были уже внѣ выстрѣла. Въ-особенности газель промелькнула съ быстротою молніи и чрезъ нѣсколько минутъ, какъ подвижная точка, показалась на крутыхъ бокахъ дальнихъ песчаныхъ бугровъ.

«Когда путешествуете по Іудеи, говоритъ Шатобріанъ, ужасная скука тотчасъ обхватитъ сердце ваше; но по мѣрѣ того, какъ вы переходите изъ пустыннаго мѣста въ другое, какъ пространство безъ границъ разстилается предъ вами, скука мало по малу разсѣевается, вы начинаете чувствовать тайный ужасъ, который, будучи далекъ, чтобы ослабить душу, даетъ ей еще бодрость и возбуждаетъ духъ человѣка. Чрезвычайные виды обнаруживаютъ со всѣхъ сторонъ землю, воздѣланную чудесами: жгущее солнце, стремительный орелъ, безплодная смоковница — здѣсь всѣ картины Св. Писанія. Каждое имя заключаетъ въ себѣ таинство, каждая пещера открываетъ будущность, каждая вершина гремитъ гласомъ Пророка. Самъ Господь говорилъ на брегахъ этихъ: потоки изсохшіе, скалы треснувшія, гробы полуоткрытые свидѣтельствуютъ о чудесахъ; пустыня кажется еще нѣмою отъ страха, и какъ бы еще не посмѣла прервать безмолвіе съ тѣхъ поръ, какъ услыхала голосъ Предвѣчнаго.»

Верстахъ въ девяти вверхъ отъ устья Іордана, находится первый бродъ чрезъ рѣку, извѣстный

у арабовъ подъ именемъ эль-Гелю. Всѣхъ же бродовъ на ней отъ озера Тевеіатскаго до моря, находятъ три или четыре. Въ прежнія времена, было чрезъ Іорданъ даже два моста, одинъ близъ истока рѣки изъ Геннисаретскаго озера и назывался Хамматъ, другой между симъ послѣднимъ и озеромъ Самахонитскимъ и назывался мостомъ Іакова, близъ того самаго мѣста, какъ говорятъ, гдѣ Іаковъ встрѣтилъ своего брата Исава и гдѣ потомъ боролся съ Ангеломъ. Предполагаемыхъ мѣстъ перехода Израильтянъ и вмѣстѣ крещенія Спасителя, два, одно отъ другаго не въ дальнемъ разстояніи. Къ одному приходятъ поклоняться католики, къ другому, низшему по рѣкѣ, греки. Старанія опредѣлить пунктуально мѣсто перехода Израильтянъ, напрасно: извѣстно, что воды Іордана противъ Іерихона, передъ Ковчегомъ завѣта, съ-права остановились стѣною, съ-лѣва стекли всѣ внизъ и обнажили русло рѣки до самаго Мертваго моря, такъ что народъ, будучи въ количествѣ болѣе двухъ милліоновъ душъ, не имѣлъ надобности ограничиваться однимъ мѣстомъ, а перешелъ опустѣвшее русло прямо съ долины Моабской на долину Іерихонскую.

Часа чрезъ два съ половиною пути отъ устья Іордана, мы спустились въ долину, видимо затопляемую при полноводьи. Здѣсь образовалась густая рощица лозника и другаго кустарника; мы взяли чрезъ нее въ право и вдругъ очутились у чистаго берега Іордана, мѣста, гдѣ получило свое начало вели-

кое таинство нашей религіи, таинство Крещенія. Здѣсь, говоритъ преданіе, въ этомъ самомъ мѣстѣ, Спаситель міра крещенъ былъ Святымъ Его Предтечею, здѣсь отверзлись небеса, здѣсь слышались слова: «Сей есть сынъ мой возлюбленный!» какое сердце не дрогнетъ, какая душа не взволнуется при видѣ этой святой рѣки, въ этомъ самомъ мѣстѣ, при мысли, о великомъ событіи, здѣсь совершившемся!

По невольному чувству благоговѣнія, всѣ мы, какъ бы по приказу, сошли съ коней и тихо пѣшкомъ спустились къ самой водѣ. Бывшій съ нами греческій монахъ въ-минуту былъ раздѣтъ и бросился въ струи ея; три раза погрузился онъ съ головою и началъ, въ порывѣ религіознаго восторга, пѣть священные гимны, въ которыхъ повторялось имя святой рѣки.

Мы почерпнули воды и начали утолять ею жажду, насъ томившую. Но вода была чрезвычайно тепла; сколько мы ее ни пили, жажда насъ томила почти по прежнему и только чай, который приказали мы согрѣть, утолилъ ее нѣсколько. На вкусъ вода Іорданская хотя мягка, но отдаетъ иломъ. Послѣ скудной трапезы, мы расположились уснуть; но, не смотря на нашу въ этомъ рѣшимость, ни на тѣнь рощи, ни на близость воды, бывшей отъ насъ шагахъ въ шести, ни на журчаніе струй ея, зной былъ почти невыносимый и сонъ далеко бѣжалъ отъ глазъ нашихъ. Былъ ровно полдень Іюльскаго дня и ни малѣйшаго атома вѣтра. Впрочемъ не

удивительно, что здѣсь и въ это притомъ время года было такъ жарко, если вспомнимъ, что котелъ Мертваго моря и Іорданской долины лежитъ нѣсколькими сотнями футовъ ниже океана и около трехъ тысячъ футовъ ниже Іерусалима. Въ Маѣ мѣсяцѣ у Ед. Робинзона, близь Іерихона въ тѣни и близь воды на открытомъ мѣстѣ, термометръ показывалъ до 91° ф., а въ палаткѣ до 102° ф.; по причинѣ такихъ жаровъ, пребываніе въ долинѣ Іорданской весьма вредно и въ особенности для иностранцевъ. Но не взирая на все это, мы хотѣли остаться здѣсь нѣсколько часовъ, хотя провожатые и побуждали насъ къ отъѣзду, стращая бедуинами изъ-за Іордана. Мы поняли, что они хотѣли по-скорѣе выбраться изъ этой удушливой атмосферы, и ихъ не слушали; между же тѣмъ нашъ италіанецъ началъ снимать видъ Іордана въ этомъ мѣстѣ и его еще не кончилъ. Ища напрасно отдыха въ тѣни деревъ, мы всѣ, кромѣ бывшихъ съ нами мусульманъ, послѣдовали примѣру монаха; но онъ уже два раза выходилъ изъ воды, два раза одѣвался и купался съ нами въ третій разъ. Дно рѣки здѣсь неглубоко, не болѣе шести футовъ на срединѣ, и отъ этого, теченіе воды такъ сильно, что, при всѣхъ усиліяхъ, никто изъ насъ не могъ дойти до средины, гдѣ была самая быстрая струя: каждаго изъ насъ сбивало и мы старались уплывать къ берегу. Дно здѣсь мѣстами каменистое, но большею частію иловатое, и ноги наши вязли въ илѣ на полъ-колѣна и болѣе. На бе-

регу много камней, округленныхъ и позеленѣвшихъ. Изъ нихъ я выбралъ нѣсколько себѣ на память, и на камняхъ въ водѣ собралъ съ-горсть красивыхъ маленькихъ раковинъ. Я не забылъ также взять отсюда воды одну бутылку, другую потомъ уступилъ мнѣ изъ своего запаса нашъ спутникъ, нѣмецкій студентъ. Горизонтъ воды, по случаю лѣтняго времени, былъ самый низкій, и рѣка имѣла ширины въ этомъ мѣстѣ отъ 8 до 10 саженей. Въ прочихъ мѣстахъ рѣка шире и въ особенности въ мѣстахъ, ближайшихъ къ устью. Берегъ, гдѣ мы раздѣвались, имѣлъ видъ брода; но на право, на лѣво и на той сторонѣ, былъ опушенъ непроходимою чащею деревъ и кустарника.

Я не вздумалъ спросить, какъ Іорданъ называется по-арабски. Пужула говоритъ, что арабское его имя есть Нагръ-эль-Шерка, рѣка суда, и что это наименованіе есть вѣрный переводъ первоначальнаго названія Іордана, сдѣланный еще до него блаженнымъ Іеронимомъ; слово *іоръ* по-Еврейски значитъ рѣка, а *данъ* судящій или судъ. Робинзонъ же пишетъ, что арабское имя рѣки есть этъ-Шеріа, водянистое мѣсто, къ которому добавляютъ эпитетъ эль-кебиръ, великій. Обыкновенное книжное названіе всей долины, по которой течетъ Іорданъ внизъ отъ Теверіадскаго озера, есть эль-Горъ, означающее низменное мѣсто или равнину между двумя горами; тоже имя эта долина удерживаетъ чрезъ всю ложбину Мертваго моря и на нѣкоторое разстояніе далѣе. Іосифъ Флавій, говоря объ Іор-

данѣ, добавляетъ, что течетъ онъ посреди пустыни.

Купанье освѣжило насъ болѣе, чѣмъ мы ожидали. Пока мы одѣвались, бедуины наши отъ скуки, жара и на тощій желудокъ, затѣяли пѣсни. Взявшись за руки и сомкнувшись плечами, они выли все одно и тоже колѣно какой-то пѣсни, съ приговоркою, и въ тактъ всѣ вмѣстѣ разомъ кланялись всѣмъ туловищемъ каждому изъ насъ, по мѣрѣ того, кто къ нимъ подходилъ. Лошади ихъ стояли по-отдаль, будучи привязаны у деревьевъ.

Между тѣмъ я съ своимъ кавассомъ вырѣзалъ въ чащѣ деревьевъ нѣсколько палокъ и камыша на память, и пока настало время выѣзда, чувствовалъ себя также уставшимъ отъ жара, какъ и до купанья.

Мѣста крещенія Спасителя нѣкоторые ищутъ нѣсколько выше или ниже по рѣкѣ. Что касается до меня, то въ бытность мою здѣсь я не омрачалъ себя подобнымъ сомнѣніемъ и покланялся, какъ въ самомъ мѣстѣ великаго событів. А еслибъ оно было и не здѣсь, то на-вѣрное съвк момъ близкомъ отсюда разстояніи; а потому и страна вокругъ равно свята. Извѣстно, что Спаситель, крестившись, тотчасъ пошелъ къ горѣ Искушенія, которая была прямо противъ мѣста Его крещенія; условіе это вполнѣ соотвѣтствуетъ мѣстности. Притомъ же Св. Елена, основываясь на преданіяхъ, въ ея время еще свѣжихъ, признала это самое мѣсто мѣстомъ крещенія Спасителя и

вблизи его построила монастырь во имя Іоанна Предтечи, который теперь въ развалинахъ и отстоитъ оттуда на три четверти часа ѣзды. Нѣкоторые находятъ это разстояніе далекимъ и ищутъ монастыря въ другомъ мѣстѣ; но другихъ развалинъ, которыя бы носили тоже имя, здѣсь нигдѣ нѣтъ, хотя монастырей, воздвигнутыхъ во имя другихъ святыхъ и служащихъ свидѣтельствомъ поклоненія этимъ мѣстамъ, въ окрестностяхъ есть нѣсколько. Притомъ иные полагаютъ, и очень правдоподобно, что Іорданъ въ этомъ мѣстѣ измѣнилъ свое теченіе и подался на востокъ. Кромѣ того добавлю еще, что секретарь и библіотекарь Іерусалимской Патріархіи, почтенный и ученый старецъ, отецъ Анѳимій, на вопросъ мой объ этомъ предметѣ, повторилъ мнѣ написанное имъ въ запискѣ его о предѣлахъ Патріаршескаго Іерусалимскаго престола, переведенной и приложенной Муравьевымъ къ 4-му изданію своего путешествія, «что помянутый опустѣвшій монастырь построенъ былъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Св. Предтеча жилъ и крестилъ Спасителя.»

Еще вскорѣ послѣ нашего пріѣзда къ Іордану замѣтили мы, что не достаетъ одного изъ нашихъ спустиковъ, пѣшаго нѣмца — наборщика. Тотчасъ хотѣли мы послать его отыскивать; но его соотечественникъ, студентъ, удержалъ насъ, говоря, что онъ, конечно, усталъ, отдыхаетъ и на-вѣрное подойдетъ. Между тѣмъ прошелъ часъ времени, а его все еще не было; отсутствіе его весьма безпоко-

или насъ, и мы приказали послать за нимъ одного изъ нашихъ провожатыхъ вмѣстѣ съ другою лошадью, предложенною студентомъ. Описанный мною выше красавецъ-шеихъ вскочилъ на свою кобылицу, взялъ въ руки поводъ другой лошади и поскакалъ. Бѣдной молодой человѣкъ усталъ до-нельзя и отдыхалъ подъ кустами на берегу Іордана, откуда его взяли и привезли къ намъ. Къ тому же онъ получилъ въ лице coup de soleil; да какой coup de soleil! — мнѣ еще не случалось и видѣть подобнаго: отъ уха до уха и отъ волосъ на лбу до подбородка включительно. Хоть и жалко было молодца, а я согрѣшилъ и, усмѣхнувшись про себя, подумалъ: ну, братъ, будешь же ты помнить свое путешествіе! Купаньемъ въ рѣкѣ онъ освѣжилъ себя, а стаканъ вина еще болѣе ободрилъ его силы. Достаточно же подкрѣпить его пищей мы не могли, потому что и сами были почти голодны; взятой же нами изъ Іерусалима запасъ жаренаго мяса и куръ, отъ жара, совершенно испортился, и мы должны были его выбросить. Даже бедуины, при всемъ ихъ голодѣ и невзыскательности въ пищѣ, не могли ѣсть его.

Когда мы вышли на крутой берегъ Іордана, чтобы садиться на лошадей, оказалось, что у сѣдла нашего студента одинъ ремень обрѣзанъ. Студенъ напалъ на своего компатріота, за которымъ была послана лошадь, а этотъ на шеиха, который его отыскалъ и ее къ нему привелъ. Нашъ молодой наборщикъ сердился, принялъ трагиче-

скую позу, безпрестанно подымалъ правую руку и размахивалъ короткою на ремнѣ толстою палкою, а лѣвою, отъ времени до времени, хватался за висѣвшій у него при бедрѣ широкій кинжалъ,—и много говорилъ, и много бранилъ, и все по-нѣмецки. Нахмуривъ брови, стоялъ бедуинъ мой у своей лошади; одною рукою онъ облокотился на сѣдло, а другою держалъ копье, воткнутое въ землю. Молча и грозно смотрѣлъ онъ на молодаго человѣка, какъ бы упрямо выжидая, что дальше будетъ; счастье твое, конечно, думалъ онъ, что я не понимаю, что говоришь ты. Смотря изъ-дали на эту сцену, нельзя было не видѣть много комическаго въ нѣмцѣ и много ужаснаго въ бедуинѣ.

Мы пробыли у Іордана ровно четыре часа. Дорога отъ туда къ Іерихону идетъ сначала кустарниками, растущими на мѣстахъ, заливаемыхъ Іорданомъ при полноводьи, потомъ голою, безжизненною, слегка возвышающеюся къ Іудейскимъ горамъ степью, и наконецъ, при приближеніи къ Іерихону, начинается колючій кустарникъ и отчасти изсохшія деревья. Разстоянія здѣсь всего часа два. Монахъ Бернардъ, бывшій въ Святой Землѣ въ IX столѣтіи, говоритъ, что вблизи Іордана было много монастырей. Въ 15 стадіяхъ отъ рѣки и въ 10 отъ Іерихона, по словамъ блаженнаго Іеронима, долженъ былъ находиться Гилгалъ, мѣсто положенія 12 камней двѣнадцатью колѣнами Израильскими, по вступленіи ихъ въ землю обѣтованную.

Грунтъ земли здѣсь хотя песчаный, но поверх-

ность тверда и нога лошади въ ней не вязнетъ. Пустыня эта на лѣво идетъ до Мертваго моря, на право на необозримое пространство и на весьма далекое разстояніе можно видѣть прохожаго пѣшкомъ или всадника на лошади. Здѣсь поприще разбоевъ, грабежей и убійствъ, совершаемыхъ бедуинами и возхваляемыхъ арабскими поэтами, какъ великіе подвиги храбрости воинской. Караваны изъ Мессопотаміи въ Египетъ уже давно не идутъ путемъ этимъ, какъ прежде, и направляются на Дамаскъ, подъ надежнымъ прикрытіемъ. Пользуясь нѣкоторыми песчаными курганами, бедуины вырываютъ на вершинѣ ихъ ямы, прячутся въ нихъ съ своими лошадьми, выжидаютъ поживы и, при появленіи ея, бросаются, какъ коршуны на добычу. Эти засады бедуиновъ напомнили мнѣ наши курганы въ Малороссіи съ подобными же углубленіями на вершинѣ, идущіе отъ Днѣпра прямою линіею къ Полтавѣ, Харькову и другимъ мѣстамъ, и которые, по всему вѣроятію, служили, во времена Гетманства, аванпостами, для извѣщенія о набѣгѣ Крымцевъ.

На степи Іерихонской становятся кочевьемъ на одну ночь поклонники, отправляющіеся на Іорданъ ежегодно цѣлыми тысячами, на третій день Пасхи, подъ прикрытіемъ конвоя паши Іерусалимскаго, которому это служитъ источникомъ огромнымъ бахшишей. Мнѣ разсказывали объ одномъ очень непріятномъ случаѣ, котораго игрою былъ здѣсь въ томъ же 1843 годѣ одинъ англійскій путешественникъ и который

передать моимъ читателямъ считаю не излишнимъ, для того, чтобы показать, какъ опасно ѣздить въ этихъ мѣстахъ безъ надежнаго прикрытія.

Вмѣстѣ съ прочими поклонниками, въ количествѣ тысячъ до трехъ, этотъ путешественникъ отправился къ Іордану. Послѣ погруженія въ его священныя воды и при обратномъ пути, весь караванъ поклонниковъ расположился на ночлегъ въ степи Іерихонской. Паша Іерусалимскій и его конвой блюли за безопасностію каравана. На другой день чуть–свѣтъ былъ данъ сигналъ къ сбору; немедленно всѣ поднялись и тронулись въ путь. На мѣстѣ осталась одна только палатка и объ ней никто не безпокоился, потому что всякій о себѣ думалъ; при томъ же, кто могъ предполагать, что и она за ними не тронется, видя, что подлѣ нея происходятъ общіе сборы въ дорогу. Палатка эта принадлежала нашему англичанину. Драгоманъ его не–разъ докладывалъ ему, что пора ѣхать, что всѣ выѣхали и уже скрылись изъ вида. Англичанинъ нашъ и ухомъ не ведетъ, отзывается, что еще время не ушло, что еще можно догнать караванъ; завернулся въ теплое одѣяло и храпитъ. При томъ же такъ сладко спится при утренней прохладѣ! можно ли разрушать комфортъ въ такія безцѣнныя минуты? Наконецъ, вставши, хотя онъ, можетъ быть, и не брился на этотъ разъ, однако выѣхать съ тощимъ желудкомъ въ климатѣ, къ которому не привыкъ, не рѣшился. Все это еще болѣе удержало его на мѣстѣ. Когда палатка была убрана, все уло-

жено и увязано, онъ тронулся, наслаждаясь между тѣмъ видомъ Iерихонской долины и горъ Iудеи при косвенныхъ луча утренняго солнца. При немъ, кромѣ драгомана, былъ еще арабъ-погонщикъ съ лошадью, нагруженною его вещами.

Шайки бедуиновъ обыкновенно рыщутъ по слѣдамъ такаго большаго стеченія поклонниковъ, въ надеждѣ поднять оброненную вещь, а при случаѣ и обобрать отсталаго. Оставшаяся на полѣ палатка не могла не быть ими замѣчена, и могли ли они пропустить этотъ вѣрный случай хорошенько поживиться? Но напасть открытою силою, они еще не рѣшались. Когда Англичанинъ тронулся, они джиридовали вблизи на своихъ лошадяхъ и иногда даже мимо его, съ цѣлію высмотрѣть, ка́къ онъ вооруженъ. Англичанинъ, думая, что они принадлежатъ къ конвою паши, съ которымъ обыкновенно всѣ путешественники знакомятся, и что оставлены собственно для сопровожденія его особы, ни мало не безпокоился и еще иногда, въ подражаніе имъ, пускался на своей лошади во весь карьеръ съ крикомъ *гау, гау*. Наконецъ, высмотрѣвъ хорошенько и улучивъ минуту, двое изъ бедуиновъ, при джиридѣ, наскочили на англичанина и его драгомана и, потрясая остріемъ копья у самой груди жертвъ, какъ обыкновенно ими въ подобныхъ случаяхъ дѣлается, требовали немедленной сдачи оружія, съ угрозою въ противномъ случаѣ пронзить ихъ насквозь, какъ листъ бумаги. Между тѣмъ прискакали прочіе, человѣка два или три, и

безпрекословно овладѣли лошадью съ багажемъ и при ней арабомъ. Въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ, конечно, благоразумнѣйшимъ было сдаться; такъ точно осажденные и сдѣлали. Сцена эта кончилась тѣмъ, что чрезъ пять минутъ нашъ англичанинъ и его два спутника были голы, какъ мать родила; а бедуины, забравъ все — платье, оружіе, багажъ и лошадей, поскакали на-прямикъ къ Іордану, съ намѣреніемъ по-скорѣе за него переправиться и поспѣшить на дѣлежъ въ свое кочевье. Впрочемъ, они оставили одну вещь англичанину въ утѣшеніе, именно — соломенную шляпу, да и то обрѣзавъ съ нея ленту.

Нечего было дѣлать — и наши путники поспѣшили пѣшкомъ, на рысяхъ, догонять караванъ, который настигли часа чрезъ три на привалѣ, между горъ Іудейскихъ. Жалкое было положеніе англичанина, имѣвшаго въ своемъ распоряженіи всего одну только соломенную шляпу, и ему, изъ сострадания, дали здѣсь старую монашескую рясу, которою прикрылъ онъ наготу свою. Прочимъ двумъ также дали по бурнусу. Послѣ этого, я думаю, они уже не отставали отъ каравана.

Не вполнѣ довѣряя этому разсказу, я распрашивалъ о немъ, по возвращеніи въ Іерусалимъ, и мнѣ его вполнѣ подтвердили, съ добавленіемъ, что ограбленный бедуинами англичанинъ имѣлъ неосторожность везти съ собою всѣ свои деньги, все платье, и все это погибло. Мнѣ также сказывали, что предъ тѣмъ за нѣсколько лѣтъ, отставшій въ горахъ, са-

женей на 100 отъ каравана, нашъ русскій поклонникъ былъ убитъ бедуинами на-повалъ ятаганомъ и въ минуту обобранъ. Впрочемъ надобно отдать справедливость этимъ жильцамъ пустыни: они только тогда подымаютъ руку на человѣка, когда иначе обобрать его не надѣются, и если попавшійся къ нимъ отдается ихъ великодушію, то онъ на-вѣрное будетъ цѣлъ и невредимъ, но за то на-вѣрно уже и голъ. Бывшій при мнѣ кавассъ, въ бытность мою въ Іерусалимѣ, видѣлъ двухъ турокъ пришедшими отъ Іерихонской дороги къ Геѳсиманскимъ воротамъ въ такомъ точно туалетѣ, какъ нашъ англичанинъ и его товарищи догнали караванъ поклонниковъ. Подобные сцены, какъ мнѣ сказывали, здѣсь не въ диковинку. При этомъ долгомъ считаю замѣтить, что дорога Виѳлеемская менѣе всѣхъ другихъ опасна, конечно, потому, что по ней всегда бываетъ достаточно прохожихъ и проѣзжихъ.

V.

Іерихонъ. Іерихонскіе розы. Источникъ Елисея. Гора Искушенія.

Два часа ѣхали мы отъ Іордана до Іерихона, или вѣрнѣе сказать до мѣста, гдѣ или вблизи котораго онъ находился. Отъ древняго города, котораго еврейское названіе есть Іерихó, здѣсь не осталось камня на камнѣ, и даже нѣтъ ни малѣйшаго слѣда его построеній. Полагаютъ только, что онъ находился нѣсколько на западъ отъ мѣста, занимаемаго здѣсь деревнею. Но странное дѣло — имя его, хотя въ видѣ развалины, уцѣлѣло до нашихъ временъ: въ устахъ теперешнихъ арабовъ оно потеряло начало, измѣнило нѣсколько конецъ и удержало только *Риха* — имя, которое носитъ теперь жалкая здѣсь деревушка съ сотнею душъ жителей

обоего пола и всѣхъ возрастовъ, въ домахъ и палаткахъ.

Мысль, о производствѣ имени деревни отъ древняго названія города, подалъ мнѣ Преосвященнѣйшій Мелетій, Митрополитъ св. Петры, и мнѣ показалась она весьма правдоподобною. Потомъ, у Ед. Робинзона нашелъ я, что и онъ дѣлаетъ такой же точно выводъ, добавляя еще, что кромѣ названія *Риха*, деревня эта въ устахъ арабовъ называестя также *Ериха* (а это еще болѣе подтверждаетъ сдѣланный выводъ) и что арабскіе писатели Абульфеда и Едризи пишутъ это имя первый *Ериха*, а послѣдній—и тѣмъ и другимъ образомъ. А изъ всего этого слѣдуетъ, что Шатобріанъ, а за нимъ Пужула и другіе весьма ошибаются, выводя это названіе, которое они пишутъ Rihha, отъ арабскаго слова того же произношенія и которое означаетъ запахъ.

Напрасно я искалъ бы въ теперешней Рихѣ или въ ея окрестностяхъ слѣдовъ городскихъ стѣнъ, обрушившихся при звукѣ трубъ и побѣдномъ кликѣ Израильтянъ, или примыкавшаго къ нимъ дома Рагабы, укрывшей у себя соглядатаёвъ Іисуса Навина, за что она съ родными и домомъ пощажена была побѣдителями. Я бы не нашелъ ни этихъ стѣнъ, ни смоковницы, на которую взлѣзъ Закхей, чтобы лучше разсмотрѣть проходившаго въ толпѣ Божественнаго Учителя, ни того дома, гдѣ онъ принималъ Его, ни того мѣста, гдѣ нищій слѣпецъ умолялъ сына Давидова помиловать его и тотчасъ

прозрѣлъ. Я не замѣтилъ даже ни одной пальмы, тогда-какъ Іерихонъ славился *городомъ пальмъ,* и еще недавно Ед. Робинзонъ замѣтилъ здѣсь изъ нихъ одну, какъ послѣднюю перлу изъ прежняго вѣнца этого города. Товарищъ мой впрочемъ сказывалъ мнѣ послѣ, что онъ видѣлъ два или три дерева этого рода; но я думаю, и почти увѣренъ, что онъ ошибся. Одна только четвероугольная башня временъ Крестовыхъ походовъ, о которыхъ въ первый разъ въ западныхъ хроникахъ упонинается подъ 1211 г., цѣль постройки которой была покровительство окружныхъ полей и которая потомъ, по изобрѣтательности монаховъ, названа *домомъ* Закхея, гордо возвышается здѣсь и составляетъ теперь нѣчто въ родѣ кордоннаго поста. Прежде же жили въ ней губернаторы при-Іорданскихъ мѣстъ.

Мы слѣзли съ лошадей и вошли на дворъ у башни. Темнобурый арабскій жеребецъ, привязанный за одну переднюю и одну заднюю ногу ко вбитымъ въ земля кольямъ, ржалъ и рвался къ нашимъ лошадямъ. На право, подъ навѣсомъ изъ сухихъ вѣтвей, поднята была терасса, и въ ней устроенъ четвероугольный бассейнъ съ тонкою проточною струею воды. Вокругъ бассейна сидѣло человѣкъ десять арабовъ и албанцевъ. Изъ нихъ одинъ въ исподнемъ легкомъ платьѣ, безъ рубашки, въ маленькой фескѣ на головѣ, съ атлетическими формами тѣла, густо обросшими волосами, толокъ кофе въ ступкѣ; другой плелъ корзину,

третій, съ болгарскимъ лицемъ, голубыми глазами и длинными до плечь свѣтлорусыми волосами, копался у сѣдла; остальные кейфовали съ трубками и наргиле́ въ зубахъ. И вотъ теперешняя аристократія этого мѣста, нѣкогда блиставшаго всею славою міра, знаменитаго своею школою пророковъ и чудесами Иліи и Елисея!

Пока намъ готовили кофе, я взошелъ на башню. Башня высотою футовъ 40, въ основаніи квадратная, и съ каждаго бока длиною футовъ до 30. Что относится до нашихъ бедуиновъ, то они, не ѣвши цѣлый день, разсыпались промышлять о ѣдѣ по деревнѣ и бедуинскому кочевью, которое тутъ же было.

Нѣсколько разъ въ этотъ день я поглядывалъ на за-Іорданскою цѣпь Аравійскихъ горъ, ища въ ней глазами знаменитой горы Небо, или Нававъ, откуда великій законодатель народа Израильскаго увидалъ землю обѣтованую и которая, по словамъ Св. Писанія, находится прямо противъ Іерихона. Но глазъ мой не въ состояніи былъ отыскать ея возвышенія въ этой ровной цѣпи. Взошедъ на башню Іерихонскую, я прежде всего обратился въ эту сторону съ биноклемъ у глазъ и остался почти въ тѣхъ же безуспѣшныхъ разысканіяхъ, потому что въ этой цѣпи рѣшительно не могъ отыскать ни одного сколько-нибудь значительнаго возвышенія. Но чтобы себя по крайней мѣрѣ сколько-нибудь удовлетворить въ этомъ, я приписалъ въ умѣ своемъ имя горы Нававъ одному почти незамѣтно-

му возвышенію въ цѣпи Аравійскихъ горъ. Оттуда, сказалъ я самъ себѣ, великій законодатель, вождь и вмѣстѣ великій историкъ видѣлъ землю, назначенную его народу — *до моря Западнаго* и потомъ освященную стопами Спасителя міра; тамъ онъ почилъ послѣ тяжелыхъ 120 лѣтнихъ трудовъ своихъ и никто не знаетъ его могилы *даже до дня сего!*

Обернувшись спиною къ горѣ Небо и мѣсту крещенія Спасителя на Іорданѣ, предъ вами стоитъ нѣсколько на сѣверо-западъ, примѣрно часа на полтора ѣзды, гора Искушенія или Сороходневная, куда Спаситель пошелъ тотчасъ послѣ крещенія, гдѣ былъ Онъ искушаемъ отъ діавола и куда мы должны были отсюда отправиться. У подошвы башни лежитъ деревня и широкая рытвина изсохшаго и дождевыми водами изрытаго потока. На югъ и сѣверъ разбросанъ рѣдкій дровяной лѣсъ и колючій кустарникъ, большею частію обозженный солнцемъ, и только на западѣ — къ Іудейскимъ горамъ, въ особенности по дорогѣ къ горѣ Искушенія, деревья зеленѣли и, по мѣрѣ приближенія къ ней, казалось, росли гуще и веселѣе, какъ бы указывая путь къ спасенію. Въ этой же сторонѣ виднѣлись въ трехъ или четырехъ мѣстахъ значительныя развалины водопроводовъ и другихъ строеній временъ Крестовыхъ походовъ. На юго-западъ, въ углу долины, прорѣзывается въ х ребетъ Іудейскихъ горъ глубокая рытвина, по которой идетъ дорога въ Іерусалимъ.

Не пришло мнѣ въ голову спросить здѣсь о вы-

хваляемыхъ въ Св. Писаніи розахъ Іерихонскихъ; но, по возвращеніи въ Іерусалимъ, я купилъ нѣсколько травяныхъ кусточковъ, которымъ монахи еще съ Среднихъ-Вѣковъ придали названіе этихъ розъ и которыхъ ботаническое имя есть Thlaspi. Они вырываются изъ земли съ корнемъ и когда засохнутъ, съеживаются въ шаръ, величиною въ кулакъ; но какъ только корень поставится въ стаканъ съ водою, сухія вѣтви ихъ оживляются и развертываются. Вообще думаютъ, что эти розы суть чистая выдумка монаховъ, чтобы воскресить въ памяти людской розы Іерихона, упоминаемыя у сына Сирахова въ гл. XXIV.

Мы не были здѣсь такъ счастливы, какъ Ламартинъ, видѣвшій въ Іерихонѣ женщинъ замѣчательной красоты. По встрѣченнымъ нами нѣсколькимъ экземплярамъ, мы не можемъ согласиться съ этимъ его замѣчаніемъ. Робинзонъ же говоритъ, что женщины здѣсь чрезвычайно развратны, поощряются къ тому самыми мужьями и что непозволительная связь ихъ съ пришельцами есть вещь самая обыкновенная. Странно, добавляетъ онъ, что жители долины сей сохранили этотъ порокъ съ самыхъ древнихъ временъ и что грѣхи Содома и Гоморры еще процвѣтаютъ на той же проклятой почвѣ.

Давъ бахшитъ за кофе, котораго почти не пили, мы распорядились о покупкѣ для насъ и бедуиновъ на ужинъ двухъ ягненковъ, хлѣба, молока и что найти было можно; а между тѣмъ сами отправились далѣе, выбирая дорогу промежду де-

ревьевъ, въ числѣ которыхъ я замѣтилъ много фиговыхъ. Съ нами былъ одинъ только бедуинъ, который отзывался, что опасаться здѣсь нечего; прочіе остались на-время въ деревнѣ. По мѣрѣ нашего отдаленія отъ Іерихона, чаща деревьевъ дѣлалась гуще и зеленѣе, и все показывало присутствіе воды, оживлявшей природу. Скоро послышалось журчаніе ручья и появились огороды. Бедуинъ, поѣхавшій съ нами колоновожатымъ, сбился съ дороги и заводилъ насъ иногда въ такую трущобу, что должно было нерѣдко поворачивать лошадей назадъ и искать другаго выхода. Накопецъ, разобравъ нѣкоторые плетни и порядочно оцарапавшись о колючій кустарникъ и дающее бальзамъ дерево цуккумъ, мы выѣхали къ довольно широкому ручью съ водою чистою, свѣжею, эластическою. Еще одинъ поворотъ въ право, вдоль ручья, — и мы слѣзли съ лошадей у подошвы отдѣльнаго холма, почти у самаго источника Елисея, воды котораго превращены имъ, по словамъ Св. Писанія, изъ горькихъ въ прѣсныя. И подлинно, вода здѣсь чудеснѣйшая, легкая, холодная и прозрачная, какъ кристаллъ. Мы выпили ея съ-разу по нѣсколько стакановъ и не почувствовали въ желудкѣ ни малѣйшей тяжести. Арабское имя этого ключа есть Айнъ-эсъ-Султанъ (султанскій глазъ). Онъ выходитъ изъ земли и огороженъ каменною стѣнкою, на-сухо сложенною. Другаго источника ближе этого къ Іерихону нѣтъ, и потому нѣтъ сомнѣнія, что онъ есть тотъ самый, о которомъ

говорится въ Св. Писаніи. Пока здѣсь мы сидѣли, любуясь игрою рыбокъ въ свѣтломъ источникѣ, я набралъ цѣлую горсть черныхъ мѣлкихъ раковинъ, которыми усѣяно дно его. Полоса вытекающей воды имѣетъ видъ небольшой рѣчки и весьма живописна; мѣстами деревья густо ее обступили, какъ бы для утоленія собственной жажды и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ покрыть ее своею густою тѣнью. Вдоль ручья земля оживлена свѣжею зеленью, цвѣтами, и во всемъ видна улыбка природы; а Робизонъ вблизи отсюда слышалъ и пѣнье соловья.

По заключенію этого путешественника, древній Іерихонъ находился вблизи источника; а Іерихонъ временъ Ирода и Новаго Завѣта положительно былъ на югъ въ получасѣ отсюда. Во время римскаго владычества онъ былъ весьма украшенъ. Робизонъ находилъ здѣсь слѣды амфитеатра, ипподрома и дворцовъ, воздвигнутыхъ Иродомъ Великимъ. Здѣсь-то наконецъ Иродъ кончилъ свой карьеръ и жизнь свою. Обуриваемый страстями на краю своей могилы, онъ созвалъ вокругъ себя всѣхъ знатнѣйшихъ сановниковъ страны въ большомъ числѣ и, затворивши ихъ въ ипподромѣ, далъ строгое приказаніе сестрѣ своей Саломѣ— всѣхъ ихъ казнить въ минуту его кончины, для того, какъ говорилъ онъ, чтобы смерть его была памятуема во всей странѣ приличнымъ трауромъ. Но сестра его была довольно благоразумна, чтобы не исполнить такаго кроваваго порученія.

Гора Искушенія была передъ нами, а до вече-

ра оставался еще добрый часъ времени; терять его напрасно жаль было. Тотчасъ графъ, его живописецъ и я, съ бедуиномъ и особымъ чичероне, отправились въ вожделенный путь; я и живописецъ верхомъ, прочіе пѣшкомъ. Легко подымались мы въ гору, на которой зелень рѣдѣла болѣе и болѣе. Мы проѣхали мимо остатковъ древняго водопровода и развалинъ мельницы и скоро достигли глубокаго оврага, лежащаго у самой подошвы горы Искушенія; оврагъ въ верховьяхъ своихъ соединяется съ нагорными ущельями, по которымъ дождевая вода находитъ протокъ себѣ со всѣхъ вершинъ этой части Іудейскихъ горъ. За этимъ оврагомъ, который справедливѣе назвать можно пропастью, подымаются стѣною двѣ огромныя, отвѣсныя изъ-желто-сѣрыя скалы самой дикой и мрачной наружности, и которыми горы Іудейскія оканчивались съ этой, т. е. съ западной, стороны. Глазъ не встрѣчаетъ на бокахъ этихъ скалъ ни деревца, ни кустарника, ни травки и ни малѣйшаго слѣда жизни, и скалы эти, обращенныя лицемъ прямо на востокъ, производятъ въ душѣ самое грустное впечатлѣніе. Онѣ раздѣлены ущельемъ и правая изъ нихъ есть собственно гора Искушенія; она вышиною отъ уровня долины Іерихонской до 1500 футовъ. Вся стѣна ея съ низу до верху, равно часть другой обращенной къ ней скалы, испещрены пещерами. Идею объ этомъ могутъ подать скалы Инкермана къ Крыму съ ихъ безчисленными гротами.

Хотя я и очень усталъ въ этотъ день, однако не могъ утерпѣть, чтобы не полѣзть на святую гору. Бросивъ поводья лошади бедуину, я пошелъ по пробитой дорожкѣ вверхъ, всѣ прочіе послѣдовали за мною. Сперва нужно подыматься по крутой плоскости, продолженію вверхъ боковъ пропасти; для облегченія этого всхода, дорожка идетъ прежде въ право, вдоль по крутизнѣ, а потомъ подъ острымъ угломъ поворачиваетъ въ лѣво. Вся эта круто-покатая плоскость состоитъ изъ осколковъ отъ скалы мелкаго камня, который сыпится подъ ногами и летитъ на самое дно пропасти. Когда мы достигли самой скалы, то подъемъ пошелъ по ней, по выдавшимся кое-гдѣ карнизамъ отвѣсной стѣны, узкими, крутыми переходами впередъ и потомъ назадъ, чрезъ висящія надъ пропастью камни и мимо пещеръ, изъ которыхъ во многихъ видны были признаки еще недавняго жилья, а въ нѣкоторыхъ, остатки соломы и прочіе слѣды, показывавшіе недавнее присутствіе здѣсь овецъ, лошадей и даже рогатаго скота. Почти непонятно, какъ затащили сюда этихъ животныхъ. Жители Іерихона, во время притѣсненій отъ правителей Палестины и въ особенности во время египетскаго владычества, скрывались съ своими небольшими стадами здѣсь, какъ въ неприступной крѣпости, и открытою силою защищали права свои; взять же приступомъ подобное мѣсто нѣтъ возможности. Чѣмъ выше мы подымались, тѣмъ переходы были труднѣе, круче, опаснѣе, неприступнѣе; въ иныхъ

мѣстахъ нужно было перебираться чрезъ выдавщіеся камни на четверенкахъ, а въ другихъ были придѣланы узкія, уже полуобрушившіяся лѣсенки, по которымъ мы перебирались, держась руками за скалу или за переднія ступеньки. Подверженнымъ головокруженію не совѣтую сюда подыматься. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были площадки у пещеръ, и мы, присѣвъ на нихъ для отдыха, бросали внизъ камни, которые съ ужасною быстротою и гуломъ скатывались рикошетомъ на самое дно открытой предъ нами пропасти, и эхо повторяло гулъ ихъ паденія. Иногда мы уклонялись по карнизамъ скалы въ одну и другую сторону, чтобы взглянуть на боковыя пещеры, служившія въ свое время кельями безчисленнымъ отшельникамъ. Въ одномъ или въ двухъ мѣстахъ, величиною въ одну квадратную сажень, занесенные сюда вѣтрами, а можетъ быть давно-минувшими жильцами этой пустыни тонкіе слои земли, освѣженные влагою камня, зеленѣли мѣлкимъ дерномъ, и мы, для полнаго отдыха всѣмъ членамъ, измученнымъ тягостнымъ всходомъ, растягивались здѣсь всѣмъ своимъ тѣломъ. Отсюда видны были протоптанныя дорожки на крутизнѣ другой стороны пропасти, которыя безпрестанно развѣтвлялись и примыкали къ пещерамъ противоположной скалы. По мѣрѣ нашего восхожденія, картина долины болѣе и болѣе развертывалась предъ нашими глазами, и когда мы достигли, не безъ упорнаго труда и не безъ пота ручьями на лицѣ, до одной изъ трехъ самыхъ верхнихъ пе-

щеръ, которую преданія приписываютъ Спасителю, то поняли всю силу выраженія Св. Писанія: «и поставилъ Его діаволъ на высокой горѣ, и показалъ Ему всѣ царства земныя, и сказалъ Ему: все могущество сихъ царствъ и всю славу ихъ я отдамъ тебѣ..... поклонись только мнѣ.»

На лѣво, внизу, изъ-за подошвы горы выходитъ низменный уголъ земли, покрытый самою яркою, самою густою зеленью и тѣнистыми, по видимому, плодовыми деревами; онъ порядочно огороженъ и канавки воды видны въ немъ по всѣмъ направленіямъ. Ключи этихъ водъ находятся гораздо выше источника Елисеева. У ногъ вашихъ внизу идетъ въ право и въ лѣво широкая чаща деревъ вдоль этого источника, раздѣленнаго на нѣсколько рукавовъ, до самаго Іерихона; но вся эта вода разбирается на огороды вокругъ и далѣе Іерихона не заходитъ, теряясь въ песчаной почвѣ. Промежь зелени мѣстами видны развалины водопроводовъ и другихъ зданій, о которыхъ сказано выше. За Іерихономъ лежитъ впоперегъ пустыня, обрѣзываемая спереди хребтомъ Аравійскихъ горъ, къ сѣверу теряющаяся вдали въ какой-то неопредѣленной синевѣ, а съ юга примыкающая къ Мертвому морю, которое, какъ огромное венеціанское зеркало, лежитъ неподвижно и отражаетъ въ водахъ своихъ вершины прибрежныхъ скалъ. Вдоль этой обширной пустыни, по самой ея срединѣ, по направленію къ морю, извилистая, въ видѣ безконечной змѣи, узкая, темнозеленая линія обознача-

етъ теченіе Іордана,—и воздухъ здѣсь такъ прозраченъ, что всѣ изгибы рѣки рѣзко и ясно обрисовываются.

По оживленности природы, отъ горы Искушенія до деревни Риха и вокругъ этихъ мѣстъ, вслѣдствіе Елисеева источника и нѣсколькихъ ключей вблизи, можно безошибочно заключить, что если бы ввести сюда египетскую систиму орошенія полей посредствомъ поднятія воды изъ рѣки машинами и дать этимъ мѣстамъ прежнія пальмы, то вся долина Іорданская снова бы зацвѣла, какъ садъ Предвѣчнаго, какъ страна египетская. Дайте сюда достаточное для этого количество рабочихъ рукъ и водворите безопасность отъ набѣговъ, и вы на-вѣрно увидите это на самомъ дѣлѣ. Это тѣмъ болѣе правдоподобно, что Іосифъ Флавій отзывается о мѣстахъ при-Іерихонскихъ, какъ о самыхъ плодоноснѣйшихъ во всей Іудеи и какъ изобилующихъ всѣми произрастѣніями, свойственными теплому климату: пальмами, сахарнымъ тростникомъ, рисомъ, индиго, разными бальзамическими растѣніями и пр. Во время Крестовыхъ походовъ, долина Іерихонская еще сохраняли отъ-части древнюю свою славу и считалась садомъ Палестины. Она была приписана въ собственность храму Гроба Господня; потомъ, третій Іерусалимскій Патріархъ Арнольфъ отобралъ ее отъ этого храма и отдалъ въ приданое за своею племянницею въ 1111 г. Но скоро послѣ этого, въ 1138 году, она принадлежала монастырю царицы Мелезинды, въ Виѳаніи —

на мѣстѣ гробницы Лазаря. Въ это время годовой доходъ Iерихонскаго округа простирался до трехъ тысячъ золотыхъ монетъ, изъ которыхъ каждая, по заключенiю Робинзона, равнялась пяти испанскимъ талерамъ, т. е. на наши деньги до 200,000 руб. ас. или 57,000 р. сер.

Пещера Спасителя обширнѣе всѣхъ прочихъ и довольно высока. Потолокъ ея весь почернѣлъ отъ разводимыхъ здѣсь огней. Я взялъ отсюда одинъ камень на память. Въ смежной съ нею на сѣверъ, также довольно просторной пещерѣ замѣтно небольшое четвероугольное углубленiе, впереди отдѣленное стѣнкою, сложенною на извести; въ немъ, какъ сказывалъ нашъ проводникъ, нѣкогда лѣжало нѣсколько тѣлъ усопшихъ отшельниковъ и еще недавно находили здѣсь остатки ихъ костей, до того еще не выброшенныхъ бедуинами. Внизу же, при возвращенiи, я замѣтилъ валявшiйся между камней кусокъ черепа. Къ югу отъ пещеры Спасителя, на той же высотѣ, узкiй проходъ въ видѣ корридора ведетъ въ развалины существовавшей здѣсь нѣкогда небольшой церкви. Отъ обрыва скалы она задѣлана стѣною изъ тесанныхъ камней и съ правильнымъ окномъ. Прочiя стороны, неправильной формы, углубляются въ скалу. Въ срединѣ подведенъ былъ сводъ, который обрушился въ недавнее время. На верху были хоры и замѣтны еще остатки каменной лѣстницы, которая вела туда. Изъ этого грота дверь, въ прямомъ направленiи на югъ, ведетъ въ другую комнату, висящую на са-

момъ краю карниза скалы; одна стѣна этой комнаты, противуположная входу, вся обрушилась, а лѣвая — до половины. На уцѣлѣвшей половинѣ сохранился, со всею яркостію красотъ, нарисованный на стѣнѣ большой грудной образъ Спасителя съ греческою надъ нимъ надписью. На право въ скалѣ сдѣлана небольшая полукруглая ниша и въ ней изображена Св. Дѣва Марія, принимающая, какъ мнѣ помнится, отъ Архангела Гавріила лавровую вѣтвь, знаменіе принесенною Ей благовѣстія; между ними, покрытый до земли столъ, а надъ головами греческія надписи ихъ именъ. Краски здѣсь также еще сохранились, хотя мѣстами и замѣтны умышленныя царапины, равно какъ и на образѣ Спасителя. Мы не могли рѣшить, что это было: алтарь или особый придѣлъ съ жертвенникомъ; кромѣ маленькой боковой двери, чрезъ которую мы вошли, сюда не было царскихъ вратъ. Проводникъ же нашъ утверждалъ, что алтарь находился у наружной стѣны и у помянутаго выше окна, которое отъ входа было на лѣвой рукѣ и обращено прямо на востокъ, — и это очень правдоподобно. На окнѣ я замѣтилъ нѣсколько вырѣзанныхъ надписей съ именами путешественниковъ, изъ которыхъ древнѣйшая относилась къ 1648 году.

Траписть Жерамбъ приписываетъ особенную важность этой небольшой церкви. Онъ говоритъ, что здѣсь впервые родилась идея о монастырской жизни.

Солнце уже едва освѣщало Аравійскія горы, и

потому мы должны были поспѣшить возвращеніемъ. Мы сошли довольно легко и воротились къ источнику Елисея, употребивши на эту экскурсію времени часа полтора. Красивая палатка моего графа была разбита и чай ожидалъ насъ. Съ большимъ аппетитомъ мы выпили его по два стакана, а между тѣмъ поспѣвалъ нашъ ужинъ, котораго ожидали мы не безъ нетерпѣнія. Бедуины наши запировали вокругъ жареннаго козленка, по временамъ громко спорили и бранились. Нѣмцы давно уже спали, а мы начали дѣлать у себя замѣтки этого дня и пробѣгать мѣста во взятыхъ съ собою вояжахъ о томъ, что видѣли въ этотъ день. Между тѣмъ ужинъ нашъ поспѣлъ; мы бросили книги въ сторону и вмѣсто умственной пищи, начали насыщать себя вещественною, которая на этотъ разъ была для насъ и пріятнѣе, и едвали не полезнѣе всѣхъ велемудрыхъ и возвышенныхъ описаній и диссертацій. За ужиномъ, приправленнымъ нашимъ голодомъ и показавшимся намъ чрезвычайно вкуснымъ, хотя былъ онъ совершенно безъ соли, которую купить забылъ нашъ черногорецъ, мы выслушали дружный концертъ шакаловъ, привлеченныхъ сюда запахомъ нашей кухни, а потомъ тотчасъ бросились, не раздѣваясь, на свои походныя постели. Журчаніе ручья насъ убаюкало, и чрезъ минуту Мертвое море, Іорданъ и все видѣнное нами въ этотъ день — было уже далеко отъ насъ и совершенно забыто нами.

VI.

Обратный путь въ Іерусалимъ и еще нѣкоторыя черты бедуинскихъ нравовъ.

Недолго дали намъ покоиться сладкимъ сномъ. Въ 2 часа ночи (15 іюля) подняли насъ, и вельми намъ вставать не хотѣлось. Но такъ какъ намъ должно было сдѣлать 7 или 8 часовъ пути до Іерусалима, какъ на дорогѣ пріостановиться было негдѣ и какъ наконецъ іюльскій жаръ показалъ уже намъ всю непріятность выносить его въ этихъ мѣстахъ, то мы, скрѣпя сердце, должны были насильно разогнать сонъ свой и ободриться; умывшись холодною, какъ ледъ, водою источника, у котораго почевали, мы освѣжились, вскочили на лошадей, и караванъ нашъ тронулся.

Ночь была темная, хоть глазъ выколи. Всѣ

молчали; по-временамъ только передовой перебранивался съ своимъ товарищемъ. Около часа времени ѣхали мы такимъ образомъ, въ разсыпную, по ровному мѣсту. Потомъ начались какіе-то буераки и наконецъ самый крутый, обрывистый подъемъ на горы. У кого при сѣдлѣ не было нагрудника, тотъ долженъ былъ держатся по-крѣпче за гриву лошади, потому что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ было до того круто, что лошади подымались по дорогѣ, какъ бы становясь на дыбы. У одного изъ нашихъ спутниковъ ослабли подпруги, сѣдло слѣзло и онъ полетѣлъ внизъ головою; къ счастію, онъ отдѣлался только ушибомъ плеча. Отъ бѣлизны каменной дороги, по которой мы ѣхали, и скалъ съ боку, казалось, будто нѣсколько посвѣтлѣло. Какъ ни трудно было подыматься по этому пути, но мнѣ казалось, что онъ былъ нѣкогда усердно разработываемъ и расчищаемъ: полотно дороги ширины достаточной, большихъ ухабовъ и рытвинъ нѣтъ, хотя и круто непомѣрно. Конечно, это древняя дорога, устроенная Римлянами и въ послѣдствіи разработанная Крестоносцами, когда на Іерихонской долинѣ были и монастыри, и мельницы, и другія заведенія, имъ принадлежавшія. Предположеніе это подверждается продолженіемъ дороги въ горахъ, потому что когда мы взъѣхали на верхъ хребта, то дорога пошла ровная, гладкая, мѣстами вымощенная, широкая, и здѣсь весьма замѣтно было, что нѣкогда она хорошо поддерживалась.

Здѣсь, на горѣ, начался горячій споръ между нѣшими бедуинами, медленно подвигавшимися впередъ и иногда останавливавшимися въ кучѣ. Между тѣмъ начало свѣтать. О причинѣ ихъ спора я обратился съ вопросомъ къ переводчику-черногорцу, который и объяснилъ мнѣ, въ чемъ было дѣло.

Изъ кочевьевъ нашихъ бедуиновъ украдено было въ прошломъ годѣ до 800 штукъ овецъ, и слѣдъ указалъ, что онѣ угнаты были за Іорданъ. Подозрѣваемыхъ въ воровствѣ, на этой сторонѣ ни гдѣ не отыскали, и кочевье ихъ предъ тѣмъ туда же откочевало. Всѣ поиски обиженныхъ остались безуспѣшными. Вчера наши бедуины неожидано встрѣтили воровъ въ Іерихонскомъ кочевьѣ и теперь большая часть нашего конвоя хочетъ оставить насъ при двухъ или трехъ проводникахъ и воротиться назадъ, чтобъ воевать съ ворами и отнять у нихъ ихъ стада, говоря, что ни какъ нельзя упустить этого вѣрнаго случая отмстить за обиду и что если отсрочить дѣло это хотя на одинъ день, то воры съ своимъ кочевьемъ перейдутъ на-вѣрно за Іорданъ и скроются. Объ этомъ у нихъ идетъ толкъ еще со вчерашняго вечера. Но, не взирая на всю силу представляемыхъ убѣжденій, шеихъ нашъ стоялъ на томъ, что франковъ, за безопасность которыхъ онъ поручился предъ губернаторомъ, оставить здѣсь безъ надежнаго прикрытія нельзя, что прежде, чѣмъ не будутъ они доставлены въ Іерусалимъ, этого дѣла начинать невозможно и что если кто изъ бедуиновъ отстанетъ отъ конвоя, тотъ

не получитъ ни одной пары (*) бахшиша. Долго еще продолжался споръ, но шеихъ устоялъ на своемъ.

Нельзя не отдать полной похвалы подобнымъ правиламъ, особливо, если я добавлю, что у самаго шеиха украдено овецъ болѣе, чѣмъ у каждаго изъ всѣхъ порознь. Разсказывая мнѣ объ этомъ спорѣ, черногорецъ добавилъ, что когда вчера онъ отправился искать провизіи на ужинъ, то съ однимъ изъ нашего конвоя вошелъ онъ въ бедуинскую палатку при деревни Риха. Хозяинъ въ туже минуту узналъ гостя и притаился въ палаткѣ, а этотъ тотчасъ вышелъ, не сказавъ ни слова. Игра глазъ при этой встрѣчѣ съ обѣихъ сторонъ была самымъ выразительнымъ и самымъ краснорѣчивымъ разговоромъ.

Въ 5 часовъ утра дорога наша приблизилась къ развалинамъ обширнаго двора, называемаго ханомъ, и, не доходя до него, прошла глубоко-прорѣзаннымъ каналомъ въ узкихъ каменныхъ ущельяхъ, такъ-что съ боковъ было двѣ гладкихъ отвѣсныхъ стѣны, на которыхъ изсѣчено множество крестовъ какъ-попало и безъ всякой симетріи: это одна изъ надписей, оставленныхъ Крестоносцами въ Палестинѣ. Во времена ихъ, ханъ этотъ, конечно, служилъ перепутьемъ на дорогѣ изъ Іерусалима въ Іерихонъ: отъ того и другаго отстоитъ онъ почти

(*) Парà самая мелкая турецкая монета, равняющаяся денежкѣ мѣдью.

въ равномъ разстояніи. Здѣсь у дороги изсѣчены въ цѣлинѣ скалъ систерны, которыя въ свое время наполнялись дождевою водою, сбѣгавшею съ горъ. Развалицы хана не представляли ничего любопытнаго, и мы проѣхали мимо ихъ, не останавливаясь.

Дорога въ здѣшнихъ ущельяхъ, еще со временъ Ветхаго Завѣта, называется *мѣстомъ крови*, по причинѣ бывшихъ здѣсь частыхъ разбоевъ, и притча, объ ограбленномъ прохожемъ и благомъ Самарянинѣ, имѣла, какъ говорятъ, здѣсь мѣсто на самомъ дѣлѣ. И дѣйствительно, трудно найти мѣсто, болѣе способствующее къ разбойничьимъ засадамъ и чтобы скрыться послѣ преступленія.

Когда мы приблизились къ спуску съ этихъ вершинъ, передъ нами открылась внизу обширная долина. Солнце только-что показалось изъ-за горъ, нами оставляемыхъ; надъ долиною въ лѣвомъ углѣ висѣлъ густой, почти коричневый туманъ, цвѣтомъ похожій на вспаханную землю, и такъ какъ я находился выше горизонта переднихъ горъ, то охваченная туманомъ часть небесной синевы показалась мнѣ красивымъ заливомъ, а самое небо безбрежнымъ моремъ. Въ добавокъ къ этому, видъ этотъ былъ похожъ на одно очень знакомое мнѣ мѣсто въ Крыму, и я мысленно перенесся на свою родину, и рой воспоминаній взволновалъ мою душу.....

Тихо спускались мы въ долину. Всѣ наши бедуины были далеко впереди и уже джиридовали. За долиною поднялись мы вверхъ и опять спустились въ весьма узкую каменистую лощину безъ зелени,

безъ воды, безъ населенія; по ней мы ѣхали почти до самаго Іерусалима — до отлогостей Елеонской горы. По всему пути, го́ры съ боковъ круты, дики, овраги глубоки и завалены отломками отъ скалъ, и по этой дорогѣ, нѣкогда столь часто посѣщаемой, повсюду представлялось совершенное запустѣніе. Если встрѣчались площадки земли, хотя бы величиною въ десятокъ квадратныхъ саженей и усѣянныя камнями, наши бедуины не пропускали случая погалопировать и поучить лошадей своихъ разнымъ вольтамъ. Лошади три было очень молодыхъ, трехъ-лѣтковъ — не старѣе, и одинъ изъ бедуиновъ, жалѣя свою лошадь, не принималъ участія въ джиридѣ. Всѣ на него напали, желая заставить и его слѣдовать ихъ примѣру, но онъ устоялъ на своемъ.

Въ 8 часовъ утра мы достигли фонтана въ концѣ глубокой лощины, по которой ѣхали. Этотъ фонтанъ носитъ, по книгамъ путешественниковъ, имя фонтана Апостоловъ, по тому поводу, что Спаситель нашъ и ученики его, по дорогѣ изъ Іерусалима въ Іерихонъ, обыкновенно у него отдыхали, какъ по крайней мѣрѣ гласитъ преданіе. Онъ покрытъ каменною аркой съ бассейномъ для водопоя; подлѣ него видны остатки зданія. Вода, очень чистая, шла тонкою струею чрезъ желѣзную трубочку и падала въ бассейнъ; но въ немъ, по беззаботности арабовъ, не удерживалась и вытекала вонъ чрезъ отверстіе въ нижней его части; только на самомъ днѣ удерживалось воды на вершокъ, не болѣе. Жаръ былъ сильный и мы всѣ утолили

здѣсь свою жажду; но бѣдныя лошади ни какъ не могли достать воды на днѣ бассейна: камни снаружи не позволяли имъ поставить близко переднія ноги. Жаль было видѣть ихъ томимыхъ жаждою при самомъ источникѣ. Нашъ шеихъ однакожъ ухитрился, — онъ подставилъ къ струѣ горсть руки, изъ которой его кобылица нѣсколько напилась и выпила всего, можетъ быть, стакана два или три воды; этимъ по крайней мѣрѣ промочила она свое горло. Моя лошадь счастливымъ образомъ какъ-то припала на колѣни и также проглотила нѣсколько глотковъ воды изъ дна бассейна.

Между тѣмъ, какъ мы хлопатали такимъ образомъ съ своими лошадьми, всѣ прочіе поднялись по дорогѣ на высоту, которая тутъ же круто подымалась и была одною изъ продолженій Элеонской горы. Пока мы взнуздывали своихъ лошадей, подошли, постоянно отстававшіе, два нашихъ пѣшихъ молодыхъ нѣмца. Положеніе наборщика было самое жалкое: потъ ручьями лилъ по лицу его и открытой груди; волосы на вискахъ и сзади взмокли отъ пота. Еще за нѣсколько саженей до фонтана, онъ направился прямо въ центръ его; не убавляя шагу, подошелъ онъ къ бассейну, влѣзъ въ него и, не обращая никакого вниманія на предлагаемый ему стаканъ, присѣлъ, подставилъ ротъ подъ струю воды и пилъ, не сжимая рта. До слезъ мнѣ было жаль его; молча, указалъ я на него бедуинскому шеиху, и онъ, когда молодой человѣкъ напился, далъ ему свою лошадь подняться на гору

и даже проѣхать до деревни Лазаріе, прежней Виѳаніи, отстоявшей отъ фонтана версты на полторы. Черта эта въ полудикомъ человѣкѣ меня поразила, особливо вспомнивши вчерашнюю сцену его съ этимъ нѣмцемъ за ремень на берегу Іордана и зная, что вообще всѣ жители Востока, и въ особенности бедуины, не любятъ давать другимъ лошадей своихъ. Когда мы пріѣхали въ Іерусалимъ, я далъ ему, кромѣ платы за конвой и кромѣ общаго бахшиша, талеръ на водку; онъ взялъ его, усмѣхнулся и вышелъ, не сказавъ мнѣ спасибо.

Впрочемъ, послѣдняя черта совершенно въ духѣ мусульманской религіи. Въ Египтѣ сначала меня удивляло, что арабъ, получивъ бахшишъ, вовсе не думаетъ благодарить васъ, а напротивъ еще приглядывается къ монетѣ, не обрѣзанная ли она, и если случится быть при этомъ тремъ или четыремъ постороннимъ арабамъ, то монета, одна или нѣсколько, перейдетъ по рукамъ всѣхъ, чтобы удостовѣриться въ достоинствѣ денегъ и чтобы счесть, сколько вы дали. Если есть хотя малѣйшее сомнѣніе въ достоинствѣ монеты (а въ Египтѣ почти всѣ червонцы обрѣзаны), то арабъ потребуетъ перемѣнить ее. Получая такимъ образомъ неожиданный бахшишъ, онъ убѣжденъ, что не вы, а Богъ даетъ ему деньги; вы же избраны только орудіемъ милости Всевышняго. А потому и думаетъ, что благодарить васъ не за что, да и церемониться съ вами не для чего; въ слѣдствіе этого онъ и требуетъ отъ васъ хорошихъ, а не обрѣзанныхъ денегъ, какъ отъ

казнодара, по приказу господина. Если вы медикъ и вылечили отца мусульманина, онъ васъ за это не поблагодаритъ: онъ увѣренъ, что и безъ вашихъ лекарствъ больной выздоровѣлъ бы: «такъ было написано въ книгѣ.» Но за то, если бы вы, по своему не-искусству, залечили больнаго въ могилу, сынъ умершаго на васъ роптать не станетъ: «въ книгѣ было написано, чтобы отецъ мой умеръ подъ леченіемъ франка»,—скажетъ онъ, и вы правы. Отъ такаго образа мыслей, одинъ изъ нихъ цѣлуетъ снурокъ, который, по назначенію султана, чрезъ минуту его удавитъ, а другой, упадая съ высоты могущества прямо на галеры, не проронитъ слезы горести; вы не увидите за гробомъ умершаго турка слезъ и рыданій, всегда сопровождающихъ тѣла усопшихъ другихъ религій, и отъ этого турокъ, на другой же день послѣ смерти любимой своей жены, готовъ снова жениться, если нѣтъ у него другихъ женъ. Въ Константинополѣ вы встрѣтите, можетъ быть, изключеніе въ чемъ-либо изъ вышеизложеннаго, кромѣ однакожь послѣдняго обстоятельства: въ этомъ городѣ умы турокъ нѣсколько обтерлись на европейскую стать; но, по мѣрѣ отдаленія отъ этой столицы, — въ Малой Азіи, Сиріи, Египтѣ, а тѣмъ болѣе въ Аравіи, сердцѣ исламизма, слова: «такъ было написано въ книгѣ», — и на языкѣ, и въ душѣ каждаго правовѣрнаго.

Впрочемъ я слишкомъ отвлекся этимъ отъ нити моего разсказа, о поѣздкѣ на Іорданъ, который пора

уже кончить; и потому обратимся теперь къ его заключенію.

Еще прежде я посѣщалъ гробъ Лазаря. Теперь опять спустился въ него, вслѣдъ за моими спутниками. Потомъ, по дорогѣ, идущей по Элеонскимъ скатамъ, мы проѣхали въ виду мѣстъ, гдѣ, по словамъ Норова, находилась деревня Виѳсфагія, изъ которой началось торжественное шествіе Спасителя при кликахъ: «*Осанна Сыну Давидову*!» Здѣсь почти всякій шагъ ознаменованъ великими событіями. Отсюда, по этой самой дорогѣ, мы поднялись на южную высоту Элеонской горы, носящую имя горы Соблазна, и вдругъ Іерусалимъ предсталъ предъ нами во всемъ своемъ блескѣ и съ великолѣпнымъ храмомъ Омара, какъ благоукрашенная невѣста. Мы обрадовались ему, какъ брату, какъ другу, съ которымъ давно уже не видались, и у каждаго изъ насъ невольно вырвалось изъ устъ — Іерусалимъ! Іерусалимъ!

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

ОПЕЧАТКИ II-й ЧАСТИ.

стран.	*строк.*	*напечатано*	*читай.*
4	20	случилось	случалось
5	1	варвары,	варвары
19	16	считались	считалось
30	19	въ дальномъ	въ дальнемъ
57	2	своимъ спутникомъ	спутникомъ
61	10	сомнѣнія.	сомнѣнія,
79	9-10	Андріанополь	Адріанополь
99	21	и всѣми	всѣми
106	21	изучалъ	изучилъ
107	28	съ пашею?	съ пашею? добавилъ онъ.
117	26	на конѣ	на конѣ,
—	27	имъ	его
122	13	арабамъ.	арабамъ,
123	19	*иллягъ*	*иллягъ*
155	10	п,	и
—	25	онъ	онъ,
—	25-26	паши, то	паши и
162	12	представятся	представляются
168	2	передалъ	переламъ
172	13	евпропейскихъ	европейскихъ
177	28	пашн	наши

стран.	*строк.*	*напечатано*	*читай.*
184	16	маіора.	капитана.
191	20-21	у бедра, сакалъ-ага-сы	у бедра сакалъ-ага-сы,
199	10-11	отдѣляющей	отдѣлявшей
207	19	получающій	получавшій
210	18	комнатку.	комнату.
230	28	асс.	мѣдью.
250	30	путешествовалъ,	путешествовалъ
254	23-24	возможная;	не возможная;
263	14	принесли	перенесли
279	20	Ірусалима	Іерусалима
283	6	налеталъ	налетѣлъ
—	23	его	его съ
284	16	овчинные	овчинныя
290	24	уже	и уже
291	22	гдѣ	гдѣ они
297	23	токаго	такаго
300	19	въ послѣдней	въ
305	17	линіи	полосы
306	2	1836	1838
317	26	на 9-й день	на 6-й день
324	23	подложки	подложки ея
334	8	говорятъ,	говорятъ преданія,
338	23	съвы момъ	въ самомъ

